

В.Ф.Козлов

А.Г.Смирнова

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАЙЦЕВ

(1820—1908)

И МОСКВА

Центр краеведения, москвоведения и крымоведения
Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева
(Института Наследия)

В.Ф.КОЗЛОВ, А.Г.СМИРНОВА

**ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН (1820–1908)
И МОСКВА**

МОСКВА
ИЦ «Краеведение»
2025

УДК 929(470-25)+908
ББК 63.1стд1-81+26.891(2-2Москва)+79.0
К59

Рецензенты:

А.Ф.Грушина, канд. ист. наук, гл. редактор «Московского журнала. История государства Российского»
К.А.Смирнова, ст. научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Института Наследия

К59 Козлов В.Ф., Смирнова А.Г. Иван Егорович Забелин (1820–1908) и Москва / Институт Наследия, Центр краеведения, москвоведения и крымоведения. – М.: Институт Наследия; ИЦ «Краеведение», 2025. – 473 с.

ISBN 978-5-86443-530-4

Книга посвящена автору первой «Истории Москвы» И.Е.Забелину (1820–1908), выдающемуся ученому-историку, археологу, историографу Москвы, члену крупнейших московских научных обществ – Московского археологического общества и Общества истории и древностей Российских. Труды И.Е.Забелина, посвященные самым разным сюжетам истории Москвы: ее средневековому быту, исторической топографии, московским памятникам, отдельным событиям московской истории, написанные на основе обширных средневековых архивных источников, заложили основы современного москвоведения; они были популярны у современников и сохраняют свою оригинальность и научное значение для современных исследователей.

Биография И.Е.Забелина, становление его как ученого, историографа Москвы, крупного музейного и общественного деятеля рассматривается в книге на фоне жизни самой Москвы, в контексте ее исторического развития, ее научно-культурных традиций.

Книга будет полезна для специалистов: историков, москвоведов, музейных работников, а также для всех, кто интересуется прошлым Москвы, ее памятниками и биографиями выдающихся москвичей.

УДК 929(470-25)+908
ББК 63.1стд1-81+26.891(2-2Москва)+79.0

© В.Ф.Козлов, 2025
© А.Г.Смирнова, 2025
© ИЦ «Краеведение», 2025
© Институт Наследия, 2025

ISBN 978-5-86443-530-4

Предисловие

17 сентября 1820 г. в Твери в приходе Никольской церкви «что на Зверинце» родился И.Е.Забелин, ставший классиком отечественной исторической науки и, пожалуй, самым знаменитым историком Москвы. Он был выдающимся археологом и организатором музейного дела, известным архивистом, коллекционером, непревзойденным знатоком русского быта XVI–XVII вв. И.Е.Забелин – один из основателей и руководителей Российского Исторического музея (ныне Государственный Исторический музей – ГИМ) и автор первой фундаментальной (к сожалению, не оконченной) «Истории города Москвы».

Фигура И.Е.Забелина – особая в отечественной историографии и культуре. Хорошо знавший его известный историк, юрист и общественный деятель Б.Н.Чичерин писал в своих воспоминаниях: «Цельная, крепкая и здоровая русская натура, не обделанная внешним лоском, не обработанная европейским просвещением, но честная, прямая и симпатическая. Он выработал себе свой собственный простой и трезвый взгляд на вещи»¹.

Забелин своеобразен и совершенно не похож на своих не менее знаменитых коллег-историков. Наш современник, историк и общественный деятель С.О.Шмидт, изучавший биографию и наследие ученого, писал в начале 2000-х гг.: «...Он был гениальным самородком, не получившим вообще высшего образования и недостаточно осведомленным о зарубежных изданиях. Тем более поразительны его историческая интуиция, его методические прозрения. Это редчайший пример того, когда знаточество аккумулируется в глубокое научное знание»². Шмидт отмечал, что «История Москвы и москвичей оставалась главной темой творчества Забелина»³.

¹ Цит. по: Каргаполова Н.А. Предисловие // Забелин И.Е. Дневники и записные книжки. – М., 2001. – С.7.

² Шмидт С.О. Слово о Соловьеве и Забелине // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. – М., 2004. – С.391–392.

³ Шмидт С.О. Об И.Е.Забелине и этой книге // Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин. – М., 1984. – С. 5.

Действительно, вызывает удивление, как благодаря своему природному таланту, необычайному трудолюбию, воле, целеустремленности человек, выбившийся из самых низов, за плечами которого было только пять классов начального училища, стал в конце XIX в. почетным доктором истории Московского, Петербургского, Казанского университетов, членом-корреспондентом (а в начале XX в. и почетным членом) Императорской Академии Наук, председателем известнейшего Императорского Общества истории и древностей российских (ОИДР), почетным членом Императорского Московского археологического общества (МАО), фактическим руководителем главного в Российской империи Исторического музея. За свою долгую жизнь им было издано почти две с половиной сотни книг, статей, публикаций документов. Из них около трети работ напрямую связано с Москвой, посвящено московским памятникам и деятелям. Через десять лет после кончины ученого один из его биографов, ученый секретарь Исторического музея И.М.Тарабрин сказал так: «Весьма вероятно, никем другим не сделано так много для уяснения истории Москвы, как незабвенным ее историком Иваном Егоровичем Забелиным...»⁴.

Московская тема не только доминировала в долгой творческой жизни ученого, она была и самой любимой для него. Не случайно первые десять печатных работ Забелина в 1840-е гг. были посвящены именно Москве. В 1879 г. уже на 60-м году жизни, возвращаясь после долгого перерыва к этой теме и давая согласие взять на себя обязанности главного историографа Москвы, И.Е.Забелин писал: «Берусь за дело не из нужды, но по любви к предмету»⁵. Нельзя не согласиться с самым известным биографом ученого А.А.Формозовым, утверждавшим: «По своим привычкам, манере поведения, образу мыслей Забелин был типичным москвичом»⁶.

⁴ Тарабрин И.М. Работы И.Е.Забелина по истории Москвы // Забелин И.Е. История города Москвы. Неизданные труды. – М., 2003. – С.20.

⁵ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин. – М., 1984. – С.193.

⁶ Там же. – С.232.

Эта книга и представляет собой попытку взглянуть на Забелина как на москвича (не по рождению, но по своей судьбе и по складу), как на человека, посвятившего свою жизнь Москве, изучению ее истории и памятников и сохранению ее культурных богатств, то есть взглянуть на человека, своими трудами заложившего основы москвоведения, именно с москвоведческой точки зрения. Конечно, помимо освещения основной темы, не претендуя на исчерпывающую полноту, авторы все же старались, по мере возможностей, заполнить и ряд лакун, существующих в современной историографии относительно наших знаний о И.Е.Забелине-историке, археологе, общественном деятеле, о его семье, о некоторых периодах его жизни, и надеются, что эта книга поможет привлечь более пристальное внимание не только специалистов, но и широкой аудитории к личности и трудам одного из самых крупных, ярких и самобытных тружеников отечественной исторической науки, патриоту Москвы и Отечества Ивану Егоровичу Забелину, перед памятью которого мы, потомки, пока еще в очень большом долгу.

Предлагаемая книга насыщена цитатами из работ И.Е.Забелина и, особенно, из документов – его воспоминаний, дневников, записных книжек, писем и т.п. Столь обильное цитирование продиктовано единственно желанием дать возможность читателю «услышать» подлинный голос И.Е.Забелина, окунуться в его мысли, рассуждения, логические построения, почувствовать колорит и забелинского языка, и строя речи, которые сами по себе – часть его наследия, они оригинальны, образны, они – еще и отражение той эпохи, в которой жил и творил талантливый ученый-самородок И.Е.Забелин. «Звучат» со страниц книги и голоса известных современников Забелина, писавших о нем и о его произведениях. Тем более, что «язык эпохи» как историк, исследователь предпочитал и сам И.Е.Забелин, писавший: «...приводимые нами данные становятся несравненно яснее и

живее от присутствия той речи, которая служила некогда их живым выражением»⁷.

Книга написана на основе привлечения широкого историографического материала и целого комплекса документальных источников, опубликованных и хранящихся в архивах, а также на основе научного наследия И.Е.Забелина (обо всем этом будет сказано подробнее в специальной главе).

Структурно текст систематизирован по главам в хронологическом и тематическом порядке. Первая глава посвящена обзору историографии забелинской темы и источников, послуживших основой этого исследования. Глава носит оригинальный характер, потому что такой общий аналитический обзор по теме публикуется впервые. Последующие тринадцать глав дают представление об основных этапах биографии ученого, о его научно-общественной деятельности и ученых трудах, акцентируя внимание на москововедческой составляющей последних и в целом на московской жизни Забелина, а также об отношении современников к работам историка, о его прижизненном признании и о том, как сохраняли (или не сохраняли) память о нем последующие поколения.

В конце книги даны приложения: список москововедческих работ И.Е.Забелина, тексты отдельных его выступлений, речей и статей, имевшие оригинальный или программный характер, рецензии на некоторые его работы, биографические документы (в том числе, связанные с юбилеями ученого, а также некрологи), опубликованные в дореволюционной периодике, отдельные документы его личного архива и проч. Эти материалы дополняют текст монографии, иллюстрируют отдельные сюжеты, связанные с жизнью и научным творчеством историографа Москвы.

В конце приведен список рекомендованной литературы по теме.

⁷ Забелин И.Е. Характер начального образования в допетровское время. (Несколько замечаний о «Заметке для истории просвещения в России» г. Куприянова // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина / Изд. К.Солдатенкова. – Ч. 1. – М., 1872 – С. 62.

Текст сопровождают иллюстрации, позволяющие увидеть старую Москву времен И.Е.Забелина, те памятники, которым были посвящены его труды, изучением и сохранением которых он занимался, мемориальные места и здания (сохранившиеся и утраченные), которые составляют московскую топографию Забелина, а также портреты самого героя книги и тех людей, которые сыграли определенную роль в его жизни.

Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам ОПИ ГИМ, читального зала – Д.В.Юшко, Н.В.Белозеровой и другим, за неизменное доброе отношение и высокопрофессиональную помощь в процессе работы над документами архива. Также – слова благодарности старшему научному сотруднику Центра краеведения, москвоведения и крымоведения К.А.Смирновой за помощь в подготовке книги к печати.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ОБ И.Е.ЗАБЕЛИНЕ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЕГО ЖИЗНИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Чем больше мы сегодня осознаем уникальность судьбы и личности И.Е.Забелина, масштаб его научного творчества и значимость наследия для отечественной науки, тем более странным может показаться сравнительно малое число историографических работ о нем – работ, посвященных жизни и научному творчеству выдающегося историка, чьи труды заложили прочную основу современного москвоведения, благодаря кому в середине XIX в. русская историческая наука обогатилась совершенно новыми, оригинальными темами, связанными с изучением средневекового русского и московского быта, чей вклад в развитие отечественной археологии, в создание и становление главного в Российской империи национального Исторического музея трудно переоценить. Однако богатейшее научное наследие И.Е.Забелина и сама личность этого ученого-самородка действительно долгое время в советской историографии оставались почти вне поля зрения специалистов.

В дореволюционный период феномен Забелина привлекал внимание многих его современников: историков, археологов, журналистов, литераторов. Но в целом историография этого времени об И.Е.Забелине не столь обширна. В первую очередь, ее составляют рецензии и критические заметки на забелинские книги и статьи, написанные в 1840-х – начале 1900-х гг. Их достаточно много, и среди их авторов – известные историки, ученые,

общественные деятели: А.Ф.Вельтман, Д.А.Ровинский, П.И.Бартенев, М.П.Погодин, К.К.Герц, Ф.И.Буслаев, Н.И.Костомаров, А.Н.Пыпин, Д.И.Иловайский, Н.В.Калачов, С.Ф.Платонов, В.Н.Сторожев и др.⁸

Для нас наиболее интересны биографические статьи и заметки, опубликованные в годы юбилеев И.Е.Забелина, а также некрологи, вышедшие после смерти ученого в 1909–1912 гг., и публикации о нем в дореволюционных справочных и энциклопедических изданиях. Все это – особого рода материалы, которые могут быть охарактеризованы как историографические источники. Десятки их, разбросанные на страницах журналов, газет (в основном столичных), сборников, помимо чисто биографических ценных сведений, содержат и важную информацию о творчестве историка (оценки и осмысление его научного наследия), об истории исторической науки, археологии, музейного дела, историографии Москвы. Скажем об этих публикациях чуть подробнее.

При жизни И.Е.Забелина существовала традиция более или менее широко отмечать в научном сообществе юбилей его научной деятельности, и эти юбилей не только становились праздником московской науки, но и способствовали появлению статей, брошюр, посвященных юбиляру – историографического и биографического характера. Именно в связи с юбилеями (70-летьем Забелина и 50-летьем его научной деятельности) в 1890–1892 гг. в периодических изданиях (газетах, журналах, альманахах) появились первые статьи о нем биографического жанра.

Особенно широко отмечался юбилей 50-летия научной деятельности И.Е.Забелина в 1892 г. В печати появилось немало кратких и пространных статей, посвященных юбиляру. Они интересны и взглядом авторов на творчество ученого, и биографическими сведениями. Упомянем, среди прочих, статьи С.С.Трубачева в журнале «Исторический вестник»⁹,

⁸ См.: Иван Егорович Забелин: Библиограф. указатель / Сост. О.Ф.Бойкова. – М., 1988. – С. 49–54.

⁹ Трубачев С.С. Пятидесятилетие ученой деятельности И.Е.Забелина // Исторический вестник. – 1892. – № 6. – С.746–757.

П.И.Бартенева в журнале «Русский архив»¹⁰, В.Е.Якушкина в журнале «Русский художественный архив»¹¹ и др.

В 1894 г. в известном энциклопедическом издании Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона появилась написанная историком Н.П.Павловым-Сильванским большая статья о Забелине, в которой автор охарактеризовал его как «замечательного русского историка-археолога», и подчеркнул, что «В области истории внешнего быта и археологии древнейших времен труды его занимают первое место». Н.Павлов-Сильванский точно подметил и важнейшую особенность творчества ученого: «Характерная черта его – это вера в самобытные творческие силы русского народа и любовь к низшему классу, "крепкому и здоровому нравственно, народу-сироте, народу-кормильцу". Глубокое знакомство со стариной и любовь к ней отражаются в языке Забелина, выразительном и оригинальном, с архаическим, народным оттенком»¹².

Конечно, значительный комплекс публикаций об И.Е.Забелине появился в связи с его смертью в самом конце 1908 г., вызвавшей широкий общественно-научный резонанс. В последний день 1908 г. и в самом начале 1909 г. на кончину историка-старца отозвались практически все московские, а также многие петербургские газеты: «Раннее утро», «Московский листок», «Русская земля», «Столичная молва», «Новости дня», «Русские ведомости», «Нива», «Вече» и др.¹³, на их страницах появились безымянные некрологи И.Е.Забелина. В многочисленных статьях, посвященных памяти Забелина, в речах, произнесенных на заседаниях ученых обществ в память о почившем сочлене, в некрологах, опубликованных от лица многих организаций, ученых обществ, были собраны сведения о жизни и научном творчестве

¹⁰ Бартенев П. Иван Егорович Забелин // Русский архив. – 1892. – № 12. – С.479.

¹¹ Якушкин В. Иван Егорович Забелин (Биографический очерк) // Русский художественный архив. – 1892. – Вып. 3. – С. 136–140.

¹² Павлов-Сильванский Н. Забелин (Иван Егорович) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – Т. XII. – СПб., 1894. – С. 93–94.

¹³ Соответствующие номера этих и других периодических изданий со статьями об И.Е.Забелине хранятся в личном фонде историка и составляют отдельные дела (См.: Отдел письменных источников (ОПИ) ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1005, 1010 и др.).

И.Е.Забелина, о его важнейших трудах, книгах, об общественной деятельности¹⁴ и т.д.

Все эти юбилейные и посмертные материалы, рассеянные по разным периодическим и продолжающимся изданиям, чрезвычайно важны для изучения жизни и творчества И.Е.Забелина, и задача его биографов – выявить их и издать в виде отдельного сборника.

В 1910-е гг. публикация работ, посвященных И.Е.Забелину, продолжилась. Отметим его биографический очерк в небольшом сборнике «Русские самородки в жизнеописаниях и изображениях» (1910 г.)¹⁵. Хотя, очерк носит скорее популярно-назидательный характер (изданный Училищным Советом при Св. Синоде, он предназначался для образовательных и воспитательных целей) – в нем подчеркнуто происхождение Забелина из народа, делается акцент на бедность семьи и трудности, с которыми будущий историк пробивал себе дорогу в науку, благодаря труду, настойчивости и дарованию, но все же здесь приведены и основные биографические сведения, и названы важнейшие ученые труды Забелина, а также отмечен его выдающийся вклад в основание и развитие Исторического музея, упомянуты его научные награды и юбилейные торжества.

Особо стоит сказать о комплексе биографических материалов Забелина¹⁶, включенных в сборник «Отчет Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за первое XXV-летие его

¹⁴ См., например: *Анучин Д. И.Е.Забелин // Этнографическое обозрение. 1908. – № 4 – 1909. – С. 197–201; Он же. И.Е.Забелин как археолог в первую половину пего научной деятельности (1842–1876): Речь... // Древности. Труды Московского археологического общества. – Т. 22. – Вып. 2. – М., 1909. – С. 29–70; Ардашев Н.Н. И.Е.Забелин как теоретик археологии // Там же. – С. 71–218; Барсов Е.В. Памяти Ивана Егоровича Забелина: Речь, произнесенная на чрезвычайном заседании Общества истории и древностей Российских 22 января 1909 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). – 1909. – Кн. 1. – С. 9–12; Иловайский Д.И. Памяти Ивана Егоровича Забелина: Речь, произнесенная на чрезвычайном заседании ОИДР 22 января 1909 г. // Там же. – С. 5–8; Кизеветтер А.А. Памяти И.Е.Забелина // Русская мысль. – 1909. – Кн. 1. – Отд. 2. – С. 119–230; Лаппо-Данилевский А.С. И.Е.Забелин // Известия Академии наук. – Сер. 6. – 1909. – № 2. – С. 123–128; В.В. Некролог. И.Е.Забелин // Старые годы. – 1909. – № 2. – С. 100–101; Пресняков А. Памяти Ивана Егоровича Забелина // Вестник Европы. – 1909. – Кн. 2. – С. 805–811 и др.*

¹⁵ Иван Егорович Забелин, исследователь древностей и историк (1820–1908) // Русские самородки в жизнеописаниях и изображениях. – Вып. 1. – СПб., 1910. – С. 15–30.

¹⁶ В сборнике они объединены в раздел «Памяти Ивана Егоровича Забелина».

существования (1883–1908 годы)» (1916 г.)¹⁷. В первую очередь, для нас важна помещенная здесь статья В.Н.Щепкина «Забелин как историк русского искусства»¹⁸ – это речь, читанная 10 февраля 1909 г. на заседании МАО в память о нем. Эту статью высоко оценила дочь И.Е.Забелина, хранительница его наследия и памяти, Мария Ивановна, она писала в письме В.Н.Щепкину, благодаря за присланную ей «бесподобную» статью: «Сквозь слезы умиления любовалась на глубокое чувство любви и уважения к моему отцу, разлитое во всей Вашей характеристике...»¹⁹.

Едва ли не каждый год приносил новые публикации работ о Забелине, большинство из них написаны известными историками.

В 1912 г. в «Русской мысли» была напечатана довольно объемная работа В.Г.Сахновского (известного театрального деятеля) «И.Е.Забелин. Опыт характеристики его исторических трудов»²⁰. Автор писал: «Историческое творчество Забелина поражает причудливым соединением точного, до осязаемости конкретного материала, на основании которого Забелин строит свои разыскания, с отвлеченной мыслью, исканием стиля эпох, стихий народной жизни... Задача Забелина – построить при помощи исторического синтеза и археологических изысканий с большой долей этнологии целое историческое жизнеописание»²¹. В.Г.Сахновский анализирует произведения И.Е.Забелина с точки зрения его «приемов и манеры писать», по существу, разбирает творческий метод историка и отмечает его самобытность: «...Именно потому, что темны были времена той истории, к которой особенно любовно обращал свой взгляд Забелин, приходилось, чтобы подойти к ней, обращаться к материальным памятникам быта, по-видимому, очень далеким от искусства. Проникая непосредственно

¹⁷ Отчет Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за первое XXV-летие его существования (1883–1908 годы). – М., 1916. – С. 35–48; раздел сборника «Памяти Ивана Егоровича Забелина» еще до выхода в свет «Отчета...» был издан в 1911 г. отдельным оттиском.

¹⁸ Щепкин В.Н. Забелин как историк русского искусства // Памяти Ивана Егоровича Забелина. – М., 1911. – С. 19–32.

¹⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1015. – Л. 123–124.

²⁰ Сахновский В.Г. И.Е.Забелин: Опыт характеристики его исторических трудов. – [Б.м.], 1912. – 24 с. (оттиск из: Русская мысль. – Кн. 5. – 1912. – С. 103–126.).

²¹ Сахновский В.Г. Указ. соч. // Русская мысль. – Кн. 5. – 1912. – С. 103.

в народную массу, стараясь по всяким свидетельствам узнать народную психологию, Забелин искал в ней объяснения традиций русской жизни, старался уловить навыки в отношении к таким исконным вещам, как всякий мужицкий труд и всякий мужицкий обиход, который тянется все в одной форме, как мужицкая клеть и изба, от времен новгородского Рюрика. Он вводит изучающего старину и во все подробности хозяйства и дома, добытые его предварительными исследованиями, подымается и на красное крыльцо, и на постельное крыльцо; приходит и в моленную, и на курятный двор, и в мыленку, и в те урочища и городища, которые видит и в Кунцове, и за селом Тушиным, и у Андроньева монастыря, и на самом уступе Боровицкого холма. Ищет в самом характере местности прежнего отношения к этим загадочным и глухим местам древнейшего расселения...»²². Взгляд В.Г.Сахновского на научное наследие И.Е.Забелина, на творческую лабораторию ученого представляется нам весьма интересным и в значительной степени оригинальным.

В 1913 г. отметим еще одну историографическую работу – она не посвящена напрямую И.Е.Забелину, но в ней не только упоминаются его труды, связанные с Москвой, но и дается им высокая оценка. Речь идет о предисловии к учебнику известного церковного историка, москвоведа протоиерея Н.А.Скворцова «Археология и топография Москвы», где говорится: «Целый ряд обработанных статей, касающихся московских древностей, дал незабвенный ученый археолог и историк Москвы И.Е.Забелин»²³. В предисловии также отмечена ценность ряда археологических статей Забелина, и особое внимание уделяется «главному труду» – «Материалам для истории, археологии и статистики города Москвы» (два фундаментальных тома вышли соответственно в 1884 и 1891 гг.). По мнению Н.А.Скворцова, «Значение изданных под редакцией

²² Сахновский В.Г. Указ. соч. – С. 109.

²³ Скворцов Н.А., *прот.* Предисловие // Скворцов Н.А., *прот.* Археология и топография Москвы: Курс лекций, читанных в Императорском Московском Археологическом институте имени Императора Николая II-го в 1912–13 году. – М., 1913. – С. 25.

И.Е.Забелина "Материалов" громадное: работы по истории и археологии московских церквей прямо невозможны, многие другие работы по археологии Москвы также не могут обойтись без них»²⁴. Интересно, что в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в фонде Н.А.Скворцова хранится неопубликованный текст его лекции, посвященной И.Е.Забелину, – это очень ценный историографический материал, и мы в двух словах его охарактеризуем. Н.А.Скворцов был одним из первых, кто проанализировал и оценил вклад И.Е.Забелина именно в изучение истории Москвы – лекцию о Забелине он прочитал студентам Московского Археологического института практически сразу после кончины Ивана Егоровича: в феврале 1909 г., лекция носила название «И.Е.Забелин как историк Москвы»²⁵. Скворцов относит Забелина «...к числу лиц, дороживших русскою стариною, любивших Русь самобытную и Москву как особый своеобразный город... В его воззрениях отразились народные, литературные и славянофильские идеи о России и сердце ее – Москве»²⁶. Так же, как позднее в упомянутом предисловии к курсу лекций по археологии и топографии Москвы, в лекции Н.А.Скворцов указал на громадный вклад Забелина в изучение Москвы и подробно проанализировал его труды, особенно фундаментальные «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы» и «Историю города Москвы».

В 1913–1915 гг. появились статьи в крупнейших энциклопедических и справочных изданиях. В 1913 г. в 20-й том «Энциклопедического словаря» братьев Гранат вошла статья А.А.Кизеветтера. В ней довольно подробно (в масштабах энциклопедической статьи) рассматривается научная деятельность И.Е.Забелина, о которой Кизеветтер пишет: «В общей совокупности своей научная деятельность З. представила выдающееся явление, и по внутреннему содержанию, и по внешним условиям своего

²⁴ Скворцов Н.А., *прот.* Предисловие... – С. 27.

²⁵ ОР РГБ. – Ф. 275. – К. 14. – Д. 3. – Л. 1–20.

²⁶ Там же. – Л. 10б.

развития. Собственными силами превратив для себя должность канцелярского служащего в подготовку к научной работе, и став первоклассным ученым, З., русский до мозга костей, походил скорее на немецкого, нежели на русского ученого неиссякаемостью научной производительности. Капитальный труд по истории московского Кремля он выпустил уже на 82 году жизни, и, тем не менее, этот труд отмечен всей свежестью научных сил и литературного таланта»²⁷.

В 1914 г. в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона вновь была опубликована статья авторства Н.П.Павлова-Сильванского (†1908), обработанная и дополненная сотрудником редакции словаря А.К.Елачиным²⁸. По сравнению со статьей 1894 г. сюда введена новая информация о трудах И.Е.Забелина конца XIX – начала XX в., в том числе об «Истории города Москвы»; расширен перечень трудов об И.Е.Забелине и его работах; приводятся сведения о его юбилеях. Как и в статье 1894 г. оцениваются значимость и самобытность научного творчества И.Е.Забелина.

1915 г. был отмечен юбилейными торжествами МАО (50-летие деятельности), в связи с этим увидел свет сборник «Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.)». Издан был только второй том, содержащий биографический словарь членов общества, но он-то для нас и интересен статьей об Иване Егоровиче²⁹, здесь же помещен его портрет. В этом сравнительно небольшом по объему материале даются сведения и биографические, и о трудах Забелина, причем об особенностях научных подходов историка говорится следующее: «...Для Забелина археология совпадает с бытовой историей. И это воззрение И.Е. проводит не только в своих крупных трудах, но и во всех мелких статьях...». В статье

²⁷ Кизеветтер А.А. Забелин (Иван Егорович) // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». – 7-е соверш. перераб. изд. – Т. 20: Екатеринбургский уезд–Звонки. – М., 1913. – Ст. 378–382.

²⁸ Павлов-Сильванский Н. † (Ел-ч А.) Забелин (Иван Егорович) // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – Т. XVIIIА. – СПб., 1914. – Ст. 49–51.

²⁹ Забелин (Иван Егорович) // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. гр. П.С.Уваровой и И.Н.Бороздина. – Т. II. – М., 1915. – С. 123–124.

акцентируется внимание на деятельности И.Е.Забелина в МАО: «И.Е., состоя в самых тесных и дружественных отношениях с гр. А.С.Уваровым, относился весьма сочувственно и усердно к деятельности и Императорского Московского Археологического общества и принимал особое участие в трудах Комиссии Общества по сохранению Древних Памятников»³⁰.

Как показало время, эта статья была последним аккордом в деле заслуженного прославления великого историографа Москвы и изучения его научного наследия перед долгим периодом, если не полного забвения, то, во всяком случае, полного отсутствия должного интереса к его личности.

После двух революций 1917 г., сломавших государственный строй России и разрушивших вековые связи страны с ее национальными корнями и национальным наследием, имя Забелина на многие десятилетия было практически вычеркнуто из отечественной историографии. Более того, даже в 1950-е гг. И.Е.Забелина представляли как «археолога и историка реакционного, великодержавного шовинистического направления»³¹. В 1990 г., размышляя о судьбе выдающегося русского историка, директор ГИМ К.Г.Левыкин верно заметил: «Жизнь устроена странно: выдающиеся личности, как правило, получают подлинную оценку своего таланта лишь в грядущих поколениях. С Иваном Егоровичем Забелиным все вышло наоборот: его современники восхищались и преклонялись перед ним, потомки же смотрели с недоверием, а порой и с откровенной ненавистью и неприязнью, так и не сумев понять то большое и бесценное, что он оставил им...»³². Труды И.Е.Забелина не издавались с 1918 г. по конец 1980-х гг. (!) Публично лишь московские краеведы на заседании общества (секции)

³⁰ Забелин (Иван Егорович) // Императорское Московское... – С. 124.

³¹ Цит. по: *Формозов А.А.* Историк Москвы и русского быта – И.Е.Забелин // Иван Егорович Забелин: Библиограф. указатель... – С. 9.

³² *Левыкин К.Г.* Иван Егорович Забелин: прошлое и настоящее // И.Е.Забелин. 170 лет со дня рождения: Мат-лы научных чтений ГИМ. 29–31 октября 1990 года. – Ч. 1 // Труды ГИМ. – Вып. 81. – М., 1992. – С. 13.

«Старая Москва»³³, посвященном 20-летию кончины историка (17 января 1929 г.), отдали ему дань памяти. Прозвучавшие тогда выступления хорошо знавших Ивана Егоровича И.М.Тарабрина о научных трудах И.Е.Забелина и М.Н.Сперанского (воспоминания об И.Е.Забелине), содержавшие новые сведения о творческой деятельности ученого, были опубликованы только через много десятилетий³⁴.

В годы Великой Отечественной войны, когда власти сочли необходимым вспомнить о национальных корнях страны, когда появилась возможность вспомнить также и находящихся в забвении русских ученых-патриотов, вновь прозвучало имя И.Е.Забелина. В 1943 г. – в год перелома в войне, в одном из ведущих исторических журналов была опубликована статья известного краеведа и педагога Е.А.Звягинцева о Забелине³⁵, кстати, обратим внимание, что после столь долгого перерыва именно краевед вновь обратился к забелинскому наследию. Из всей ранней (и малочисленной) историографии, касавшейся творчества И.Е.Забелина, статья Е.А.Звягинцева, пожалуй, наиболее полно и объективно (насколько это было возможно, не нарушая общих идеологических установок, господствовавших в то время в науке, как и вообще в государстве) представила значение научного наследия ученого. Помимо мелких упреков в отсутствии у Забелина должного интереса к вопросам экономики, к социальным процессам и тому подобному, есть в статье и такой вывод: «Нас не могут полностью удовлетворить его работы не только потому, что они не охватывают прошлого всей Москвы и за все периоды ее существования. По самому состоянию исторической мысли в то время он не в силах был написать историю города, которая отвечала бы

³³ Комиссия по изучению Старой Москвы («Старая Москва») была создана в структуре МАО его председателем графиней П.С.Уваровой в декабре 1909 г. – спустя год после кончины И.Е.Забелина, одного из старейших членов МАО; после ликвидации МАО в 1923 г. «Старая Москва» сохранилась и действовала как секция сначала при Историческом музее, затем в структуре Общества изучения Московской губернии.

³⁴ Воспоминания М.Н.Сперанского о И.Е.Забелине / Публ. С.Б.Филимонова // Археографический ежегодник (АЕ) за 1976 г. – М., 1977. – С. 272–278; Тарабрин И.М. Работы И.Е.Забелина по истории Москвы // И.Е.Забелин. История города Москвы: Неизданные труды. – М., 2003. – С. 20–28.

³⁵ Звягинцев Е.А. Историограф великого города – И.Е.Забелин (1820–1908) // Исторический журнал. – 1943. – Кн. 3–4. – С. 61–67.

строгим научным требованиям»³⁶. Но критика, вообще, дана очень дозировано. При этом Е.А.Звягинцев вычленил и высоко оценил важнейшие труды историка, показал их самобытность и научное значение и впервые, пожалуй, сделал особый акцент на большие и малые работы Забелина по московской тематике, указал на его роль в развитии москвоведения: «...Работы Забелина по истории Москвы... заставляют признать, что Забелиным положено солидное начало для москвоведения»³⁷, «...им подняты огромные пласты архивной целины, им даны правильные установки по ряду важных частных вопросов истории Москвы и написаны замечательные ее "описания", "обозрения" и "повествования", овеянные горячим чувством патриотизма»³⁸.

Через два года впервые в советской истории ГИМ (ноябрь 1945 г.) было проведено заседание Ученого совета, посвященное 125-летию со дня рождения И.Е.Забелина; с докладами выступили историк исторической науки Н.Л.Рубинштейн («Исторические труды Ивана Егоровича Забелина») и археолог А.В.Арциховский («Иван Егорович Забелин и русская археология»). Изложение этих докладов было дано в статье Н.Л.Рубинштейна «Научные конференции в Государственном Историческом музее» (опубликованной в 1946 г. в «Вопросах истории» в № 7 (С. 152–155). Интересно, что Н.Л.Рубинштейн в целом указал на значение трудов И.Е.Забелина как «выдающегося русского археолога и историка» и «вопреки утвердившемуся неверному представлению о Забелине только как о самоучке-практике, ушедшем в описание и любование старинным бытом,... показал, что в творчестве Забелина сказались напряженные теоретические искания 40–50-х и 60-х годов [XIX в.]». Важно, что в своих изысканиях Н.Л.Рубинштейн ссылаясь не только на труды И.Е.Забелина, но и на дневники, хранящиеся в архиве ГИМ. При этом, конечно, автор доклада не мог выйти за рамки

³⁶ Звягинцев Е.А. Указ. соч. – С. 67.

³⁷ Там же. – С. 66.

³⁸ Там же. – С. 67.

господствующих концептуальных подходов, обусловленных общими идеологическими установками советской исторической науки того времени. Поэтому, воздав должное Забелину за связь с «передовыми кружками 40–50-х гг.», за его тяготение, по мнению автора, более к западническому направлению, за попытки «найти собственный путь в решении вопроса об отношении частного к общему, личности – к народу, археологии – к истории», за обращение в период расцвета его творчества (1860–1870-е гг.) к «материальным основам исторической жизни», к материальной культуре как таковой, за «рост демократических тенденций», докладчик в целом негативно оценил последующее научное творчество И.Е.Забелина. По его мнению, «фактически он не нашел пути от частного к общему, от личности к народу», а с 1880-х гг. начался третий период деятельности историка, характеризующийся, как считает Н.Л.Рубинштейн, внутренним кризисом его научной деятельности, когда он «отказывается от больших синтетических задач», от решения теоретических и методологических проблем и «ограничивается (! – *авт.*) конкретной темой истории Москвы», собиранием памятников и организацией музея. По мнению докладчика, это – время «кризиса общественно-политических взглядов Забелина, сближавшихся с передовыми, демократическими течениями в 50–60-х годах и резко отсталых и реакционных в начале XX в.». Однако все же нужно подчеркнуть и общий пафос этого выступления, заключавшийся в признании ценности научного наследия И.Е.Забелина и в призыве уделить серьезное внимание изучению этого наследия.

А.В.Арциховский в своем выступлении указал на заслуги И.Е.Забелина и выделил три периода в его деятельности как археолога: в первый период, когда Забелин выступал как археолог-историк материальной культуры, связан с московским Кремлем; второй период соотносится с археологическими раскопками на юге России, причем, по словам А.В.Арциховского, Забелину «...пришлось заново создавать методику раскопок больших курганов, которая была до него у нас и на Западе довольно

примитивна. Он установил много приемов, сохранивших донныне свое значение...», и этот период отмечен уникальными находками; третий период полностью связан с темой Московской Руси, когда ученому удалось многое сделать для утверждения самобытности древнерусского искусства, зодчества, в своих москвоведческих работах Забелин по-прежнему уделял внимание археологии и дал важные сведения о русских городищах, о курганных находках в Кремле, одновременно, почти четверть века возглавляя Исторический музей, Забелин собирал «древности всех эпох» по «строгo научному плану», способствовал комплектованию музея многими «государственными и частными коллекциями». Печатная статья А.В.Арциховского той же тематики в 1948 г. появилась на страницах сборника, изданного НИИ краеведческой и музейной работы³⁹. А, вот в связи с Н.Л.Рубинштейном, забегаая вперед, скажем, что его публикация биографических материалов о Забелине увидела свет лишь в 1965 г.⁴⁰

Отметим еще один очень интересный материал, сохранившийся лишь в рукописи и не введенный до сих пор в научный оборот. Он принадлежит авторству известного археолога А.С.Башкирова и был обнаружен нами в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)⁴¹. Это текст биографической статьи о Забелине, датированной 1945 г. и приуроченной к 125-летию со дня рождения историка. Интересно, что отложился этот документ в фонде НИИ культуры (в тот период – НИИ краеведческой и музейной работы, являвшийся предшественником НИИ культуры и нынешнего Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева). Проф. А.С.Башкиров был сотрудником археологической секции НИИ краеведческой и музейной работы, которая в 1945 г. организовала заседание, посвященное 125-летию со дня рождения

³⁹ *Арциховский А.В.* Забелин – археолог // Историко-археологический сб. / Комитет по делам культурно-просветит. учрежд. при Совете Министров РСФСР; Науч.-исслед. ин-т краеведческой и музейной работы; под ред. А.П.Смирнова. – М., 1948. – С. 5–11.

⁴⁰ *Рубинштейн Н.Л.* Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность (1820–1908) // История СССР. – 1965. – № 1. – С. 51–74.

⁴¹ *Башкиров А.С.* Памяти историка и археолога И.Е.Забелина (к 125-летию со дня рождения). 1820–1945 // ГАРФ. – Ф. 1001 НИИ культуры. – Оп. 4. – Д. 226. – Л. 1–23 (рукопись), 24–31 (машинопись).

И.Е.Забелина. Тогда А.С.Башкиров и выступил с докладом об историке⁴². По каким-то причинам статья не попала в сборник 1948 г. и осталась неопубликованной, хотя к публикации явно готовилась (в архиве, помимо чернового рукописного варианта, отложился чистый машинописный текст). Работа эта весьма ценна и оригинальна в контексте того времени, когда была написана. По словам Башкирова, Забелин «...вошел в науку талантливый и сметливый, обладающий могучей "нравственно-беспримерной силой"»⁴³. Автор статьи отметил главные черты Забелина-историка: тщательную аналитическую работу с источниками, «педантичную добросовестность» по отношению к документу, его «честную интерпретацию». В статье также подчеркивается, что как ученый Забелин соединил в своем творчестве историю и археологию, Башкиров – едва ли не единственный, кто отметил участие И.Е.Забелина в Археологических съездах МАО и значимость его выступлений. Автор также уделил особое внимание вкладу Забелина в создание и развитие Исторического музея и его работе по изучению Москвы и написанию истории города, резюмировав свою статью такими словами: «Иван Егорович Забелин был подлинный историк своего народа, поднявший к дальнейшим исследованиям колоссальный материал для исторического познания русского народа»⁴⁴.

Несмотря на этот недолгий прорыв в отношении памяти об И.Е.Забелине, в послевоенный период вновь наступает темная полоса, и надолго. Исключение составляют уже упомянутый сборник 1948 г., небольшие статьи о Забелине в энциклопедических изданиях, отдельные и очень краткие упоминания его в общих исторических трудах, первые обращения к сохранившимся архивам и коллекциям ученого в рамках изучения самых разных тем, не связанных персонально с его именем (да и этих публикаций наберется едва ли более десяти до середины 1960-х гг.).

⁴² Тихомирова В.А. Краткий обзор докладов, заслушанных археологической секцией Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы // Историко-археологический сб. ... – С. 219.

⁴³ Башкиров А.С. Памяти историка и археолога И.Е.Забелина... – Л. 24.

⁴⁴ Там же. – Л. 31.

Например, в «Советской исторической энциклопедии» статья о Забелине занимает меньше одного страничного столбца — она написана Н.Л.Рубинштейном⁴⁵. В духе времени здесь отмечены передовые взгляды И.Е.Забелина в 1840–1850-е гг., поскольку в этот период его мировоззрение развивалось «под влиянием передовой русской мысли», «поворот к позитивизму» и «поиски материальной базы исторического развития» (!), которые подкреплялись его работой на археологических раскопках; в отношении последнего периода жизни сказано, что Забелин «перешел с либеральных позиций на реакционные». Наиболее значимые статьи и фундаментальные работы историка перечислены через запятую в качестве «частичной реализации» задуманной им единой «широкой программы по изучению истории быта русского народа» (сюда же отнесена и «История города Москвы»); «ценной документальной публикацией» названы «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы». Однако Н.Л.Рубинштейн все же не отказывает И.Е.Забелину в признании его заслуг и как «крупного археолога», и как московеда: «Труды З., богатые фактическим материалом, внесли крупный вклад в разработку истории материальной культуры, быта, археологии и истории Москвы»⁴⁶.

С 1970-х — 1980-х гг. тема Забелина-историка постепенно начала привлекать все большее внимание историков и педагогов. Увидели свет работы Н.Л.Рубинштейна: помимо уже упомянутой публикации его статьи в 1965 г., в 1970 г. появилась большая статья «Иван Егорович Забелин — историк Москвы»⁴⁷.

Значительный вклад в изучение биографии и творчества И.Е.Забелина внесли проф. МГИАИ, историк С.О.Шмидт и работавшие под его руководством ученики-дипломники: С.П.Бутько, С.Б.Филимонов и А.Л.Тузов. Ими в 1970-е — начале 1980-х гг. были опубликованы документы,

⁴⁵ Рубинштейн Н.Л. Забелин (Иван Егорович) // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М.Жуков. — Т. 5. — М., 1964. — Ст. 582–583.

⁴⁶ Там же. — Ст. 583.

⁴⁷ Рубинштейн Н.Л. Иван Егорович Забелин — историк Москвы // Ежегодник ГИМ 1965–1966. — М., 1970. — С. 131–149. Это посмертная публикация статьи, Н.Л.Рубинштейн скончался в 1963 г.

воспоминания, обзоры, проливающие свет на ранее неизвестные страницы жизни И.Е.Забелина⁴⁸.

С начала 1980-х гг. биографом Забелина стал историк археологии А.А.Формозов⁴⁹. Тщательно изучив первоисточники в личном фонде Ивана Егоровича, он ввел в научный оборот ряд документов, а, главное, написал книгу «Историк Москвы И.Е.Забелин»⁵⁰ (1984 г.). Это была первая подробная биография ученого. Сам Формозов вспоминал позже: «Она (книга – *авт.*) проходила не без труда – некоторые редакторы сомневались, уместно ли издательству МГК партии пропагандировать историка-монархиста, в тексте были сделаны купюры»⁵¹. Изданию этой книги активно содействовал проф. С.О.Шмидт, ставший ее рецензентом и написавший к ней яркое предисловие, где указал на достоинства биографического исследования. Так, Шмидт отметил: «Книга А.А.Формозова – первый, обобщающего типа труд, специально посвященный исследованию всей долгой жизни Забелина и всех сторон его творчества... результат изучения всего богатого печатного наследия Забелина и материалов его огромного архива... В книге вводится в научный обиход много ценных архивных данных, в том числе неизвестные ранее записи Забелина о прославленном профессоре Московского университета Грановском, о знаменитых людях, с которыми встречался Забелин, о научных начинаниях, участником которых он был, о событиях, свидетелем и современником которых являлся»⁵².

В значительной степени основанная на хранящихся в фонде И.Е.Забелина первоисточниках, книга А.А.Формозова вновь привлекла внимание современников к фигуре Забелина, вызвала интерес и к его

⁴⁸ Бутько С.П. Дневниковые записи И.Е.Забелина // Источниковедение историографии: Мат-лы науч. студенч. конф. – Вып. 2. – М., 1970. – С. 40–44; Воспоминания М.Н.Сперанского о И.Е.Забелине / Публ. С.Б.Филимонова...; Тузов А.А. Архивные материалы о И.Е.Забелине // АЕ за 1982 год. – М., 1983. – С. 195–198.

⁴⁹ См., например: Формозов А.А. Молодой Забелин // Куранты: Альманах. – М., 1983. – С. 221–232; Он же. Эпизоды из жизни историка Забелина // Московский журнал. История государства Российского. – 1993. – № 11. – С. 59–61.

⁵⁰ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин / Вступ. ст. С.О.Шмидта. – М., 1984. – 239 с.

⁵¹ Формозов А.А. Историк Москвы и русского быта – И.Е.Забелин... – С. 10.

⁵² Шмидт С.О. Об И.Е.Забелине и этой книге // Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С. 6.

биографии, и к истории Москвы. Сам А.А.Формозов продолжал публикацию статей и материалов по забелинской теме. Так, библиографический указатель работ, посвященных И.Е.Забелину (1988 г.), предваряет его большая оригинальная статья «Историк Москвы и русского быта – И.Е.Забелин»⁵³, в какой-то мере дополняющая книгу 1984 г.

Забегая немного вперед, также отметим, что в изданном фактически как репринт в 2001 г. издательством «Языки русской культуры» (ныне Издательский дом «Языки славянских культур») труде И.Е.Забелина «Домашний быт русского народа», во втором томе «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» в конце после забелинского текста помещен названный «очерком» полный текст книги А.А.Формозова «Историк Москвы И.Е.Забелин», но под другим заглавием «Иван Егорович Забелин: очерк жизни и творчества»⁵⁴. В издательском предисловии заявлено, что эта биография И.Е.Забелина «представляет собой значительно расширенный вариант» книги А.А.Формозова «"История Москвы" И.Е.Забелина» 1984 г. (?!); «Большой аппарат ссылок на литературу и архивные документы, опущенный в первом издании, приводится здесь полностью. Восстановлены и цензурные купюры»⁵⁵. В самом «Очерке» А.А.Формозов никак не поясняет причины появления этой публикации, не упоминает и свою книгу 1984 г. По существу же, вопреки аннотации издательства (сославшегося на издание 1984 г. под никогда не существовавшим названием) – это и есть текст 1984 г., сохраненный почти полностью (не изменена и структура), и совсем не «значительно расширенный», а именно с незначительными по числу и объему дополнениями, касающимися некоторых новых историографических работ о Забелине, вышедших в 1990-е гг., отдельных эпизодов биографии Ивана Егоровича (например, взаимоотношений И.Е.Забелина и драматурга Н.А.Островского; деятельности Забелина как руководителя Исторического

⁵³ Формозов А.А. Историк Москвы и русского быта – И.Е.Забелин... – С. 8–19.

⁵⁴ Формозов А.А. Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчеств // Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. – Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. – М., 2001. – С. 569–772.

⁵⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. – Т. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – М., 2001. – С. [I].

музея по воспоминаниям А.И.Станкевича, о его консультациях как историка для театральных постановок); также в нескольких местах текста более пространно цитируются источники и дается более подробный анализ книги Забелина «Минин и Пожарский. "Прямые" и "кривые" в Смутное время». В отличие от текста 1984 г., где А.А.Формозов дал ссылки только на архивные документы, здесь есть ссылки и на опубликованные источники и литературу. Остается сожалеть, что издатели столь небрежно обошлись с работой А.А.Формозова: фактически переиздав полноценную книгу 1984 г., во-первых, низвели ее до «очерка», во-вторых замаскировали идентичный текст (пусть даже с маленькими авторскими дополнениями), дав ему совершенно другое название и, в-третьих, вообще надежно спрятали, «запечатали» эту работу в многотомное переиздание забелинского труда, даже не поместив ее в начало первого тома – наличие в книге «Очерка» обозначено лишь на титульном листе второго тома и в аннотации к нему; и в оглавлении этого тома «Очерка» читатель не найдет, ведь оглавление дано к труду Забелина, о формозовской работе можно узнать лишь на 569-й странице, а оглавление к ней увидеть на стр. 571. Не случайно, видимо, в современной литературе практически совсем отсутствуют ссылки на это переиздание.

Значительным событием в «забелиноведении» конца 1980-х гг. стал выход скромной по полиграфии книжечки – библиографического указателя «Иван Егорович Забелин», приуроченной к 80-летию со дня его кончины и содержащей 353 библиографические записи⁵⁶ (со статьей А.А.Формозова).

В тот же период в конце 1980-х гг., появилась статья, посвященная библиотечному собранию И.Е.Забелина⁵⁷.

На рубеже 1980–1990-х гг. в общественно-политической жизни страны произошли коренные изменения, решительным образом сказавшиеся и на отношении к наследию имперской России и национальным традициям. После

⁵⁶ Иван Егорович Забелин: Библиогр. указ. / Сост. О.Бойкова, авт. вступ. ст. А.А.Формозов. – М., 1988. – 72 с.

⁵⁷ Панова Н.К. Библиотека И.Е.Забелина // Сокровищница книги: Юбилейный сб. научных трудов. – М., 1987. – Ч. 1. – С. 56–64

многих десятилетий забвения вдруг как по команде стали одна за другой появляться печатные работы, проводиться конференции и чтения, посвященные И.Е.Забелину, публиковаться его сочинения. Патриот, самобытный историк и музейный деятель Забелин стал необычайно востребованным в официальной историографии и России, и Москвы, в музейной отрасли.

Пожалуй, самые яркие биографические статьи о нем на рубеже 1980–1990-х гг. вышли из-под пера историка А.Н.Сахарова, бывшего в те годы заместителем директора по научной работе Института истории СССР АН СССР (с 1993 по 2010 г. – директор Института). А.Н.Сахаров показал, как в советскую эпоху официальная наука боролась с наследием историка: «В советской исторической науке было создано идеологизированное клише об историке как о буржуазном ученом консервативного направления, как о чуть ли не великодержавном шовинисте. Имя Забелина-историка, Забелина-мыслителя прочно вытравлялось из сознания народа...»⁵⁸. Анализируя труды историка, автор указал на громадный вклад Забелина в изучение истории русского народа. Он полемизирует с теми, кто считал ученого только «бытовиком», историком-фактологом. Со статьями о новой оценке творчества И.Е.Забелина А.Н.Сахаров не раз выступал в различных печатных изданиях в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в.⁵⁹

Почти одновременно с работами А.Н.Сахарова стали печататься работы научных сотрудников ГИМ – знатоков хранящегося в музейных фондах документального наследия Ивана Егоровича. В 1990 г. появилась и постоянная возможность для свободного обмена мнениями и результатами научных исследований – речь идет о регулярно проходящих в ГИМ научных чтениях, получивших с 1990 г. (юбилейного – 170 лет со дня рождения И.Е.Забелина) имя «Забелинских». На чтениях, посвященных этому

⁵⁸ Сахаров А.Н. «Светлый русский ум» // Забелин И.Е. Государев двор или дворец. – М., 1990. – С. 5–6.

⁵⁹ См., например: Сахаров А.Н. И.Е.Забелин. Новая оценка творчества // Вопросы истории. – 1990. – № 7. – С. 3–17; Он же. Народ – разгадка всего: И.Е.Забелин // Историки России, XVIII – начало XX вв. – М., 1996. – С. 315–333; Он же. Забелин Иван Егорович (1820–1908) // Историки России. Биографии / Сост. А.А.Чернобаев. – М., 2001. – С. 199–206 и др.

170-летнему юбилею, с докладами, посвященными жизни, творчеству и наследию ученого выступило около 10 человек. В 1992 г. был издан сборник чтений с оригинальными материалами музейных работников: И.В.Белозеровой, Н.Б.Быстровой, М.В.Голубевой, Н.В.Горбушиной, Н.А.Каргаполовой, М.В.Катагощиной, Н.В.Кологривовой, Е.В.Лазаренко, Г.К.Левыкина, Е.Д.Маркиной, З.П.Морозовой, С.И.Сакович⁶⁰. В этом сборнике отметим также еще три статьи. Первая из них принадлежит авторству С.О.Шмидта, представлявшего Археографическую комиссию РАН: «И.Е.Забелин и русская культура»⁶¹. Вторая работа – сотрудника Всесоюзной Книжной палаты О.Ф.Бойковой (составителя уже упомянутого библиографического указателя), «Научное наследие И.Е.Забелина»⁶²; в ней прослеживаются вехи изучения трудов Забелина и рассматриваются вопросы составления библиографии ученого (в том числе библиографических указателей), сводного каталога его коллекций. Автор ставит комплексную научную задачу: «Труды Забелина представляют как историческую, так и текстологическую, фактографическую и архивную ценность. Важно найти и описать не только все опубликованные работы историка и литературу о нем, но и архивные материалы»⁶³. Третья публикация принадлежит известному археологу и москвоведу М.Г.Рабиновичу: «И.Е.Забелин и первые археологические раскопки в Москве»⁶⁴. В ней автор отметил, и это очень важно, что, хотя И.Е.Забелин, будучи археологом, и не занимался

⁶⁰ *Белозерова И.В.* Переписка И.Е.Забелина – источник по истории музейного дела в России в последней трети XIX – начале XX в. (по материалам ОПИ ГИМ) // И.Е.Забелин. 170 лет со дня рождения: Мат-лы науч. чтений ГИМ, 29–31 октября 1990 г. / Труды ГИМ. – Вып. 81. – Ч. 1. – М., 1992. – С. 39–48; *Быстрова Н.Б., Катагощина М.В.* К вопросу о неизданных трудах И.Е.Забелина // Там же. – С. 53–57; *Голубева М.В.* Мемориальные иконы И.Е.Забелина // Там же. – С. 76–85; *Горбушина Н.В.* Переписка И.Е.Забелина и П.И.Щукина в собрании ОПИ ГИМ // Там же. – С. 49–52; *Каргаполова Н.А.* И.Е.Забелин в дневниках 1840–1870-х годов // Там же. – С. 31–38; *Кологривова Н.В.* Мемориальный мебельный комплекс И.Е.Забелина в собрании отдела дерева ГИМ // Там же. – С. 86–90; *Лазаренко Е.В.* Краткий обзор собрания книг И.Е.Забелина в отделе книжного фонда ГИМ // Там же. – С. 91–97; *Левыкин К.Г.* Иван Егорович Забелин: прошлое и современность // Там же. – С. 6–14; *Маркина Е.Д.* Картографические материалы коллекции И.Е.Забелина в собрании отдела картографии ГИМ // Там же. – С. 58–62; *Морозова З.П.* Обзор коллекции прорисей И.Е.Забелина // Там же. – С. 63–75; *Сакович С.И.* К истории формирования коллекции И.Е.Забелина // Там же. – С. 104–131.

⁶¹ *Шмидт С.О.* И.Е.Забелин и русская культура // Там же. – С. 15–30.

⁶² *Бойкова О.Ф.* Научное наследие И.Е.Забелина // Там же. – С. 98–103.

⁶³ Там же. – С. 100.

⁶⁴ *Рабинович М.Г.* И.Е.Забелин и первые археологические раскопки в Москве // Там же. – Ч. 2. – С. 11–17.

непосредственно археологическими раскопками в Москве, но его подход «к ранней истории города, к методике ее изучения был профессионально археологическим. Источниковедческая база его работ была значительно обширнее, чем у большинства его современников. Источниками ему служили не только обильные письменные памятники, но и в немалой степени древние сооружения и вещи, обнаруживавшиеся при земляных работах. Забелин тесно связывал проблемы изучения Москвы, в особенности, проблемы изучения древнейшего ее периода, с древней топографией местности, воссозданию которой он уделял немало внимания»⁶⁵.

Возвращаясь к опыту изучения жизни и научного наследия И.Е.Забелина сотрудниками ГИМ, отметим, что благодаря нескольким авторам статей в выше упомянутом юбилейном сборнике Забелинских чтений, а именно – И.В.Белозеровой, Н.Б.Быстровой, Н.А.Каргаполовой, М.В.Катагощиной, стали широко осуществляться разработка биографии И.Е.Забелина и публикация его документального наследия, в первую очередь, дневников, записных книжек, его переписки, неизданных работ ученого, что позволило ввести в научный оборот большой пласт важнейшей информации.

Активно стала привлекать к себе внимание забелинская тема и в связи с подготовки и проведением научно-общественных мероприятий, приуроченных к 850-летию Москвы. С середины 1990-х гг. началась публикация документальных материалов забелинского архива (о чем мы еще скажем подробнее). В юбилейный для Москвы год, во многом благодаря С.О.Шмидту, в редактируемых им изданиях появились статьи об И.Е.Забелине и публикации его научных материалов⁶⁶. Большие пространные

⁶⁵ Рабинович М.Г. Указ. соч. – С. 11.

⁶⁶ Забелин И. Черторье или Чертолье / Публ. Н.Быстровой, М.Катагощиной // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах / Сост. В.А.Бессонов, гл. ред. С.О.Шмидт. – М., 1997. – С. 163–176; Шарков В. Арбат Вани Забелина // Там же. – С. 177–190; Катагощина М.В. Судьба неизданных рукописей И.Е.Забелина (1910–1990-е годы) // АЕ за 1997 год / Под ред. С.О.Шмидта. – М., 1997. – С. 40–43.

биографические статьи были напечатаны в новых справочных и энциклопедических изданиях⁶⁷.

Мы уже писали о публикации документального наследия И.Е.Забелина, нужно отметить, что изданию дневников и записных книжек историка (2001 г.) была предпослана большая статья-предисловие сотрудника ОПИ ГИМ Н.А.Каргаполовой, имеющая вполне самостоятельное значение – это, по сути дела, научная биография И.Е.Забелина⁶⁸.

Через два года из печати вышла долгожданная, в полном смысле этого слова, книга-публикация «заветного» труда И.Е.Забелина, являвшегося продолжением опубликованной в начале XX в. его «Истории города Москвы». Подготовкой забелинской рукописи к печати первоначально, сразу после кончины историка, занимались И.М.Тарабрин и М.И.Забелина. Однако судьба распорядилась так, что напечатать этот труд удалось только в начале XXI в. Издание много лет готовили в ОПИ ГИМ Н.Б.Быстрова и М.В.Катагощина, ими же написана вводная статья «От составителей», имеющая важное научное значение, поскольку здесь представлена творческая биография Забелина, рассмотрена история создания рукописи и проанализировано ее содержание⁶⁹. В сборник включены работы И.Е.Забелина, составляющие части текста второго тома «Истории города Москвы»: «Наста быти княжение московское» (не опубликованная), «Посад» (не опубликованная), «Дом Московского Публичного и Румянцевского музеев (бывший Пашкова)» (опубликована в 1904 г.), «Опричный дворец царя Ивана Васильевича (опубликована в 1872 и 1893 гг.).

Еще одним важным достоинством этого издания стало включение в него ранее непубликовавшегося очень ценного для «забелиноведения», для

⁶⁷ Белозерова Н.В. Забелин Иван Егорович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. – Т. 2. – М., 1992. – С. 294–295; Юрьев Б.И. Забелин Иван Егорович // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – Т. 2. – М., 1996. – С. 202–203; Чанышева Т.С. Забелин Иван Егорович // Историки и краеведы Москвы. Некрополь: Биобиблиогр. справ.-к. – М., 1996. – С. 68–70 и др.

⁶⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки / Подгот. текста, предисл., коммент. Н.А.Каргаполовой. – М., 2001. – С. 7–23.

⁶⁹ Забелин И.Е. История города Москвы. Неизданные труды / Подгот. текста, предисловие Н.Б.Быстрова, М.В.Катагощина; коммент. Н.Б.Быстрова, В.Л.Егоров, М.В.Катагощина; ред. Н.П.Либкова. – М., 2003. – 384 с. (От составителей. – С. 5–19).

понимания вклада Ивана Егоровича в москвоведение и уже упоминавшегося нами доклада И.М.Тарабрина на заседании «Старой Москвы» в 1829 г. – «Работы И.Е.Забелина по истории Москвы» (опубликованный, спустя 74 г. (!) после выступления Тарабрина доклад не потерял своей оригинальности и научной значимости). Говоря о выдающемся вкладе Забелина в разработку истории Москвы, И.М.Тарабрин писал: «...а, между тем, вряд ли кого-либо иного труды в этой области так мало были выявлены во всей совокупности в научной литературе»⁷⁰. Конечно, сегодня это верно лишь отчасти: биографами И.Е.Забелина и проанализировано многое из его москвоведческого наследия, и введены в научный оборот ранее не опубликованные его работы, но все же и теперь еще сохраняется потребность оценить москвоведческие труды И.Е.Забелина именно «во всей совокупности» – и фундаментальные сочинения, и статьи, и работы, посвященные отдельным московским сюжетам, и проч. Анализируя труды Забелина, посвященные московской теме, И.М.Тарабрин подчеркивает, что все они создавались параллельно с напряженной научно-общественной работой Забелина, «с кипучей порой деятельности» в Историческом музее: «Если припомнить все это и сообразить, что одновременно проведены были И[ваном]Е[горовичем]... работы по истории Москвы, давшие такой неисчерпаемый клад открытым им и частью обнародованных важнейших источников, широко намеченных заданий для будущих работников, точно обоснованных выводов по многим, до того недоуменным вопросам, то это, конечно, может быть объяснено лишь могучим его талантом, огромным знанием предмета, неиссякаемой силой энергии»⁷¹.

Интенсивная работа с научным забелинским наследием продолжилась в первое десятилетие XXI в. Главной датой здесь стал 2008 г., когда отмечалось 100-летие кончины И.Е.Забелина. В этом году ГИМ были проведены очередные Забелинские научные чтения, материалы которых

⁷⁰ Тарабрин И.М. Работы И.Е.Забелина по истории Москвы... – С. 20.

⁷¹ Там же. – С. 28.

увидели свет через два года⁷². В первой части сборника помещены 10 статей, в которых показана деятельность Забелина как историка, архивиста, археолога, музейного работника, реставратора. Практически все опубликованные материалы имеют оригинальный характер, основаны на первоисточниках⁷³. Забелина-ученого охарактеризовал во вступительном слове С.О.Шмидт: «Забелин – абсолютный самородок, по масштабу способностей и упорства едва ли не равный Ломоносову. Пожалуй, нет другого примера в истории отечественных гуманитарных наук, когда человек, не обучавшийся в высшем учебном заведении, не получивший даже гимназического образования, достиг бы столь широкого признания именно за научные заслуги. Он действительно создал сам себя...»⁷⁴; «Труды Забелина находятся у истоков современных представлений и о комплексном источниковедении, и об организации работы археолога в России..., о музейной экспозиции как источниковой базе исторических знаний, об организации научной работы сотрудников музеев, о проблемах изучения далекого прошлого современных городов, об истории древнерусского зодчества и о сфере исторических знаний, ныне определяемых как "история повседневности"»⁷⁵.

В преддверие Забелинских чтений вышла небольшая выверенная по источникам брошюра М.В.Катагощиной о Забелине⁷⁶, а в «Московской энциклопедии» С.О.Шмидт поместил обстоятельную статью об историке с акцентом на его московское творчество⁷⁷.

Почти одновременно с работами М.В.Катагощиной и С.О.Шмидта в 2007 г. увидела свет (как предисловие к публикации трудов ученого) большая

⁷² Забелинские научные чтения – год 2008-й: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. – Вып. 182. – М., 2010. – 656 с.

⁷³ См., например: Шмидт С.О. Приветственное слово // Забелинские научные чтения – год 2008-й... – С. 4–9; Эскин М.Ю. И.Е.Забелин в государственном архиве МИД // Там же. – С. 16–22; Павлович М.К., Тутова Т.А. Иван Егорович Забелин и Оружейная палата // Там же. – С. 22–36; Катагощина М.В. Исторический музей и И.Е.Забелин. XX–XXI в. // Там же. – С. 36–50 и др.

⁷⁴ Шмидт С.О. Приветственное слово // Там же. – С. 5.

⁷⁵ Там же. – С. 7.

⁷⁶ Катагощина М.В. Иван Егорович Забелин. – М., 2008. – 24 с.

⁷⁷ Шмидт С.О. Забелин Иван Егорович // Московская энциклопедия. – Т.1: Лица Москвы. – Кн. 1. – М., 2007. – С. 592–593.

оригинальная статья известного московеда В.Б.Муравьева «Иван Егорович Забелин»⁷⁸, где излагаются биографические сведения, характеризуются научные труды И.Е.Забелина, и специальное внимание уделяется его москвоведческим работам. По поводу последних В.Б.Муравьев констатирует: «Значение деятельности и работ Забелина в истории москвоведения велико и разнообразно. Он поднял его на новую ступень: если до его работ сочинения "любителей московской старины", собравших огромный фактический и ценный материал, были по сути своей описаниями, то Забелин в свои работы вводит исторический анализ, то есть в них москвоведение приобретает научный и теоретический характер. Своими работами Забелин способствовал пробуждению в обществе интереса к истории и памятникам Москвы»⁷⁹.

1990-е – 2000-е гг. стали временем интенсивного переиздания главнейших трудов И.Е.Забелина. Разными издательствами были напечатаны «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях», «История города Москвы», «История русской жизни с древнейших времен», «Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания» и др. Некоторые книги представляют собой репринтные издания. Однако в значительной части переизданий отсутствуют предисловия, примечания, комментарии, а издатели иногда сознательно изменяли или искажали название трудов.

Попытку создать аннотированный указатель переизданных с 1990-х гг. работ И.Е.Забелина, а также электронных ресурсов, посвященных забелинской теме, в 2013 г. предприняла находящаяся в Кунцево Детская библиотека им. И.Е.Забелина⁸⁰. Признавая безусловную необходимость и пользу такого указателя, приходится с сожалением отметить, что качество его оставляет желать лучшего и в смысле его структуры и систематизации материала, и в отношении текста аннотаций.

⁷⁸ Муравьев В.Б. Иван Егорович Забелин // Забелин Иван Егорович. Черты московской самобытности. – М., 2007. – С. 7–94.

⁷⁹ Там же. – С. 90.

⁸⁰ Историк Москвы и русского быта – Иван Егорович Забелин: Библиогр. указ. / Сост. В.Шелудько. – М., 2013. – 44 с.

Однако при всех этих важных шагах в развитии забелинской темы, к сожалению, не была выработана и осуществлена программа научного издания всех трудов И.Е.Забелина. С 2010-х гг. число исследований по забелинской теме существенно сократилось, все меньше эта тема звучит и на ежегодных Забелинских чтениях. Отчасти это можно объяснить уже достаточно глубокой разработанностью темы в 1990–2000-х г., сокращением вообще числа москвоведческих работ как таковых и изданных книг.

Из работ этого времени укажем на опубликованную в 2014 г. статью М.В.Артюшенко «И.Е.Забелин и Донской монастырь»⁸¹, в которой автор подробно на основании переписки, хранящейся, главным образом, в фонде монастыря в Центральном государственном архиве (ЦГА) г. Москвы, раскрывает причины долгой работы Забелина по подготовке и публикации двух изданий (1865 и 1893 гг.) книги об этой обители. В статье показано, как И.Е.Забелин работал над описанием Донского монастыря: собирал и анализировал материал, выстраивал структуру своей работы, правил ее текст, искал помощников среди монашествующих, отстаивал свои авторские права.

В материалах Забелинских чтений последнего пятилетия опубликованы отдельные оригинальные работы, связанные с интересующей нас темой. В юбилейном 2020 г. (200-летие со дня рождения И.Е.Забелина) прошли очередные Забелинские научные чтения. В сборник материалов Чтений вошло всего несколько статей, тематически связанных с И.Е.Забелиным, они объединены в раздел «Иван Егорович Забелин. Научная и общественная деятельность»: «Иван Егорович Забелин – лицо эпохи» (Г.Р.Наумова), «Памятники паломнической литературы в собрании И.Е.Забелина отдела рукописей ГИМ» (Э.В.Шульгина), «И.Е.Забелин о московских боярских дворах предков Романовых» (Г.К.Щуцкая), «Забелины в Царицыне» (П.Б.Ермолов) и др. В статье Г.П.Наумовой представлен общий взгляд на

⁸¹ *Артюшенко М.В.* И.Е.Забелин и Донской монастырь. По переписке об издании «Исторического описания Московского ставропигиального Донского монастыря» (1865, 1893) // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Исторические науки. Региональная история и краеведение». – № 17 (139). – М., 2014. – С. 30–44.

научную концепцию и философские подходы И.Е.Забелина, автор пишет: «Изучая историографию Забелина, его труды, понимаешь, что, прежде всего, это выдающийся мыслитель, разработавший научный метод, основанный на сформулированном им понятии "лицо эпохи"»⁸². Отметим также оригинальную статью П.Б.Ермолова о Забелиных в Царицыне, написанную на основе архивных материалов фонда Забелина в ОПИ ГИМ. В ней рассказывается о дачной жизни И.Е.Забелина и его дочери М.И.Забелиной, о забелинских дачах и их судьбе после смерти Марии Ивановны в 1920 г. В статье приводятся интересные данные о самой Марии Ивановне, публикуются архивные фотографии (ОПИ ГИМ и ГМЗ «Царицыно») Забелиных, их дачных владений, а также чертежи, планы, рисунки дач⁸³.

В выпущенном в 2024 г. объединенном сборнике прошедших в 2022 г. юбилейной конференции, посвященной 150-летию ГИМ, и Забелинских чтений отметим статью Е.В.Ким «Основатели Российского Исторического музея и их роль в создании и развитии Ростовского музея церковных древностей»⁸⁴. Ростовский музей был открыт по инициативе председателя МАО графа А.С.Уварова в 1883 г., и в его становлении и развитии непосредственное участие принял и И.Е.Забелин, чему в статье уделено значительное внимание, среди прочих источников автор также опирается на вновь выявленные в архиве Ростовского музея письма И.Е.Забелина.

Из последних публикаций, связанных с именем И.Е.Забелина, отметим также статью тверского исследователя И.Г.Воробьевой (Тверской государственный университет) «К 200-летию И.Е.Забелина»⁸⁵, где уточняются сведения о местоположении церкви, где был крещен Забелин,

⁸² Наумова Г.Р. Иван Егорович Забелин – лицо эпохи // Забелинские научные чтения – год 2020: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. – Вып. 219 / Отв. ред. А.Д.Яновский. – М., 2022. – С. 4.

⁸³ Ермолов П.Б. Забелины в Царицыне // Там же. – С. 47–60.

⁸⁴ Ким Е.В. Основатели Российского Исторического музея и их роль в создании и развитии Ростовского музея церковных древностей // Забелинские научные чтения – год 2022: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. – Вып. 220 / Отв. ред. А.Д.Яновский. – М., 2024. – С. 103–112.

⁸⁵ Воробьева И.Г. К 200-летию И.Е.Забелина // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2020. – № 3 (55). – С. 138–145.

сообщаются краткие биографические сведения о нем и рассказывается о научных связях ученого с его малой Родиной, о дружеских отношениях с устройтелем Тверского музея А.К.Жизневским, также как и Иван Егорович бывшим активным членом МАО, о поездке Забелина в Тверь и посещении музея.

В 2018 г. в Российском НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Институте Наследия) был создан Центр краеведения и москвоведения (ныне – Центр краеведения, москвоведения и крымоведения), приступивший к изучению, в том числе, истории и наследия МАО, размещавшегося более 50 лет в принадлежащих современному Институту палатах дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной. Центром подготовлен и издан ряд основанных на первоисточниках монографий, сборников, справочников, посвященных наследию МАО (И.Е.Забелин был одним из старейших и активных членов Общества в буквальном смысле с первых месяцев его существования) и созданной в его структуре Комиссии по изучению старой Москвы (или Комиссии «Старая Москва»). К юбилею И.Е.Забелина (2020 г.) ведущие научные сотрудники Центра В.Ф.Козлов (руководитель Центра) и А.Г.Смирнова подготовили к изданию монографию о Забелине как москвиче и историке города. К сожалению, по ряду объективных причин этот труд в юбилейный год не вышел, и в конце 2020 г. – начале 2021 г. был опубликован в значительно сокращенном журнальном варианте в трех номерах «Московского журнала»⁸⁶.

Подводя итог этому обзору, можно констатировать, что существующая по теме историография затрагивает достаточно широкий круг вопросов, касающихся и биографии, и научного творчества И.Е.Забелина, соответственно, во многом позволяет оценить вклад Забелина-ученого в развитие отечественных исторических знаний, его роль в истории

⁸⁶ Козлов В.Ф., Смирнова А.Г. Ученый, археолог, великий историк Москвы. К 200-летию со дня рождения Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) / Московский журнал. История государства Российского. – 2020. – ноябрь (№ 359). – С. 4–19; декабрь (№ 360). – С. 32–49; 2021. – январь (№ 361). – С. 48–63.

возникновения и развития Исторического музея, в целом дает представление об опубликованном научном наследии ученого, о его личном архиве, хранящемся в ОПИ ГИМ и др. Однако следует заметить, что многие сюжеты, связанные как с биографией, так и с оценкой научного наследия И.Е.Забелина, до сих пор остаются мало изученными, не освещены должным образом в научной литературе. В биографическом плане это касается отчасти и самого И.Е.Забелина, и в особенности его семьи – сведения эти очень и очень скудны, между тем, сохранившиеся источники позволяют эти пробелы если не полностью, то частично ликвидировать. Отсутствует (или почти отсутствует) в историографии и тема участия И.Е.Забелина в деятельности научных обществ, в первую очередь, московских. И если о его членстве и председательстве в ОИДР большинство исследователей все же упоминают, хотя и не касаясь этой темы подробно, то о взаимоотношениях историка с МАО зачастую нет даже упоминаний. Заметим также, что тема Забелина-москвича и Забелина-москововеда также еще недостаточно разработана в литературе. Книга А.А.Формозова в этом отношении едва ли не единственное исключение, однако перед ее автором стояли несколько иные задачи: «Наметить основные вехи его (И.Е.Забелина – *авт.*) жизненного пути, определить его место в истории нашей науки и культуры в свете современных представлений, как о предмете занятий Забелина, так и о его эпохе»⁸⁷.

Ждет своего исследователя тема, непосредственно связанная с И.Е.Забелиным и касающаяся его дочери М.И.Забелиной, ее вклада в развитие «забелиноведения». В целом известна ее неоценимая роль в сохранении и популяризации наследия отца и памяти о нем, имя ее возникает на страницах многих работ, посвященных Забелину. Однако и о самой Марии Ивановне сведения очень фрагментарны, и о ее трудах после кончины Забелина и вплоть до ее собственной смерти в 1920 г. в литературе

⁸⁷ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.14.

фигурирует довольно сжатый и в общем стандартный набор информации; между тем, ликвидировать это «белое пятно» не только нужно, но и можно – сохранившийся в фонде И.Е.Забелина массив документов его дочери очень интересен и позволяет сделать это.

Кроме всего прочего, отметим еще раз, что сегодня вообще к забелинской теме исследователи обращаются нечасто, и число научных работ об историке и публикаций его наследия значительно снизилось по сравнению с 1990-ми – 2000-ми гг. Также существует большая потребность в создании добротного с научной точки зрения, полноценного общего указателя историографии «забелиноведения» (с дореволюционного периода до наших дней) и работ самого И.Е.Забелина.

Теперь необходимо вкратце охарактеризовать ту источниковую базу, которая доступна сегодня специалистам, изучающим биографию и научное наследие И.Е.Забелина и на основе которой написана и эта книга. Нужно сказать, что эта источниковая база достаточно обширна, она представлена опубликованными и архивными материалами.

Комплекс опубликованных источников к концу первой четверти XXI в. представляется уже весьма солидным, причем часть его сформировалась в дореволюционный период, в том числе при жизни И.Е.Забелина, часть увидела свет непосредственно после смерти историка, немногочисленные появлялись в советское время и, наконец, серьезные шаги по публикации разного рода источников по забелинской теме были сделаны в конце XX – начале XXI в.

Из дореволюционных, прижизненных публикаций документов укажем на автобиографию И.Е.Забелина, написанную им от третьего лица и опубликованную в «Московском иллюстрированном календаре-альманахе на 1887 г. А.С.Пругавина» (авторство статьи не указано)⁸⁸. В тексте автобиографического очерка говорится и об основных вехах жизненного

⁸⁸ И.Е.Забелин: [Автобиография] // Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г. А.С.Пругавина. – М., 1887. – С. 228–235.

пути Ивана Егоровича, и о его ученых интересах и занятиях, приводятся сведения о членстве в различных научных обществах, о наградах, о местах службы и о продвижении по службе и т.д. Интересно, что передача текста от третьего лица, позволила, помимо констатации фактов, ввести в него и элемент оценки заслуг ученого, и более или менее пространные пояснения причин, обстоятельств тех или иных событий его жизни и ученой деятельности. Отметим, что в архиве И.Е.Забелина сохранился рукописный правленный вариант его автобиографии, более объемный, чем опубликованный текст и, соответственно, более информативный по целому ряду сюжетов⁸⁹.

Выше, говоря об историографии забелинской темы, мы довольно подробно останавливались на том комплексе литературы, который обозначили, как историографические источники, содержащие наряду с оценками научных трудов И.Е.Забелина, анализом его научного метода (историографическим компонентом), также и ценную биографическую информацию. Чтобы не повторяться, просто напомним, что речь идет о прижизненных публикациях таких материалов – в частности, в связи с юбилеями И.Е.Забелина и о его посмертных некрологах, статьях, написанных в его память, опубликованных на страницах многих газетных и целого ряда журнальных изданий.

Особо укажем на сборник, выпущенный в 1910 г. дочерью Ивана Егоровича М.И.Забелиной в память об отце и во исполнение его собственного желания – в сборнике опубликованы интереснейшие материалы двух научных юбилеев историка, отмечавшихся в 1892 и 1907 гг.⁹⁰. В маленьком предисловии к сборнику Мария Ивановна писала: «Исполняя желание моего покойного отца, издаю в настоящей книге все адреса, приветствия, телеграммы и письма, им полученные в оба юбилея».

⁸⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.11 – 54 л.

⁹⁰ Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. – М., 1910. – 88 с.

Опубликованные многочисленные телеграммы, адреса, приветствия от представителей Императорской фамилии, от различных учреждений, научных обществ, частных лиц, во-первых, наглядно свидетельствуют о том признании и широком почитании, которым пользовался ученый среди современников, во-вторых, позволяют уточнить круг его профессиональных и дружеских связей и знакомств, в-третьих, представляют интерес с точки зрения изучения его биографии и особенно научной деятельности.

Не менее интересен для исследователя также уже упоминавшийся нами «Отчет Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за первое XXV-летие его существования (1883–1908 годы)» с его разделом «Памяти Ивана Егоровича Забелина» (вышедшим отдельным оттиском в 1911 г.)⁹¹, куда, помимо статьи В.Н.Щепкина «Забелин как историк русского искусства», вошли еще два очень ценных материала: «Заветы Ивана Егоровича Забелина» – подготовленная М.И.Забелиной публикация завещания историка с комментариями и изложением устной воли почившего относительно передачи в той или иной форме всех без исключения его средств, коллекций, архива Историческому музею, а также составленный К.С.Кузьминским «Список печатных трудов И.Е.Забелина с 1842 г. (первая опубликованная статья И.Е.Забелина – *авт.*) по 1908 год»⁹². Составитель этого библиографического списка указал источники, которыми он пользовался: «...список печатных трудов И.Е.Забелина составлен на основании собственноручных записей покойного, указаний дочери его М.И.Забелиной, Библиографического указателя его произведений, составленного Д.Д.Языковым и напечатанного в "Библиогр[афических] Зап[исках]" за 1892 год»⁹³, и, наконец, по оглавлениям журналов, в которых И.Е. сотрудничал. КATALOGИ библиотек Румянцевского и Исторического

⁹¹ Памяти Ивана Егоровича Забелина. – М., 1911. – 32 с.

⁹² Список был издан также отдельным оттиском (См.: Кузьминский К.С. Иван Егорович Забелин и его печатные труды. – М., 1912. – 14 с.)

⁹³ Языков Д.Д. Иван Егорович Забелин: (Ко дню полувекового служения его русской науке) // Библиографические записки. – М., 1892.

музеев дали тоже некоторый материал для этого списка»⁹⁴. И хотя сам С.К.Кузьминский отмечал, что по объективным причинам его список, видимо, нельзя считать абсолютно полным, но в составленной им погодной росписи учтена 181 работа Забелина (включая заметки и рецензии).

К той же группе историографических источников, о которой шла речь выше, можно отнести появившихся уже в советский период и упоминавшиеся нами выступления и воспоминания И.М.Тарабрина и М.И.Сперанского на заседании «Старой Москвы» в 1929 г., опубликованные спустя десятилетия, и ныне хорошо известные. Оба опубликованных материала принадлежат людям, знавшим И.Е.Забелина при жизни, поэтому они, во-первых, именно этим особенно ценны, а, во-вторых, по существу непосредственно связаны с кругом дореволюционных источников.

О научно-общественной деятельности И.Е.Забелина дает представление отдельная группа источников – опубликованные материалы научных обществ, в которых Забелин имел членство. Прежде всего, для нас важны документы московских обществ – МАО и ОИДР. Чрезвычайно информативны протоколы заседаний этих обществ, помещенные в их изданиях: «Древностях. Трудах Московского Археологического общества», «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских» (ЧОИДР). Здесь зафиксированы сведения о присутствии И.Е.Забелина на заседаниях, о его выступлениях, об участии в тех или иных проектах, о его работе в Комиссии МАО по сохранению древних памятников, о его деятельности в качестве председателя ОИДР и проч. Ценную информацию можно найти и в годовых отчетах обществ, публиковавшихся в этих же изданиях. О работе Забелина в МАО можно узнать также из издававшихся обществом «Археологических известий и заметок». Отдельно упомянем о «Трудах» Археологических съездов (собирались МАО раз в три года, начиная с 1869 г.) и о сопровождающих эти съезды «Бюллетенях», «Известиях о занятиях» съездов,

⁹⁴ Кузьминский К.С. Указ. соч. – М., 1912. – С. 3.

где публиковались материалы работы Предварительных комитетов (организующих съезд) – во многие из них входил и Забелин, протоколы заседаний съездов, их отделений, рефераты выступлений, состав участников, отчеты о работе по подготовке съездов и проч. Кроме того, на страницах изданий МАО и ОИДР опубликованы научные работы И.Е.Забелина. Отметим, что эти источники вообще до сих пор практически не использовались исследователями.

Для изучения научного пути И.Е.Забелина, процесса формирования его как историка, архивиста, археолога, для понимания особенностей его взглядов на историю, на научное творчество, для оценки тематического разнообразия его трудов, его исследовательской методики, собственно, знакомства с его творческой лабораторией, незаменимым историографическим источником являются сами эти труды (фундаментальные и малые формы – монографии, статьи, брошюры, рецензии и проч.). И хотя перед авторами этой книги не стояла задача изучения всего научного наследия И.Е.Забелина, но в той степени, в какой это было необходимо, а особенно в связи с московской темой многие работы историка послужили важной составляющей источниковой базы исследования.

Мы уже говорили, что активный интерес к забелинскому наследию, в том числе документальному, возник уже в последнее десятилетие XX в. Забелинская тема зазвучала в связи с подготовкой к 850-летию юбилею Москвы. С середины 1990-х гг. началась публикация мемуарных и дневниковых записей, вообще материалов личного происхождения из архива ученого. В 1995 г. сотрудником ОПИ ГИМ И.В.Белозеровой была опубликована большая по объему часть воспоминаний И.Е.Забелина о раннем детстве, а также его формулярный, то есть послужной список⁹⁵.

⁹⁵ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой // Река времен (книга истории и культуры). – Кн.2: Гражданское общество и частная жизнь. – М., 1995. – С. 10–60 («Формулярный список о службе действительного тайного советника Ивана Егоровича Забелина» опубликован как приложение – С.55–59).

Практически одновременно с этой публикацией в новом историко-краеведческом альманахе «Московский архив» москвоведом В.Шарковым также были опубликованы фрагменты воспоминаний о детстве Забелина⁹⁶. Упомянем еще сохранившийся в личном архиве В.Ф.Козлова неопубликованный, но готовившийся к печати тем же В.Шарковым фрагмент воспоминаний Забелина «В Матросской богадельне»⁹⁷ – о важном этапе в биографии будущего ученого, когда он был отдан в Преображенское сиротское училище при Екатерининской (Матросской) богадельне.

Необычайно обогатила «забелиноведение» самая полная (в виде большого сборника) публикация в 2001 г. дневников и записных книжек, которые И.Е.Забелин вел более 60 лет. Эту многотрудную работу, связанную с расшифровкой текста, составлением научных комментариев, провела сотрудник ОПИ ГИМ Н.А.Каргаполова. Ею же написано объемное, уже упоминавшееся нами предисловие к книге⁹⁸. Очень большое значение имеет научно-справочный аппарат этой публикации – большие по объему развернутые комментарии и «Указатель имен». На сегодняшний день это издание – незаменимый по своей ценности источник для изучения личности И.Е.Забелина, его жизни и научного творчества.

Сохранившийся в архивах документальный комплекс, связанный с И.Е.Забелиным весьма и весьма значителен по объему и обширен по тематическому наполнению.

Отдельные этапы жизни и научного творчества И.Е.Забелина нашли отражение в документах учреждений и научных обществ, с которыми он был связан, ныне хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива, Рукописного отдела Научного архива Института

⁹⁶ *Забелин И.* Воспоминания о жизни / Публ. В.Шаркова // *Московский архив: Историко-краеведческий альманах.* – Вып.1 / Сост. и гл. ред. В.Ф.Козлов. – М., 1996. – С. 392–402.

⁹⁷ *Забелин И.Е.* В Матросской богадельне: Рукопись / Подготовка к публикации В.Шаркова // *Личный архив В.Ф.Козлова.*

⁹⁸ *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки / Подгот. текста, предисловие, коммент. Н.А.Каргаполова. – М., 2001. – 384 с.

истории материальной культуры Российской академии наук – Санкт-Петербург, в ЦГА г. Москвы, ОР РГБ и др.⁹⁹

До нас дошел уцелевший гигантский личный архив И.Е.Забелина, отложившийся в фондах ОПИ ГИМ (Ф. 440). И здесь современные исследователи должны быть признательны самому Ивану Егоровичу, поскольку возможность удовлетворить их интерес к нему как к ученому, общественному деятелю и человеку, появилась благодаря присущим Забелину чертам собирателя, хранителя и систематизатора документов – личный фонд его включает самые разнообразные материалы, отложившиеся за всю его долгую жизнь. Изучая этот архив, приходишь к мысли, что Забелин бережно сохранял с юных лет свои бумаги научного, общественного, служебного и личного характера, будто зная наперед, что судьба готовит ему высокое предназначение, и по всем этим документам исследователи будут изучать его биографию и научное творчество.

Мы не знаем, как хранились материалы личного архива в квартире Забелина в Историческом музее. Известно, что в сентябре 1909 г. душеприказчица его – дочь Мария Ивановна, передала хранителю музея А.В.Орешникову и ученому секретарю И.М.Тарабрину опломбированные мешки, свертки, чемоданы, сундук и саквояж с бумагами Ивана Егоровича¹⁰⁰.

Историю разбора, систематизации и изучения научного архива Забелина в музее подробно описала сотрудник ОПИ ГИМ М.В.Катагощина¹⁰¹. В середине 1920-х гг. материалы документального фонда Забелина классифицировали и разместили по шкафам. Описанием архива занимались в 1930–1940-е гг. В составленную опись вошло около 1300 единиц хранения. В начале XXI в. сотрудником ОПИ ГИМ Н.Б.Быстровой в

⁹⁹ Некоторые сведения о материалах И.Е.Забелина в различных архивохранилищах можно почерпнуть в статье А.Л.Тузова «Архивные материалы о И.Е.Забелине», опубликованной в «Археографическом ежегоднике» за 1982 г., в определенной степени не утратившей своего научного значения.

¹⁰⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.1018. – Л. 32, 34, 36.

¹⁰¹ Катагощина М.В. Исторический музей и И.Е.Забелин: XX–XXI в. // Забелинские научные чтения – Год 2008-й... – С. 36–50.

научный оборот была введена дополнительная опись, включавшая новые ценные материалы семьи Забелиных.

Подсчитано, что с 1920-х гг. до 1990 г. с забелинскими документами работали до 1 тыс. чел. К материалам фонда обращались многие известные историки, археологи, музейные деятели, москвоведы, в числе которых: М.И.Александровский, Е.А.Звягинцев, П.Н.Миллер, Н.Л.Рубинштейн, М.Г.Рабинович, П.В.Сытин и др. Много работал с забелинскими материалами в ОПИ ГИМ и А.А.Формозов – главный биограф И.Е.Забелина. С 1990-х гг. число обращающихся к фонду историка значительно возросло. Это объясняется и тем, что в силу объема и многотемности документального комплекса, им активно пользуются исследователи разного профиля, но, конечно, в первую очередь, фонд востребован теми, для кого предметом научного интереса является забелинская тема. Здесь хранятся самые разнообразные материалы, связанные, прежде всего, с богатой биографией Забелина – его учебные тетради, дневники, записные книжки, воспоминания о детстве и юности, черновые и беловые рукописи его научных работ, докладов, публичных выступлений, прочитанных лекций, сделанные им выписки из архивных документов, дипломы, свидетельства об избрании членом научных обществ, материалы (поздравления, приветственные адреса, газетные вырезки и др.), связанные с юбилеями, большие комплексы документации, касающейся работы в Историческом музее, научно-общественной деятельности и проч.

Среди этих документов далеко не все еще освоено современным научным сообществом, в фонде есть не только отдельные материалы, но и целые архивные дела, которые содержат информацию о сравнительно мало изученных или почти неизученных страницах биографии ученого – например, о деятельности И.Е.Забелина как преподавателя Межевого института и Школы топографов, как автора оригинальных учебных курсов, или о его участии в организации и проведении Археологических съездов МАО, о его деятельности в ОИДР и др.

Значительную часть архивного фонда составляет огромное эпистолярное наследие И.Е.Забелина. Ученый чрезвычайно бережно относился к присланным ему письмам, делал копии своих ответов, понимая ценность переписки. Число его корреспондентов достигало 300 чел. Забелин завещал издать эту переписку, но до настоящего времени, к сожалению, этого не сделано. Укажем также, что большие комплексы писем Забелина к разным корреспондентам хранятся в личных фондах последних в ОПИ ГИМ, в том числе Уваровых (Ф. 17), А.В.Орешникова (Ф. 136), Н.С.Щербатова (Ф. 276)¹⁰² и др. Сотрудники ОПИ ГИМ в своих научных изысканиях уделяют внимание переписке Забелина, выше в историографическом обзоре мы уже обращали внимание на подобные работы, опубликованные, в том числе, в сборниках Забелинских чтений. Однако следует отметить, что письма, хранящиеся в фонде Забелина, еще далеко не изучены так, как они того заслуживают – эта многочисленная группа архивных документов столь информативна, столь ценна своим содержанием, подчас уникальным, что ее по возможности полное введение в научный оборот могло бы необычайно обогатить наши знания о жизни и творчестве И.Е.Забелина. Письма позволяют уточнить, реконструировать, пояснить многие сюжеты, не вполне изученные по другим источникам, они характеризуют взаимоотношения И.Е.Забелина с его корреспондентами, сюжеты, или даже отдельные детали, отраженные в их содержании, подчас позволяют сделать маленькие или даже не очень маленькие открытия. Письма самого Ивана Егоровича – зеркало его характера, личностных черт. Интересно, что в некоторых письмах есть пространные, развернутые описания, например, его поездок на раскопки (причем, они более подробны и красочны, чем в опубликованных записных книжках); другие письма полны его личными размышлениями и переживаниями; оригинальны письма к Забелину его маленьких дочерей; очень ценны несколько писем брата Петра, о котором вообще почти ничего

¹⁰² Белозерова И.В. Переписка И.Е.Забелина – источник по истории музейного дела...

не известно историографам Забелина и т.д. Письма Ивана Егоровича – еще и отражение его литературного таланта, их язык, стиль сами по себе могут быть объектом изучения. При всем богатстве и разнообразии материалов фонда И.Е.Забелина его эпистолярная часть едва ли не самый оригинальный и менее всего изученный документальный комплекс. Недаром одним из пунктов завещания историка было его непереносимое желание издания его переписки. К сожалению, это желание до сих пор не исполнено.

Много ценных сведений о последних годах жизни И.Е.Забелина, о его кончине и, особенно, о судьбе его материального наследия и о мемориализации его памяти содержится в значительном по объему архиве М.И.Забелиной, являющемся составной частью фонда 440. Документы дочери Забелина также ценны для уточнения некоторых фактов биографии Ивана Егоровича и его семьи, в том числе самой Марии Ивановны. Их использование позволило авторам книги ввести в научный оборот некоторые оригинальные сведения по этой теме.

Таким образом, даже эта краткая характеристика забелинского фонда в ОПИ ГИМ свидетельствует, что он чрезвычайно информативен, его отличает полнота сохранившихся документальных комплексов, их тематическое разнообразие и широкие хронологические рамки.

В целом, оценивая весь комплекс указанных здесь источников, можно утверждать, что дальнейшее изучение забелинской темы в разных ее аспектах при наличии столь репрезентативной и разнообразной по составу источниковой базы представляется перспективным, и возможности соответствующих исследований весьма обширны. Это тем более важно, что в рамках «забелиноведения», как уже неоднократно упоминалось, сделано еще далеко не все, и по-прежнему остается актуальной задача, изучения, уточнения многих сюжетов, связанных с жизнью и научным творчеством И.Е.Забелина, введения этой информации в научный оборот.

В заключение, отметим, что после публикаций больших комплексов документального наследия ученого из его фонда в ОПИ ГИМ прошло почти

четверть века; почти 120 лет ждет издания огромное по объему эпистолярное наследие Забелина и его адресатов. Несомненно, отсутствие значительных по объему новых публикаций из архива ученого влияет на интенсивность научных исследований. Обогащаясь разными по объему и тематическому наполнению статьями, а в последние годы уже не так часто, историография, посвященная И.Е.Забелину, все еще далеко не полна, существует настоятельная потребность в обобщающих, фундаментальных работах – монографии А.А.Формозова об И.Е.Забелине исполнилось уже 40 лет!

Авторы этой книги, обращаясь к личности И.Е.Забелина, в первую очередь, как москвича и историка Москвы (собственно, москвоведа), не ставили себе целью досконально изучить и дополнить новыми, пока еще не введенными в научный оборот сведениями в целом тему жизни и творческой биографии ученого – думается, что написание такого всеобъемлющего биографического труда, посвященного этому выдающемуся историку, все еще задача будущего.

Закончить этот обзор историографии и источниковой базы забелинской темы хотелось бы словами уже не единожды упомянутого нами В.Н.Щепкина, сотрудника Исторического музея, хорошо знавшего И.Е.Забелина: «Значение Ивана Егоровича будет продолжать расти и расти долго. Только углубляясь в изучение, мы будем открывать в главных трудах его под эпической картиной русского быта все то, что знал, думал и чувствовал наш великий рапсод (античный певец, исполнитель эпических песен – *авт.*) в качестве ученого и в качестве отличного сына своей родины. Не нам, а потомкам принадлежит подвести итог этой личности. А, между тем, и пред нами стоит она спокойная, значительная, исполинская, подобная богатырскому пахарю русской земли, о котором поют наши последние сказители»¹⁰³.

¹⁰³ Щепкин В. Указ соч. – С. 32.

ГЛАВА 2.

СЕМЬЯ ЗАБЕЛИНЫХ

О родителях и вообще предках И.Е.Забелина известно мало. Сам историк так и не составил какую-либо связную историю своей семьи, хотя ему как опытному архивариусу это не составило бы особого труда. В его записках, воспоминаниях он оставил небольшие фрагменты, касающиеся родителей, и в личных бумагах сохранились подлинники и копии отдельных документов (метрические свидетельства, прошения и др.), связанные с родственниками.

Отец Егор Степанович

Об отце Ивана Егоровича мы знаем очень мало – только из основанных на рассказах матери очень кратких воспоминаний и хранящегося в архиве ученого «Послужного списка» Егора Степановича. И.Е.Забелин писал: «...по рассказам матушки, знаю только, что отец¹⁰⁴ был страшно несчастным от своих родителей. Он был сын сельского попа, учился, конечно, в семинарии с большими успехами и обнаружил большие дарования. Родитель надеялся, что из него выйдет человек знатный в духовном звании, но мой отец не возлюбил это звание и ушел из него, определившись в Казенную палату. За свое непослушание по старым обычаям он был страшно побит чуть не дрекольем. Злоба и ненависть против него унялись лишь тогда, когда на службе ему повезло и когда жадная родня стала получать денежные вспоможения. Затем мир и любовь опять разрушились по случаю его

¹⁰⁴ Далее в рукописи – зачеркнутая фраза: «вел озлобленную борьбу» (См.: ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 1–3).

самовольной женитьбы на светской девушке, моей матушке, из благородного звания, когда ему прочили в невесты какую-то поповку. Дары денежные, вспоможения снова восстановили мир и любовь. Между тем, отец из Твери задумал перейти на службу в Москву, в Губернское правление, что родным не совсем понравилось, так как в этом случае денежный кошель удалялся от них на далекое расстояние¹⁰⁵. Из записей И.Е.Забелина узнаем, что отец «...служил очень хорошо... то есть получал достаточное содержание и был на хорошем счету у начальства. Матушка об этом времени говорила как о золотом времени своей жизни. Жили без нужды, в известном довольстве. Водились и лишние деньги, чего впоследствии уже не случалось; «я был вторым¹⁰⁶ ребенком у своих родителей¹⁰⁷. И, кажется, со времени моего рождения и начались у них несчастья и бедствия»¹⁰⁸.

Из хранящейся в архиве И.Е.Забелина копии «Послужного списка» отца мы узнаем, что с 1811 по 1821 г. он последовательно служил в Тверской казенной палате копиистом, подканцеляристом, коллежским регистратором. В декабре 1821 г. Егор Степанович был переведен в Экспедицию для разбора и решения старых дел при Московском губернском правлении и утвержден столоначальником¹⁰⁹. Современные исследователи рассматривают эту экспедицию как прообраз дореволюционного Московского губернского архива и сегодняшних московских центральных архивов. Так что можно сказать, что и отец, и позднее сын Забелины на определенном этапе жизни работали архивистами. Через 2 года в декабре 1823 г. Экспедиция была закрыта, а Егора Степановича оставили на службе в Московском губернском правлении, но только вновь в чине коллежского регистратора. Заметим, к слову, что само старинное (XVIII в.) здание Московского губернского правления сохранилось до нашего времени, и стоит оно на северной стороне

¹⁰⁵ Забелин И. Воспоминания о жизни / Публ. В.Шаркова.... – С. 329.

¹⁰⁶ В рукописи написано «первым», затем зачеркнуто и надписано «вторым» (См.: ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 1).

¹⁰⁷ Первый ребенок Забелиных умер в младенчестве.

¹⁰⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 2.

¹⁰⁹ Там же. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 21–22об.

Красной площади (в Историческом проезде) между Иверскими воротами и Казанским собором. Напротив него в 1870–1880-е гг. было сооружено большое здание Исторического музея, где Иван Егорович служил товарищем председателя (фактически был научным руководителем Музея); там же он и жил с дочерьми с 1880-х гг. до самой смерти. Так, промыслительно местами службы отца и сына Забелиных в разные исторические периоды были два и поныне соседствующие здания на Красной площади.

В архиве Забелина сохранилось едва ли не единственное подлинное письмо его отца некоему Афанасию Алексеевичу, в котором он благодарит за «приятный прием жены моей Авдотьи Забелиной с маленьким нашим сыном»¹¹⁰. Под письмом, датированным 25 июля 1821 г. – подпись: «12-го класса Егор Забелин». Написано оно прекрасным почерком.

По неясным для нас причинам через несколько лет Егор Степанович с семьей покидает Москву и переходит на службу в уездный г. Алексин Тульской губ., а потом в г. Мышкин в Тверской губ., где состоит на службе в уездном суде коллежским секретарем.

Точной даты кончины Егора Степановича мы не знаем, и в документах архива Ивана Егоровича таких сведений пока обнаружить не удалось. Это печальное событие произошло в конце 1827 – первой половине 1828 г., когда Авдотья Федоровна была беременна третьим ребенком. Известно, что когда появился на свет младший брат Петр, его отца Егора Степановича уже не было в живых. Место отцовского захоронения И.Е.Забелин также нигде не упоминает. Однако предкам по отцовской линии Забелин в дневнике в записях за 1839 г. уделил несколько строк. Так узнаем, что дедушка и бабушка его скончались в 1833 г., а у отца Егора Степановича было 5 братьев и сестер: Алексей, Андрей, Пелагея, Авдотья и Анна. Последняя была замужем за диаконом Николаем Ивановичем Метлиным, служившим в г. Кашине Тверской губ. Дядя Ивана Егоровича Андрей Степанович Забелин

¹¹⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1–106

служил священником в с. Андреевском Бежецкого уезда той же Тверской губ. Он в 1840 г. прислал в Москву портрет брата Егора Степановича¹¹¹.

Мать Авдотья Федоровна

Как ни странно, о матери И.Е.Забелина, ее происхождении, родителях мы почти ничего не знаем. В конце «Послужного списка» ее мужа Е.С.Забелина (1825 г.) указано: «Женат на дочери титулярного советника Варлаама Овощникова девице Авдотье, имеет детей сыновей Алексея 7-ми и Ивана 5-ти лет»¹¹². Эта запись важна, так как содержит девичью фамилию Авдотьи и имя первенца Забелиных. Но одновременно запись вызывает и недоуменные вопросы: Авдотья, следовательно, должна была носить отчество Варлаамовна, а не Федоровна; и каков год смерти старшего сына Забелиных Алексея Егоровича.

Вряд ли Авдотья Федоровна получила какое-то систематическое образование, в ее подписях под различными прошениями – множество ошибок. После смерти мужа она с малолетним сыном осталась, по выражению Ивана Егоровича, «без куска хлеба»¹¹³, вынуждена была браться за любую работу. Служила экономкой, занималась надомной работой – вязала, шила рубахи, платья, белье, обертывала конфеты, леденцы и т.д. Заработки были мизерные: по 20–30 коп. в день.

По своей природе Авдотья Федоровна была женщина добрая, отзывчивая и милосердная. В 1865 г. уже 45-летний И.Е.Забелин записал в дневнике о себе и о своей матери: «Я готов отдать все, что имею, как покойная матушка отдавала симпатичным товаркам все себя – платья, рубашку, оставалась ни с чем. Это я помню очень хорошо»¹¹⁴.

В бумагах И.Е.Забелина сохранилась записочка некоей П.Дьяковой, отчасти характеризующая А.Ф.Забелину: «Почтеннейшая и любезная моя

¹¹¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 24.

¹¹² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 21–22об.

¹¹³ Там же. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1.

¹¹⁴ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 75.

Авдотья Федоровна. Зделайте одолжение, Бога ради, дайте взаймы двугривенной. Пришла гостья Нужная, а у меня нету ни копейки, жалованье не дали до понедельника, я завтра принесу; весь свой долг, голубочка, не откажите. Покорнейшая к услугам [подпись]»¹¹⁵. Без сомнения, почти нищая Авдотья Федоровна помогла своей знакомой.

Бедствуя, мать и сын снимали углы, часто меняя место жительства. Жизнь явно была неустроенной, Авдотья Федоровна была женщиной, не приспособленной к выпавшим на ее долю житейским трудностям и в минуты отчаяния раздраженно называла сына «связой», явно имея ввиду, что он связал ее, обременил, испортил ее жизнь. Эта несправедливая обида запомнилась Ивану Егоровичу и много позже, уже на склоне лет он с горечью вспоминал такие слова и сцены. Нежной материнской любви Забелин, видимо, не знал, хотя, конечно же, Авдотья Федоровна старалась дать сыну хоть какое-то образование, нанимала учителя чистописания, а с конца 1820-х гг. несколько раз пыталась устроить его в начальное училище.

Наверное, мальчик иногда обижался на измученную жизнью матушку, но в то же время по-своему горячо любил ее, достаточно почитать его воспоминания о первых днях и месяцах жизни в Сиротском училище на Стромынке. Позднее, получив первые заработанные деньги на службе в Оружейной палате, Иван стал всемерно помогать матери, а, получив казенную квартиру в Кремле в 1838 г., тут же перевез ее к себе. В дальнейшем в своих дневниках и воспоминаниях «маменьку» Забелин практически не упоминает. Мы почти не знаем, как она жила, как складывались отношения в семье, какие обязанности она в ней выполняла.

Сохранились «исповедальные свидетельства» о посещении Авдотьей Федоровной в 1857–1860 гг. Троице-Сергиевской лавры. Документы эти подписаны лаврским духовником иереем Михаилом Остроумовым. В последний год жизни в феврале 1861 г. Авдотья Федоровна, узнав о

¹¹⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 18.

Манифесте об освобождении крестьян, как упомянул Забелин в своем дневнике, «прослезилась», да и сам сын «от души порадовался и умилился было до слез»¹¹⁶.

В своем дневнике Забелин написал о последнем дне жизни матери: «7 ноября (1861 г. – *авт.*). Во вторник в половине второго днем скончалась маменька. После долгих и мучительных страданий, смотря на которые, я всю ночь не спал. "Куда деться, куда деться, батюшки, куда деться". Называла меня Егором Степановичем – именем отца. Федоров. В забыты. – Дуня, распянишь, Дунюшка, распянишь, Дуня распянилась. – Куда эта дверь? – В коридор, маменька. – Куда эта дверь? Куда эта дверь? Эта дверь вон. Подпольный капитал, где подпольный капитал?»¹¹⁷.

В личном архиве И.Е. Забелина сохранилась страничка с черновыми записями расходов на похороны и поминальную трапезу. На обороте рукописный текст: «Гроб вишневого бархата с золотым позументом и кистями на 6 ногах... Внутри и подушка отделка атласная. Дроги парой с тремя людьми и хорошим трауром»¹¹⁸. На другом листке записи тушью эпитафии на памятнике: «...Исчезе в болезни живот мой, и лета моя в вози дух мой с миром»¹¹⁹.

Так, у Забелиных появилось свое место на московском Ваганьковском кладбище. В мае 1864 г. здесь было установлено каменное надгробие. В 1882 г. Иван Егорович похоронил здесь и свою супругу Марию Петровну, через 14 лет – дочь Анастасию, а в начале 1909 г. здесь упокоился и сам Забелин.

Брат Петр Егорович

Итак, в семье Забелиных было трое детей – мальчиков. О первенце Алексее, как уже говорилось, мы ничего не знаем, вероятно, он умер все-таки

¹¹⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 47.

¹¹⁷ Там же. – С. 62–63.

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 7.

¹¹⁹ Там же. – Л. 8–8об.

в младенчестве. Ивана Авдотья Федоровна, как известно, родила 17 сентября 1820 г., а 28 июня 1828 г. появился на свет третий сын, названный Петром.

С Петром, по всей видимости, связана самая острая драма семьи Забелиных, причем сам Иван Егорович не упоминает об этом ни в воспоминаниях, ни в дневниках. Но в одном из дел его личного архива сохранилось более 10 листов материалов, по которым можно восстановить обстоятельства и детали этой горькой семейной истории. третий сын родился у Авдотьи Федоровны во время переезда к мужу из Алексина в Мышкин, через Москву, и его пришлось отдать в Московский Воспитательный дом.

Обстоятельства этого поступка проясняют черновики документов и сами подлинные документы, отосланные в высшие инстанции и датированные сентябрем–октябрем 1841 г. Вот, что, в частности, писала Авдотья Федоровна в прошении в Московский Опекунский совет 21 октября 1841 г.: «В 1828 году в проезд мой через Москву в город Мышкин, где муж мой состоял тогда на службе, я, будучи беременною и находясь в болезненном положении, принуждена была в Москве и остановиться, в приходе церкви св. Пимена, что в старых Воротниках, в доме Иванова, в квартире дворового человека Петра Александрова Кологривова Николая Васильева, у коего 28 июня и разрешилась от бремени сыном Петром, который и окрещен в вышесказанном приходе того же числа (и коему отчество дано уже по крестном отце Парфении Григорьеве). Сострадательные хозяева, входя в мое несчастное положение и крайнюю бедность во время тяжкого моего болезненного состояния, отдали 24 числа того же 1828 года новорожденного сына моего в Воспитательный дом, где отчество дано ему по крестном отце Парфении Григорьеве, уверив меня, что он как законный сын обер-офицера будет там воспитан приличным его званию образом. На что согласилась я и муж мой по причине нашей ужаснейшей бедности. Оправившись от болезни, я уехала в город Мышкин, где, как выше было сказано, муж мой находился на службе... По смерти моего мужа... я не имела ни случая, ни средств приехать в Москву. Хотя

весьма долгое время не имела никакого известия о моем сыне, однако ж, полагая всегда, что он воспитывается в классах Воспитательного Дома, для обер-офицерских детей учрежденных, я ласкала себя утешительною надеждою, что он, будучи со временем образованным человеком, сам устроит свою участь. По приезде же моем в Москву к крайнему моему прискорбию уведомилась я, что вышеупомянутый сын мой Петр, состоя под №3273 – 1828 года отдан в прошлом 1840 году в усыновление к казенному крестьянину Клинского уезда, Павлюковской волости, деревни Еросьма Андрею Васильеву. Желая доставить сыну моему сколько возможно приличное его званию учение и образование и имея ныне к тому возможность, я покорнейше прошу Опекунский Совет приказать возвратить мне его с надлежащим свидетельством от Воспитательного Дома, на мое собственное содержание и попечение. Причем в удостоверение законности его рождения и звания имею честь представить Метрическое о рождении и крещении его свидетельство, данное и Московской Духовной консистории 29 минувшего сентября за №6207, которое по миновании надобности прошу мне возвратить для представления оного при прошении о помещении сына моего в какое-либо учебное заведение... Октября 21 дня 1841 года. Жительство имею Тверской части, в приходе церкви Похвалы Богородицы, в доме, принадлежащем Дворцовой конторе бывшего Пашкова дома»¹²⁰.

Подобное пространное прошение Авдотья Забелина позже писала и в Московскую Палату государственных имуществ с добавлением слов: «...Узы родства кровного сильнее уз родства условного. И ныне при его (Петра – *авт.*) желании и согласии при содействии другого моего сына губернского секретаря Ивана Егорова Забелина, я, наконец, имею возможность взять его на свое попечение, почему и всепокорнейшее прошу оную Палату уволить родного сына моего Петра из своего ведомства для возвращения в родное его семейство...»¹²¹.

¹²⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л.28–29об.

¹²¹ Там же. – Л. 10 об.

На этом прошении неровным почерком стоит роспись просительницы: «К сему прашению вдова коллежския секретарща авдотья федоровна забелина руку приложила», а также и подлинная роспись-согласие самого сына Петра: «В удостоверение моего желания и согласия возвратиться к родной моей матери авдотьи федоровой забелиной подписуюсь усыновленный воспитанник петр панфилов»¹²². Это единственный сохранившийся автограф Петра (не считая его нескольких писем к старшему брату, находящихся в архиве Забелина) – родного брата И.Е.Забелина.

На прошении есть и автограф самого И.Е.Забелина, удостоверяющий, что «...усыновленный воспитанник Петр Панфилов действительно родной сын матери моей коллежской секретарши Авдотьи Федоровны Забелиной, а мне родной брат, в том свидетельствую и подписуюсь. Губернский секретарь Иван Егоров сын Забелин»¹²³.

В архиве И.Е.Забелина хранится еще заверенная сургучной печатью копия метрики, где сказано, что на 4-й день после рождения младенца 28 июня 1828 г. в храме Пимена, что в Старых Воротниках, состоялось крещение Петра Забелина. Указаны место рождения Петра – в квартире господина Петра Александровича Кологривова, в жилище его дворового человека Николая Васильева, а также имена восприемников – священника, диакона и пономаря храма¹²⁴.

Как развивалось дело с попытками вернуть Петра в семью Забелиных, мы не знаем. Возможно, сразу Петра матери не вернули, но потом он, по видимому, какое-то время проживал с Забелыми. В дневниках Иван Егорович трижды вскользь упоминает брата: в 1861 и в 1864 гг. – в первый раз, когда речь идет о размолвке с Петром у Н.Х.Кетчера «в первый день Светлого праздника», а во втором случае – о каких-то вещах, сборах и 4-дневном переезде Петра (возможно, из Москвы?). И.Е.Забелин дважды

¹²² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 10об.

¹²³ Там же. – Л. 11.

¹²⁴ Там же. – Л. 20–20об.

давал ему деньги¹²⁵. Мы совсем не знаем, какова была жизнь и судьба Петра Егоровича, где он жил, сколько лет прожил, где похоронен. Об этом нет нигде упоминаний.

¹²⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 51, 65, 66.

ГЛАВА 3.

МОСКОВСКОЕ ДЕТСТВО И.Е.ЗАБЕЛИНА

Теперь перейдем к жизнеописанию главного героя нашей книги – Ивана Егоровича Забелина. Напомним, что в декабре 1821 г. отец Ивана Егоровича с помощью своего знакомого, известного в то время юриста П.И.Дега сумел получить место в Московском губернском правлении, семья перебралась в Москву¹²⁶. С этого времени (с годовалого возраста) и до конца дней своих Иван Егорович Забелин был связан с Москвой почти неразрывно. А.А.Формозов пишет: «Если собрать воедино месяцы, проведенные ученым на раскопках в Приднепровье и Причерноморье, и недели – в командировках в Петербург и Владимир, вряд ли все вместе они составят больше четырех–пяти лет из прожитых им восьмидесяти восьми»¹²⁷, и эти остальные годы своей жизни Забелин провел в Москве.

Таким образом, жизнь Ивана Егоровича в Москве охватывает смену нескольких эпох: от Москвы послепожарной к Москве пореформенной и до Москвы начала XX в. Судьба Забелина-москвича разворачивалась на фоне пяти царствований: в самом раннем детстве застал он эпоху императора Александра I (1801–1825 гг.), его юный возраст, молодость и начало ученой деятельности пришлось на царствование императора Николая I (1825–1855 гг.). При императоре Александре II (1855–1881 гг.) он приобретает авторитет и как исследователь и знаток архивов, и как археолог, достигает больших высот в научной деятельности, в этот период были положены основания его важнейшим трудам и в области истории, и в области москвоведения, он

¹²⁶ В.Шарков относит переезд Забелиных в Москву к 1820 г. См.: *Забелин И.* Воспоминания о жизни / Публ. В.Шаркова... [Примечания]. – С.402.

¹²⁷ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.232.

входит в крупнейшие научные общества, стоит у истоков первого национального музея – Императорского Российского Исторического музея. С двумя последними царствованиями – императора Александра III (1881–1894 гг.) совпал и зрелый возраст И.Е.Забелина, и достижение им вершин научного творчества, в этот же период жизнь была неразрывно связана с Музеем, который в переносном и буквальном смысле стал его домом.

В течение всех этих долгих десятилетий, прожитых в Москве, Забелин был свидетелем того, как менялась Первопрестольная, был и непосредственным участником этих изменений и вообще многих важных событий в жизни Москвы.

Когда Забелины впервые приехали в Москву в 1821 г., то застали ее уже значительно преобразившейся после пожара 1812 г. Основные работы по восстановлению московской застройки, уничтоженной Великим пожаром, были завершены к концу второго десятилетия XIX в., и Москва активно благоустраивалась. Уже несколько лет как прошли торжества 5-летия победы над Наполеоновской армией с приездом императорского двора и гвардии в Москву (1817 г.), уже стоял построенный к этим торжествам великолепный Манеж против кремлевских стен, на месте русла р. Неглинной в 1820-е гг. создавался первый московский публичный сад – Кремлевский (Александровский), вокруг Кремля формировалось парадное кольцо площадей, на Воробьевых горах было начато строительство Храма Христа Спасителя по проекту архитектора А.Л.Витберга. К 1825 г. было построено новое здание Петровского театра. Как вспоминала Е.П.Янькова, «...с 1817 и 1818 годов, когда царский двор долго пребывал в Москве, все опять пошло на прежний лад, и стало во всем больше роскоши приметно»¹²⁸. Год приезда Забелиных Москву был годом, когда Московскую митрополичью кафедру занял Филарет (Дроздов). В 1820-е гг. Москва менялась: на месте бывших укреплений Белого города активно развернулись работы по устройству

¹²⁸ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные е внуком Д.Благово. – М., 1989. – С. 267.

бульваров (начало им было положено еще на рубеже XVIII–XIX вв.), вместо валов Земляного города формировалась кольцевая улица, с застройкой, оформленной палисадниками – будущее Садовое кольцо, благоустраивались набережные Москвы-реки, реконструировался Мытищинский водопровод. За Калужской заставой впервые на городские средства строилась больница – Первая Градская. В эти годы в Московском университете преподавали профессора И.М.Снегирев, М.Т.Каченовский, начал преподавать М.П.Погодин.

В своих воспоминаниях Иван Егорович наиболее подробно описал годы своего детства и юности. Благодаря этому мы знаем, что в 1827 г. они с матерью жили в отдельной комнате на Молчановке в квартире студентов, которые, уехав на время, поручили Авдотье Федоровне свои вещи. В это время отец Ивана получил новую должность в Мышкине (Тверская губ.), а его супруга и сын перебрались на Пресню, где Авдотья Федоровна поступила в услужение в дом Аргамакова. О жизни на Пресне Забелин вспоминал: «Сколько помню сам и по рассказам матушки, барин Аргамаков был нелепый господин. Живо помню, как у него совершалась в его кабинете, близ его спальни, на каждый праздник церковная служба, всенощная. Стоял большой, красного дерева комод со многими ящиками, отделанный блестящею бронзой, скобы у ящиков медные, очень блестящие. На комодѣ образа в блестящих ризах, перед ними множество горящих свечей. Приходил причт. Пели и кадили. Иногда после такой службы производилась расправа на дворе, слышались стоны и крики, плач от сеченья людей. Это были крепостные извозчики. Барин промышлял ими, назначая каждому к вечеру доставлять ему за извоз не менее скольких-то рублей. Кто не привозил этой суммы, того на дворе у Конюшенной поролі розгами, столько ударов, сколько недоставало копеек к указанной сумме. Упомянутый комод, как мне не раз случалось видеть, в верхнем ящике заключал в себе собираемую с извозчиков казну. В ящике были перегородки, и в них серебряная мелочь – особо пятачки, гривенники, двугривенники, пятиалтынники, четвертаки,

полтинники. У меня остался в памяти и этот блеск от свечей и иконных риз, и этот блеск денежного серебра в ящиках комода. Барин был очень богомолен. Всегда ходил по церковные службы, причем вперед носил в церковь он собственные свечи, которые ставились им перед образами и по окончании службы собирались и относились домой. В воспоминании осталось также, как мы с товарищем иногда в ожидании завтрака и обеда голодали. Об нас, детях, кажется, никто и не заботился. Обо мне и не следовало, но о племяннике барском следовало бы. Помню, как мы чуть не со слезами выпрашивали у буфетчика по кусочку ситного хлеба, и он всегда отрезал нам именно кусочки, маленькие ломтики, которые мы мгновенно съедали. Больше не давал»¹²⁹.

Небольшой период, около года, в жизни будущего ученого был связан еще с окрестностями старинного г. Алексина (Тульская губ.), с селом Ботня. В 1827 г. мать Ивана Егоровича по рекомендации поступила в экономки в имение кн. Вадбольского. Этот год сельской жизни запомнился Забелину, он не только познакомился с крестьянским бытом, с обычаями, с крепостным обиходом, но и, как вспоминал потом, здесь «впервые почувствовал природу, то есть леса, речка, кусты, зеленая поляна потянули к себе мое чувство», и далее: «Сельцо Ботня мне очень памятно по деревенским впечатлениям, оставшимся мне в утешение на всю жизнь, так полюбил я деревню и деревенское житье»¹³⁰. Видимо, с этого же времени и на всю жизнь Иван Егорович приобрел влечение к миру природы (который тогда его «больше интересовал, чем мир людской»), о чем он неоднократно упоминает в своих дневниковых записях, как, например, в 1867 г.: «...И теперь я не прочь просидеть все утро над водою лужи или пруда. У меня есть какое-то тайное сочувствие этому миру. Я сосредотачивался в младенчестве над мыслью, что

¹²⁹ Забелин И. Воспоминания о жизни / Публ. В. Шаркова... – С. 396–397.

¹³⁰ Там же. – С. 398, 401.

тут живут, тут жизнь. Это меня всегда влекло к уединению, и теперь мои душевные мечты бродить в лесу, в поле, у воды, смотреть, глазеть»¹³¹.

В июне 1828 г. Авдотья Федоровна с Иваном вернулись в Москву. Возвращение запомнилось Забелину. Уже взрослым он вспоминал об этом: «Из моих еще детских воспоминаний о Москве особенное впечатление произвели на меня следы необычайной бури, случившейся в Москве 26 июня 1828 г. С матушкой мы ехали тогда из Тулы на простой крестьянской подводе с кибиткою в одну лошадь. Утром на другой день после бури мы въехали в Москву. Мужичок повез нас через весь город от Серп[уховской] заставы и на Садовую близ Триумфальных ворот, где у него жили в кузницах родные. Мы ехали шагом. Двигались шагом как простой деревенский воз. Живо вспоминаю эту картину опустошений всей Москвы. По улицам еще стояли широкие лужи, по сторонам местами лежали поваленные деревья, свернутые, согнутые листы железных кровель, мы стали, и проехать было затруднительно. Особенно грустное впечатление производили церкви без крестов»¹³².

В другом месте воспоминаний он вновь возвращается к этой теме: «Церкви без крестов, дома без крыш, разбитые стекла, поваленные заборы. Мужик привез нас в Кузнечный ряд на Садовой-Ямской-Тверской. Жизнь с кузнецами. Матушка больная, ее отвезли в больницу. Я остался один. Среди чужих. Плакал, а потом перестал»¹³³. Здесь родился младший брат Ивана Егоровича Петр. А вскоре начались совсем тяжелые времена – внезапно в том же году умер отец, Егор Степанович, Авдотье Федоровне, оставшейся с двумя детьми и без средств к существованию, как вдове чиновника оказалось очень затруднительно найти какой-либо заработок. Младенца Петра, как уже говорилось выше, мать вынуждена была отдать в Воспитательный дом, откуда его усыновили, дали другое отчество и фамилию.

¹³¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 287–288.

¹³² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 32об.

¹³³ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой // Река времен (книга истории и культуры). – Кн.2. Гражданское общество и частная жизнь. – М., 1995. – С.16.

Вообще детские годы для Ивана Егоровича были полны лишений. Мать была занята добыванием копейки (в полном смысле этого слова) на пропитание, бралась за любую работу. Позже, вспоминая детство, Забелин писал, что с приезда из Ботни в Москву 27 июня 1828 г. «начались наши неодолимые бедствия, продолжавшиеся для меня с лишком 4 года, а для матушки ровно 10 лет»¹³⁴. Уже взрослым Иван Егорович с горечью писал, об этом периоде: «1828 июня 26 – 1832 ноября 12. С лишком четыре самых бедственных года моей еще малолетней жизни от 8 до 12 лет. Прямо это были в буквенном точном бесприютные голодные годы. Несчастье заключалось в том, что матушка была чиновница. Она желала поместиться уже не в экономки, а хотя бы горничные – никто ее не брал, коллежскую секретаршу. Нельзя было найти никакого места еще и потому, что у ней был сын – это я, несчастный, который связывал матушку по рукам и по ногам. В горькие часы голода она так и называла меня связью, плакала и в отчаянии горько жаловалась, что я ей настоящая помеха, что со мной никуда двинуться невозможно, точные кандалы, тяжелые, кандалы заключались [нрзб] в том, что я существовал. Хотя такие жалобы случались не часто, только в самые бедственные безвыходные часы, но они внушали мне нерадостное чувство и понятие именно о том, что я причина бедствия, что я ненужный, лишний человек даже для матери, и не только лишний, но и причина бедствия. Это на всю жизнь оставило глубокий след в моих чувствах и помыслах, а, след[овательно], и в поступках. Везде и всегда я чувствовал себя ненужным лишним человеком, и потому много терял в развитии своих отношений к людям, в знакомствах, в службе у начальства и то, что особенно, в знакомствах, которые не поддерживал, как следовало, именно потому, что всегда думал, что я лишний, не нужный никому. "Связа! Ты мне связя! С тобой мне некуда деться! Только и остается, что ходить по миру". Так в горькие и отчаянные дни нашего голодного бытия матушка называла меня в

¹³⁴ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С.21.

отчаянии, что не может поступить на какую-либо должность, например, в экономки или хотя бы в горничные. Нигде с мальчиком не берут. Точно так же и чин коллежской секретарши становился большой преградой к поступлению в услужение. Никто не желал взять в горничные чиновницу. Работы домашние, которыми можно было бы прокормиться, выпадали случайно. Иногда их было довольно. Матушка была мастерица шить всякое белье и платье, капоты, салопы и т.п., вязать из шерсти теплые ботинки, которые иногда заказывали рядовичи, особенно ко времени Макарьевской ярмарки. Тогда у нас наставало веселье, хотя такая работа не давала больше 30 копеек в день, иной раз только 20 копеек. При этом и я помогал в каких-либо мелочах отделки. Собирал, напр[имер], кисточки к вязаным ботинкам и шил исправно холщевые рубахи, как однажды заказано было сшить несколько дюжин таких рубах для какой-то больницы. Я точал так крепко, что иногда приходилось перешивать по какой-либо ошибке, то матушка даже сердилась на мое крепкое шитье. Нелегко было его распарывать, приходилось портить полотно. Случалась и такая работа – обертывать в бумажки цветные и с печатными стишками конфеты, леденцы, отпускаемые всегда по весу, который в точности и принимался, когда матушка сдавала работу. На конфетах мы зарабатывали очень мало, не больше 20 копеек в день. Я почитывал курьезные надписи на этих обертках, которые остались в памяти»¹³⁵.

В конце 1830 г. Забелины проживали в маленькой каморке в полуподвале в доме пономаря храма Пятницы Божедомской близ Пречистенского бульвара¹³⁶. Полгода пребывания по этому адресу, судя по воспоминаниям, довольно много дали для развития 10-летнего Ивана. Уже 70-летний Иван Егорович весьма подробно вспоминал свое первое приобщение к церковной жизни Москвы: «Здесь, живя у пономаря, я мало-

¹³⁵ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 21.

¹³⁶ Храм Спаса Нерукотворного в Царицынском пер., более известен как Пятница Божедомская. Снесен в 1934 г. В 1899 г. Забелин писал, что «этот домик (пономаря – авт.) и доколе... стоит в углу у самой кирпичной стены от богатого соседа, отделившего этой стеной свою межу от церковного монастыря, как прозывалось все пространство вокруг церкви».

помалу сделался церковником, помогая пономарю в его обязанностях. Я выучился звонить не только в один колокол, но и во все. Колоколов было пять, два зазвонных, два полиелейных и большой, язык которого был привязан к положенной доске, становясь одной ногой на которую, и возможно было ударять языком. В левой руке зазвонные, в правой полиелей. Надо было начинать с одного зазвонного несколько раз, потом ударять также в другой, затем с одного полиелея, и за ним ударять другой, и после того ударять все вместе и с большим. Дело было трудное, но к весне я уже звонил вовсю не хуже самого пономаря, особенно на Святой, когда обязательно звонили повсюду по несколько раз в день. Были мальчики-товарищи, которые вначале и помогали мне, но до премудрого звона не могли достигнуть по малолетству. В церкви из мальчиков тоже оказывался более полезным я один. Я выносил свечу перед Евангелием, готовил теплую воду к совершению таинства, за церковным старостой ходил для сбора с кружкою, за что при хорошем сборе староста давал мне пятак, иногда десятикопеечник. Подавал просвиры в алтарь для поминовения за здоровье и за упокой. Только очень трудно было мне вставать к заутрени, особенно зимой, а потому к этой службе я являлся очень редко. Пришло Рождество, и вот, по указанию пономаря, его племянник и два сына дьячковы, всего собралось человек шесть, мы отправились Славить Христа по приходу, вычил я и небольшую рацею. Где нас принимали, где нет, но помню, что на мою долю мы собрали 60 копеек. Впервые я видел столько денег у себя в руках. Очень было приятно. Я их берег долгое время, пока, наконец, они понадобились матушке на покупку хлеба и других радостей для питания, так как жили мы все впроголодь и бывали дни, когда и куска хлеба не было. Так случилось и к Святой. Время подходило уже к заутрени, а у нас не только Пасхи и Кулича не виделось, но и хлеба оставалось краюха около фунта. Всю Страстную неделю и чаю не пили, пили шалфей. Часа за три до заутрени неожиданно является старая знакомая матушки, для которой месяца два назад матушка шила капот и заработку не получила. Знакомка просила подождать. Матушка

думала, что деньги уже пропали. И вот теперь неожиданно знакомка принесла деньги, всего и долгу был талер – 4 рубля с копейками. Вот была радость, даже до слез. Знакомка и сама бедная, хорошо знала нашу бедность и выбрала самую дорогую минуту уплатить свой долг, говоря, что и сама только что на днях разбогатела. Никогда после не испытывали мы такой радости в Светлый праздник. Матушка тотчас отправилась в лавочку, закупила и Кулич, и Пасху, и чаю-сахару и белого хлеба, всего, что было надобно, даже и мне пряник»¹³⁷.

Есть и другой фрагмент воспоминаний Забелина о беспросветной бедности в этот период: «...я бегал в лавочку, купить, что надобно, и притом по снегу, босыми ногами, так как обуви не было, башмаки совсем изнашивались, а новых купить не на что»¹³⁸.

В доме у Пятницы Божедомской маленький Иван стал самостоятельно осваивать грамоту: «Читать я уже немного знал и по гражданской печати и больше по церковной, которую читывал по отцовскому молитвеннику, очень маленькому по формату. Теперь мне хотелось выучиться писать. Я и начал списывать церковные печатные буквы и таким образом, хотя и с великим трудом, мог писать несколько строк безобразными каракулями, зато разборчиво. К сожалению, никакого употребления из этого письма не последовало, и потому усовершенствовать его я не мог. Не было никакой надобности в письме в детстве. Чтение по гражданской печати шло более успешно. Не помню, откуда явилась книжка сочинений Карамзина, где находилась повесть "Остров Борнгольм". Читал я все-таки не чисто, а с заиканьем, как подобало первоуку»¹³⁹.

Обучению Забелина грамоте способствовало знакомство с сыновьями дьячка храма Пятницы Божедомской. Вот, как об этом вспоминает Иван Егорович: «Два сына дьячка, один постарше меня, другой ровесник мне, уже

¹³⁷ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С.22.

¹³⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 43.

¹³⁹ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С.23.

учились в семинарии, а потому и не особенно склонны были церковничать, то есть прислуживать в церкви, предоставляя это исполнять мне. Но я жил с ними в приятельстве. Старший убедил меня учиться даже по латыни. Я с охотою согласился и ходил к ним на уроки, выучил азбуку и мог уже читать, твердил наизусть слова. Задавали по 5 слов в день, но я не осиливал...»¹⁴⁰.

С Пятницким храмом связан необычный, просто чудесный случай спасения, который запал в память Забелину. Весной 1831 г., пытаясь достать птичьи яйца на церковном чердаке, Иван был крепко зажат металлический крышей. Он вспоминал: «Кровля прижала меня и не выпускает. Я верчусь и так, и сяк. Ничего не помогает, Кровля приплюснула меня крепко. Напало на меня полное отчаяние. Холодный пот выступил на моей голове, волосы стали дыбом. Кричать я побоялся, да и не услышал бы никто – высоко, и глухо на церковном чердаке. Несколько минут я был в безнадежном отчаянии. Что делать, как быть! Умирать под крышей! Пришло на ум перекреститься. И только я подвинул для креста правую руку и по необходимости должен был сильно поднять правое плечо, железо дрогнуло от этого движения, и я тотчас высвободился из опасности. Никто, как Бог и Святой Крест помог моему спасению. Целый день я чувствовал какое-то расслабление, дрожание во всем теле. И с той поры перестал лазить за гнездами»¹⁴¹.

В конце мая 1831 г. Забелины вновь сменили жилье. Теперь они жили также в полуподвале, в доме на углу Остоженки и 1-го Ушаковского пер. Иван Егорович вспоминал: «Это была самая приятная квартира, совсем отдельная от соседских углов и каморок... Житье в этой квартире очень мне памятно по многим обстоятельствам. Во-первых, здесь я стал чувствовать необычайную тоску и скуку по случаю настойчивого повеления матушки неотменно каждый день утром, как встанут, читать "Начатки Священной истории", единственной маленькой книжки, какая существовала у нас. Она и

¹⁴⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 45. Вспоминая эту историю в конце XIX в., И.Е.Забелин уточнял: «Дом дядьки находится и доныне на другой стороне переуллка, против церкви. Во дворе был небольшой садик, а в нем беседка, где и происходило наше ученье» (Там же.).

¹⁴¹ Там же. – Л. 44–45.

была куплена матушкою именно с целью упражнять меня в учении, чтоб не забыл я читать и чтобы знал свящ[енную] историю»¹⁴².

Новое жилище Забелиных находилось рядом с Москвой-рекой, здесь в то время были развалины каких-то домов, пустырь, заросли. Через многие десятилетия, занимаясь самопознанием, записывая зарницы детской памяти, уже почтенный Иван Егорович отмечал свои проявившиеся уже тогда в детстве черты наблюдательности и склонности к фиксации мелочей, явлений природы: «Для меня это был лес, дикий уголок природы, которую я и чувствовал здесь бессознательно, самым сильным теплым чувством, наблюдая все то, что происходило вокруг меня: жизнь растений, насекомых, бабочек, божьих коровок. Этот пустырь был любимым моим пристанищем после испытываемой тоски и скуки от чтения священной истории. Бывало, заберусь сюда в кусты и крапиву и сижу целые часы, подсматривая жизнь насекомых, единственных моих собеседников, куда бежит букашка, Божия коровка, муравей, куда летит и что делает расписная красивая бабочка. Под листьями крапивы находил я прелюбопытные куколки, покрытые золотистым чем-то, а другие серебристым. Вид их походил на спеленутого ребенка, и они висели под листом вниз головой. Все это меня занимало не так, как «Начатки священной истории», которая вовсе меня не занимала. С переулком я знакомился постепенно и, проникая с боязнью в него все дальше и дальше. В его конце был прудок, который также доставлял мне занятие в наблюдении над его жизнью. Здесь меня поразили разные маленькие чудовища, плавающие и ныряющие не то тараканы, не то какие-то непонятные фигуры, а также и пиявки»¹⁴³.

Иван «с раннего утра до вечера... барахтался в Москве-реке у Крымского моста», ловил руками налимов, гольцов и уклеек – «Сделался усердным рыболовом», вспоминал он¹⁴⁴. Однажды во время игр со

¹⁴² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 46об.–47.

¹⁴³ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С 24.

¹⁴⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 49об.

сверстниками по «осаде крепости» кирпич угодил ему прямо в лоб. Мальчик потерял сознание, кровь лила ручьем: «Рубашка вся в крови. Матушка выбежала и всплеснула руками, конечно, с горячностью браня меня: "Что ты наделал, связа моя, несчастный". Умыла меня. Посоветовали соседи лечить свинцовой примочкой, от которой рана вскоре зажила. Доселе остается у меня на лбу достопамятный рубец. Может быть, этот удар значительно отшиб мне память или какую другую способность»¹⁴⁵.

Живя на Остоженке, Авдотья Федоровна, как и прежде, зарабатывала шитьем и вязанием для городских рядов и к Макарьевской ярмарке, а сын помогал ей, за что получал вознаграждение – гривенник на пряники»¹⁴⁶. На один из этих гривенников (в то время это была большая медная или ее эквивалент – маленькая серебряная, монета) он совершил свою первую книжную покупку, о чем потом вспоминал: «Ходил по улицам крестьянин, продавал лубочные картинки, которые у него были прикреплены на палке. Мальчишкам смотреть картинки он не позволял. Однажды у такого продавца я увидел вытащенные им из-за пазухи лубочные сказки, маленькие книжечки-тетрадки. Они очень прельстили меня и напомнили мне первую мою азбуку, тоже с картинками. Купить в этот раз я не мог, не было у меня денег, но все-таки порасспросил, где можно купить. Крестьянин сказал, у Ильинских ворот или против Лобного места в рядах свечных. На другой день, выпросив у матушки гривенник, отправился искать Лобное место. Дороги не знал, но язык до Киева доведет. Спрашивал и достиг своей цели. Шел через Кремль в Боровицкие и в Спасские ворота и порядочно трусил. Как бы не заблудиться. Как теперь помню эту маленькую лавочку,

¹⁴⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 49об. Любопытно, что подобные случаи бывали в детстве и с другими детьми, ставшими впоследствии выдающимися деятелями, учеными. Современник Забелина Макарий Булгаков (род. 1816 г.), будущий знаменитый историк Русской Церкви, митрополит Московский и Коломенский, также в детстве случайно получил от сверстников сильный удар камнем в голову, потерял много крови. Но на удивление всем, оправившись после этого несчастного случая, прежде болезненный, трудно учившийся мальчик стал совершенно здоров и, более того, стал показывать замечательные успехи в учебе (См.: *Титов Ф.И., прот.* Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский: историко-биогр. очерк: В 3 т. – Т.1 / Публ. К.Г.Капкова – М.; Белянка, 2015. – С.19 (Репринт).

¹⁴⁶ *Забелин И.Е.* Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 25; ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 50-50об.

прижавшуюся в ряду свечных восковых лавок против самого Лобного места, вокруг которого тогда торговали калачами и сайками. Торговец выложил мне почти десяток сказок, но гривенника было мало для покупки. Торговец за гривенник уступил мне самую маленькую – о "Булате-молодце". Дрожащими руками я ухватил дорогую книжечку и побежал домой, именно побежал, спешил дома развернуть книжечку и посмотреть картинки. Сказка доставила мне величайшее удовольствие и картинками, и чтением. Так и после я проторил эту дорогу к сказкам, и к концу осени накопил уже 8 сказок»¹⁴⁷.

Правда, в воспоминаниях Иван Егорович признавался, что тогда не очень любил читать: «Книгочтение было для меня занятием скучным и положительно бесполезным, как я и убедился впоследствии, иногда принуждая себя читать и читать»¹⁴⁸. При этом склонность к мыслительной деятельности, к аналитической работе ума развивалась у Забелина с детства. Он вспоминал об этом: «В молодости я всегда казался больше образованным, чем на самом деле, и это происходило, главным образом, по той причине, что в суждениях я держался больше всего идей, умел понимать идеи, может быть, и завирально, но всегда умел доказать свое понимание. Знание было самое малое, а понимание достаточное. На двух-трех фактах я уже строил общее заключение и вывод. Понимание забегаало вперед перед знанием...»¹⁴⁹.

Авдотья Федоровна старалась обучить сына хоть какой-то грамоте. Она нашла ему учителя чистописания. У самого Забелина остались самые теплые воспоминания об этом. По прошествии многих лет он записал: «Мое учение происходило в Застольной, она же была и обширной людской кухней помещика. Учитель учил меня за изготовляемое матушкою его жене разное шитье платьев и рубаш. К этому учителю я чувствовал большую симпатию именно за то, что он был собирателем разных лекарственных трав и брал меня с собою собирать травы на Воробьевы горы с его двумя сыновьями,

¹⁴⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.12. – Л. 51об.

¹⁴⁸ Забелин И. Воспоминания о жизни / Публ. В.Шаркова... – С. 394.

¹⁴⁹ Там же.

тоже ребятами... Мы отправлялись, взявши с собою только по большой краюхе черного хлеба с солью... Такую краюху черного хлеба давал мне учитель всегда и после урока писания, так как я голодал порядочно, сидя целое утро за письмом. Хлеб был чудесный, или голод был еще чудеснее, и потому и теперь вспоминаю, с какой жадностью и как вкусно я ел этот хлеб. Надо сказать, что дома с матушкой по временам мы голодали порядочно. Иногда не на что было купить и хлеба. Бывало, матушка вскипятит самовар и засыпит его манной крупой, посолив, вот и отличное кушание было. Так продолжалось кряду несколько дней, пока не получалось заработка. Помню, что в иные дни мы сидели совсем без пищи, спасал нас добрый лавочник, отпуская в долг хлеба, чаю, сахару. Вот, почему и памятен мне черный хлеб, получаемый от учителя»¹⁵⁰.

В начале июня 1831 г. Забелины вновь сменили место жительства, переехав в «квартирку» в нижнем этаже углового дома в 1-м Ушаковском пер. близ Остоженки¹⁵¹. Матушке осенью того же года удалось получить место экономки у мадам Яр на Кузнецком мосту, а 11-летнего Ивана она определила «на хлеба» к знакомой швее, жившей тоже на Остоженке, но ближе к Крымскому мосту. Воспоминаний об этом периоде у Забелина почти не осталось: «Здесь зима прошла, не оставив ничего памятного. Помню только, что занимал швей чтением своих сказок и книжек, каких не помню, да писал им каракулями письма к их родным. Одно осталось в памяти, это путешествие с швеею в Донской монастырь к знакомому ей монаху»¹⁵².

Всю зиму Иван прожил отдельно от матери, и лишь весной 1832 г. Авдотье Федоровне, переехавшей с мадам Яр на дачу у Петровского парка, разрешили взять сына с собой. Поселили мальчика прямо на русской печке,

¹⁵⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 51об.–52.

¹⁵¹ В воспоминаниях Забелин помечает: «Этот флигелек, несколько переделанный, существует и теперь» (1898 г.) (Там же. – Л. 58.).

¹⁵² Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 27.

как он вспоминал, «потому что не было никакого уголка для моей особы. В тесноте, да не в обиде, а мне жилось хорошо на печи»¹⁵³.

Летом или осенью 1832 г. матушка вынуждена была уйти от мадам Яр, и ей с сыном вновь пришлось искать новое жилье. Им оказалась комната в доме на левом углу Сивцева Вражка и Пречистенского бульвара. Здесь заканчивалось сравнительно беззаботное, хотя и полуголодное детство Ивана Забелина.

Завершая рассказ об этом периоде жизни Ивана Егоровича, и опираясь исключительно на его воспоминания, еще раз обратим внимание на московскую топографию странствий семьи Забелиных с 1827 по 1832 г.: Молчановка, Пресня, дом пономаря у храма Пятницы Божедомской близ Пречистенки, дом на углу Остоженки и 1-го Ушаковского пер., дом на Остоженке близ Крымского моста, дача у Петровского парка, дом на углу Сивцева Вражка и Пречистенского бульвара.

¹⁵³ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 27.

ГЛАВА 4.

В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ СИРОТСКОМ УЧИЛИЩЕ

В начале 1830-х гг. на несколько лет местом жизни И.Е.Забелина стала восточная окраина Москвы – бывшее царское село Преображенское (позднее занявшее свое место в научном наследии историка) и его ближайшие окрестности. Память о бывшем царском селе и до сегодняшнего дня сохраняется в названии московского района «Преображенское», в топонимах Преображенская пл. (станция метро «Преображенская площадь»), Преображенский вал, ул. Преображенская. А формировалось село изначально у р. Яузы, вдоль дороги на с. Стромынь. Первое его упоминание относится к 1661 г. Началом своего возвышения и расцвета местность эта обязана царю Алексею Михайловичу, приобретшему это село у бывшего владельца – Алексеевского монастыря, и построившего на берегу Яузы дворец; при этой царской резиденции возник первый русский придворный театр; на противоположном берегу реки сложилась слободка дворцовых служителей. Петр I создал новый образ Преображенского, устроив здесь солдатскую слободу с потешными забавами, которая стала местом рождения русской гвардии (так же, как и соседнее с. Семеновское) – здесь был расквартирован Преображенский полк. Здесь же был спущен на воду знаменитый «петровский ботик», и возникла Матросская слобода¹⁵⁴. В документах петровского времени встречается название «Преображенск»¹⁵⁵, как увидим позднее, использованное И.Е.Забелиным.

¹⁵⁴ Подробнее см.: Бугров А.В. Преображенское и окрестности: очерки истории. – М., 2004. – 290 с.; Смирнова К.А. Православные памятники исторических территорий Москвы: Преображенского, Черкизова, Богородского, Семеновского и Благущи: аннот. справ. – М., 2021. – С. 20–22.

¹⁵⁵ См.: Там же. – С. 22.

12-летний мальчик был определен в Преображенское сиротское училище (или Екатерининский сиротский дом, известный также как Матросская богадельня). Здание это на ул. Стромынке на стыке с ул. Матросская тишина (современный адрес – Стромынка, д. 20, объединяет несколько строений) сохранилось, хотя и изменило несколько свой облик – оно утратило боковой купольный объем и надстроено¹⁵⁶.

Богаделенное здание на берегу Яузы (на территории бывшей Матросской слободы) во времена Забелина было хорошо известно москвичам. Основу ансамбля составляли корпуса основанной в 1696–1698 гг. полотняной фабрики, где делали парусину для русского флота. Каменные здания фабрики упоминаются в 1719 г. Вскоре после перевода фабрики в Новгород в 1771 г. строения ее передали вновь учрежденному Екатерининскому богаделенному дому. Его, как уже упоминалось, называли также Матросским, так как сюда поселили престарелых матросов-ветеранов. В 1780-е гг. Богаделенный дом, помимо собственно богадельни, включал больницу и Работный дом. В 1787–1790 гг. по проекту архитектора И.А.Селехова были выстроены южный и восточный корпуса, и образовался ансамбль в виде замкнутого каре. Внутри него в конце XVIII в. была возведена небольшая купольная, напоминающая парковые сооружения, постройка, по всей видимости, хозяйственного назначения. Тогда же в северо-западном углу корпуса на втором этаже была устроена и освящена домовая церковь Воскресения Словущего, над ней был купол с крестом. В 1871 г. при этом храме был устроен придел во имя св. Екатерины мученицы.

В Екатерининской богадельне после Московского пожара 1812 г. было открыто особое отделение для москвичей, лишившихся своего жилья (закрыто в 1818 г.). В 1826 г. западный и северный корпус реконструировали под наблюдением архитектора О.И.Бове. В 1830-е гг. в богадельне

¹⁵⁶ В советское время в здании располагались общежития нескольких московских вузов, в том числе Московского государственного историко-архивного института. Оно и сейчас связано с высшими учебными заведениями.

содержалось до 1 тыс. чел. В части этой огромной Екатерининской богадельни и находилось Преображенское Сиротское училище (дом), куда был определен Иван Забелин.

В архиве И.Е.Забелина хранится небольшое «Дело №38, переданное из Московского приказа [общественного призрения] в Сиротский дом о сыне коллежского секретаря, Забелина Ивана». Это дело – комплекс делопроизводственных документов, переданное в руки Ивана Егоровича уже в его зрелом возрасте, содержит несколько важных документов, связанных с поступлением в училище маленького Ивана и увольнением его оттуда. Среди бумаг сохранилось «Всепокорнейшее прошение» матери Забелина к московскому губернатору Н.А.Небольсину, в котором она писала: «После означенного мужа моего Егора Забелина остался при мне законной наш сын Иван Егоров, имеющий ныне от роду восемь лет, которого я же лаю по бедному моему состоянию определить в училище при Матросском богаделенном доме, учрежденное... Всепокорнейше прошу, как вышеписанное учебное заведение состоит под непосредственным вашим ведением, сына моего Ивана Забелина в оное поместить...»¹⁵⁷. Простение датировано 4 сентября 1829 г.

По каким-то причинам простению тогда не был дан ход, и 15 октября 1832 г. Авдотья Федоровна вновь пишет такое же простение на имя того же Н.А.Небольсина. В конце текста она указывает свой адрес: «...жительство имею в Москве Тверской части в доме графа Шереметева»¹⁵⁸. На этот раз простение было удовлетворено, и, как вспоминал Иван Егорович, в первых числах ноября 1832 г. в дом на углу Сивцева Вражка и Пречистенского бульвара, где Забелины тогда жили, пришел «хожалый» (городовой) с бумагой от Приказа общественного призрения, предписывающей Авдотье Федоровне доставить сына в Сиротское училище в Матросской богадельне¹⁵⁹.

¹⁵⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 3.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 62.

Отныне начинался новый период в жизни Ивана – трудное, голодное, но все же беззаботное детство заканчивалось, юность начиналась поступлением в Сиротский дом (училище). Много позже, в автобиографии Иван Егорович емко охарактеризовал воспитание в нем как «старозаветное, спартанское, суровое и жестокое»¹⁶⁰.

Обучение здесь продолжалось несколько лет, и это время крепко запало Забелину в душу – этому периоду жизни он посвятил яркие, пространные воспоминания. Цепкая память будущего историка запечатлела сборы в дорогу: «На дворе стоял ноябрьский холод то с дождем, то с мокрым снегом, а у меня, кроме летнего нанкового казакина, таких же штанов и пикейной жилетки, никакой другой одежды не было. На ногах были истертые летние башмаки. Денег на то, чтобы купить что-либо теплое, тоже не было. Маменька горько заплакала, за нею и я чуть не зарыдал. Меня особенно сокрушала мысль, что я должен расстаться с маменькой...»¹⁶¹. Все же удалось занять у дворника старый овчинный тулупчик с дырами, большие, не по размеру, сапоги и картуз.

Предоставим теперь самому И.Е.Забелину слово для описания и пути в Преображенское сиротское училище, и переживаний первых дней пребывания в нем, и методов обучения и сурового быта учеников – все это подробно изложено им в воспоминаниях.

В Училище Иван с матерью от Пречистенского бульвара отправились пешком 12 ноября 1832 г.: «Памятна мне эта дорога от Сивцева Вражка до Матросской богадельни. Это почти из конца в конец всей Москвы. Мы шли через Кремль в Боровицкие ворота. В Кремле, у церкви Иоанна Предтечи мы отдохнули, посидели на ступенях каменной лестницы. Я вспомнил, как ни один раз в малолетстве маменька приводила меня сюда больного и клала на каменный пол церкви для получения исцеления от болезни. У Спасских ворот маменька помолилась и расплакалась... Шли мы долго, путались в

¹⁶⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1.

¹⁶¹ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 28.

улицах и переулках, расспрашивая, как пройти в богадельню. У встречных церквей, а то и у торговых лавок присаживались для отдыха. Наконец, достигли Красного пруда, откуда начиналось очень пустынное тогда Сокольничье Поле, где присесть уже было не на чем. К тому и погода изменилась: пошел сильный мокрый снег с сильным ветром. Холод и мокрота пронизывали нас. После невыносимо долгого шествия показалось, наконец, и обширное здание богадельни...»¹⁶².

После долгого ожидания у дверей надзиратель провел Забелиных в небольшую комнату с кроватями и удалился. Встреча с Сиротским училищем и его воспитанниками уже в зрелом возрасте описана Иваном Егоровичем так: «На кроватях сидели воспитанники. Они все собрались, чтобы глазеть на меня с маменькой. А мы тоже сидели на моей кровати молча и неподвижно. Потом маменька поднялась, чтобы идти домой. Прощальные слезы известны. Но мои прощальные слезы были так горьки, что я и теперь готов заплакать и на самом деле, когда вспоминаю эту разлуку с маменькой, всегда у меня наворачиваются слезы. Когда маменька ушла, тут-то и разлились мои горчайшие слезы, я зарыдал, упал на пол с непрерывными рыданиями, так и заснул на полу. Воспитанники унимали меня, иные даже сердито кричали на меня. Кроме горькой разлуки, меня угнетала горькая мысль, как пойдет маменька в темную ночь по Сокольничему пустынному полю, неся тулуп, сапоги дворника. Все время это меня очень беспокоило. Грязное, темное, до крайности холодное, пронзительно ветреное, застилаемое мокрым снегом Сокольничье поле представлялось мне каким-то ужасом гибели. После маменька рассказала мне, что, выходя из училища, тулуп надела на свой салом и прошло поле, хотя и со страхом, но благополучно, не встретив ни одной души, даже и пройдя Красный пруд. На другой день с утра началась для меня училищная жизнь. Я проснулся рано и, оказалось, на своей кровати. После я узнал, что сонного меня служитель поднял с пола и положил на

¹⁶² Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 29.

кровать. Проснувшись и чувствуя вокруг небывалую для меня обстановку, я опять заплакал и проплакал до того времени, как раздался в коридоре колокольчик или, вернее сказать, небольшой из-под дуги колокол, возвещавший своим звоном, что надо всем вставать. Это было в шесть часов утра. Все встрепенулись, торопливо одевались и уходили в умывальную комнату. Я не одевался, потому что спал поверх одеяла во всей одежде, в которой пришел, и даже в своих башмаках. Умылись. Мне сказано, чтобы я ходил позади всех своих товарищей по комнате. Это была комната самых младших воспитанников по летам. Опять звонок. В широком коридоре толпы воспитанников, строящихся попарно, особо каждая комната, по порядку, младшие впереди. Я шел одиноко позади своей комнаты. Все пришли в столовую, где на трех длинных столах, на оловянных тарелках лежали стопы ломтей черного хлеба, а в оловянных кувшинах стоял квас и при нем множество оловянных стаканов. Тут же стояли большие солоницы. Я был страшно голоден и с удовольствием смотрел на хлеб. Но прежде чем приняться за еду, старший возрастной воспитанник перед большим образом в углу комнаты стал читать наизусть молитвы, после чего все уселись за столы, расхватили ломти хлеба и стаканы, а старшие разливали в стаканы квас. На меня никто не обращал внимания, а я еще не имел смелости действовать так же самостоятельно в этом случае, как и другие. Сидевший возле товарищ показал мне путь, положив и мне ломоть хлеба. Я съел с жадностью целых два ломтя, посоля, как следует, и разбавляя квасом. Я не успел дожевать свой хлеб, как опять зазвонили. Старший ученик опять у образа читал молитву. Затем все стали строиться попарно и пошли в коридор и далее в классы, которых было всего два – младший 1-й, направо от коридора, и старший 2-й, налево... Я опоздал к началу учения месяца на три (август–октябрь), и потому аудитор учил меня отдельно от всего класса, требуя, чтобы я догонял других. Прежде всего, он заставил меня писать римские и церковно-славянские числа с обозначением их арабскими числами. Я должен был выучить, как пишется каждое число, и ответить, как, например, по-

церковному пишется "сто" и как по римским числам. После нескольких дней я выдержал строгий экзамен. Вместе с тем мне дан был катехизис – маленькая книжечка церковно-славянской печати, которая не привела меня в затруднение, потому что я пришел в училище не без познаний, приобретенных мною... домашним способом. Я умел читать не только по гражданской, по церковно-славянской печати и умел писать церковно-славянскими буквами в виде полуустава, как сам выучился копировать упомянутые буквы. Всего этого я достиг, читая часто отцовский молитвенник киевской печати. Оказалось, что эти познания оченьгодились в училище для первоначальных требований учения. Водворяя меня в класс, учитель (Грибков) отдал меня в руки аудитору, как называли старшего ученика. Каждое воскресенье утром, как встанем, в классе читалось Евангелие того дня. Иногда это чтение исполнял приходивший священник, объяснявший читаемое. Я ничего не понимал, хотя слушал очень внимательно. Не осталось в моей памяти никакого впечатления от этих Евангельских чтений. Как оканчивалось чтение, все мы, радуясь праздничному дню, разбегались по своим койкам к своим делам, и, что слышали от чтения, все это тотчас исчезало без следа...»¹⁶³.

Жизнь в Сиротском училище была трудной: по словам самого Ивана Егоровича, «...страх и трепет господствовал у нас как особая стихия нашего ученья и поведения, как особая атмосфера в нашем существовании, чему немало способствовали всегдашние обычные розги, За все и про все нас драли без милости», «За незнание урока по Закону Божьему учеников заставляли драть провинившегося за волосы, пока учитель не прикажет перестать»¹⁶⁴. А еще Забелин писал: «В моих воспоминаниях голод занимает немалое место. От отроческой жизни голод является непостоянным моим спутником в разное время при возможных обстоятельствах, оставляя

¹⁶³ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 29–30.

¹⁶⁴ Забелин И.Е. В Матросской богадельне: Рукопись / Подготовка к публикации В. Шаркова // Личный архив В.Ф. Козлова.

впечатления, которые как-то не забываются. И в сиротском училище на вечном черном хлебе и квасе мы порою все-таки порядочно голодали...»¹⁶⁵.

При этом Иван Егорович оценивал и пользу, полученную в годы учебы. Так, например, соответственно успехам в учении в течение недели ученик передвигался с задних позиций вперед (к весне 1833 г. Иван Забелин среди 42 учеников по арифметике занимал 6-е место, а к лету был уже на первых позициях): «Это действовало на нас очень благоприятно в отношении прилежания, а, стало быть, и успехов в учении, – писал Забелин, – Незаметно здесь затрагивалось самолюбие в благородном смысле, которое выражалось в соревновании в познании.... Возникали понятия и о справедливости, о правде, если она по произволу учителя нарушалась. Возникали толки о честности и, вообще, о нравственности»¹⁶⁶.

Детальные воспоминания И.Е.Забелина о быте и нравах в Сиротском училище, о зимних кулачных боях на Яузе, об окрестностях Богаделенного дома чрезвычайно любопытны и ценны, и мы вновь к ним обратимся: «Надо сказать, что наше сиротское училище, в сущности, было принадлежностью богадельни, а потому московское купечество своими подаяниями редко обходило и сирот. По случаю поминовения усопших или по другим подобным домашним поводам усердные купцы и другие усердные обыватели привозили иногда целые воза калачей, саяк, баранок для раздачи богаделенным, в том числе и нам. И мы тот же получали по целому калачу, или по целой сайке, по связке баранок каждому. Сначала наше училище, по неведению о нем, обходили. Это заставило надзирателя ходатайствовать, чтобы и нас не забывали. Тогда мы стали получать подаяние вдоволь по числу воспитанников. А так как летом многие выбывали, и оставалось человек 30, то все-таки мы получали и за отсутствующих, так что каждому приходилось втрое и вчетверо больше – вместо одной сайки получали по три и по четыре. Иные их уносили в город к матерям или к семье. В иных

¹⁶⁵ Забелин И.Е. В Матросской богадельне: Рукопись...

¹⁶⁶ Там же.

случаях благодетели лично приходили к нам... и раздавали подаяние деньгами. Десять копеек для нашего брата-сироты была сумма не совсем малая. Кто сберегал, накапливал такие пятаки и десятаки, а по большей части на эти деньги мы устраивали своего рода пиры. В первое мое время, то есть в зиму 1832–1833 и 1833–1834 годов позволено было по вечерам к нам с заднего крыльца сбитеньщику и продавцу разного съестного, каковое бывало: ломти помасленной картофельной драчены, очень любимые нами пышки, пироги с разной начинкой, разные пряники. Все это потреблялось с большим вкусом, так как ужина у нас не полагалось, а был полдник часа в 4, на котором, кроме черного хлеба и кваса, ничего другого не подавалось. Очень редко случалось, что к квасу подавали иногда оставшуюся от обеда холодную гречневую кашу. И вот, таким образом, вместо ужина на получаемые подаянием деньги мы благодушествовали. На пятак возможно было выпить стаканчик сбитня с калачом, или съесть два больших ломтя драчены, два значительных пирога, два–три пряника и т.п., словом сказать, на пятак возможно было со сладостью удовлетворить свой голод.

Какие же впечатления остались от училища Матросской богадельни? Вставали в 6 часов утра. Зимой темно, до крайности холодно. В 6 часов раздавался по коридору звонок, какой бывает у ямщиков под дугой, грубый, резкий, сильный, так что каждый из нас вскакивал с постели в полном испуге, с дрожью во всем теле от холода и от произошедшей тревоги. Сердце билось и ныло. Первая мысль о готовности урока и об ожидаемом наказании за все и про все, сечение пали (линейка), уходранье, власодранье и вся жесточь ученья. Все время, пока одевались, умывались, я дрожал внутренно как-то, как осиновый лист. Лихорадка сосредотачивалась где-то в груди. С этими тревожными дрожащими чувствами собирались потом в классе, где слушали читаемое очередным воспитанником тогодневное Евангелие. Чтение слушалось в самом угнетенном расположении и мыслей и чувств, почему от его содержания не осталось в мыслях ни малейшего следа. Затем около 7 часов шли всегда попарно (каждый знал свою пару) в столовую

завтракать. Длинные голые непокрытые скатертью столы. На оловянных блюдах груды нарезанных ломтей черного хлеба и попеременно с ними оловянные кружки квасу. Больше ничего. Ели хорошо, потому что всегда достаточно были голодны к утру. Перед едой и после еды неотменно читались молитвы установленные. Позавтракав, шли в классы. Начиналось ученье-мученье, о котором уже я говорил.

Зимой в праздничные дни по воскресеньям, особенно на Рождество и на Масленицу, общий интерес овладевал всеми по случаю происходивших около здания Богадельни кулачных боев, на которые собирались толпы фабричных из близлежащих фабрик на Яузе. Из окон сортира были видны эти массы народа. С обеденного времени уже начинались разговоры о том, кто будет победителем, и рассказы о героях бойца, о которых мы узнавали от наших служителей, принимавших участие в этих боях, и славою непобедимых бойцов. Уходили тайно на эти бои и некоторые из их храбрых воспитанников, пользуясь укрывательством тех же героев служителей, отчасти от природы увеченных, почему и находившихся в богадельне. Таковы были Афонька Криворукий и Яшка Немой. У первого правая рука у кисти была скорчена, и он этой скорченной рукой действовал в бою лучше, чем левой здоровой. И Яшка, и Немой (так в тексте публикации – *авт.*) брали страшным натиском и отчаянным азартом, против которых ослабевали и сильнейшие бойцы из фабричных. Они по случаю отчаянного азарта пользовались большой славой, и одно их имя заставляло трепетать противную сторону. С ними бой почти всегда оканчивался тем, что наша сторона разгоняла противников по печкам, то есть все металась, кто куда. Из воспитанников таким же отчаянным азартом в бою отличался Антропов, маленький кругленький, с круглыми кулачками. Он бросался на бойца как сумасшедший, и встречный боец в испуге убегал как от бешеной собаки. Бои обыкновенно начинались малыми ребятами, стенка на стенку. В этой малолетней толпе Антропов всегда выходил быстрым победителем, так что одно его имя разгоняло стенку мгновенно. На эти бои из Москвы нередко

приезжали любители купцы, которые однажды за веселый и отчаянный бой наградили победителя Антропова красненькой бумажкой. Так он утешил любителей. Тогда наши слуги бойцы потребовали от него дележа денег за то, что он хорошо исполнил свое дело, за похвалу ему он и должен был отдать им половину награды, иначе дело окончилось бы плохо. Они схватили бы его и представили надзирателю, как озорника, самовольно ушедшего из училища. Зима 1833 года вся проведена была под впечатлением этих боев, была героической эпохой в наших понятиях. Непрерывные рассказы, как какой боец съездил в лоб другого и погнал стенку, как одного чуть не до смерти изувечили за то, что у него оказалась в кулаке бабка-свинчатка, которой он поражал противников, в то время как строго воспрещалось брать что-либо в кулак, как другого сильно поколотили за то, что он стал бить лежащего, а по закону лежащего не бьют. В рассказах выяснялись правила, уставы кулачного боя, строго соблюдаемые, а с ними выясняли и нравственные правила и уставы, как следовало драться честно и благородно. По глаза и по носам не бить, бить только в лоб, под никитки, то есть под вздох, под ребра не бить. Кто нарушал правила, уставы, тому всегда доставалось очень больно, но, конечно, такие скоро убегали и были защищаемы своей стеной. Само собой разумеется, что под влиянием этих фабричных боев вскоре развились и домашние бои – комната на комнату, партия на партию. Как бывало прежде, не помню. Но в эту зиму от Рождества и до Великого Поста происходили у нас непрерывные драки и побоища. Вероятно и потому, что строгий варвар надзиратель Иван Петров был сменен очень слабым добродушным Акентием Алексеевым, распустившим нас до безобразия. Поводов к дракам искать не было надобности, они являлись походя. Маленькие забияки нападали на взрослых – толчок, тычок, и начиналась битва. Дошло до того, что большим возрастным нельзя было ходить свободно в нужник, так как комната, где находилось почти 40 человек мелкоты, находилась на пути в упомянутое место. И вот мимо этой комнаты одному невозможно было пройти, тотчас мелкота нападала и колотила, кто

куда. Надо было ходить, по крайней мере, вдвоем или втроем. Тогда и было возможно произвести должную расправу с забияками. Хотя мне было всего 13 лет, но по росту я был помещен в комнату возрастных, старших по летам, каких набралось всего человек 10. Трудно было мне бороться с маленькими забияками-драчунами. Я вовсе не был способен драться, не был ловок, увертлив и потому терпел от побоев больше других. Но делать было нечего – с волками жить, по-волчьи выть. Жаловаться большому на маленьких было стыдно, да и было нравственным правилом училища отнюдь не жаловаться, это считалось ябедничеством»¹⁶⁷.

В связи с Сиротским училищем вспоминал Иван Егорович и походы в Сокольники, на Ширяево поле¹⁶⁸: «...Позавтракавши тем же черным хлебом и квасом и взявши с собой калачи и сайки, в 8 часов утра мы отправлялись попарно в Сокольники, в сопровождении надзирателя и двух служителей, несших небольшой ушат квасу и два больших черных хлеба на кормление. В Оленьей роще, у родника под большой сосной устраивался наш стан (этот родник находится и теперь над ручьем, протекающим в Яузу). Один хлеб тотчас же разрезался на ломти, которые, у кого не было сак и калачей, мы забирали с собой и шли кто куда по роще, на это была своя воля, так как было всегда разрешаемо гулять всюду, не заходя только очень далеко. Назначался час сбора, обыкновенно около вечерних часов в 5 вечера. Кто к этому часу не являлся к роднику, тому бывала следуемая порка, поэтому все собирались даже и раньше назначенного часа. Пользуясь такой свободой, иные воспитанники уходили в Москву, навестить кого-либо из своих бедных родных и выпросить гривенник на пряники. Более возрастные отправлялись и за покупкой пива, если бывали такие гривенники. Это сокольничье приволье для нас было истинной благодатью, а смотрителю богадельни оно доставляло немалый доход, особенно в воскресные дни, когда готовился обед

¹⁶⁷ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 32–34.

¹⁶⁸ Ширяево поле – местность в районе Сокольников, между Богородским шоссе, ул. Олений вал и Яузой. Название известно с XVII в.; со второй половины XIX в. – в границах Москвы, дачная местность. Память сохранилась в названиях улиц: Ширяево поле, Б. и М. Ширяевских, а также в наименовании храма свт. Тихона Задонского на Ширяевом поле.

праздничный с мясом и пирогами. На 20 с лишком человек у него оставалось все их продовольствие. Конечно, в непогоду, в дождливые дни мы оставались дома. Зато, с какой радостью мы встречали ясный день. Ждем, не дождемся, когда нас погонят на паству. В роще разбредемся во все стороны человека по два, по три, по пяти. Прежде всего, всем количеством и с надзирателем отправлялись на Яuzu купаться. Оттуда уже и расходились кто куда. Надзиратель уходил домой. Двое служителей оставались, работали, шили сапоги, портняжили. Жены приносили им обед. На первых разгах меня все занимало: сам лес привлекал внимание своей обширностью и по местам в орешнике непроходимой глушью и тишиной, или в сильный ветер своим каким-то торжественным шумом, так что, бывало, ляжем под сосной и долго вслушиваемся в этот лесной шум или в эту сонную тишину, которую нарушал только крик коршуна. Других птиц в роще бывало очень мало, об иных у меня не осталось и памяти.

Ширяево поле в то время было еще настоящим полем, обширной луговиной посреди леса. Только в середине его был разведен большой огород, памятный для нас тем, что на нем однажды произошло побоище на репище, как оно было у нас прозвано. Огородные плоды морковь и репа, конечно, прельщали некоторых наших смельчаков. Из-за этих плодов случилась отчаянная драка между воспитанниками и рабочими огорода, заметившими одного воспитанника, как он присел к грядке и хотел вырыть репку. Рабочих наскочил и ударил его по уху. Наши были в это время рассеяны по роще. Собралось на крик человек 10, а рабочих выбежало человека 4. Силы оказались неравные. Мужики одолели, и так, что пришлось бежать на заставную гаубвахту и призывать на помощь солдат, которые уняли мужиков одним своим появлением с ружьями. Дело обошлось попросту. Хозяин огорода что-то дал солдатам, и они обвинили наших же храбрецов. После того нам наистрожайше было запрещено подходить к Ширяевскому огороду.

В иных случаях роща наводила на нас ужасы. В ее темных глухих углах встречались удавленники...»¹⁶⁹.

Много позже, описывая свою жизнь в Преображенском, Иван Егорович отмечал ощущение уже тогда своего одиночества и определенную нелюдимость, что, возможно, частично проистекало из условий сурового детства, недостатка ласки со стороны матушки. Он вспоминал лето, видимо, 1833 или 1834 гг.: «Без дела стала одолевать меня скука. Единственное утешение было смотреть из окна на пустынные широкие огороды, окружавшие здание богадельни, или смотреть на широкий богаделенный двор, посреди которого стояли каменные сараи-кладовые, а вокруг них бродили два богаделенных идиота безумных, проделывающих порой смешные и подчас безобразные шутки, которые и служили нам развлечением. В неизъяснимой скуке и тоске смотрел я больше всего на пустынные, широкие огороды. Тут и проснулось во мне какое-то неизъяснимо тоскливое чувство, стремление куда-то, которое потом не оставляло меня повсюду, как скоро я оставался одиноким с самим собой. Одиночество с самого малолетства было моей судьбой, и в училище я чувствовал полнейшее одиночество, потому что ни с кем дружески не сошелся. К кому и были влечения, но эти влечения отталкивались несходством с другими и в мыслях, и в чувствах. Что было мне интересно, на это я ни в ком не встречал ни согласия, ни сочувствия. Мои увлечения обдавались холодом самого черствого непонимания, вследствие чего я уходил в себя и очень любил оставаться в одиночестве»¹⁷⁰.

Все эти обстоятельства детства, чувство одиночества, определенное недоверие к окружающим, опора только на себя, свои силы, редкое трудолюбие в определенной степени повлияли на формирование довольно непростого и самобытного характера Ивана Егоровича. Преображенское

¹⁶⁹ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 35–36.

¹⁷⁰ Там же. – С. 35.

Сиротское училище на Стромынке с его суровой методой воспитания сыграло большую роль в жизни ученого, закалило его.

Будучи даровитым от природы, Забелин занял в учебе одни из первых позиций, в училище же стала заметна его склонность к истории. Среди предметов, которые Забелин изучал в старшем отделении, – русская словесность, российская и всеобщая история, математика, физика, география, естественная история. В эти годы Забелин приобщился к чтению случайно попавших в руки исторических сочинений, немало пользовался библиотекой училища. В числе нескольких произведений, оставивших самое сильное впечатление, впоследствии называл «Историю государства Российского» Н.М.Карамзина, а также «Жизнеописания» Плутарха, исторические романы Ф.Купера и В.Скотта, «археологические романы» А.Ф.Вельтмана¹⁷¹ и М.Н.Загоскина. Книги последнего были тогда очень популярны в Москве. И позднее И.Е.Забелин вспоминал о публичном чтении в Сиротском доме: «Великим Постом к нам как-то попал только что появившийся тогда роман Загоскина "Юрий Милославский". Как теперь помню, в той же драчливой комнате, самой обширной из всех других, собралось нас человек сорок; все уселись, кто на койках, кто на своих сундуках в углу комнаты, где выбранный из лучших чтецов читал нам вслух этот роман. Нашим восторгам не было границ, особенно восхищались мы подвигами Кирши, как он заставил жидов ли, поляков ли есть насильно гуся. Вообще роман возбудил в нас патриотическое чувство, и долго после того шли у нас рассуждения о подвигах героев романа. Любовной интриги мы не понимали и не замечали ее»¹⁷².

В 1834 г. в жизни Сиротского училища, как и в жизни 14-летнего Ивана Забелина, произошли решающие перемены. В 1834 г. попечителем Преображенского училища был назначен высокий сановник, тайный советник Дмитрий Михайлович Львов (1793 (?) – 1842). Он был хорошо

¹⁷¹ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.22.

¹⁷² Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 34.

известен в Москве, принимал активное участие в войне с Наполеоном, был награжден за Бородинское сражение. В 1820–1830-е гг. Дмитрий Михайлович много делал для организации в Москве архитектурного обучения, был присутствующим в экспедиции Кремлевского строения, состоял в строительном комитете Московского университета, с 1828 г. возглавлял Кремлевское архитектурное училище, с 1835 г. являлся попечителем Московского Дворцового архитектурного училища.

И.Е.Забелин очень высоко оценивал деятельность и человеческие качества нового попечителя и через много десятилетий писал в своей автобиографии: «В 1834 г. ... обычный ход в судьбе воспитанников был нарушен. Новый попечитель Дмитрий Михайлович Львов, человек очень образованный и в высшей степени гуманный, увидев до крайности бедное, угнетенное, почти нищенское состояние призреваемых сирот и желая дать заведению лучшее устройство, задумал создать из Сиротского дома особую гимназию»¹⁷³ Пользуясь широкими связями, Д.М.Львов перевел Преображенское сиротское училище из старого Екатерининского богаделенного дома в гораздо лучшее здание на Новой Басманной¹⁷⁴.

Стоит сказать несколько слов об этом сохранившемся до настоящего времени здании. В 1750-е гг. граф Н.А.Головин поставил здесь деревянный дом, следующий владелец участка – известный промышленник и представитель династии уральских заводчиков Никита Никитович Демидов, построил на его месте в 1779–1791 гг. большой дворец с двумя флигелями (здание, единственное здесь уцелевшее после пожара 1812 г.). Дворец в 1805 г. купил известный библиофил и коллекционер князь Михаил Петрович Голицын (1764 – после 1836) и устроил в нем свой частный музей, который современник Голицына П.Н.Свиньин в 1819 г. назвал «Московским Эрмитажем в малом виде». Музей состоял из картин, гравюр, скульптурных

¹⁷³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1об.

¹⁷⁴ Дом 26 по Новой Басманной улице сохранился и сегодня известен как историческое здание Басманной больницы. В настоящее время находится в процессе реставрации.

произведений, фарфора и др. Но в 1831 г. владелец вынужден был продать дом в казну. В 1834 г. хозяином дома стал «Попечительный совет о заведениях общественного призрения», который принял решение о переводе сюда по инициативе Д.М.Львова Сиротского училища со Стромынки. В 1837 г. в главном здании училища устроили новый парадный вестибюль, пристроили здание домовая церкви Успения св. Анны. В 1876 г. здесь разместилась Басманная больница для чернорабочих, а ныне располагается Городская клиническая больница скорой помощи № 6. Здание сохранило архитектурные черты раннего классицизма – главный фасад оформлен пилястрами с коринфскими капителями. Участок окружает каменная ограда. В интерьерах главного дома сохранились первоначальные сводчатые помещения в первом этаже и парадный вестибюль, оформленный парными колоннами дорического ордера (1837 г.).

Странно, но Забелин в своих воспоминаниях совершенно не упоминает «Басманный» период своей жизни, хотя здесь Сиротское училище находилось в окружении роскошных особняков и даже дворцов московской знати, которые вполне могли привлечь любознательное внимание будущего историка. Зато сравнительно недолгое, пятилетнее, пребывание Ивана Забелина в Преображенском сиротском доме на Стромынке крепко запало в его память.

Проект Д.М.Львова преобразовать училище в полноценную гимназию так и не удалось осуществить.

В 1837 г. мать Ивана Забелина, Авдотья Федоровна решила, что сын может уйти из Сиротского училища и должен самостоятельно зарабатывать на жизнь. В бумагах Забелина сохранилось «Всепокорнейшее прошение», написанное матерью 4 ноября 1837 г. на имя действительного статского советника Попечителя Сиротского дома Д.М.Львова: «Под попечительством Вашего Превосходительства в Сиротском доме находится на воспитании сын мой родной Иван Забелин 17-ти лет, которого ныне имея желание взять на свое попечение для определения его куда-либо на службу почему

покорнейше и прошу Ваше Превосходительство о увольнении его учините начальственное свое распоряжение»¹⁷⁵. В тот же день Львов поставил резолюцию на прошении, что «не находит препятствий к увольнению И.Забелина по желанию его матери», и через 5 дней Иван получил «Свидетельство», в котором в нескольких строках было написано, что Забелин поступил в Московский Сиротский дом 14 ноября 1832 г., где обучался Закону Божию, математике, Российской и Всеобщей истории, русской словесности, географии, законоведению, французскому, латинскому и немецкому языкам, чистописанию, «с хорошими успехами и во все время продолжения учения его вел себя отлично хорошо», 4 ноября 1837 г. «уволен на попечение матери своей»¹⁷⁶. Как оказалось, это было первое и единственное в долгой жизни будущего академика свидетельство об образовании.

Именно Д.М.Львов определил будущую судьбу юноши. Как позже написал сам И.Е.Забелин в своей автобиографии, «По ходатайству и за ручательством самого попечителя Д.М.Львова воспитанник Забелин, не окончив курса, определен на службу в Оружейную палату канцелярским служителем 2 разряда, куда и поступил 12 ноября 1837 г.»¹⁷⁷ (то есть ровно день в день через 5 лет после помещения его в училище). Отметим, что и в дальнейшем на пути будущего историка встречались известные фигуры, оказавшие, как и Д.М.Львов, немалое влияние на его судьбу: историки И.М.Снегирев (1793–1868), П.М.Строев (1796–1876), В.В.Пассек (1808–1842), общественный деятель, археолог граф С.Г.Строганов (1794–1882), общественный деятель, археолог граф А.С.Уваров (1824–1884). Именно они определили его путь в большую науку – в историю, в археологию, на разных жизненных этапах в той или иной степени повлияли на научно-общественную деятельность И.Е.Забелина.

¹⁷⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 23.

¹⁷⁶ Там же. – Л. 25.

¹⁷⁷ Там же. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 2.

А пока Иван Егорович лишь вступал во взрослую самостоятельную жизнь и вступал на то поприще, на коем благодаря упорному труду и природному таланту сформировался как самообытный исследователь, достиг уважения и признания своих ученых заслуг.

Отметим в заключение, что именно с ученических лет Забелин приучил себя хранить свои тетради, записные книжки, черновые записи, рукописи и вообще всякие касающиеся его бумаги. Так и стал формироваться уникальный по полноте и объему личный архив, являющийся ныне главным источником сведений для исследователей биографии ученого-историка. В фонде И.Е.Забелина (хранящемся в ОПИ ГИМ) скомплектована отдельная папка с ученическими записными тетрадями и блокнотами 1835–1837 гг.¹⁷⁸, записи из которых характеризуют содержание занятий в училище, характеризуют умственные интересы самого ученика. Забелин записывал в них самые разные стихотворения: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова (в отдельных тетрадях), Ф.Н.Глинки, В.А.Жуковского, А.Х.Востокова, С.Баратынского и др. Некоторые из них записаны в небольшую, форматом с ладонь, записную книжку с надписью «Разные стихотворения ч. II 1835 года июня 22. Москва. Сиротский дом». В другой тетради, датированной 1836 годом, записана хронология выдающихся событий из русской истории, где указаны даты из русской истории XV–XVII вв., например, покорение Новгорода, Твери, Пскова, Казани, приобретение Крыма и др. Заглавие другого небольшого блокнота – «Разные замечания 1837 г. марта 20, с портретом автора». Действительно, чернилами нарисован профиль головы с подписью: «Это знаменитый собиратель этой тетрадки, действительный служак и кавалер... достоверных сказаний». В тетради – самые разнородные записи исторического характера: о курганах, о ссыльном Угличском колоколе, «родословные замечания» (в связи с фамилиями: Головины, Румянцевы, Годуновы, Сабуровы, Мусины-Пушкины, Бутурлины). В

¹⁷⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 3.

«Собрании иностранных слов» – списки слов малороссийских, турецких, вятских, древнерусских.

В других тетрадях записаны рукою воспитанников небольшие их стихотворения. Есть такое, за подписью Забелина:

«Путь дружба здесь, в заповедных листах
Пером любви безошлинно гуляет,
Пусть выражается и в прозе, и в стихах
И лесь коварную как язву изгоняет».

В еще одной тетради, озаглавленной «Собрание стихотворений. 1836 года, декабря 10 числа...», есть известное шутовое стихотворение «Кружка» Г.Р.Державина. Любопытны самодельные небольшие алфавитники (недатированные) – словарики старинных слов с пояснениями и без, где записаны, например: «Бархат флорентийский», «Волоковые окна», «Гамаюн (птица)», «Замятня», «Истома», «Курдюк», «Паволока», «Узорочье», «Чекан», «Подзор» и др.

Это лишь часть тем в записях воспитанника Преображенского сиротского училища Ивана Забелина. Но даже из приведенных выше примеров мы можем узнать многое о личности подростка, его интересах и наклонностях, развившихся в последующие годы.

Заметим, что не только само училище, но и место, в котором оно находилось, оставило след в судьбе и в научном творчестве И.Е.Забелина. В его будущих исследованиях, разнообразных по тематике, но большей частью связанных с русским средневековьем, с Москвой XVI–XVII вв., ее историей, культурой, бытом, найдется место и петровской эпохе, и Петру I, и Преображенскому (о чем мы еще скажем). И в, что интересно, досконально зная средневековые московские архивы, глубоко понимая, любя и ценя XVII в., времена Московского царства, Забелин-историк, был увлечен и фигурой и деяниями Петра I, в результате которых национальная старина была едва ли не забыта на полтора столетия. Как эти, на первый взгляд, противоречащие друг другу эпохи могли ужиться в научном творчестве И.Е.Забелина? Нет ли

тут влияния того самого гения места, которое еще в детстве и юности мог испытать будущий историк, живя в Сиротском училище в Преображенском, в местности, полной исторических воспоминаний, в равной степени связанных и со временами царя Алексея Михайловича, Преображенский дворец которого находился недалеко от того места, где позднее будет построено здание Екатерининской богадельни (по другую сторону дороги Стромьинки), и с деяниями юного Петра, с его потешными «робятками» (первый потешный Петров полк для маленького царевича Петра был сформирован Алексеем Михайловичем), с Преображенской солдатской и матросской слободами.

ГЛАВА 5.

СЛУЖБА В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И В ДВОРЦОВОМ ВЕДОМСТВЕ. СТАНОВЛЕНИЕ И.Е.ЗАБЕЛИНА КАК ИСТОРИКА МОСКВЫ

Трудные детство и юность И.Е.Забелина закончились с окончанием Сиротского училища. Вот, его первая запись в опубликованных дневниках: «...11 ноября 1837 г., четверг. Я высвободился из тяжких объятий Сиротского дома...»¹⁷⁹. В этот день 17-летний Иван покинул свое единственное в жизни учебное заведение. Много позднее он вспоминал: «Под мышкой я нес ящик со своей библиотекой, накопленной в училище посредством покупки на белый хлеб, что давали за завтраком. Это были разрозненные номера "Вестника Европы", "Телескопа" и кое-какие учебники, всего книжек 20. День был без солнца, прохладный, но сухой. Мне отпустили всю амуницию, с тем, чтобы через две недели возвратить, даже и рубашку и крест казенный. Я шел к матушке, но у нее можно было только оставить пока свою библиотеку, жить у нее было негде. Можно было только раз кое-как ночевать на лежанке... Нерадостно меня встретила и матушка. В хлопотах по своей должности, она долго не могла и поговорить со мной. Освободившись, наконец, она напоила меня чаем и в слезах проговорила, что не знает, где поместить меня. Одно оставалось: просить знакомого сапожника, который шил сапоги еще и отцу моему, чтобы он принял меня на хлеба. Так мы и порешили, оба поплакавши»¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 24.

¹⁸⁰ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 37.

О продолжении учебы способного Ивана Забелина не было и речи – мать не имела на это никаких средств. В отличие от Забелина, у некоторых учащихся Сиротского училища такая возможность была. Так, его сверстник Михаил Катков, будущий знаменитый публицист, издатель и общественный деятель, поступил после окончания училища в 1-ю московскую гимназию, а потом в Московский университет.

На следующий день после выхода из училища, 12 ноября 1837 г., И.Е.Забелин определился на службу в кремлевскую Оружейную палату, куда ему дал протекцию князь Д.М.Львов. С трепетом переступил Забелин порог Оружейной палаты. Ему дали переписать какую-то бумагу, почерк понравился, и, как вспоминал Иван Егорович, «На службе мне дана была продолжительная и непрерывная работа – переписать набело составлявшиеся тогда описи Оружейной палаты»¹⁸¹.

Оружейная палата в Кремле получила статус музея в самом начале XIX в. (в 1806 г.) по Указу императора Александра I. Основу этого музея составили предметы царских хранилищ и мастерских, сформировался здесь и архив из документов дворцовых приказов. Первая музейная экспозиция была открыта для публичного осмотра в 1816 г., а первый музейный каталог был составлен А.Ф.Малиновским, заведующим Московским главным архивом Министерства иностранных дел, в 1807 г. («Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающейся»). Когда И.Е.Забелин поступил на службу в Оружейную палату, то ему довелось работать еще в первом специально построенном в 1809 г. архитектором И.В.Егоровым музейном здании в стиле классицизма – на южной стороне Сенатской площади по линии Троицких ворот. Фасад двухэтажного здания был богато декорирован скульптурой и барельефами, тематически связанными с выдающимися деятелями и с важнейшими событиями русской истории, что подчеркивало назначение

¹⁸¹ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 38.

здания как хранилища национальных древностей: скульптуры монахов-воинов, героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, покорителя Сибири Ермака, героев Смутного времени Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, известных государственных деятелей, дипломатов А.Л.Ордина-Нащокина, А.С.Матвеева, князя В.В.Голицына; барельефные изображения выбора веры князем Владимиром I, борьбы с монголо-татарами и др. Архив, где Иван Егорович начал свою службу, помещался на первом этаже здания.

Известный историк И.М.Снегирев, как раз в это примерно время вошедший в жизнь Забелина (о чем подробнее скажем ниже), писал в своей книге, посвященной московским древностям, об Оружейной палате как о «Музее отечественной Археологии и вместе государственной сокровищехранительнице» – «Это собрание государственных сокровищ как памятник древности, искусства и истории, служа представителем Государева сана и быта, обращает на себя внимание особенно тем, что многие предметы в нем, одни как памятники отечественные, другие как драгоценности и редкости, имеют государственное и историческое значение и могут служить важными материалами для отечественной Археологии»¹⁸². А вот, характеристика архива Оружейной палаты, данная Снегиревым: «Этот остаток официальных бумаг из разных Приказов дворцовых состоит из рукописных книг и столбцов, кои содержат в себе с XVI по XVIII век описи городских церквей, ризниц, Царских образов, платья, оружия, денег и рухлядей; разных чинов людей, служивших по городам; вещей, хранившихся в Мастерской Оружейной палате; вещей, употреблявшихся при коронации Государей; дворов Московских. Здесь найдете книги приходные, расходные и кроильные, записные книги явочным, ставочным и мировым челобитным, купчим, судным делам, очным ставкам, указам, приставным памятям, закладным, жилым записям, срочным сказкам и пр., также книги выходные,

¹⁸² Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы / Соч. И.Снегирева. – М., 1842–1845. – С. 264. И.Е.Забелин помогал И.М.Снегиреву в подготовке этой книги, доставляя ему необходимые архивные материалы и сведения.

расходные, церковному строению, ладонные и пр., числом 1374... Сии рукописи представляют нам указания на быт Российского Государства и Царского двора, начатки цивилизации в Москве, источники для Археологии, отечественной Истории, Юриспруденции и Дипломатии»¹⁸³. В архиве Оружейной палате хранились документы приказов: Каменного и Большой казны, Дворцового, Конюшенного, а также Государевой и Царицыной мастерских палат и др. При архиве существовала и библиотека.

Первое время молодой Забелин жил у сапожника «на Солянке в доме Терского, в переулке в гору на Покровку, в нижнем этаже со сводами...», где «...поместиться можно было только на диване...». Он вспоминал об этом времени: «Здесь я узнал, что такое ремесленный быт. Узнал шпандырь, липку и прочие принадлежности работ. Полную зависимость несчастного хозяина от мастеров, которые пьянствовали, заказы не исполняли, ругались как ни есть хуже. При этом грязь, духота от кожи и махорки. Иногда веселые песни и благодушное расположение нравов и поведения»¹⁸⁴. В этом съемном углу на Солянке у сапожника И.Е.Забелин прожил четыре месяца. Здесь же он впервые и весьма успешно попробовал учительствовать – три месяца обучал чтению, письму, арифметике молодого лакея хозяина дома, за что получал по 15 руб. в месяц, этого хватало как раз на плату за жилье и стол.

Конечно же, с первым местом службы имевшему склонность к истории Забелину повезло несказанно, и место это определило его дальнейший жизненный и профессиональный путь от канцелярского служителя второго разряда до знаменитого историка и археолога и фактического руководителя крупнейшего российского музея – Исторического.

В начале 1838 г. начинающему канцеляристу повезло вновь: он получил квартиру прямо в Кремле, в Третьем Кавалерском корпусе¹⁸⁵, примыкающем к зданию Теремного дворца. Впервые в жизни Иван Забелин

¹⁸³ Памятники московской древности... – С. 294.

¹⁸⁴ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 37.

¹⁸⁵ Здание не сохранилось, снесено в 1950-е гг. при строительстве Дворца Съездов.

стал обладателем небольшой казенной квартиры с передней, кухней и двумя маленькими комнатками. Вскоре сюда переехала и его матушка Авдотья Федоровна. Между прочим, в одной из своих работ, посвященных древностям Кремля, Забелин вскользь упомянул интересные детали о своем жилище. Описывая древнюю церковь св. Лазаря в Теремном дворце, он указал: «...в действительности она находится и доныне в подклетном, т.е. нижнем этаже теремного дворца в ряду древних белокаменных погребов, и со времени Петра была не забыта, но оставлена в запустении в числе простых дворцовых сараев, так что пишуший эти строки, занимая казенную квартиру возле Рождественского собора (тоже теремного – *авт.*), еще в 1838 г. пользовался этим любопытным сараем для склада дров»¹⁸⁶.

И, если начав свою службу, И.Е.Забелин ходил в Кремль с Солянки, а также и из других мест, где жил на съемных квартирах, то теперь его жилище находилось прямо по соседству с местом службы. В Оружейной палате юноша занимался канцелярским делопроизводством, а позже ему поручили и работу с архивными документами, описями и каталогами хранящихся в Палате русских древностей. Пытливому сотрудника заметили, и в конце 1830-х гг. ему уже доверили рассказывать посещавшим Палату о памятниках старины.

Так, благодаря изначально Д.М.Львову, сирота, бедный уроженец Твери оказался на работе и на жительство прямо в сердце Первопрестольной.

Забелина-канцеляриста тянуло к каким-то умственным занятиям. Он вспоминал о первых годах своей службы: «...Никаких научных книг у меня не было, и у сослуживцев их не было. Публичных библиотек тогда тоже не было. Единственная публичная библиотека для меня был воскресный рынок Смоленский, где я свободно знакомился только с заглавиями и перелистывал содержание, а читать не было возможности. Когда тут читать в толпе, смешное дело. Меня интересовали не только литературные, но и научные

¹⁸⁶ Забелин И.Е. Подземные хранилища Московского Кремля // Археологические известия и заметки. – 1894. – № 2. – С. 39.

книги, которые я не пропускал без внимания и знакомился особенно с историческими книгами. Большая склонность у меня была к естествознанию... Любил я путешествовать на Воробьевы горы, куда, идя мимо Мамоновой дачи, всегда долго останавливался на берегу, собирал аммониты, белемниты и другие естественные радости, как и в оврагах на Воробьевых горах»¹⁸⁷.

Судя по всему, у молодого Забелина еще не было четкого понятия о своей будущей профессии. Столкнувшись с необходимостью обустройства в казенном жилье (покупка дров, выплаты сторожу, дворнику, наем кухарки, приобретение мебели, одежды и проч.), он понял, что получаемого небольшого жалованья на это не хватит. Забелин писал: «...С матушкой мы едва сводили концы с концами»¹⁸⁸. Чуть легче стало жить в 1839–1840 гг., когда Ивана Забелина перевели на новую, более просторную квартиру в верхнем этаже второго Кавалерского корпуса. Авдотья Федоровна, желая улучшить финансовое положение, взяла квартирантами трех студентов, с которыми Забелин подружился, и часто они вели между собой беседы.

Во время квартирования у Забелиных студентов, Иван едва не сменил место службы, что говорит об отсутствии у него в то время особой привязанности к архивно-исторической работе. Кто-то подсказал ему, что уездному учителю платят 700 руб. (в Оружейной палате Забелин получал лишь 300 р.). Позднее в воспоминаниях Иван Егорович записал свои аргументы в пользу перемены места службы: «...Здесь я был канцелярским служителем 2 разряда, а там учитель в таком-то классе, все-таки выше. Потом жизнь в уездном городе тихая, спокойная, свободная, так мне представлялось, а к тому и дела было немного, и свобода летом, когда я мог в приволье заниматься естествознанием, которое было мне приятнее, чем трудное собирание материала для описания Троицких походов, уже почти

¹⁸⁷ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В. Белозеровой... – С. 44.

¹⁸⁸ Там же.

оконченного»¹⁸⁹. Забелин принялся воплощать эту идею, сдал успешно необходимый экзамен, даже подыскал себе учительское место в подмосковном уездном Подольске. Однако учителем Иван Егорович все же не стал, и так же, как записал в своих воспоминаниях доводы в пользу такой карьеры, отметил и причины отказа от этого шага: «Совсем готовый покинуть Оружейную палату, через месяц, однако, я не пришел¹⁹⁰, и, вот по какому обстоятельству. Узнав о моем намерении поселиться в уезде в чине учителя, студенты общим хором напали на меня. Они описали уездную жизнь такими красками, что я крепко призадумался. "Ничего больше не выйдет, – говорили они, – как то, что Вы сопьетесь с круга и будете пить да в карты играть, ничего другого там делать не полагается. Вас затянет это болото по горло. Какие там умственные интересы или занятия наукой – все съедает пошлость жизни"... Успокоившись от волнений по поводу перемены службы писецкой на учительство, я с большим вниманием стал работать, то есть собирать в архиве материал для Троицких походов»¹⁹¹. Так друзья-студенты отвели Забелина от необдуманного шага. Судьба уготовила молодому Ивану Егоровичу блестящее будущее великого историка Первопрестольной.

Как уже говорилось, на этом самом первом этапе своей трудовой карьеры Забелин встретился еще с одним человеком, сыгравшим значимую роль в его биографии – речь идет об историке, этнографе, исследователе русского искусства и архитектуры России и Москвы, педагоге Иване Михайловиче Снегиреве. С середины 1830-х гг. И.М.Снегирев преподавал в Преображенском училище, и Забелин помнил его. По просьбе бывшего учителя молодой канцелярист безвозмездно подбирал ему материалы для будущих исследований, одновременно и сам, знакомясь с этими документами. Позже, в 1840–1860-х гг. И.М.Снегирев стал известным

¹⁸⁹ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 45.

¹⁹⁰ И.Е.Забелин просил место учителя у попечителя Московского учебного округа Д.П.Голохвастова, в принципе получил отказ, но Д.П.Голохвастов все же пригласил его прийти еще раз через месяц с документами, но И.Е.Забелин не пришел.

¹⁹¹ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 45, 46.

историком Москвы, издал свои работы о многих московских урочищах, монастырях, храмах. Именно Снегирев рекомендовал Забелина еще одному известному историку, археографу, академику П.М.Строеву как перспективного помощника для поиска нужных архивных документов¹⁹². И.Е.Забелин по этому поводу записал в дневнике: «Иван Михайлович Снегирев рекомендовал меня как любителя русских древностей Павлу Михайловичу Строеву, известному археологу. Это для меня очень лестно, это мне очень дорого. Сколько надежд и каких надежд. – Рекомендую Вам, сказал Снегирев, – молодого любителя древностей, прошу не оставлять его советами, вспомоществованием. Потом рассказал, где я воспитывался, как образован и прибавил: у нас мало таких людей, которые из собственного рвения, из любви к науке занимались» (7 ноября 1840 г.)¹⁹³. Снегиреву же Забелин обязан и другими полезными знакомствами в научно-культурном сообществе Москвы, в частности, с А.Д.Чертковым (1789–1858), библиофилом, нумизматом, основателем известной библиотеки, председателем ОИДР, об этом свидетельствует запись в забелинском дневнике за 28 апреля 1841 г.: «...В Палате (Оружейной – *авт.*) был Чертков с женой, губернатор Сенявин с женой и Снегирев, который рекомендовал меня Черткову, как председателю Общества истории и древностей, уж чересчур много лестного для меня наговорил он Черткову. – Это будущий археолог, я уступлю ему свое место и т.п. ...»¹⁹⁴. А.А.Формозов, тщательно изучавший истоки научной деятельности молодого архивариуса И.Е.Забелина, заметил, что «Снегиреву он был обязан одной темой всей

¹⁹² Поиском и перепиской архивных документов Забелин занимался и позднее, о чем свидетельствуют документы его архива. Например, в марте 1847 г. Н.В.Калачев в письме передает ему просьбу директора Московского главного архива Министерства иностранных дел кн. М.А.Оболенского побывать в архиве и «сделать снимки с нескольких старинных актов», и попутно сообщает о вознаграждении «за акты, переписанные для Комиссии» (Археографической – в Петербурге). См.: ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 43.

¹⁹³ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 25.

¹⁹⁴ Там же.

своей жизни – историей Москвы, Строеву – другой – домашним бытом русского народа в XVI–XVII веках»¹⁹⁵.

Опять же, первую свою статью, написанную в 1840–1841 гг. на основе документов архива Оружейной палаты о богомольных путешествиях русских царей из Москвы в Троице-Сергиев монастырь (о «Троицких походах»), И.Е.Забелин показал именно И.М.Снегиреву, который похвалил первый забелинский научный труд и рекомендовал работу к публикации издателю журнала «Русский вестник» К.А.Полевому. Но Забелин от публикации отказался, поскольку она была безгонорарной – уже тогда, в 20-летнем возрасте, он проявил свой твердый характер, самостоятельность и самоуважение.

Осенью 1841 г. Забелина пригласили печататься в «Московских губернских ведомостях» – «...Совсем не ожидал... От меня требуют статей, а я еще не умею писать их...», отметил Иван Егорович в дневнике; работа предполагалась опять-таки безвозмездной¹⁹⁶. Прошло полгода, и именно в этом периодическом издании была опубликована первая научная работа молодого Забелина. Произошло это благодаря случайному знакомству и помощи еще одного талантливого московского историка, этнографа В.В.Пассека (Пассек прожил очень недолгую жизнь и умер от чахотки в молодом возрасте – в 34 года), известного как автора нескольких работ историко-краеведческого характера, ученого, подававшего большие надежды и ставшего в 1841 г. редактором еженедельных «Прибавлений» к «Московским губернским ведомостям». 25 апреля 1842 г. вышел сокращенный вариант статьи И.Е.Забелина «Несколько слов о богомольных царских походах»¹⁹⁷.

С этой работы и начался отсчет долгого 66-летнего научного творчества И.Е.Забелина. И, надо сказать, что для самого Ивана Егоровича

¹⁹⁵ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.32.

¹⁹⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 25–26.

¹⁹⁷ Забелин И.Е. Несколько слов о богомольных царских походах // Прибавления к Московским губернским ведомостям. – 1842, 25 апреля. – С. 367–370.

эта публикация и ее дата оставались значимыми в течение всей жизни. К этому были приурочены его большие юбилеи научной деятельности, которые отмечались публично (о чем мы еще расскажем), и день этот он не забывал. Так, например, через много-много лет, будучи уже в весьма зрелом возрасте (ему было чуть меньше 65-ти), Забелин 25 апреля 1885 г. записал в дневнике: «Юбилейный мой день, 43 годовщина печати моей статьи»¹⁹⁸.

Забегая вперед, скажем, что первая статья И.Е.Забелина с добавлениями была через четыре года перепечатана в «Московских ведомостях» и, значительно дополненная новыми архивными данными, опубликована в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских»¹⁹⁹, что послужило поводом для избрания Забелина в члены этого Общества.

Сам И.Е.Забелин позже, размышляя о начале своей учено-литературной деятельности, невысоко оценивал помощь именитых ученых современников и, сравнивая свой путь в науку с опытом юношей из обеспеченных семей, в 1866 г. сетовал с горечью в дневниках: «Кто и что мне передавал? Кто мне помогал? Мать ругала, что покупал книги. Сослуживцы перли меня в уездный суд. Товарищи смеялись над моей преданностью науке. Снегирев, Строев, Вельтман мешали, старались мешать мне как совместнику»²⁰⁰. Вообще отношение Забелина к известным своим современникам-историкам И.М.Снегиреву, П.М.Строеву не было однозначно негативным, оно было сложнее, что видно из текста его автобиографии-воспоминаний, написанной от третьего лица: «Молодой писец-изыскатель до крайности был рад, что его знакомство с архивными источниками в некоторых случаях оказывалось очень полезным для знаменитых ученых, на которых он смотрел вообще с чувством особого почтения. Ободренный их вниманием, он стал усердно помогать им выписками и указаниями на рукописи, где что можно было легче и скорее найти для их ученых целей.

¹⁹⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 132.

¹⁹⁹ Забелин И.Е. Троицкие походы русских царей // ЧОИДР. – 1847. – Кн.5. – Отд.4. – С.24–57.

²⁰⁰ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 285.

Эта беззаветная готовность послужить им приобретенными сведениями значительно скрепила дальнейшее знакомство с почтенными учеными, знакомство, которое вообще принесло немало пользы для начинающего работника... Для И.М.Снегирева, который занимался в то время описанием памятников московской древности, сообщались выписки и указания, касающиеся этого предмета и вообще истории и древностей Москвы, а при дальнейшем знакомстве с знаменитым археологом, производилась проверка на месте надписей в московских соборах и исполнялись другие его поручения того же рода. Впоследствии, когда Ив[ан] Ег[орович] стал самостоятельно работать на той же дороге, знакомство знаменитого историка Москвы с начинающим археологом само собою расстроилось»²⁰¹. Отголоски этого зарождающегося соперничества можно найти в тех же дневниках Забелина – вот, например, запись 10 июня 1845 г.: «...У Снегирева утром. Первый вопрос, которым он встречает меня почти каждый раз, был: нет ли чего новенького в стареньком, разумея под сим архивные разыскания. Я ответил отрицательно, потому что, не зная, что ему нужно особенно, не хотел открывать моих выписок, которые очень пригодятся со временем мне самому»²⁰². В то же время в этот начальный период сотрудничества с И.М.Снегиревым Забелин вполне отдавал должное его трудам, в уже упомянутый визит к Снегиреву 10 июня 1845 г. Иван Егорович получил от него в подарок его книжку об Измайлове и отозвался с интересом о его новой работе о древнерусской архитектуре: «Читал (Снегирев – *авт.*) свою статью о древней архитектуре русской. Много нового, доселе нигде не печатанного и, следовательно, не читанного. Особенно номенклатура полна»²⁰³.

Немаловажным фактором в начале творческой научной карьеры Забелина было и то, что именно в 1830–1840-е гг. в стране в общественном сознании возник перелом в отношении собственных древней истории и

²⁰¹ И.Е.Забелин: [Автобиография] // Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г. А.С.Пругавина. – М., 1887. – С. 230.

²⁰² Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 28.

²⁰³ Там же.

наследия. До этого более столетия в образованных кругах России господствовало мнение об отсутствии достойных памятников в допетровской Руси. Весь XVIII и первая четверть XIX в. прошли под флагом насаждения в государстве и обществе западноевропейских образцов в архитектуре и бытовой жизни. С начала 1830-х гг. стали робко возрождаться национальные традиции, начал расти интерес к допетровской архитектуре, бытовым допетровским памятникам. Не случайно, в письме к А.С.Пушкину В.А.Жуковский отметил, что царь Николай I «любит все русское, он ставит новые памятники и бережет старые»²⁰⁴. Да и сам И.Е.Забелин также отметил эту черту Николаевского царствования (1825–1855 гг.) – в одной из своих первых статей (1843 г.) он вскользь заметил в связи со строительством нового дворца в Кремле: «Мы, москвичи, с сердечным восторгом смотрим на этот памятник славного Царствования, которое так заботливо украшает древнюю столицу, с сохранением самобытного характера ее древних памятников»²⁰⁵.

Действительно, император Николай I сочувственно относился к изучению и восстановлению отдельных древнерусских памятников старины. В 1832 г. в Киеве были раскрыты остатки Золотых ворот, в Киевском университете в 1837 г. открылся археологический музей. Во Владимире в 1834 г. был реставрирован древнерусский Дмитриевский собор. В 1836 г. в Московском Кремле из ямы подняли и установили Царь-колокол, а ствол знаменитой Царь-пушки поставили на новый чугунный лафет и через несколько лет пушку как памятник поместили у Оружейной палаты. Да, и сама Оружейная палата – хранилище русских древностей, привлекала в те годы все большее внимание. Посетители этого музейного собрания могли видеть в главном зале второго этажа государственные регалии: державу, скипетр, «Шапку Мономаха», в других залах – коллекции оружия, трофеев,

²⁰⁴ Цит. по: *Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. – Изд. 2-е. – М., 1990. – С.45–46.

²⁰⁵ См.: *Меланхлен [Забелин И.Е.]* Достопамятности Московского Кремля. Составлено Ал. Вельтманом, Москва, в тип. Н.Степанова, 1843 г. ... [Рецензия.] // *Москвитянин*. – 1843. – Кн.11. – Ч.6. – Отд.4. – С. 192.

посольские дары, старинные экипажи и др. По этим залам водил желающих молодой И.Е.Забелин.

Забелину было поручено привести в порядок архив, пострадавший в 1812 г., разбирая документы, он научился читать старинные столбцы и, будучи начитанным в области отечественной истории и литературы, понял, что ни Н.М.Карамзин, ни другие известные историки совершенно не использовали эти уникальные источники в своих сочинениях. Любознательный юноша знакомится не только с документами архива, но и с древними памятниками Оружейной палаты, в первую очередь, с русским оружием. Его стали привлекать к составлению описи оружия. Тогда Забелин начал посещать охотничий рынок на Лубянской пл. Позднее он вспоминал: «Таким образом, мало-помалу я стал понимающим в старинном оружии, железе, булате, красном железе, шведском и прочем»²⁰⁶.

Что касается архивных научных изысканий молодого Забелина, то публикации «Троицких походов», продолжавшиеся несколько лет, были не единственными. Параллельно он с увлечением собирал и обрабатывал сведения и по другим близким темам. Вторая его статья – о старинных подмосковных дворцах – была совсем небольшой и даже без авторской подписи. И.Е.Забелин напечатал ее в тех же «Московских ведомостях» осенью 1842 г.²⁰⁷

В следующем 1843 г. появилась третья публикация, теперь уже в известном журнале «Москвитянин». Это была достаточно смелая и даже резкая рецензия на небольшую (79 с.) книгу «Достопамятности Московского Кремля» (М., 1843) 43-летнего писателя и историка А.Ф.Вельтмана, с 1842 г. занимавшего должность помощника директора Оружейной палаты²⁰⁸. К тому времени А.Ф.Вельтман был известен как автор полуисторических-

²⁰⁶ Цит. по: *Муравьев В.Б.* Иван Егорович Забелин // Забелин И.Е. Черты московской самобытности / Сост., вступ. ст. В.Б.Муравьев. – М., 2007. – С.19.

²⁰⁷ *Забелин И.Е.* О старинных дворцах: Завидовском, Клинском, Подсолнечном, Черногрязском и Воробьевском: Из дел архива // Прибавления к Московским губернским ведомостям. – 1842, 3 октября. – № 40. – С. 832–833.

²⁰⁸ *Меланхлен [Забелин И.Е.]* Достопамятности Московского Кремля... – С.179–192.

полуфантастических романов и повестей, которые, кстати, Забелин читал еще в Сиротском училище. Тем не менее, Забелин-рецензент, скрывшийся под псевдонимом «Меланхлен», основательно раскритиковал работу А.Ф.Вельтмана²⁰⁹. Рецензент отметил крайнюю необходимость в удобном, компактном и ясном путеводителе по кремлевским памятникам: «Москва, богатая историческими воспоминаниями и памятниками минувшей жизни, очень нуждается в кратких, но хорошо составленных, отчетливых путеводителях к своим достопримечательностям. Любопытный иностранец, любознательный провинциал, даже постоянный житель Москвы часто бродят по священному Кремлю будто впотьмах и проходят хладнокровно, без всякого любопытства такие предметы, пред которыми они невольно бы задумались, если б кто объяснил им их значение. Все, доселе напечатанные, Указатели и Путеводители Москвы, как не соответствующие своей цели больше или меньше, не удовлетворяют этой нужды, и некоторые из них по своему объему вовсе неудобны для посетителей. Главная цель всякого Указателя, при возможной краткости упомянуть о всех Достопамятностях с историческою и хронологическою точностию. – Но все Путеводители Москвы этой важной цели никогда не имели ввиду...»²¹⁰. И путеводитель Вельтмана, по мнению рецензента, этот пробел не восполнил. Забелин упрекнул Вельтмана и в отрывочности и непоследовательности изложения, и в ошибках: «Как вступление, так и описание Кремлевских памятников изложено очень кратко, отрывочно – как будто, заметки какого-нибудь провинциала, посетившего Москву на два–три дня. Эта отрывочность во многих местах нарушает последовательность и связь, – так что читатель, встречая темноту, от сего происходящую, в недоумении останавливается. Кроме того, во многих местах описание противоречит исторической истине и хронологии»²¹¹. В тексте рецензии подробно, едва ли не постранично

²⁰⁹ Позднее из-под пера А.Ф.Вельтмана вышли две москвоведческие книги: «Московская Оружейная палата» (1844 г.) и «Описание императорского дворца в Кремле Московском» (1851 г.).

²¹⁰ Меланхлен [Забелин И.Е.] Достопамятности Московского Кремля... – С. 179.

²¹¹ Там же. – С. 180.

разбираются эти ошибки, неясности, неточности – иногда совершенные несоответствия свидетельствам источников (прежде всего, летописей), иногда вольные допущения автора путеводителя, иногда ошибочные даты, сомнительные трактовки конкретных событий, неверные названия, термины и проч. Вот, например, критическое замечание Меланхлена относительно одной из кремлевских церквей: «Все, что Автор сказал о построении церкви Рождества Богородицы (стр. 42), не основано ни на каком, хотя малейшем доказательстве, и потому в воле читателя – верить и не верить этому»²¹². Упрекая автора в неясности текста о заложении «царем Иваном Васильевичем после великого московского пожара» «Царицына луга и сада» в Заречье между Москворецким и Большим Каменным мостом, Забелин указывает: «Из этих слов читатель никак не узнает, каким Царем Иваном Васильевичем основан сад, и может думать о Царе Иоанне Васильевиче IV и о пожаре 1547 года. Отчего ж бы не сказать, что этот сад был устроен в 1495 году Великим Князем или Царем Иоанном Васильевичем III-м»²¹³.

Указывая на ошибки, автор рецензии аргументирует свое мнение, приводя соответствующие выдержки из летописей и других источников. Мы же столь подробно остановились на тексте этой ранней забелинской рецензии, потому, что уже здесь очень отчетливо видны черты Забелина-историка, исследователя, знатока московской древности, для которого любое историческое изыскание, сочинение, будь то даже путеводитель, должно оцениваться с точки зрения его достоверности, соответствия сведениям источников, критического подхода к изучению исторических фактов. В заключение рецензии так и говорится: «К сожалению, при всем нашем уважении к Автору Кошеля бессмертного, мы должны сказать: нет! Ничего не заменила эта книжка, и ни сколько не верна своей цели. К чему в Путеводителе, да еще самом кратком, путать читателя отрывками из своих, может быть, и любопытных, но нейдущих к делу разысканий. Нам лучше

²¹² Меланхлен [Забелин И.Е.] Достопамятности Московского Кремля... – С. 185.

²¹³ Там же. – С. 189.

сделайте краткие, верные извлечения из летописей или Истории – без всяких так называемых новых исследований, и мы вместе с читателями от всей души будем вам благодарны»²¹⁴; «Нужно быть весьма осмотрительным, осторожным. Неверно или даже темно описанное событие, ошибка в хронологическом показании в точности переходят из уст в уста и, наконец, в потомство, которое трудно уже будет разuverять»²¹⁵.

Выявленные и обработанные И.Е.Забелиным архивные материалы стали появляться в 1840-х гг. не только в «Московских ведомостях», но и в ЧОИДР. Этому способствовало состоявшееся в 1845 г. знакомство с попечителем Московского учебного округа, председателем ОИДР, основателем школы технического рисования (известна как Строгановское училище), археологом, меценатом и коллекционером графом Сергеем Григорьевичем Строгановым (1794–1882). Именно благодаря этому известному деятелю Забелин стал делопроизводителем изданий ОИДР (помощником графа), получив, таким образом, возможность печатания любого своего труда.

Так, в этот период И.Е.Забелин начал активно участвовать в научно-общественной жизни Москвы (о чем мы еще скажем подробнее). Позже он не раз упоминал заслуги графа в области русской истории и археологии. Во многом благодаря доступу к изданиям ОИДР число печатных москвоведческих работ И.Е.Забелина резко возросло.

Москвоведческая тематика была свойственна практически всем публикациям «раннего» Забелина. Нужно сказать, что московская тема к этому времени уже прочно вошла в орбиту внимания не только профессиональных историков, но и литераторов, представителей общественной мысли – особенно после эпохальных событий Отечественной войны 1812 года. Еще в предвоенный период внимание к Москве как к древнему ядру Русского государства, как средоточию национальных святынь

²¹⁴ Меланхлен [Забелин И.Е.] Достопамятности Московского Кремля... – С. 191.

²¹⁵ Там же. – С. 190.

было привлечено благодаря известным произведениям Н.М.Карамзина – «Записке о древней и новой России» (1811 г.) и «Записке о московских достопамятностях» (1817 г.); и, конечно же, обстоятельства возникновения Москвы были подробно рассмотрены историком в его фундаментальном многотомном труде – «История государства Российского» на основе летописей. Карамзин же привел и проанализировал тексты летописных повестей о «зачале Москвы». Дата первого упоминания города им определялась 28 марта – «"...в день Пятка, на Похвалу Богородицы" – следовательно, на пятой неделе Великого поста, сей день в 1147 году был 28 марта, а не 28 июля, как у Татищева»²¹⁶ (В.Н.Татищев в своей «Истории Российской...» также уделил этому вопросу внимание, назвав дату: «...в день Похвалы Пресвятой Богородицы июля 28»²¹⁷).

Вообще же о роли Москвы в отечественной истории, об особом значении древней столицы и в поэтических произведениях, и в прозе писали А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, П.А.Вяземский, В.Г.Белинский, Н.М.Языков и др. Тема эта приобрела еще определенный акцент на фоне философских и историософских споров славянофилов и западников – сравнение и противопоставление Москвы и Петербурга, особой остроты эти споры достигли в 1830–1840-е гг. На волне таких умонастроений возникла и мысль о праздновании 700-летия Москвы.

М.П.Погодин по поручению графа С.Г.Строганова в 1837 г. составил записку «О Москве»²¹⁸ (в преддверие посещения Москвы Наследником, будущим императором Александром II, как некогда Н.М.Карамзин – «Записку о московских достопамятностях» в преддверие приезда в Москву Императорской семьи). Погодин уподобил Москву «зерну, из коего произросло великое древо Российской Империи», по его словам, Москва даже «перестав быть средоточием истории со времен Петра Великого,

²¹⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. – Т. 2. – СПб., 1818. – С. 176.

²¹⁷ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. – Кн. 2. – [М.], 1773. – С. 300; см. также: Там же. – С. 478 (примеч. 418).

²¹⁸ Погодин М.П. О Москве. Писано для Его Высочества, Государя Наследника, по поручению Г-на Попечителя Московского Университета // Историко-критические отрывки. – М., 1846. – С.35–159.

осталась средоточием Русского могущества, просвещения, языка, литературы, промышленности, торговли, вообще Русской национальности... Здесь святыня Отечества, здесь почивают Великие Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины пред престолом Вышнего. Здесь покоятся тленные останки великих основателей и благодетелей России. Здесь памятники всех важных событий. Здесь цари принимают венец свой и клянутся блюсти Уставы отечества. Здесь верный народ их в эту великую минуту молится за Их благополучное царствование. Словом, здесь земля историческая, здесь Русский дух в очю совершается...»²¹⁹.

Спустя 5 лет после выхода погодинской записки «О Москве», появилось оригинальное справочное издание, посвященное Москве – «Московская справочная книжка, изданная Вадимом Пассеком...» (1842 г.)²²⁰, где также называлась дата 28 марта 1147 г. – «Первое летописное известие о Москве. Год ее исторического Рождения»²²¹, и говорилось не просто о факте первого упоминания, но именно о дате рождения – знаменательной и памятной дате: «В 1842 году, марта 28 дня исполнилось ровно 695 лет историческому существованию Москвы»²²².

В начале 1846 г. в «Москвитянине» тот же М.П.Погодин в краткой, но очень емкой, программной, по существу, статье возбудил вопрос о праздновании 700-летия Москвы²²³: «У нас начали было говорить о национальности. Я думал, что это, значит, предвещает что-нибудь. – Нет, это ничего не значит... С такою-то любовью к национальности мы позабыли пятисотлетие Москвы как столицы, которое исполнилось в 1828 году»²²⁴. Ныне – Москвитянин для очищения своей совести долгом поставляет предупредить, что в следующем 1847 году, марта 28 дня исполнится семьсот

²¹⁹ Погодин М.П. О Москве. Писано для Его Высочества... – С. 155, 157–158.

²²⁰ Московская справочная книжка, изданная Вадимом Пассеком... – М., 1842. – 400, IX с.

²²¹ Там же. – С. 383.

²²² Там же. – С. 3.

²²³ Погодин М.П. Семисотлетие Москвы // Москвитянин. – 1846. – Ч. 1. – № 1. – С. 287–289.

²²⁴ Речь идет о 1328 г., когда московский князь Иван Калита стал и великим Владимирским князем. В современной историографии это важнейшее событие московской истории не рассматривается как факт перенесения великого княжения в Москву; великокняжеский Владимирский стол сохранялся еще в течение столетия, несмотря на рост Московского княжества и на его решающую роль в собирании русских земель.

лет Москве со времени первого известия об ней в летописях»²²⁵. Далее историк по пунктам расписал программу тех мероприятий, научных, в первую очередь, которые должны были бы подготовить достойное празднование юбилея – основное место среди них отводилось разработке истории Москвы, изучению всех сторон жизни города и написанию и изданию соответствующих сочинений, в том числе «истории Москвы как города» (!), «истории Москвы как России», всевозможных обзоров самой Москвы и разных сторон ее жизни и проч.

В том же 1846 г., в апреле в «Московских ведомостях» была опубликована еще одна статья-манифест, посвященная Москве и также затрагивающая вопрос ее 700-летнего юбилея, принадлежащая перу К.С.Аксакова²²⁶. Статья начиналась словами: «В 1847 году, 28-го марта минет семьсот лет столице Русской земли, Москве. Москва упоминается в летописях в первый раз в 1147 году 28-го марта. И так это число можно считать числом ее исторического рождения»²²⁷, далее автор, указывая все важнейшие события возвышения Москвы, ее превращения в центр русской государственности, подчеркивает, что такое значение Москвы было признано исторически и всенародно: «...голос народа, голос Божий... признал Москву своею столицею, назвал ее матерью Русских городов, корнем Русского царства и возвестил к ней народную любовь...»²²⁸. Аксаков говорит о «всерусском значении Москвы», называет ее «Истинной столицей Святой Руси», «вечной столицей земли Русской, столицей народной». В конце своего манифеста К.С.Аксаков восклицает: «Ясно для нас и для всех истинно Русских вечное значение Москвы. Она жива, и жива к ней любовь Русского народа, и будет вечно жить и то, и другое; бытие ее неразлучно с бытием святой Руси. На нее, крестясь, смотрит крестьянин, сильно движет она и образованного Русского в чужестранной одежде, в ком пробудилось Русское

²²⁵ Погодин М.П. Семисотлетие Москвы... – С. 287.

²²⁶ Аксаков К.С. Семисотлетие Москвы // Московские ведомости. – 1846. – № 39; То же. // Полн. собр. соч. – Т. 1: Сочинения исторические / Изд. под ред. И.С.Аксакова. – М., 1861. – С. 598–605.

²²⁷ Аксаков К.С. Семисотлетие Москвы // Полн. собр. соч. ... – С. 598.

²²⁸ Там же. – С. 599–600.

народное чувство. Но более всего любит и разумеет ее народ. Он называет ее матушкой; повторяем с ним это слово... Любовь к Москве есть любовь к Русской земле, потому что Москва имеет в себе не местное, а общее значение и единство всей земли Русской. Да здравствует Москва!»²²⁹.

В конце 1846 г. была подготовлена и в 1847 г. увидела свет книга П.В.Хавского, посвященная московскому юбилею: «Семисотлетие Москвы. 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков. 4–5 апреля 1847 года, в день семисотлетнего юбилея, совершившегося со исторической известности Москвы»²³⁰. В книгу в качестве заключительного параграфа был включен «Сборник о семисотлетии Москвы», куда вошло несколько опубликованных в периодике материалов: выступление П.В.Хавского на заседании ОИДР (он был действительным членом общества) в ноябре 1846 г. «Семисотлетие Москвы» (где, в частности, поясняются основания для отнесения даты первого упоминания Москвы к 4–5 апреля 1147 г.); публикация из «Северной пчелы» 31 декабря 1846 г., касающаяся вопросов летосчисления в связи с установкой даты первого упоминания Москвы; «Слово на новый 1847-й год и на воспоминание Москвою седми столетий исторического ее существования...», произнесенное на торжествах по поводу этого юбилея в Чудовом монастыре протоиереем Сергием, где Москва названа «Боголюбивым градом» и где говорится о Промысле, который «хранил и прославлял Москву», и, наконец, опубликованная в январе 1847 г. в «Московских ведомостях» статья Ф.Глинки «Семисотлетие Москвы». В последней речь идет и о событии, «которое история записала, как будто предугадывая в нем зерно великой будущности» (встреча князей в 1147 г. – «...в марте (28-го) или апреле»), и о полном величии, подвигов, великих жертв и обновлений историческом пути Москвы, и о ее значении как «ядра и

²²⁹ Аксаков К.С. Семисотлетие Москвы // Полн. собр. соч. ... – С. 605

²³⁰ Семисотлетие Москвы. 1147–1847 года, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков... / соч. П.Хавского. – М., 1847.

зародыша» государства, о ее святынях, о нынешнем величии Москвы: «И, вот, теперь, со всеми следами своей старины, и византийскими очерками своих храмов, со всеми своими особенностями стоит Москва как кудрявая старопечатная буква во главе великого свитка России!»²³¹ и «...семь веков, став на семи холмах столицы, приглашают нас приветствовать маститую!»²³².

Вот в такое время проявления интереса к истории Москвы, во время поисков особого смысла ее существования, осмысления исторического и промыслительного пути Первопрестольной входил в московскую тему и молодой И.Е.Забелин. Именно он в преддверии празднования 700-летия Москвы, в 1846 г. тщательно обосновал точную дату первого ее летописного упоминания – 4 апреля 1147 г. (встреча князей-союзников)²³³. Правда, уже в наши дни стало известно, что за восемь лет до этой публикации забытый ныне историк Н.С.Арцыбашев также опубликовал подобные подсчеты (по всей видимости, И.Е.Забелин об этом не знал). В статье Иван Егорович указывает на приводимые в историографии разные даты первого упоминания Москвы: 28 июля (В.Н.Татищев), 28 марта (Н.М.Карамзин), и, между прочим, отдает пальму первенства в установлении точной даты И.М.Снегиреву, который, по словам И.Е.Забелина, «...в своем Обозрении Москвы, напечатанном в 1844 г. в Моск. вед[омостях], заметил уже эту ошибку и сказал, едва ли не первый раз, что съезд князей в Москве был 4 апреля...».

Для обоснования даты Забелин пользовался недавно изданной (1842 г.) К.Я.Тромониным книгой «Легчайшее руководство для узнания, в каждом из прошедших и будущих годов, числа Пасхи Христовой и переходящих праздников и постов, малых Индиктов, числ недельных, дней нового года и пр. и пр., необходимых при проверке летописей и других Славяно-Русских памятников древности». О том, что газетная публикация Забелина была замечена и принята к сведению, свидетельствует хотя бы уже упомянутая

²³¹ Глинка Ф. Семисотлетие Москвы // Там же. – С. 511.

²³² Там же. – С. 511–512.

²³³ Забелин И.Е. Когда именно исполнится семисотлетие Москвы? //Московские ведомости. –1846, 9 мая. – №56. – С.393.

выше книга П.В.Хавского, где в заголовке названа дата 4–5 апреля, а в подстрочных примечаниях есть отсылка к забелинской статье (правда, без упоминания фамилии автора): «Весьма справедливо сказал один археолог в Московских ведомостях 1846 г. № 56: "Хронология наших летописей во многих местах до того запутана, что приводит в тупик самого трудолюбивого исследователя..."»²³⁴.

В заключение этого сюжета, заметим, что несмотря на общественный настрой отметить широко юбилей Москвы, на указанные выше публикации, на научное обоснование даты первого упоминания Первопрестольной, празднование по Высочайшему решению было назначено не на апрель 1847 г., а на 1 января. Современные историки видят в этом выражение некоторого сдерживания этих «промосковских» общественных умонастроений со стороны официальной столицы, желания несколько притушить эмоции в связи с юбилеем и приглушить само звучание темы Богоизбранности Москвы, ее Промыслительного пути и т.д.²³⁵ Как бы там ни было, но юбилей был отмечен торжествами в первые дни нового 1147 г. Погодинская программа изучения Москвы (как он и предполагал), в связи с 700-летием города реализована не была, а шаги по воплощению в жизнь некоторых ее пунктов были предприняты гораздо позднее, и непосредственное отношение к этому имел уже И.Е.Забелин.

Уже в 1846–1847 гг. молодой ученый определил свою, пожалуй, основную тему в изучении истории Москвы – она прямо так и обозначена в названии статей: «Домашний быт московских царей в XVII столетии» и «Некоторые придворные обряды и обычаи царей московских...»²³⁶. Статьи были небольшими и выходили, как правило, без подписи. Год за годом

²³⁴ Хавский П.В. Семисотлетие Москвы. 1147–1847 г. // Семисотлетие Москвы. 1147–1847 года, или Указатель... – С. 492.

²³⁵ См., например: История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. – Т. 2: XIX век. – М., 1997. – С. 23.

²³⁶ Домашний быт московских царей в XVII столетии // Московские ведомости. – 1847, 9 декабря. – № 147. – С. 1135–1136; 11 декабря. – № 149. – С. 1150–1151; 16 декабря. – № 150. – С. 1158–1160; Забелин И.Е. Дворец московских царей до Петра Великого // Москвитянин. – 1849. – Кн. 7. – Отд. 5. – С. 107–138; Кн. 11. – Отд. 5. – С. 88–96 и др.

И.Е.Забелин публиковал разного объема материалы по этой теме, пока к началу 1860-х гг. они не вылились в большие книги.

Можно поражаться быстрому научному взлету молодого Забелина – уже на пятом году своего творчества, в 1850 г., он напечатал в «Москвитянине», «Отечественных записках», «Современнике», «Временнике Московского ОИДР» 19 работ: статей, публикаций, рецензий. По числу этих публикаций 1850 г. стал для него самым плодотворным, а автор уже был хорошо известен русским историкам. Любимыми темами были и домашний быт царского двора, и православные праздники в старину, и художественные производства в допетровскую эпоху. Помимо вышеперечисленных периодических изданий, И.Е.Забелина охотно печатали и другие известные широкой публике журналы: «Русский вестник», «Атеней», «Русская старина», «Летописи русской литературы и древности», «Вестник Европы» и др.

1840-е – 1850-е гг. были временем, определившим вообще многое в жизни И.Е.Забелина. Работа в самом старом музее Москвы и в уникальном архиве обеспечили знакомство начинающего исследователя со многими культурными деятелями тех лет. Биографы Забелина, в первую очередь, А.А.Формозов и В.Б.Муравьев, подробно изучили круг его знакомых и друзей. Помимо уже названных нами И.М.Снегирева, П.М.Строева, С.Г.Строганова, Забелин познакомился еще с целой плеядой известных историков, литераторов, общественных деятелей самых разных направлений – от убежденных славянофилов до крайних западников: с историком, коллекционером, редактором «Москвитянина» М.П.Погодиным (1800–1875), публицистом, редактором «Московский ведомостей» М.Н.Катковым (1818/1817–1887), историками, университетскими профессорами С.М.Соловьевым (1820–1879), К.Д.Кавелиным (1818–1885), Б.Н.Чичериным (1828–1904), врачом и поэтом Н.Х.Кетчером (1809–1886), профессором Петровской земледельческой академии М.Н.Щепкиным (1820–1886), собирателем русского фольклора А.Н.Афанасьевым (1826–1871) и др.

Многих из вышеперечисленных, придерживавшихся западнического, либерального направления, Забелин часто видел, посещая в 1850–1860-е гг. кружок А.В.Станкевича (1821–1912), собиравшийся в его квартире в Б.Чернышевском пер. Бывая у Погодина в его «Избе» на Девичьем поле, он познакомился с актером М.С.Щепкиным, драматургом А.Н.Островским, С.А.Соболевским, братьями И.В. и П.В.Киреевскими – теми, кто принадлежал к лагерю славянофилов или был близок им. Интересно, что о своем первом визите к М.П.Погодину Забелин вспоминал в дневнике: «...Когда я первый раз был у Погодина и на его вопросы отвечал, что занимаюсь русской историей, он мне сказал, между прочим: держитесь крепче за землю...»²³⁷. И как историк, как москвовед, И.Е.Забелин в своем научном творчестве, в своих архивных и археологических изысканиях, действительно был чужд оторванного от почвы (от источника, от места) теоретизирования. Его рассуждения, построения, в том числе и методологического и философского характера, все-таки всегда опираются на факт, с той или иной степенью достоверности зафиксированный источником. Биографы полагают, что Забелин видел у Погодина и своего любимого писателя Н.В.Гоголя.

Очень тепло и возвышенно Забелин отзывался об известном историке профессоре Московского университета Т.Н.Грановском (1813–1855)²³⁸, почитал его. С Грановским Иван Егорович познакомился в начале 1840-х гг., а в 1854 г. прослушал у него курс лекций по древней истории. Т.Н.Грановский по этому поводу писал: «...Забелин доставил мне большое удовольствие своим отзывом о пользе, принесенной ему моими чтениями»²³⁹. После смерти Грановского Забелин регулярно ходил на его могилу на Пятницком кладбище. Между прочим, советская историография, как мы уже говорили, вообще не жаловавшая фигуру И.Е.Забелина, если и находила

²³⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 29.

²³⁸ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.50–60; Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 69–71.

²³⁹ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.50.

светлые стороны в его мировоззрении, то именно связи с учеными и общественными деятелями западного толка ставила ему в заслугу. Хотя на самом деле Забелин был самобытен и самодостаточен: сближаясь с разными людьми, увлекаясь кем-то из них, оставаясь в дружеских отношениях, проявляя интерес к взглядам того или иного направления, он никогда не примыкал ни к западникам, ни к славянофилам.

Судя по дневниковым записям, Забелин был частым гостем на домашних обедах у известных деятелей: Кетчеров, Коршей, Тонов (К.Тоном в Кремле было построено новое обширное здание Оружейной палаты).

Знакомства и встречи с известными учеными и общественными деятелями, конечно, сыграли огромную роль в образовании Забелина, дали ему новые знания. Другим важнейшим фактором в его самообразовании стало собирание им разнообразных древних памятников. Свою коллекцию, включавшую книги, рукописи, карты, изобразительные материалы, памятники археологии и быта, ученый начал собирать в совсем молодом возрасте. Еженедельно по воскресеньям он посещал книжные рынки, развалы: Смоленский, на Сухаревке, на Плющихе, лавки коллекционеров и букинистов. Позднее сам И.Е.Забелин так оценивал начало своей собирательской деятельности: «В [18]30-х годах ходил на Смоленский рынок, где продавались старинные книги, с четвертаком в кармане и покупал все больше альманахи, книжки маленькие, копеек 20–30 дашь. Я все свое образование получил на Смоленском, придешь и начнешь рассматривать... вот, и знаешь, что есть такая книга»²⁴⁰.

Забелин был знаком с владельцами букинистических лавок, с известными коллекционерами и меценатами: П.И.Щукиным (1853–1912), А.П.Бахрушиным (1853–1904), С.Д.Шереметевым (1844–1918), К.Т.Солдатенковым (1818–1901), Д.А.Ровинским (1824–1895). Двое последних в судьбе И.Е.Забелина занимали особое место.

²⁴⁰ Цит. по: Полунина Н.И., Фролов А.И. Коллекционеры старой Москвы: Иллюстрированный биограф. словарь. – М., 1997. – С.154.

Многолетнее близкое знакомство со знаменитым купцом-старообрядцем, коллекционером русской живописи, библиофилом Козьмой Терентьевичем Солдатенковым стало для Забелина судьбоносным. Забелин и Солдатенков – во многом схожие фигуры: почти ровесники (К.Т.Солдатенков лишь на два года старше), оба не получили даже среднего образования, талантливые самоучки – они одновременно слушали краткий курс истории у Т.Н.Грановского, оба стали коллекционерами и библиофилами. Видимо, все это сблизило их, и эти два старомосковских самородка дружили долгие десятилетия. Конечно, их материальное положение было различно. Финансовые возможности Солдатенкова позволили ему собрать богатейшую художественную коллекцию, уникальную библиотеку, в дальнейшем пожертвованные им московским культурным, учебным учреждениям и заведениям общественного призрения. Богатый старообрядец-предприниматель владел особняком на Мясницкой и усадьбой в подмосковном Кунцево, там часто бывал и И.Е.Забелин. К.Т.Солдатенков тратил миллионы на благотворительность и меценатство. Забегая вперед, скажем, что Козьма Терентьевич, имея собственное книгоиздательство, стал в 1860-е гг. издателем, пожалуй, главного труда Забелина – двухтомного «Домашнего быта русского народа в XVI и XVII столетиях...» (им же в 1870-е гг. этот труд переиздавался), печатал он и другие забелинские работы.

К.Т.Солдатенков заказал Забелину книгу по истории Кунцево, где в 1865 г. приобрел у Нарышкиных имение. И.Е.Забелину же Кунцево и его окрестности были хорошо знакомы, он гулял здесь в молодые годы, позднее снимал скромный дачный домик в Мазилово, располагавшемся между Кунцево и Филями.

Небольшая по объему книга о Кунцево, изданная в 1873 г., по своему характеру была одной из самых краеведческих работ И.Е.Забелина²⁴¹. Основываясь, прежде всего, на документах Московского архива

²⁴¹ Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: Исторические воспоминания. – М., 1873. – 258 с.

Министерства юстиции (ММЮ), а также на собственных наблюдениях, Забелин дал описание многих селений подмосковного Сетунского стана: Кунцева, Покровского-Фили, Мазилова, Крылатского, Троице-Голенищева, Хорошева, Мневников, Очакова, Аминьева, Троекурова и других, рассказал о владельцах располагавшихся там имений и т.д. Есть здесь описания местностей Дорогомилова, Поклонной горы и др.

Несмотря на сравнительно небольшой объем этой работы, Иван Егорович сумел соединить в ней и свое видение общих направлений развития русской истории, в особенности ее московского периода, вычленил основные характерные черты допетровского быта и оценить взгляд на отечественную древность и ученых-историографов, и светского общества, и русского барства, одинаково рисовавших русскую старину «красками мужицкого невежества»²⁴², и дать историю Кунцевской местности на широком фоне русской истории, включая события Смутного времени, Отечественной войны 1812 года и т.д. Рассказ о Кунцево и древнем Сетунском стане Забелин насытил не только историческими событиями и именами, но и данными исторической топографии и топонимики. В конце книги, в примечаниях автор высказал мысль, о том, что «Весьма желательна разработка местной и фамильной истории»²⁴³.

Об этой забелинской работе есть интересный отзыв автора дореволюционной статьи (1912 г.), посвященной научным трудам Ивана Егоровича В.Г.Сахновского, который считал, что именно на ее примере наиболее отчетливо видны особенности научного метода Забелина: «Здесь местность, по которой он (Забелин – *авт.*) будет разыскивать прошлое, срослась со всей своей историей, со всеми решительно крупными и мелкими историческими днями. Поэтому он хочет сначала допытаться о том, как природа, очертания холмов и рек, свойства, неизменные досель или почти

²⁴² Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан. Исторические воспоминания //Забелин И.Е. Черты московской самобытности. – М., 2007. – С.115.

²⁴³ Там же. – С.279.

неизменные, действовали на людей, ходивших по этим местам. Он читает не только писанные свидетельства об этом чувстве, но строит целые леса домыслов, отымая их внезапно, открывает восстановленное прошлое во всей его простоте и правде. У Дорогомилова паром Забелин оглядывает всю местность. Места пребывания ростовских владык вдруг оживают. Забелин рассказывает целиком всю грамоту Вассиана, писанную в его Дорогомилове Ивану III по поводу позорных переговоров с Ахматом. Старая Москва, старая Россия внезапно оживает. В частности, в мелочах найдены зерна общего и единого...»²⁴⁴.

Возвращаясь к взаимоотношениям И.Е.Забелина и К.Т.Солдатенкова, отметим, что на протяжении многих лет в них одновременно имели место и дружеская симпатия, и взаимный человеческий интерес, и взаимопомощь (даже в мелочах – например, когда 11 сентября 1855 г. И.Е.Забелин был неожиданно приглашен к великой княгине Елене Павловне во дворец на Остоженке, у него не оказалось соответствующего высокому приему костюма, в дневнике он записал: «Амуниции нет, сапоги худы... Нужно, кажется, в черном фраке. Фрак-то есть, но уж больно кургуз, старомоден. Приехал Солдатенков, разговорились о затруднениях, представляемых недостатком амуниции. Кузьма Терентьевич вызвался дать свой фрак...»²⁴⁵). Но временами Забелин оценивал своего друга критически, перенося эту оценку на все купеческо-предпринимательское сословие в его лице. Весьма показательна запись в дневнике 19 апреля 1865 г. об одном из дружеских собраний, где зашла речь о пьесе Н.А.Островского «Свои люди, сочтемся»: Иван Егорович передает свои собственные слова: «...о купцах отозвался, что все они мошенники, наиболее потому, что купечество поначалу есть денной узаконенный грабеж и разбой», и тут же в записи Забелин подчеркивает, что сказал это в присутствии Солдатенкова²⁴⁶ (!). Тонкую иронию, усмешку,

²⁴⁴ Сахновский В.Г. Указ. соч. – С. 118.

²⁴⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.34.

²⁴⁶ Там же. – С. 81.

возможно, и с некоторой долей ревности нетрудно уловить и в такой записи: «С утра меня что-то тянуло в Кунцево. Звали к Щепкину обедать, но не пошел и удрал в Кунцево. За заставой сел на деревянную клячу-тележку со старичком. Попался Солдатенков, ехавший на паре отличных вороных. Встреча миллиона с копейкой»²⁴⁷ (21 мая 1861 г.).

В связи с размолвкой И.Е.Забелина с К.Т.Солдатенковым по поводу книги о Кунцево (в основном в связи с финансовыми взаимоотношениями автора и издателя) Иван Егорович не забыл подробно записать в дневнике всю историю размолвки, в которой считал виноватым Солдатенкова. А в 1879 г., уже собираясь работать над будущей историей Москвы, Забелин обсуждал с Солдатенковым возможную стоимость этой работы, и в связи с тем, что последний назвал сумму, меньшую, чем рассчитывал услышать Забелин, оставил в дневнике запись: «...О миллионеры, фабриканты, смотрят на нашего брата как на продавца коленкора»²⁴⁸.

Дружеские отношения связывали И.Е.Забелина с Дмитрием Александровичем Ровинским, известным юристом, историком искусства, коллекционером. Еще в 1840-е гг. со своим младшим товарищем И.Е.Забелин совершал длительные пешие походы по Подмоскovie с осмотрами монастырей, храмов, усадеб. Теплые дружеские чувства к Ровинскому сохранялись у Забелина вплоть до кончины последнего в 1895 г.

Кстати, пешие путешествия И.Е.Забелина по Москве и ее окрестностям были одной из важных составляющих его жизни. Судя по записям в дневнике, еще юношей он нередко совершал такие прогулки. Вот, одна из первых дневниковых записей, датированная июнем 1838 г.: «...Ходил в Косино. Питаясь чистым воздухом и рассматривая дивную величественную природу, я провел там время довольно приятно»²⁴⁹. Сокольники, Измайлово, Кунцево, Фили, Раздоры, Усово, Уборы, Барвиха, Звенигород, Саввино-

²⁴⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.57.

²⁴⁸ Там же. – С.120.

²⁴⁹ Там же. – С.24.

Сторожевский монастырь – вот, далеко не полный перечень мест, где бывал Забелин.

Кроме братьев Ровинских, его спутником бывал Корнилий Яковлевич Тромонин (?–1847) – издатель, коллекционер, художник и историк Москвы. В дневниках Ивана Егоровича сохранились записи о походах с ним в Марьину Рощу, где они осматривали остатки старинного немецкого кладбища и списывали надписи на надгробных плитах в июле 1844 г.²⁵⁰, на Воробьевы горы и в бывшее царское село Измайлово, где «осматривали развалины приспешных отделений дворца, которого теперь не существует» и где «запаслись обломками цветных кафелей (изразцов – *авт.*) с собора Измайловского» – в июне 1845 г.²⁵¹

Теперь вновь обратимся к биографии И.Е.Забелина, и непосредственно к значимому для молодого ученого временному отрезку середины 1840-х – 1850-х гг. В 1844 г. Иван Егорович женился на выпускнице Екатерининского института Марии Петровне Андроновой, и молодая семья в 1845 г. поселилась близ Пречистенки в Левшинском пер. напротив храма Успения на Могильцах.

Серьезные изменения произошли у Забелина и в карьере. В 1848 г. он переходит из Оружейной палаты на службу в Московскую дворцовую контору на должность помощника архивариуса, что значительно облегчило его занятия с архивными материалами. Через два года Забелин произведен в чин коллежского секретаря, а в 1856 г. он вступил в должность архивариуса Московской дворцовой конторы. Иван Егорович едва не стал помощником директора Оружейной палаты: поддержанный влиятельными знакомыми молодой ученый подал об этом прошение. Однако по формальным причинам назначение не состоялось (на эту должность мог претендовать чиновник, имевший чин не ниже VI класса, чин же Забелина приравнивался к

²⁵⁰ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.28.

²⁵¹ Там же. – С.29.

Х классу)²⁵². Отказ задел самолюбие Забелина и сильно огорчил ученого, ощущавшего и ревность определенной части научного мира, и свое низшее по сравнению со многими коллегами социальное положение.

Обладая недюжинными и уникальными знаниями по истории допетровского быта, ученый расширяет область своих интересов, публикуя в 1853 г. оригинальные работы, относящиеся к XVII в.: о металлическом производстве и о финифтяном и ценинном деле²⁵³. За эти, основанные в очень значительной степени на московском материале, исследования И.Е.Забелин получил премии созданного незадолго до того в Петербурге Археологического общества (Уваровские премии²⁵⁴).

Следует сказать, что эта высокая оценка трудов Забелина была обусловлена их научной новизной и оригинальностью, серьезной источниковой базой, на которой были основаны эти исследования. Это было, вобщем, новое слово в изучении данного предмета. Сошлемся на одну из рецензий (или разбор статьи), касающуюся работы «О металлическом производстве в России до конца XVII столетия», помещенную в журнале «Отечественные записки»²⁵⁵. Там указывается, что, хотя И.Е.Забелин и не был первопроходцем в теме, ее затрагивали и другие исследователи (И.М.Снегирев, И.П.Сахаров), но именно Забелин привел в систему информацию источников и проанализировал все известные сведения о памятниках металлического производства. Критик отметил, что «В... сочинении г. Забелина Общество (Русское археологическое – *авт.*) получило критическое исследование о происхождении и развитии искусств, художеств

²⁵² Муравьев В.Б. Указ. соч. – С.55.

²⁵³ Забелин И.Е. О металлическом производстве в России до конца XVII столетия // Записки Императорского Археологического общества. – Т. 5. – СПб., 1853. – С. 1–136; *Он же*. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России // Там же. – Т.6. – Отд. I. – СПб., 1853. – С. 238–338.

²⁵⁴ Премия была учреждена графом А.С.Уваровым в 1856 г. в память своего отца графа С.С.Уварова; давалась за научные и драматические произведения по русской истории.

²⁵⁵ О металлическом производстве в России до конца XVII столетия: Критические статьи // Отечественные записки. – 1853. – Т.89. – Кн.7–8. – С.31–46 (Кн. 7). По конкурсной теме «О металлическом производстве в России до конца XVII столетия» в указанные сроки была представлена лишь одна работа под девизом: «Господа отцы и братия, еже ся, где буду описал или переписал, или не дописал, чтите, исправляя, Бога дела, а не кляните» (традиционная приписка средневековых книгописцев Троице-Сергиева монастыря). По рассмотрении работы был распечатан конверт, скрывавший по условиям конкурса имя соискателя, которым и оказался И.Е.Забелин (См.: Там же. – С.33).

и ремесел в России, основанное на исторических актах, летописях и многих рукописных источниках, представленных в обработанном виде, сообразно современным требованиям науки. Сочинение г. Забелина отличается, сверх того, необыкновенною свежестью материалов, собранных им из расходных книг разных приказов, архива Оружейной палаты, и точным и ясным толкованием древних названий, утвари и предметов металлического производства – названий, одинаково важных, как для археолога, так и для филолога»²⁵⁶.

Действительно, объем привлеченных Забелиным источников, просто поражает. Так, например, уточняя вопрос о «несметных богатствах, которыми обладала, будто бы, древняя Россия, о великом множестве и богатстве церковных утварей, о великом изобилии благородных металлов и драгоценных камней...» и утверждая, что все это «имело место только в немногих избранных храмах древней Руси», Забелин указывает на источники, которые достоверно подтверждают его выводы: «В доказательство мы приводим все (! – *авт.*) Писцовые книги разных областей России, относящиеся к XVII стол.»²⁵⁷. Эта работа уникальна не только систематическим изложением истории развития в России металлических производств с разбором их общей специфики, условий, влиявших на их становление и аналитической характеристикой каждого из них, но и детальными сведениями о конкретных памятниках и мастерах. Структурно материал разбит на три части: первая – общий исторический очерк металлического производства в России; вторая – «Описание предметов металлического производства» (дано по видам и группам), и третья «Имена художников металлического дела, русских и иностранных, живших в России».

²⁵⁶ О металлическом производстве в России... – С. 46.

²⁵⁷ Забелин И.Е. О металлическом производстве в России... – С. 12, 14.

Конкурсная комиссия Императорского Археологического общества в конце 1852 г. присудила И.Е.Забелину полную Уваровскую премию (300 руб.).

Вторая работа, также отмеченная Уваровской премией, – «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России», в неменьшей степени свидетельствует о широте и глубине познаний автора относительно предмета исследования и о доскональном знании едва ли не всех доступных источников по теме. Причем и в этом случае работа была новаторской. Забелин писал: «...В нашей археологической литературе до сих пор существуют самые неопределенные понятия о финифти: ее различают от эмали и в то же время смешивают с какою-то цениною на металлических изделиях, называя неправильно этим именем самую финифть. Таким образом, нам необходимо по возможности уяснить этот предмет и, по крайней мере, настолько, насколько это требуется для археологических разысканий и исследований»²⁵⁸. Как и в работе о металлических производствах здесь Забелин дает подробный очерк развития финифтяного дела, указывая те факторы, которые влияли на появление и развитие собственных производств, отмечает византийское (греческое) и западное влияние и вообще участие иностранных мастеров в удовлетворении нужд Древнерусского и Московского государства в соответствующих изделиях. Забелин пишет, то до XVII в. сведения о финифтяном деле и произведениях приезжих мастеров очень скудны: «...Художники выезжали в Москву послужить ей своим искусством; работали драгоценные украшения и для божьих храмов, и для царского дворца; но все известия об этом или утрачены навсегда, или скрываются в архивах, нетронутые и недоступные для исследователей; и, таким образом, XVI столетие, не говоря уже о предшествовавших веках, представляет весьма значительный пробел в истории наших древних художеств. Только со времен царя Михаила

²⁵⁸ Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного... – С. 256.

Федоровича, при огромном количестве сохранившихся актов, история эта становится несколько полнее и достовернее»²⁵⁹.

В работе подробно разбираются виды финифтяных и ценнинных производств, детально рассказывается об их технологии, о работавших мастерах (преимущественно в Москве), дается роспись самих памятников, и в приложениях приводятся тексты документов. О тщательности и подробности исследования свидетельствует уже его структура, которая, кроме общего вводного обзора, содержит разделы: «Способы производства финифти», «Состав общей финифтяной массы», «Составы цветной финифти», «Способ наводить или припускать финифть на металлы», «Живопись по финифти», «Ценина», «Мозаика», «Имена мастеров металлического производства, известных и по финифтяному делу», «Мастера ценнинных дел», «Указатель памятников финифтяного дела» (с четырьмя подразделами: «Памятники византийского и древнейшего русского производства»; «Памятники западного производства, немецкого и фряжского»; «Памятники цареградского (греческого) и вообще восточного производства»; «Памятники русского производства»; в последнем подразделе отдельно расписаны памятники из собраний П.Ф.Карабанова и М.П.Погодина). Среди документов в «Приложении» – царские указы, касавшиеся финифтяных производств, выписки из расходных книг, с указанием, за какие работы были пожалованы мастера, какие материалы отпускались для того или иного заказа, в какие сроки эти заказы следовало исполнить и т.д.

Так как в этих выписках речь идет и об обиходе царского двора, и о работах для конкретных московских памятников, они интересны сами по себе, и мы для примера приведем два текста: «176 г. Октября в 24 день, По указу Великого Государя подряжены ценнинных дел мастера Степашко Иванов с товарищи к церковному строенью церкви Григория

²⁵⁹ Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного... – С. 247.

Неокесарийского сделать две тысячи образцов розных поясовых ценинных в длину осмии вершков и болши и менши, а поперег семи вершков. А поставить им те образцы на срок на Светлое Христово Воскресенье нынешняго ж 176 году, а дать им ото ста образцов по десяти рублей и наперед сто рублей. (Прих. Расх. Тайного Приказа 7176 г.)»²⁶⁰; «200 г. Декабря в 4 день, По росписи за пометою дьяка Никиты Пояркова велено купить в село Преображенское за реку Язу в съезжую избу на переделку печи к старым образцам в прибавку сорок образцов тушных, пять ножек, четыре перемычки, шесть валиков, пятнадцать уступов, десять средних уступов, шесть свесов, двадцать подзорных – все ценинные, шесть возов глины, четыреста кирпичу сырого, пятнадцать гнезд связей кованных. (Дела Дворцовых Приказов XVII стол. в Архиве Оруж. Пал.)»²⁶¹.

Отметим, что эти две работы вполне показательны в плане направленности научных интересов И.Е.Забелина (и тематически, и хронологически) и одновременно они – характерный образец научного метода ученого, основанного на детальном знании и критике источников, прежде всего средневекового делопроизводства, сохранившегося в архивах. Кстати, свои более ранние наработки Иван Егорович использовал и в дальнейшем. Например, сведения о некоторых мастерах, характере их работы, произведениях уже в 1860–1870-е гг. Забелин включил в «Археологический словарь» МАО, в составлении которого он участвовал (мы еще обратимся к этой теме).

В 1850-е гг. Забелиным были опубликованы и другие работы: о Царском некрополе в Архангельском соборе Кремля (об установлении имен погребенных под тремя безымянными надгробиями)²⁶², а спустя пару лет –

²⁶⁰ Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного... – С. 327.

²⁶¹ Там же. – С. 329.

²⁶² Забелин И.Е. Три неизвестных гробницы в московском Архангельском соборе // Записки Археологического общества. – Т. 5. – СПб., 1853. – С. 197–204.

статьи о московских и подмосковных садах XVII–XVIII вв.²⁶³. Если работы о металлических и финифтяных производствах могут быть отнесены к области москвоведения, поскольку в них немало именно московского материала, и написаны они на основании московских архивов, то статьи о некрополе, о садах – есть прямое обращение автора к истории и древностям Москвы, к ее средневековой топографии. Насколько они важны были для самого И.Е.Забелина, можно судить по тому, что обе, спустя 20 лет, были отобраны им для включения в сборник своих работ «Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина» (1873 г.)²⁶⁴, причем работа о садах была дополнена новыми сведениями и материалами. Но уже и текст 1856 г. полон деталями и подробностями относительно заведения царем Алексеем Михайловичем садов и огородов в его резиденции в Измайлове, а также о садах в Кремле, в других подмосковных царских резиденциях, о садах (и прудах) частных лиц. Как и в прочих работах И.Е.Забелина, посвященных жизни и обиходу средневековой Москвы, здесь приводятся конкретные сведения о приобретении семян и сеянцев для царских садов, об их ассортименте, о людях (русских и иностранцах), привлеченных к этому делу, о способах посадки растений и последующего ухода за ними, об устройстве гряд, творил (гряды, обитые тесом) и коробов, о садовом инструменте, о топографии размещения садов в Измайлове и окружающих его местностях, в других царских селах и о многом другом, о чем сохранились известия в архивах, в делопроизводстве государева хозяйства. Между прочим, упоминает И.Е.Забелин разведенный в Измайлове в 1670 г. «Круглый огород, назначенный для аптекарских растений, прозванный аптекарским»²⁶⁵. А

²⁶³ Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии // Журнал садоводства. – 1856. – Т.1. – Кн.2. – С.43–57; Т.2. – Кн.8. – С.95–122; *Он же*. Оранжереи и сады подмосковных вотчин князя Дмитрия Михайловича Голицына в 1737 г. // Там же. – 1857. – Т.3. – Кн.1. – С. 52–58.

²⁶⁴ Забелин И.Е. Три неизвестных гробницы в московском Архангельском соборе // Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина / Изд. К.Солдатенкова. – Ч. II. – М., 1873. – С. 258–265; *Он же*. Московские сады в XVII столетии // Там же. – С. 266–321.

²⁶⁵ Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии // Журнал садоводства... – С.8 (здесь и далее ссылки даются на оттиск статьи).

также указывает, что уже во второй половине XVII в., помимо хозяйственных функций, Измайловские сады выполняли и роль увеселительных мест: «...В виноградном саду (в Измайлове – авт.) стояли три терема или беседки, украшенные резьбою и расписанные красками. Около теремов были гульбища или галереи, также украшенные. В Просянском саду также строились два чердака или терема. В том и другом саду стояли сверх того перспективы – картины, писанные состоявшим при Измайлове живописцем преоспективного дела мастером Петром Энглесом»²⁶⁶. В работе не менее подробно описываются кремлевские сады: Набережные, Верхний и Нижний, которые «при царе Алексее и его детях приведены был в самое цветущее состояние»²⁶⁷, и сады «верховые или собственно комнатные» – «...почти каждое отделение Дворца имело свой собственный, отдельный садик, который, соответственно местности самых хором, устраивался обыкновенно на сводах какого-либо хозяйственного здания, над погребями, подвалами и т.п.»²⁶⁸. Забелин приводит свидетельства источников о разведении царских садов в 1680-е гг. на Пресне, в с. Новом Воскресенском, на Девичьем Поле, в Преображенском при бытности там Петра – «...так что Преображенские сады вскоре заняли первое место между всеми садами Москвы», и, как пишет Забелин, именно разведением садов в Преображенском «окончилось и старинное Царское садоводство, по преимуществу хозяйственное, а в отношении цветов аптекарское» (сады XVIII в. приобретают иной характер, по преимуществу увеселительный)²⁶⁹. В конце статьи Забелин поместил документ: «Перепись дворцовых садов 1701 года», наглядно демонстрирующий размах царского садоводства конца XVII в. Эта подробная фактографическая работа была совершенно нова и по своей тематике, еще никто не обращался к изучению средневекового московского садоводства как такового.

²⁶⁶ Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии // Журнал садоводства... – С. 9.

²⁶⁷ Там же. – С. 11–12.

²⁶⁸ Там же. – С. 13.

²⁶⁹ Там же. – С. 15.

Одновременно И.Е.Забелин профессионально осваивает и область допетровской архитектуры и публикует описания выдающихся памятников зодчества Москвы и других древнерусских городов под общим названием «Памятники древнего русского зодчества...» в разных выпусках популярного тогда продолжающегося иллюстрированного издания известного архитектора, реставратора, директора Московского дворцового архитектурного училища Ф.Рихтера. В 1853, 1854, 1856 гг. в этих так называемых рихтеровских тетрадах появляются краткие очерки о кремлевских Теремном дворце, Успенском соборе и Царском месте в нем, о московских храмах и др. Свидетельства этой работы сохранились в письмах в архиве И.Е.Забелина. Из них можно понять, что работа шла успешно, но не быстро (сетования по поводу долгого ожидания от Забелина заказанных работ нередко встречается в письмах его издателей). Прочитаем одно из писем Ф.Рихтера (22 мая 1853 г.): «Милостивый государь Иван Егорович! Получаю много похвалы за Ваше сочинение – благодарю Вас душевно, Вам честь и слава. Что делает описание четвертой книги – подвигается ли оно? Рисунки мои будут на днях совершенно готовы, – постарайтесь меня не задержать в издании. Не забудьте еще, любезнейший, что я прибавил церковь Гребенской Божией Матери и колокольню и церковь Никиты Явленного на Арбате, которым тоже описание необходимо, а нами еще ничего не было читано! – когда сия тетрадь окончится – желательно бы очень знать. С истинным почтением имею честь быть, М[илостивый] Г[осударь], Ваш покорный слуга Ф.Рихтер. Май 22!!! 1853»²⁷⁰. Тон письма и, особенно, восклицательные знаки после даты вполне красноречивы.

Отметим, что большинство опубликованных Забелиным в 1850-х гг. работ были основаны на неизвестном архивном материале, и мы можем утверждать, что московведческое направление прочно вошло в сферу научных интересов Ивана Егоровича.

²⁷⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 57.

Параллельно с этим И.Е.Забелин продолжал углубляться и в другую свою излюбленную тему, методически из года в год публикуя статьи о домашнем быте русских царей, описи, письма, дневники, относящиеся к различным сторонам московской жизни, развивая опыт публикаций начала 1840-х гг. В качестве примера можно указать на публикацию «Охотничьего дневника царя Алексея Михайловича 1657 г.²⁷¹ И.Е.Забелин, предваряя публикацию небольшим предисловием, указывает, что источник этот неполный, охватывает лишь один год (при этом отсутствует начало – записи практически за весь январь), но тем больше ценность этого документа, ценность именно археологическая (не для истории охоты), «как единственного памятника, знакомящего нас, хоть и в сухом перечне, с охотничьими поездками царя в течение всего лета». Для Забелина важно, что эти краткие сведения указывают, «когда ходил Государь тешиться на поле и в каких именно полях тешился»²⁷². Это-то последнее («в каких именно полях тешился») даже такую прикладную тему, как царская охота, вводит в круг вопросов исторической топографии Москвы. При этом Забелин-исследователь отмечает, что достаточно сухой перечень царских выездов на охоту приобретает иной смысл, если сопоставить его с сохранившимися письмами Алексея Михайловича к своему стольнику и московскому ловчему А.И.Матюшкину от 11 апреля и 12 июня того же 1657 г. (письма к тому времени были опубликованы), значительно дополняющими информацию, которые Забелин и приводит после публикации «Дневника». В «Дневнике» упоминается потешный двор в с. Семеновском, походы царя на Тверские поля (Ходынка и окрестности – по примечанию И.Е.Забелина), на Девичье поле, в села (близ которых были поля, где государь тешился) Покровское, Измайлово, Голенищево, Коломенское (в том числе, через Угрешский монастырь), Остров, Введенское, Тонинское (Тайнинское), Медведково,

²⁷¹ Охотничий дневник царя Алексея Михайловича 1657 года // Журнал охоты. – 1858, январь. – Т. 1. – М., 1858. – С.10–28.

²⁷² Там же. – С. 12–13.

Красное, Черкизово, Воробьево, в рощу, «что зововом Собакино», в Тюхали (Тюфелева роща близ Симонова монастыря – по примечанию И.Е.Забелина); из текста писем еще добавляется охота в Тушино, за Сретенскими воротами, «промеж Суцова и рощи, что к Напрудному», «под Майковым болотом» (видимо, в окрестностях Тверских полей).

В те же 1850-е гг. И.Е.Забелин пробует себя в новом жанре описании старинного московского монастыря. По приглашению настоятеля он работает в архиве Донского монастыря, составляет основанный на документах большой очерк, который по разным причинам, независящим от автора, вышел в свет только в 1865 г.²⁷³ Надо сказать, что в отличие от темы, связанной с историей и древностями Москвы, и от темы домашнего быта, опыт церковного москвоведения как такового (описания о московских храмах у Ф.Рихтера, описание монастыря) не имел дальнейшего развития в научном творчестве И.Е.Забелина, хотя и в этой области познания его были глубоки и основательны. Но эти познания Иван Егорович активно применял в практическом плане, когда на несколько десятилетий погрузился в работу по сохранению и реставрации древних памятников (преимущественно как раз церковных и преимущественно московских, хотя не только) в качестве члена Комиссии по сохранению древних памятников МАО (об этом мы расскажем отдельно).

Как и ранее, Забелин пишет и публикует рецензии на сочинения историков, в том числе на книги и справочники по истории Москвы: в 1851 г. – на книгу «История Красной площади» (сост. И.К.Зеленецкий. М., 1851. 37 с.); в 1856 г. – на книгу «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (сост. А.Мартынов. М., 1855. 160 с.) и «Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки» (сост. архимандрит Савва. М., 1855. 155 с.) и др.

²⁷³ Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. – М., 1865. – 160 с.

В этот период за отличия по службе Забелин неоднократно награждался солидными денежными суммами (премиями). Памятной для него была и крупная по тому времени награда бриллиантовым перстнем от великой княгини Елены Павловны – этой произошедшей в сентябре 1855 г. истории Иван Егорович посвятил несколько страниц своего дневника (мы уже вкратце упоминали эту встречу выше в связи с рассказом о взаимоотношениях Забелина и Солдатенкова). Великой княгине Елене Павловне, известной своими благотворительными делами и интересом к русской истории и истории Москвы, отрекомендовали Забелина как специалиста, и она через своих приближенных пригласила его к себе в Михайловский дворец на Остоженке (на месте дворца и дворцового сада, спускавшегося к Москве-реке, ныне стоит здание, построенное в конце XIX в. для Катковского лицея, потом принадлежавшее Дипломатической академии, а с недавнего времени – МГИМО). Не имевший подобающей случаю одежды Забелин получил помощь не только от К.Т.Солдатенкова (фрак) – художник Раум, приехавший к Забелину вместе с Солдатенковым, дал белую жилетку, но, как записал в дневнике Иван Егорович, «Все это, впрочем, меня не радовало. Я приуныл. Пошли к Грановскому. Спит. Дождался его. Нужно явиться в черном фраке, белом галстуке и белых перчатках. А в форменном можно? Можно в форменном. Это несколько порадовало, хотя и форменный мой старенок. Грановский дал свой галстук белый. Снарядился и к 7 часам явился»²⁷⁴. Разговор получился долгий, великая княгиня спрашивала об Оружейной палате, о теремах, об их реставрации, о царских нарядах, о быте и многом др. Елене Павловне рассказ Забелина понравился, она попросила составить для нее «план обозрения московских древностей», и когда Забелин выполнил эту просьбу и принес план, вновь пригласила историка к себе во дворец для пояснений плана. На этот раз Иван Егорович для визита купил новые сапоги и перчатки и принес с

²⁷⁴ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 34.

собой карту Москвы и, как записал он в своем дневнике, «стал рассказывать историю распространения и древнего устройства города. Вопросы быстро сменялись вопросами, я не успевал отвечать, но отвечал удовлетворительно с необходимыми объяснениями... Объяснял значение боярства в древней Руси по поводу загородных их домов, несчастные свадьбы царей, разрушенные интригами и т.п.»²⁷⁵.

Лектор, по всей видимости, великой княгине понравился и был награжден перстнем с изумрудом и бриллиантами. Забелин записал в дневнике: «Я очень, очень был рад этому подарку. Он дорог для меня во многих отношениях...»; примечательно, что подарок Забелин получил в день своего рождения – 17 сентября²⁷⁶. Награждение бриллиантовым перстнем в то время рассматривали как высокую награду, и это событие занесли в «Формулярный список» И.Е.Забелина: «За составленный по приказанию Ея Императорского высочества Великой княгини Елены Павловны проект обозрения Московской старины, исторического объяснения плана Москвы пожалован от Ея Высочества бриллиантовым перстнем 1855 17 апреля»²⁷⁷.

Мы уже говорили, что период середины 1840-х – 1850-х гг. был значимым в судьбе И.Е.Забелина, и 1850-е гг. вообще, пожалуй, были для него самыми интенсивными в плане формирования как ученого и насыщенными разными творческими достижениями. В 1856 г. он был награжден медалями: бронзовой в память Крымской войны для ношения в петлице на Владимирской ленте и серебряной Коронационной, а 13 ноября того же года произведен в титулярные советники²⁷⁸.

В 1856 г. И.Е.Забелина приглашают редактором неофициальной (по содержанию во многом краеведческой) части «Московских губернских ведомостей». Казалось, возможность для печатания сколь угодно большого

²⁷⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 36.

²⁷⁶ Там же. – С. 36–37.

²⁷⁷ Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 56. В «Формулярном списке о службе...», опубликованном И.В.Белозеровой указана дата награждения 17 апреля 1855 г., при этом в дневнике И.Е.Забелина запись об этом дана 17 сентября 1855 г.

²⁷⁸ Там же. – С. 57.

числа своих московведческих работ весьма обрадует архивиста-ученого. Вначале так и было. Только за четыре первых месяца 1856 г. в «Ведомостях» Забелиным были опубликованы (в том числе и без подписи) 12 (!) работ по различным московведческим темам: о московских кабаках, Патриаршем доме и его вотчинах в Московском уезде, о театральные представлениях в 1768 г., о числе дворов в Москве по разрядам жителей в 1701 г., о московских садах в XVII в.²⁷⁹ Однако, как пишет А.А.Формозов, «из-за цензурных придинок почти сразу же (с № 15) (Забелин – *авт.*) вынужден был оставить это место»²⁸⁰.

Некоторые интересные сведения о научной работе И.Е.Забелина в 1840–1850-е гг. можно почерпнуть из писем к нему известного ученого, выдающегося архивиста, археографа, юриста, историка права Николая Васильевича Калачева (1819–1885)²⁸¹, с которым, судя по переписке, Забелин был дружен. И Забелин, и Калачев вместе состояли в крупнейших московских научных обществах ОИДР (с 1840–1850-х гг.) и МАО (с 1860-х гг.), их объединяли научные интересы к отечественным древностям. Сохранившиеся в архиве И.Е.Забелина письма Н.В.Калачева охватывают большой период с 1847 по 1874 гг. И для нас они ценны, поскольку дают возможность проследить научные связи Забелина, выявить некоторые малоизвестные или вообще неизвестные сюжеты его ученой деятельности, да и просто дополнить факты биографии Ивана Егоровича некоторыми интересными деталями. Например, 15 августа 1848 г. Калачев обращался к Забелину с просьбой посодействовать его «хорошему знакомому» Н.В.Закревскому, исследователю киевских древностей (впоследствии члену МАО), в осмотре Оружейной палаты: «Надеюсь, что Вы не откажитесь, если не быть руководителем Николаю Васильевичу в этом случае, то, по крайней мере, снабдите его билетом для посещения Оружейной Палаты вместе с его

²⁷⁹ См.: Московские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1856, 4 января. – № 1; 11 января. – № 3; 18 января. – № 5; 25 января. – № 7; 1 февраля. – № 9; 8 февраля. – № 11; 15 февраля. – № 13; 22 февраля. – № 15; 29 февраля. – № 17; 7 марта. – № 19; 11 апреля. – № 29.

²⁸⁰ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.97.

²⁸¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.54. – Л. 41–121.

супругой, чем Вы премного обяжите глубоко Вас уважающего и искренне Вам преданного Н.Калачева»²⁸².

С Калачевым Забелин был также связан по делам публикации своих статей в издававшемся Николаем Васильевичем в 1850–1861 гг. «Архиве историко-юридических сведений». Об этом свидетельствуют письма 1852–1858 гг. В «Архиве...» работы Забелина помещены в 3-х книгах из 4-х. Это преимущественно сравнительно небольшие по объему статьи историковедческого характера, посвященные русским средневековым письменным источникам, хранящимся в библиотеке Оружейной палаты: «Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича»²⁸³, «Важный хронограф особого состава»²⁸⁴, «Извлечение из книги "Златоуст"»²⁸⁵, «Новые сведения о роде и рожаницах»²⁸⁶.

Интересно, что и здесь Забелин-историк и источниковед делает особые акценты на значение этих памятников для изучения русского уклада, русского быта, то есть применительно к основной интересовавшей его теме. Так, в статье о сборниках поучений и духовных слов, именуемых часто «Златоустами», он недвусмысленно указывает: «В отношении к истории древней отечественной словесности эти сборники в высшей степени важны и любопытны; они едва ли не единственные литературные памятники нашей древности, принимая литературу, разумеется, в настоящем ее смысле, как выражение народной жизни в известную эпоху. По крайней мере, многие явления нашей древности нигде не выступают с такою определенностью, так ясно, как в памятниках этого разряда. ...Мы нередко встречаем в них произведения Русских проповедников, с несомненными признаками чисто

²⁸² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.54. – Л. 46–46об.

²⁸³ Забелин И.Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.Калачевым. – Кн. I. – СПб., 1850. – С. 1–18 (Отделение II).

²⁸⁴ Забелин И.Е. Важный хронограф особого состава // Там же. – С. 32–42 (Отделение VI).

²⁸⁵ Забелин И.Е. Извлечение из книги «Златоуст» // Там же. – Кн. II. – Ч. 2. – СПб., 1854. – С. 43–50 (Отделение VI).

²⁸⁶ Забелин И.Е. Новые сведения о роде и рожаницах // Там же. – С. 64–66 (Отделение VI).

Русской современности и Русского народного быта»²⁸⁷. И о рассматриваемом сборнике, Забелин не только пишет, что «рукопись сама по себе любопытна как памятник Царского быта...»²⁸⁸, но и указывает на влияние конкретно этого сборника и подобных ему на такое сочинение как «Домострой», определявший основы, главные устои и внешние черты русского быта (к этой теме И.Е.Забелин еще будет обращаться в своих работах, касающихся русского быта).

Разбирая Хронограф из собрания кн. М.А.Оболенского, среди прочего, Забелин обращает особое внимание на помещенные в рукописи портреты (они опубликованы им): «...В статье о Русских событиях помещены небольшие, вырезанные и наклеенные на особых листках, портреты в[еликого] к[нязя] Василия Ивановича (Шуйского – *авт.*), царя Феодора Ивановича, Жигимонта Августа, короля польского и царя Михаила Феодоровича. Портреты Русских Государей – драгоценная новость в Русской археологии...», причем отмечает, что «сколько нам известно, подобные изображения являются в первый раз; можно думать, и с большою вероятностью, что оригиналы, с которых они срисованы, принадлежат иностранцам и, может быть, заимствованы из какого-нибудь описания путешествия в древнюю Москву»²⁸⁹. Некоторые из этих рисунков Забелин позднее поместил в свой труд, посвященный домашнему быту русских царей.

Особняком от этих работ стоит большая публикация в последнем выпуске «Архива историко-юридических сведений» – «О детстве Петра Великого»²⁹⁰. Как известно, личность Петра вызвала у Забелина особый интерес, и к петровской теме он будет возвращаться и в последующие

²⁸⁷ Забелин И.Е. Извлечение из книги «Златоуст»... – С. 43.

²⁸⁸ Там же. – С. 44.

²⁸⁹ Забелин И.Е. Важный хронограф... – С. 39.

²⁹⁰ Забелин И.Е. О детстве Петра Великого // // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.Калачевым. – Кн. III. – СПб., 1861. – С. 139–180 (Отделение I). В архиве Забелина в ОПИ ГИМ сохранились материалы этой работы: черновая рукопись, полный текст и корректура статьи для «Архива» Н.В.Калачева (ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 220).

периоды своей жизни²⁹¹, в частности, в 1880-е гг. Работа эта была написана по архиву Оружейной палаты и изобилует подробностями царского быта и обихода в связи с описанием детства Петра I.

Что касается сотрудничества с Н.В.Калачевым, то из писем последнего узнаем, что для «Архива...» И.Е.Забелиным готовилась статья о воспитании царских детей – об этом Калачев пишет в письме от 6 апреля 1852 г., высылая Забелину корректуру другой его статьи: «Теперь буду ожидать с нетерпением Вашей статьи о воспитании царских детей. Мне она будет крайне нужна уже через неделю, ибо к этому времени печатание Архива будет подходить совсем к концу. В надежде, что Вы будете так добры, доставить мне по Вашему обещанию эту статью в возможно непродолжительное время»²⁹². В августе 1854 г. Н.В.Калачев снова просит Забелина прислать обещанную статью для включения ее в первую часть второй книги сборника, причем издание сильно задерживалось (годом ранее, в 1854 г., уже увидела свет вторая часть): «...Вы меня обяжете, доставив возможность окончить изданием том, который так давно печатается» (письмо от 7 августа)²⁹³; через неделю (15 августа) в письме – снова речь о статье²⁹⁴. Однако эта статья в «Архиве...» так и не появилась.

Н.В.Калачев ценил внимание И.Е.Забелина к своему сборнику – в феврале 1858 г. он писал Ивану Егоровичу: «Благодарю Вас за усердную деятельность по моему Архиву, предпринятое в нем участие»²⁹⁵, как и вообще с большим уважением относился к ученым трудам Забелина: «Всячески я желаю, чтобы ничто не отрывало Вас от ученых занятий, столь полезных для всех, любящих науку» (из уже цитированного нами письма от 7 августа 1854 г.).

²⁹¹ Эту же статью И.Е.Забелин включит в свой сборник «Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина» (Ч. I. – М., 1872. – С. 1–50).

²⁹² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 52–52об.

²⁹³ Там же. – Л. 56об.

²⁹⁴ Там же. – Л. 58об.

²⁹⁵ Там же. – Л. 83.

Забегая вперед, скажем, что и в 1870–1880-е гг. связь между Забелиным и Калачевым не порывалась, и письма Калачева этого периода тоже содержат очень интересные факты для изучения биографии и научного творчества И.Е.Забелина.

1850-е гг. – годы не только признания, но и в то же время серьезных раздумий для И.Е.Забелина. Его явно не прельщала чиновничья канцелярская работа, и он даже просил знакомых найти ему более хорошее место. К этому времени он еще раз улучшил свои жилищные условия: из казенной квартиры Дворцового ведомства на Новой Басманной он с семьей переехал в частную, многокомнатную на Третьей Мещанской (ныне ул. Щепкина)²⁹⁶.

Труды И.Е.Забелина читали и высоко ценили не только историки и вообще ученые, но и известнейшие в то время литераторы, общественные деятели. Сегодня мы знаем о небольшой переписке 1853 г. Забелина с И.С.Тургеневым, в которой писатель предлагал всяческую помощь в издании «Домашнего быта...». Об этом труде он писал Ивану Егоровичу: «...Ваша книга будет истинным подарком для всякого русского... Я, собственно, к Вам чувствую такое влечение, что готов на всякую услугу... Ни у кого не нахожу и той ясной простоты изложения, и того русского духа (в хорошем смысле этого слова), которые мне так нравятся в Ваших вещах»²⁹⁷. Также хорошо известны слова Тургенева о Забелине, сказанные в письме в 1852 г.: «Светлый русский ум и живая ясность взгляда»²⁹⁸.

Конечно, Забелину было приятно и лестно услышать такое суждение о собственной персоне от известного писателя. Через десять лет, в 1862 г. Иван Егорович заносит в свой дневник запись слов историка и общественного деятеля Б.Н.Чичерина, сказанных на обеде у К.Т.Солдатенкова: «Когда в Париже мы рассуждаем с Боткиным, Тургеневым и Ханыковым (востоковед, историк, этнограф, дипломат – *авт.*) о Москве – что в ней

²⁹⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 83.

²⁹⁷ Цит. по: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.89.

²⁹⁸ Цит. по: Там же. – С.59.

достопримечательного, так все заявили единогласно, что единственная достопримечательность Москвы – это Иван Егорович»²⁹⁹.

Известны и высокие слова о Забелине и его трудах таких известных публицистов, общественных деятелей лагеря русских революционных демократов, как Н.Г.Чернышевский и Н.А.Добролюбов. Первый писал: «Забелин представил превосходные исследования о некоторых сторонах домашнего быта... Хорошо было бы, если бы у нас являлось больше таких людей, как Забелин... являлось больше ученых, столь даровитых и живых»³⁰⁰. Чернышевскому вторил и Н.А.Добролюбов: «Труды... Забелина... указали нам правильную истинную точку зрения на наш допетровский быт и на его литературу»³⁰¹.

Тем не менее, И.Е.Забелин так и не стал полностью «своим» в кругу известных историков того времени. Обладая независимым, иногда доходившем до упрямства характером, не любя лести и тяготев к народной жизни, Иван Егорович часто чувствовал некоторое одиночество, неравноправное положение в обществе. Современный историк А.Н.Сахаров писал: «Обычно его (Забелина – *авт.*) коллеги по профессии шли совсем другим путем – гимназия, университет, магистерская, докторская диссертация, обучение за границей – в Париже, Берлине, Гейдельберге, получение высоких профессорских званий и кафедр в Московском, Петербургском, Киевском университетах. У Забелина не могло не быть состояния дискриминации и униженности. Попытки продолжить образование кончаются ничем: для этого нет ни средств, ни времени. Лишь мечтой остается поступление в Московский университет. Забелин так и остался уникальным человеком: известный ученый имел за плечами лишь пять классов сиротского училища. Особенно задевало историка полное небрежение по отношению к нему профессуры Московского университета:

²⁹⁹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 64.

³⁰⁰ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы и русского быта... – С. 16.

³⁰¹ Цит. по: Там же.

став со временем одним из ведущих знатоков Московской Руси, он так и не удостоился приглашения преподавать в университете. Предложение прочитать курс лекций по межевому делу в России в Константиновском межевом институте лишь подчеркнуло снобизм университетских специалистов. В дальнейшем он стал доктором наук: это звание присвоил ему Киевский университет без защиты диссертации по совокупности опубликованных работ; но Московский университет молчал»³⁰².

Упомянутый А.Н.Сахаровым Константиновский межевой институт, располагавшийся на Старой Басманной, составил целую страницу в биографии И.Е.Забелина в 1850–1860-е гг. И мы немного подробнее остановимся на этом сюжете. Не став школьным учителем, И.Е.Забелин отдал много лет преподаванию истории и археологии межевого дела и русской истории в поименованном выше Константиновском межевом институте (КМИ) и в Школе межевых топографов. Рассказать об этом нам кажется тем более важно, что эта часть жизни и профессиональной деятельности Ивана Егоровича почти никем еще не описана. В своей автобиографии Забелин указывает, что стал преподавать в этом Институте по приглашению М.Н.Муравьева с 1853 г.³⁰³

Межевой институт – одно из старейших профессиональных учебных заведений Москвы, был основан в 1779 г. как Константиновская землемерная школа (названа в честь великого князя Константина Павловича). Выпускники Школы (училища) выполняли работы по Генеральному межеванию территорий России в Екатерининское время. Позже Школу преобразовали в училище и затем – в институт, а директором был назначен известный литератор, славянофил С.Т.Аксаков. Благодаря его усилиям и настойчивости, для Института в 1830-е гг. был приобретен Куракинский дворец на Старой

³⁰² Сахаров А.Н. Забелин И.Е. (1820–1908) // Историки России. Биографии... – С.201.

³⁰³ И.Е.Забелин: [Автобиография] // Московский иллюстрированный... – С. 232–233

Басманной³⁰⁴, и там учебное заведение размещалось до 1873 г.

В начале 1840-х гг. управляющим Межевым корпусом и попечителем Константиновского института стал известный государственный деятель (последовательно бывший губернатором Витебской, Гродненской, Могилевской, Курской губерний), участник Отечественной войны 1812 года и подавления Польского восстания 1830 г., впоследствии вице-председатель Русского географического общества и почетный член Императорской Академии наук Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866). По его инициативе в 1844 г. Институт перешел на 7-летний цикл обучения, а в 1849 г. получил права высшего учебного заведения и был причислен к военно-учебным заведениям³⁰⁵.

М.Н.Муравьев пригласил 33-летнего Ивана Егоровича, вероятно, по совету С.Т.Аксакова. В архиве Забелина сохранились документы, объединенные в несколько дел, относящиеся к периоду его преподавания в Межевом институте. В этих архивных делах есть авторские тексты курсов лекций, учебные программы, классные журналы с оценками, табели классов, приглашения на экзамены, педагогические собрания и проч.³⁰⁶ По этим материалам можно отчасти воспроизвести образ Забелина-педагога. Он читал лекции по двум предметам: по русской истории и истории и археологии межевого дела – для воспитанников V, VI и VII классов, всего до четырех уроков в неделю (в 1850-е гг.). В то время семья Забелиных проживала сравнительно недалеко от Межевого института – на 3-й Мещанской в доме Абакумовой (Панова), и, возможно, молодой Иван Егорович ходил на лекции пешком.

³⁰⁴ Здание сохранилось – ул. Старая Басманная, д. 21/4. В XVIII в. владение принадлежало П.И.Демидову. В 1790-е гг. перешло к князю А.Б.Куракину; дворец для него был построен на рубеже XVIII–XIX вв. арх. Р.Р.Казаковым; наследниками здание было продано в казну. В 1830-е гг. перестроено арх. Е.Д.Тюриным под Константиновский межевой институт. В 1870-е гг. сюда временно из Кремля был переведен Московский архив Министерства Юстиции (МамЮ) до постройки нового здания на Девичьем поле. В 1880-е гг. перестраивалось архи. Б.В.Фрейденбергом – здесь разместилось Александровское коммерческое училище. В 1990-е гг. снова подверглось перестройке (надстроен этаж).

³⁰⁵ Любартович В.А. Дворец Куракина на Ст. Басманной и его культурное пространство: Учеб. пособие. – М., 1999. – С. 61–67.

³⁰⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 266. Курс лекций по русской истории, читанный в Межевом институте. – 387 л.

Замечательно, что в архиве Забелина сохранились два объемных дела с текстами его собственных лекций. В одном – тексты рукописные, правленные автором; в другом – записанные учениками или переписчиками и затем литографированные. Авторские рукописные правленные материалы написаны чернилами на листах тетрадного формата. Этот единый комплекс лекций (объемом в 276 л. с оборотами – то есть фактически 550 с.) хронологически охватывает собой русскую историю с древнейших времен до конца XVII в. В этом же деле есть фрагменты тематических текстов: «Очерк истории торговли», «Зодчество», «Обзор внутреннего состояния России до Петра I». Общий объем этих интересных материалов – 70–80 листов с оборотами³⁰⁷.

В деле с литографированными текстами – чистовой вариант лекций по русской истории, судя по всему, повторяющий вариант черновой. Здесь же есть еще документы, представляющие несомненный интерес (около 100 с.), под общим заголовком «Обзор русских древностей». Этот комплекс имеет помету: «VII касс», и представляет собственно курс межевого дела. Внутри тексты (лекции) имеют подзаголовки: «Виды земель по различию населения», «Административное разделение земель», «Разделение земель для раскладки податей и повинностей», «Писцовые и переписные окладные книги». Самостоятельный характер имеет «Очерк истории Писцового и Межевого дела до Петра I», разделенный на части: описание земель при царе Алексее Михайловиче, при царе Федоре Алексеевиче и при царях Иоанне и Петре Алексеевичах³⁰⁸.

Если общий курс Русской истории, вероятно, был составлен Забелиным с привлечением печатных трудов известных историков и учебных пособий, то лекции по истории Межевого дела в России, наверняка, носят оригинальный авторский характер. Такого рода учебные комплексы можно сравнить со спецкурсами в современном вузовском преподавании. Даже поверхностное знакомство с текстами этих лекций позволяет понять их

³⁰⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 271. Материал о Константиновском Межевом институте – 318 л.

³⁰⁸ Там же. – Д. 268. Русская история. Литографированный курс лекций – 393 л.

значение — и научное, и в качестве историографического источника для изучения и оценки научного наследия самого И.Е.Забелина. Безусловно, лекции эти следует опубликовать с комментариями и примечаниями.

Педагогическая работа И.Е.Забелина продолжалась почти 20 лет, и в перспективе дальнейшего изучения биографии ученого следовало бы поискать следы этой деятельности. Один из первых биографов Забелина, сын его коллеги по Межевому институту Е.И.Якушкина В.Е.Якушкин в 1892 г. в юбилейной статье, посвященной историку, упоминал, что «недавно были напечатаны интересные воспоминания одного из учеников о живом и картинном преподавании Ивана Егоровича»³⁰⁹. Действительно, «Московская иллюстрированная газета» от 25 апреля 1892 г. поместила статью «Иван Егорович Забелин как учитель истории»³¹⁰, подписанную: «Один из его учеников».

Это исключительно интересный материал, поскольку о Забелине-педагоге мы знаем крайне мало. Автор воспоминаний пишет: «Я и товарищи мои, около 1863 года, имели счастье, хотя и не долго, быть учениками Ивана Егоровича. Слава его как ученого, одаренного талантом историка — ученого, не только знающего, но чувствующего историю, историка-провидца и поэта — была уже его спутницей. Мы об этом знали и, что греха таить, робели перед знакомством с ним. Подростки, но еще школяры, любившие и умевшие дать прозвище учителю, подметив в нем своеобразные особенности, перед личностью Ивана Егоровича пасовали. Совсем обыкновенный, но удивительно приятный человек, сразу подчинивший нас обаянию своей личности и прямодушной уверенности в том, что его будут слушать, учиться у него, любить его. И мы его чуть-что не с первой минуты нашего с ним знакомства уже любили крепко, верили ему и ни капельки не боялись ни его, ни его учености. Он нас учил не столько истории, сколько искренности и

³⁰⁹ Якушкин В. Иван Егорович Забелин... — С. 140.

³¹⁰ Иван Егорович Забелин как учитель истории // Московская иллюстрированная газета. — 1892, 25 апреля. — № 113.

обязанности обращаться с историческими данными здраво и с уважением». Еще о методике преподавания Забелина: «...Иван Егорович учил нас, прежде всего, рассуждать по поводу исторических событий – указывать их место в ряду других и тем понимать их причинность и необходимость. Он нам рисовал целые картины, – то мрачные, то отрадные, то величественные, то жалкие – состояния общества в разные эпохи жизни нашей родины и наших родичей, и перед нами разворачивалась панорама, полная живого захватывающего интереса, где царил и русский характер, и глубокий смысл наших праотцев. ...Он нам дал то, что нельзя забыть и чему нельзя не радоваться, чего нельзя было не уважать».

Позволим себе процитировать еще воспоминания ученика Ивана Егоровича, свидетельствующего о таланте не только Забелина-историка, но и Забелина-педагога: «Я не могу забыть его лекции о собирании Руси Московою. "До начала объединения северная Русь имела вид руки со столькими пальцами, сколько было окружающих Москву уделов. Москва постепенно загибала пальцы – сначала один, – положим, удельное княжество Тверское, затем второй, третий, и так далее до последнего, когда из разрозненных уделов, примыкающих к Москве, уподоблявшихся растопыренным пальцам, не образовался крепкий могучий кулак", которого подобие и представил нам Иван Егорович, сжав свою мощную руку в кулак и потрясая им в воздухе, говоря: – "теперь вы, други мои, видите, во что превратила Москва северную Русь. Вот она, вся тут собрана в один компактный и внушительный кулак, который с этого времени становится страшен многим и очень многим и которого начинают бояться и татары, и завистливые соседи"». Конечно, столь образный и наглядный стиль изложения исторических событий не мог не запомниться студентам, и запомнился на всю жизнь – ведь воспоминания написаны, спустя без малого 30 лет!

Конец 1850-х гг. стал для И.Е.Забелина своего рода рубежом – ученый принял решение, изменившее его жизнь и карьеру. По предложению хорошо

знакомому ему графа С.Г.Строганова, возглавившего в 1859 г. созданную в Петербурге Императорскую Археологическую комиссию, Забелин переходит из Дворцового ведомства в эту Комиссию.

ГЛАВА 6.

СЕМЬЯ И.Е.ЗАБЕЛИНА

Прежде чем перейти к рассказу о том периоде жизни, который был связан у И.Е.Забелина с переходом в Археологическую комиссию и службой в ней, остановимся вкратце на сюжетах, относящихся к его семье – это еще одна сравнительно мало освещенная в литературе страница его биографии. Действительно, сведения о составе и членах семьи Ивана Егоровича достаточно скудны. Сам он в своих биографических материалах, в дневниках, записных книжках, воспоминаниях практически не касался этой темы – во всяком случае, доступная исследователю на сегодняшний день информация отрывочна, а иногда неясна или даже противоречива. Больше внимание биографов Забелина обращала на себя личность его младшей дочери Марии Ивановны, ревностной хранительницы памяти отца, благодаря которой сегодня существует обширный архив И.Е.Забелина, в свое время переданный ею вместе с вещами, библиотекой, коллекциями отца и прочим Историческому музею. Однако и в отношении М.И.Забелиной для исследователей есть еще широчайшее поле деятельности – многое в ее судьбе требует серьезной научной разработки.

Напомним, что семейная жизнь И.Е.Забелина началась в 1844 г. с его женитьбы на М.П.Андроновой. Мы достоверно знаем о двух их дочерях: уже упомянутой нами Марии и старшей ее сестре Анастасии. В литературе есть глухие упоминания о рождении в семье Забелиных других детей, но выяснить по этому поводу что-то достоверное пока не удалось.

Жена Мария Петровна (урожд. Андропова)

О ней, также как и о других членах семьи, мало что известно. Скудные сведения о ее биографии, в частности, о происхождении и образовании содержат документы, хранящиеся в фонде И.Е.Забелина.

Родилась будущая жена историка в Москве 2 марта 1821 г. в семье дворянина, коллежского асессора Петра Николаевича Андропова. Сохранилась выписка из его послужного списка, позволяющего судить о нем как о человеке, сделавшем военную карьеру. Еще в 1796 г. Петр Николаевич поступил унтер-офицером в Ярославский полк. Принимал участие в войнах России с Францией: «был в походах и в перестрелке с неприятелями в 1799, [1]800 и 1812 годах»³¹¹. В 1803 г. Петр Николаевич служил старшим унтер-офицером в бывшем драгунском эскадроне в Московской полиции. Позже произведен в 14-й, а затем и в 12-й класс Табели о рангах. «За отличие и усердие к службе по именному указу произведен в штабс-капитаны [1]811 июня 3, по переименовании драгунских эскадронов в Жандармский дивизион помещен квартальным надзирателем [1]817 марта 22; титулярным советником того же года декабря 31; частным приставом [1]823 августа 19...»³¹².

Известно, что в период рождения первенца – сына Александра, Петр Николаевич служил в Крутицких казармах, а сын его был крещен в Успенском храме, что в Крутицах³¹³.

Мы не знаем точной даты смерти Петра Николаевича, но есть документ, свидетельствующий, что в 1828 г. его жена Пелагея Дмитриевна числилась уже как «жена покойного коллежского асессора».

В сохранившихся в архиве И.Е.Забелина бумагах семьи Андроновых есть сведения о большой семье Петра Николаевича. Женат он был на «прапорщенской дочери девице» Пелагее Дмитриевне Ведекиной (?). В 1828

³¹¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1 – Д. 13. – Л. 24.

³¹² Там же.

³¹³ Там же. – Д. 1046. – Л. 17.

г. в семье было два сына: Александр (рожд. 1809 г.) и маленький Михаил, и четыре дочери: Елена, Настасья, Мария, Наталья³¹⁴. Семья бедствовала. Надежда семьи – старший сын Александр, служивший подпоручиком в Белевском егерском полку, скончался, и вдова Пелагея Дмитриевна осталась с малолетними детьми без особых средств к существованию. В архиве сохранились ее прошения к Государыне Императрице об оказании пособия в бедности. Так, в 1837 г. она писала ей о своем горестном положении: «Муж мой, служа Отечеству, прежде Военной Службы, а потом в штате Московской Полиции частным приставом, более тридцати лет, от истощения сил на службе умер, оставив меня, без пропитания окруженную двумя сыновьями и четырьмя дочерями. Хотя я с детьми и получила полупансион за службу мужа моего, но он далеко не доставал на содержание моего несчастного семейства»³¹⁵. Здесь же вдова указывает, что была надежда на сына военного, но он, прослужив более 10 лет, умер. Однако препятствием к получению пособия служило то, что семья Андроновых по смерти мужа получала ежегодно от казначейства по 500 рублей. По хранящемуся в архиве свидетельству, «Вдова Пелагея Дмитриевна... поведения хорошего... состояния бедного... содержит себя от рукоделия и получаемого от казны... пенсiona...»³¹⁶.

Известно, что в августе 1837 г. П.Д.Андропова с семьей проживала в Пречистенской части в приходе Воскресения на Остоженке (храм не сохранился; находился у стен Зачатьевского монастыря, приписной требный храм монастыря) в доме диакона Багрецова.

Мария Петровна получила образование в Московском училище ордена Св. Екатерины (Екатерининский институт). В этом, основанном в 1802 г., известном в Москве учебном заведении девочки получали хорошее образование. В фонде И.Е.Забелина хранится датированный мартом 1837 г.

³¹⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Л. 14.

³¹⁵ Там же. – Д. 1046. – Л. 27–28.

³¹⁶ Там же. – Л. 31.

аттестат, выданный Екатерининским институтом «девице Марье Петровне Андроновой 16 лет...», в котором перечислены предметы: Закон Божий, Священная история, словесность российская, французские и немецкие языки, география, история, арифметика, чистописание, рисование, «танцевание», пение, «разные рукоделия»³¹⁷.

До замужества Мария Петровна служила гувернанткой. Сохранилось свидетельство, выданное ей в 1840 г. Брянским предводителем дворянства, действительным статским советником Акинфием Бородавницыным, удостоверяющее в том, что Мария Петровна Андропова проживала в его доме более 4-х лет, воспитывала и обучала двух его дочерей русскому и французскому языкам и «вела себя прилично»³¹⁸.

Таким образом, и Мария Петровна, и будущий ее муж И.Е.Забелин с детства испытали нужду и, рано потеряв отцов-кормильцев, своим трудом вынуждены были зарабатывать на хлеб.

Нам неизвестны обстоятельства знакомства молодого Ивана Забелина с Марией Андроновой, сам историк в воспоминаниях прямо об этом не пишет. В дневниках, где Забелин практически совсем не уделяет внимания своей личной жизни, он все же оставил несколько отрывочных и неясных записей в начале 1840-х гг. о своих душевных переживаниях. Например, 12 мая 1840 г. (воскресенье) 19-летний Забелин записал: «О, Боже мой. Зачем же раны в душе моей открылись вновь. И в сердце мне опять незванный гость залетел... Опять любовь...»³¹⁹. В этом же году упоминается знакомство с некими Смирновыми, с которыми Забелин бывает в Сокольниках, которым наносит визиты. Так, о посещении Смирновых (с маменькой) 10 ноября он записывает: «...Пустое знакомство, однако с сетями для ловли жениха»³²⁰. Из других молодежных развлечений И.Е.Забелин упоминает посещение домашнего театра 2 апреля 1841 г.: «На Святой домашний театр, танцы,

³¹⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1046. – Д. 13. – Л. 27.

³¹⁸ Там же. – Л. 41, 58.

³¹⁹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 24.

³²⁰ Там же. – С. 25.

много барышень – все устроил Алексей Федорович Сахаров (сослуживец Забелина – *авт.*), на Арбате у фортепьянного содержателя и актера»³²¹.

В своих воспоминаниях Забелин также пишет о неких вечерах в своей новой квартире в Кремле, в которых принимали участие квартировавшие у Забелиных студенты: «...например, Севастьянов, играющий на гитаре, увеселявший наши вечера своей игрой. Под его гитару мы устраивали танцы с соседними по квартире девицами и гостями из девиц же. Студент Полозов был главным устроителем таких вечеров, особенно на Святках»³²². Напомним, что студенты квартировали у Забелиных в 1840–1842 гг.

Обращаясь вновь к дневникам, в июне 1842 г. находим очень пространную запись, где Забелин пишет о своем смятенном состоянии, о влечении к природе, рассуждает о чувстве первой любви, здесь же помещены два стихотворения³²³. После этой записи 12 июня 1842 г. сразу следуют очень краткие записи января–февраля 1844 г., которые, по всей вероятности, относятся именно к отношениям с М.П.Андроновой: «22 января 1844 года. Хотел отдать письмо, но как-то не отдалось. Решился завтра непременно, во что бы то ни стало. 23. Воскресенье. Иду в 12 часу. Дождался четверть часа, потому что были у обедни. Наконец, ушел и отдал в ½ двенадцатого. Январь, 1844 г. Задумал о женитьбе. 25 января – ответ на мое предложение. 25. Вторник. Был второй разговор. 27. Четверг. То же. 1 февраля. Вечер до 1 часу – разговор. 2. Среда. Прости. После вечерен. 13 февраля в воскресенье. У нас Настасья Петровна, Наталья Петровна (сестры М.П.Андроновой – *авт.*)...»³²⁴.

Известно, что венчание Ивана Забелина и Марии Андроновой прошло 1 октября 1844 г. в храме Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове³²⁵, рядом со строящимся кафедральным собором Христа Спасителя.

³²¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 25.

³²² Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 44.

³²³ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 26–27.

³²⁴ Там же. – С. 28.

³²⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 27об. Храм не сохранился.

В составленной, видимо, после смерти Ивана Егоровича дочерью Марией Ивановной пространной записи есть важные слова о матери: «В 1837 г., окончив Екатерининский институт, принуждена собственным трудом добывать себе хлеб и содержать старуху мать и больную сестру; она служила гувернанткою»³²⁶. О жизни Марии Петровны в замужестве мы фактически почти ничего не знаем. Забелин, видимо, намеренно не писал о членах семьи ни в дневниках, ни в воспоминаниях. Уже после кончины Ивана Егоровича, его дочь Мария Ивановна вспоминала: «Вся наша семья, состоящая из 4-х лиц, отца, матери и двух дочерей, ведя весьма замкнутую семейную жизнь, всегда всеми силами старалась быть полезной друг другу. Вначале мать моя усердно помогала отцу в его архивных трудах, пока дети и другие домашние заботы не оторвали ее от этого дела»³²⁷.

В одном из документов забелинского архивного фонда упоминается, что у Забелиных было 8 детей (?)³²⁸, но, поскольку ни о ком из них, кроме трех дочерей, ничего не известно, даже имен, можно с некоторой долей уверенности предположить, что скончались они еще в младенчестве. Первенцем в семье была родившаяся 3 августа 1845 г. Авдотья (А.А.Формозов высказал мысль о том, что она была названа отцом в честь его матери), но прожив чуть больше года, 18 ноября 1846 г. она скончалась³²⁹. Мы не знаем, где И.Е.Забелин похоронил младенца. Вторая дочь – Анастасия, родилась 24 мая 1849 г., третья, Мария, через два года – 24 марта 1851 г. Обе дочери получили хорошее домашнее образование, увлекались музыкой, театром.

Жена Забелина, Мария Петровна, не отличалась крепким здоровьем. В деле о членах семьи сохранилась запись о ней: «Одержима была в продолжение 20 лет органическим пороком сердца (*Morbus organicus cordis*) и вследствие чего в последние месяцы водянкой (*Hydrops*). Скончалась

³²⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 64.

³²⁷ Там же. – Оп. 3. – Д. 104. – Л. 3.

³²⁸ Там же. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 64.

³²⁹ Там же. – Л. 39.

4 марта [1882 г.] в четверг в половине пятого по полуночи»³³⁰. И.Е.Забелин устроил достойные проводы жены. Об этом можно судить по сохранившимся в его личном архиве документам – счетам в магазине похоронных принадлежностей А. и В.Сапожниковых на Ильинке, в гробовом заведении В.В.Котова на Сретенке. Гроб был обит белым глазетом с белым галуном с кистями, заказана траурная колесница в 4 лошади и прислуга из 9 человек, певчие, обильный поминальный стол на 30 персон³³¹.

После похорон в Лавке гранитных и мраморных памятников В.Ф.Синицына на ул. Мясницкой были заказаны и изготовлены «памятник коричневого гранита..., плита жерновая... с постановкою на Ваганьковском кладбище»³³². В июне 1884 г. на могиле М.П.Забелиной был установлен каменный памятник, о чем свидетельствует расписка известного своей активной деятельностью священника, протоиерея кладбищенского Воскресенского храма Алексея Приклонского (†1898)³³³ (к слову – его художественно исполненный беломраморный надгробный памятник уцелел и находится неподалеку от участка Забелиных).

Дочь Анастасия Ивановна

О дочерях, как и о других членах семьи, известно мало. Особенно это относится к родившейся 24 мая 1849 г. Анастасии. Согласно сохранившемуся в фонде Ивана Егоровича метрическому свидетельству, на четвертый день после рождения младенец был крещен в храме Покрова в Левшине (разрушен в 1930-е гг.). Восприемниками были: коллежский секретарь К.С.Каменев (возможно, тот студент Каменев, который квартировал у Забелиных в начале 1840-х гг.), родная тетка девица Елена Петровна Андропова³³⁴.

³³⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Д. 13. – Л. 30.

³³¹ Там же. – Л. 33–36.

³³² Там же. – Л. 32–36.

³³³ Там же. – Л. 34.

³³⁴ Там же. – Л. 46.

Настя получила хорошее образование, знала иностранные языки. Забелин в своих дневниках лишь 2–3 раза вскользь упоминает ее. В записной книжке от 6 июня 1865 г. он пространно записал дневной сон, как он пишет «кошмарный»: во время посещения Кремля с женой и Настей он на выходе из Архангельского собора потерял дочь: «Я шел впереди, М[ария] П[етровна] и Настя отстали. Настя потерялась, я бежал и кричал, что есть силы: "Настя, Настя!"... С тем и проснулся, но уже кричал будто: "Маша, Маша!"»³³⁵.

В фонде Забелина сохранилась краткая биографическая справка об Анастасии Ивановне, составленная, по-видимому, ее сестрой Марией Ивановной: «Получила основательное домашнее воспитание, была хорошей музыкантшей, знала в совершенстве иностранные языки, своими точными переводами оказала большую помощь отцу в его ученых трудах, а также много работала по изданию его сочинений. Очень добрая, всегда веселая и жизнерадостная. Здоровье слабое»³³⁶.

Более развернуто о сестре Мария Ивановна написала в 1911 г.: «...Старшая моя сестра Анастасия Ивановна, в совершенстве знавшая иностранные языки, особенно немецкий, всегда служила отцу своими переводами, что очень облегчало ему труд, так как отец мой не знал иностранных языков, а также помогала в составлении указателя к изданию "Домашнего быта Царей" – и всегда исполняла все корректурные работы во время печатания, в чем и я принимала немалое участие. К концу ее недолгой жизни (†47 лет) по слабости здоровья она не могла всегда работать...»³³⁷.

Анастасия Ивановна, не дожив и до 50 лет, скончалась 31 мая 1896 г. Отпевали ее в китайгородском храме св. Троицы в Полях³³⁸, к которому фактически был приписан Исторический музей, а похоронили на семейном участке на Ваганьковском кладбище. В бумагах ее сестры Марии Ивановны сохранился листок, представляющий собой, по-видимому, проект

³³⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 266.

³³⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 62.

³³⁷ Там же. – Оп. 3. – Д. 104. – Л. 3.

³³⁸ Там же.

надгробного памятника, установленного позже на могиле. На передней стороне памятника под крестом находилась сделанная старославянским шрифтом надпись «Да будет воля твоя» и здесь же, отступя: «Анастасия Ивановна Забелина родилась 24 мая 1849 года сконч. 31 мая 1896 года». На левой грани – цитаты из Евангелия: «Аминь, глаголю Всем, аще...», а на правой грани – «Азм есмь воскресение и живот: веруй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки». На задней стороне памятника – крест и надпись с пробелами, заготовленная к кончине в будущем самой Марии Ивановны (она скончалась в 1920 г.). Такие «заготовки» изредка встречались у монашествующих и у светских лиц.

Отметим, что даты кончины Марии Ивановны: число, месяц и цифры «20» в годе смерти, а также цифры продолжительности жизни вписаны в текст на существующем на Ваганьковском кладбище памятнике совершенно другим стилем (ныне эта надпись гласит: «Мария Ивановна Забелина скончалась 29 авг. 1920 года 69 лет от роду»³³⁹). Это свидетельствует о том, что, во-первых, изначальный проект памятника, как он показан на рисунке, был воплощен в жизнь, и, во-вторых, что изготовили и установили памятник не ранее 1900 г., поскольку, как мы уже говорили, более поздним, вписанным другим почерком в годе смерти Марии Ивановны является только число «20». Можно предположить даже, что не ранее 1909 г. (?), поскольку в архивном деле «Материалы в связи с кончиной И.Е.Забелина» (1909 г.) также есть аналогичный рисунок – «Проектobelиска из красноватого гранита», правда не датированный³⁴⁰. Так, под общим памятником покоится прах двух дочерей И.Е.Забелина.

Дочь Мария Ивановна

О младшей дочери И.Е.Забелина известно больше, чем о прочих членах семьи, о ней упоминают все биографы Забелина, и это не удивительно. Ведь

³³⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 104. – Л. 42–42об.

³⁴⁰ Там же. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 71. Конечно, нельзя исключить, что документ при формировании архивного дела попал сюда случайно, ведь он не датирован, и относится все-таки к более раннему периоду.

Мария Ивановна была не только верной помощницей отца при его жизни, но и стала беззаветной хранительницей его наследия и памяти, и заслуги этой женщины перед наукой, перед Москвой, непосредственно перед Историческим музеем очень велики (о чем мы скажем отдельно). Но, если о М.П.Забелиной и писали современники и позднейшие исследователи, то именно в этом качестве – исполнительницы заветов отца. Сведений о ней как о человеке, личности, о ее жизни в разные периоды, ее интересах и прочем в литературе крайне мало. А вот архивные документы (сохраненные благодаря ей же) могут пролить некоторый свет и на эти вопросы, хотя, конечно, разыскание сведений и написание возможно более полной биографии младшей дочери Ивана Егоровича – задача на будущее, и задача актуальная.

Отдельные документы позволяют восстановить хотя бы некоторые страницы ранней биографии М.И.Забелиной, ставшей главной помощницей и опорой отца в конце его жизни.

Родилась Мария Ивановна 24 марта 1851 г., когда И.Е.Забелин служил помощником архивариуса Московской Дворцовой Конторы. Крещена была 28 марта в храме св. Ианнуария, что в Запасном дворце у Красных ворот³⁴¹. Редкий выбор места крещения определялся по всей вероятности принадлежностью Запасного дворца, в котором в середине XIX в. находилась Дворцовая канцелярия, подчинявшаяся Дворцовому ведомству, где служил Забелин. Восприемниками при крещении были коллежский секретарь Егор Семенов Каменев и дочь коллежского асессора девица Ел. Петровна Андропова³⁴².

Как и старшая сестра Анастасия, Мария получила хорошее домашнее образование. Вместе они учились в Консерватории по классу фортепьяно (8 лет) и пению. Но, все же, больше всего ее привлекала сцена. Сохранился текст ее несколько шутливой речи, сказанной 4 июля 1870 г. на открытии

³⁴¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1019. – Л. 71. Домовая церковь св. Ианнуария была устроена в 1750-е гг. и освящена в честь св. Севастиана, приходившийся на день рождения императрицы Елизаветы Петровны; позднее храм был переосвящен в честь св. Ианнуария; при коренной перестройке здания Запасного дворца в советское время храм утрачен.

³⁴² Там же. – Д. 13. – Л. 44.

«новой любительской сцены» (в доме Забелиных), главной задачей которой, по словам Марии, «будет служение искусству и не только искусству драматическому, но и искусству вообще». Упоминается и «наша снисходительная публика из одних добрых знакомых»³⁴³.

Свои творческие силы Мария Ивановна пробовала, сочиняя критические статьи, переводя западноевропейские пьесы. В архиве И.Е.Забелина сохранились ее переводы произведений А.Дюма «Катерина Говард», Бомонта «Две стороны одного предмета» (1872 г.), критическая статья об открытии Народного театра на Варварской пл. (1873 г.), большой биографический очерк «Мария Мнишек... материал к изучению роли Марины Мнишек в драме А.С.Пушкина "Борис Годунов"»³⁴⁴.

Среди архивных документов есть пространная, составленная Марией Ивановной запись о посещении ею в мае 1875 г. квартиры известного в то время актера, педагога, ученика и последователя М.С.Щепкина И.В.Самарина. Принять дочь и поговорить с ней о возможных перспективах ее артистической карьеры Самарина попросил Иван Егорович. В подробной записи этой беседы есть данная Самариным сценическая оценка Марии: «Вы далеко не красавица, вы это должны знать..., но лицо у Вас сценическое, подвижное... Вот улыбка у вас очень хороша и приятная, красивая и выразительная. Затем вы обладаете ростом вполне хорошим для сцены»³⁴⁵; он порекомендовал поступать в Консерваторию в класс «Пения для женских голосов» госпожи Вальзек. Из текста видно, что Мария Ивановна очень интересовалась классом декламации.

Мы не знаем, было ли продолжение этой беседы, и как Мария Забелина воспользовалась рекомендациями Самарина. Известно, что в конце 1870-х гг., видимо, ею были написаны большая критическая статья «Впечатления нем музыканта», где проведен анализ произведений

³⁴³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1021. – Л. 27–28.

³⁴⁴ Там же. – Л. 29–40, 58–63, 94–100.

³⁴⁵ Там же. – Д. 1006. – Л. 55–62.

Рубинштейна, и либретто к опере в 3-х действиях «Боярская дочь». В либретто среди действующих лиц мы видим царя Алексея Михайловича, его детей, бояр³⁴⁶. Это произведение подписано М.Забелиной. В архивном деле с заголовком «Работы М.И.Забелиной» хранятся пародии, «подражание Фету» и другие стихотворения.

Даже поверхностное знакомство с документами архива, с текстами позволяет утверждать, что Мария Ивановна писала ясным, понятным и живым языком, имела, несомненно, способности к драматическому искусству. Но, судя по всему, после смерти матери в марте 1882 г. семейная ситуация изменилась, к тому же кратно возросла научно-организационная нагрузка на ее отца, ставшего главным «историографом Москвы», а вскоре – фактически руководителем крупнейшего музея России.

В дневнике 24 мая 1883 г. после приема у старой знакомой баронессы Э.Ф.Раден Забелин записал: «Спросила о дочках – замужем ли. Нет, у себя оставил. Что ж, учительствуют? Нет, мне помогают, корректура и пр.»³⁴⁷. Через 2 года Забелин с двумя дочерьми переезжает в новое здание Исторического музея, ставшее их домом. Судьба дочерей была определена – помогать во всем своему великому родителю.

Через десять лет произошли большие изменения. В одном из писем 1910 г. Мария Ивановна вспоминала, что, поскольку к концу жизни ее сестра Анастасии была слаба здоровьем, «...все постепенно переходило на мои руки. По смерти матери и сестры я осталась одна с отцом и, конечно, приходилось быть его единой помощницею и о нем единой заботницею»³⁴⁸.

И Мария Ивановна в полном смысле этого слова, действительно, стала для Ивана Егоровича и заботницею, и единомышленницей, и верной хранительницей его памяти уже после его кончины. Как это происходило, и какова была жертвенная роль Марии Ивановны в последние годы жизни

³⁴⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1021. – Л. 94–100.

³⁴⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки.... – С. 127.

³⁴⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 104. – Л. 3об.

Ивана Егоровича, а также, каков ее вклад после его смерти в мемориализацию его памяти, расскажем ниже в особой главе.

Здесь лишь отметим, что Мария Ивановна – последняя представительница семьи И.Е.Забелина, скончалась 29 августа 1920 г., 69-ти лет от роду. Похоронена она на семейном участке на Ваганьковском кладбище вместе с сестрой Анастасией.

ГЛАВА 7.

И.Е.ЗАБЕЛИН

И ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Вернемся вновь к профессиональным занятиям И.Е.Забелина. В 1859 г. он стал сотрудником созданной тогда же петербургской Императорской Археологической комиссии (ИАК) – первого в России государственного центрального учреждения в области археологии. Работа предполагала почти ежегодные выезды в археологические экспедиции на юг России. Фактически, Иван Егорович в корне менял свою профессию, оставляя любимую архивную кабинетную работу и окунаясь в практическую полевую археологию, связанную с глубокой дославянской древностью.

О Забелине-археологе, его уникальных находках достаточно много написано известными археологами и историками археологии³⁴⁹. К тому же, археологическая составляющая его ученой деятельности периода работы в ИАК напрямую не связана с Москвой, а в наши задачи не входит оценка Забелина как профессионального археолога (в современном понимании этой науки). При этом отметим, что не только раскопки характеризуют вклад Ивана Егоровича в археологию и в широком, и в более узком значении этого понятия. Соединяя в себе великолепные задатки исследователя-практика со склонностью к теоретическому, философскому осмыслению научных проблем, Забелин оставил в своем научном наследии не только выдающиеся находки древних памятников, но и оригинальные теоретические,

³⁴⁹ См., например: *Анучин Д.Н.* И.Е.Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности... // *Древности. Труды Московского Археологического общества.* – Т.22. – Вып.2. – М., 1909. – С.29–70; *Арциховский А.В.* Забелин – археолог // *Историко-археологический сборник.* – М., 1948. – С.5–11 и др.

методологические работы (доклады, статьи), где пытался обосновать само понятие «археология», определить ее предмет и границы. Его занимала (и он, собственно, и занимался этим) археология в широком смысле слова, характерном для XIX – начала XX в., как наука о древностях вообще – и в этом-то широком смысле научный путь Забелина-археолога не исчерпывается только периодом его работы в ИАК.

Мы же в этой главе как раз сосредоточимся на этом без малого двадцатилетнем этапе его биографии. В 2009 г. была издана фундаментальная книга к 150-летию основания ИАК³⁵⁰, где отражено несколько сюжетов, относящихся к И.Е.Забелину. Во-первых, на основании архивных документов (переписки) авторы кратко передают историю перехода Ивана Егоровича на службу в ИАК в должности ее младшего члена.

Еще в процессе создания ИАК ее будущий глава граф С.Г.Строганов обратился к Забелину с предложением войти в состав Комиссии. В забелинском дневнике есть запись, датированная 30 декабря 1857 г., где описано это предварительное приглашение – «в весьма вежливых формах». На заседании ОИДР 28 декабря Строганов пригласил Забелина прийти к нему для разговора, спросив, когда тот бывает свободен, на что Иван Егорович ответил: «Как Вам угодно, я могу придти по вашему назначению. Я, как купец в лавке, всегда более или менее занят...». И далее Забелин передает суть разговора, состоявшегося 30 декабря, в понедельник, утром: «Где Вы, Забелин, служите. Первый вопрос. – В Дворцовой конторе архивариусом – должность не рельефная, но покойная и дает возможность заниматься. – Ведь Вы еще преподаете в Межевом институте? Государь мне поручил всю археологическую часть... Я хочу составить Комиссию. Вы не откажетесь? – Помилуйте, Ваше сиятельство, Вы меня осчастливите. – Я думаю пригласить сюда Кене (Б.В.Кене, археолог, нумизмат – *авт.*), он,

³⁵⁰ Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. К 150-летию со дня основания / Науч. ред. А.Е.Мусин; под общ. ред. чл.-корр. РАН Е.Н.Носова. – СПб., 2009. – 1192 с.

кажется, лучше всех других по западной археологии, Савельева П.С. (археолог, нумизмат, востоковед – *авт.*) по нумизматике русской и восточной археологии и Вас по русской. Вы будете получать 1000 рублей в VI классе. Так Вы не отказываетесь?... Так как Вы уже имеете место, то я Вас с него не трону, а Вы будете ездить время от времени в Санкт-Петербург на неделю, на две. Зависеть будете только от моего лица»³⁵¹. После этого разговора прошло еще более года, прежде чем назначение Забелина состоялось.

О том, что Иван Егорович нуждался в более выгодном и, наверное, в первую очередь, в смысле жалованья, месте службы, свидетельствует один почти курьезный случай, «глупая история», по выражению самого Забелина, описанный им в дневнике (случай, в конечном счете подвинувший дело с переходом на службу в ИАК). В конце декабря 1858 г. в гостях у своего друга В.Ф.Корша Забелин стал участником разговора о смене цензора Московского цензурного комитета, в ходе которого Корш шутливо обратился к Забелину со словами: «Иван Егорович, не поедете ли в цензоры», Забелин также шутливо ответил: «...Да на полгода разве – больше едва ли просуществую». Далее Забелин описывает, как разворачивались события: «Он, любезный Валентин (Корш – *авт.*), схватился за эту мысль как за якорь спасения и стал убеждать меня идти в цензоры. Его поддерживали все. Я упирался – выразившись, что в цензоры, все равно, что в министры финансов, назначить меня как-то странно». Неожиданно для самого Ивана Егоровича этот полушутливый разговор имел последствия. Началось с того, что двумя днями позже его уведомили, что он официально представлен на должность цензора, что, по выражению Забелина, его «ошеломило». Затем дело повернулось таким образом, что, якобы, сам Иван Егорович ищет должности цензора и ему необходимо хлопотать об этом в Петербурге. Все друзья и хорошие знакомые, с кем Забелин советовался по этому поводу, убеждали его в

³⁵¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 37.

необходимости добиться этой должности и ехать немедленно в Петербург: «Все единогласно гонят меня» – записал он в дневнике 6 февраля 1859 г. При этом ему дали несколько рекомендательных писем и советовали, какие шаги предпринять в Петербурге, через кого и как лучше действовать, что произвело на Забелина тягостное впечатление, и запись в дневнике, которую мы процитируем, очень хорошо отображает жизненные позиции и установки Ивана Егоровича: «Все это подействовало на меня отвратительно, и я готов был отложить поездку. Никогда и ничего я не искал во всю жизнь, невыносимо тяжело и тошно было место искать, да еще места, к которому чувствовал страшную антипатию. Поехал за советом. Корши гонят. Я обедал у них и сидел как к смерти приговоренный. Так мне было грустно, больно. Точно сделал какое уголовное преступление...».

7 февраля он уехал в Петербург. И там неожиданно встретил поддержку своей «страшной антипатии» к поискам места цензора и к самому этому месту. Побывав с визитами у К.Д.Кавелина и С.Г.Строганова, от обоих услышал протесты против этой затеи: от первого – «...Я бы ни за что не желал Вас видеть в этой пакостной, тошной, трудной должности»; от второго – «Я... не постигаю, как Вы – цензор. На эти места есть другого сорта люди, которые ищут место».

Итогом всех этих несостоявшихся хлопот стал разговор с графом С.Г.Строгановым, который известил Забелина, что Археографическая комиссия уже получила Высочайшее утверждение, и подтвердил обещание пригласить Ивана Егоровича в члены. Был и еще один итог этой истории, когда Забелин отправился на службу, просить 8-дневный отпуск для поездки в столицу, там, видимо опасаясь слуха о его уходе, ему пообещали поощрение по службе³⁵².

6 марта 1859 г. Забелин получил официальное приглашение перейти на службу в ИАК от ее председателя графа С.Г.Строганова. 29 марта было

³⁵² Подробнее см.: *Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки...* – С. 38–40.

получено разрешение от Министерства Императорского двора на переход Забелина в ИАК с условием завершить все необходимые дела в должности архивариуса Московской Дворцовой конторы. Переход этот совершился даже быстрее, чем предполагалось изначально, и ускорен он был С.Г.Строгановым, который намеревался сразу командировать Ивана Егоровича в Новороссию, в Екатеринославскую губернию для проведения раскопок. 8 июня председатель ИАК обратился с соответствующей просьбой, которая была удовлетворена, 3 июля перевод в ИАК был сделан задним числом – официально с 9 июня 1859 г. И.Е.Забелин занял место младшего члена ИАК³⁵³.

С 1859 г. он проводил раскопки в Приднепровье (Екатеринославская, Таврическая губ.), на Таманском полуострове (городище Фанагория), в Причерноморье (в том числе в Херсонской губ. в Ольвии) и др. В своем неопубликованном докладе, посвященном И.Е.Забелину (1945 г.), археолог проф. А.С.Башкиров перечисляет самые значимые для науки, «с большим вещевым материалом» забелинские раскопки: «В 1860 г. – ок[оло] Екатеринослава... и Никополя раскопка курганов "Толстая могила" и особенно вблизи станицы Краснокутской и у с. Беленькое; 1861 г. – в тех же раскопках как на "Острая могила"; по одному кургану из "Слоновских Близниц" и из "Токмаковских Близниц", и "Каменные могилы"; в 1862–63 гг. – были проведены раскопки Чертомлыцкого к[урга]на; в 1864 г. на Таманском полуострове раскапывался к[урга]н "Большие Близницы"; в 1865 г. раскапывает к[урга]н "Козел" ок[оло] Нов. Александровки б[ывшей] Таврической губернии; ...в 1867 г. около г. Александровска раскапывает к[урга]ны "Сиротины Могилы"; в 1868 г. около Болш[ой] Белозерки – к[урга]н "Цимбалова Могила"; в 1869 г. Ив. Ег. начинает работы на территории античного города Фанагории на Таманском полуострове³⁵⁴ и здесь, изучая его топографию, в холмах, береговых обрезах, в тысячах

³⁵³ Императорская Археологическая комиссия... – С. 44.

³⁵⁴ Совместно с В.Г.Тизенгаузеном.

курганов некрополя, одновременно раскопал около 40 могил...», в 1870 г., продолжая изучение Фанагории, Забелин раскопал курган «Буерова Могила»; в 1873 г. совместно с Тизенгаузенем начал изучение античного г. Ольвия у устья Южного Буга³⁵⁵.

Свои первые археологические раскопки в 1859 г. Забелин провел в Приднепровье, причем ему было поручено продолжить уже начатое до него исследование: «...член Комиссии И.Е.Забелин приступил к доследованию одного кургана, находившегося верстах в 50 от Луговой Могила к юго-востоку, близ сел. Гермесов хутор (деревня Мариевка), верстах в 10-ти от Днепра». Раскопки Гермесовых курганов, в том числе «Долгой Могила» каких-либо существенных результатов не дали. Подавляющее число курганов были ограблены, а найденные захоронения отличала «бедность и незначительность принадлежностей погребения», что «не подавало никакой надежды на более важные открытия и находки»³⁵⁶.

Удача улыбнулась И.Е.Забелину при раскопках в 1862–1863 гг. расположенного на правом берегу Днепра близ г. Никополя 20-метрового кургана Чертомлык. Здесь были открыты захоронения IV в. до н.э. скифского царя и царицы. По мнению археологов, по числу и качеству художественных золотых изделий Чертомлык стоял на первом месте среди курганов мира. Знаменитая серебряная амфоровидная ваза, украшенная растительным орнаментом и рисунками сцен из жизни скифов, – самая известная находка Чертомлыкского кургана. Там же были найдены золотой футляр от лука с изображением Ахилла, золотые ножны меча с изображением битвы греков с амазонками, множество бронзовых и железных предметов древности. Причем, в отличие от большинства археологов того времени Забелина при

³⁵⁵ Башкиров А.С. Памяти историка и археолога И.Е.Забелина... – Л. 27–27об.

³⁵⁶ См.: Древности Геродотовой Скифии: Сб. описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях / Изд-е Императорской Археологической комиссии. – Вып. II. – СПб., 1872. – С. 29–42.

раскопках интересовали не только предметы, сделанные из драгоценных металлов, но и дерево и железо³⁵⁷.

За эти уникальные находки И.Е.Забелин был произведен в старшие члены ИАК и награжден в апреле 1864 г. своим первым орденом – св. Станислава 2-й степени.

Также удачлив был Иван Егорович и при раскопках греческих древностей на Таманском полуострове. В кургане «Большая Близница» у д. Стеблиевки, где в IV–III вв. до н.э. была похоронена жрица Деметры, Забелин обнаружил украшения, также золотые, эпохи Боспорского царства, в том числе золотую корону из 15 пластин с рельефно выполненными сценами битвы варваров с грифонами и другие памятники. Найденные Забелиным в Новороссии шедевры вошли в учебники по археологии, обогатили собрание Императорского Эрмитажа.

По словам известного археолога А.В.Арциховского (1948 г.), «Вещи из Чертомлыка и Близницы изданы теперь на многих языках и вошли в многие курсы античного искусства. Если бы не энергия и не археологическое умение Забелина, они едва ли сохранились бы для науки»³⁵⁸.

В последующий период, в 1865–1872 гг. Забелин продолжил раскопки в южных степях, исследовал много курганов, но столь ярких находок более уже не было, большинство курганов было разорено грабителями. Тот же А.В.Арциховский высоко оценивал методику раскопок И.Е.Забелина, который достиг редкого для того времени умения «читать» земные слои, даже определять вид и форму орудий скифов³⁵⁹. Итоги забелинских раскопок были опубликованы в 1872 г. в работе под заглавием «Древности Геродотовой Скифии»³⁶⁰.

³⁵⁷ Арциховский А.В. Забелин – археолог // Историко-археологический сборник / НИИ краеведческой и музейной работы; под ред. проф. А.П.Смирнова. – М., 1948. – С. 8.

³⁵⁸ Там же. – С. 9.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Древности Геродотовой Скифии: сб. описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях с атласом / Изд. Импер. Археолог. комиссии. – Вып. II. – СПб., 1872.

Граф С.Г.Строганов, сотрудники ИАК ценили опыт, знания и организационные способности И.Е.Забелина. Во время своего отъезда за рубеж в середине 1860-х гг. и в 1873 г. граф поручал Забелину управление делами Комиссии и Керченским музеем древностей.

По мере службы И.Е.Забелин продвигался вверх и по карьерной лестнице, что расширяло его возможности и, главное, увеличивало жалованье. Он был произведен в коллежские советники (1867 г.), а в 1876 г. стал действительным статским советником.

Как известно, археологические раскопки производятся, главным образом, в летние месяцы, поэтому в течение всех остальных сезонов И.Е.Забелин мог позволить себе проводить время за письменным столом, с книгами, занимаясь своими любимыми сюжетами. Авторы книги об ИАК даже считают, что при всем том, «что труды И.Е.Забелина в Комиссии в значительной степени способствовали созданию фонда археологических источников по археологии Северного Причерноморья», все же «...его подлинный интерес всегда был связан с древностями русского быта, и, несмотря на необходимость исполнять служебные обязанности... [Забелин] всегда искал возможность трудиться в раз и навсегда избранной им области», в доказательство чему приводят факты из переписки 1860-х гг. С.Г.Строганова с руководством архивов по поводу допуска Забелина к работе в них – речь идет о делах приказа Тайных дел в МГАМИД, об архивах Московской Оружейной палаты и Дворцовой конторы, о МАМЮ. В связи с этим утверждается, что «Эти документы свидетельствуют об определенном противоречии между задачами, которые И.Е.Забелин ставил сам себе, и задачами, которые перед ним ставила служба в ИАК. Не без оснований предполагаем, что уход И.Е.Забелина из Комиссии в 1876 г. в значительной степени мотивировался драматической ситуацией, когда он был вынужден заниматься не тем, что его интересовало и чем он продолжал

заниматься на самом деле, – русскими средневековыми древностями»³⁶¹. Как нам кажется, не со всем здесь можно однозначно согласиться. Во-первых, следует ли видеть противоречие между личными научными задачами Забелина и его служебными обязанностями в ИАК? Во вторых, даже если и допустить в какой-то степени подобное противоречие, следует ли видеть в нем единственное и достаточное условие для принятия Забелиным решения на определенном этапе покинуть ИАК? И, наконец, надо ли в связи с этим «археологические» страницы биографии Ивана Егоровича считать вынужденным отвлечением от главных его научных интересов? Мы не имеем задачи досконально изучить эти вопросы. Но думается, чтобы получить на них ответ, следует возможно полно, совокупно рассмотреть факты личной и научной биографии Забелина в их взаимосвязи, что отчасти и пытаются сделать авторы этой книги.

Бесспорно, период жизни И.Е.Забелина, связанный с ИАК, был и временем выхода в свет целого ряда его главных трудов, посвященных истории и быту Москвы и России. Накопленные за три десятилетия кропотливой работы архивные материалы, в том числе и опубликованные в газетной и журнальной периодике, Забелин обработал и издал в виде фундаментальных книг.

Первым таким капитальным трудом стал изданный в 1862 г., как уже упоминалось, с помощью К.Т.Солдатенкова первый том «Домашнего быта русского народа в XVI и XVII столетии» с заглавием «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии»³⁶². Название первого тома отражало взгляд автора, считавшего, что царский быт в давнее время, по сути, был похож на быт простого народа и отличался, в основном, количественными характеристиками. Объемный первый том «Домашнего быта...» И.Е.Забелин наполнил богатейшим фактическим материалом, в деталях рисующим

³⁶¹ Императорская Археологическая комиссия... – С. 44–45.

³⁶² Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии: В 2 т. – Т.1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. – М., 1862. – XVI, 530 с.

повседневную жизнь царя. Забелин дает полную реконструкцию царских покоев, их устройства, украшения и росписи, рассказывает о наличии в них мебели, предметов церковной утвари и роскоши, а также описывает обычаи в царском дворце, жизнь и поведение придворных, распорядок дня царя Алексея Михайловича, его одежду, питание, торжественные выезды, участие в богослужениях. Это была настоящая энциклопедия старого русского быта.

Первый том «Домашнего быта...» в 1869 г. был удостоен большой серебряной медали Императорского Русского археологического общества, а чуть ранее, в 1863 г. – половинной Демидовской премии³⁶³. Через семь лет появилась еще большая по объему вторая забелинская книга «Домашнего быта...», посвященная уже русским царицам³⁶⁴. И второй том удостоился высоких наград: Уваровской премии и медали Императорской Академии наук. Эта книга также была наполнена тысячами мелких фактов, подробно рисующих повседневную жизнь царицы – в кремлевских покоях, в поездках по церквям и монастырям, в забавах и развлечениях, в окружении придворных. Отдельная глава посвящалась нарядам – одежде и украшениям цариц. А в первых трех главах И.Е.Забелин уделил внимание проблеме «женской личности в допетровское время» (эта тема неоднократно рассматривалась им и в статьях) и конкретно – «женской личности в положении царицы». Прошло лишь несколько лет, и в 1872 г. оба тома переиздали.

Благодетелем И.Е.Забелина К.Т.Солдатенковым тогда же, в 1872–1873 гг. был издан двухтомник избранных трудов ученого «Опыты изучения русских древностей и истории»³⁶⁵, куда вошли 30 газетных и журнальных работ (исследования, публикации документов, рецензии), написанных в 1846–1867 гг. Среди материалов сборника есть статьи обобщающего,

³⁶³ Демидовская премия учреждена в 1831 г. уральским промышленником П.Н.Демидовым в целях содействия развитию науки, словесности и промышленности. Присуждалась Императорской Академией наук. Существовала в 1832–1865 гг.

³⁶⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии: В 2 т. – Т.2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. – М., 1869. – 670 с., 178 с., VIII л.

³⁶⁵ Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи И.Е.Забелина: В 2 ч. – Ч. 1. – М., 1872. – 566 с.; Ч. 2. – М., 1873. – 507 с.

методологического характера, как, например, «Современные взгляды и направления в русской истории» (в 1-й части), «Размышления о современных задачах русской истории и древностей», «Русская археология» (две последних – во 2-й части). Вопросы исследовательского метода И.Е.Забелина поднимаются и в других статьях двухтомника. И у нас есть прекрасная возможность услышать из уст самого историка некоторые из тех принципиальных положений, на которые он опирался в своем научном творчестве. Так, в работе «Характер начального образования в допетровское время» Забелин разъясняет (в ответ своим оппонентам): «Для нас в изысканиях старины важно и дорого не то, что могло быть, а то, что действительно было и жило. Наша забота – вынести на свет минувшую действительность во всех ее частных, так называемых мелких явлениях жизни, избегая по возможности авторского суда над этими явлениями, который, по нашему мнению, всегда более или менее грешит односторонностью. Наше дело собрать эти факты минувшей действительности, предоставляя суд над ними и красноречивое их разъяснение – им же самим. Оттого во многих случаях мы предпочитаем говорить словами древних актов и записок, полагая, что приводимые нами данные становятся несравненно яснее и живее от присутствия той речи, которая служила некогда их живым выражением»³⁶⁶.

Очень интересны взгляды И.Е.Забелина на изучение местной истории (собственно, по существу на краеведческий метод), изложенные в статье-рецензии «Заметки о книгах...», написанной в связи с работой «О местоположении Древнего Новгорода. Историческое исследование Ивана Красова» (Новгород, 1851). Забелин, в рамках собственного взгляда на археологию, как на науку, главная задача которой – «узнать древнего человека во всех сферах его нравственного и физического быта», пишет, что

³⁶⁶ Забелин И.Е. Характер начального образования в допетровское время. (Несколько замечаний о «Заметке для истории просвещения в России» г. Куприянова) // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей... – Ч. 1... – С. 62.

такие вопросы, как местоположение города, места, где жил человек, вещественные памятники – вопросы частные, они «важны в том только отношении, насколько они объясняют этот быт. Город, улица, например, получают значение только по отношению к протекшей жизни, которая одна и может придать месту какой-либо исторический интерес», и, однако, именно в связи с этим, по мысли Забелина города, улицы, в особенности «исторические», как раз и заслуживают внимания историка: «Напротив, труды по этой части имеют гораздо большее значение, нежели как понимает и как принимает их обыкновенно большинство публики. Дело в том, что без таких приговорительных трудов невозможно сделать шагу в дальнейших археологических разысканиях: на них-то, собственно, и утверждается наука»³⁶⁷.

Еще более глубокое понимание задач изучения местной истории и древностей высказывает И.Е.Забелин, десятилетие спустя, в 1867 г. в большой статье-рецензии «История и древности Москвы» на труд И.М.Снегирева «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (1865 г.), помещенной во второй части сборника. Приведем здесь большую выдержку из вступления, предпосланного собственно рецензии, где Забелин пишет: «Подробное историческое и археологическое описание наших старых городов представляет, по нашему мнению, одну из самых необходимейших задач для современных русских исторических и археологических исследований. Мы придаем этой задаче особенно важное значение потому, что она, исполненная и разрешенная более или менее успешно, во всяком случае должна раскрыть и осветить темные угадываемые нашей истории, *местные, частные свойства и силы* нашего исторического развития, без чего... никогда не будут верно поняты и оценены по достоинству и общие наши исторические свойства и силы. Теперь больше, чем когда-либо, нам нужно знать уже не Европу только, а нужно и крайне

³⁶⁷ Забелин И.Е. Заметки о книгах. О местоположении Древнего Новгорода. Историческое исследование Ивана Красова. Новгород. 1851 // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей... – Ч. 1... – С. 559–560.

необходимо знать себя, знать, что именно кроется внутри нас, на чем мы стоим, чем именно держимся и живем? Только подробным осмотром и исследованием местных областных памятников отжившего быта – будут ли то монументальные памятники, здания, разного рода сооружения, начиная от курганов и городищ, также памятники *вещные* (всякая вещь), или же памятники слова устного и письменного, памятники угасшей народной мысли, угасших народных представлений и верований, – только подробным описанием и исследованием всех этих почтенных остатков старины мы достигнем возможности выяснить себе наши областные истории, а вместе с ними и главный существенный вопрос нашего современного сознания, который неумолкаемо слышится в каждом испытующем русском уме, именно вопрос о том, в чем истинный разум, и в чем истинная сила русской жизни, в чем существо русской народности?... Общее историческое наше русло мы извели настолько, что заблудиться едва ли можем; но остаются еще во множестве разные заливы, и плесы, и лиманы, с которыми мы еще очень мало знакомы, а без такого знакомства и наше плавание по жизненной исторической нашей реке будет, если не опасно, то трудно, тягостно, и может потребовать излишних и напрасных усилий, напрасной траты времени и народных дарований, может расстроить доброе народное дело. Мы должны хорошо и в подробности знать – откуда мы плывем, где и куда плывем? История, одна история, разработанная в своих местных подробностях, может подать самый *дельный*, основательный и разумный голос не только при разрешении первого вопроса, но даже при разрешении и двух остальных, и повторим: именно, история, разработанная в своих местных областных подробностях. Мы вообще думаем, что до тех пор, пока областные истории с их памятниками не будут раскрыты и подробно рассмотрены, до тех пор все *наши общие* исторические заключения о существовании нашей народности и ее

различных исторических и бытовых проявлений будут голословны, шатки, даже легкомысленны...»³⁶⁸.

Отметим здесь, что эти взгляды историка, основанные на его научном опыте, на его понимании задач исторической и археологической науки, были весьма созвучны зарождавшимся и в 1860-е гг. оформлявшимся новым историческим концепциям и подходам в отечественной истории, как раз связанным с признанием необходимости изучать историю местную, областную – историю края.

В этой же статье, следуя задачам сформулированным Забелиным-теоретиком, Забелин-практик размышляет, что конкретно можно сделать для разрешения этих задач, и указывает на большой потенциал губернских статистических комитетов (создавались в ведомстве Министерства внутренних дел с 1830-х гг. и сыграли очень большую роль в изучении края). Губернским статистикам, как считает И.Е.Забелин, необходимо обратить «посильное внимание на соби́рание, заодно со статистическими, и исторических и археологических сведений», а также древних письменных памятников, касающихся местной истории, областного быта, прошлого и современного; «Статистические комитеты могли бы оказать великую услугу для русской исторической науки собранием в одну книгу, каждый по своей губернии, всего того, что в разное время печаталось по истории, археологии, этнографии в "Губернских ведомостях"... Необходимо же когда-либо подумать о том, что каждая местность есть живая часть общего целого, а не какое-нибудь департаментское отделение; что как живая часть каждая местность имеет самостоятельный, своеобразный смысл, который обнаруживается не только в экономических, но и в исторических ее условиях. Раскрыть и надлежащим образом осветить этот смысл может

³⁶⁸ Забелин И.Е. История и древности Москвы. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Изд. А.Мартынова. Текст составлен И.М.Снегиревым при сотрудничестве самого издателя. Москва. 1865 // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей... – Ч. 2... – С. 107–109.

только история этой местности или области...»³⁶⁹. И.Е.Забелин также указывает на острую необходимость разработки всевозможных указателей к изданиям документов (в том числе летописей, средневековых актов и т.п.) для облегчения работы местных исследователей.

И, наконец, из вышесказанного выводит Забелин главные задачи, стоящие перед исследователями истории и археологии (древностей) Москвы: «...указать и с точностью определить место, какое принадлежит исторической и археологической Москве среди областной истории и археологии;... раскрыть своеобразные силы Москвы не только в истории, где они, впрочем, достаточно раскрыты, но, главным образом, в ее частном быту, т.е. в сфере ее местного, областного или собственно "московского" творчества художественного, ремесленного, промышленного, общественного или, в тесном смысле, городского, также сельского и т.д.; словом, сказать – раскрыть историческое и древне-бытовое значение Москвы в ряду других областей и городов русской земли»³⁷⁰.

Столь глубокое осмысление теоретическое, методологическое задач изучения местной истории и древностей, собственно, изучения края (и Москвы, в частности), какое было отражено в работах И.Е.Забелина 1850–1860-х гг., свидетельствует о его ученой прозорливости, о гармонично соединенном в нем даровании ученого-практика и ученого-теоретика. Наконец, все эти высказанные Забелиным положения позволяют видеть в нем не только исследователя, заложившего основы москвоведения разработкой истории Москвы в целом и массы отдельных сюжетов и направлений этой истории, но и одного из основоположников теории и методики москвоведения.

В некоторых публикациях, включенных в двухтомник, И.Е.Забелин формулирует свои взгляды на XVII столетие и его место в русской истории, а

³⁶⁹ Забелин И.Е. История и древности Москвы... // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей... – Ч. 2... – С. 110–111.

³⁷⁰ Там же. – С. 117.

также на отношение современного общества и исторической науки к отечественному Средневековью. Так, в первой части, в рецензии на издание П.Бартеневым писем царя Алексея Михайловича (1856 г.) Забелин указывает на тот разрыв, который произошел в XVIII в. и имел продолжение и в следующем столетии в восприятии более ранней, допетровской эпохи: «Память предков у нас быстро унесена была потоком Петровских преобразований. Скинув старинные кафтаны, мы в их карманах оставили, забывши, и все бумаги дедов, все памятники их прежней деятельности, их прежнего значения, их домашних и общественных отношений. Не прошло и полстолетия, как собственная же наша старина так удалилась от нас во мрак времен, что мы потеряли всякий интерес к ее делам, и, почитали ее более за старину ассирийской или вавилонской монархии, чем за родное время, от которого, в сущности, мы вовсе не были так далеки. Но так крут был поворот. Мы не успели оглянуться, как наше прошедшее скрылось от нас уже навсегда. Пред глазами явились новые предметы, замелькали новые образы; мы погрузились в созерцание нового пути, и воспоминанию о добром старом времени не было уже места. В фамильных архивах письма предков, их родословные, разрядные, по которым они когда-то считали и взвешивали свою службу, свое значение в допетровском свете, даже царские к ним письма стали нас мало интересовать. Перебирая все эти тлеющие курьезности отжившего времени, с которым мы, расставшись навсегда, не хотели уже иметь ничего общего, мы выбрали для себя только более существенные бумаги: это – так называемые крепости, акты, документы, утверждавшие наше владение населенными землями, домами и т.п. ... Вот, почему почти все фамильные наши архивы наполнены большею частью документами только этого рода... и вот, почему все исторически-дорогие памятники... подверглись самой печальной участи»³⁷¹.

³⁷¹ Забелин И.Е. Царь Алексей Михайлович. (Его письма и урядник охоты). Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С.Т.Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. Изданием К.Т.Солдатенкова издал Петр Бартенев, М. 1856 г. // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей... – Ч. 1... – С. 105–106.

Ту же мысль в несколько ином ракурсе развивает И.Е.Забелин в еще одной своей статье-рецензии (в той же 1-й части сборника) «Драматические прикрасы в истории...»: «...Все XVII столетие есть... пробел; а, между тем, что может быть интереснее эпохи самозванцев и эпохи стрельцов?... XVII столетие есть то время, когда Московская Русь развилась и выразилась вполне; все начала, которые она выработала и которыми жила, были в это время в полном росте и в полном цвету, так что к концу столетия стало весьма сильно обозначаться их совершенное отцветание — стали показываться, с одной стороны, усилия, чем бы ни было поддержать цветение, а с другой, такие же усилия расчистить землю, взорать (вспахать, устаревш. — *авт.*) и насадить новое семя. В столкновении этих усилий, в столкновении исторических начал заключается еще более драматического движения, нежели в борьбе партий, игре страстей, поднятых единственно из личных своекорыстных целей»³⁷².

Заканчивая этот небольшой экскурс в систему теоретических, историософских взглядов и методических подходов Забелина-историка, отметим, что в двух томах сборника немало также материалов, посвященных одной из основных его исследовательских тем: средневековой жизни, системе ценностей, общественным и личным отношениям, общественному и домашнему быту, а также критических статей в связи с публикациями средневековых источников (боярских, родословных, разрядных книг и проч.).

И, конечно, в «Опыты изучения русских древностей...» Иван Егорович включил немало чисто москвоведческих по тематике работ: уже знакомый нам «Охотничий дневник царя Алексея Михайловича 1657 г.», очерки «Детские годы Петра Великого», «Для биографии Сильвестра Медведева» (все в 1-й части), во 2-й части целый комплекс статей посвящен теме московских садов (мы уже указывали, что здесь И.Е.Забелин был практически первопроходцем) — причем, по сравнению с первыми

³⁷² Забелин И.Е. Драматические прикрасы в истории. Правление царевны Софии, соч. г. Щербальского. Русский Вестник 1856 г. // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей... — Ч. 1... — С. 396–397.

публикациями материал Забелин очень существенно дополнил («Московские сады в XVII ст.», «Сведения о Московских и подмосковных садах в XVIII и XIX ст.», «Аннингофский сад на Яузе», «Оранжереи и сады кн. Д.М.Голицына», «Сад Слободского дворца», «Сад в селе Царицыне»); сюда же вошли две больших статьи под общим заголовком «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII ст.», а также уже упомянутые «История и древности Москвы...», «О трех гробницах в Архангельском соборе Кремля» и «По поводу семисотлетия Москвы в 1847 г.».

Итак, в 1860 – начале 1870-х гг. появилось 5 книг И.Е.Забелина, и две из них были переизданы. Во второй половине 1870-х гг. Забелин по просьбе этнографа, помощника попечителя Московского учебного округа В.А.Дашкова пишет и издает в двух частях большой труд о происхождении русского народа и русской культуры – «История русской жизни с древнейших времен»³⁷³. Автор попытался изложить собственные представления о начале русской истории, доводя ее до XI в., поэтому московской истории в этих книгах не было. Сочинение было направлено против норманнской теории, но встретило серьезную критику современников. Забелин, не зная иностранных языков, выводил многие древние термины и топонимы из русского языка, считал скифов родственными русским и т.д.

Подчеркнем еще раз, что все эти новые большие книги, представлявшие собой или сборники старых публикаций, или изложение собственных взглядов ученого на русскую историю, Забелин подготовил и выпустил, работая в ИАК и участвуя в археологических раскопках.

Несмотря на то, что в течение многих лет работы в Археологической комиссии, в полевых экспедициях И.Е.Забелин сформировался в крупного археолога, в дальнейшем от продолжения этой карьеры он отказался. Его

³⁷³ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен: В 2 ч. – Ч.1. – М., 1876. – 641 с.; Ч.2. – М., 1879. – 520 с.

научное наследие в области практической археологии представлено годовыми докладами и отчетами ИАК, уже упомянутыми публикациями в сборнике «Древности Геродотовой Скифии» и др. В 1876 г. И.Е.Забелин покинул ИАК, но как увидим, еще в 1870–1880-е гг. этот опыт уже в научно-теоретическом, методологическом плане он продолжал использовать и развивать – и как член Московского археологического общества, и как участник Археологических съездов, организуемых МАО, о чем мы расскажем ниже.

Занятий же археологией в широком смысле, то есть изучением древностей, Иван Егорович не оставлял. Его напечатанные в 1860–1870-х гг. работы наглядно демонстрировали, что главный интерес для Забелина концентрировался на отечественной археологии, русских древностях, русском Средневековье, русской истории, преимущественно XVII в., истории и памятниках Москвы. Научные, организационные, общественные усилия в этих областях и определили дальнейшую жизнь ученого.

С ИАК И.Е.Забелин расстался (подал в отставку) в 56-летнем возрасте, уже имея достаточно высокий чин действительного статского советника (VI класс по Табели о рангах – соответствовал званию генерал-майора). О причинах этой отставки сам Иван Егорович ничего не записал в дневниках и записных книжках. Однако можно предположить, что причин было несколько: ему шел шестой десяток лет, а полевые работы требовали больших трудов и организационных усилий, не говоря о самих условиях житья на раскопках, сезонность этих работ, периодические поездки в Петербург по службе, в некотором роде кочевая жизнь, – вероятно, все это за 17 лет уже тяготило И.Е.Забелина.

В 1860-е гг. (начиная с 1861 г.) он оставил в записных книжках описания своих археологических командировок, по которым можно вполне осязаемо представить его полевую жизнь. Прочитируем несколько отрывков из записей 1865 г. *«20 мая. Четверг. В 6 ½ часов вечера выехал из Москвы. 21 мая. В Туле обед в 6 асов вечера. 22 мая. Суббота. В Орле обед. 23 мая в*

Курске обед. Воскресенье. Троица. *24 мая. Понедельник.* Духов. В Харькове вечером часов в 8. *25 мая. Вторник.* Из Харькова в 10 часов утра, с двумя студентами. Ночлег в Константинограде. *26 мая. Среда.* В Екатеринославе в 9 часов вечера. *27 мая. Четверг.* В 10 часов утра из Екатеринослава. В 9 часов вечера в Никополе. Холод. Дождь попрыскал... *29 мая. Суббота.* Утром ездил на Чертомлык. Холод такой, что в пальто и шинели прозяб. Дождь попрыскал с градом у шинка в Чертомлыцких хуторах... *30 мая. Воскресенье.* В Никополе. Сборы. Закупки. *31 мая. Понедельник.* Ветер сильный, переезжать нельзя. Хотел хоть вечером переехать. Нельзя было. А совсем было собрался, уложился, оделся. И остался ночевать. Никто не везет... *2 июня. Среда.* С рассветом на могилу. Размерил и стал на квартиру к Семену Сидорову за 3 рубля в месяц. Начали пред обедом раскопку...»³⁷⁴.
Еще несколько записей: «*8 июня. Вторник.* На могиле ничего. Попалась на западе только коневая кость. Вымерены стены. *9 июня. Среда.* В первый раз пообедал со вкусом, а есть вовсе не хотелось. Поел за завтраком сыра, каши вонючей, потом и поморил аппетит. Но стал обедать и ел отлично. Оттого что был один бульон из курицы без всяких приправ, только малая доля укропа положена, вот и вся прелесть. Бульон великолепный. Даже табак в первый раз стал вкуснее... *12 июня. Суббота.* В 10 часов утра ураган над Сирегозами, поднялась и закрутилась пыль выше облаков и понеслась в обе стороны, и на восток, и к западу. Ветер – сильнейший, в хате всюду дует, сквозит. На могиле ничего»³⁷⁵.

Есть и такие записи (5 июня): «Воротился домой, обуяла тоска. Что тут делать, как не пить и пить. Опротивели эти могилы...»³⁷⁶. И, наконец, обратим внимание еще на такую запись, сделанную Забелиным довольно рано – в 1861 г. 14 июля, в Екатеринославской губернии и, как нам кажется, многое объясняющую, где Иван Егорович сетовал: «Я чернорабочий – это

³⁷⁴ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.264.

³⁷⁵ Там же. – С. 267–268.

³⁷⁶ Там же. – С. 266.

так. Но, служа в Комиссии, я делаю черную работу для других, а можно бы поработать хоть черно для себя. Как выбраться из Комиссии? Вот вопрос»³⁷⁷.

Здесь еще надо заметить, что записные книжки параллельно с записями о раскопках и быте Забелина наполнены (иногда гораздо больше, чем будничными рабочими и бытовыми сюжетами) его мыслями и размышлениями исторической, историософской, философской направленности, рассуждениями о ходе русской истории, ее глубинных процессах, о значении государства, личности, о народном быте, о русском народе, о Петре I и проч. И это, конечно, – свидетельство той напряженной умственной работы историка-мыслителя, исследователя, которая была для Забелина органической потребностью.

Кроме того, в 1870-е гг. Иван Егорович уже был вовлечен в деятельность по созданию будущего Исторического музея. Уже была обозначена и задача фундаментальной работы над историей Москвы.

А.А.Формозов, размышляя о причинах, заставивших Забелина покинуть Археологическую комиссию, называет неудачные (в смысле отсутствия находок) его археологические раскопки в конце 1860-х – начале 1870-х гг., высокомерное, по словам самого Забелина, отношение к нему со стороны чиновников, тяготение историка к московской научной тематике. Прося об отставке, Иван Егорович писал, что его «истинное призвание – это ученый и архивный кабинетный труд». Указывал Забелин и на расстроенное здоровье. Как бы там ни было, а Иван Егорович по меркам того времени достиг уже преклонного возраста – ему было за 50, и пребывать долгое время в летние археологические сезоны в жаркой степи, находится в глубоких сырых раскопах, видимо, ему действительно было уже нелегко. Узнав о желании Забелина покинуть Комиссию, чиновники советовали ему подождать еще несколько месяцев до получения ордена св. Владимира за

³⁷⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 259.

35 лет беспорочной службы, но Иван Егорович ждать отказался, прося только об очередном чине и высокой пенсии³⁷⁸.

Можно думать, что все эти факторы и обстоятельства, вместе взятые, и послужили основой для принятия решения об уходе из ИАК.

В юбилейном докладе об И.Е.Забелине А.С.Башкиров сказал такие слова: «Ив. Ег. Забелин работал в одиночку. Это был великий собиратель исторических источников. В его многочисленных и изумительно ценных материалах по истории, быту, истории искусства еще много неоткрытого и неизученного для глубокого понимания скифо-сарматских и античных культур нашего юга, истории восточного славянства, древней и Московской Руси»³⁷⁹. И это – оценка ученых заслуг Ивана Егоровича не только как члена ИАК, но и вообще как исследователя русских и московских древностей. Тем более что, как следует из всего вышесказанного, период практических занятий Забелина археологическими раскопками, несмотря на связанные с этим объективные трудности, был и временем интенсивной исследовательской исторической, москвоведческой работы, которую, по сути дела, историк никогда не оставлял. И мы вполне согласны с А.В.Арциховским, считавшим, что вышедшие в этот период главные книги И.Е.Забелина о быте русских царей и цариц – «капитальные исследования по древнерусской культуре», основанные на изучении архивных документов и музейных предметов, напрямую связаны и с археологической работой их автора: «Созданные Забелиным в этих трудах мастерские картины древнерусского быта были бы невозможны, если бы автор не был археологом»³⁸⁰.

Отметим еще, что в квартире И.Е.Забелина в Историческом музее на стене висели в рамках две больших литографии с изображением найденной им знаменитой Чертомлыкской вазы и картина маслом художника И.Н.Булатова

³⁷⁸ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин... – С. 109–111.

³⁷⁹ *Башкиров А.С.* Памяти историка и археолога И.Е.Забелина... – Л. 28.

³⁸⁰ *Арциховский А.В.* Забелин – археолог... – С. 9.

«Курган в степи». Видимо, эти напоминания о прошлой беспокойной археологической жизни, о далекой Новороссии и раскопках скифских и эллинских древностей, грели сердце Забелину,

ГЛАВА 8.

И.Е.ЗАБЕЛИН – ЧЛЕН МОСКОВСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ. РАБОТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ

И.Е.Забелин любил русскую старину и быт во всех их проявлениях и много делал для изучения и популяризации национального наследия. Защита старины выражалась у историка в разных формах: от написания научных и научно-популярных статей и фундаментальных трудов, практического участия в памятникоохранительной деятельности научных обществ и комиссий (членом которых Забелин состоял), научного руководства реставрациями церковных памятников, и наблюдения за реставрационными работами, составления личного собрания разнообразных памятников древности и до многообразной и многоплановой деятельности по комплектованию древностями фондов Российского Исторического музея. По существу во всей этой деятельности и заключались смысл и цель жизни великого ученого-москвича. В этой главе мы постараемся показать научно-общественное служение И.Е.Забелина, его вклад в работу и в развитие крупнейших научных обществ Москвы, его практическое участие от имени одного из этих обществ (МАО) в реставрации московских церковных и гражданских памятников, в том числе в крупнейших реставрациях Кремлевских святынь и др.

Современные понятия «защита памятников (наследия)», «памятникоохранительная деятельность», конечно, не были в употреблении во времена Забелина. Но истоки той работы, которую обозначают эти термины сегодня, следует искать как раз в XIX столетии. И связано это с тем,

что именно в этом столетии, в 1830–1850-е гг. и особенно уже в пореформенный период возрос интерес общества к русской истории, к отечественным древностям, началось преодоление более чем векового забвения национальной старины. Жизнь допетровской Руси–России, процессы формирования и развития русской народности и русской государственности все чаще стали привлекать внимание ученого сообщества. Известно то влияние, какое оказала на умы «История государства Российского» Н.М.Карамзина. Обращение к национальной истории поставило на повестку дня разработку архивов, поиск, изучение и интерпретацию отечественных документальных памятников, а равно возбудило вопрос о памятниках вообще, в широком смысле этого слова. Да и само восприятие памятника как бесценного свидетельства прошлого, источника знаний об этом прошлом, требующего внимания, бережного отношения и, в конечном итоге, сохранения, реставрации, стало формироваться именно в это время. В научной сфере оформились такие направления, как отечественная археография и археология. Стали возникать научные общества, в том числе исторические и археологические.

В 1810–1820-е гг. возникли идеи путешествий по России для выявления источников нашей древней истории. Развитию этих идей немало способствовал канцлер граф Н.П.Румянцев (1754–1826), ученый, меценат. С такой инициативой, в частности, выступал П.М.Строев (поддержку ему оказал Н.П.Румянцев). В 1817–1820 гг. он совместно с К.Ф.Калайдовичем (1792–1832) совершил такую ученую поездку по монастырям Московской епархии³⁸¹. Были и другие экспедиции. Наконец, в Петербурге Академия Наук по инициативе того же П.М.Строева, получившего поддержку президента Академии графа С.С.Уварова (отца А.С.Уварова), организовала большую Археографическую экспедицию по России (1829–1834 гг.). Для публикации материалов, собранных Археографической экспедицией в 1834 г.

³⁸¹ См.: Андреева Т.В. Археографическая экспедиция Академии Наук. 1829–1834 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. 21. – 1990 – С. 107.

при Министерстве народного просвещения была создана (как постоянно действующее учреждение утверждена в 1837 г.) Археографическая комиссия.

В середине 1830-х гг. в ведомстве Министерства внутренних дел были учреждены Губернские статистические комитеты, и статистики также активно включились в работу по изучению местного края и местных достопамятностей.

В русле тех же тенденций на повестку дня вышел вопрос о сохранении и изучении документальных памятников, об архивах, и благодаря, в первую очередь, инициативе и усилиям Н.В.Калачева состоялась архивная реформа, и в 1880-е гг. стали возникать Губернские ученые архивные комиссии, чей вклад в изучение, сохранение и популяризацию местных памятников, в изучение края очень значителен. Калачев же стал организатором первого в Российской империи Археологического института (в Санкт-Петербурге) в 1877 г., ему принадлежит и проект организации такого института в Москве в 1880-е гг. (к сожалению, тогда не реализованный).

Непосредственно разработкой вопросов отечественной археологии как науки о древностях вообще начали заниматься как государство, так и научная общественность. Мы уже писали об Археологической комиссии – первом государственном центральном учреждении подобного профиля, основанной в Петербурге в 1859 г. Общественная инициатива также ответила на запросы времени – в 1834 г. было учреждено Общество для изучения истории и древностей Остзейских губерний (в Риге), в 1839 г. – Одесское общество истории и древностей, получившее право археологических исследований Юга России. Наконец, в 1846 г. из нумизматического по своей направленности кружка известных деятелей в Петербурге было основано Русское археологическое общество (РАО).

Нужно сказать, что Москва традиционно сохраняла за собой статус центра науки и просвещения. С Московским университетом были связаны такие крупнейшие отечественные общественные объединения, как ОИДР (1804 г.), Общество любителей российской словесности (1811 г.), Общество

любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863 г.) и многие др. В Москве также были созданы Общество любителей духовного просвещения (1863 г.) с его знаменитым Церковно-археологическим отделом, МАО (1864 г.), Общество любителей древней письменности (1877 г.) и др.

На волне этого интереса к национальной истории и памятникам новые явления стали возникать не только в науке, но и в искусстве. Известные художники зарисовывали предметы старины, а затем их рисунки издавались в виде альбомов. Изучались памятники древнерусской архитектуры – в Киеве, Владимире, Москве и других старинных городах. Государство и ученое сообщество пришли к пониманию необходимости предотвратить уничтожение или искажение многих памятников церковного искусства: архитектуры, иконописи.

Благодаря частной ученой инициативе широкий размах получило коллекционирование древностей (рукописей, нумизматических, этнографических памятников, икон и старопечатных книг и мн. др.). Среди московских коллекционеров особое место принадлежало М.П.Погодину с его богатейшим Древлехранилищем, С.Г.Строганову, обширнейшими коллекциями обладали И.Л.Силин, П.М.Строев, И.Н.Царский, Ф.И.Буслаев, В.А.Дашков (основавший в 1867 г. этнографический музей при Румянцевском музее), Д.А.Ровинский, А.И.Хлудов, Е.В.Барсов и др.

На этот перелом в русском обществе в отношении к национальной истории и памятникам древнерусской культуры как раз и пришлось становление И.Е.Забелина как историка, как специалиста по средневековому быту, как коллекционера и знатока древностей. И, конечно, Иван Егорович, не мог остаться в стороне от общественно-научной русской жизни.

По своей натуре и характеру, насколько можно судить по известным нам биографическим сведениям, по дневниковым записям и другим документам, оставленным Забелиным, Иван Егорович не был человеком «общественным» в полном смысле этого слова. Да и его жизнь, в отсутствие материального достатка многие десятилетия требовавшая напряженной

работы, его кропотливый научный труд оставляли немного времени для общественной деятельности. И, тем не менее, общественному служению в двух известнейших и крупнейших русских научных обществах Москвы Иван Егорович отдал немало сил и своего научного таланта. Это – ОИДР при Московском университете и МАО.

Отметим также, что Иван Егорович состоял почетным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, был, как он написал в своей автобиографии, «сотрудником»³⁸² Русского археологического общества, членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

В Обществе истории и древностей российских

В 1879 г. Забелин стал председателем ОИДР, одного из старейших отечественных научных обществ, созданного в Москве в 1804 г. по инициативе А.Л.Шлёцера (1735–1809)³⁸³.

В год 80-летия ОИДР в юбилейном издании И.Е.Забелин (тогда председатель) в историческом очерке, посвященном обществу, так обозначил «заветную цель» его создания в начале XIX в.: «...Привести в ясность Российскую Историю, как это выражено и в первоначальном, и в ныне действующем Уставе Общества», пояснив далее, что «приведение в ясность Русской истории» это есть «критическое издание древних Русских Летописей. В этом слове "критическое" и заключается настоящий смысл приведения в ясность Русской Истории, ибо только критика вносит ясность во всякое дело»³⁸⁴.

³⁸² И.Е.Забелин [Автобиография] // Московский иллюстрированный... – С. 228.

³⁸³ Об истории ОИДР подробнее см.: Демидов И.А., Ишутин В.В. Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки: Историографический ежегодник. 1975 / Отв. ред. М.В.Нечкина. – М., 1978. – С. 250–280.

³⁸⁴ Забелин И.Е. Исторический очерк деятельности Общества истории и древностей российских с 1804 по 1884 годы: Речь, прочитанная в торжественном заседании Императорского Общества Истории и древностей российских 18 марта 1884 г. ... // Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете за 1815–1888 гг. / сост. И.Забелиным. – Вып. 2. – М., 1889. – С. VI.

Действуя в первые десятилетия с небольшими перерывами, ОИДР с 1820-х гг. начало публиковать литературные и юридические памятники древней русской письменности. До 1830-х гг. оно в основном занималось публикацией летописей, но с созданием Археографической комиссии, взявшей эту задачу под свою юрисдикцию, обратилось к другим видам отечественных письменных древностей. Со временем члены ОИДР начали разработку архивных материалов и их публикацию. В круг интересов Общества входили и археологические изыскания, (исследования курганов, описание находок; в том числе и в Московской губернии), и нумизматика.

Почетными членами общества были Н.М.Карамзин, Н.Н.Бантыш-Каменский, А.Ф.Малиновский, А.И.Мусин-Пушкин и др. В составе ОИДР состояли профессора Московского университета, известные историки, специалисты в области русской словесности, археографы, архивисты и др. В разные годы Общество возглавляли А.Ф.Малиновский, С.Г.Строганов, А.Д.Чертков, М.П.Погодин, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Д.И.Иловайский, М.К.Любавский и др. В рядах общества – сонм известных в русской науке имен – не имея возможности перечислить всех, назовем хотя бы таких известных деятелей, как О.А.Бодянский, И.Д.Беляев, В.М.Ундольский, Н.В.Калачев, М.И.Семевский, И.М.Снегирев, Е.В.Барсов, Н.С.Тихонравов, Н.А.Попов, П.В.Хавский, архимандриты Леонид (Кавелин) и Григорий (Воинов), барон Ф.А.Бюлер, В.И.Холмогоров, С.А.Белокуров, С.К.Смирнов, Ю.В.Готье и очень многие др.

В председательство гр. С.Г.Строганова ОИДР получило почетный статус Императорского (29 апреля 1837 г.). С этого же времени начался выпуск Обществом «Русского исторического сборника (1837–1844 гг.), с 1846 г. и вплоть до 1918 г. с перерывами выходило основное периодическое издание: «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (всего 264 книги). В своей речи в 1884 г. Забелин так охарактеризовал это издание: «Чтения, которых до настоящего года насчитываем 127 книг, представляются нам тою широкою и полноводною рекой, в которую слились и прежние

потоки повременного нашего издания, Труды, Исторический сборник, Временник»³⁸⁵, «Без преувеличения можно сказать, что, если бы не были издаваемы Чтения, и не существовало бы свободного доступа к ним для напечатания ученого исследования или вновь открытого материала, то очень многое, в этом случае, весьма значительное и важное для интересов науки, не увидело бы света и лишило бы науку весьма ценных приобретений»³⁸⁶.

Среди прочего, Обществом было осуществлено издание «Памятников московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы» (М., 1841.) действительного члена И.М.Снегирева; до 1845 г. вышло 11 выпусков. Выше мы уже писали, какое участие в этом труде принял молодой Забелин, работавший тогда архиве Оружейной палаты.

И.Е.Забелин попал в орбиту деятельности ОИДР еще в 1840-е гг. Его первая опубликованная статья «Троицкие походы», как уже говорилось, была замечена. Ее дополненный вариант в 1847 г. по предложению секретаря ОИДР О.М.Бодянского был опубликован в ЧОИДР (№ 5. С. 35–57) с пометкой «статья сия, напечатанная в 46, 47 и 48 №№ Московских ведомостей 1846 г., во многих местах исправлена и дополнена приложениями»). Как пишет сам Забелин, «...Автор тогда же был избран соревнователем Общества и стал сообщать Обществу разнородные материалы в "Чтения", а затем во "Временник"»³⁸⁷. Из членов-соревнователей ОИДР Забелин в 1851 г. был избран действительным членом. А 6 ноября 1879 г., как уже упоминалось, состоялось его избрание на пост председателя Общества вместо умершего прежнего председателя – С.М.Соловьева. В дневнике об этом событии Иван Егорович сделал две краткие записи: «25 октября. Четверг. Был Андрей Николаевич Попов с предложением в председатели». 6 ноября. Вторник. Выбрали в председатели Исторического

³⁸⁵ Забелин И.Е. Исторический очерк деятельности Общества... – С. XXIX.

³⁸⁶ Там же. – С. XXX.

³⁸⁷ И.Е.Забелин [Автобиография] // Московский иллюстрированный... – С. 232.

общества большинством 14 против 4. Из четырех – Филимонов, Викторов, Мельников, четвертый, быть может, Барсов Елпидифор»³⁸⁸.

Возглавлял Общество Иван Егорович в течение 9 лет – до 1888 г. Секретарские (очень важные в научно-организационном смысле) обязанности при нем выполняли Андрей Николаевич Попов (выпускник Московского университета, историк, член-корр. Петербургской Академии наук, профессор русской словесности), а затем Елпидифор Васильевич Барсов (историк литературы и древнерусской письменности, фольклорист, археограф, этнограф, собиратель). К этому времени Забелин уже состоял действительным членом МАО, а за время председательства соединял эту свою научно-общественную работу с двумя крупнейшими проектами: участием в создании Российского Исторического музея (стал и его фактическим руководителем) и созданием труда по истории Москвы. И, тем не менее, его руководство ОИДР не было номинальным.

Не ставя себе задачу подробно осветить деятельность И.Е.Забелина в ОИДР³⁸⁹, отметим, что не только в научном плане, но и в организационном он был активным сотрудником Общества. Об этом свидетельствует его переписка с Е.В.Барсовым 1880-х гг. В письмах Забелина к Елпидифору Васильевичу – обсуждение и дат очередных заседаний и их повестки дня, и тех или иных материалов, предназначенных для публикации, и вопросов, касающихся распространения выпусков ЧОИДР и оперативности выполнения текущих дел Общества, а также составления текстов тех или иных документов Общества и мн. др.

Трудно судить, насколько интенсивно Иван Егорович был занят этой организационной работой, но, очевидно, что в целом эти обязанности он с себя не снимал, несмотря на свою занятость, которую, кстати, иногда и поминает в письмах к Барсову. Например, в письме от 21 сентября 1883 г. об

³⁸⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 120.

³⁸⁹ Некоторое внимание этой теме уделит в своей книге А.А.Формозов (см. *Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин...* – С. 165–169).

испрошении денежного пособия Обществу читаем: «Ваша бумага к Делянову неудовлетворительна, да и писать прямо к Министру невозможно. Хотя очень и очень мне некогда, но я бросил все и сижу три дня, обдумывая мотивы и как лучше сказать. Завтра отдам переписывать, ибо пора, пора, пора. Время нам все подать, а Вы с ним поступаете совершенно произвольно»³⁹⁰. Или – через месяц, 23 октября: «Вы охотник юбилей давать, как же Вы пропустили юбилей Антропо-Этнограф[ического] общ[ест]ва и Академии наук. В работах и заботах я и газет не читаю вот уже с полмесяца, людей мало вижу, сижу дома. Вы возвращаетесь в мире, читаете газеты, а юбилей пропустили...»³⁹¹ и т.д.

Кстати, недовольство по разным поводам в своих деловых письмах-поручениях к секретарю Общества (Е.В.Барсову) Забелин выражает нередко. Нерасторопность секретаря отметил Иван Егорович на полученном им бланке Министерства Императорского двора с уведомлением о разрешении работать в архивах – министерское письмо датировано 18 августа 1882 г., на нем синим карандашом сделана пометка: «По милости Барсова получ. 25 октб.»³⁹². Или – в январе 1883 г. он сетует на неудобную ситуацию с очередным свежим выпуском ЧОИДР: вместе с К.Т.Солдатенковым Забелин заехал в книжный магазин: «Книги нет, а Солдатенков подписник. Как председатель я покраснел до ушей. Что делается – не понимаю. Надо же нам исполнительную часть устроить как-либо в порядке. Так оставаться долго невозможно...»³⁹³. Или: «Как бы это сделать так, чтобы текущие дела за Обществом не стояли, что меня как председателя до крайности беспокоит, Вижу, что Вам это решительно нипочем!» (24 февраля 1883 г.). В письме к Барсову от 5 апреля того же года Забелин предлагает ему подумать над привлечением к текущей работе ОИДР в качестве актуария (в значении – протоколист, регистратор) В.И.Холмогорова, «очень дельного и

³⁹⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 28.

³⁹¹ Там же. – Л. 29 об.

³⁹² Там же. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а. – Л. 60.

³⁹³ Там же. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 14. – Л 17–17об.

обстоятельного деятеля», который будет заниматься и протоколами, и перепиской³⁹⁴ – предложение, по всей видимости, связано с недовольством Забелина постановкой этой части работы. О том, что ситуация не улучшилась и в дальнейшем, свидетельствует уже письмо Е.В.Барсова к И.Е.Забелину (10 октября 1883 г.): «Многоуважаемый председатель! Присылаю Вам протокол и все имеющиеся у меня бумаги. Не гневайтесь на меня. Грех. Будьте милосерды, яко же Отец Небесный милосерд есть...»³⁹⁵.

Отголоски недовольства Забелина не всегда удовлетворительной организацией работы Общества можно найти и в его дневниковых записях. Так, 18 мая 1883 г. он записал: «Барсов прислал отношение к попечителю о выдаче долгов в типографию по 3 счетам. Написал кой-как на бланке и № поставил сбоку, как на паспортах. Пишет, что типография хочет идти на суд. Еще бы, в январе не уплачено. Я расвирепел от этого безобразия...»³⁹⁶.

Приведя эти примеры, мы никоим образом не хотим делать выводы о нерасторопности или нерадивости секретаря Общества как явлении постоянном, выяснить доподлинно характер рабочих взаимоотношений его с председателем ОИДР по фрагментам переписки, конечно, невозможно, да и перед нами не стоит такой задачи. Сколь часты были такие рабочие моменты, сколь критичны они были для отношения к своим сотрудникам самого Забелина, были ли они теми каплями, которые в конечном итоге переполнили чашу его терпения и привели к серьезному недовольству и тому конфликту, который сделал неизбежным разрыв с Обществом, мы судить не можем. Отметим также, что все эти замечания, критика, недовольства со стороны председателя в его письмах в начале 1880-х гг. в целом не повлияли на весь тон переписки, он в основном нерезкий, скорее дружелюбный, со стороны Е.В.Барсова – где-то даже теплый, иногда шутливый, иногда покаянный. Надо сказать, что и Забелин, не всегда бывал справедлив. Так в одном из

³⁹⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а. – Л. 14–14об.

³⁹⁵ Там же. – Л. 18.

³⁹⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 125.

своих писем Е.В.Барсов с явной обидой пишет о незаслуженных упреках: Забелин раскритиковал составленный им текст поздравительного адреса от имени ОИДР, причем раскритиковал именно обидно, назвав «поверхностным», сделанным «впопыхах», что особенно задело Барсова, по его словам, потратившего много времени и сил на этот адрес³⁹⁷.

Приведенные нами примеры из переписки для нас в первую очередь важны тем, что весьма красноречиво свидетельствуют о серьезном и неформальном отношении к обязанностям председателя самого Ивана Егоровича, который входил во многие детали текущей работы, был озабочен улучшением постановки этой работы.

Мы уже писали о роли в жизни И.Е.Забелина графа С.Г.Строганова, писали и о том, что к людям, которые имели влияние на его судьбу как ученого, он относился сложно, не всегда однозначно, испытывая и благодарность и в то же время, утверждая, что ему не помогали, а скорее мешали. Характер, натура, те или иные конкретные жизненные и профессиональные обстоятельства, конечно, накладывали свой отпечаток на слова, суждения, дневниковые записи об этих людях. Но все же И.Е.Забелин, хоть иногда и не сразу, отдавал им должное. Это вполне относится и к С.Г.Строганову – одному из предшественников И.Е.Забелина на посту председателя ОИДР, много сделавшему для Общества. На заседании 4 мая 1882 г., «посвященном незабвенной памяти бывшего председателя графа Сергея Григорьевича Строганова», Забелин произнес речь о его заслугах и перед ОИДР, и перед наукой. В словах его можно услышать и отголоски его личного опыта и личной благодарности к графу. Говоря о нравственном влиянии С.Г.Строганова как председателя (с 1836 по 1874 г.) на всю постановку дела, Забелин пояснял, в чем именно это влияние заключалось: «Все мы чувствовали это влияние в глубоком почтении и уважении к науке, в неизменном стремлении ставить ее интересы выше, преимущественнее пред

³⁹⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а. – Л. 22–23.

всеми другими. Вот, в чем ярче всего обозначался характер деятельности покойного графа Сергея Григорьевича...». И далее уточнял, что разумел под словами «уважать науку» относительно С.Г.Строганова, то есть, что и для самого Забелина означало уважение к науке, и как он сам позиционировал личность ученого – «труженика науки»: «По мыслям графа Сергея Григорьевича, уважать науку значило, прежде всего, крепко беречь, поддерживать и всячески охранять ученых людей, охранять, между прочим, от тех именно антинаучных напастей и невзгод, какими нередко бывают одолеваемы по преимуществу люди науки... Он после немногих встреч сразу узнавал в человеке истинное ученое существо, то есть истинную, сердечную, беззаветную преданность целям науки. И, открывши, узнавши истинного труженика науки, он уже верил ему, как самому себе, и никогда не покидал его из вида... Он знал, что человек, воспитавший себя для науки, беззаветно отдавший себя науке, есть вообще явление редкое и в особенности необычайно редкое у нас, в нашей пространной и для науки очень пустынной равнине. Он очень хорошо понимал, что истинного труженика науки невозможно так скоро найти, и так легко заменить первым встречным... он хорошо понимал, что такой труженик сам по себе есть дорогое сокровище, и общественное, и народное, которое сохранять заповедует уже простой здравый смысл»³⁹⁸.

Председателем ОИДР Иван Егорович оставался вплоть до февраля 1888 г., а потом покинул и пост председателя, и само общество – пробыв, таким образом, в его рядах 41 год (!). У А.А.Формозова приведен перечень документальных публикаций Забелина в ЧОИДР в период его председательства³⁹⁹ – это самые разнообразные архивные документы. Среди прочего, в 1848 г. членом-соревнователем И.Забелиным была опубликована «Малороссийская переписка, хранящаяся в архиве Московской Оружейной

³⁹⁸ Речь председателя И.Е.Забелина // ЧОИДР / Под заведыванием Е.В.Барсова. – 1882, апрель–июнь. – Кн. 2. – С. 3–4.

³⁹⁹ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.166–167.

палаты, (№ 8. С. 53–70). Большая работа была проделана Иваном Егоровичем по составлению на основе архива Оружейной палаты «Дополнений к "Дворцовым разрядам"», они были напечатаны в четырех книгах ЧОИДР в 1882–1883 гг.

Обращает на себя внимание публикация Забелина в ЧОИДР в 1847 г. (№ 4. С. 156), стоящая особняком от его архивных изысканий – это «Колядская песня из Клинского уезда Московской губернии». К ее небольшому тексту Забелин поместил следующее примечание: «Эту песню мы списали со слов крестьян Клинского уезда Московской губернии – в некоторых селениях этого уезда дети крестьян ходят колядовать в Сочельник, 24 декабря, обыкновенно, перед сумерками, а иногда вечером. Подаянье, которое они получают при этом, состоит в ломтях хлеба, в лепешках с семем и, преимущественно, в коровках, нарочно для того испеченных из теста. Подают иногда и деньгами».

Непосредственно с московской темой были связаны две работы И.Е.Забелина, опубликованные в ЧОИДР, причем интересно, что одна – упомянутые «Троицкие походы», открыла Забелину дорогу в ОИДР, а другая знаменует собой завершающий этап его деятельности в Обществе. Имеем в виду речь (а по существу большую оригинальную статью) Забелина, прочитанную в заседании ОИДР 19 апреля 1886 г. в связи с 200-летием со дня рождения «первого русского историка» В.Н.Татищева – «Первое водворение в Москве греколатинской и общей европейской науки» (1886. № 4. С. 1–24). В этой речи Забелин выразил свой взгляд на процесс зарождения отечественной науки, научного знания, который видел в параллельном развитии двух направлений, и затем – в возобладании одного над другим во второй половине – конце XVII в.: «Очень любопытна и примечательна даже некоторая параллель, соответствие в постепенном развитии с одной стороны серьезного и благочестивого дела, каково было заведение учебных и ученых греческих и латинских школ и, наконец, академии (Славяно-греко-латинской – *авт.*), с другой – потешного дела

детских игр, приведших к такому же серьезному делу, каково было новое устройство всего государственного организма, закончившееся точно также учреждением Академии Наук в 1824 г.» (С. 15–16); «Как и следовало государственным целям и потребностям, Петрово учение началось с военного дела, с учения хитрости ратного строя пехотных людей, это соответствовало книжному словесному учению грамоте в академии. После того следовала грамматика, то есть стрельба в цель ружьями и пушками; затем – пиитика и риторика – сооружение и осада крепостей, для чего, кроме артиллерийского учения, вскоре понадобился и флот; тут же в маневрах на самом деле изучалась боевая логика и диалектика» (С. 18); «И вот такими-то шутками и играми Петра, незаметным ни для кого способом, настезь широко растворились двери к полной свободе знания, к свободной науке во всех ее разновидностях и во всей полноте, какой можно было достигать тогдашними еще очень неустроенными средствами» (С. 19–20).

Как уже говорилось, ОИДР И.Е.Забелин покинул в 1888 г. А.А.Формозов пишет, что причиной тому был конфликт, обстоятельства которого не отражают протоколы заседаний ОИДР, но высказать некоторые соображения на этот счет позволяют дневниковые записи⁴⁰⁰, а мы еще добавим – и письма. Так, в архиве Е.В.Барсова сохранилось письмо Забелина от 18 февраля 1887 г.: «Имею честь просить Елпидифора Васильевича о распоряжении разослать всем членам Общества повестки приглашением в заседание 6 марта в среду в 7 часов вечера для избрания нового председателя. Так как я оставляю сию должность. Объявление в Московские ведомости мною послано. Ив. Забелин»⁴⁰¹. Это первая попытка Ивана Егоровича расстаться с должностью председателя, однако в этот раз он остался во главе ОИДР. В его дневниках за 26 ноября 1887 г. есть пространная запись еще об одном заседании, где он выразил недовольство: «...Сказал слово о тяжелом положении председателя, как его не слушают должностные лица. Обличил

⁴⁰⁰ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.108-109.

⁴⁰¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 68.

Барсова, что не удостаивает подписи, что без моей подписи рукописи требует. Сказал, что все мои напоминания, требования выводятся на личные оскорбления, так что секретарь довел свою жалобу на мои будто бы притеснения до высшего начальства... привел, что Барсов, например, без моего разрешения выпускает отдельные оттиски до выхода книги Чтений, печатает записки Рунича без разрешения и, напечатавши несколько листов, потом уже дал на решение. Я ведь мог официальным путем провести этот вопрос, но этого не делал, потому что на все вызовы к ссоре устраниюсь по возможности. А должностные постоянно вызывают к ссоре, не исполняя и презирая мои напоминания. Так, господин казначей, вот уже несколько лет добиваюсь писание отчета. Он не только не делал его, но и в заседании не был до сего дня от марта. Вести мелкую борьбу, вражду тяжело и некогда. Просил уволить от должности, сначала принеся сердечную благодарность за весеннее избрание. Все стали просить остаться... Я опять отклонился и запросил подписи вслух, ибо многие, может быть, не желают. Попов предложил занести в протокол, что единогласно просили. Я сдался и поблагодарил. Против того, что говорил накануне в злобе, вышло глуповато, не довел до прямолинейности. Но и невозможно было в силу всех обстоятельств. Не было оппозиции моим обличениям ни с какой стороны. Я размахивался в воздух... Все сошло как-то благодушно и добродушно»⁴⁰².

Однако, видимо, исчерпать конфликт не представилось возможным, и в феврале 1888 г. председательские обязанности Забелин с себя сложил, прекратив и сношения с ОИДР. О том, что вступать с Обществом в какие-либо контакты Забелин не имел желания, свидетельствует, например, один из сохранившихся в его архиве документов – это письмо на официальном бланке Московской Синодальной типографии от 3 мая 1888 г., подписанное «За Управляющего типографией» В.Е.Румянцевым и адресованное Забелину как председателю ОИДР с просьбой принять в библиотеку общества книгу от

⁴⁰² Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 134–135.

обер-прокурора Св. Синода⁴⁰³. На обороте письма рукой Забелина карандашом написан черновой вариант ответа Управляющему Московской Синодальной типографией: «...Имею честь возвратить Вашему превосходительству полученный мною... экземпляр..., назначенный для Общества Истории и древностей, которого председателем я ныне не состою, и потому покорнейше прошу препроводить упомянутый экземпляр по принадлежности в самое Общество»⁴⁰⁴. Взаимоотношений с ОИДР Иван Егорович не поддерживал и в дальнейшем. А.А.Формозов пишет, что даже, когда в 1894 г. В.О.Ключевский, тогдашний председатель, в связи с необходимостью отъезда из Москвы попросил Забелина временно его заменить на председательском посту, то получил отказ. Но на 90-летию ОИДР в том же году И.Е.Забелин присутствовал⁴⁰⁵.

В архиве И.Е.Забелина сохранился целый комплекс документов, связанные со временем его председательства в Обществе, объединенных в отдельное архивное дело⁴⁰⁶. Здесь можно найти интересные сведения и о деятельности председателя, и об обществе. Мы выше упоминали письмо Забелина к Барсову, написанное 21 сентября 1881 г. в связи с составлением прошения об увеличении денежного пособия Обществу, где Забелин пеняет секретарю, что бумага составлена неудовлетворительно, и что ему самому пришлось все бросить и писать. В архивном деле есть это письмо на бланке Общества от 28 сентября 1883 г., и интересно оно в особенности тем, что для обоснования необходимости увеличения денежного пособия содержит своего рода историческую записку о деятельности ОИДР, о его изданиях и т.д.⁴⁰⁷ Результат этих усилий И.Е.Забелина как председателя Общества был положительным, денежное пособие Обществу увеличили. От того же Е.В.Барсова председатель получил следующее восторженное уведомление,

⁴⁰³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 156–157.

⁴⁰⁴ Там же. – Л. 157.

⁴⁰⁵ *Формозов А.А.* Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества // *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. – Т. II: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. – М., 2001. – С. 698

⁴⁰⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а.

⁴⁰⁷ Там же. – Л. 6–9.

написанное 26 января 1884 г.: «Ура! Дорогой председатель! Лобызаю Вас и обнимаю в знак своего сорадования! Хлопоты наши – увенчались успехом. Рано или поздно отныне вспомнит нас Общество добром...»⁴⁰⁸.

Из многих рабочих материалов (писем к Забелину как председателю ОИДР, писем и записок Забелина к Е.В.Барсову, документов, касающихся изданий Общества, извещений о допуске И.Е.Забелина для работы в разных московских архивах и других, включая и черновые варианты) укажем здесь лишь на несколько писем, которые касаются трудов Забелина, содержат отзывы о них, а также об И.Е.Забелине как председателе ОИДР.

В деле есть большое письмо от М.И.Семевского (историка, журналиста и издателя известного журнала «Русская старина»), датированное 10 октября – 14 ноября 1883 г.⁴⁰⁹, где он выражает благодарность за избрание его в члены ОИДР и уже лично И.Е.Забелина благодарит за присылку двух его новых книг, увидевших свет в 1883 г.: «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» и «Преображение в Преображенском»: «Долгом почту отозваться на этих двух замечательных исследованиях в библ[иографическом] листке "Русской старины"»⁴¹⁰. Здесь интересны два момента. Во-первых – название работы «Преображение в Преображенском» (она была написана по заказу в том же 1883 г. в связи с празднованием 200-летия гвардии – Преображенского и Семеновского полков): в историографии работа известна под иным заголовком: «Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого», значит, у Забелина было несколько вариантов названия этой книги. Во-вторых – обещание М.И.Семевского дать отзыв на обе эти работы Забелина в «Русской старине»: обещание им было исполнено (отзывы были опубликованы в Т. 41 за 1884 г.). И здесь нужно добавить, что в издании М.И.Семевского было помещено несколько рецензий на

⁴⁰⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а. – Л. 20.

⁴⁰⁹ Там же. – Л.30–31об.

⁴¹⁰ Там же. – Л. 30.

забелинские труды – в разделе «Библиографический листок»: на «Домашний быт русских цариц...» (Т. 1 за 1870 г.), на 2-е издание «Домашнего быта русского народа...» (Т. 5 за 1872 г.), на «Опыты изучения русских древностей и истории...» (Т. 5 за 1872 г.), на «Историю русской жизни с древнейших времен (в Т. 17 за 1876 г.; Т. 18 за 1877 г.; Т. 27 за 1880 г.).

Кроме рецензий, у М.И.Семевского в «Русской старине» в 1877 г. была опубликована статья И.Е.Забелина «Посольские путешествия в Турцию в XVII столетии»⁴¹¹, где Иван Егорович на основании статейных списков послов подробно разбирает историю возникновения, значение и историческую топографию пути из Москвы в Царьград (вниз по течению Дона и далее Азовским морем) – «прямой, то есть наиболее свободной дороги», «старозаветного, своего родного, самостоятельного пути к Черному морю из всех областей нашего северо-востока, особенно от Оки и Волги, где находилась Москва и корень русского государства».

В архиве есть и более раннее письмо М.И.Семевского (май 1882 г.), в котором он приглашает Ивана Егоровича опубликовать в «Русской старине» его труды: «Мне было бы весьма приятно иметь для №№ 11,12 или №1-го (видимо, речь идет о последних номерах 1882 г. или первом номере 1883 г. – *авт.*) "Русской старины" Вашу статью. Если будет монография листа в 2 или 3, то пришлите, пожалуйста»⁴¹².

Завершая этот краткий очерк о деятельности И.Е.Забелина в ОИДР, процитируем еще одно письмо, в нем есть оценка заслуг Забелина как председателя Общества. Письмо написано 29 апреля 1884 г. историком, археографом, академиком А.Ф.Бычковым (директором Императорской публичной библиотеки в Петербурге; именно через посредничество А.Ф.Бычкова было удовлетворено составленное Иваном Егоровичем ходатайство об увеличении денежного пособия ОИДР в 1883 г.). Бычков,

⁴¹¹ Забелин И.Е. Посольские путешествия в Турцию в XVII столетии // Русская старина. – 1877. – Т. 20. – С. 1–33.

⁴¹² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а. – Л. 33.

видимо, в ответ на благодарственное письмо от ОИДР или от самого Забелина (этого мы не знаем), адресуясь к последнему, пишет, что ему очень приятно, что он «хотя отчасти мог способствовать увеличению средств Общества, которое под Вашим просвещенным председательством, без всякого сомнения, напомним лучшие годы своего существования»⁴¹³.

И.Е.Забелин – член Московского Археологического общества

Мы уже отмечали ту роль, какую сыграли в возрождении и распространении интереса к отечественной истории и старине археологические организации – государственные, как петербургская Археологическая комиссия, которой Забелин отдал годы, и общественные, среди которых, пожалуй, одним из самых ярких и значимых было МАО (1864–1923 гг.; с 1881 г. получило статус Императорского). МАО возникло, когда И.Е.Забелин был уже известным ученым, знатоком архивов, исследователем и археологом.

Несмотря на весьма скромный достаток, Иван Егорович был коллекционером, и, как мы уже писали выше, пристрастился к собиранию древностей – материальных памятников, старопечатных и рукописных книг, в довольно раннем возрасте. Любое коллекционирование воспитывает уважение к памятнику старины, вызывает желание защитить его от угрозы утраты или искажения. Большое влияние на формирование у Забелина особого отношения к памятникам, безусловно, оказала и его служба, его каждодневная архивная работа с рукописями, различными документами, хранящимися в Оружейной палате древностями. Разбирая, изучая, эти древности, переписывая по заказам старинные документы (акты, грамоты и др.), усиленно занимаясь самообразованием, Забелин, стал глубоким знатоком допетровской материальной культуры. Не последнюю роль в этом сыграли и «походы» Ивана Егоровича на Сухаревский и Смоленский рынки,

⁴¹³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 287а. – Л. 37об.

где можно было собственноручно «пощупать» старинные вещи, приобрести их, получить консультацию собирателей-практиков.

К середине 1860-х гг. И.Е.Забелин и как историк, и как знаток архивов, и как археолог-практик обладал уже серьезным научным авторитетом. К этому времени уже более десятилетия он в качестве действительного члена сотрудничал с ОИДР. Поэтому вполне закономерным представляется его вступление и в ряды МАО.

Общество возникло в 1864 г. 17 февраля граф Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884), ученый-археолог, коллекционер, меценат (и один из учредителей РАО в Петербурге), в своей московской квартире собрал кружок лиц, которые учредили МАО, до апреля 1864 г. члены-учредители и некоторые приглашенные ими гости собирались у графа, читали и обсуждали научные рефераты, а в сентябре был официально утвержден Устав МАО, и Общество приступило к регулярным заседаниям, избрав на постоянной основе руководящий состав (председатель – А.С.Уваров) и первых членов, среди которых был и И.Е.Забелин. Но, прежде чем рассказать о вступлении Забелина в МАО, укажем на небольшой эпизод семилетней давности, свидетельство которого сохранилось в архиве. Среди бумаг Ивана Егоровича есть официальное обращение на бланке РАО за подписью А.С.Уварова, датированное 21 мая 1857 г. – это типовое письмо отделения русской и славянской археологии с приглашением к сотрудничеству, адресованное персонально Забелину (в письме предлагается сообщать о древностях той местности, где находится адресат и присылать в РАО описания этих древностей в соответствии со специальной типовой запиской, прилагаемой к письму)⁴¹⁴. Значит, еще до поступления в Археологическую комиссию Уваров знал Ивана Егоровича как авторитетного ученого. Об их раннем знакомстве свидетельствует также, хотя и косвенно, фрагмент из письма, датированного 4 марта 1854 г. Знакомый И.Е.Забелина Н.Розен из Можайска,

⁴¹⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 99. – Л.1.

огорчаясь, что Иван Егорович не приехал к нему (видимо, обещав), напоминает: «...как Вы сами сказали мне при встрече на Смоленском рынке, что Вы будете в имении графа Уварова...»⁴¹⁵.

Не случайно в 1864 г. И.Е.Забелин стал одним из первых членов МАО. Более того, еще до избрания он был в числе тех, кто участвовал в самом процессе создания Общества, о чем свидетельствует краткая записка, сохранившаяся в его бумагах. Записка не датирована, но время ее написания можно установить по содержанию – август 1864 г. В записке говорится: «...Граф А.С.Уваров покорнейше просит Вас сделать ему честь пожаловать к нему завтра 22-го августа в 7 ½ часов вечера для окончательного обсуждения проекта Устава Московского Археологического общества»⁴¹⁶ (указан адрес: Пречистенка, дом кн. Урусова). Известно, что Устав МАО (1-я редакция) был утвержден 19 сентября 1864 г., поэтому логично предположить с большой долей уверенности, что в записке речь идет именно о его обсуждении, и приглашение сделано на 22 августа именно 1864 г.⁴¹⁷

В действительные члены Забелина избрали на первом официальном (после утверждения Устава) заседании 4 октября 1864 г.⁴¹⁸, причем, избрали (минуя статус члена-корреспондента) по §7 Устава, который гласил, что «Известные русские и заграничные ученые и собиратели древностей избираются в действительные члены большинством голосов, но освобождаются от всех обязанностей, лежащих вообще на действительных членах, т. е. от ежегодной платы и от постоянного участия в ученых трудах Общества»⁴¹⁹. Однако, как оказалось в дальнейшем, дарованным Уставом

⁴¹⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 78. – Л.83.

⁴¹⁶ Там же. – Д. 99. – Л. 73.

⁴¹⁷ Обсуждение второй редакции Устава, утвержденной 19 февраля 1877 г. не могло происходить в августе 1876 г., поскольку в мае этого года Устав уже был передан А.С.Уваровым в Министерство народного просвещения (См.: Протокол № 120 от 14 мая 1876 г. // Древности... – Т. 7. – М., 1878. – С. 33), и совсем маловероятно, чтобы речь шла о 22 августа 1875 г., то есть почти за год до передачи Устава на утверждение Министерства. К тому же надо принять во внимание и адрес – в 1877 г. Уваровы имели свой особняк в Леонтьевском пер. Однако вместе с запиской сохранился и конверт, на котором указан адресат: «г. действительному члену» МАО, по протоколам же действительным членом И.Е.Забелин стал только в октябре 1864 г., и объяснить этот казус пока не представляется возможным.

⁴¹⁸ Протокол № 1 от 4 октября 1864 г. // Древности... – Т. 1. – М., 1865–1867. – С. 8.

⁴¹⁹ Устав // Там же. – С. 1.

освобождением от постоянного участия в трудах Общества Иван Егорович не воспользовался и отнюдь не формально, а деятельно был связан с МАО до последних лет своей жизни. При этом и протоколы Общества, и сохранившиеся в архиве Забелина письма к нему председателя А.С.Уварова, а затем сменившей его на этом посту П.С.Уваровой свидетельствуют, насколько высок был и для них лично, и вообще в МАО авторитет Ивана Егоровича.

Членом МАО Забелин стал в достаточной сложный и насыщенный научной работой, службой в Археологической комиссии период. И то, что несмотря на льготное положение по Уставу в протоколах МАО в первые годы (1865, 1866 гг.) его имя встречается достаточно часто, а также и в 1870-е гг. (если не постоянно, то периодически) и в начале 1890-х гг., когда он уже давно был занят службой в Императорском Российском Историческом музее как товарищ председателя и когда работал над «Историей Москвы», как нам кажется, вполне свидетельствует об интересе Ивана Егоровича к занятиям Общества.

В октябре–декабре 1864 г. Забелин присутствует почти на каждом заседании и активно включается в работу. 17 ноября он выступает с сообщением «о раскопках курганов в Екатеринославской губернии и преимущественно – о раскопке Чертомлыцкого кургана, произведенной под его наблюдением в 1863 г.»⁴²⁰. 1 декабря его имя звучит в связи с пожертвованием в библиотеку МАО первой части труда «Домашний быт русских царей» (1862 г.). На том же заседании Ивана Егоровича избирают в Комиссию по выработке программы «Археологического словаря»⁴²¹ – это первое, предложенное А.С.Уваровым крупное начинание МАО.

«Археологический словарь» должен был иметь своим предметом «русскую археологию, т. е. все древности, существующие в России, с самых

⁴²⁰ Протокол № 4 от 17 ноября 1864 г. // Древности... – Т. 1. – М., 1865–1867. – С. 11.

⁴²¹ Протокол № 6 от 1 декабря 1864 г. // Там же.

древнейших времен до XVIII в.»⁴²². В эту работу Иван Егорович включился активно. Уже на следующем заседании, 22 декабря, председателем был озвучен доклад Комиссии, подписанный А.С.Уваровым, Д.И.Иловайским и И.Е.Забелиным, с объяснением целей и задач «Археологического словаря», принципов отбора слов, составления описания и проч.⁴²³ Материалы для «Археологического словаря» стали публиковаться в трудах МАО – «Древностях», уже с первого выпуска (1865–1867 гг.), где помещено 15 статей Забелина с пояснениями древнерусских архитектурных терминов, в том числе с рисунками: «бочка», «гусёнок», «дыня», «закомара», «клепик», «обрез», «оклад», «округлость», «подлечь», «растеска», «спуски», «скрыть», «слухи», «стрелка», «ширинка», и 7 статей по древним понятиям, связанным с профессиональной специализацией, городским самоуправлением: «бралья», «братский двор», «беяница» и «беяница-пряля», «гудок/гудки», «пряля», «резец», «ткаля». В этих первых статьях Забелин дает и чисто москововедческий материал. Например, поясняя, что такое братский двор, приводит выдержки из конкретных документов по братскому двору московской Казенной слободы, а также сообщает, что «В старинном общественном и полицейском управлении Москвы такие дворы находились в каждой слободе, ибо в старину каждая Московская слобода управлялась сама собою, посредством своих выборных старост и десятников...»⁴²⁴ и т.д. В статье о резце – каменных дел мастере, занимавшемся резанием или высеканием «на строительном камне трав, разных узоров, каем, летописных слов и т.п.», Забелин приводит (с пояснениями) имена резцов XVII в., «работы которых еще сохраняются и теперь во многих зданиях этого времени», в частности, работавших при строительстве церкви Григория Некесарийского или украшавших гробницы цариц и патриархов⁴²⁵.

⁴²² Доклад Комиссии о составлении Археологического словаря // Древности... – Т. 1. – М., 1865–1867. – С. 15.

⁴²³ Там же. – С. 15–16.

⁴²⁴ Материалы для Археологического словаря // Там же. – С. 34–35.

⁴²⁵ Материалы для Археологического словаря // Там же. – С. 64.

Написанные Иваном Егоровичем статьи для «Археологического словаря» – разные по объему, иногда весьма обширные, основаны на архивных материалах, хорошо известных Забелину, в том числе уже использованных им в его работах. Большинство статей поясняют слова и термины, связанные с царским обиходом – профессии («пряля», «бралья», «ткаля» и проч.), архитектурные термины, имена резцов, медных, золотых и серебряных дел мастеров, сусальников, пищальных, ружейных, басменных мастеров и многих других (иногда совсем кратко, иногда развернуто, детально, с указанием, где и какие работы мастер делал), предметы царского костюма, и обиходные вещи (например, «амагиль или омагиль» – «фляжка или натруска, носимая государями на перевязях во время пути»)⁴²⁶ и т.д.

О продолжении И.Е.Забелиным работы над «Археологическим словарем» в 1860–1870-е гг. свидетельствуют протокольные записи и публикации материалов за его подписью. Так, он читал свои статьи на заседании 19 января 1865 г.⁴²⁷, в 3-м томе «Древностей» (1873 г.) опубликовано 18 его материалов, большинство из них посвящено персоналиям – мастерам золотых дел, серебрянникам, чеканщикам, медянникам, писцам и переводчикам XV–XVII вв. Есть статьи о мастерах, чеканивших оклады в Московском Успенском соборе. В 4-м томе «Древностей» (1874 г.) – 70 материалов Ивана Егоровича: по персоналиям, по средневековому делопроизводству.

В статьях по персоналиям приводятся выписки из документов об их деятельности, о выполнении различных заказов мастерами золотого и серебряного дела, оружейниками для царского двора. Здесь можно почерпнуть сведения и о самом обиходе русских царей, преимущественно в XVII в., об отделке и украшении царского платья и оружия, о печатях на царские грамоты, о принадлежностях царской охоты, об иконах, крестах и различной утвари для кремлевских церквей, реже – для других московских

⁴²⁶ Материалы для Археологического словаря // Древности... – Т. 3. – М., 1873. – С. 3.

⁴²⁷ Протокол №9 от 19 января 1865 г. // Там же. – Т. 1. – М., 1865–1867. – С. 80.

храмов, монастырских подворий, монастырей и др. Так, например, в статье о Третьяке Пестрикове, золотых дел мастере, среди прочего, указано, что он «июля 31 золотил крест благословенный, серебряный чеканный, что дан ему делать крест в церковь Василия Блаженного чудотворца, в 1622 г. ноября 25. Золота на позолоту вышло $7\frac{1}{2}$ золотников. В 1624 г. марта 13 приказал государь ему сделать крест золотой тельной, с чернью и с камнем. На то дело дано золота 5 золотников, да в прибавку золотник без дву денег. Отвешено в кресте 5 золотников; на уделок положено четь золотника. Тот крест отослан с молодым подьячим Стенкою Титовым на Кирилловское подворье, а сказал, взял де у него – боярин кн. Ив. Борис. Черкасской, марта 20, как крестили князя Якова Черкасского»⁴²⁸. Упоминаются в этих статьях царские вклады в Знаменский монастырь, что у Старого государева двора, в Сербский монастырь Введения Пречистой Богородицы, в Кострому, в храм Пречистой Богородицы Федоровской; упоминаются различные богослужебные предметы и утварь для кремлевских храмов – Спаса на дворце, вмц. Екатерины на сенях (в верху у Государя), Рождества Пречистой Богородицы, что у Государя на сенях и др.

По объему эти материалы разнятся – от 1–2 предложений, до трех с лишним страниц, все содержат ссылки на источники или литературу, где упомянуты. Для примера приведем еще отдельные описания: «Андреев Левка, серебр. кормовой мастер. В 1624 г. мая 25 делал десять чарок серебряных...»⁴²⁹, «Власьев Павел, золотой мастер. В 1622 г. декабря 14 делал гнездо золотое с алмазцем к государеву жезлу, взамен такого же утерянного. На это дело вышла золота ползолотника. И то гнездо и с алмазцем укреплено к жезлу; взял дьяк Булгак Милованов, 5 января 1623 г. Декабря 15 припаивал отломленную петлю золотую к золотой пуговице государева портища, на – грушное дело, прорезной, весом в два золотника с

⁴²⁸ Материалы для Археологического словаря // Древности. – Т.4. – М., 1874. – С. 93.

⁴²⁹ Там же. – С.75.

деньгою. На паянье дано золота против дву денег...»⁴³⁰, или: «Золотые книги. Так назывались в XVII ст. в ведомстве Серебряного приказа, или приказа Золотых, серебряных и алмазных дел, прихода-расходные книги, в которых под каждым числом месяца записывалась выдача мастерам золота для производства работ и прием остатков по отвесу сделанной вещи....»⁴³¹. Сам И.Е.Забелин указывает, что эти статьи дополняют его работу «О металлическом производстве в России до конца XVII ст.», опубликованную в «Записках Императорского Археологического общества»⁴³².

Очевидно, что, участвуя в этом научном проекте МАО, Забелин использовал свои давние наработки, в первую очередь, материалы своих работ 1850-х гг. о металлическом и финифтяном производствах, награжденные Уваровскими премиями (о чем мы писали выше).

Участие Ивана Егоровича в составлении «Археологического словаря» даже специально отмечалось в документах МАО. Так, в годовом заседании 17 февраля 1866 г. А.С.Уваров в связи с предоставлением материалов для «Археологического словаря» среди нескольких имен назвал и имя И.Е.Забелина⁴³³. В отчете в феврале 1875 г. можно прочитать о продолжавшейся работе над «Словарем», и о том, что некоторые из объяснений, в том числе И.Е.Забелина, «имеют характер статей или исследований... Особенно обильный вклад в археологический словарь в истекшем году внесен Н.Я.Аристовым и И.Е.Забелиным»⁴³⁴.

Интересно, что в архиве Забелина сохранилось письмо П.С.Уваровой, тогда председателя МАО, датированное 22 апреля 1897 г., где она обращается к Ивану Егоровичу за помощью в возобновлении работы над «Археологическим словарем», то есть, спустя почти 33 года после начала

⁴³⁰ Материалы для Археологического словаря // Древности. – Т.4. – М., 1874. – С.77.

⁴³¹ Там же. – С.80

⁴³² Там же. – С.105.

⁴³³ О трудах и ученых занятиях Московского археологического общества в 1865 г. Речь председателя графа А.С.Уварова // Древности... – Т. 2. – М., 1870. – С. 380.

⁴³⁴ Отчет о составе и деятельности Московского археологического общества с 15 января 1874 г. по 17 февраля 1875 г. // Там же. – Т. 7. – М., 1878. – С. 20.

этой работы с участием того же Забелина при графе Алексее Сергеевиче⁴³⁵. Прочитируем это письмо: «Любезный Иван Егорович, в последнем нашем заседании⁴³⁶ мы имели суждение, как сделать, чтобы двинуть дело составления и издания Археологического словаря. Помогите нам в этом деле и попросите о том же Ваших музейных сотоварищей. Во втором томе Древностей напечатана первая программа подобного Словаря с указанием на те сочинения, из которых следует сделать выборки. Эти первые предположения следует наполнить и развить. Я сегодня уезжаю на неделю в Можайск, но вернувшись, намерена снова со всеми Вами переговорить об этом деле и потому очень надеюсь, что Вы не откажитесь помочь... Не пишу отдельно Вашим собратьям по Музею, но прошу Вас бить и им челом»⁴³⁷.

На заседаниях И.Е.Забелин иногда участвовал в обсуждении звучавших докладов и сообщений, например, 1 декабря 1864 г. – по поводу статьи Д.И.Иловайского «Об устройстве вечевоего места в Новгороде»⁴³⁸, или 2 ноября 1865 г. – по предложенному А.С.Уваровым вопросу о начале западного влияния на памятники русской старины и указания А.А.Котляревского в связи с этим на Покровский и Дмитриевский соборы во Владимире⁴³⁹. К нему обращались и как к знатоку московских древностей за консультацией: 5 февраля 1865 г. Забелин расшифровывает непонятное слово в надписи на древнерусской митре, вкладе 1651 г. в Чудов монастырь (снимок надписи представил А.С.Уваров)⁴⁴⁰.

⁴³⁵ Мысль о возобновлении работы над «Археологическим словарем» озвучиваюсь П.С.Уваровой и десятилетием ранее, в связи с подготовкой к Восьмому Археологическому съезду в Москве (См.: Протокол № 279 от 20 октября 1887 г. // Древности... – Т. 12. – М., 1888. – С. 149).

⁴³⁶ Речь идет о распорядительном заседании МАО 4 апреля 1897 г., где «председатель Общества снова возбудил вопрос о дальнейшем собирании и издании материалов для Археологического словаря»; после всестороннего обсуждения этой инициативы было решено «принять за основание прежнюю программу этого Словаря гр. А.С.Уварова и просить гр. П.С.Уварову взять на себя главное руководство в этом деле с правом избрать себе для сего отдельного Секретаря и приглашать специалистов для выяснения и разработки слов, имеющих войти в Словарь» (См.: Протокол № 495 от 4 апреля 1897 г. // Древности... – Т. 18. – М., 1901. – С. 111).

⁴³⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 38–38об.

⁴³⁸ Протокол № 6 от 1 декабря 1864 г. // Древности... – Т.1. – М., 1865–1867. – С. 12.

⁴³⁹ Протокол № 20 от 2 ноября 1869 г. // Там же. – Т.2. – Вып. 2. – М., 1869. – С.168.

⁴⁴⁰ Протокол №10 от 5 февраля 1865 г. // Там же. – Т.1. – М., 1865–1867. – С. 81.

Есть целый ряд примеров, когда к Ивану Егоровичу обращались за его экспертным ученым мнением, за советом по тому или иному научному или организационному вопросу. На одном из заседаний в 1866 г. после демонстрации А.С.Уваровым фрагмента плана Кремля из его личной коллекции было решено отправить план на заключение И.Е.Забелину⁴⁴¹. В октябре 1883 г. граф приглашает Забелина, чтобы обсудить вопрос с Уваровскими премиями, которым желает придать «характер более археологический»⁴⁴². В архиве сохранились связанные в этом рабочие материалы Ивана Егоровича (целый комплекс): «Положение о наградах графа Уварова», черновой карандашный текст с замечаниями и правкой Забелина, в том числе листы с пометкой «В замену», и его же текст чернилами, фрагменты текста, написанного другим почерком (вероятно, переписанный писцом текст А.С.Уварова о предполагаемых и желательных изменениях Положения)⁴⁴³. Видно, что Забелиным была проделана большая работа.

В августе 1885 г. уже графиня П.С.Уварова обращается к нему с «покорнейшей просьбой»: «При Ваших занятиях и преподаваниях не нападали ль Вы на след, откуда и когда было занесено к нам шитье золотом и шелком, которое, вероятно, опять не восточного происхождения, если что есть, не откажите сообщить...»⁴⁴⁴; в июне 1889 г. она просит его просмотреть найденную ею среди бумаг покойного графа рукопись: «...вижу, что копия с древнего подлинника, но хотелось бы иметь более о ней точные сведения, которые я надеюсь получить от Вас»⁴⁴⁵. И 1891 г. Прасковья Сергеевна снова обращается к Ивану Егоровичу, прося его мнения о ценности для печати некоей рукописи, которая попала к ней с бумагами Седьмого Археологического съезда в 1887 г. в Ярославле⁴⁴⁶.

⁴⁴¹ Протокол № 32 от 13 декабря 1866 г. // Древности... – Т. 2. – Вып. 3. – М., 1870. – С. 340.

⁴⁴² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 71.

⁴⁴³ Там же. – Д. 265. – Л. 155–176.

⁴⁴⁴ Там же. – Д. 100. – Л. 20 об.

⁴⁴⁵ Там же. – Л. 98.

⁴⁴⁶ Там же. – Д. 101. – Л. 41.

Примеры можно и продолжить, но мы ограничимся упоминанием еще только о нескольких письмах П.С.Уваровой, где она ищет помощи у Ивана Егоровича как у знатока русских древностей и непосредственно знатока Москвы. 17 сентября 1895 г. Прасковья Сергеевна просит Забелина дать ей справку о муромском соборе (Рождества Богородицы; середина XVI в.; утрачен): «Любезнейший Иван Егорович, здесь в Муроме поднимается вопрос о возникновении здешнего собора или, скорей, о росписи внутренних его стен. Не будете ли так добры, посмотреть в летописях и в соответственных изданиях, нет ли каких данных об этом древнем соборе, и не упоминается ли о древней в нем фресковой живописи? Теперь он внутри совершенно испорчен масляною раскраской, но староста человек богатый и усердный, и, если найдутся указания на древнюю роспись, не откажется похлопотать о ее восстановлении. Потрудитесь же дать мне желаемую справку...»⁴⁴⁷.

А вот, просьбы, касающиеся уже московских памятников. 12 сентября 1897 г. Забелин получил от МАО за подписью Уваровой письмо, в котором речь идет о Сухаревой башне: «В Комиссию по сохранению древних памятников поступило дело о реставрации Сухаревой башни. В виду того, что в Обществе нет о ней никаких сведений, обращаюсь к Вам с просьбой, не найдете ли Вы чего-нибудь у себя по этому делу...»⁴⁴⁸. Сохранились письма 1906 г., в которых П.С.Уварова обращается к Ивану Егоровичу за консультацией по поводу двух московских зданий: дома Залогина⁴⁴⁹ на Николо-Ямской и дома Шереметева на Никольской⁴⁵⁰. Мы позволим себе процитировать оба письма, поскольку в них есть замечательные слова о самом И.Е.Забелине. В первом письме (от 23 марта) Прасковья Сергеевна

⁴⁴⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 16.

⁴⁴⁸ Там же. – Л. 35

⁴⁴⁹ Ныне – объект культурного наследия федерального значения Усадьба Залоговой (ул. Николоямская, д. 49 стр. 2,3); упомянутый в письме П.С.Уваровой дом, один из двух на усадебном участке, датируется серединой XVIII в.

⁴⁵⁰ Речь идет о так называемом Шереметевском подворье (ул. Никольская, д. 10/2). После современной реконструкции полностью разобранный исторический дом возведен заново с изменением размеров и облика.

пишет: «...Вчера на заседании Комиссии по сохранению древних памятников у нас поднялся вопрос о доме Залогина, находящемся на Николо-Ямской улице. Было высказано соображение, что дом этот мог служить в былое время, если не дворцом, то службою при загородном дворце Алексея Михайловича. С запросом об этом постановлено обратиться к Вам как лучшему знатоку московских древностей...»⁴⁵¹. А вот – текст второго письма (от 27 мая): «Любезный Иван Егорович. Извините, что беспокою Вас, но без Вас и без Ваших знаний нам, кажется, не осилить изучения Москвы. На этот раз бьем Вам челом и просим дать нам сведения о доме гр. Шереметева, что на Никольской. Дом этот перешел к графу от кн. Черкасского. Говорят, в нем состоялось то знаменитое заседание, в царствование Анны Петровны, в котором состоялось постановление о сокращении самодержавной власти. Правда ли это, и нет ли еще других сведений?»⁴⁵².

Ученый авторитет Забелина в МАО был высок, не случайно кандидатура его предлагается едва ли не во все комиссии, создаваемые в связи с тем или иным проектом. Конечно, степень его участия в этих комиссиях различна, но сам по себе факт вполне показателен. Помимо уже упомянутой Комиссии по подготовке «Археологического словаря», Иван Егорович входит в Комиссию для исследования древних насыпей Центральной России (9 марта 1865 г.⁴⁵³), созданную по инициативе А.А.Гатцука. Позднее Забелин откажется от участия в ней, «по причине многочисленности занятий»⁴⁵⁴, да и само это начинание МАО продолжения иметь не будет.

В феврале 1866 г. на заседании Н.В.Калачев докладывает о «древнем доме» на Берсеневской набережной (Курьерский дом – палаты Аверкия Кирилова, середины XVII – начала XVIII в.), который находится в плохом состоянии и который предполагается просить в собственность МАО. В

⁴⁵¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 38.

⁴⁵² Там же. – Л. 41.

⁴⁵³ Протокол №13 от 9 марта 1865 г. // Древности... – Т.1. – М., 1865–1867. – С.84,

⁴⁵⁴ Протокол № 28 от 26 апреля 1866 г. // Там же. – Т. 2. – Вып. 3. – М., 1870. – С. 327.

созданную для осмотра и описания дома комиссию вместе с Н.В.Калачевым и А.С.Уваровым избирается И.Е.Забелин⁴⁵⁵. Ходатайство МАО о доме было Высочайше удовлетворено в 1868 г. и после необходимых ремонтных работ 3 октября 1871 г. в своем теперь собственном доме (Дом МАО) Общество провело свое первое торжественное заседание, в числе участников которого был и Иван Егорович⁴⁵⁶. Впоследствии он неоднократно бывал в палатах на Берсеневке на заседаниях Общества.

Забелин участвовал также в двух комиссиях, задачей которых была популяризация археологического знания. Речь идет о созданной по решению Общества в ноябре 1872 г. Комиссии по устройству публичных чтений (кроме Забелина, в нее вошли Д.И.Иловайский и И.Д.Мансветов)⁴⁵⁷ и о Комиссии по устройству публичных лекций по археологии, которая организовалась по предложению председателя МАО графини П.С.Уваровой в 1888 г. в преддверие VIII Археологического съезда, назначенного состояться в Москве в 1890 г. (вместе с Иваном Егоровичем в Комиссию избрали П.С.Уварову, Д.Н.Анучина, В.О.Ключевского, А.С.Павлова и др.)⁴⁵⁸.

В декабре 1874 г. составила еще одна комиссия, куда совместно с А.С.Уваровым, К.К.Гёрцем вошел и И.Е.Забелин. Связана она была с одной из важнейших научных задач МАО – составлением археологической карты России и, в целом, с выработкой общих подходов к составлению международных археологических карт. Вопрос был поднят А.С.Уваровым в связи с международным конгрессом в Стокгольме, где обсуждался «проект единообразного составления археологических карт по всем странам»; предложенная в этом проекте система условных знаков, по мысли Уварова и К.К.Гёрца, могла бы быть значительно упрощена. Для решения этого вопроса и была создана упомянутая комиссия⁴⁵⁹. Проблемой археологических карт МАО занималось практически на протяжении всего своего существования.

⁴⁵⁵ Протокол № 24 от 22 февраля 1866 г. // Древности... – Т. 2. – Вып. 2. – М., 1869. – С. 176.

⁴⁵⁶ Протокол № 67 от 3 октября 1871 г. // Там же. – Т. 3. – М., 1873. – С. 348.

⁴⁵⁷ Протокол № 76 от 24 ноября 1872 г. // Там же. – Т. 4. – М., 1874. – С. 18.

⁴⁵⁸ Протокол №298 от 15 апреля 1888 г. //Там же. – Т.13. – Вып.2. – М., 1890. – С.31.

⁴⁵⁹ Протокол № 99 от 5 декабря 1874 г. // Там же. – Т. 6. – М., 1876. – С. 23.

Обсуждались и практические, и теоретические вопросы, с этим связанные. Участвуя в этих обсуждениях, высказывал свое мнение и Забелин. В апреле 1888 г. находим его имя в протоколе в связи с выступлением в прениях по докладу Д.Н.Анучина о программе для составления археологической карты России⁴⁶⁰.

Упомянем также еще об одной комиссии, в состав которой был избран И.Е.Забелин – речь идет о родившемся в недрах МАО кружке любителей нумизматики. В мае 1885 г. 4 члена этого кружка выступили с предложением к МАО исходатайствовать для кружка самостоятельный устав, а кружок при этом присоединить к Обществу. Вопрос был непростым, и для его решения создалась специальная комиссия – Забелин стал одним из 6 ее членов⁴⁶¹.

В 1886 г. И.Е.Забелин был приглашен к организации одного из важнейших проектов, успешно осуществленного МАО. По инициативе председателя – графини П.С.Уваровой, на заседании 26 марта была создана большая и представительная по составу Комиссия по снаряжению экспедиций на Кавказ и в северные и восточные губернии. Кроме самой Прасковьи Сергеевны и Ивана Егоровича, в нее вошли Д.Н.Анучин, В.О.Ключевский, В.Ф.Миллер, Н.В.Никитин, М.В.Никольский, А.В.Орешников, А.М.Подшивалов, А.М.Павлинов, В.И.Сизов, В.Е.Румянцев⁴⁶². О том, что участие Забелина в этой комиссии не было номинальным, более того, что его мнение высоко ценилось Уваровой, свидетельствует ее небольшая записка, написанная ровно месяц спустя после упомянутого заседания и сохранившаяся в архиве Забелина. Прасковья Сергеевна пишет: «Как Ваше здоровье (видимо, Иван Егорович незадолго до этого хворал – *авт.*)? Давно собираюсь к Вам, но все это время была так занята, что не успела. Нельзя ли Вам завтра вечером, в 7 или 8 часов

⁴⁶⁰ Протокол № 298 от 15 апреля 1888 г. // Древности... – Т. 13. – Вып. 2. – М., 1890. – С. 30–31.

⁴⁶¹ Протокол № 236 от 7 мая 1885 г. // Там же. – Т. 11. – Вып. 2. – М., 1886. – С. 35. Уже на следующем заседании 24 сентября 1885 г. избранная Комиссия доложила, что приняла решение не разрешать «существования самостоятельного кружка при Археологическом обществе», допустив создание соответствующей комиссии параллельно с обществом (Там же. – С. 44).

⁴⁶² Протокол № 242 от 26 марта 1886 г. // Там же. – Т. 12. – М., 1888. – С. 28.

пожаловать ко мне, чтобы переговорить о кавказских экспедициях; если скажите да, то я соберу еще несколько лиц. Можете быть, или Вам нельзя выехать, то нам можно собраться у Вас...»⁴⁶³. Среди бумаг Забелина сохранились экземпляры прошений П.С.Уваровой на Высочайшее имя и на имя вел. князя Сергея Александровича о поддержании работы МАО по изучению древностей Кавказа, а также и положительный ответ на эти прошения.

Сохранились также сведения об избрании И.Е.Забелина в число представителей МАО в Организационный комитет Одиннадцатого Международного конгресса по антропологии и доисторической археологии, который прошел в августе 1892 г. в Москве (Оргкомитет состоял при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии и одновременно готовил 2 конгресса – упомянутый выше и Международный Зоологический конгресс). 20 февраля 1890 г. на заседании Общества было принято решение об организационном участии в подготовке Конгресса и избрании 9 своих членов в состав Оргкомитета, среди которых был и Забелин⁴⁶⁴. На самом Международном конгрессе делегатом от МАО И.Е.Забелин не значится – его имени нет в составе избранной Обществом делегации, причины тому могут быть самые разные: надо иметь ввиду и достаточно почтенный возраст ученого, ему было уже за 70, и его занятость, да и тематика Конгресса все-таки была не совсем созвучна научным интересам Ивана Егоровича. Но он вошел в состав Почетного Совета Конгрессов⁴⁶⁵.

И здесь необходимо еще сказать о всероссийских научных форумах МАО, в которых Забелин принимал непосредственное участие – и в организационном, и в научном плане. Речь идет об Археологических съездах, которые стали впервые проводиться в России по инициативе А.С.Уварова.

⁴⁶³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 27.

⁴⁶⁴ Протокол № 350 от 20 февраля 1890 г. // Древности... – Т. 15. – Вып. 1. – М., 1894. – С. 184.

⁴⁶⁵ ОР РГБ. – Ф. 26. – К. 14. – Д. 27. Документы, изданные Организационным комитетом международных конгрессов по доисторической археологии, антропологии и зоологии в Москве в августе 1892 г. – Л. 27.

Всего было проведено 15 съездов в разных городах Российской империи (16-й, назначенный на август 1914 г., был подготовлен, но не состоялся в связи с началом Первой мировой войны). А первый Археологический съезд прошел в Москве весной 1869 г. Значение съездов для развития археологии как науки, для консолидации научного сообщества, изучающего отечественные древности, для популяризации археологического знания, для развития местных исследований, краеведения, становления местных музеев, для выработки общеметодических и законодательных основ системы охраны памятников и много другого трудно переоценить. Однако изначально Забелин отнесся к этому начинанию весьма скептически и в своих дневниках о Первом Археологическом съезде оставил критические (и, надо сказать, не справедливо) записи – о выступлениях он написал: «...Вообще, рассуждения с общей точки были слабы, поверхностны. Все стоят еще на аристократическом сознании о памятниках, как о курьезностях. Никто научного значения не понимает. Никто не понимает, что история и археология – правая и левая рука, неотделимы от организма науки» (в дальнейшем Забелин еще будет развивать свою мысль об этой взаимосвязи – и именно на Археологических съездах, о чем скажем чуть позже). В целом, Первому съезду в дневнике он дал весьма нелестную оценку: «...Общая характеристика всего съезда та, что это была ярмарка тщеславия... Но состояние науки не выяснено»⁴⁶⁶. Одновременно с такими впечатлениями Забелина от Съезда, чувствуется и критическое отношение к А.С.Уварову, к его аристократическому происхождению, связям, возможностям. Но эти личные впечатления Ивана Егоровича, как и вообще любые личные впечатления, субъективны. Интересно, что Забелин еще в октябре 1868 г. был избран от МАО в состав Предварительного комитета по подготовке этого самого Первого съезда, который так критиковал в дневниках⁴⁶⁷. Однако в списке членов Предварительного комитета, опубликованном в материалах

⁴⁶⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.91, 92.

⁴⁶⁷ Протокол № 47 от 22 октября 1868 г. // Древности... – Т. 2. – Вып. 3. – М., 1870. – С. 374.

Съезда, его фамилия отсутствует, а в «Список членов и участников» Съезда внесена⁴⁶⁸.

В научной биографии И.Е.Забелина есть еще несколько страниц, и весьма значимых, связанных с Археологическими съездами. Мы уже писали, что о связи (и довольно тесной) И.Е.Забелина с МАО биографы практически вообще не упоминают. У А.А.Формозова этому уделено крайне мало внимания, причем он пишет, что «Забелин был членом общества с момента основания, но при жизни Уварова сотрудничал с ним мало. Только, когда порвались связи с Обществом истории и древностей российских, а умершего Уварова на посту председателя Археологического общества сменила его жена Прасковья Сергеевна, Забелин стал бывать там на заседаниях и выступать с докладами. С П.С.Уваровой он переписывался, отвечая на ее вопросы по истории Москвы...»⁴⁶⁹. Очевидно, что это мнение биографа И.Е.Забелина неверно. Соответственно в историографии почти не фигурируют и сведения об участии историка в археологических съездах, тот же Формозов лишь констатирует выступление Забелина с московской темой на Восьмом Археологическом съезде⁴⁷⁰. Редкое исключение представляет неопубликованный доклад А.С.Башкирова, где автор специально фокусирует внимание на участии И.Е.Забелина в археологических съездах, утверждая, что «историко-археологическая деятельность» Забелина ярко проявлялась на этих съездах, где он «в полном смысле слова доминировал»; «на этих съездах он стремился вызвать энтузиазм краеведов к изучению своего края, любовь к его истории и исследовательской работе»⁴⁷¹.

Опубликованные материалы МАО (протоколы, документы по подготовке и проведению съездов и проч.) позволяют достаточно полно охарактеризовать участие Ивана Егоровича в этих общероссийских научных форумах. Подспорьем для исследователя служат материалы архива Забелина,

⁴⁶⁸ Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869. – Т. 1. – М., 1871. – С. XXVII.

⁴⁶⁹ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С. 201.

⁴⁷⁰ Там же. – С. 207.

⁴⁷¹ Башкиров А.С. Памяти историка и археолога И.Е.Забелина... – Л. 28об.

связанные со съездами и объединенные в большое архивное дело (384 л.)⁴⁷², почти не используемое исследователями. Не все собранные здесь бумаги имеют отношение именно к съездам (в дело включены вообще материалы Забелина по археологии, имеющие в основном отношение к МАО и отчасти к ИАК), но здесь есть очень интересные документы. Опираясь на все эти источники, попробуем воссоздать в общих чертах картину участия И.Е.Забелина в археологических съездах МАО.

На Третьем съезде, проходившем в Киеве в августе 1874 г., Иван Егорович был в составе Предварительного комитета как представитель МАО. В сохранившемся официальном письме за подписью графа Уварова Забелина уведомляют, что Ученая комиссия Предварительного комитета избрала его в свои члены, «...считая Ваше ученое содействие необходимым для успеха своих занятий»⁴⁷³. Интересно и еще одно архивное свидетельство – в прибавлении к газете «Киевский телеграф» был опубликован «Список лиц, заявивших о своем желании принять участие в занятиях Третьего Археологического съезда в Киеве», в этом списке Иван Егорович заявлен не только как представитель МАО, но и как депутат от Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее и от Императорской Археологической комиссии⁴⁷⁴.

На Съезде Иван Егорович выступал на двух заседаниях: на первом общем 5 августа – со своего рода программным рефератом «В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки?»⁴⁷⁵; и на первом заседании по Отделению «Историческая география и этнография» 6 августа – с рефератом «Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Воспора Киммерийского»⁴⁷⁶. Оба выступления чрезвычайно интересны, поскольку здесь Забелин одновременно выступает и как

⁴⁷² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265.

⁴⁷³ Там же. – Д. 99. – Л. 16.

⁴⁷⁴ Там же. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 859. – Л. 286.

⁴⁷⁵ Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Т. 1. – Киев, 1878. – С. XVIII.

⁴⁷⁶ Там же. – С. XXIX.

археолог-теоретик, и как археолог-практик, демонстрирует и свой исследовательский метод, соединяющий критическое изучение источников с натурными исследованиями, с практическим изучением местности. Оба забелинских материала были опубликованы в «Трудах съезда»⁴⁷⁷.

Первое выступление вызвало довольно оживленную дискуссию. Оно носит теоретико-методологический характер, здесь И.Е.Забелин предлагает свой взгляд на предмет, задачи, метод, границы археологии как науки, указывает и на ее междисциплинарность, и на еще недостаточную обособленность от других наук, обусловленные широчайшими границами самого понятия «древность». Не вдаваясь подробно в цепь интереснейших умозаключений Забелина по этому поводу, все же отметим некоторые очень важные, как нам кажется, положения, обозначенные им и отражающие его видение процесса становления «национальной», как он пишет, археологии. Указывая, что археология еще лишь складывается в определенную систему, Забелин выделяет проблему определения границ самого предмета археологии: «Говорят, – предмет археологии есть древность. Она потому и называется наукою древностей. Но слово древность имеет такое обширное значение и такую, можно выразиться, беспредельность в своем содержании, что очень трудно и почти невозможно ответить сколько-нибудь определенно, что такое на самом деле древность как предмет науки... Все, что под видом какого бы то ни было памятника сохранилось от прожитой жизни человека, все это есть древность, все это есть предмет для археологической изыскательности. С другой стороны, все это существует в крупных и мелких остатках, обломках, раскинутых в беспорядке на неизмеримом пространстве времени и места. ...Можно ли найти в понятии о древности какую-либо определенную твердую точку опоры? Слово *памятник* (курсив И.Е.Забелина – *авт.*), которым постоянно и

⁴⁷⁷ Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды Третьего Археологического съезда... – Т. 1. – С. 1–17; *Он же*. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Воспора Кимерийского // Там же. – Т. 2. – С. 1–33.

исключительно занимается археология, вовсе не имеет того же или подобного значения и смысла, как слова: *растение, животное*, в которых с такою ясностью определяется самая цель науки (ботаники, зоологии – *авт.*)»⁴⁷⁸.

При этом Забелин указывает, что изначальное становление археологии как науки связано с совершенно определенным предметом изучения – с памятниками Античности, по преимуществу памятниками художественными, которыми и исчерпывалось понятие «древность» (антик). Но с появлением «национальной археологии», расширился и круг древностей – «национальных, своенародных», которые для классической археологии не имели значения, как «бедное и ничтожное со стороны художественного творчества – варварство» – «Все умы были исполнены Греками и Римлянами и ничего кругом себя не хотели видеть, ничего не хотели слышать, о чем рассказывала летопись родной земли». Но национальная археология, хотя и возникла как «какой-то незаконный придаток к познанию античной древности, с которым неизвестно что следовало делать и куда его устроить», но утвердилась, занялась своим предметом и «своим присутствием» внесла новое содержание в понятие археологии, именно, что «значение древности обширнее, чем значение антика, что в ней, кроме возвышенного, чистого искусства, есть необозримая сфера низменного или рядового, повседневного художества и творчества, хотя бы и очень безобразного, которое в своем роде такой же антик»⁴⁷⁹.

И далее Забелин, разделяя естественноисторические науки (изучающие человека «в качестве отдельного рода в среде земных существ») и исторические (занимающиеся изучением человека как «особой природы, как бы совсем независимой от остальной природы»), указывает, что «вся древность, оставшаяся от прожитой жизни человека в разнообразнейших памятниках, есть в сущности один памятник – памятник его беспредельного

⁴⁷⁸ Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии... – С. 2.

⁴⁷⁹ Там же. – С. 3.

творчества, памятник его бесчисленных дел на земле, начиная последним произведением его ремесла и мастерства и оканчивая высотой его умственных и нравственных свершений». И этот памятник человеческого творчества, по мысли Забелина, есть «беспредельная почва», на которой еще будут вырастать различные науки, обладающие «родственной кровной связью», имеющие родственные черты. И все эти науки могут быть распределены на два больших отдела, на которые распадается и сам их предмет – человеческое творчество: оно может быть «действием единичным, действием свободной человеческой воли, или действием родовым, действием целого рода», произвольным, несвободным со стороны отдельного человека, подчиненным действию естественного закона. Так возникает возможность разграничить науки – историю и археологию. История «хорошо поняла и запомнила, что главная ее задача состоит в описании и изображении общих, родовых дел человека», в первую очередь, государства как «центрального памятника» народного творчества; историк занимается памятниками – продуктами «творчества народных общественных идей», самими идеями. При этом история неизбежно обращается и к частностям человеческого творчества, но не они ее основной предмет, они необходимы лишь в процессе изучения родового творчества. Археология же, как раз обнимает «особый отдел личного или единичного человеческого творчества, весьма различного от творчества родового или собственно исторического». Такое разграничение между историей и археологией, как считал И.Е.Забелин, и дает единственную возможность обозначить пределы «беспредельной области древностей», которые должна изучать археология, и «только на этом основании будет возможна научная постройка археологического знания со всеми его отдельными ветвями».

Таким образом, «...задача археологии по необходимости должна состоять в исследовании и изображении личных дел народа, в исследовании и изображении единичного творчества народной жизни...», и «...общая единая основа археологического знания, изучения, исследования, описания

есть творчество человеческой единицы, которое раскрывается в разнородных и разнообразных памятниках вещественных и невещественных». Подводя итог своим рассуждениям, Забелин утверждал, что археология как наука имеет свой собственный, отличный от других предмет познания и «что основная задача археологии как науки заключается в раскрытии и объяснении законов единичного творчества, в раскрытии и объяснении путей, по которым единичное творчество воссоздает творчество родовое или общественное, т.е. историческое, в раскрытии и объяснении той живой, неразрывной связи, в какой постоянно находятся между собою творчество единицы и творчество целого рода или народа»⁴⁸⁰.

Мы не беремся анализировать взгляды Забелина-археолога с точки зрения их соответствия взглядам и его коллег-современников, и нынешним взглядам на археологию как науку, на ее предмет, метод и проч. Но здесь, как нам кажется, очень интересен сам по себе подход Забелина к методологическим вопросам в отношении современной ему археологической науки, археологического знания. Это важно для характеристики и понимания основ его научного творчества, это и своего рода отражение общих путей становления археологии, постепенного осмысления ее значения, места среди наук, осмысления не только понятия, но, собственно, феномена памятника, древности, характерные для той эпохи.

Совсем в другом роде выступление И.Е.Забелина на Киевском съезде, посвященное древней топографии Таманского полуострова и источникам ее изучения. Однако и здесь – интересный пример творческой лаборатории ученого, его исследовательской методики и тоже новой для своего времени, лишь утверждающейся в изучении конкретных местностей, их истории и топографии. Статья «Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Веспора Киммерийского» посвящена критике существующих сочинений (в том числе К.К.Гёрца «Археологическая топография Таманского

⁴⁸⁰ Подробнее см.: *Забелин И.Е.* В чем заключаются основные задачи археологии... – С. 7–17.

полуострова») в связи с вопросом о топографии Таманского полуострова и ее соответствии или несоответствии в современном виде сочинению античного историка и географа, жившего на рубеже I в. до н.э. и I в. н.э., Страбона. В своей «Географии», в одной из составляющих ее 17 книг он описывает морской путь вдоль восточного берега Азовского моря и вокруг Таманского полуострова. Используя сведения Страбона, исследователи XIX в. пришли к убеждению, что топография Таманского полуострова коренным образом изменилась в силу ряда природных причин в исторические времена. Забелин же в своей статье доказывает, что это мнение ошибочное, что коренных изменений эта местность не претерпела и что «Страбоновы свидетельства» вполне адекватно могут быть использованы при наложении их на современную карту. Очень важный, на наш взгляд, вывод И.Е.Забелина кроется в его утверждении, что «Ошибочные толкования показания Страбона происходят, главным образом, от того, что ими пользуются не во всей их совокупности, а отрывочно и притом нисколько не соотносят их с характером и положением мест, хотя бы на карте»⁴⁸¹. И Забелин как раз и проверяет сообщения Страбона и по карте, и по другим источникам и, наконец, предлагает основной способ локализации древних описаний на конкретной местности: «Чтобы проверить слова Страбона, лучше всего, конечно, наблюдать этот путь с моря, с того места, с которого его наблюдали греки-мореходы, пересказавшие свои наблюдения Страбону. Нам удалось несколько раз выезжать в пролив от Азовского моря, но по обстоятельствам времени и погоды, только два раза были благоприятны для подобных наблюдений»⁴⁸². Сообразуя сведения Страбона с собственными наблюдениями в процессе путешествия по проливу вдоль Таманского полуострова, выявляя на местности ориентиры, некогда указанные автором «Географии», и локализуя их с помощью приведенных у Страбона расстояний (с учетом изменившейся со временем береговой линии), Забелин

⁴⁸¹ Забелин И.Е. Объяснение Страбоновых свидетельств... – С. 29

⁴⁸² Там же. – С. 25.

делает вывод: «К чему же приводят нас измерения Страбона, положенные на теперешние наши карты? Очевидно к тому, что Таманская страна со времен Страбона нисколько не изменила своего географического и топографического характера, за исключением устройства и очертания берегов и Сатирова мыса, который с тех пор давно отнесен в море...»⁴⁸³. Приведенный нами здесь пример методики изучения топографии местности Забелиным-археологом суть та же методика краеведческого исследования в современном ее понимании.

Что касается Третьего Археологического съезда, то еще добавим, что Забелин (совместно с графом А.С.Уваровым) вновь поднял уже звучавший на предыдущих Съездах вопрос о необходимости введения археологии как предмета в учебный процесс⁴⁸⁴.

В архиве сохранились некоторые документы периода Киевского съезда: официальное письмо МАО с просьбой к содержателю гостиницы «Гранд отель» «отпустить номер в распоряжение И.Е.Забелина» с 30 июля 1874 г.⁴⁸⁵, небольшая по формату (в четверть листа) сброшюрованная (сшитая) «записная» книжечка И.Е.Забелина с его карандашными пометками и заметками на отдельных страничках, относящимися к Третьему съезду⁴⁸⁶. Здесь есть роспись его финансовых расходов в Киеве, небольшой набросок текста доклада об археологии как науке (может быть для устного реферата?) и есть запись о впечатлениях от съезда – вообще в духе Забелина – достаточно критических.

Отметим еще участие И.Е.Забелина в подготовительных работах к V съезду в Тифлисе (1881 г.), его имя – в числе тех, кто принял особенно деятельное участие в этом⁴⁸⁷. Иван Егорович входил в Предварительный

⁴⁸³ Забелин И.Е. Объяснение Страбоновых свидетельств... – С. 27.

⁴⁸⁴ Отчет председателя Общества графини П.С.Уваровой о 25-летней деятельности Общества / Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества с 17 февраля 1889 г. по 17 февраля 1890 г. // Древности... – Т. 15. – Вып. 1. – М., 1894. – С. 63.

⁴⁸⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 58.

⁴⁸⁶ Там же. – Л.15–30 об.

⁴⁸⁷ Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. – М., 1890. – С. 89.

комитет и специально к съезду занимался разбором документов академика П.Г.Буткова (1775–1857), связанных с кавказскими древностями (5 томов рукописей) и хранящихся в библиотеке Императорской Академии наук. И.Е.Забелин рассматривал два из пяти томов (остальные были поручены В.О.Ключевскому)⁴⁸⁸. К ноябрю 1879 г. Забелин представил Предварительному комитету записку о рукописях академика Буткова⁴⁸⁹.

К Забелину же обратилась председатель графиня П.С.Уварова с просьбой оказать помощь в издании трудов съезда (они были опубликованы лишь во второй половине 1887 г.) и принять на себя корректуру части материалов, о чем свидетельствует ее письмо, помеченное 15 марта (год не указан, но можно предположить 1887 г.⁴⁹⁰); она пишет: «...Вам удобнее, чем кому-либо другому продержать корректуру статьи или заметки, касающейся до Таманского полуострова»⁴⁹¹.

Поле активной деятельности стали для И.Е.Забелина еще два Археологических съезда – Седьмой в Ярославле в 1887 г. и Восьмой в Москве в 1890 г. Ярославский съезд был первым после смерти А.С.Уварова, уже при председательстве П.С.Уваровой. Этот первый опыт для графини был непростым, видимо, поэтому она искала поддержки у авторитетных членов МАО, каковым, без сомнения, был И.Е.Забелин. Съезд был намечен к проведению в Харькове, как крупном университетском, культурном центре. На заседании 7 мая 1885 г., втором после избрания П.С.Уваровой председателем, был поднят вопрос об организации Седьмого съезда, сама Прасковья Сергеевна от предложенного ей председательства в Предварительном комитете отказалась, и в результате выборов эти

⁴⁸⁸ Протокол первого заседания Московского Подготовительного комитета от 7 марта 1878 г. // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета / Под ред. И.Д.Мансветова. – М., 1879. – С. 2.

⁴⁸⁹ Забелин И.Е. Отзыв о рукописях Академика П.Г.Буткова №№ 6 и 32. Приложение к пятому протоколу заседания Московского Подготовительного комитета от 28 ноября 1879 г. // Там же. – С. 96–97.

⁴⁹⁰ В тексте письма говорится об «печаемых» материалах Съезда и работа с корректурой предполагает завершающий этап, а соответствующий том вышел в 1887 г.; кроме того графиня упоминает о заседании «сегодня вечером», где надеется видеть И.Е.Забелина – в 1887 г. заседание Комиссии по сохранению древних памятников, весьма важное, на котором присутствовал и Забелин, приходилось, правда не на 15 марта, а на 16-е, но предположить с долей вероятности, что речь идет об этой дате все же можно.

⁴⁹¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 59.

обязанности были возложены на И.Е.Забелина (11 голосов из 15)⁴⁹². А 5 августа 1885 г. Прасковья Сергеевна, находясь в своем пензенском имении, написала Забелину письмо, очень интересное во многих отношениях. Она делилась с ним волнениями и опасениями по поводу будущего съезда, беспокоилась, что в газетах вдруг появились странные публикации о якобы неясности вопроса с избранием председателя предварительного комитета Съезда, где делались предположения о разных кандидатурах, в связи с чем графиня поручила Д.Н.Анучину дать в печати краткое извещение об уже состоявшемся в мае избрании И.Е.Забелина; высказывала сомнения по поводу места проведения съезда. Вообще, это подробное письмо написано в грустном и в общем задумчивом тоне, в каком можно обращаться не просто к авторитетному коллеге, но, скорее к единомышленнику, глубоко уважаемому другу, у которого просят совета в непростой ситуации. Прочитаем этот документ: «Более суток просидела в вагоне и, проезжая по необозримым степям, не могла еще более и чаще не думать о так недавно скончавшемся поборнике русской археологии, с которым так часто приходилось разъезжать по России (нрзб.), а мысль невольно переходит к дорогому его сердцу делу – к археологии, к Археологическим съездам. Думаю часто о будущем съезде: что выйдет из него в Харькове, и не постараются ли тамошние хохломаны наделать какую-нибудь каверзу, нежелательную в особенности теперь. Что бы, если вместо Харькова собраться в Ярославле. Там и премированный губернатор⁴⁹³, там и Демидовский лицей, который может заменить Университет; туда директором переведен теперь Шпилевский⁴⁹⁴, который поработал уже для Казанского съезда. Он, конечно, человек ядовитый, но можно будет его заманить, обласкать. В Харькове же только двое сочувствующих профессоров, и один из них юрист; граф же за несколько дней до кончины говорил, что юристов

⁴⁹² Протокол № 226 от 7 мая 1885 г. // Древности... – Т. 11. – Вып. 2. – М., 1886. – С. 35.

⁴⁹³ В.Д.Левшин (1837–1887), действительный член МАО, отмеченный по ходатайству МАО Всемилоштивейшим благоволением.

⁴⁹⁴ С.М.Шпилевский (1833–1907), профессор, юрист, археолог, директор Демидовского лицея, один из инициаторов создания Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

не следует допускать к съездам, ибо они своим социалистическим и либеральным погубят Съезды. Что-то Вы скажите на эти мои железнодорожные бредни!?... ...»⁴⁹⁵.

На первом же после лета заседании МАО 24 сентября Прасковья Сергеевна предложила переменить место проведения съезда с Харькова на Ярославль, аргументируя это более мягко, чем в письме: недостаточное число археологов в Харькове и, напротив, – их достаточное присутствие в Ярославле, близость Ростова, где МАО активно участвовало в восстановлении памятников, сочувствие губернатора В.Д.Левшина. Общество согласилось с доводами своего председателя⁴⁹⁶. Судя по документам, Иван Егорович в конце 1887 г. заболел, и замещать его на время болезни в качестве председателя Московского Предварительного комитета был избран товарищ председателя МАО В.Е.Румянцев (10 декабря 1885 г.)⁴⁹⁷. К этому времени были получены разрешения и на проведение Съезда в Ярославле, и на открытие Предварительного комитета в начале 1886 г. Прасковья Сергеевна, пишет по этому поводу в конце декабря письмо дочери Забелина Марии Ивановне, не желая лично беспокоить больного, и письмо это – еще одно свидетельство очень бережного, глубоко уважительного отношения графини к ученому: «Милостивая государыня Мария Ивановна, потрудитесь сказать Ивану Егоровичу, что разрешение на созыв Предварительного комитета для Ярославского Археологического съезда из Министерства получено. Теперь зависит от него, когда созывать этот Комитет. Угодно ли будет ему созвать Комитет в первых числах января, или оставить до Масляной или первой недели после. Приглашения и всю письменную часть по этому делу я с удовольствием принимаю на себя, так что ему об этом нечего беспокоиться, но пусть Иван Егорович взвесит свои силы и скажет решительное слово насчет времени созыва Комитета. Может

⁴⁹⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 19–20об.

⁴⁹⁶ Протокол № 227 от 24 сентября 1885 г. // Древности... – Т. 11. – Вып. 2. – М., 1886. – С. 45–46.

⁴⁹⁷ Протокол № 224 от 10 декабря 1885 г. // Там же. – Вып. 3. – М., 1887. – С. 83.

быть, Иван Егорович пожелает лично переговорить со мной или Сизовым по этому делу, тогда благоволиите назначить день и час для свидания. Шлю сердечный поклон выздоравливающему и желаю Вам всем поскорей оправиться от всяких беспокойств на его счет. Графиня Уварова»⁴⁹⁸.

Последние приготовления к съезду, который был назначен на 6–20 августа 1887 г., проходили в конце июля–начале августа. 31 июля на первом заседании Совета Съезда в Ярославле, где присутствовал и И.Е.Забелин, он большинством голосов был избран председателем Съезда, тогда же произошло и его избрание председателем IV отделения Съезда «Русский быт домашний и общественный», в связи с чем он также вошел в состав Ученого комитета Съезда⁴⁹⁹. В качестве делегата Иван Егорович представлял МАО, ОИДР и Исторический музей. На втором заседании Совета Съезда (1 августа) Забелин председательствовал.

Интересно, что в Ярославле Иван Егорович был одним из всего нескольких делегатов, кто в отличие от всех прочих, жил не в предоставленных участникам Съезда помещениях ярославской гимназии, Демидовского лицея и в гостиницах, а на частной квартире – у Е.И.Якушкина на ул. Дворянской в доме Высоцкого⁵⁰⁰. Е.И.Якушкин был сыном декабриста И.Д.Якушкина и почти ровесником И.Е.Забелина, он родился в 1826 г. (скончался в 1905 г.). С Забелиным они были знакомы по Константиновскому межевому училищу, где Евгений Иванович в 1850-е гг. преподавал законоведение. А в конце 1850-х гг. он по службе переехал в Ярославль, где занимался общественной, научно-литературной деятельностью. Трудно сказать, насколько близким было это знакомство, но в дневнике Ивана Егоровича среди записей за 1905 г., полностью посвященных осмыслению трагических событий революционной смуты, есть единственная запись частного порядка – это информация из газеты «Новое время» о кончине в

⁴⁹⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 21–22.

⁴⁹⁹ Протокол заседания Совета Съезда №1 от 31 июля 1887 г. // Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда в Ярославле. – Ярославль, 1887. – С. 4–5.

⁵⁰⁰ Там же. – С. 2 (Приложение к Известиям № 2; отдельная пагинация).

Ярославле 27 апреля Е.И.Якушкина, его погребении и панихиде на 9-й день⁵⁰¹. В 1892 г. сын Е.И.Якушкина В.Е.Якушкин написал небольшую интересную работу, посвященную юбилею научной деятельности Забелина (о ней скажем ниже). Интересно, что в списке членов Ярославского съезда значатся трое Якушкиных – Евгений Иванович (Ярославль) и два его сына: Евгений Евгеньевич (Москва) и Вячеслав Евгеньевич (Санкт-Петербург)⁵⁰².

Еще одна интересная деталь: накануне организационных заседаний Совета Съезда 29 июня 1887 г. Прасковья Сергеевна в письме обратилась к Ивану Егоровичу с просьбой – поскольку «...Время Съезда все ближе и ближе надвигается, и все чувствительнее делается необходимость думать о нем и соображать то, что может и должно быть ему потребным», и в первую очередь, это касается вопроса о вступительных речах в день открытия Съезда, то «...не угодно ли Вам будет и принять на себя труд этой вступительной речи или слова?». Решение графиня просила принять к 17 июля, когда перед последней поездкой в Ярославль она приедет в Москву, чтобы переговорить с Забелиным на этот счет⁵⁰³. Как состоялся этот разговор, мы не знаем, не знаем и ответа Ивана Егоровича. Но съезд речью открывал не он, лишь в конце первого торжественного заседания председатель Съезда И.Е.Забелин зачитал несколько телеграмм, поступивших в адрес Съезда.

Заседание отделения «Русский быт домашний и общественный» под председательством И.Е.Забелина происходило утром 12 августа 1887 г. По итогам одного из выступлений Забелин поднял вопрос о происхождении слова «писец» и сам предложил возможную его этимологию: «не объясняет ли самое слово писец, которое, может быть, существовало в глубокой древности, происхождение самого дела», поскольку, по его мнению, первым князьям «для записи доходов земли и т.д. нужны были люди пишущие; не

⁵⁰¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 214.

⁵⁰² Список членов VII Археологического съезда // Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда в Ярославле. – Ярославль, 1887. – С. 7.

⁵⁰³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 102. – Л.43–43об.

назывались ли поэтому эти пишущие люди в это время писцами, так как дело переписи явилось вместе с понятием о значении земли гораздо раньше, именно с тех пор, когда первые князья начали раздавать землю и требовать плату за это»⁵⁰⁴.

Председательствовал Иван Егорович и на заключительном заседании Съезда 20 августа. И по закрытии Съезда произнес речь, в которой охарактеризовал научные результаты форума, выделив особо ценные оригинальные материалы по персоналиям русского Средневековья, по русскому искусству, доказавшие самобытность и само существование «русского стиля» («Весной в Москве происходили прения между представителями зодчества, есть ли русский стиль. Мы можем, обозревая Ярославские памятники и при помощи блестящих результатов, быть в твердой уверенности, что существует этот стиль в каждой ярославской церкви, надо только иметь глаза»), и отметил, что участники Съезда «приподняли завесу» над многими областями еще неизвестного или малоизвестного археологического знания⁵⁰⁵. Обратим внимание, что акценты, сделанные Забелиным на наиболее интересных научных результатах Съезда, касаются тех предметов, которые и ему самому были наиболее интересны и близки как исследователю.

В архиве Забелина сохранились его материалы, связанные с Ярославским съездом. Это, например, его именной членский билет № 100⁵⁰⁶, «купон на получение разового билета для бесплатного проезда в вагоне II касса от Ярославля до Москвы»⁵⁰⁷, приглашения на заседания Предварительного комитета в Ярославле 31 июля и 1 августа и на заседание Распорядительного комитета Съезда 2 августа⁵⁰⁸, приглашение ярославского городского головы И.Соболева «на обед, даваемый Ярославским Городским

⁵⁰⁴ Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле № 9 // Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда в Ярославле. – Ярославль, 1887. – С. 3–4.

⁵⁰⁵ Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле № 15 // Там же. – С. 9–12.

⁵⁰⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 31.

⁵⁰⁷ Там же. – Л. 290.

⁵⁰⁸ Там же. – Л. 39, 40, 37.

обществом в честь VII-го Археологического съезда» 10 августа в зале Городской думы, и рукописное меню этого обеда⁵⁰⁹, записи о дарениях коллекций и предметов из местных раскопок, печатные материалы съезда, в том числе приглашение для обозрения памятников древности Ростова Великого от члена Ростовской Археологической комиссии (и действительного члена МАО и ОИДР) И.А.Шлякова⁵¹⁰, а также черновой карандашный текст заключительного слова И.Е.Забелина при закрытии Съезда⁵¹¹ и др.

Если в упомянутых выше трех съездах, в особенности в Киевском, И.Е.Забелин участвовал в большей степени как ученый-археолог, специалист по изучению памятников доисторического периода, древней топографии, народного быта, то Восьмой съезд – Московский, в полной мере способствовал реализации его научных изысканий уже москвоведческого характера.

И.Е.Забелиным для проведения этого Съезда было сделано немало. Подготовка к Съезду, назначенному в Москве в январе (9–24 января) 1890 г., началась практически сразу после окончания Съезда ярославского. Восьмой съезд имел особое звучание в связи с исполнявшимся 25-летием МАО. Потому, готовя его, Общество имело целью показать свои главные достижения. В числе прочего, было решено составить археологический путеводитель по Москве, и И.Е.Забелин изъявил желание предоставить к Съезду в качестве введения к такому путеводителю историческую записку о Москве, а также и сам путеводитель⁵¹². Напомним, что к этому времени уже вовсю шла работа по написанию истории Москвы, в 1884 г. увидела свет первая часть фундаментального труда «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина». Так что составление археологического путеводителя для

⁵⁰⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 42, 35.

⁵¹⁰ Там же. – Л. 287.

⁵¹¹ Там же. – Л. 46–53об.

⁵¹² Протокол №279 от 20 октября 1887 г. // Древности... – Т. 12. – М., 1888. – С 149.

Ивана Егоровича было задачей вполне органичной и согласной с его научными занятиями.

Кроме того, 22 декабря 1887 г. МАО образовало Комиссию для выработки правил юбилейной премии им. графа А.С.Уварова (специально к Восьмому съезду), в нее был избран и Забелин (вместе с П.С.Уваровой, Д.Н.Анучиным, В.Ф.Миллером, Н.В.Никитиным, А.В.Орешниковым, А.С.Павловым)⁵¹³.

И.Е.Забелин участвовал в работе Предварительного комитета, заседавшего дважды в январе 1890 г. (6 января в Доме МАО и на следующий день, 7 января, – в Историческом музее). Он представлял Российский Исторический музей и Петровское общество исследователей Астраханского края (и в Предварительном комитете, и как делегат Съезда). Был избран председателем III отделения Съезда «Памятники искусств и художеств». На заседании 7 января «согласно письменным заявлениям многих депутатов» в числе 11 человек Иван Егорович был избран Почетным членом Съезда⁵¹⁴. На Съезде на заседании Отделения VI «Памятники славяно-русского языка и письма» 21 января И.Е.Забелин выполнял роль Почетного председателя.

В первом же заседании 10 января в Отделении I «Древности историко-географические и этнографические» в присутствии Августейшего Почетного председателя Съезда великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елисаветы Феодоровны И.Е.Забелин выступил с докладом «О древнейшем поселении Москвы», где обозначил основные причины роста и возвышения Москвы, превращения ее в «центр могущественного государства», видя главную причину в «положении Москвы на пересечении древних торговых путей...». Забелин охарактеризовал эти пути, обозначил древнюю топографию Москвы и ее окрестностей, особо отметил территории между реками Москвой и Сходней, где встречаются многочисленные курганы, «свидетельствующие об особенной населенности этого

⁵¹³ Протокол № 286 от 22 декабря 1887 г. // Древности... – Т. 12. – М., 1888. – С. 177.

⁵¹⁴ Занятия Восьмого Археологического съезда. – М., 1890. – С. 18.

подмосковного угла», где, по его мнению, и возникло первоначальное поселение Москвы⁵¹⁵.

Выступление вызвало оживленную дискуссию, причем главными темами обсуждения стал вопрос о месте и причинах возникновения поселения и о топонимике, в частности этимологии названий Москва и Яуза. В дискуссии участвовали Д.И.Иловайский, Н.И.Веселовский, П.Н.Милюков, Д.Н.Анучин, С.Ф.Платонов и др. В пользу основания первого поселения на Боровицком холме высказывался аргумент о пороге или перекате на Москверек (между храмом Спасителя и Домом МАО), затруднявшем передвижение судов, вызывавшем их скопление и необходимость перегрузки в этом месте (Д.И.Иловайский, Д.Н.Анучин). Против мнения Забелина о родственности названия Яуза названиям Вазуза, Вязьма, в смысле «вязь», «связь» (одной местности или пути с другими), были выдвинуты версии о татарских, финских, не славянских корнях гидронима (Н.И.Веселовский, П.Н.Милюков, Р.Ф.Брандт). С.Ф.Платонов не согласился с употреблением Забелиным формы «Москова» со ссылкой на летописи, так как в таком виде название встречается только в Ипатьевской летописи, в прочих – «Москов».

Напомним, что Забелин взял на себя труд составления к Съезду археологического путеводителя и введения к нему. Путеводитель все же не появился, и трудно сказать, был ли сделанный доклад результатом работы над введением к путеводителю и послужил ли он впоследствии для написания текста «Истории Москвы», или это изначально был материал для будущей «Истории Москвы», озвученный в качестве доклада – так или иначе, но при сравнении текста статьи, опубликованной в «Трудах Восьмого Археологического съезда» в 1897 г. под названием «Изыскание о древнейшем, первоначальном поселении Москвы»⁵¹⁶, и текста первого раздела («Первобытное время») «Истории города Москвы», вышедшей в

⁵¹⁵ Подробнее см.: Занятия Восьмого Археологического съезда. – М., 1890. – С. 23–24.

⁵¹⁶ Забелин И.Е. Изыскание о древнейшем первоначальном поселении Москвы // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890 / Под ред. графини П.С.Уваровой. – Т. 3. – М., 1897. – С. 1–12.

1902 г.⁵¹⁷, можно убедиться в их полной идентичности (за исключением концовки: в «Истории Москвы» добавлена одна фраза о курганах «в местностях сел Царицына, Борисова, Братеева, Сабурова, Котлы и др.»).

Следует отметить и организационный вклад И.Е.Забелина в подготовку и проведение Съезда. Ну, во-первых, то, что Съезд проходил в залах Исторического музея, говорит само за себя, и роль Забелина как товарища председателя Музея и фактического его руководителя здесь понятна. Кроме того, Иван Егорович активно содействовал проведению Археологической выставки в Музее (1890 г.)⁵¹⁸. На одном из торжественных банкетов, организованных в дни Съезда, в числе прочих был произнесен тост за Исторический музей и его представителей И.Е.Забелина и кн. Н.С.Щербатова. Упомянем также, что на последнем заседании 24 января перед закрытием Восьмого съезда состоялся торжественный акт: И.Е.Забелин от имени делегации участников Съезда поднес П.С.Уваровой памятный подарок – «художественно исполненную серебряную, окруженную эмалированной рамкой, дощечку» с благодарственными словами за труды «на пользу отечественной археологии...» с подписью более чем 150 членов Съезда⁵¹⁹.

В последующих Археологических съездах И.Е.Забелин уже не принимал столь деятельного участия, конечно, здесь сказывался и возраст, и все большая занятость в Музее и работой над «Историей Москвы», однако связи с Археологическими съездами он не порывал до конца жизни. На Девятом Съезде в Вильно (1893 г.) был и депутатом Съезда от Исторического музея, и входил лично в число членов Съезда (трудно сказать, присутствовал ли Забелин на заседаниях, поскольку с докладами он не выступал, и протоколы не зафиксировали какого-либо его участия в дискуссиях). На прошедшем в 1896 г. Десятом Археологическом съезде в Риге И.Е.Забелин не

⁵¹⁷ Забелин И.Е. История города Москвы. – Ч. I. – М., 1902. – С. 1–22.

⁵¹⁸ Протокол № 358 от 14 апреля 1890 г. // Древности... – Т.15. – Вып.2. – М., 1894. – С.26.

⁵¹⁹ Занятия Восьмого Археологического съезда... – С. 199.

был – в списке членов Съезда его имя отсутствует, но он участвовал в работе Московского Предварительного комитета в 1894 г., был на всех трех заседаниях в Доме МАО (5, 6 и 7 января). В 1899 г. состоялся Одиннадцатый съезд, и снова в Киеве – Ивана Егоровича избрали в Московский предварительный комитет (но на заседаниях он не присутствовал), он был делегатом от Исторического музея и членом Съезда.

В 1902 г. местом проведения Двенадцатого Археологического съезда стал Харьков (отринутый по инициативе П.С.Уваровой в 1887 г.). Забелину было уже за 80, но он традиционно вошел в состав Московского предварительного комитета как представитель Исторического музея, но как депутат Музей на Съезде не представлял, а членом Съезда был. И хотя протоколы заседаний Московского Предварительного комитета не зафиксировали присутствия Забелина, но он все же был в числе тех, кто принял участие в подготовке Съезда. Об этом на открытии Съезда 15 августа 1902 г. сказала П.С.Уварова, отметив, что Московский Предварительный комитет для выполнения научной программы будущего Съезда еще в 1900 г. «обратился к русским профессорам и ученым, занимающимся историей России, прося их принять участие в разработке предложенных Съезду вопросов и помочь Комитету своими указаниями для более успешного расследования предложенного для изучения Половецкой степи. Ответов получилось не много», но несколько ученых очень помогли, в их числе графиня назвала и И.Е.Забелина⁵²⁰.

Еще укажем на одно интересное письмо из архива Ивана Егоровича – от П.С.Уваровой. Оно не датировано⁵²¹, но в нем речь идет о подготовке Харьковского Съезда, причем о самом начальном этапе и, что важно для нас, Прасковья Сергеевна обращается к Забелину как к едва ли не одному из основных распорядителей по этом вопросу. Она несколько беспокоится, что

⁵²⁰ Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове. 1902 / Под ред. графини П.С.Уваровой. – М., 1905. – С. 269.

⁵²¹ Судя по тексту письма, можно предположить, что оно написано весной-летом 1899 г.

по дошедшим до нее сведениям Иван Егорович собирается выезжать на дачу и спрашивает, что будет с «Приготовительным комитетом». Прочитируем фрагмент письма: «...Вторая просьба, не забывать Харьковского съезда, Вы, говорят, уезжаете уже на дачу; что же станет с Приготовительным комитетом? Угодно ли Вам, чтобы Археологическое общество 1) просило у Министра разрешение на Съезд, 2) обратилось бы к другим ученым обществам и университетам с просьбою о выборе делегатов в Предварительный комитет. Если это следует сделать, то потрудитесь назначить время, когда соберется Комитет – в августе или сентябре⁵²², в которые числа... Прилагаю Вам при сем Сборник дел по Съездам; если угодно, возьмите пока к себе»⁵²³. Мы не имеем на сегодняшний день возможности с помощью других источников прокомментировать это письмо, выяснить, какую же реальную организационную работу в этом случае проделал (или должен был проделать) Иван Егорович, и предлагались ли ему (или возлагались на него) подобные полномочия в связи с другими съездами, однако из письма явствует, что Прасковья Сергеевна обращалась к нему как к ближайшему сотруднику и, судя по всему, еще до каких-либо консультаций с другими членами МАО.

Тринадцатый Археологический съезд пришелся на год 85-летия И.Е.Забелина и проходил в трудные для России времена революционной смуты в одном из центров Новороссии – Екатеринославе (хорошо знакомом Забелину по его археологическим экспедициям как члена ИАК в 1860-е гг.). Как и в случае с Харьковским съездом Иван Егорович неизменно представлял Исторический музей в Московском Предварительном комитете, хотя на заседаниях не присутствовал, а на Съезде был депутатом Музея и входил в число членов Съезда. По всей видимости, Забелин послал Съезду приветствие, свидетельством чему сохранившееся в его архиве письмо от

⁵²² Обычно Предварительные комитеты собирались в самом начале календарного года, так было и в случае с Харьковским съездом – Московский Предварительный комитет заседал в первых числах января 1900 г. Если речь идет об августе–сентябре 1899 г., то здесь тоже есть некоторые вопросы: 20 августа только закончился Одиннадцатый Археологический съезд в Киеве.

⁵²³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 103. – Л.79–80.

П.С.Уваровой, посланное из Екатеринослава 16 августа 1905 г. (на следующий день после открытия Съезда): «Любезнейший Иван Егорович! Мы все, члены XIII Археологического Съезда, были до высшей степени обрадованы и тронуты Вашим приветом и Вашей памятью и шлем все выражение нашей глубокой благодарности. Дай Бог и Вам еще на многие лета здоровья и сил заниматься Вашей научною деятельностью. Съезд открылся 15-го, вероятно, закроется 22-го, так как собираются предпринять на несколько дней поездку на пороги. Съезд, благодаря той сумятице, которую переживаем, не так многолюден, как обыкновенно, но приехавшие работают дружно и усердно, и Съезд оставит по себе хорошую память. И так, да сохранит Вас Господь! Низко кланяюсь и жму руку. Преданная Вам Пр. Уварова»⁵²⁴.

Приветствовал И.Е.Забелин и Четырнадцатый Археологический съезд в Чернигове в 1908 г. – в последний год (а, точнее, в последние месяцы) своей жизни. И на этом Съезде он традиционно был в списках депутатов как представитель Исторического музея. А его официальное приветствие, как товарища председателя Императорского Российского Исторического музея, зачитанное на торжественном открытии Съезда 1 августа, опубликовано в материалах Съезда: «Спешу радостно приветствовать тысячелетний город Чернигов и XIV Археологический съезд с живейшими пожеланиями, как возможно глубже изучить эту древнюю знаменитую область и продолжать свою блестящую деятельность и еще многие годы на пользу науки и отечества»⁵²⁵. В ответ на это приветствие 2 августа в Царицыно, где на даче в это время жил Забелин, была отправлена от имени Съезда телеграмма: «Съезд тронут Вашим приветствием. Шлет лучшие пожелания Вам здоровья, благополучия на многие лета. Председатель Графиня Уварова»⁵²⁶.

⁵²⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 28.

⁵²⁵ Известия XIV Археологического съезда в г. Чернигове. 1–15 августа 1908 г. – Чернигов, 1908. – С 18.

⁵²⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 53.

Отметим, что помимо всероссийских съездов, и, собственно, благодаря им, в России стали проводиться областные археологические съезды. В год своего 85-летия (и в год XIII Археологического съезда в Екатеринославе) Забелин получил приглашение принять участие в Третьем областном историко-археологическом съезде во Владимире, назначенном на 20–30 июня 1905 г. – и приглашение, и программа съезда сохранились в его архиве⁵²⁷. Интересно, что к почтенному старцу была обращена «покорнейшая просьба» оргкомитета «...принять личное участие на съезде и сделать какое-либо сообщение по программе его..., а также, если возможно, оказать содействие в устройстве во время съезда археологической и этнографической выставки доставлением интересных предметов древности...»⁵²⁸. Приглашение подписано известным владимирским деятелем, которого знал и Забелин, А.В.Селивановым; а о том, что самого Ивана Егоровича хорошо знали во Владимире, мы расскажем чуть позже.

Итак, в течение без малого 40 лет Иван Егорович в той или иной степени был вовлечен в работу МАО по организации и проведению Археологических съездов в России. И за эти десятилетия первые критические и скептические впечатления Забелина в 1869 г. от нового начинания графа Уварова и руководимого им МАО, уступили место высокой оценке Археологических съездов, их «блестящей деятельности» «на пользу науки и отечества».

Если говорить о значении МАО в жизни И.Е.Забелина, то следует отметить, что целый ряд его работ был опубликован в изданиях Общества – «Древностях», «Археологических известиях и заметках», «Трудах Археологических съездов». И среди работ археологической тематики, помимо уже упомянутых, связанных с раскопками и открытиями, сделанными Забелиным, с осмыслением им самого понятия «археология», следует назвать еще несколько статей, как то: «Заметка о древности

⁵²⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 60–60об., 61.

⁵²⁸ Там же. – Л. 60.

Днепровского Олешья» (Таврическая губерния), «Построение первой на Руси церкви в честь Пречистой Богородицы Неопалимой Купины» и др.

В 1890-е гг. Забелин публикует работы чисто московедческого характера – помимо уже упомянутой «Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы», это «Опричный дворец царя Ивана Васильевича»⁵²⁹, «Подземные хранилища Московского Кремля» и др. Все эти исследования имели оригинальный характер.

В конце 1890-х – в 1900-е гг. Иван Егорович уже редко присутствует на заседаниях МАО. Но связь с обществом, непосредственно с П.С.Уваровой он поддерживал постоянно, так же как и продолжал принимать участие в работе Комиссии МАО по сохранению древних памятников, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Комиссии и документы архива, И.Е.Забелина.

Прежде, чем перейти к более подробному разбору работы Ивана Егоровича в Комиссии по сохранению древних памятников, кратко остановимся еще на нескольких сюжетах его деятельного членства в МАО. Среди документов И.Е.Забелина сохранилось свидетельство его участия в большой работе МАО, инициированной П.С.Уваровой в конце 1880-х гг. в связи с притязаниями ИАК на исключительное право руководить всеми археологическими исследованиями на территории Российской империи, что, по мнению МАО и других археологических обществ, не просто ущемляло их права и стесняло инициативу, но вообще вредило делу на местах. У Забелина сохранился объемный сброшюрованный печатный сборник документов по этому вопросу, куда включены циркуляры и прочие документы ИАК с обоснованием своих прав как центрального археологического учреждения и своей руководящей роли в области археологии, письма и обращения местных археологических обществ с изъяснением их позиции, в том числе обращения к МАО с просьбой отстоять их права, тексты с полемикой из газетных и

⁵²⁹ Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича // Археологические известия и заметки. – № 3–4. – М.1893. – С.399–416.

журнальных изданий и др.⁵³⁰ В том же архивном деле есть рукопись на 6 большеформатных листах с оборотами (т.е. 12 стр.) «Мнение И.Е.Забелина», датированная 24 февраля 1888 г.⁵³¹, в которой он последовательно излагает свои соображения относительно позиции ИАК, выраженной ею в «Отношении» от 27 ноября 1887 г. на имя Министра народного просвещения. Иван Егорович подробно анализирует это «Отношение», апеллирующее к Положение о Комиссии 1859 г.; разбирая текст Положения, параграф за параграфом, Забелин указывает, что в нем нигде не содержится никаких упоминаний о правах Комиссии разрешать или запрещать археологические раскопки и о ее функциях как главного учреждения, контролирующего все археологические работы и изучение древностей вообще в государстве. Тому же предмету посвящена еще одна рукопись Забелина на 7 тетрадных листах с оборотами – в ответ на Циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 27 ноября 1886 г.⁵³² Это тоже подробный разбор текста Положения об ИАК 1859 г. с соответствующими комментариями. Следовательно, в этом серьезном деле П.С.Уварова также прибегла к помощи И.Е.Забелина, и Иван Егорович подготовил подробный основательный материал.

Еще один сюжет связан с нереализованным начинанием МАО 1890-х гг. – проектом создания «Музейного и Съездного Фонда» при Обществе – большая записка на эту тему сохранилась в бумагах Забелина⁵³³. Она написана не забелинским почерком, но в нескольких местах сделаны пометы синим карандашом (который часто встречается в бумагах Забелина), По содержанию и стилю записки с большой долей вероятности можно предположить, что авторство принадлежит П.С.Уваровой. Документ не датирован, но по тексту можно установить, что он написан после 1893 г. и до 1895–1897 гг. О том, что в обсуждении этого проекта Иван Егорович принимал самое непосредственное участие, думается, по просьбе Прасковьи

⁵³⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 231–329об.

⁵³¹ Там же. – Л. 65–70об.

⁵³² Там же. – Л. 71–76об.

⁵³³ Там же. – Л. 94–101.

Сергеевны, свидетельствует написанные им замечания (черновая рукопись, также недатированная)⁵³⁴, в которых он достаточно подробно анализирует организационное устройство предполагаемого фонда, его задачи и реальные механизмы их выполнения, указывает на неизбежное «сильное противодействие со стороны археологических учреждений Спб. (Санкт-Петербурга – *авт.*) и, тем более, что Фонд должен устроиться именно в ведении Моск[овского] Арх[еологического] общ[ест]ва»⁵³⁵, и, наконец, на необходимость привлечения к деятельности фонда огромного, причем постоянно действующего капитала, что на деле вряд ли можно реализовать (в проекте предполагалось существование фонда только на проценты от капитала от государственных и частных пожертвований). Фонд создан не был, по каким причинам, мы пока не знаем. Может быть, среди прочего, свою роль сыграли и соображения, высказанные И.Е.Забелиным.

В связи с общими направлениями деятельности И.Е.Забелина как члена МАО расскажем о его участии в объединенном заседании двух обществ, о которых мы и рассказываем в этой главе – МАО и ОИДР. Речь идет о печальных днях МАО и о «соединенном заседании Ученых обществ 28 февраля 1885 г., назначенном Императорским Московским Археологическим обществом для чествования памяти своего покойного Председателя» – графа А.С.Уварова, скончавшегося 29 декабря 1884 г. В этом большом ученом собрании в стенах Политехнического музея И.Е.Забелин, один из старейших членов МАО, выступил от лица ОИДР, как его председатель, с «Речью об общественном значении ученых трудов графа Алексея Сергеевича Уварова»⁵³⁶. Содержание речи Забелина, проникнутое глубоким уважением и к самому председателю МАО «как передовому, руководящему, сильному деятелю на... поприще исследования и объяснения Рус[ских] Древностей и

⁵³⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 102–103.

⁵³⁵ Там же. – Л. 103.

⁵³⁶ «Речь» была опубликована и ОИДР, и МАО (См.: *Забелин И.Е.* Речь об общественном значении ученых трудов графа Алексея Сергеевича Уварова // ЧОИДР. – 1884. Кн. 4. – М., 1885. – С. 2–15 («Речь» также издана отдельным оттиском)); То же // Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова... / Изд. Императорского Моск. Археол. общества; под заведыванием В.Е.Румянцева. – М., 1885. – С. 5–21.

Истории, – как неутомимому ревнителю в распространении и утверждении этих знаний не в одной ученой, но в обширной общественной среде», и к его деятельности и заслугам, выходит далеко за рамки только посмертного слова, по существу – это взгляд ученого на русскую историю, на судьбы России, на русский народ и его самосознание, на «Русское бытие с его Историею и древностями»⁵³⁷, на основополагающую задачу «победить в обществе вековое его равнодушие к собственной древности», положенную А.С.Уваровым во главу угла при создании МАО и в развитии всей деятельности Общества⁵³⁸. В этом глубочайшем по содержанию тексте, занимающем всего 15 печатных страниц, Иван Егорович начертил исторический вектор развития русского народного самосознания, обозначил главные «кривые» нашего исторического пути, указал на великое значение наших национальной культуры и национальной Древности, которая «нисколько не была равнодушна ни к своей Истории, ни к памятникам своей старины», указал на то, что «достоинство народности», его самобытность «скрывается во всех памятниках этой Истории, во всех памятниках прожитой народной жизни, словесных, письменных, вещественных, даже в самых мелких и мелочных памятниках, которые в этом отношении становятся иногда очень крупными свидетельствами народного гения, народного творчества». И одновременно он дал всеобъемлющую оценку деятельности МАО, особо подчеркнув, значение Археологических съездов: «Трехгодичные Археологические Съезды в университетских городах, которые вслед затем осуществились все теми же руководящими заботами и горячими, неутомимыми стараниями графа, в действительности становятся основными и сильнейшими двигателями в распространении в обществе желанного внимания и сочувствия к родной старине, и не в одних ее средоточиях, в столицах, но по всей стране, в отдаленных краях и даже в глухих местах;

⁵³⁷ Забелин И.Е. Об общественном значении ученых трудов графа А.С.Уварова // Незабвенной памяти... – С.12.

⁵³⁸ Там же. – С.15.

становятся пробудителями общего сочувствия именно в местной, областной старине, что особенно важно и дорого, как залог будущего подробного и всестороннего развития археологических знаний». Но уже и ныне есть заметные результаты Съездов – И.Е.Забелин называет их: «...Археологические Съезды успели уже воспитать стольких любителей-археологов, до тех пор никогда и не помышлявших сделаться археологами, но теперь ставших добрыми деятелями в своих местностях, сильными или слабыми – это все равно, ибо цель Съездов в этом случае вполне достигнута. Нашего полку прибыло – могут сказать словами известной песни, и наука археологии, и образованность общества». Оценивая заслуги А.С.Уварова совокупно во всех проявлениях его научно-общественной, просветительной деятельности, соединяя воедино его деяния, связанные и с МАО, и с другим его детищем – Историческим музеем, Забелин заключает свою речь словами: «Русское самопознание и Русское самосознание, в дальнейшем ходе своего развития сделавшись двигателем умственной жизни общества, руководителем общественной мысли, и послужит тем нерукотворным памятником ученой деятельности графа Алексея Сергеевича, который сохранит его славное имя незабвенным навеки»⁵³⁹. Заметим, что в архиве Забелина есть черновые, сильно правленные варианты этого текста, есть более чистый и компактный черновик⁵⁴⁰ – эти рабочие материалы также представляют для исследователя интерес.

Деятельность И.Е.Забелина в Комиссии МАО по сохранению древних памятников

Наиболее полно московская тематика в работе И.Е.Забелина как члена МАО прослеживается в связи с его деятельностью по изучению и защите

⁵³⁹ Забелин И.Е. Об общественном значении ученых трудов графа А.С.Уварова // Незабвенной памяти... – С. 21.

⁵⁴⁰ См.: ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 129–151.

памятников Первопрестольной. Начало этой деятельности было положено в 1870-е гг. и именно в связи с членством в МАО, в структуре которого с этого времени начала действовать специальная комиссия (первая по времени возникновения). В этот период Комиссия по сохранению древних памятников (поначалу название Комиссии незначительно варьировалось) не имела какого-либо специального оформления внутри МАО, она сложилась как бы самостийно, по требованию момента и в еще большей степени – по воле председателя общества графа А.С.Уварова, который, собственно, в сохранении отечественных древностей и видел основную задачу созданного им Общества. Возглавлял Комиссию сам Алексей Сергеевич, состав ее членов (численно всего несколько человек) менялся, поскольку не был никак закреплён организационно, но Иван Егорович входил в этот состав неизменно с самого начала и до последних своих дней.

Мы уже писали, что изучение и сохранение древностей (памятников) было по существу главным содержанием жизни Забелина. При этом у нас пока мало свидетельств о каких-либо его персональных действиях по защите монументальных памятников. Во всяком случае, упоминаний об этом в его воспоминаниях и дневниках мы не найдем. Мы знаем, как важно и интересно в научном плане было для Ивана Егоровича, все, что было связано с отечественной историей, с реконструкцией ее отдельных событий, со старой бытовой жизнью, с отдельными движимыми памятниками. Но при этом в 1850–1870-х гг., когда в связи с ростом Москвы и новым строительством стали уничтожаться некоторые старинные архитектурные памятники, например, Большой Каменный мост (можно сказать, на глазах членов МАО и Забелина в том числе – Дом МАО, где они заседали, был прямо по соседству), здание Земского Приказа на Красной площади для освобождения места под строительство будущего Исторического музея (а в этот период Забелин уже принимал непосредственное участие в процессе создания Музея), части ансамблей московских монастырей и храмов, мы тоже не видим реакции Забелина.

Возможно, это связано с тем, что сам процесс борьбы за памятники как таковой – отстаивание их от грозящих искажением ремонтов, пристроек, перестроек, разборок обветшавших зданий, замены древних икон и иконостасов и прочего (преимущественно в отношении древностей церковных, хотя не только) не предполагал тогда каких-то публичных протестных форм. МАО и его Комиссия по сохранению древних памятников, исключительно много сделавшие на этом поприще, все же в подавляющем большинстве случаев добивались положительного результата путем письменных обращений, ходатайств, часто на Высочайшее имя; председатели общества и Комиссии – сначала Алексей Сергеевич, затем Прасковья Сергеевна, зачастую пользовались своими обширными связями на самом высшем уровне и Высочайшим покровительством МАО со стороны Императорской семьи. В частности, П.С.Уварова очень часто прибегала к помощи великого князя Сергея Александровича, почетного члена МАО, почетного председателя Съездов, непосредственного участника многих заседаний Общества. С великим князем хорошо был знаком и Забелин, являвшийся его заместителем по Историческому музею. Пожалуй, наиболее острой и именно протестной была борьба МАО и персонально его председателя графини Уваровой с московским городским управлением за недопущение трамвая на Красную площадь, но это уже было после Забелина – в 1909 г.

При всем том, постепенная утрата Москвой своих патриархальных черт, прежде всего, в архитектурно-градостроительном плане и в особенности в пореформенный период Забелина волновала. В подтверждение можно указать на запись в дневнике за 1893 г., где он передает текст заметки из суворинской газеты «Новое время» со словами французского врача-ученого Ж.М.Шарко о том, что Москва «подурнела»: «В первый мой приезд она (Москва – *авт.*) поразила меня своей оригинальной красотой. Когда приехал туда во второй раз (около 90-го года), спустя 10 лет, я увидел там пятиэтажные дома по европейскому образцу. Я называю это "degat" –

порчей! И уж это – конец, так пойдет и дальше, и Москва потеряет свою оригинальную красоту»⁵⁴¹. В связи с этой цитатой заметим, что для И.Е.Забелина-историка и москвича тема самобытности Москвы была не просто фразой, но предметом осмысления. Надо сказать, что вообще в середине – второй половине XIX в., в начале XX в. и в Европе, и в России активно развивались культурно-философские воззрения на город как на живой организм, со всеми присущими живому организму составляющими, включая и «душу города» и «образ города», его характер, на формирование которых влияют исторические условия, география, особенности планировки, застройки и т.д. – эти воззрения нашли отражение в литературных произведениях, в публицистике в научных подходах к изучению города, в исследованиях историко-краеведческого, городоведческого характера. В контексте этих подходов большой интерес вызывала тема противопоставления дух столиц: Москвы и Петербурга. И в ранних записных книжках И.Е.Забелина за 1856 г. мы можем найти его видение этого «противостояния»: «Из пребывания в Санкт-Петербурге с 16 января по 29. Нельзя не заметить, что на нрав, расположение человека, на образ мыслей и суждений имеют влияние даже внешние предметы, именно известное сочетание линий. Например, постройка домов и улиц в Санкт-Петербурге и в Москве. Там – прямые, давящие на вас линии, здесь – кривые, веселые, нетесные. Вы не чувствуете нравственного удушья (подчеркнуто Забелиным – *авт.*), вам легко. Там вы чувствуете, что вы точно в подземелье, в подземных галереях, душных, тесных и т.п.»⁵⁴².

Говоря об участии И.Е.Забелина в изучении и сохранении московских памятников, мы, конечно не сможем на страницах этой книги указать все работы по их реставрации, все осмотры памятников, в которых, так или иначе, участвовал Забелин – их было очень много на протяжении десятилетий. Но о некоторых поговорим особо.

⁵⁴¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 167.

⁵⁴² Там же. – С. 233–234.

В первую очередь, упомянем замечательное московское здание, где Иван Егорович бывал не единожды: с октября 1871 г. заседания МАО проходили в старинном доме, переданном Обществу в вечное пользование императором Александром II (в 1868 г.). Речь идет о памятнике столь любимого Забелиным XVII столетия – палатах думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневке (здание сохранилось – Берсеневская наб., д. 20; здесь располагаются подразделения Института Наследия). И именно Иван Егорович непосредственно участвовал в первых шагах МАО по изучению древнего памятника, напомним, что еще в феврале 1866 г. его избрали в комиссию, которая должна была осмотреть ветхую тогда постройку, и подготовить ее описание⁵⁴³.

С 1870-х гг. И.Е.Забелин все чаще принимает участие в осмотрах различных московских памятников, предназначенных к перестройкам, ремонтам или даже сносам. Перечислим хотя бы некоторые московские достопамятности, которые попали в круг деятельности Ивана Егоровича в составе комиссии МАО или в составе комиссий других научных обществ, где он представлял МАО: храмы Григория Богослова на Б.Дмитровке, Спаса в Тушине (1876 г.), Покровский собор на Рву (1877 г.), храмы Николы в Мясниках, св. Екатерины в Вознесенском монастыре в Кремле, Космы и Дамиана в Садовниках, Харитоньевский в Огородниках (1879 г.), Гребневской Божией Матери на Лубянке, Марии Египетской в Сретенском монастыре (1885–1886 гг.), Архангельский собор в Кремле, Богоявленский монастырь и надгробия князей Голицыных (1889–1890 гг.). В 1889 г. к Забелину обращались за историческими сведениями о церкви в кремлевском Потешном дворце, в 1891 г. от МАО он был направлен осмотреть и прочесть надписи на надгробных плитах, найденных в земле у здания Биржи в Китай-городе и т.д.

⁵⁴³ Протокол № 24 от 22 февраля 1866 г. /Древности... – Т.2. – Вып.2. – М., 1869. – С.176.

Отдельно скажем об участии И.Е.Забелина в наблюдениях за реставрацией Правильной и Книгохранительной палат Печатного двора на Никольской. Старейшее гражданское здание в Китай-городе начали реставрировать в 1871 г. Оно находилось в плохом состоянии и во многом благодаря инициативе секретаря МАО, инспектора Московской Синодальной Типографии В.Е.Румянцева (1822–1897), было принято решение о его реставрации. От МАО в эту Комиссию вошел И.Е.Забелин (Румянцев в Комиссии представлял Синодальную типографию). Благодаря «неутомимой деятельности» членов комиссии, в том числе И.Е.Забелина, памятник не только сохранился, но и во многом опыт его реставрации оказался полезным, в частности, при реставрации Дома МАО, происходившей почти параллельно.

Не менее важной была работа по наблюдению за реставрациями Успенского и Благовещенского соборов в Кремле. Забелин участвовал в научном консультировании этих реставраций. С 1881 г. шло масштабное поновление Большого Успенского собора. По распоряжению Александра III контроль над работами осуществляло МАО. И здесь Забелин как историк и знаток немало потрудился. Сохранились черновик и чистовик письма Ивана Егоровича к хорошо знакомому ему обер-прокурору Св. Синода К.П.Победоносцеву. Это, как раз, один из немногих примеров личного выступления ученого в защиту древностей. Письмо – весьма резкое, говорит о решительном характере Забелина, отстаивавшего сохранность церковной старины, главного собора Русской Церкви. Упоминая о своей деятельности, он пишет: «По совести скажу только, что работал усердно, советами, указаниями, толкованиями, насколько хватало опытности и познаний...»⁵⁴⁴.

Далее Забелин переходит к сути обращения к Победоносцеву и просит сохранить один из памятников церковной старины Большого Успенского собора. Он пишет: «Прошедшим летом дошло дело до киота Чуд[отворной]

⁵⁴⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 126. – Л. 23.

Владимирской иконы, сооруженного в 1514 г. и за очень немногими ветхостями существующего в целости и доселе. Я говорю про одно дерево, которому слишком 350 лет. Уже по древности, как редчайший деревянный памятник, киот представляет почтенную святыню. Но с непостижимой настойчивостию г. Прокурор конторы предрешил, что быть киоту новому, а старый поставить в Гостунском соборе и в него поместить копию с Чудотв[орной] иконы...»⁵⁴⁵. Далее узнаем, что 2 июня Иван Егорович подал особое мнение, но 5 октября 1882 г. Св. Синод утвердил представление Конторы, и новый киот был сделан и поставлен. МАО не предлагали даже посмотреть, верно ли он сделан сравнительно со старым образцом – киот был новый. В 1883 г. Св. Синод разрешил киот местной иконы, «великую историческую святыню собора», переделать в двери, сделать их на вертлюгах (чтобы показывать древние фрески). При этом было разрешено неподходящие по размеру дверей углы и кромки святых икон обтесать и выровнять. Забелин указывал, что в этом нет ни малейшей надобности, так как иконы вынимаются из киотов, он добавляет: «Вопиющее варварство» и «Мнения от Археологии ставятся ни во что!...». Письмо Победоносцеву заканчивается словами: «Для археологического сердца и для кровного убеждения, что всякая святыня (уже не одна древность) должна быть неприкосновенна, все эти обстоятельства – истинная пытка, о чем откровенно вам изъясняю»⁵⁴⁶. Это письмо за подписью Забелина было составлено 19 февр. 1883 г.

В 1882 г. в преддверии коронавания императора Александра III решено было обновить, промыть и очистить от пыли и копоти стенопись придворного Благовещенского собора, и во время этих работ художник Фартусов обнаружил в главном куполе под слоем поздней записи древнюю икону Спасителя, предположительно начала XVI в. Узнав об этом, контролировавший от Министерства Императорского Дворца реставрацию

⁵⁴⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 126. – Л. 26–27.

⁵⁴⁶ Там же. – Л. 24.

граф А.В.Орлов-Давыдов распорядился образовать особую временную комиссию по реставрации Благовещенского собора. В ее состав вошли: реставратор Академии Художества по архитектурной части А.И.Резанов, академик живописи М.П.Боткин, впоследствии – архитекторы К.М.Быковский, А.М.Павлинов (члены Комиссии МАО по сохранению древних памятников), художник Сорокин. В октябре 1882 г. в состав этой Комиссии предложено было войти и И.Забелину⁵⁴⁷, в то время – и члену Комиссии по сохранению древних памятников, и председателю ОИДР. В архиве Ивана Егоровича сохранилось объемное дело с разнообразными документами о деятельности этой Комиссии и его участия в ней: протоколы заседаний Комиссии, переписка Министерства Двора с Орловым-Давыдовым о типах краски, иконостасе, о стенописи, о проекте надписи о восстановлении древней иконописи и др.⁵⁴⁸

Реставрация Благовещенского собора была комплексной и растянулась до конца века. Среди документов архивного дела о реставрации Благовещенского собора выделяется оригинальная объемная рукопись Забелина «Историческая записка о придворном Благовещенском соборе по поводу окончания в нем работ по восстановлению древней стенописи и обновлению древних его частей»⁵⁴⁹ (1896 г.). Записка включает подробную историю возникновения деятельности Комиссии и перечисление реставрационных работ. Так, Забелин пишет о посещении собора и осмотре реставрации Императором и Императрицей 14 мая 1886 г. Указаны виды работ; технология реставрации: промывка водой и маслом, очистка и прорисовка изображений. При реставрации слой масляных красок подогревался восковыми свечами и снимался, а стенопись возобновлялась 5–6 раз. Из мастеров иконописцев И.Е. Забелин выделяет как самого «выдающегося» И.А.Дыдыкина. Забелин указывает, что на восстановление

⁵⁴⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 246. – Л. 316.

⁵⁴⁸ Там же. (Материалы по реставрации Благовещенского собора).

⁵⁴⁹ Там же. – Л. 36–53об.

другой стенописи в течение двенадцатилетних работ было израсходовано около 166 тыс. руб.⁵⁵⁰

В 1887 г. Иван Егорович участвовал в обсуждении проекта постройки здания Городской думы, представленного архитекторами Д.Н.Чичаговым (член МАО), Карнеевым и Терским. Интересно, что на просьбу Чичагова пояснить ему требования МАО к проекту постройки в русском стиле Забелин ответил, что расхожие понятия о русском стиле очень неопределенны, «и потому строители поступают с великим своеобразием и произволом, выдавая за русский стиль все, что изобретает фантазия, лишь бы были собраны и связаны в одно проектируемое целое разнообразные формы, встречающиеся на древнерусских зданиях», а на возражение Чичагова, что «у каждого существует свой русский стиль», ответил, что следует избирать в качестве прототипа один или несколько древних памятников, «но вполне однородных, однохарактерных, одновременных», в качестве примера предложил собор Василия Блаженного, «кремлевский терем», церковь Рождества в Путинках, наиболее предпочтительным он считал XVI и XVII вв.⁵⁵¹ Напомним, что в этот же год (1887 г.) о проблеме русского стиля Иван Егорович говорил и на Седьмом Археологическом съезде в Ярославле.

Еще ранее, в мае 1886 г. Забелин высказывал мысль о необходимости научного подхода к реставрации и ремонтам иконостасов в древних храмах, он предлагал издать от имени МАО специальный сборник с таблицами и снимками образцов древнерусских иконостасов специально для архитекторов⁵⁵².

Нельзя не сказать и еще об одной реставрации, хотя предмет ее и не относится к кругу московских памятников – речь идет об Успенском соборе во Владимире. Эти работы составили особую страницу в деятельности Забелина в составе Комиссии по сохранению древних памятников, и роль

⁵⁵⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 246. – Л. 53.

⁵⁵¹ Протокол № 268 от 16 марта 1887 г. // Древности... – Т.12. – Вып.1. – М., 1888. – С.90–91.

⁵⁵² Протокол № 247 от 11 мая 1886 г. // Там же. – С.37.

его в ремонтных и реставрационных работах в этой древнерусской святыне весьма значительна. Членом-наблюдателем от МАО он был избран в апреле 1887 г.⁵⁵³, сохранились материалы, свидетельствующие о работе Забелина в этом направлении как «маститого знатока древнерусской жизни» вплоть до начала 1890-х гг.⁵⁵⁴ Отчеты о поездках во Владимир и наблюдениях за реставрацией опубликованы в «Древностях» в протоколах заседаний. А в ежегодном отчете за 1891–1892 гг., сделанном секретарем МАО В.К.Трутовским, было отмечено, что Общество поручило двум своим членам (оба состояли в Комиссии по сохранению древних памятников) И.Е.Забелину и архитектору Н.В.Никитину⁵⁵⁵ (председателю Московского архитектурного общества) «принять на себя специальное наблюдение над работами во всем, что касалось научной стороны дела» в отношении владимирского Успенского собора. Но, поскольку, Н.В.Никитин вскоре отошел от работы, то вся ее тяжесть полностью легла на И.Е.Забелина, и именно благодаря ему в течение пятилетия, пока продолжались работы, МАО имело возможность «непрестанно, внимательнейшим образом следить за ходом дела»⁵⁵⁶.

На протяжении всех этих лет И.Е.Забелин, несмотря на то, что с середины 1880-х гг. был предельно занят в Историческом музее, много времени тратил на работу в Комиссии, участвовал в ее заседаниях, консультировал иконописцев-реставраторов⁵⁵⁷. В его архиве сохранились письма-приглашения от имени А.С.Уварова, затем П.С.Уваровой на осмотры московских памятников, которые МАО включало в орбиту своего внимания. Выше мы уже говорили о том, сколь полезны для работы Комиссии были познания И.Е.Забелина в области истории Москвы, ее древнего быта, ее

⁵⁵³ Протокол №274 от 24 апреля 1887 г. // Древности... – Т.12. – Вып.2. – М., 1888. – С.133.

⁵⁵⁴ Трутовский В.К. Краткий отчет о реставрации Владимирского Успенского собора в 1891 г. // Там же. – Т.16. – М., 1900. – С.1–19; Протоколы осмотров // Там же. – С.20–33; Забелин И.Е. Отчет о возобновлении Владимирского Успенского собора // Там же. – С.33–40.

⁵⁵⁵ В качестве наблюдателей за реставрацией Успенского собора И.Е.Забелин и Н.В. Никитин были выбраны на заседании 24 апреля 1887 г. (См.: Краткий отчет о реставрации Владимирского Успенского собора в 1891 г. секретаря общества В.К.Трутовского // Там же. – С. 7.

⁵⁵⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского Археологического общества с 17 февраля 1891 г. по 17 февраля 1892 г.... // Там же. – С. 3.

⁵⁵⁷ Забелиным под инициалами «И.З.» в газете «Московские ведомости» (1884 г., 1 мая) была опубликована статья «Благовещенский собор и его древняя стенопись».

памятников. В начале XX в., когда Иван Егорович уже не принимал столь деятельного участия в практическом осмотре памятников, в их реставрациях, он много консультировал и продолжал быть деятельным членом Комиссии.

В связи с МАО кратко скажем об одном выдающемся событии в истории и культуре Москвы, участником которого И.Е.Забелин, увы, не стал, но к подготовке которого имел самое непосредственное отношение. 27 сентября 1909 г. в Москве прошли грандиозные торжества по случаю открытия у Китайгородской стены памятника Первопечатнику Ивану Федорову, который был создан благодаря МАО и подарен Обществом городу. И.Е.Забелина к этому времени уже не было в живых, но свою лепту, и немалую, в это общественное просветительное дело он внес. Мысль об этом памятнике принадлежала еще А.С.Уварову, при нем же были сделаны первые шаги по сбору средств на памятник, по организации конкурса проектов. На этой волне была отпразднована памятная дата 300-летия со дня кончины Ивана Федорова – 4 декабря 1883 г. прошло соединенное публичное заседание МАО и ОИДР, где действительный член МАО и председатель ОИДР И.Е.Забелин произнес заключительное слово «Первый русский книгопечатник Иван Федоров» (текст его опубликован)⁵⁵⁸. Со свойственной ему широтой исторического взора Иван Егорович сказал о «первом, самом начальном устройтеле великого и святого дела», о его труде и подвиге, об искаженном «иноземном взгляде на старую Русь», о печатном слове, как «святыне, святом, великом средстве нашего просвещения». Однако первые попытки создания памятника не увенчались успехом, и уже в начале XX в. МАО объявило новый конкурс. В жюри, возглавляемое председателем МАО П.С.Уваровой, в числе других членов вошел и И.Е.Забелин, тогда уже товарищ председателя Исторического музея. Конкурс состоялся, жюри приняло решение, благодаря которому в Москве появился памятник Первопечатнику (правда, в советское время его подвинули с его места,

⁵⁵⁸ Забелин И.Е. Первый русский книгопечатник Иван Федоров (речь 4 декабря 1883 г.) // Древности... – Т.23. – Вып.2. – М., 1914. – С.93–98.

Китайгородской стены уже не существует, и сегодня этот один из лучших и наиболее значимых в культурно-историческом плане московских памятников зрительно не так ярко доминирует в чуждом окружении торговых зданий).

День установки памятника Первопечатнику – 27 сентября 1909 г., стал общемосковским и общероссийским праздником русской культуры и просвещения, пропагандировавшим те самые национальные начала и черты, определявшие самобытность русского народа, изучению которых посвятил себя И.Е.Забелин. В ходе торжеств графиня П.С.Уварова от лица МАО передала памятник городу. Происходило это торжество спустя 9 месяцев после кончины историка.

Но, вот что по-своему и знаменательно, и символично – в том же 1909 г. почти одновременно с подготовкой и проведением торжеств по установке памятника Первопечатнику Ивану Федорову МАО столкнулось с серьезной угрозой нарушения исторического вида Красной площади, как памятника и как святыни, в связи с решением проложить по ней рельсы городского трамвая с разворотной «петлей» у собора Василия Блаженного и начало серьезную борьбу против этого проекта. В архиве И.Е.Забелина сохранился черновик письма составленного его дочерью Марией Ивановной, на имя московского градоначальника А.А.Адрианова, в котором она писала о категоричном мнении Ивана Егоровича по поводу прокладки трамвайной линии по Красной площади. Мы приведем полностью это, ярко характеризующее и самого историка, и его дочь, письмо: «Ваше Превосходительство Александр Александрович! Прочитав в газетах, что по Высочайшему повелению образовано под Вашим председательством особое совещание по поводу трамвайных путей на Красной площади, считаю своим первым долгом, раз поднят этот вопрос, сообщить Вашему Превосходительству как Председателю мнение по этому поводу моего покойного отца, Ивана Егоровича Забелина, историка Москвы. При его жизни эти сооружения были еще в намерениях, которые его глубоко возмущали (подчеркнуто в документе – *авт.*). Он говаривал, что Красная

площадь такой священный исторический памятник, как для Москвы, так и для всей Руси, что по ней должно ходить, сняв шапку, и доказывал, что нет никакой необходимости проводить через нее трамвай, так как все это можно сделать окружно по набережной. а по площади можно и пройтись, и всегда прибавлял, что, если приведут эти намерения в исполнение, то оскорбят национальное чувство и совершат великий грех перед историей. Примите уверения в совершенном моем почтении. Мария Забелина. 10 сентября 1909 г.»⁵⁵⁹. Так, даже после смерти И.Е.Забелина его имя помогало в деле сохранения памятников Москвы и ее исторического облика⁵⁶⁰.

В 1892 г. исполнилось 50 лет (после первой публикации о Троицких походах) учено-литературной деятельности И.Е.Забелина. Юбилей этот отмечался очень широко, и об этом мы еще подробнее скажем. Здесь же только отметим, что основные торжества по этому поводу были устроены МАО. И, хотя юбилей приходился непосредственно на 25 апреля 1892 г., отмечался он осенью, поскольку в день юбилея Забелин в Москве отсутствовал – он находился в Крыму, в Симеизе. Было принято решение торжества перенести. 2 мая МАО адресовало юбиляру письмо: «Милостивый государь Иван Егорович, Императорское Московское Археологическое общество поставляет себе крайне приятным долгом уведомить Ваше Превосходительство, что ко дню исполнившегося пятидесятилетия Вашей столь плодотворной и многоценной деятельности на поприще изучения нашей родной старины, оно получило для передачи Вам приветствия, адреса и дипломы от Императорской Публичной библиотеки, Археологического Института, Тверской, Калужской, Таврической и Костромской ученых архивных комиссий и Ростовского Музея церковных древностей. В виду отсутствия Вашего 25-го минувшего апреля из Москвы, Общество по соглашению с Императорским Московским университетом, Московской

⁵⁵⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1013. – Л. 133–133об.

⁵⁶⁰ В результате больших усилий П.С.Уваровой от имени МАО совместно с единомышленниками, несмотря на очень большое сопротивление и начатую в газетах «военную кампанию» против Общества и лично его председателя, удалось убрать «петлю» от собора Василия Блаженного и вообще поднять широко вопрос об отношении к отечественным древностям и святыням.

городской думой и всеми учеными обществами и учреждениями, желавшими приветствовать Вас со столь блестяще и плодотворно пройденным пятидесятилетием ученой деятельности, избрало день 26 сентября – днем принесения Вам приветствий и иных. Вследствие сего все полученные Обществом поздравления, адреса, дипломы, поднесения и др. будут храниться в его помещении до торжественного дня 26 сентября сего года. Уведомляя Вас о сем, Общество счастливо быть посредником между Вами и Учеными установлениями для выражения глубокого уважения последних к Вашим обширным ученым трудам и заслугам. Председатель графиня Уварова. Секретарь В.Трутовский»⁵⁶¹.

Чуть ранее, 23 марта 1892 г., на заседании МАО было принято решение об избрании И.Е.Забелина своим Почетным членом, как указано в Отчете МАО за 1892–1893 гг., основанием тому послужило желание Общества «посильным образом выказать все свое глубокое уважение к замечательным историческим трудам глубокопочитаемого юбиляра, в течение полувека неустанно работающего на пользу родной старины, пролившего такой яркий свет на тьму нашей русской народной жизни и так ясно показавшего величавую самобытность русского народа». Избрание было единогласным. Кроме того, в годовом отчете, как «выдающиеся факты истекшего периода» специально были выделены только два события – 50-летие научной деятельности Почетного члена общества, маститого историка жизни русской И.Е.Забелина», и второй «факт» – Международные конгрессы в Москве (!)⁵⁶².

Торжественное заседание в Историческом музее, устроенное МАО 1 ноября 1892 г. было триумфом ученого. В его адрес поступили поздравительные адреса, телеграммы, приветствия из многих городов России. Конечно, свой адрес поднесло И.Е.Забелину и МАО. В нем говорилось: «Ваша ученая деятельность особенно дорога Археологическому

⁵⁶¹ Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. – М., 1910. – С. 27–28.

⁵⁶² Отчет о состоянии и деятельности Императорского Московского археологического общества с 17 февраля 1892 г. по 17 февраля 1893 г. ...// Древности... – Т. 16. – М., 1900. – С. 157.

обществу: Вы начали ее в архиве и богатых собраниях знаменитого царского древлехранилища Москвы и продолжали в Новороссийских степях, раскапывая курганы и извлекая из них драгоценнейшие материалы для познания бытовой обстановки древнейших насельников нашего Юга. Таким образом, Ваша ученая деятельность была в значительной степени посвящена исследованию бытовой старины, то есть сосредоточивалась на той отрасли знаний, разработка которой и составляет главную задачу Археологического общества»⁵⁶³.

Более подробно об этом юбилее мы еще скажем, здесь же отметим, что столь широкое чествование И.Е.Забелина как ученого было, конечно, связано с его давно признанным авторитетом как исследователя и знатока древностей, в особенности московских, как автора замечательных исторических трудов. Но в немалой степени его имя стало широко известно за пределами столиц и благодаря его деятельности в МАО, его участию в реставрациях во Владимире, в Ростове, в создании местных музеев, его ученым занятиям на Археологических съездах, особенно Ярославском. Подтверждением тому служат многочисленные поздравления, поступившие в его адрес от ученого сообщества, от духовенства этих русских исторических городов.

Завершая эту главу, мы процитируем два фрагмента из юбилейных приветствий 1892 г., поскольку в них дается оценка именно общественно-научной деятельности И.Е.Забелина. В адресе Императорской Академии наук подчеркнуты заслуги юбиляра (помимо прочего) на общественном поприще: «...Не ограничиваясь личными исследованиями, Вы в течение многих лет были председателем Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете и среди многочисленных трудов своих находили время руководить его занятиями. Глубокие познания и постоянное стремление Ваше к отысканию материалов по истории русского

⁵⁶³ Два юбилея учено-литературной... – С. 46.

народа нашли в изданиях Общества обширное применение и, несомненно, принесли обильные плоды»⁵⁶⁴. А о деятельном участии И.Е.Забелина в работе сразу двух крупнейших обществ сказал председательствовавший на торжественном заседании МАО профессор Московского университета А.С.Попов, произносивший приветственное слово в начале торжества. Он отметил, что юбиляр является членом почти всех существующих при Московском университете ученых обществ, при этом, как выразился А.С.Попов, «...в одном из них старшем (ОИДР – *авт.*), предметы занятий которого всего ближе подходят к содержанию ученых трудов Ивана Егоровича, он несколько лет с честью нес звание и с пользой для дела исполнял обязанности председателя. А в качестве действительного члена как этого, только что упомянутого, так и Археологического общества, могу теперь торжественно свидетельствовать, что каждое сообщение, каждое, даже самое краткое заявление Ивана Егоровича по тому или другому вопросу, обсуждавшемуся в заседаниях этих обществ, непременно вносило в предмет рассуждений что-нибудь новое, светлое, оригинальное. Как в печатных трудах, всем нам ученым хорошо известных, так и в устных сообщениях и заявлениях Ивана Егоровича, которые мне приходилось слышать, слово его было всегда веско и метко»⁵⁶⁵.

Так оценила научная общественность труды 72-летнего ученого, уже достигшего многих выдающихся результатов в своем личном научном творчестве, соединенным и с научно-общественным служением.

⁵⁶⁴ Два юбилея учено-литературной... – С. 31.

⁵⁶⁵ Там же. – С. 29.

ГЛАВА 9.

ВО ГЛАВЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 1870-е гг. в жизни И.Е.Забелина начался новый период, коренным образом отразившийся на его занятиях, на научной деятельности. Речь идет об участии историка в многоплановой работе по созданию (1872–1885 гг.) Российского Исторического музея (РИМ) и особенно по руководству им (1885–1908 гг.).

Эта важнейшая часть жизни Забелина и его деятельность, имевшая всероссийское значение, наиболее хорошо изучены его биографами, историками Музея. Мы попытаемся в этой главе акцентировать внимание на некоторых сюжетах, непосредственно связанных именно с Москвой и ее памятниками.

В 1870-е гг., в ту пору, когда Забелин служил в ИАК и был занят раскопками в Южной России (правда, не такими успешными, как в начале службы, в первой половине 1860-х гг.), в Москве зародилось большое научно-культурное дело по созданию национального музея. История его создания хорошо известна, и потому мы напомним лишь главные вехи на этом пути. Идеи организации общероссийского исторического музея выдвигались еще в 1810–1820-х гг. Но активно эта мысль овладела обществом после крупной московской Этнографической выставки (1867 г.) и особенно после состоявшейся в 1872 г. грандиозной Политехнической выставки, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I. Выставки проходили в обстановке повышенного внимания русской общественности к проблемам создания музеев и сохранения памятников старины. Экспонаты Политехнической выставки послужили основой для создания сразу двух музеев – Исторического и Политехнического.

Одними из инициаторов создания Исторического музея на первом этапе явились уполномоченный по Севастопольскому отделу Политехнической выставки полковник Н.И.Чепелевский и председатель Комиссии по устройству этого отдела генерал-адъютант А.А.Зеленый (Зеленой)⁵⁶⁶. Выдающаяся научно-организационная роль в основании Музея, как известно, принадлежала создателю и председателю возникшего восьмью годами ранее МАО графу А.С.Уварову. Идею создания Музея поддержали и Император, и Наследник Цесаревич великий князь Александр Александрович (будущий император Александр III). И уже в начале 1872 г. последовало соизволение на устройство в Москве Музея с присвоением ему имени Наследника.

В начале 1873 г. были одобрены «Общие основания Музея...». Были заложены и прочные организационные основы для музейного строительства – Комитет по устройству Музея был преобразован в Управление Музеем, председателем его стал А.А.Зеленой, а его товарищами (то есть заместителями) – А.С.Уваров и Н.И.Чепелевский.

Именно в этот период, в первые годы воплощения в жизнь идеи Национального музея, во многом благодаря графу Уварову, которого И.Е.Забелин хорошо знал, в том числе и по совместной деятельности в МАО, историк был вовлечен в эту судьбоносную для него работу.

Очень кратко представим научный портрет Ивана Егоровича к 1872 г., когда А.С.Уваров пригласил его к активному участию в создании Музея. 52-летний историк был уже известным ученым, овладевшим и мастерством архивариуса, знатоком-собирателем, прекрасно разбиравшемся в отечественных древностях – от предметов быта до произведений высокого декоративного искусства, опытным и удачливым археологом, открывшим уникальные памятники скифской и эллинской культур, организатором науки,

⁵⁶⁶ Об истории создания и развития Исторического музея, сооружения его здания на Красной площади подробнее см.: *Кириченко Е.И.* Исторический музей. – М., 1984. – 63 с. («Биография московского дома»); *Юхименко Е.М.* Первый Российский Исторический... К 125-летию открытия Государственного Исторического музея. – М., 2008. – 232 с.

деятельно работавшим на общественном поприще, в том числе в крупнейших московских научных обществах, пробовал себя и успешно в преподавательской деятельности; в ноябре 1871 г. Совет Императорского университета св. Владимира «во уважение к ученым трудам» присвоил Забелину степень доктора русской истории без защиты диссертации по совокупности опубликованных научных работ; ну, и, конечно же, И.Е.Забелин был уже широко признанным не только в Москве, но и в России историком, крупнейшим исследователем быта допетровской Руси. Всему научно-историческому и археологическому сообществу были знакомы его программные работы: упоминавшиеся капитальные труды о домашнем быте русских царей и цариц в XVI и XVII вв. (1862, 1872 гг.), а также «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» (1860 г.), «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» (1863 г.), «Современные взгляды и направления в русской истории» (1863 г.), «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век)» (1871 г.), «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время» (1872 г.), «Опыт изучения русских древностей и истории» (1872–1873 гг.).

Некоторые биографы И.Е.Забелина подметили, что он явно был готов приступить к написанию большого и, вероятно, многотомного труда по истории России – видимо, дело к тому шло как раз в 1870-е гг. Можно предположить, что к этому времени опыт и потенциал Забелина-историка уже требовали более масштабного выражения, и почва для включения в работу по созданию национального исторического музея была подготовлена.

В архиве Ивана Егоровича сохранилось достаточно много материала (записки, письма, дневники), чтобы мы могли восстановить начальный период приобщения его делу создания Музея. В 1872 г. граф А.С.Уваров при личной встрече предложил историку возглавить один из отделов будущего Музея, пообещав хорошее жалование⁵⁶⁷. Забелин, человек осторожный и

⁵⁶⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 102.

наученный жизнью, с недоверием отнесся к приглашению и в конечном итоге отказался от него. Однако граф не отступал и запиской попросил его срочно написать статью о Музее. Сохранилось несколько раздраженное письмо-ответ Забелина с отказом: «К великому моему сожалению в настоящее время я совсем не имею досуга для исполнения Вашего любезного предложения. И вообще, к настоящей зиме по обычаю я столько взял на себя работы, что все часы мои разочтены, и передвинуть их – значит, произвести замешательство во всех моих интересах. Увлеченный красотой идеи предполагаемого Музея, я изъявил было готовность сотрудничать при нем, но теперь прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою возвратить мое, не совсем обдуманное обещание, ибо, кроме неудобств для себя, а, следовательно, и для будущей службы я ничего не предвижу в этой перспективе. Вполне только чувствую, что исключительная сфера моей жизни – кабинет и архив, тишина науки, и потому всякая служба будет только мне помехой»⁵⁶⁸. Таким образом, в 1872 г. И.Е.Забелин видел себя как свободного (хотя не совсем свободного еще от службы в ИАК) историка-исследователя.

А.С.Уваров, получив явный и решительный отказ, тем не менее, продолжал мягко, но настойчиво убеждать И.Е.Забелина, и чтобы подтолкнуть его к положительному решению, подключил к уговорам многих, вовлеченных в дело устройства Музея. В конце концов, Забелин, изучая вопрос, наблюдая, как быстро разворачиваются события, понимая, конечно, какое великое дело в области отечественной истории и культуры начинает осуществляться, постепенно все же включается в эту работу.

В начале 1873 г. Иван Егорович был причислен к действительным членам Музея, стал членом Постоянной Ученой комиссии, созданной при Управлении Музея, которой поручалось составление подробного проекта Музея, распределение в нем помещений и разработка фасада музейного

⁵⁶⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 276. – Л. 6–7об.

здания. Председателем Ученой комиссии стал А.С.Уваров, членами, кроме И.Е.Забелина, числились еще три человека: Н.И.Чепелевский, Д.Н.Иловайский и В.Е.Румянцев⁵⁶⁹ (двое последних – коллеги Забелина и Уварова по МАО).

В бумагах Забелина сохранилось более десятка именных приглашений 1873–1874 гг. на заседания Ученой комиссии, совещания по обсуждению проектов Музея, его фасада и прочего, свидетельствующие о достаточно плотной работе Ивана Егоровича в период обсуждения проекта Музея. Судя по приглашениям, первые заседания Ученой Комиссии в ноябре 1873 – июле 1874 г. проходили в Доме МАО на Берсеневке⁵⁷⁰, и мы сегодня можем говорить, что многие важнейшие начальные вопросы проектирования здания Музея решались в древних палатах Аверкия Кириллова. Подтверждением тому и одно из писем-приглашений графа А.С.Уварова, посланное Ивану Егоровичу 3 февраля 1874 г.: «Милостивый государь, Иван Егорович. Позвольте Вас пригласить приехать завтра в понедельник 4 февраля в Археологич. дом для совещания по поводу программы Музея. Дело подвинулось так, что Зеленой мне прямо высказал необходимость приступить к составлению полной программы. Мы соберемся в 7 часов. Всегда Ваш Уваров»⁵⁷¹.

Помимо самих приглашений на совещания, весьма ценны пространные пометы И.Е.Забелина, сделанные на оборотной стороне – ценны не только для истории Музея, но и для понимания взглядов самого историка и его коллег по Комиссии на древнерусскую архитектуру. Так, на заседании Комиссии в Доме МАО 10 декабря 1873 г., где присутствовали Н.И.Чепелевский, Д.И.Иловайский, В.Е.Румянцев и В.О.Шервуд (архитектор), А.С.Уваров предложил в основу проекта музейного здания положить архитектурные элементы суздальских храмов и дворца князя

⁵⁶⁹ Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Александра Александровича [брошюра]. – СПб., 1873.

⁵⁷⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 276. – Л. 13–24.

⁵⁷¹ Там же. – Д. 99. – Л. 12.

Андрея Боголюбского в Боголюбове. На приглашении Забелин изложил свое мнение: «Надо отыскать такой стиль, где было бы больше оригинального русского... По моему убеждению, которое я готов всячески доказывать, надо взять за основание архитектуру Василия Блаженного и всех зданий, ему современных, все XVI столетия и указал образцы. Главные черты этого стиля – шатер, бочка, закомары, ширинка, клин. Уваров сказал "сдаюсь на Ваше мнение и отказываюсь от своего предложения"...»⁵⁷².

Забелин решительно выступал против попыток архитектора Шервуда навязать Комиссии проект в своем стиле, выдаваемом за «русский стиль». Комментируя итоги обсуждения этого проекта на заседании 26 августа 1874 г. в помещении Управления на Новой Басманной в доме Олениной, И.Е.Забелин записал на обороте приглашения: «Позорное заседание. Шервуд сам выразился, что он писал декорацию, хотя не в смысле сознания слабых сторон фасада. Семенов (инженер – *авт.*) говорил, что в его плане только идея»⁵⁷³. Еще более резко выразился Иван Егорович в записи по итогам встречи с Шервудом опять же по поводу проекта: «Ведь позор будет, если мы сделаем без идеи. Вообще чушь и дичь. Сидел до 10 часов вечера, и я точно дрова колот – устал и очумел»⁵⁷⁴.

К ноябрю 1874 г. была составлена и напечатана в типографии 6-страничная «Программа для составления проекта здания Исторического Музея в Москве», в четвертом пункте которой содержались требования к архитектуре и стилю музейного здания: «Фасады здания со всех четырех сторон должны быть в стиле памятников XVI века, образцами которых могут служить: Церковь Василия Блаженного, колокольня в Александровской слободе, внутренние палаты в г. Александрове, церковь Вознесения и Ивана Предтечи в селе Коломенском, церкви в Беседах и в Медведкове, Покровский собор в селе Покровском, церковь Рождества Паутинка (так в документе –

⁵⁷² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 276. – Л. 15–15об.

⁵⁷³ Там же. – Л. 33об.

⁵⁷⁴ Там же. – Л. 45об.

авт.), башня Беклемишевская, собор в г. Ростове, церкви г. Ярославля, церкви Грузинской Божией Матери, Николы на Столпах, в селе Останкине и другие»⁵⁷⁵. На экземпляре «Программы...» видна забелинская правка карандашом.

В архиве И.Е.Забелина сохранилось несколько писем к нему графа А.С.Уварова как раз по поводу разногласий внутри комиссии по вопросу о стиле фасадов музейного здания. На письмах проставлены только число и месяц, год не указан, но по содержанию нужно думать, что они относятся либо к 1873, либо к 1873–1874 гг. В одном из писем А.С.Уваров благодарит Забелина «за Ваше милое послание» и пишет, что мнения – его и Ивана Егоровича, по поводу проекта Шервуда совпадают, что оба одинаково понимают возникшую проблему: «Общий вид неудовлетворителен, как не производящий впечатление здания XVI века. Задача так трудна, что не умаливает достоинства Шервуда при неудаче его». Алексей Сергеевич просит Забелина во время праздников (письмо написано в конце декабря) «набросать» все замечания⁵⁷⁶. Вот еще одна его просьба: «Не откажите мне в помощи и напишите Ваши замечания на зловещие фасады. Вы мне этим окажите величайшую услугу, потому что я решительно не чувствую в состоянии со спокойным духом изложить им (членам Ученой комиссии – *авт.*) наше правдивое, но неприятное мнение»⁵⁷⁷.

Как известно, по «Условиям для составителей проекта здания Исторического музея в Москве», с 3 ноября 1874 г. по 3 апреля 1875 г. объявлялся соответствующий конкурс. Помимо В.О.Шервуда и инженера А.А.Семенова, в конкурсе приняли участие известные зодчие К.М.Быковский, О.А.Гедике, Л.В.Даль, А.С.Каминский, А.П.Попов, Н.А.Шохин. Но победу одержали-таки те же Шервуд и Семенов, существенно доработавшие проект⁵⁷⁸.

⁵⁷⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 276. – Л. 45об.

⁵⁷⁶ Там же. – Д. 99. – Л. 81–82.

⁵⁷⁷ Там же. – Л. 83.

⁵⁷⁸ Юхименко Е.М. Первый, Российский, Исторический... – С. 27.

В делах фонда И.Е.Забелина хранятся различные черновые недатированные заметки, относящиеся к критике проекта Шервуда (его обширный проект носил название «Отечество»), вообще к характеристике зодчества XVI–XVII вв. («русский стиль»). Вот, несколько заметок, видимо относящихся к середине 1875 г.: «У Шервуда идея двух башен над главным фасадом – готическая мусульманская... По моему мнению,... необходимо избрать какой-либо один памятник или несколько, но вполне однородных, однохарактерных и по такому образцу возвести новые здания... Можно взять за образец хотя бы храм Василия Блаженного или Кремлевский терем или церковь Рождества в Путинках и т.д. ... Почему заказали в стиле XVI в. Потому что в это время есть черты своеобразные, их-то и требовалось выделить как Русское и создать на их основании целое. Не могут освободиться от идей готики, Византии или немецкого дела. Шервуд Русские формы оготичил, даже Русские формы онемечил»⁵⁷⁹.

Как известно, первоначально предполагалось построить здание Музея прямо у кремлевской стены, между Спасской и Никольской башнями. Позже от этой идеи отказались и решили возводить музейное здание на месте большого трехэтажного здания с башней, сооруженного в самом конце XVII в. в стиле московского барокко. В разные годы в нем размещались Земский приказ, ратуша (орган городского самоуправления), Главная аптека, Московская австерия (ресторация), учрежденный в 1755 г. Московский университет. Здесь была устроена и первая книжная лавка гражданских книг, и первая гражданская типография, в которой с 1756 г. печатались «Московские ведомости», а с 1760 г. издавался и первый московский журнал – периодические листы «Полезное увеселение».

Главный фасад это московского памятника был богато украшен многоцветными изразцами, а высокая башня создавала живописный вид в

⁵⁷⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 13–17.

ансамбле с башней стоящего напротив рядом с Казанским собором здания Присутственных мест и с высокими шатрами Иверских ворот.

В апреле 1874 г. Московская городская дума принимает решение о бесплатном отводе земельного участка, где находилось старинное здание Земского приказа, под строительство Музея. Как отнеслись к выбору места Музея и предстоящему сносу удивительного московского исторического и архитектурного памятника устроители Музея, в первую очередь, ученые-археологи, архитекторы, призванные сохранять древности? По-видимому, никак, что, конечно же, очень прискорбно, во всяком случае, о каких-то публичных возражениях и протестах нам не известно. Молчал и Забелин, по крайней мере, ни в его дневнике, ни в бумагах записей об этом нам обнаружить не удалось. Через много лет, в 1909 г. в «Трудах Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества» член Общества и Комиссии архитектор И.П.Машков поместил небольшую статью «Древнее здание Китайской аптеки, Московского университета и старой Думы», где изложил историю и достоинства снесенного здания, упомянув о том, что в нем читал лекции И.Е.Забелин. Заканчивает свою статью И.П.Машков печальными словами – безответным вопросом: «Было ли описываемое нами здание настолько ветхо, что не могло быть сохранено как один из немногих памятников древнерусского гражданского зодчества? Мы думаем, судя по фотографиям, что нет, – оно не было ветхо и легко могло быть отремонтировано; остается пожалеть, что такой важный исторический и художественный памятник был уничтожен»⁵⁸⁰. Добавим, что по воспоминаниям реставратора В.С.Попова, известный москвовед, знаток церковных памятников, секретарь Комиссии «Старая Москва» М.И.Александровский упрекал в 1920-е гг. И.Е.Забелина за то, что тот не возвысил свой голос в защиту уникального памятника⁵⁸¹.

⁵⁸⁰ Машков И.П. Древне здание Китайской аптеки, Московского университета и старой Думы // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. – Т. 3. – М., 1909. – С. LV–LVIII.

⁵⁸¹ Попов В.С. «Нестыжательный москвовед» // Московский журнал. – 1993. – № 10.

7 июня 1874 г. состоялось совещание в помещении Управления Музея на Новой Басманной на котором члены Исполнительной комиссии докладывали «соображения» о хозяйственных аспектах «разломки здания б. Присутственных мест⁵⁸² и флигеля монахов Иверской часовни». Приглашение на это совещание сохранилось в бумагах И.Е.Забелина⁵⁸³, там же хранятся хозяйственные документы, содержащие сведения об объеме материалов от разборки здания и их оценке. В «Соображениях Исполнительной комиссии...», в частности, указывается: «При разломке... зданий весьма важно озаботиться сбережением возможно большого количества материала (кирпича, бутового камня, щебня и т.п.), годного для дела»⁵⁸⁴. Рекомендовалось употребить этот материал, по возможности, при строительстве Музея или продать с торгов кирпич, кафли (изразцы), железные связи и крепления, кровельное железо, рамы, двери, бревна, доски. Конечно, самое ценное из этого в художественном отношении представляли изразцы. Сохранились две «Ведомости строительным материалам, полученным от разломки здания б. Присутственных мест», в которых определено уже количество добытых в результате разборки материалов: 798 шт. крупного и мелкого кирпича, 3110 печных изразцов, «кафлей со стен и окон» – 850 шт. Указано, что снятые кафли находятся в распоряжении Московского архитектурного общества и сложены на Кремлевской стене⁵⁸⁵. Судьбу старинных изразцов изучала современный исследователь С.И.Баранова. Снос здания в 1875 г. происходил поспешно. Участвовавший в работах архитектор Н.В.Никитин писал: «...Собранная коллекция составляет малую часть того, что побито при разрушении здания, и едва ли будет возможно подобрать из них хотя бы одну полную коллекцию»⁵⁸⁶. Уцелевшие

⁵⁸² Отметим, что в документах, связанных со строительством Исторического музея старинное здание, на месте которого возвели Музей, называется, в том числе, и зданием Присутственных мест, хотя в источниках и современной историографии с размещением Присутственных мест связывают здание на противоположной стороне современного Исторического проезда (в комплексе бывш. Монетного двора).

⁵⁸³ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 276. – Л. 134.

⁵⁸⁴ Там же. – Л. 140.

⁵⁸⁵ Там же. – Л. 147–151.

⁵⁸⁶ Цит. по: Баранова С.И. Москва изразцовая. – М., 2006. – С. 199–200.

изразцы попали в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для всеобщего обозрения. Сегодня сохранившиеся единичные экземпляры изразцового декора снесенного здания на Красной площади находятся в собраниях Исторического музея, Музеев Московского Кремля, и Музея-заповедника «Коломенское»⁵⁸⁷.

Любопытно, что первоначальный проект архитектора Шервуда предполагал широкое использование изразцов на фасадной части музейного здания, но от этого позже в целях экономии отказались. Хочется верить, что к делу сохранения хотя бы части изразцов со снесенного здания приложил свою руку и И.Е.Забелин, но документальных свидетельств об этом пока не обнаружено.

Вернемся к теме строительства Исторического музея. Проект В.О.Шервуда и А.А.Семенова был утвержден 8 августа 1875 г., а через 12 дней состоялось торжество закладки, где сам император заложил кирпич в основание здания.

Интересно письмо А.С.Уварова к И.Е.Забелину от 19 января 1875 г., где он сообщает об открытии подземелья на месте будущего строительства и в связи с тем, что было бы «любопытно его осмотреть», предлагает Ивану Егоровичу сделать это 20 января⁵⁸⁸.

В 1875–1877 гг. масштабное строительство шло быстро, на стройке трудилось 264 опытных каменщика, не считая подсобных рабочих. Москвичи были свидетелями, как в самом центре Москвы постепенно вырастало огромное здание, в котором широко использовались новейшие строительные материалы – цемент, металлические балки и др. Как бывает, при реализации больших и сложных строительных проектов, в руководящих органах, имевших отношение к сооружению Музея, возникли разногласия и серьезные научно-организационные конфликты. Во второй половине 1870-х гг. подал в отставку А.С.Уваров, а потом и Н.И.Чепелевский, в 1879 г. отстранен от дел

⁵⁸⁷ Баранова С.И. Указ. соч. – С. 199–200.

⁵⁸⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 21.

В.О.Шервуд, тогда же закончились средства, стройка замерла, хотя здание было уже возведено до самой крыши⁵⁸⁹. Отголоски этих непростых событий и взаимоотношений можно найти в архиве И.Е.Забелина. Например, там сохранилась телеграмма А.С.Уварова, посланная 20 сентября (?) 1878 г. с приглашением к Забелину прийти к нему в этот день в 7 вечера, что очень необходимо, и на этой телеграмме Иван Егорович записал содержание встречи, которая длилась с 7 до 11 час. вечера. На это семейное чаепитие, кроме Забелина, был приглашен также В.Е.Румянцев. Забелин записал: «Граф говорит, принесу Вам свою исповедь, и рассказал, что... Чепелевский подал Министру внутренних дел проект выставки археологич. в 1880 г. в 25-летие царствования (Александра II – *авт.*), на которую дадут де моск. купцы 300000 р. Дошло до Наследника. Наследник вызвал Уварова, который уже несколько месяцев (?) подал в отставку из Музея. Просил его устроить. Он говорит, что или Чепелевский, или я. Ясно только, что Уварову поручили наполнить Музей хоть немного к его открытию в 1880 г. Шильдбах дает 12 тысяч. Уваров предложил только хоть 6 т. Вот он и позвал меня посоветоваться, как и что сделать. 6 т. на модель и на раскопки, а 6 т. Семирадскому, который напишет фрески. Историю мифа, начиная с самого начала, и до Ибн Фадлана о руссах. Я говорю, это дело мудреное, а лучше одного Ибн Фадлана до балтийских славян, одно другому соответствует. Шильдбах теперь главное лицо. Он строит в кредит под залог в кредит общ[ест]ва. Наследник просил действовать из тех же ресурсов. Против облицовки изразцами английскими Уваров говорил Наследнику, что англичанам теперь ничего давать не следует. А Румянцев мне сказал, что Шильдбах говорил Уварову, что археологи все требуют денег, это не хорошо. Сам богат, Уваровы богаты, а мы тоже, стало быть, богаты. Ясно, что эти

⁵⁸⁹ Юхименко Е.М. Первый, Российский, Исторический... – С. 31–33. Дела́м вокруг Музея и его устройства много строк посвятил И.Е.Забелин в своих дневниках (См.: *Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки...* – С. 114–119).

слова Чепелевского на мой счет. Сколько раз я доказывал, что бедных археологов эксплуатировать нельзя».⁵⁹⁰

В этот нелегкий период начальной истории Музея И.Е.Забелин стал принимать все большее участие в делах по его устройству.

В биографии ученого произошли большие изменения, записанные в его формулярном списке: «Высочайшим приказом по Министерству Императорского Двора, от 19 июня 1876 г. за № 14, произведен за отличие в Действительные Статские Советники, с увольнением, согласно прошению, по расстроенному здоровью, от службы с 3 июня 1876 г. и с назначением пенсии из Государственного Казначейства по 1200 рублей в год со дня увольнения от службы»⁵⁹¹.

Мы уже писали о возможных причинах, заставивших И.Е.Забелина покинуть службу в ИАК. Здесь еще раз укажем, что среди этих причин немаловажным было и приобщение Забелина с начала 1870-х гг. к делу основания и развития Исторического музея.

В 1870-х гг. в полемике Шервудом, другими активными участниками строительства Музея Забелин выковал и оформил основанное на источниках и наблюдениях представление о самобытности древнерусских архитектурных памятников. Для того времени это было совершенно оригинально и важно ввиду популярности так называемого «русского стиля». В 1878 г. он опубликовал большую статью об этом в двух номерах «Древней и Новой России»⁵⁹². Указывая на памятники зодчества Москвы и Подмосковья (храмы Василия Блаженного, Вознесения и Иоанна Предтечи в Коломенском), новгородские, владимирские, северные храмы, памятники гражданской архитектуры, Забелин утверждал, что в XVI в. на Руси сложился и стал развиваться самобытный стиль, со временем становившийся все более непохожим на стиль западноевропейской архитектуры.

⁵⁹⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 99. – Л.35–35об.

⁵⁹¹ Приложение 2. Формулярный список о службе действительного тайного советника Ивана Егоровича Забелина // И.Е.Забелин. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой... – С. 58.

⁵⁹² Забелин И.Е. Черты самобытности в русском зодчестве // Древняя и Новая Россия. – 1878. – № 3. – С. 185–203; № 4. – С. 281–303.

Конец 1870-х – начало 1880-х гг. – важный период в биографии И.Е.Забелина, принимавшего все большее участие в публичной общественно-научной жизни Москвы. Он уже на гораздо более высоком уровне, чем в 1840–1850-е гг., возвращается на ниву изучения истории Москвы. А в самом конце 1870-х гг. принимает предложение Московской городской думы взяться за написание фундаментального обобщающего труда по истории Москвы (официально это согласие было оформлено решением Думы в 1880 г.). Воплощением в жизнь этого плана Забелин занимался до конца своих дней, то есть более четверти века. Об этой важнейшей в жизни ученого деятельности мы расскажем в отдельной главе. Но эта громадная по объему работа шла параллельно с также очень большим его участием в делах по устройству Музея.

После серьезных сложностей, возникших в процессе возведения и оборудования музейного здания, произошел качественный перелом – в мае 1881 г. дело со строительством было передано в казну, председателем Управления Музея назначался брат императора, великий князь Сергей Александрович, а его товарищем стал граф А.С.Уваров.

Граф возглавил и образованную Строительную комиссию, в состав которой вошли известные деятели: Д.Н.Анучин, И.Е.Забелин, И.Д.Мансветов, В.Е.Румянцев, В.И.Сизов, Н.В.Султанов⁵⁹³. 13 июня 1881 г. живший в это время на даче в Покровском-Глебове Забелин получил написанное днем ранее на официальном бланке Управления Императорского Российского Исторического музея письмо за подписью графа А.С.Уварова. Этим письмом Иван Егорович извещался об образовании по Высочайшему повелению специальной Строительной комиссии «для окончания строительных по Музею работ, в составе нескольких чиновников и тех лиц, которых граф, как председатель, сочтет нужным пригласить к сотрудничеству. Далее Уваров писал: «На основании нашего давнишнего

⁵⁹³ Юхименко Е.М. Первый, Российский, Исторический... – С. 38–39.

знакомства я позволяю себе обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою не отказать принять участие в трудах Строительной комиссии. Ваши знания, опытность и добросовестность служат ручательством того, что Ваше участие в Комиссии принесет существенную пользу делу окончания постройки здания Музея, и я не сомневаюсь, что ввиду важности дела, Вы не откажитесь принять в нем участие»⁵⁹⁴

Открытие музея (он стал официально называться Императорским Российским Историческим музеем) в конечном итоге было приурочено к предстоящей коронации 1883 г., и в течение двух лет до этого шла интенсивная работа по окончанию строительных работ и оформлению первых музейных залов. Над последним активно работали под руководством А.С.Уварова инженер А.А.Семенов, архитектор А.П.Попов; залы расписывали знаменитые живописцы: И.К.Айвазовский, В.М.Васнецов, Г.И.Семирадский. Среди их живописных произведений на исторические темы, были и те, которые грели сердце Забелину воспоминаниями о его участии в археологических раскопках и реставрациях: композиция «Укрощение коня» с Чертомлыкской вазы, панорама Керченского пролива, «Тризна дружинников Святослава...» (сюжет этот ранее обсуждался А.С.Уваровым и И.Е.Забелиным). О том, насколько Забелин был вовлечен в работу по Музею, о том уважении и доверии, которые испытывал к нему граф А.С.Уваров, помимо прочих документов, свидетельствует и письмо из архива историка, написанное П.С.Уваровой и датированное 12 декабря 1884 г. (за 17 дней до кончины графа). Речь в нем идет о продолжающейся работе по оформлению залов уже открывшегося к тому времени музея. Процитируем письмо: «Милостивый государь, Иван Егорович. Граф поручил мне написать Вам, чтобы просить Вас собрать за него Ученую комиссию для осмотра и составления протокола по вопросу картин Семирадского, Васнецова и др., заказанных и написанных для Исторического музея. Граф

⁵⁹⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 66–67.

предлагает Вам собрать Комиссию на субботу в час дня и просит Вас принять в ней председательство, так как болезненное его состояние не позволяет ему еще заниматься делами и выезжать...». О том, что это заседание состоялось, свидетельствует приписка на оборотной стороне письма (синим забелинским карандашом): «В заседании были: Анучин Д.Н., Сизов, Попов и я»⁵⁹⁵.

Памятным для Забелина стало 27 мая 1883 г., когда прибывший в Москву на коронацию император Александр III с семьей посетил Исторический музей и по сути дела открыл его. Граф А.С.Уваров в числе устроителей Музея представил царю и И.Е.Забелина, сказав при этом, что «Он теперь занимается историей Москвы в обширнейшем размере». Произошедший затем диалог историк записал в своем дневнике: «Государь: "Вы московский?". "Московский, Ваше Величество". Государь: "Ваши описания будут с планами?". "Точно так, Ваше Величество, я буду описывать исторически по группам, по урочищам, каждое урочище будет изображено в планах. Я работаю от Думы, по поручению Думы, Ваше Величество". Государь: "Давно вы работаете над историей?". "Всю жизнь посвятил, Ваше Величество". "Когда думаете окончить историю Москвы?". "Я расположил на пять лет – материалов множество"»⁵⁹⁶.

Этот записанный в дневник диалог с царем в последние годы часто цитируют исследователи; действительно, это было важно и для самого Забелина, и для дела его жизни – Музея и историографии Москвы. Иван Егорович одинаково много и увлеченно занимался и тем, и другим. Историк-практик сразу же определил свою «нишу» в новом Музее. Граф Уваров, внесший громаднейший и решающий вклад в основание Музея, составивший важнейшие нормативные документы по нему, разработавший структуру и определивший названия и назначение залов, понимал, что все же главное – не декорирование и не художественная роспись, а наполнение музейного

⁵⁹⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 13, 14об.

⁵⁹⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 128–129.

пространства вещами, предметами, в том числе и бытовыми, дающими полное представление о русской истории. Как раз для такой работы как нельзя лучше подходил знаток древностей И.Е.Забелин.

Историк архитектуры и Исторического музея Е.И.Кириченко верно заметила: «Разработанные Шервудом проекты, перенасыщенные произведениями современного искусства того времени, в которых тонул подлинный материал, не получили осуществления. Уваров и Забелин в данном случае были единомышленны. Они считали, что главным героем экспозиции должны стать вещественные памятники»⁵⁹⁷.

В январе 1884 г. Забелин «во внимание к долголетней учено-литературной деятельности и трудам по устройству Исторического музея был награжден орденом св. Станислава I степени. Однако судьбе было угодно разорвать сложившиеся тесные научные отношения и взаимопонимание двух ведущих сотрудников Музея. Имея слабое природное здоровье, болезнь сердца, взваливший на себя непомерные нагрузки в виде председательства в МАО, устройства Археологических съездов, фактического руководства Музеем и другие обязанности, 60-летний граф А.С.Уваров в 1884 г. совсем ослабел. Не помогло лечение за границей и отдых в Крыму, и, как вспоминала П.С.Уварова, вернувшись в Москву (после Шестого Археологического съезда в Одессе и поездки в Крым): «...Муж стал мало-помалу ослабевать, редко посещал Исторический музей, часто просиживал дни в моем маленьком кабинете, любил, чтобы его посещали, призывал детей, благодарил меня за прожитую жизнь... несколько раз исповедовался и приобщался и тихо скончался 29 декабря (1884 г. – авт.) в 6 утра»⁵⁹⁸.

В тех же воспоминаниях графиня писала: «Уже в январе 1885 года получено известие, что государю императору Александру III благоугодно по моей просьбе назначить директором Исторического музея на место мужа

⁵⁹⁷ Кириченко Е.И. Исторический музей... – С. 41.

⁵⁹⁸ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни: [Воспоминания]. – М., 2005. – С. 129.

Ивана Егоровича Забелина и его помощником брата моего Николая (Щербатова – *авт.*), которого облюбовал уже мой муж и предназначил ему это место»⁵⁹⁹. Н.С.Щербатов был у И.Е.Забелина, лично передавал ему просьбу занять место товарища председателя Музея, о чем Иван Егорович записал в дневнике. А 5 февраля 1885 г. прислал из Петербурга телеграмму: «Великий князь (Сергей Александрович – *авт.*) и министр очень рады вашему согласию. Назначение ваше состоится. Сердечно радуюсь за дело и за себя. Щербатов»⁶⁰⁰. 11 апреля того же года П.С.Уварова прислала Ивану Егоровичу телеграмму со словами: «Душевно поздравляю с утверждением», и с приглашением прийти к ней вечером. И на этой телеграмме Забелин кратко записал: «Вечером был. Взял переписку о Музее в 4-х тетрадях-конвертах. Говорила, что узнала в Музее случайно об утверждении. Я дал письмо Министра и ничего не сказал, что опоздал ее известить об утверждении. Вы меня определили, и потому буду почитать Вас председателем»⁶⁰¹.

Таким образом, еще раз изменилась жизнь 65-летнего Забелина, на долю которого теперь выпала честь руководить Национальным музеем Российской империи.

Что касается деятельности И.Е.Забелина на посту товарища председателя Музея, то сохранилось множество свидетельств о его усилиях по сохранению московской старины в процессе комплектования фондов Музея. Первый музейный библиотекарь А.В.Станкевич вспоминал об этой деятельности: «Подобно муравью, тащил Забелин в музей всякую крупную и мелкую старину и, благодаря ему, Музей обладает ценнейшими, громадными коллекциями старинных бытовых предметов – замков, ключей, чернильниц, указок, ножей, гребней, пуговиц, светцов, щипцов для снятия нагара с сальных свечей, стеклянных фляг и штофов, стаканов, кружек, чарок, ларцов,

⁵⁹⁹ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие... – С. 131.

⁶⁰⁰ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 131.

⁶⁰¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.100. – Л.15об.

укладок и т.д. Есть и крупные вещи, например, сани, паникадила, колокола, дуги, шкафы и т.п.»⁶⁰².

И действительно, именно благодаря Забелину Исторический музей не стал собранием только раритетов и редкостей, но стал и хранилищем обычных повседневных предметов разных эпох. В дневнике Иван Егорович особо отметил этот свой принцип: «Исторический музей не есть Музей рукописей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т.е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок миновавшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей. Не подобает Историческому музею платить громадные суммы за редкость только»⁶⁰³.

Скажем еще и об одной стороне деятельности И.Е.Забелина как товарища председателя РИМ в отношении изучения и сохранения древностей. Являясь заместителем великого князя Сергея Александровича, бывшего с 1891 г. генерал-губернатором Москвы, Забелин был главным советником и в определенной степени учителем Августейшего начальника в области древностей. Великий князь, сам неплохо разбиравшийся в старине, внимательно относился к рекомендациям ученого, уважал его за знания, преданность делу, высокие человеческие качества. Забелин, пользуясь благорасположением великого князя, давал ему советы, нередко обращался с просьбами. Из дневниковых записей Ивана Егоровича видно, что часть разговоров его с Сергеем Александровичем касалась изучения или сохранения московских памятников старины. Так И.Е.Забелин записал, что 5 ноября 1891 г. великий князь в его дворце в Нескучном, когда зашла речь об изучении и сохранении кремлевских древностей, спрашивал у Ивана Егоровича о старинных надгробиях в Москве и выразил желание составить мартиролог лиц, погребенных в Кремле и во всей Москве. По итогам этой

⁶⁰² Цит. по: Катагощина М.В. Иван Егорович Забелин. – М., 2008. – С. 19.

⁶⁰³ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.130.

встречи Забелин записал: «...Интересуется древностями подземными Кремля, посему надо составить план, где можно что-либо подобное открыть. Сказал, что государь ему разрешил производить раскопки, где найдет надобным. Я рассказывал об открытиях во время строения дворца, о дубовых стенах Кремля от Ивана Калиты, найденных на месте Корпуса Их Высочеств. О грамотах Донского, о церкви Иоанна Предтечи... О дворцовых помещениях и теремах цариц... Разговаривали, как в Крутицких казармах митрополичьи гробницы военное ведомство уничтожает, устроивши подле них нужники. О провале перед Царь-пушкой. Об Архангельском соборе, что нужно его взять в Дворцовое ведомство. О портретах царских я доложил, как они тяготят причт, ибо ветшают, а возобновлять у самого собора нет средств. О приделах разваливающихся, что надобно их выстроить вновь на старых местах»⁶⁰⁴.

Последняя инициатива была связана с позицией председателя МАО графини П.С.Уваровой, которая пыталась добиться хранения церковных древностей (в частности, из кремлевских соборов) именно в специальных хранилищах: в церковных (синодальных), а лучше – в музейных собраниях, и в первую очередь, конечно, в Историческом музее. В связи с этим она прибегла и к помощи Ивана Егоровича. В архиве Забелина сохранилось письмо Прасковьи Сергеевны от 5 января 1893 г., где она даже просит его составить текст специальной записки с перечислением всех московских церковных древностей, которые следует передать для музейного хранения⁶⁰⁵.

В связи с этим заметим, что будучи фактическим руководителем Музея, Иван Егорович оставался и действующим членом МАО и, таким образом, был во многом связующим звеном в деятельности этих двух крупнейших научно-культурных организаций – государственной и общественной. К тому же теплые и уважительные отношения, существовали и лично между Забелиным и П.С.Уваровой. Историю Музея вообще очень

⁶⁰⁴ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.155.

⁶⁰⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 66.

трудно отделить от истории МАО. Еще при А.С.Уварове по его инициативе Общество приняло решение о передаче Музею наиболее ценных и важных предметов и археологических коллекций своего музейного собрания, и фонды Музея на протяжении многих лет активно комплектовались целыми комплексами древностей из собрания МАО (подаренных, переданных Обществу, найденных в результате раскопок, организованных МАО). В архиве Забелина хранятся письма А.С.Уварова и в гораздо большем объеме – П.С.Уваровой, из которых узнаем, что у МАО в Музее были свои собственные витрины, которыми мог пользоваться и Музей, что П.С.Уварова часто обращалась к Ивану Егоровичу с просьбами дать возможность в научных целях заниматься с теми или иными экспонатами, что она направляла к нему обращавшихся в МАО любителей старины, собирателей, желавших продать какие-либо древности или даже целые коллекции, что она неизменно справлялась у него, не нужно ли будет Музею приобрести ту или иную ценную находку, случайно оказавшуюся в руках Общества (как например, случайно обнаруженный иконостас петровского времени в домово́й церкви в Покровских казармах в Москве (1893 г.)⁶⁰⁶), что ревностно следила за тем, чтобы случайно Музей не обошли при находках каких-либо древностей. Так было, например, в июле 1898 г., когда Прасковья Сергеевна, находясь в своем муромском имении Карачарово, написала Забелину письмо, в котором тревожилась о находках, сделанных при возведении памятника императору Александру II в Кремле: «В виду того, что Султанов (архитектор – *авт.*) заканчивает свою деятельность по постройке памятника императору Александру II. позвольте мне навести у Вас справку: сдал ли он в Исторический музей те вещи, которые были найдены им при заложении фундамента. Будьте добры, прислать мне эту справку..., чтобы во время просить о вещах великого князя, а то потом будет еще труднее что-либо получить от этого господина»⁶⁰⁷.

⁶⁰⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 68–69.

⁶⁰⁷ Там же. – Д. 102. – Л. 57.

Из архивных писем и записок также явствует, что для проходивших иногда в Музее заседаний Общества И.Е.Забелин, видимо, предоставлял свой кабинет (за исключением, конечно, больших торжественных заседаний).

Приведем еще одно важнейшее свидетельство неразрывной связи Исторического музея и МАО и особой роли МАО в создании и становлении Музея – свидетельство из уст самого товарища председателя РИМ И.Е.Забелина. В архиве сохранился его недатированный текст поздравления МАО с 25-летием, которое отмечалось в январе 1890 г. (примерно к этой дате или в приближение к ней может быть отнесен и документ), где есть такие высокие слова: «Музей есть результат деятельности Общества и особенно его председателя. Истор[ическому] Музею выпало удовольствие, что Общ[ество] празднует свое 25-летие в его стенах. Это устроилось само собою и иначе не могло устроиться. Музей есть плод забот и трудов Общ[ест]ва о русской древности. Благодаря трудам Об[щества] на этом празднестве р[усская] арх[еологическая] наука празднует свой расцвет»⁶⁰⁸.

Поскольку с 1885 г., то есть с момента вступления в должность товарища председателя РИМ, Забелин с семьей жил в его здании, Прасковья Сергеевна иногда обращалась к нему с личными просьбами, позволить членам ее семьи, прислуге, а также близким знакомым воспользоваться окнами забелинской квартиры, выходящими на сторону Иверских ворот, чтобы видеть торжественные выходы представителей Императорской фамилии во время их пребывания в праздничные или траурные дни в Москве (подобные записки также сохранились в бумагах И.Е.Забелина).

Заканчивая эту главу, процитируем еще два послания П.С.Уваровой к И.Е.Забелину, как нам кажется, очень хорошо передающие глубокое уважение Прасковьи Сергеевны к его трудам на посту товарища председателя Музея и понимание ею той роли, какую сыграл он в становлении Музея, вообще значения личности И.Е.Забелина в судьбе РИМ.

⁶⁰⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 265. – Л. 14–14об.

Первое письмо было написано в канун нового, 1908 г. (31 декабря 1907 г.): «Любезнейший Иван Егорович, шлю Вам по случаю наступающего Нового года сердечнейший привет и пожелания сил, здоровья и бодрости. Да сохранит Вас Господь и да продолжит Ваши дни на пользу русской науки и дорогого нам всем Исторического музея...»⁶⁰⁹. А, вот строки из телеграммы, посланной в торжественный для Музея день 27 мая 1908 г. жившему на даче в Царицыно Забелину: «В день празднования двадцатипятилетия Музея шлю Вам искреннее пожелание сил, здоровья на процветание Музея, *за который очень боюсь после Вас* (выделено нами – авт.)»⁶¹⁰

До конца своей жизни И.Е.Забелин оставался на посту товарища председателя Исторического музея, и вклад его в развитие РИМ трудно переоценить, ведь историк был фактическим руководителем крупнейшего российского музея и почти четверть века в значительной степени определял направления научной работы и работы по его комплектованию, созданию экспозиции и организации выставок.

⁶⁰⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 46.

⁶¹⁰ Там же. – Л. 49.

ГЛАВА 10.

В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ. ПАТРИАРХ МОСКВОВЕДЕНИЯ

Итак, в последней четверти XIX в. И.Е.Забелин уже был признанным авторитетом в исторической и археологической науке, он состоял в целом ряде научных обществ, одним из них – ОИДР, руководил с 1879 г., в другом – МАО, занимал одно из ведущих мест, к его экспертному мнению, мнению специалиста и знатока московских средневековых архивов нередко прибегали, когда требовалось получить точную информацию о памятниках, о событиях и людях московского Средневековья, наконец, с 1770-х гг. Забелин включился в работу по созданию национального Исторического музея, а с середины 1880-х гг., войдя в число его руководителей, фактически и возглавлял Музей.

Парадоксально, но такую крупную фигуру в области истории, археологии, архивного и музейного дела, каким был И.Е.Забелин, очень долго «не замечали» в профессиональном сообществе столичных университетов. Сказывалось давнее весьма холодное отношение к не имевшему «правильного» образования русскому самородку со стороны именитой профессуры. Забелин был не похож на своих коллег и внешне. Археолог А.В.Арциховский, глядя на ранние фотографии Забелина, писал: «...на могучих плечах молодого русского богатыря сидит упрямая голова, прежде всего, заметны каменные очертания лба и подбородка под широким среднерусским носом и прищуренными глазами»⁶¹¹. В 1850–1860-х гг. И.Е.Забелин стал носить большую густую бороду, придававшую ему облик скорее не ученого середины XIX в., а простого русского мужика или купца. В 1877 г. художник В.Серов на портрете изобразил именно такого Забелина на

⁶¹¹ Цит. по: *Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин...* – С.116.

фоне книг. Хорошо знавший Ивана Егоровича секретарь ОИДР Е.В.Барсов вспоминал: «Самый внешний вид его отвечал богатырскому его духу. Это был настоящий великорусский тип, с крепкой грудью, широкими плечами и ясными очами..., и речь его была всегда спокойная и отчетливая; с первого же раза он производил впечатление человека чисто русского, положительного и практичного, талантливое и умное»⁶¹².

Промыслу было угодно, чтобы такой чисто русский и внешне, и по характеру, и по внутреннему содержанию человек стал главным историографом Москвы. С конца 1870-х гг. в научно-творческой биографии И.Е.Забелина наступает этап, с одной стороны, подготовленный всей его предшествующей работой, а с другой – совершенно новый, когда историк не просто возвращается к московским исследованиям, но и практически полностью на них сосредотачивается, имея целью впервые собрать материалы для создания фундаментальной истории города.

Последняя треть XIX в. была особым периодом в жизни Москвы: знаменитая Политехническая выставка 1872 г., открытие Исторического музея в 1883 г., передача городу художественного собрания П.М. и С.М.Третьяковых, создание частных публичных музеев, Восьмой (московский) Археологический съезд в 1890 г. и многое другое – это в области культуры; линии конно-железной городской дороги, затем трамвая, первое электрическое уличное освещение, реконструкция городской водопроводной системы – это в сфере благоустройства. Все эти важнейшие московские и общероссийские проекты были связаны с деятельностью московского городского самоуправления. Городскую думу составляли москвичи, любившие свой древний город и много сил и средств отдававшие на процветание Первопрестольной. И мысль написать первый обобщающий фундаментальный труд по истории Москвы тоже принадлежит городскому самоуправлению. Примечательно, что эта потребность создать первый

⁶¹² Цит. по: *Муравьев В.Б.* Указ. соч.– С.8.

обобщающий исторический труд о Москве явилась, вообще, одновременно и параллельно и с идеей создания первого национального Исторического музея. А москвич-историк И.Е.Забелин стал причастным к реализациям обоих этих грандиозных научных проектов.

К концу 1870-х гг. из-под пера И.Е.Забелина, уже снискавшего известность и авторитет историка Москвы, знатока московских древностей, вышло не менее 50 работ, прямо или косвенно касающихся различных сторон истории и быта Первопрестольной, преимущественно XVI–XVII вв. И с середины – конца 1870-х гг. Забелин возвращается к прерванной службой в ИАК работе над любимой московской темой, которую он уже не оставлял до конца своих дней.

В 1878 г. известный петербургский издатель и книготорговец М.О.Вольф предложил Ивану Егоровичу написать очерки по истории Москвы и ее окрестностей для специального тома о Москве в большом многотомном иллюстрированном издании «Живописная Россия» под редакцией П.П.Семенова. Забегая вперед, скажем, что работавший всегда неспешно и кропотливо ученый сдал работу в издательство через 5 лет, а напечатана она была в роскошно изданном большого формата томе только в 1898 г.⁶¹³ 9 очерков (из 12) в этой книге написаны И.Е.Забелиным. В числе их – очерки о первобытных обитателях Москвы и наиболее значимые разделы «Первенство Москвы», «Москва-государство»; «Москва-царство»; «Москва-город»; «Московский государь в своем быту общественном и домашнем»; «Москва во время преобразований»; «Окрестные святыни Москвы». Книга была издана большим тиражом и пользовалась популярностью в московском образованном обществе.

Идея создания систематизированной, в хронологическом изложении истории Москвы была высказана И.Е.Забелиным задолго до написания

⁶¹³ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: В 12 т. – Т.6. – Ч.1: Москва и промышленная область / Под ред. П.П.Семенова. – СПб.; М., 1898. – 301 с.

очерков в «Живописную Россию» и до того, как эта же идея была озвучена в Московской городской думе. Еще в 1866 г. ученый написал рецензию на книгу И.М.Снегирева о Москве⁶¹⁴ (эта рецензия вошла и в сборник «Опыты изучения русских древностей и истории...» (Ч. 2, 1873 г.), и о ней мы уже подробно говорили), в которой предложил свою концепцию обобщающего труда по истории города.

Вообще же к середине 1870-х гг. собралось уже достаточно много различных работ о Москве, ее урочищах, церквях и монастырях, знаменитых жителях. С конца XVIII в. развивался жанр справочной и путеводительной литературы. Все это ставило на повестку дня вопрос о разработке концепции комплексной научной истории Москвы, систематизации данных, трудов, различных изданий по единой, заранее разработанной программе. Это понимали и сами исследователи, и, главное, – общественные деятели, избранные в орган Московского городского самоуправления – Городскую думу. Таким образом, почва для реализации идеи обобщающего труда по истории Москвы была готова.

За систематическое и планомерное научное изучение своего города в 1870-е гг. ратовали городской голова С.М.Третьяков (коллекционер, брат основателя Третьяковской галереи), гласные Н.А.Найденов (известный предприниматель и благотворитель), М.П.Щепкин (проф. Петровской земледельческой академии) и др. Еще в 1877 г. Н.А.Найденов на заседании Думы обратил внимание своих коллег на то, что до сих пор отсутствует научное описание Москвы. В том же году была составлена комиссия для выработки предложений о подготовке фундаментальной истории Москвы⁶¹⁵. Как подчеркивал позднее И.Е.Забелин, характеризуя полемику, возникшую в Думе в связи с этим предложением (возражения против предложения Найденова прозвучали со стороны, как выразился Забелин, «почтенных лиц,

⁶¹⁴ [История и древности Москвы] // Известия Археологического общества. – 1866. – Т.6. – Вып.6. – Отд.1. – Стб.130–142. Рецензия на книгу: Москва. Подробное историческое и археологическое описание города / Сост. И.М.Снегирев. – М., 1865. – 208 с.

⁶¹⁵ *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.192.

взирающих на старину и древность более всего по ее материальному существу, как на ветхость»): «Сущность предложения Н.А.Найденова заключалась не в том, что жевательное подробное историческое описание Москвы полезно и необходимо, – в этом спору не было; сущность его предложения поставляла на вид важнейшее указание, что такое описание есть дело общественное, что частными силами и средствами его исполнить невозможно, что поэтому почин в этом деле должен принадлежать Городскому общественному управлению; что для Москвы этот вопрос заслуживает того, чтобы Городское управление им занялось...»⁶¹⁶.

5 ноября 1879 г. выборными членами думской Комиссии И.Е.Забелину было сделано предложение стать историографом Москвы. В своем дневнике в этот день Забелин записал: «Были у меня Митрофан Павлович Щепкин и Николай Александрович Найденов с предложением заняться историей Москвы. Давно они обещали быть. Еще 14 октября, на обеде Кетчеру голова Сергей Михайлович Третьяков просил меня о том же, его поощрил к тому Греков Н.П. Обещал я составить записку, как и что делать»⁶¹⁷.

После этого было еще несколько заседаний Думы, и, наконец, 17 декабря 1880 г. И.Е.Забелин был официально утвержден руководителем работ над большим трудом по истории Москвы⁶¹⁸. 2 января 1881 г. городской голова прислал И.Е.Забелину официальное предложение, а 3 января Иван Егорович на это предложение ответил своим согласием⁶¹⁹.

Обращение Московской думы именно к И.Е.Забелину свидетельствует о том, что не только в научной среде, но и в целом в общественном мнении он воспринимался как крупнейший специалист и знаток истории Москвы. В дневнике за 1881 г. И.Е.Забелин оставил много записей о начале работы над историей города, о различных совещаниях и обсуждениях по существу будущего труда, об организационных усилиях, в том числе в связи с

⁶¹⁶ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской думы собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 26.

⁶¹⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.120.

⁶¹⁸ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.193.

⁶¹⁹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 120.

необходимостью получить доступ в московские архивы и проч. Видно, что в эту работу он погрузился с головой, что она органично вошла в его жизнь и увлекла его. Хотя далеко не все складывалось гладко и с подбором сотрудников для первоначальных изысканий материалов, и с определением стоимости тех или иных работ, и с улаживанием вопросов с архивами.

В отношении архивов первоначально возникли интересные коллизии. В январе–марте Забелин пытался договориться с Московским архивом Министерства юстиции (ММЮ) о предоставлении от архива сведений, какие хранятся у них материалы, полезные для предпринимаемого труда. В дневнике он записал: «Того же 20 января отправился я в Архив юстиции и предложил работы начальству, Алексею Алексеевичу Орлову: обзор каждого архивного угла и куста, что там есть и чем можно воспользоваться. Предложил в общих словах условия работы и вознаграждения»⁶²⁰. Однако у Архива вдруг возникли опасения, что если составить такой обзор, то «он всем раскроет глаза, все воспользуются указаниями, и архив останется в убытке, ибо каждый придет и будет спрашивать уже указанное дело». Забелин пояснил, что ему такой обзор не нужен, пусть остается в архиве, но необходимо, чтобы архивисты добывали за деньги нужные дела. Тогда возникли сложности с расценками на работы по выявлению документов, составлению сводной информации, по переписке и сверке сведений, несмотря на согласие Забелина принять цену, назначенную самим Архивом. Все это Иван Егорович подробно передает в дневнике. В конце концов, состоялся разговор, в котором «много высказано было откровенностей», и в завершение которого Забелин, видимо, уже сильно раздраженный, сказал, что «...что хотел, чтобы хозяева сами работали, что если я приведу посторонних, то, конечно, вы всего мне не покажете, но все-таки, потребуется только время — достигну и я тайников». Описание этих перипетий Иван Егорович резюмирует словами: «О растворении дверей и о

⁶²⁰ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 121.

помощи со стороны архива, оказывается, нечего помышлять. Все хотят меня обобрать»⁶²¹. Надо сказать, что в результате доступ в архивы был получен и не только в государственные – при содействии обер-прокурора Св. Синода К.П.Победоносцева И.Е.Забелин получил доступ и в монастырские и церковные архивы.

В течение 1881 г. к историку поступали различные предложения участвовать в руководимой им работе разными способами и от частных лиц, и от официальных, в дневниках он упоминает детали разговоров на эту тему с учеными, архивистами, историками Москвы, гласными Московской городской думы: Ф.А.Бюлером, Н.А.Найденовым, И.Ф.Токмаковым, Н.И.Тихомировым, С.М.Третьяковым, Л.Н.Сумбулом, М.П.Щепкиным, В.И.Холмогоровым и др. В этом же году он составил и опубликовал грандиозный по полноте и охвату материала план намеченного описания Москвы – «Предполагаемые задачи историко-археологического и статистического описания Москвы», где подробнейшим образом были расписаны многие десятки тем-разделов, которые должны были составить собственно историю города (напечатан в «Известиях Московской городской думы» в 8-м выпуске и 2 июня в «Московских ведомостях»). Фрагменты этой программы обозначены и в дневниковых записях Ивана Егоровича за сентябрь месяц 1881 г.⁶²² Вот – выдержки из дневника: «К 1 тому. Землевод Москвы. Топография подробная. Первые планы. Вещи курганные. Монеты. Всякие древности первых времен. Венцы золотые Успенского собора. Икона Владимирская. Шапка Мономаха. Крест Петра митрополита. Древнейшие рисунки московских храмов и пр. по рукописям... "Московские губернские ведомости". 1881 г. О Рузе Палласа. Москва и др. Вообще, природа Москвы, т.е. ее окрестности по Палласу и прочим путешественникам, начиная с географии XVI–XVII столетий. Что говорили все о Москве»⁶²³.

⁶²¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 121–122.

⁶²² Там же. – С. 124.

⁶²³ Там же.

Отметим, что сами по себе «Предполагаемые задачи историко-археологического и статистического описания Москвы» есть пример одновременно и масштаба замысла комплексного изучения города, предположенного впервые, и масштаба самого И.Е.Забелина, не только как ученого-знатока Москвы, знатока ее архивов, но и как ученого-методиста и методолога. Программа изучения Москвы виделась Забелину в двух ипостасях: «Москва-город, прежде всего, есть место и жилище, стены и дома; поэтому первая из частных задач предположенного труда заключается в истории постепенного топографического распространения города, начиная с его первосельцев аборигенов этой местности. Сюда входят все дробные истории каждого городского места-урочища, каждого храма в смысле основы поселения, каждой площади, улицы, переулка, по возможности, каждого сколько-нибудь замечательного двора и дома, с показанием происходивших перемен в расположении и устройстве заселенного пространства. Сюда входят: история и способы постройки городских стен, ворот и башен; способы постройки домов, устройства дворов, садов, прудов, огородов; способы мощения улиц, способы их освещения в ночное время, способы уборки нечистот; способы предупреждения и тушения пожаров; способы водоснабжения и вообще история и статистика всех статей и порядков, служивших нынешнему строительному городскому благоустройству. С другой стороны, общая задача рассматривает Москву как совокупность людского общежития. Это город – люди с их занятиями, правами, обычаями, мыслями, чувствами, с устройством и уставом их городского быта и управления во всех его видах и потребностях»⁶²⁴. Мы не станем здесь подробно излагать эту грандиозную программу, но подчеркнем, что и сегодня она может служить добротным образцом любого фундаментального, комплексного городоведческого и, в первую очередь, москововедческого исследования.

⁶²⁴ Материалы для истории, археологии... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 31–32.

Даже на основании этих немногих приведенных нами примеров, вполне можно ощутить напряженный ритм новой масштабной работы, захватившей Забелина. А ведь на нем по-прежнему лежали обязанности, связанные с устройством Исторического музея, он активно работал в Комиссии МАО по сохранению древних памятников (и, как раз, в начале 1880-х гг. был вовлечен в работу по надзору за реставрацией в кремлевском Успенском соборе). Дневник свидетельствует о многих заседаниях, в которых Забелин принимал участие осенью 1881 г.: по Успенскому собору – 14, 15, 20, 24, 31 октября; по Историческому музею – 25, 27 октября («А, между тем, в воскресенье 25 заседание у графа Уварова по Историческому музею, неокончившееся и продолженное во вторник 27, где рассматривались рамы окон, прапоры и т.д.)»⁶²⁵.

Забелин организовал работу коллектива, занявшегося выявлением и обработкой источников. Среди исследователей были знатоки и бытописатели Москвы: братья В.И. и Г.И.Холмогоровы, И.Н.Николев, А.Н.Зерцалов, А.А.Орлов и др.

Гласные Думы, приняв решение о начале работы над фундаментальным трудом о Москве, о ее финансировании и утвердив программу исследования, вряд ли предполагали, что реализация этого проекта растянется на десятилетия. Сам И.Е.Забелин, через несколько лет фактически возглавивший огромный музей и вынужденный заниматься различными вопросами музейного строительства, публикацией своих материалов, не мог отдавать все свое время написанию главного труда о Москве. Как и ранее, ежегодно из-под пера теперь уже первого историографа Москвы выходили 1–2 работы москововедческого характера, укладывавшиеся в забелинскую концепцию истории Москвы.

В 1881 г. в одном из детских журналов появилась большая статья «Москва матушка – золотые маковки...», в которой Иван Егорович в

⁶²⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 124–125.

доступной для детей форме изложил, как жили царь и москвичи в допетровское время⁶²⁶. Видно, что в основу этого сочинения лег адаптированный текст из «Домашнего быта русского народа...». Жаль, что в дальнейшем Забелин не публиковал подобные тексты о Москве для детского чтения. В том же 1881 г. появилась большая статья «Взгляд на развитие московского единодержавия»⁶²⁷ о ранней истории Москвы, опровергающая мысль Н.М.Карамзина о том, что Москва своим развитием и величием обязана ханам. И.Е.Забелин доказал, что сила Москвы происходила не из хищничества, а из крепкой самозащиты, умения постоять за себя и нерушимого внутреннего народного единения. Именно Московские князья подняли политический и общественный дух Руси. Именно возвышение Москвы постепенно избавило Русь от междоусобиц.

Напомним еще о некоторых важных работах И.Е.Забелина, создававших прочную основу для разработки обобщающего труда о Москве. Московским патриотизмом пронизан изданный в 1883 г. большой новый труд ученого о Минине и Пожарском⁶²⁸. В эту книгу вошли напечатанные еще в начале 1870-х гг. статьи на темы Смутного времени. Тема эта и книга родились в полемике с известным современником Забелина историком и публицистом Н.М.Костомаровым, написавшим статью «Личности Смутного времени», и пытавшемся в ней в какой-то степени принизить роль русских героев князя Д.Пожарского, К.Минина, И.Сусанина, М.Скопина-Шуйского. И.Е.Забелин убедительно доказал исторические заслуги этих людей перед государством и народом. Такую оценку поддержали и историки, и общество, и официальные круги – книга Забелина переиздавалась трижды, она была рекомендована для чтения в народных училищах и гимназиях.

⁶²⁶ Забелин И.Е. Москва матушка – золотые маковки: Рассказы о древней Москве, о житье-бытье старинных москвичей, о царском дворе и как жили в древней Москве цари-государи // Детский отдых. – 1881. – Т.3. – Кн.10. – С.131–175.

⁶²⁷ Забелин И.Е. Взгляд на развитие московского единодержавия // Исторический вестник. – 1881. – Т. 4. – Кн. 2. – С.233–268; Кн. 3. – С. 489–523; Кн. 4. – С.735–782.

⁶²⁸ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М., 1883. – 325 с.

Локальной московской теме – Преображенскому времен детства и юности Петра I, была посвящена небольшая заказная книжечка, приуроченная к празднованию в мае 1883 г. 200-летия Преображенского и Семеновского полков, ставшему большим событием в жизни Москвы⁶²⁹. Почему И.Е.Забелин взялся за эту работу – думается, что в силу особого отношения и к Преображенскому (времен своего собственного детства), и к фигуре Петра. Книжечка раздавалась бесплатно войскам-участникам торжеств. Ее экземпляры есть в личном фонде И.Е.Забелина. Заметим, кстати, что отношение Забелина-историка, глубокого знатока допетровского быта к реформам Петра и к самому первому российскому императору представляет интерес в историографическом смысле. Не касаясь специально этой темы, приведем здесь цитату из предисловия вышедшего год спустя (1884 г.) фундаментального издания «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы...»: «Со славою начавши свое дело, Москва достоиславно и закончила свою историю, породивши Русскому народу и Государству нового руководителя, знаменитого, нигде неслыханного и нигде невиданного плотника Петра, вместившего в своем одном лице все лучшие прогрессивные мысли, идеалы и стремления прежних Московских государей и всех прежних Московских людей, тех передовых людей, которые существовали и в допетровской Руси и также горячо желали лучшего устройства и лучшего порядка для Русской жизни»⁶³⁰. И вместе с тем, не единожды в своих рассуждениях о допетровском периоде русской истории и отношении современников к отечественной древности Иван Егорович высказывал мысль о пагубном влиянии кардинальных перемен в русской жизни, начатых со времени Петра и продолжившихся в дальнейшем: «Быть может одна из причин нашего равнодушия к собственной истории заключается и в беспрестанных, почти ежедневных преобразованиях, или

⁶²⁹ Забелин И.Е. Преображенское или Преображенск, московская столица достоиславных преобразований первого императора Петра Великого. – М., 1883. – 54 с.

⁶³⁰ Материалы для истории, археологии.... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 1–2.

реформах нашего быта, так что мы не успеваем на чем-либо остановиться, за что-либо ухватиться и уносимся с быстротою со всякого сколько-нибудь насиженного места, а потому и своей древности совсем уже не можем припомнить»⁶³¹.

Уже к середине 1880-х гг. стали видны первые плоды работы по собиранию материалов о Москве, проделанной коллективом под руководством И.Е.Забелина. Знаменательным в биографии И.Е.Забелина и для историографии Москвы был год 1884-й. Именно в этом году 64-летнему ученому присвоили давно заслуженное им звание доктора истории Московского университета, и тогда же он стал членом-корреспондентом Академии Наук. И именно в этом году увидел свет огромный, более чем 700-страничный (1384 столбца), первый том «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы...». Это был реальный результат работы Забелина и его коллег по выполнению принятой Думой программы. В книгу вошли выявленные в архивах материалы, главным образом, касающиеся Москвы церковной. По выражению И.М.Тарабрина, «Материалы...» стали «...настойной книгой для всякого исследователя Москвы...»⁶³². Напомним также и оценку церковного историка протоиерея Н.А.Скворцова, считавшего, что без этого труда невозможно изучать «историю и археологию московских церквей» и вообще археологию Москвы⁶³³. Добавим, что и для сегодняшних исследователей-москвоведов этот том (как и вышедший позднее второй том) не утратил своего научного значения.

Первый том «Материалов» предваряет объемное предисловие И.Е.Забелина (44 страницы – 88 столбцов), которое очень интересно само по себе. Здесь Забелин излагает собственно историю создания этого труда, поясняет его цели и задачи, методику работы, состав и содержание

⁶³¹ Материалы для истории, археологии... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 3–4.

⁶³² Тарабрин И.М. Указ. соч. – С.23.

⁶³³ Скворцов Н.А., *прот.* Предисловие... – С. 27.

материала. Здесь же можно «услышать» суждения Ивана Егоровича о значении архивов, о специфике архивной работы исследователя, об истории самой Москвы, о том, что следует понимать под описанием города, а что – под собиранием материала о Москве. В предисловии дан подробный обзор существующей литературы о Москве, а также приведена уже упоминавшаяся нами, опубликованная еще в 1881 г. программа «Предполагаемые задачи предпринятого по решению Московской городской думы историко-археологического и статистического описания города Москвы», включающая 137 пунктов.

В «Предполагаемых задачах...» указывалось, что «Общая задача этого труда обнимает подробную историю и статистику города Москвы, то есть ход его исторического развития с первых времен и обзор его состояния в последовательные периоды его жизни во всем объеме его бытия и быта, политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промышленного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного». Выполнение такой всеобъемлющей комплексной задачи виделось Забелину в двух направлениях: «I. Под видом исторического повествования, в котором будут представлены полные и подробные, но общие обозрения истории города и его состояния в последовательные периоды этой истории, с присовокуплением историко-археологического описания существующих памятников и замечательных в историческом отношении местностей. II. Под видом собрания в одно целое разнородных материалов, касающихся истории, археологии, топографии и статистики города Москвы: а) не обработанных, в составе летописных и других сказаний, разного рода актов, документов, деловых записок и других бумаг, и б) обработанных, в составе особых исследований, извлечений, сокращений из деловых архивных бумаг по различным крупным и мелочным частным

вопросам и задачам истории, археологии, топографии и статистики города»⁶³⁴.

Фундаментальный труд, увидевший свет в 1880-е гг. (второй том «Материалов...» вышел в 1887 г.), являл собой второе направление комплексного изучения истории Москвы и главная его задача заключалась «в том, чтобы собрать и установить и, так сказать, утвердить на своих местах факты или всякие сведения и свидетельства по истории, археологии, статистике, топографии древней Москвы, то есть извлечь их из забвения и неизвестности или же из темноты ссылок и указаний на источники, какие делаются в исследованиях и описаниях не всегда верно и определенно»⁶³⁵. Работа не случайно была начата со второго направления – в «Предполагаемых задачах...» так и было указано: «Собрание рахивного материала и поставляется передовою, начальной задачей предпринимаемого труда»⁶³⁶. Для Забелина-исследователя, знатока московских архивов и в неменьшей степени знатока существовавшей к тому времени историографии Москвы было очевидно, что необходимо начать с собирания архивного материала, ибо печатные источники «...при своем множестве вообще крайне недостаточны и скудны» – для подробного описания Москвы необходимо было, по словам Забелина, изготовить «почву, своего рода твердь», «чтобы собранием архивного материала был открыт новый, прежде незнаемый источник для исследователей Московской истории во всех отношениях и подробностях»⁶³⁷.

Определив методически последовательность работ, указав на изначальную важность изучения архивов, И.Е.Забелин, четко определил и направление и границы этих архивных изысканий, ибо «...Историческое описание Москвы-города во всех своих подробностях все-таки должно иметь в виду самый город, как единый особый памятник, для изображения которого

⁶³⁴ Материалы для истории, археологии... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 30–31.

⁶³⁵ Там же. – Ст. 52–53.

⁶³⁶ Там же. – Ст. 38.

⁶³⁷ Там же. – Ст. 43.

надобны совсем иные сведения, чем для описания всех его частных. Эти сведения могут быть крупные, могут быть и очень мелкие, но должны быть всегда характерные для целого города, для общих очертаний его быта и бытия»⁶³⁸.

Здесь еще очень интересен взгляд Забелина-автора на стиль этого совершенно новаторского исторического труда о Москве и на подачу материала в нем. Он пишет: «От исторического повествования и от всякого исторического описания обыкновенно всегда требуют живых (разрядка И.Е.Забелина – *авт.*) красок, занимательности и, так сказать, любопытности в изложении и изображении всего исторического», при этом «историк-автор... не должен сочинять эти краски, как говорится, из своей головы...». Решить эту задачу, по словам Забелина, можно именно с помощью архивного материала, именно в архивных документах содержатся все свидетельства ушедшей жизни «и все краски для ее воссоздания и изображения, и с материальной, вещественной, и с духовной или нравственной и умственной стороны...» – «для таких изображений историк и собирает архивные краски, т.е. всякие мелкие, на вид ничтожные и как бы совсем излишние и ненужные свидетельства и сведения, которые, однако, собранные в достаточной полноте, в своей совокупности становятся всегда очень важными показаниями об устройстве и порядках старого быта, становятся фактами»⁶³⁹.

Упомянутый нами большой историографический обзор, данный в предисловии, оригинален своей новизной (подобный общий аналитический взгляд на сочинения о Москве явился в печатном виде впервые). Первые опыты описания московской истории И.Е.Забелин относит к Средневековью, к XVI–XVII вв., когда составились первые повести о начале Москвы, когда важнейшие исторические события заносились в летописи, но тогда история Москвы была неотделима от истории Руси и, по словам Забелина «поэтому

⁶³⁸ Материалы для истории, археологии... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 46.

⁶³⁹ Там же. – Ст. 47–48.

писать особую историю одной только Москвы никому и в мысль не могло придти. Тогда вся Русь была все та же одна Москва»; «тогда история еще происходила и совершалась..., и Москва-город еще делала свое дело у всех на глазах»⁶⁴⁰. Когда же наступила другая эпоха, связанная с петровскими преобразованиями, по-настоящему возникла потребность «скорее записывать и описывать историю Москвы и ее памятники. Но с этого времени Русское руководящее, властное, передовое общество стало смотреть на свою историю иными глазами, да и история потекла совсем другая, в виду которой Москва представилась уже городом, так сказать, изношенным, как старое платье, и ни к чему не пригодным. Это был ветхий дом, на новые глаза примечательный только крайним неудобством для жизни и даже опасностью, чтоб совсем не обрушился и не погубил бы насаждений нового и еще очень молодого русского бытия. Что можно было исторически описывать в здании, которое не казалось древностью, достойной памяти, а оказалось именно только ветхостью, недостойной и сохранения по случаю полнейшей невозможности привести ее в возобновленный порядок, особенно для потребностей нового быта?»⁶⁴¹. В этом и видит И.Е.Забелин причину позднего появления, лишь в последней четверти XVIII в., специальных сочинений о Москве – статей в географических словарях, наконец, первых описаний и путеводителей.

Структурно первый том «Материалов...» разделен на три раздела: «Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей» (самый объемный раздел), «Дом Святейшего Патриарха» и «Материалы для истории и археологии Государева дворца».

Второй том этого труда появился через семь лет после первого – еще больший по объему (1608 ст.), он был издан в 1891 г. История Москвы приросла новым фундаментальным сборником, в котором были опубликованы материалы первоисточников XVII–XVIII вв.: строильных,

⁶⁴⁰ Материалы для истории, археологии... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 5–6.

⁶⁴¹ Там же. – Ст. 6.

писцовых, ружных, пошлинных, доимочных, оброчных и других книг, отдельные акты. В предисловии И.Е.Забелин подробно охарактеризовал все эти документальные источники.

В предисловии также помещен один оригинальный сюжет из истории Москвы – Забелин достаточно подробно остановился на петровском времени и на тех узаконениях, которые в значительной степени меняли традиционный быт и уклад Москвы. Интересно, что эта тема получила продолжение в трудах москвоведов младшего поколения. Так на заседании комиссии «Старая Москва» 16 октября 1919 г. секретарь Комиссии М.И.Александровский выступил с докладом «О некоторых стеснениях церковного быта в Москве при Петре I», черновик его сохранился в архиве и был недавно опубликован⁶⁴². Безусловно, Александровский хорошо знал работы И.Е.Забелина, и его материал во многом перекликается с забелинским в отношении церковной жизни Москвы, ее некрополя. У Забелина в предисловии ко второму тому «Материалов...» тема раскрыта шире: он говорит не только о церковных древностях, не только о «надгробной летописи Москвы», но и о борьбе с традиционным московским нищенством, о мерах в отношении «засорных» (незаконнорожденных) младенцев и т.д.

Все приведенные в книге сведения систематизированы по двум разделам: «Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей» и «Материалы для истории и статистики Городских рядов и торговых и промысловых мест», в этот том включен также «Указатель церквей». Такой принцип систематизации И.Е.Забелин поясняет значение самих предметов описания для изучения истории города: «Сколь важны и значительны для истории города его церковные места, выясняющие вместе с тем по своим урочищам и его топографии, столько же значительны в его расположении и все местности торгового и всякого промысла, которые всегда

⁶⁴² См.: Старая Москва: доклады и сообщения членов Комиссии по изучению Старой Москвы Московского археологического общества. 1909–1923 гг.: Сб. документ. мат-лов / рук. проекта В.Ф.Козлов, науч. ред. А.Г.Смирнова. сост. К.А.Смирнова. – М., 2025. – С. 48–57.

служили и служат средоточием особой деятельности населения и раскрывают торговое и промышленное значение самого города»⁶⁴³.

Итак, первая часть запрограммированного труда по истории Москвы, та самая «твердь», «почва», о которых писал Забелин, появились. Для историографии Москвы это было выдающееся явление. Дело по составлению подробной истории города пошло, хотя и не так быстро, как представляли это в Городской думе. Можно думать, что за десятилетие работы материалов было накоплено значительно больше, чем на 2 объемных тома – еще в предисловии к первой части «Материалов» Забелин писал, что у коллектива авторов накоплено «разнородного материала... по крайней мере, еще на три таких же книги», и материал этот будет лишь прирастать⁶⁴⁴. Но, помимо собирания материалов, ждало своей очереди и само историческое описание Москвы.

1880-е – 1890-е гг. – активнейший период в творческой деятельности И.Е.Забелина. Историка хорошо знают не только ученые-гуманитарии, его имя известно среди литераторов, художников. О работе Ивана Егоровича над фундаментальной историей Москвы были осведомлены и при Императорском Дворе. Напомним, что при открытии Исторического Музея и посещении его императором Александром III, граф А.С.Уваров отрекомендовал российскому самодержцу Забелина именно как ученого, который «занимается историей Москвы в обширнейшем размере». В связи с работой над этим трудом, Забелин несколько раз встречался с хорошо его знавшим обер-прокурором Св. Синода К.П.Победоносцевым. Мы уже упоминали, что и с великим князем Сергеем Александровичем, заместителем которого по Историческому музею был Иван Егорович, у него сложились уважительные и доверительные отношения. Московский генерал-губернатор, Царский сановник, игравший значительную роль в политической и культурной жизни России и Москвы при двух последних императорах,

⁶⁴³ Материалы для истории, археологии... – Ч. II. – М., 1891. – Ст. 15.

⁶⁴⁴ Материалы для истории, археологии... – Ч. I. – М., 1884. – Ст. 45.

знаток и ценитель древностей, Почетный член МАО и Почетный председатель нескольких Археологических съездов, ценил знания и опыт ученого-историка.

В автобиографии Забелина, помещенной в «Московском иллюстрированном календаре-альманахе на 1887 г.», видимо, составленной с его слов и данной от третьего лица, были подведены некоторые итоги научной деятельности историка: «В настоящее время Иван Егорович состоит: товарищем председателя Императорского Российского Исторического музея, председателем Императорское Общества истории и древностей Российских, доктором Русской Истории Университета св. Владимира в Киеве, почетным членом Университетов Московского и Петербургского, членом-корреспондентом Императорской Академии Наук, почетным членом Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, действительным членом Археологического общества в Москве, сотрудником Русского Археологического Общества в С.-Петербурге, членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете»; «В среде современных русских историков и ученых знатоков родной старины Иван Егорович Забелин, бесспорно, занимает одно из самых первых, самых почетных мест. Многочисленные и капитальные труды Ивана Егоровича в области русской истории и археологии, осветившие целые стороны народно-общественной жизни прошедших веков, давно уже получили вполне достойную оценку, как со стороны людей науки, так и со стороны правительства и всего русского образованного общества»⁶⁴⁵.

С годами число публикаций И.Е.Забелина в исторической периодике становилось все меньше – сказывались его занятость в Историческом музее и объем работы по подготовке материалов по истории Москвы. Тем не менее, ученый старался публиковать некрологи и «речи памяти», воспоминания об

⁶⁴⁵ И.Е.Забелин: [Автобиография] // Московский иллюстрированный... – С. 228.

ушедших учителях, коллегах, друзьях. Мы уже упоминали, что он с благодарностью писал о графе С.Г.Строганове (†1882), сыгравшем значительную роль в его научной карьере⁶⁴⁶, о председателе МАО и активном строителе Исторического музея графе А.С.Уварове (†1884), литераторе и общественном деятеле И.С.Аксакове (†1886), друге юношеских лет, коллекционере Д.А.Ровинском (†1896)⁶⁴⁷.

Прочие, может быть, не столь многочисленные, публикации первой половины 1890-х гг. позволяют представить разные подходы ученого к написанию капитального труда по истории города. Небольшие фрагменты этого будущего труда за его подписью выходят в исторической периодике: об общественной жизни (в основном, театральной) Москвы в XVIII в.; о московских художниках и иконописцах XVII в.⁶⁴⁸ и др.

В этом же контексте следует рассматривать и появление в этот период в изданиях МАО уже упоминавшихся важных для москвоведения исследований: об Опричном дворце Ивана Грозного; о первоначальном поселении Москвы, о поисках библиотеки Ивана Грозного (своего рода мнение-ответ И.Е.Забелина на обсуждение в те годы в обществе этого вопроса)⁶⁴⁹.

Кроме того, Забелин публиковал фрагменты своих больших работ в разных журналах, адаптируя их к той или иной аудитории. Так, например, в

⁶⁴⁶ Забелин И.Е. Речь, говоренная в заседании Общества истории и древностей российских 4 мая 1882 г., посвященная незабвенной памяти бывшего председателя графа Сергея Григорьевича Строгонова // ЧОИДР. – 1882. – Кн.2. – С.1–4.

⁶⁴⁷ Забелин И.Е. Воспоминания о Д.А.Ровинском // Публичное собрание Академии Наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского 10 декабря 1895 г. – СПб., 1896. – С.3–16.

⁶⁴⁸ Забелин И.Е. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии // Сб. Об-ва любителей российской словесности на 1891 год. 1891. С.557–582; *Он же*. Перечень иконописных и живописных работ московских дворцовых и городских мастеров XVII столетия // Русский художественный архив. – 1894. – Т.2. – Вып.2. – С.107–130; Т.2. – Вып. 6. – С.163–175.

⁶⁴⁹ Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича // Археологические известия и заметки. – 1893. № 11. – С.399–416; *Он же*. Изыскание о древнем первоначальном поселении Москвы // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве 1890 г. – Т.3. – М., 1897. – С.1–12; *Он же*. Подземные хранилища московского Кремля // Археологические известия и заметки. – 1894. – № 2. – С.33–44.

1882 г. материал о допетровском быте московских царей был опубликован в сборнике для народного чтения «Пчела»⁶⁵⁰.

В начале 1890-х гг. Иван Егорович Забелин достиг зенита заслуженной славы. В 1891 г. ученый получает чин тайного советника, соответствующий военному званию генерал-лейтенанта, а в юбилейный для него 1892 г. (50-летие со дня первой публикации) избирается почетным членом Академии Наук, о чем уже упоминалось. Тогда же сотрудники Исторического музея заказали художнику В.А.Серову портрет И.Е.Забелина, пожалуй, самое известное его художественное изображение, которое, как казалось современникам, точно отражало натуру этого своеобразного коренного русского человека. Вот, как описал облик ученого один из его современников: «От этого лица невозможно отвести взгляда. Таким можно представить себе Нестора: седая грива прекрасных волос, окладистая совершенно белая борода, суровый чисто летописный излом бровей, в котором, казалось, отразились все страсти, муки, победы, радости, трагедии народа. И взгляд, исполненный ума, сострадания и величия»⁶⁵¹. С этим же портретом связан один примечательный случай, описанный Забелиным в дневнике. 18 февраля 1893 г. Исторический музей посетили великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна, приехавшие на выставку французского художника, затем Сергей Александрович смотрел одну из картин В.А.Серова и спросил у Забелина, где его портрет, кисти Серова. Дадим слово самому Ивану Егоровичу, проводившему великого князя в зал, где висел этот портрет: «...Тоже долго рассматривал и сказал, что художник написал Вас очень суровым. Вы так не бываете. И великая княгиня тоже заметила. Я говорю: "Это озабоченность была, так и изобразил художник". М.П.Степанов (генерал-майор, адъютант великого князя – *авт.*) прибавил, что он сделал бы надпись к портрету: "Иван Егорович,

⁶⁵⁰ Забелин И.Е. Быт русских царей в Московское время, то есть до императора Петра Первого // Пчела: Сб. для народного чтения и для употребления при народном обучении; сост. Н.Щербина. – Изд. 6-е. – СПб., 1882. – С. 201–209.

⁶⁵¹ Сахаров А.Н. Забелин Иван Егорович (1820–1908) // Историки России... – С. 199–206. Автор ошибочно указал авторство портрета, это работа кисти В.А.Серова.

недовольный порядками в музее". Я ответил: "Так оно и есть. Это так". Великий князь отметил, что начальник всегда должен быть недоволен. Это лучше для дела»⁶⁵².

Дочь коллекционера Н.Д.Бартрама А.Н.Изергина так описывала Ивана Егоровича и его жилище в Историческом музее: «Темное сводчатое помещение кабинета Забелина – зарешеченные окна, шкафы, стеллажи, полные деревянной утвари и резных досок, стол, заваленный книгами и бумагами, и за ним – большой с длинной бородой и густыми волосами Забелин. Мне казалось, что он как могучий старый дуб врос своими корнями во все окружающие его предметы крестьянского искусства»⁶⁵³.

В 1892 г., как уже упоминалось нами, было организовано торжество по поводу 50-летия ученой деятельности И.Е.Забелина. Поздравительные речи, адреса, приветствия прозвучавшие на заседании МАО в честь Забелина, озвученные там юбилейные телеграммы стали наглядным свидетельством того щедрого вклада, который был сделан историком в отечественную науку и той высокой степени уважения к нему научного сообщества, которой достиг он своим талантом и десятилетиями упорного труда.

⁶⁵² Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 165.

⁶⁵³ Цит. по: Фролов А.И., Полунина Н.И. Коллекционеры старой Москвы. Биографический словарь. – М., 1997. – С.155.

ГЛАВА 11.

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА МОСКВОВЕДЕНИЯ.

ПОСЛЕДНИЕ ТРУДЫ. ЮБИЛЕИ

1890–1900-е гг. – последний период творческого долголетия историка Москвы И.Е.Забелина. Но несмотря на его весьма солидный возраст и этот временной отрезок был наполнен трудами в Историческом музее, в МАО, в результате кропотливой исследовательской работы все больше накапливалось материалов по истории Москвы.

Получив наивысшие почетные звания историка, И.Е.Забелин сосредоточился в своих ученых занятиях, и главным образом, на труде о Москве. С 1893 по 1901 г. были переизданы в виде книг его основные исследования: «Историческое описание ... Донского монастыря» (2-е издание, 1893 г.), «Домашний быт русских царей...» (3-е издание, 1895 г.), «Домашний быт русских цариц...» (3-е издание, 1901 г.), «Минин и Пожарский...» (3-е и 4-е издания, 1896 и 1901 гг.), «Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве» (1900 г.), «Женщина в допетровском обществе» (1901 г.).

Свои собранные уже материалы для истории Москвы Забелин использует в значительном по объему тексте, посвященном Первопрестольной, в вышедшем в 1896 г. томе словаря Брокгауза и Ефрона⁶⁵⁴. В статье в самом сжатом виде дана история Москвы в пределах

⁶⁵⁴ Забелин И.Е. Москва [История] // Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – Т.ХІХ. – М., 1896. – С. 927–936.

Кремля и Посада от времени основания и первых князей до XIX в.; в ней приводятся статистические данные о местоположении города, топографии его исторических частей, городских укреплений, застройке, населении, хозяйственной и культурной жизни горожан, о Москве православной. В статье дан план Кремля начала XVII в. с описанием тридцати двух изображенных на нем зданий. Заканчивает свою энциклопедическую статью Забелин словами о Москве православной: «Иностранцы, бывшие в Москве в XVI и XVII столетиях, изумлялись великому множеству московских церквей и часовен и насчитывали их до двух тысяч; даже и после осторожной проверки москвичи толковали о сорока сороках (1600). Эти цифры могут быть вероятны относительно всех престолов, включая сюда и часовни... И в настоящее время, когда в черте города упразднено немало и монастырей, и церквей, все-таки одних приходских храмов насчитывается 258, соборных 9, монастырских 80, домовых 122, а всех, с десятком и более часовен, можно считать около 450, и в них престолов более 1060...». Забелин подчеркивал и мемориальное значение московских храмов и монастырей: «Многие церкви служат историческими памятниками, вместо обелисков, колонн или статуй. Так, первая древнерусская красота Москвы – собор, именуемый Василий Блаженный, построен в память решительных побед над татарскими царствами. Собор Казанский на другом конце Красной площади, построенный князем Пожарским, есть памятник изгнания из Москвы поляков в Смутное время. Сретенский и Донской монастыри – также памятники избавления города от татарских нашествий. К таким памятникам должно отнести и крестные ходы; из них в настоящее время самый большой и торжественный – вокруг Кремля, в память освобождения города от нашествия Наполеона». Забелин упоминает и другие обычаи и предания богомольной и благочестивой Москвы, в частности, поклонение чудотворным Богородичным иконам Владимирской и Иверской.

Отвлечемся немного от изложения ученых занятий И.Е.Забелина и скажем несколько слов о нем самом, о его семье, образе жизни, привычках.

Иван Егорович всегда вел простую размеренную жизнь, никогда не был за границей, хотя солидный заработок в Музее и гонорары позволяли это. Модным российским курортам Крыма и Кавказа предпочитал Подмосковье (хотя в Крыму, в Симеизе бывал): летом семья снимала дачу близ Кунцева в д. Мазилове, затем в Химках, в Покровском-Глебове. В ноябре 1896 г. дочь и главная помощница Забелина Мария Ивановна приобрела дачу в подмосковном тогда Царицыне. Ученый здесь отдыхал и работал каждое лето, а в конце 1890-х гг. совместно с ученым секретарем Исторического музея В.И.Сизовым производил в царицынском парке археологические раскопки кургана вятичей X–XIII вв.⁶⁵⁵ (И.Е.Забелину было тогда уже под 80!). Простым было питание семьи. Больше всего Иван Егорович любил грибы, он же их самолично и собирал. В свободное время выпиливал рамочки.

По признанию современников, главной отличительной чертой его характера было трудолюбие, терпеть не мог праздности. Не получив образования, он его очень ценил и всегда ратовал за воспитание и просвещение простого народа. Эта мысль проходит в забелинских дневниках и записных книжках постоянным рефреном. Наблюдая в Малороссии за жизнью крестьян, он записал: «Немец обращается с ребенком как с самостоятельным лицом, а у нас пасутся как поросята, утки»⁶⁵⁶. В дневнике в начале XX в. с возмущением отметил: «В Куркине (село в Московском уезде – *авт.*) в избе, где живут три болвана, каждому свыше 30 лет, нет удобной скамьи для сиденья, не на чем сидеть»⁶⁵⁷.

И.Е.Забелин пережил жену Марию Петровну (†1882) и старшую дочь Анастасию (†1896). Оставалась дочь Маша, которая всячески помогала отцу до последних его дней и, насколько могла, исполняла его завещание после его кончины.

⁶⁵⁵ Ермолов П.Б. «Наше родное Царицыно». О царицынских дачах двух русских ученых – историка, археолога Ивана Егоровича Забелина (1820–1908/1909) и нумизмата, историка и коллекционера Алексея Васильевича Орешникова (1855–1933) // Московский журнал. – 2010. – №11. – С.30–31.

⁶⁵⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 127.

⁶⁵⁷ Там же. – С.218.

В конце 1890-х гг. у крепкого на вид Ивана Егоровича здоровье пошатнулось. Одолевала подагра, ухудшился слух, врачи нашли камни во внутренних органах, отчего у старца-ученого бывали сильнейшие, долго продолжавшиеся приступы боли. Но несмотря на физическое недомогание он сохранял отличную память, здравомыслие. В 1896 г. он записал в дневнике: «Восходя на 76 ступень своей жизни, я увидал многое, чего прежде или совсем не мог видеть, или не мог разглядеть, как следует, по тесноте горизонтов. Теперь забрался я высоко. Со всех сторон открылись обширнейшие и уже не туманные, но светлые горизонты»⁶⁵⁸.

Мы уже несколько раз обращались к теме юбилеев И.Е.Забелина. Скажем здесь о них чуть подробнее. На 1890-е – 1900-е гг. пришлось несколько юбилеев и круглых дат и в личной, и в научной биографии историка. Внимательное отношение к этим датам тоже свидетельствует о характере И.Е.Забелина. Как писала уже после его смерти дочь Мария Ивановна по поводу издания материалов 50-летия научного творчества Забелина (1892 г.), «Издать описание своего 50-тнего юбилея было всегдашним желанием моего отца, он его высказывал как мне и моей покойной сестре, так и своим сослуживцам по Музею. Это желание исходило не из мелкого чувства удовлетворенного самолюбия – оно было чуждо моему отцу – но из высокого чувства, которое испытывает каждый труженик науки при сочувственной оценке его трудов авторитетными представителями науки...»⁶⁵⁹. Кроме того, как нам кажется, это внимание к своим датам, в особенности, научным, для Забелина (к характеристике которого в наивысшей степени применимо понятие «труженик науки»), не смотря на одаренность, на аналитический от природы ум, неизменно трудившегося, основательно, усердно, упорно, никогда не искавшего легких путей к славе и почету, эти достигнутые рубежи, вехи как раз и были особенно важны.

⁶⁵⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 195.

⁶⁵⁹ Два юбилея ученой деятельности... – [оборот титульного листа].

Торжество 1892 г. было самым широким и самым представительным. Опустим здесь предысторию его организации, мы об этом уже писали. Укажем, что тогда же в ряде изданий: «Русских ведомостях», «Историческом вестнике», «Библиографических записках», других журналах, многих газетах, были опубликованы очерки и заметки о Забелине как ученом, с его портретами, а также уже упоминавшиеся нами воспоминания ученика И.Е.Забелина.

Торжественное заседание, организованное МАО, состоялось 1 ноября 1892 г. в библиотечном зале Исторического музея. «Юбиляр при входе был приветствован громкими и продолжительными аплодисментами представителей Ученый обществ и учреждений, принимавших участие в чествовании юбиляра, и многочисленной публики». В приветственной речи, открывшей заседание, прозвучали слова о заслугах Забелина в «научной разработке отечественной истории, преимущественно народно-бытовой, и археологии», «в этих двух областях знания, столь же обширных, как обширна Русская земля...»⁶⁶⁰. Затем были прочитаны поздравительные телеграммы и адреса с упоминанием заслуг И.Е.Забелина перед русской исторической наукой, его ученых трудов и археологических изысканий.

В числе прочих поступили адреса от Императорской Академии наук, от Президиума Академии Художеств, Великих князей Сергея Александровича и Владимира Александровича, от различных учреждений, общественных организаций и частных лиц. Среди них укажем на адрес от Тверского музея и Тверской ученой архивной комиссии, в котором говорилось: «Вы дороги нам не только как маститый ученый, обогативший своими превосходными трудами отечественную историю и археологию, но и как сочлен наш, и как Тверской уроженец, украшение и гордость своей родины. Мы гордимся Вами как неутомимым исследователем родной старины, образ которой Вы так верно, так любовно, так художественно начертали в Ваших прекрасных

⁶⁶⁰ Отчет о состоянии и деятельности... с 17 февраля 1892 г. по 17 февраля 1893 г. ...// Древности... – Т. 16. – М., 1900. – С. 28.

исторических трудах; этими драгоценными трудами Вы не только ввели нас во все подробности жизни древних русских царей и цариц, не только пролили много света на всю внутреннюю жизнь русского общества, но и вдохнули горячую любовь свою к родной старине в Ваших учеников, в Ваших последователей, в Ваших читателей...»⁶⁶¹. Интересно, что к адресу прилагался еще и подарок для Ивана Егоровича – фотоснимок с церкви, где он был крещен с метрической выпиской, напечатанной на атласе: «В метрической книге Тверской Никольской, что на Зверинце церкви за 1820 год, под № 29-м записано: "Сентября 17 родился, 19 крещен Иоанн; родители его: прихожанин коллежский регистратор Георгий Стефанов Забелин и жена его Евдокия Варлаамовна, восприемник был титулярный советник Федор Федоров Куракин"»⁶⁶².

Общим рефреном всех, очень разных по содержанию и объему приветствий звучали пожелания здоровья и долгих лет юбиляру, как, например, в адресе от Императорской Академии Наук: «Приветствуя ныне полувековое неутомимое служение Ваше науке, на которое Вы можете оглянуться с гордостью и сознанием принесенной пользы, Императорская Академия наук выражает искреннее желание, чтобы силы Ваши и энергия сохранились еще на многие годы, и Русская История продолжала обогащаться сказаниями Вашими о жизни наших предков»⁶⁶³.

Многие из приветствий-поздравлений, свидетельствовали о вкладе Забелина в сохранение древностей, в работу по их изучению и реставрации. Мы приведем здесь лишь несколько примеров⁶⁶⁴.

Среди прочих, поступило поздравление от архиепископа Феогноста и духовенства Успенского собора во Владимире⁶⁶⁵, где, в частности, было сказано: «...Широкая Ваша ученость, умудренная опытами жизни и деятельности, одушевленная любовью к Святой Церкви и проникнутая

⁶⁶¹ Два юбилея учено-литературной... – С. 53.

⁶⁶² Там же. – С. 54.

⁶⁶³ Там же. – С. 31.

⁶⁶⁴ Некоторые юбилейные материалы помещены в качестве приложений в эту книгу.

⁶⁶⁵ Два юбилея учено-литературной... – С. 35–36.

глубоким патриотическим чувством, имела благотворное влияние и на Владимирский кафедральный Успенский собор. Находившийся до 1882 года в неприглядном и искаженном виде, Успенский собор при Вашем просвещенном содействии приведен в первоначальный свой вид и по внутреннему своему благоукрашению, и по внешнему виду своему. Во все время производства внутренней и внешней реставрации собора, в течение целых девяти лет, Вы были по избранию Императорского Московского Археологического общества главным руководителем и указателем в восстановлении древнейшего, первоначального вида славного своею историею храма...».

В адресе от Братства св. Александра Невского во Владимире, с благодарностью за оказанную Забелиным поддержку созданному губернскому церковно-историческому древлехранилищу говорилось: «Вы с самого открытия сего древлехранилища заботливо относились к нему и, лично посещая его, своим опытным советом и своею помощью споспешествовали развитию и благосостоянию его»⁶⁶⁶.

Приветствовал юбиляра как своего Почетного члена Ростовский музей церковных древностей, созданный по инициативе МАО, осуществившего реставрацию памятников Ростовского кремля. В приветствии есть такие слова: «...С самого начала возникновения Музея, Вы, досточтимый Иван Егорович, сочувственно, с свойственною Вам отзывчивостью к ученым начинаниям, относились к нашему Музею. Вы постоянно поддерживали в нас, скромных местных тружениках, энергию для продолжения начатого дела восстановления из руин замечательных памятников зодчества в Ростове Великом. Вы всегда откликались горячим сердечным словом на каждый новый шаг нашей деятельности в этом направлении. Вот, почему все мы привыкли считать Вас для Ростова близким человеком...» (адрес подписан

⁶⁶⁶ Два юбилея учено-литературной... – С. 37.

представителями епархиальной власти и городского управления, губернатором, руководством музея)⁶⁶⁷.

В поздравлении от Ярославской ученой архивной комиссии особо отмечалась роль Забелина как председателя Седьмого Археологического съезда в Ярославле в 1887 г.⁶⁶⁸

Петербургский Археологический институт, приветствуя юбиляра за его заслуги перед «русской археологией и историей», отметил: «Златоглавая Москва нашла в Вас своего историка и изыскателя родного быта. Вы один из первых раскрыли пред просвещенным миром величавую красоту и благолепие памятников русской старины, рассыпанных щедрою рукою в первопрестольной столице...»⁶⁶⁹.

В «Ниве», поместившей объемную биографическую статью «Иван Егорович Забелин», об этом юбилее говорилось: «Торжественное чествование пятидесятилетия ученой деятельности И.Е.Забелина было совершено в размерах внушительных и имело действительно величавый характер. В библиотечной зале Музея в день юбилея побывала, можно сказать, вся ученая Россия в лице своих представителей и депутатов от многочисленных ученых обществ, чтобы приветствовать знаменитого ученого и засвидетельствовать почтение к его высоким научным заслугам»⁶⁷⁰.

Описанию этого юбилея в своем дневнике Иван Егорович посвятил несколько абзацев. Попытаемся с их помощью погрузиться в атмосферу того значимого для Забелина дня: «1 ноября. Четверг. Мое празднование. В 12 часов я отправился в музей в черном фраке с лентою. Получаю еще дома телеграмму от принцессы Оьденбургской и от министра. Пишу ответы и посылаю. Пришел строитель музея Семенов поздравить меня. Затем в час пришли за мною А.Павлов и Трутовский, чтобы вести меня на торжественное

⁶⁶⁷ Два юбилея учено-литературной... – С. 55

⁶⁶⁸ Там же. – С. 60.

⁶⁶⁹ Там же. – С. 56–57.

⁶⁷⁰ Иван Егорович Забелин // Нива: иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. – 1892. – №47.

заседание. Я предполагал, что встречу публики не более человек пятидесяти или около того. Но, войдя, увидел большое собрание, которое встретило меня горячими рукоплесканиями, долго не умолкавшими и возобновлявшимися по поводу моих благодарных поклонов. Совсем не ожидал такой сочувственной встречи. Павлов сказал лестную для меня речь, и начались чтения приветствий»⁶⁷¹.

После торжественного заседания на средства почитателей и сослуживцев в ресторане «Эрмитаж» на Трубной пл. был дан обед, на котором выступили с приветствиями историки П.Н.Милюков, И.А.Линниченко, проф. Московской духовной академии Н.И.Субботин, экономист А.И.Чупров, физиолог И.М.Сеченов. В дневнике Забелин пишет о вечере в деталях: «Поставлена была закуска великолепная. Говорю Сизову, что это очень роскошно и дорого. Говорит: "Нет, всего по четыре рубля с одним бокалом шампанского". Обед прошел шумно и весело. Говорили много заздравных речей. Я предложи тост... за Археологическое общество и теперешнего его председателя. Потом за больного Анучина, потом за графиню Уварову. Речи. Павлов мне «Славу», однако я все забыл. Милюков в похвалу моего реализма в моих трудах. Линниченко что-то о скифах, Субботин выразил свое личное уважение и сочувствие, Иловайский за Самоквасова, как за начальника архива...»⁶⁷².

В юбилейный год журнал «Исторический вестник» напечатал биографическую статью С.С.Трубачева о 50-летию служения исторической науке И.Е.Забелина – «одного из наиболее даровитых и крупных ее представителей, глубокого знатока нашего древнего, допетровского быта и выдающегося археолога. Едва ли кто другой из русских историков посвятил столько внимания нашему древнему быту, столько работал над многотрудным собиранием его мелких подробностей, добывание которых приобреталось ценою долгой кропотливой работы с источниками...

⁶⁷¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 164.

⁶⁷² Там же.

Благодаря своему самобытному историческому таланту Забелин угадывал смысл памятника, сам переносился в далекие времена и сделался живым бытописателем, который, согласно его собственному взгляду на задачу истории,... всегда стремился "выяснить типические черты народной жизни, понять народ, как живую единицу, воссоздать народную личность в живом цельном образе»⁶⁷³.

Искренние слова о юбиляре напечатал в журнале «Русский архив» его издатель и историк, коллега и друг И.Е.Забелина П.И.Бартенев: «Нельзя было не порадоваться, глядя на бодрого старца, со светлым взглядом, со спокойным и отнюдь не горделивым сознанием исполняемого перед родиной долга... Торжественный почет воздан деятелю, всегда чуждавшемуся хлестких фраз, оглядливому, осторожному допрашивателю заветной старины, проводшему десятки лет над чтением полусгнивших свитков, над описью древней утвари. над раскопками могил, и всюду зорко и умело подмечавшему живые следы былого времени»⁶⁷⁴.

В журнале «Русский художественный архив» также вышла большая статья «Иван Егорович Забелин (Биографический очерк)»⁶⁷⁵ за авторством члена редколлегии В.Якушкина (мы уже упоминали ее), где были очерчены основные жизненные вехи и этапы научного творчества Ивана Егоровича, среди прочего, упоминалась и его педагогическая деятельность в Межевом институте и Школе межевых топографов. Статья заканчивается словами о том, что это лишь беглый очерк трудов И.Е.Забелина, «но и сказанного довольно для того, чтобы напомнить о том, сколько уже сделано Забелиным для русской науки и искусства, чтобы показать, сколько мы можем еще ожидать от этого неутомимого и высокоталантливого ученого»⁶⁷⁶.

⁶⁷³ Трубачев С.С. Пятидесятилетие ученой деятельности И.Е.Забелина // Исторический вестник. – 1892. – № 6. – С.746–757.

⁶⁷⁴ Бартенев П. Иван Егорович Забелин // Русский архив. – 1892. – № 12. – С.479.

⁶⁷⁵ Якушкин В. Иван Егорович Забелин (Биографический очерк) // Русский художественный архив. – 1892. – Вып. 3. – С. 136–140.

⁶⁷⁶ Там же. – С. 140.

Вместе с концом XIX в. Забелин приближался к своему 80-летию. Он был знаменит. В дневнике (записи которого стали уже очень короткими) историк отмечает знаки внимания и уважения со всех сторон. У него спрашивают совета, консультируются. Он часто бывает на приемах, но все чаще упоминает о болезнях. В конце сентября 1899 г. он записал: «Я заболел печенью», видимо, болезнь не отпускала – в ноябрьских записях он упоминает о том, что его, больного, навещали княгиня С.А.Щербатова, князь Н.С.Щербатов, К.Т.Солдатенков. И последняя запись за 1899 г. – о болезни: «Камни в печени. После самого малого легкого завтрака через час или два боль между ложечкой и печенью, где желчный пузырь. Потом боли страшнейшие в том же месте, захватывающие дыхание, рвота невыносимая одною слюною. Начинают утихать. Лихорадка-трепалка, за нею жар и бред. Мысли ясные, а слова для них не даются, не выговорить того, что мыслишь. Завиранье. Необыкновенная слабость... Так три раза принимал болезнь в течение трех недель...»⁶⁷⁷.

С Забелиным искали встречи известные деятели. В начале января 1900 г. у него побывали историк С.Ф.Платонов, критик, академик В.В.Стасов, 14 января Забелина посетили вел. князь Сергей Александрович с супругой вел. княгиней Елизаветой Федоровной и свитой.

В 1900 г. Забелину исполнилось 80 лет, и это отмечалось очень скромно. В дневнике от 17 сентября (в воскресенье) он просто перечислил 10 имен тех, кто поздравил его с юбилеем: М.Н.Сперанский (телеграммой из Нижнего Новгорода), М.П.Степанов, В.Н.Щепкин, В.И.Сизов, великий князь Сергей Александрович и др.⁶⁷⁸.

8 сентября 1900 г. в иллюстрированной газете «Новости дня» появилась небольшая, но точная на характеристику ученого статья С. А-въ «И.Е.Забелин», в которой юбиляр назван «знаменитым нашим историком-

⁶⁷⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.209.

⁶⁷⁸ Там же. – С.218.

археологом, единственным теперь знатоком русской старины». Автор статьи точно подметил главную заслугу маститого историка: «... всю жизнь свою возясь лишь с "мелочами", Забелин не сделался ни узким археологом, ни сухим архивистом. От такой напасти его спасла обобщающая сила крупного ума... Что сделали Карамзин, Соловьев и Погодин для истории государственной, то же сделал З[абелин] для нашей бытовой истории. В этом его сила и значение. Здесь он мастер и образец». В статье Забелин назван «историком-патриотом», а в качестве главной черты отмечена «...вера его в самобытные творческие силы русского народа и любовь к низшему классу».

В петербургской газете «Новое время» (23.09.1900 г.) к 80-летию Забелина был напечатан большой его портрет.

Рубеж веков знаменует собой и важный рубеж в научной деятельности Забелина – к этому времени Иван Егорович закончил работу над первой частью «Истории Москвы» и приступил к написанию второй.

Первая часть долгожданного труда была издана на средства Московской городской думы в 1902 г. тиражом в 1200 экз.⁶⁷⁹ В томе было 655 страниц, и все они были посвящены только истории и топографии одного Кремля преимущественно XVI–XVII вв., а не всей Москвы, как указывалось на титуле издания. В начало книги Забелин включил подробную программу 1881 г., с которой читатель уже знаком. Всеми обозначенными в ней принципами 20-летней давности И.Е.Забелин руководствовался и при публикации своей «Истории Москвы» в 1902 г. Имея ввиду, что «общая задача труда обнимает подробную историю и статистику города Москвы, то есть ход его исторического развития с первых времен» и далее Забелин начинает свое повествование с раздела «Первобытное время» и сосредотачивает преимущественное внимание в книге на историческом ядре города – Кремле. Другое основное положение программы («Предполагаемых задач...»), что «Москва-город, прежде всего, есть место и жилище, стены и

⁶⁷⁹ Забелин И.Е. История города Москвы, написанная по поручению Московской городской думы. – Ч.1. – М., 1902. – XX, 635 с.

дома» и одновременно Москва – «совокупность людского общежития. Это город-люди», определило содержание забелинской истории Москвы. В книге рассказывается о возникновении Москвы, дан анализ сказаний «О начале Москвы», значительная часть текста представляет собой своеобразный подробный путеводитель по историческим кремлевским урочищам, улицам и, особенно, по монастырям, Патриаршему и монастырским подворьям. Здесь можно найти характеристику основных исторических периодов от «первого слова о Москве» до «времени Петра» с описанием всех важнейших событий и политической истории Москвы, и кремлевского строительства, и роста городской территории, и проч. Здесь же и сведения о княжеском, царском и патриаршем быте, о повседневной жизни Средневековой Москвы.

В книге – несколько тематических разделов: 1. «Первое слово о Москве»; 2 «Сказания о начале Москвы-города»; 3. «Старый город Кремль. Исторический обзор его местностей. Общий обзор» (по историческим этапам); 4. «Старый город Кремль – местный обзор» (по урочищам, улицам, владениям и т.д.). В этом последнем, самом большом, разделе сосредоточены основные сведения по древней топографии Кремля, отдельных его местностей, включая подол; в конце же, как мостик к дальнейшему повествованию, помещено описание Спасского моста и Спасского крестца, то есть, собственно, местности уже за кремлевскими стенами.

Забелин излагает московскую историю, рисует картины ушедшей жизни и старинного быта, с присущей его литературному стилю образностью, текст насыщен фактами, сведениями из архивных документов, теми самыми «архивными красками», о значении которых говорил Иван Егорович в предисловии к первой части «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы». Книга начинается словами летописи: «"Приди ко мне , брате, в Москову!"... "Буди, брате, ко мне на Москову!"»; и далее – «В этих немногих словах как бы пророчески обозначилась вся история Москвы, истинный смысл и существенный характер ее исторической заслуги. Москва тем и стала сильною и опередила

других, что постоянно и неуклонно звала к себе разрозненные Русские земли на честный пир народного единства и крепкого государственного союза»⁶⁸⁰ (вспомним образное сравнение Москвы – собирательницы русских земель, с пальцами руки, данное Иваном Егоровичем своим ученикам-студентам).

МАО присудило автору за книгу золотую медаль. Современники, конечно, писали о значительном вкладе И.Е.Забелина в разработку большой темы по истории Москвы, об оригинальности книги, огромном, введенном в научный оборот новом материале. Рецензенты видели, что, забелинский труд – это только начальная часть фундаментальной работы по истории Москвы. Отмечали и отсутствие научного аппарата. Взвешенную оценку главного московского труда И.Е.Забелина дал в наше время А.А.Формозов, отметив сильные стороны книги и ее недостатки⁶⁸¹.

Известно, что в первые годы XX в. Забелин работал над второй частью «Истории города Москвы», заключавшей в себе историю Посада и политическую историю Москвы. Эта часть работы долгие десятилетия оставалась неопубликованной, за исключением малых фрагментов о Пашкове доме, появившихся в 1904 г. в «Русском архиве»⁶⁸², некоторых уже упомянутых публикаций в изданиях МАО. В том же году Забелин опубликовал в виде приложения к изданной «Истории города Москвы» альбом с 21 старинным видом московского Кремля⁶⁸³.

В 1905 г. 85-летний ученый за свой счет переиздал первую часть истории города. По сути это был прощальный аккорд научного творчества маститого старца, главного Историографа Москвы.

Из совсем кратких, исключительно нерегулярных и малочисленных записей в дневнике за 1901–1904 гг.⁶⁸⁴ практически невозможно узнать о

⁶⁸⁰ Забелин И.Е. История города Москвы [Репринт]. – М., 1990. – С. 1.

⁶⁸¹ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.207–215.

⁶⁸² Забелин И.Е. Дом Московского публичного и Румянцевского музеев (бывший Пашков). Из второй части истории города Москвы // Русский архив. – 1904. – Кн.6. – С.169–173.

⁶⁸³ Альбом старинных видов Московского Кремля. История города Москвы. – М., 1904. – XXI л. в папке.

⁶⁸⁴ За целый год в этот период И.Е.Забелин делает в дневнике записи всего о нескольких днях, например, в 1901 г. он сделал записи только под двумя датами (1 марта и 18 декабря), в 1902 г. – только 5 ноября. См.: Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С.210–213.

научных занятиях ученого. В записях 1903 г. упоминается переданное дважды Щербатовыми желание императора Николая II получить от Забелина только вышедший том «Истории Москвы»⁶⁸⁵. Новых работ И.Е.Забелин почти не пишет, сосредотачиваясь, главным образом, на продолжении своей московской истории.

Из редких воспоминаний об ученом, отдельных писем его к дочери мы можем узнать о мыслях и замыслах Забелина. Он еще находит силы посещать старых знакомых. 18 декабря 1901 г. в дневнике Иван Егорович записывает: «Был у Б.Н.Чичерина. Он в параличе. Совсем иной Чичерин. Однако говорил со мной, но очень невнятно. Грустно, грустно»⁶⁸⁶. За несколько лет до этого в середине 1890-х гг. Чичерин в своем имении «Караул» дописывал воспоминания и в последнем их разделе «Старость» тепло вспоминал тот литературный кружок, в который входил и молодой тогда Забелин, и другие деятели: «Остался Щербатов, неизменный товарищ со студенческой скамьи... Остались Станкевичи, которых дружба составляет одно из драгоценнейших благ, дарованных мне провидением, Давно уже дом их перестал быть центром литературного кружка. Один за другим ушли старые друзья и собеседники. Громкий голос Кетчера не раздаётся уже в изящной гостиной. Только совсем побелевший Забелин, как обломок старины, приходит иногда разделить гостеприимную трапезу. Но для меня уютное, окруженное красивым садиком жилище в Чернышевском переулке составляет святыню, где и все, там похороненное, и то, что поныне осталось, одинаково согревает сердце и возвышает душу»⁶⁸⁷.

Иван Егорович по-прежнему, как и в молодые годы, почитал историка Т.Н.Грановского. В ответ на присланную В.Н.Щепкиным⁶⁸⁸ уже после смерти Забелина статью об отце Мария Ивановна Забелина написала ему теплое «мемуарное» письмо: «Папа очень любил и уважал своего, как Вы

⁶⁸⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 211, 212.

⁶⁸⁶ Там же. – С. 211.

⁶⁸⁷ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. – М., 2010. – С.477.

⁶⁸⁸ Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920) – славист, лингвист, историк древнерусского искусства, зав. отделом рукописей Исторического Музея.

говорите, учителя. Всегда с трогательной нежностью относился к его памяти. Ежегодно, когда наступало 4 октября, "сегодня память Грановского", говорилось у нас, и мы все твердо знали, то сегодня папа всеприменно поедет на Пятницкое "к Грановскому". И так продолжалось долгие годы, т.е. ровно 50 лет. Последний раз, кажется, в 1903 или 4 году папа возвратился с кладбища очень слабым и утомленным. На мой вопрос, кто был на могиле, ответил "Я был один. Да некому уж бывать больше, и я-то, кажется, в последний раз", то и сбылось. Пошатнувшееся здоровье отца не позволяло ему последние годы ходить на поклонение»⁶⁸⁹.

Воспоминания детства и юности грели душу Ивана Егоровича. В одном из писем Мария Ивановна писала о его встречах со старыми учителями Сиротского училища Матросской богадельни: «Со своим бывшим учителем немецкого языка Миндерером, а также с бывшим в его время инспектором Училища Бауером отец, встретившись впоследствии в жизни, был очень дружен до конца их дней. Я помню их уже 85-летними крепкими старичками»⁶⁹⁰.

Ностальгические чувства у Забелина вызвало и письмо К.П.Победоносцева. Отвечая на него 29 марта 1902 г., он благодарит «...за наилюбезнейшее письмо, которое мгновенно перенесло меня в то очень давнее, но очень любовное для меня время, когда мы встречались у дорогого Дмитрия Александровича (Ровинского – *авт.*) и хаживали вместе с Ахшарумовым в Екатерининскую пустынь. На старости лет Вседержитель Господь послал мне утешение прожить до этих шестидесяти лет моей посильной работы и вспомнить любезную старину, повеявшую на меня как весенним теплом, Вашим драгоценным письмом»⁶⁹¹.

Вот, каким запомнил в эти годы И.Е.Забелина коллекционер П.И.Щукин: «Бывал у меня Иван Егорович вместе с А.В.Орешниковым, а я

⁶⁸⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп.1. – Д.1048б. – Л.123об.–124.

⁶⁹⁰ Там же. – Д.1014. – Л.70.

⁶⁹¹ Там же. – Д.126. – Л.28. В архиве хранится чистовой вариант письма, написанного И.Е.Забелиным К.П.Победоносцеву, но по каким-то причинам не отосланного ему.

навещал его в Историческом музее. Иван Егорович заметно старел, стал плохо ходить, но голова его работала по-прежнему, и он продолжал интересоваться русской стариной. В Москве он принимал меня в своем кабинете, заваленном книгами и бумагами, или в гостиной, сидя в валенках. Летом навещал я его в Царицыно, где он жил в "Воздушном саду", на своей даче, и где угощал меня земляникой из своего сада. Сколько помню, Иван Егорович всегда был добрым и приветливым человеком, которого все любили и уважали»⁶⁹².

К ученому-старцу по-прежнему обращались с предложениями написать что-либо для издательств. Так известный военный историк и издатель из Санкт-Петербурга С.А.Панчулидзев просил Забелина о какой-нибудь работе для народа, и сверхзанятый и уже отказывавшийся от новых проектов Иван Егорович в целом принимает это предложение. В феврале 1904 г. он отвечает С.А.Панчулидзеву: «...Несмотря на старость лет и неимоверную массу работ по устройству и продолжению моих прежних трудов, я с сердечною готовностью принимаю Ваше приглашение. Но живейшее желание работать – это одно, а исполнение этого желания – дело другое, дело очень трудное, требующее глубокого внимания и обсуждения»⁶⁹³. В этом же письме Забелин предложил Панчулидзеву два своих, как он написал, «опыта» в этой области – работу для детей «Москва Матушка золотые маковки» (напечатано в 1881 г.) и книжечку «Преображенское или Преображенск. Московская столица преобразований...» «с посвящением собравшимся войскам по случаю 200-летнего юбилея армии для бесплатной раздачи войскам». В конце письма Иван Егорович пишет и о своих планах: «...Если эти опыты по их изложению, по тону рассказа и пр. заслужат Вашего одобрения, то я могу взяться и за древнюю русскую историю, и за древнюю Москву, начиная с темы № 1 «Начало Руси». Иное придется заимствовать в особой обработке и

⁶⁹² Цит. по: Горбушина Н.В. Переписка И.Е.Забелина и П.И.Щукина в собрании Отдела письменных источников ГИМ // И.Е.Забелин. 170 лет со дня рождения. – М., 1992. – Вып. 81. – С. 49.

⁶⁹³ ОПИ ГИМ. – Ф.440. – Оп.1. – Д. 126. – Л. 3–4.

из моих напечатанных работ, а иное должно разработать для новых тем...». Ученый старец-историк предупреждает Панчулидзева: «...Главное заключается в том, что я не способен работать торопливо, к сроку, к тому же и старость против прежнего очень замедляет всякое дело, даже и простое описание. Посему прошу снисхождения, что работать буду с немалым замедлением»⁶⁹⁴.

Судя по сохранившемуся в архиве черновику письма, Забелин работал над предложением Панчулидзева и в ноябре 1904 г., отправил ему посылку с материалами (видимо, дополненное издание брошюры «Москва матушка золотые маковки»). Вот часть текста письма, приложенного к посылке: «Поспешаю препроводить Вам обещанную работу, о которой думаю, попадет ли она в цель, назначенную для подобных работ. Относительно рисунков могу предложить здесь же прилагаемые рисунки хором царя и царицы из прежних моих изданий. Они дают изящную старину построек. Затем могу указать на портреты царя и царицы из Альбома Мейерберга по изданию Суворина. Из того же альбома возможно выбрать и что-либо дополнительное по Вашему усмотрению». В черновом варианте текста письма есть зачеркнутые автором строки: «Как отбивает от всякой работы [нрзб] состояние наших дел. Ум неудержимо влечется к Артуру», которые свидетельствуют о том, что И.Е.Забелин с тревогой следил за развитием событий на Дальнем Востоке (шла Русско-японская война), вылившихся впоследствии в поражение России. Жаль, но проект издания брошюр для народа по каким-то причинам не получил развития.

На последние годы жизни И.Е.Забелина пришлись времена революционной смуты в России в 1905–1907 гг., события которых он очень тяжело переживал, о чем свидетельствуют его дневники и записные книжки, содержащие жесткие и резкие высказывания Ивана Егоровича в связи с его реакцией на текущий момент и с размышлениями о судьбах России, в чем-то

⁶⁹⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д.126. – Л. 4.

даже провидческими. Как свидетельствуют современники, и высказывался публично он в таком же духе.

В том же 1905 г. И.Е.Забелин пишет завещание, по которому практически все собранное и заработанное завещает передать Историческому музею: 70 тыс. руб. на приобретение новых коллекций, а также свои богатые библиотеку, личную коллекцию древностей. Крупную сумму он передавал Академии Наук на переводы и издания иностранных авторов, писавших о России.

12 сентября 1907 г. газета «Новое время» поместила статью о жизни и трудах И.Е.Забелина, вспомнив его юбилей 1892 г. и отметив, что к нынешнему 1907 г. минуло уже 65 лет, как историк «работает на пользу русской науки». О том, чья жизнь «прошла в неусыпных трудах и изысканиях», говорилось: «В лице его мы встречаемся с великолепным самородком, который не мог в силу своих блестящих свойств остаться в толпе посредственностей. Божья искра не могла быть потушена и разгорелась ярким пламенем...».

12 ноября 1907 г. состоялся последний юбилей И.Е.Забелина – общественность скромно отметила 70-летие начала его работы в Оружейной палате – собственно, начало его научной деятельности. В этот день Иван Егорович получил телеграмму от Императора Николая II: «В день семидесятилетней годовщины столь плодотворной деятельности Вашей на поприще отечественной истории от души приветствую Вас, уважаемый Иван Егорович, и сердечно желаю Вам сил и здоровья для продолжения столь полезного служения Вашего Великой России»⁶⁹⁵. И.Е.Забелин был представлен императору Николаю II, в 1890-е гг. он сопровождал его по залам Исторического музея. Известно также, что в 1903 г. император высказывал желание получить от автора изданную «Историю города Москвы»⁶⁹⁶.

⁶⁹⁵ Два юбилея учено-литературной... – С. 10.

⁶⁹⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 211.

О том, как прошел этот торжественный день, о поздравлениях, поступивших в адрес Ивана Егоровича, мы знаем из уже упомянутого сборника, изданного после его смерти его дочерью Марией Ивановной. Предваряя юбилейные материалы, она пишет: «Празднование юбилея носило частный характер. 87-летний юбиляр, несмотря на слабость, свойственную такому возрасту, принимал у себя на квартире депутации учреждений и обществ, а также и лиц, приносивших ему поздравления»⁶⁹⁷. Приветствовали юбиляра депутации от Исторического музея (весь состав) во главе с кн. Н.С.Щербатовым, от МАО, от только возникшего Московского Археологического Института, от Московской Синодальной типографии, от Румянцевского музея, от археологических обществ и архивных ученых комиссий, от частных лиц и др. Принимал поздравления юбиляр и от Московского городского головы – Н.И.Гучкова.

В адресе от Московской городской думы говорилось, что 6 ноября было принято решение «уполномочить Городского голову» лично от имени Думы принести приветствие юбиляру. В этом приветствии есть такие слова Городского головы: «Исполняя настоящее постановление Городской думы, прошу Вас, глубокоуважаемый Иван Егорович, принять и мое искреннейшее поздравление и горячее пожелание, чтобы родной наш город еще многие годы имел в лице Вашем своего талантливого историографа, коим справедливо гордится русское общество»⁶⁹⁸.

В качестве юбилейных подарков получил Иван Егорович и художественные произведения. С.О.Долговым (членом МАО, археографом, собирателем) ему были поднесены стихи:

Твой образ благородный начертан
 Великим Пушкиным потомкам в назиданье:
 Кругом борьбы, царит насилье и обман,
 Здесь тишина... И старец мирное творит
 «еще одно сказанье».

⁶⁹⁷ Два юбилея учено-литературной... – С. 7.

⁶⁹⁸ Там же. – С. 10.

А художник И.М.Булатов (о чьей картине в квартире Забелина в Историческом музее мы уже упоминали) поднес юбиляру акварельный его портрет своей работы с надписью; «Иван Егорович Забелин. В память семидесятилетней годовщины. Защитнику Русской Истории. Иван Булатов»⁶⁹⁹.

О самых последних годах жизни Ивана Егоровича известно немного. 86-летний старец, опираясь, прежде всего, на всемерную помощь дочери – Марии Ивановны, и ближайших сотрудников Исторического музея, занимался подготовкой к печати второй части своей «Истории Москвы». Работал он для своих лет очень напряженно. Помогавший ему по музею и по другим делам ученый секретарь, 30-летний И.М.Тарабрин вел краткий дневник, где записывал свои посещения Забелина. Записи «Я был у Забелина» встречаются в его дневнике за 1907 г. очень часто. Сам Тарабрин отмечает и состояние здоровья старца. В записи 22 марта 1907 г. говорится: «Я отправился было к И.Е.Забелину, но не был им принят, т.к. Иван Егорович серьезно заболел и слег»⁷⁰⁰. А вот запись от 17 сентября 1907 г.: «Я был у И.Е.Забелина, но не был им принят по внезапной его болезни»⁷⁰¹.

В июне–августе 1907 г. Тарабрин дважды ездил к Забелину на его дачу в Царицыне, 26 сентября он был на именинах Ивана Егоровича. 12 октября он записал: «Иван Егорович Забелин скромно справлял семидесятилетие своей служебной деятельности. Я вместе с прочими музейцами был у него и приветствовал»⁷⁰². Подводя итог 1907 г. Тарабрин пишет, что за год он 48 раз бывал у Забелина, что говорит об интенсивной работе последнего. Ведь Иван Егорович принимал у себя еще многих музейных сотрудников, знакомых и гостей. В записях 1908 г. Тарабрин упоминает о болезни Забелина в феврале. 19 мая вместе с А.В.Орешниковым он посетил Ивана Егоровича на его царицынской даче. А вот 28 мая прием в Царицыно был

⁶⁹⁹ Два юбилея учено-литературной... – С. 8.

⁷⁰⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 203. – Оп. 1. – Д. 260. – Л. 4.

⁷⁰¹ Там же. – Л. 11.

⁷⁰² Там же. – Л. 14.

отменен «ввиду внезапного нездоровья И.Е.Забелина». Историкам приходится сожалеть об этой сорванной поездке, ибо в этот день коллеги собирались приехать к Забелину с фотографом: «музейцы... думали вместе с И.Е. сняться группой»⁷⁰³.

26 сентября 1908 г. Тарабрин по обычаю посещает И.Е.Забелина по случаю его именин. Последние записи со словами: «Я был у Забелина» были сделаны И.М.Тарабриным 5 и 16 декабря 1908 г.

20 декабря он записал: «Я заходил было к И.Е.Забелину, но он опять заболел». Через 5 дней – запись: «...Занес визитные карточки И.Е.Забелину (по болезни он никого не принимал)».

И, наконец, последняя прижизненная о Забелине запись от 29 декабря 1908 г.: «Я был у Забелина. Ив. Ег. сильно занемог»⁷⁰⁴.

⁷⁰³ ОПИ ГИМ. – Ф. 203. – Оп. 1. – Д. 260. – Л. 63.

⁷⁰⁴ Там же. – Л. 75.

ГЛАВА 12.

КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ И.Е.ЗАБЕЛИНА

Скончался великий историк Москвы на 89-м году жизни от воспаления легких в последний день 1908 г. – 31 декабря.

В этот день И.М.Тарабрин записал в дневнике скорбные слова: «Не стало незабвенного товарища Председателя Исторического Музея Ивана Егоровича Забелина, скончавшегося в 10 часов утра от гриппозного воспаления легких на 89 году жизни. Потеря невознаградимая для Музея, тяжелая утрата для Русской науки. Мы, сослуживцы, потеряли благородного и доброго руководителя»⁷⁰⁵.

Смерть Забелина, несмотря на его очень преклонный возраст, была неожиданной. В последние годы он довольно часто болел, и к этому привыкли. В одном из писем близкий покойного кн. Н.С.Щербатов вспоминал, что Иван Егорович угас в несколько дней: «...еще 22 декабря пред отъездом моим в Петербург он казался мне совершенно оправившимся после инфлуэнции (гриппа – *авт.*) – он с интересом расспрашивал меня об выходе проф[ессо]ра Самоквасова, о которой я Вам говорил, и вообще был бодр. Болезнь, однако, уже 23-го осложнилась воспалением легких; сильно страдая и, видимо, сознавая близкий конец, наш старец, закрыв глаза, скончался в 10 ч. утра 31 декабря, на 89 году жизни»⁷⁰⁶.

До революции событиям, предшествовавшим кончине человека, обрядам прощания, отпевания и погребения и их отражению в некрологах уделялось особое внимание. Все московские газеты откликнулись на смерть

⁷⁰⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 260. – Л. 75.

⁷⁰⁶ Там же. – Д. 1006. – Л. 7.

Ивана Егоровича, но, пожалуй, наиболее выразительные и обстоятельные некрологи были напечатаны в «Раннем утре» и «Московском листке». Попробуем составить хронику тех траурных дней.

О последних днях жизни Забелина и его болезни сообщило «Раннее утро» от 3 января 1909 г.: «В декабре покойный занемог инфлуэнцией. 22 декабря вечером симптомы инфлуэнцы исчезли. Но 23-го температура снова поднялась. Появилось осложнение, выразившееся воспалением правого легкого. 29 декабря, казалось, воспалительный процесс остановился. Но в ночь на 30 декабря температура поднялась до 40 с лишним градусов. Деятельность сердца сохранялась все время хорошо. Больной до острого момента принимал жидкую пищу, но затем, вследствие упадка сил, не мог даже отхаркивать мокроту и, видимо, начал сильно страдать...»⁷⁰⁷.

После смерти, 31 декабря, тело почившего положили в дубовый глазетовый гроб, покрытый серебряной парчой. Гроб поставили в зале квартиры в Историческом музее. Примечательно, что на стене, вблизи гроба, висело изображение тверской Никольской церкви, что на Зверинце, в которой был крещен младенец Иван Забелин. С покойного была снята посмертная маска, а 1 января сделана фотография. Художник, слушатель Московского Археологического института М.А.Розанов сделал портрет акварелью⁷⁰⁸.

У гроба ежедневно совершались по две панихиды – в 1 ч. дня и в 8 ч. вечера. Панихиду совершал священник из приходской церкви Троицы, что в Полях при пении хора певчих. На панихидах присутствовали известные деятели, сотрудники Исторического музея, близкие и знакомые, в частности городской голова Н.И.Гучков, председатель МАО П.С.Уварова, ректор Московского университета А.А.Мануйлов, профессор Д.Н.Анучин, кн. Н.С.Щербатов с супругой⁷⁰⁹.

⁷⁰⁷ У гроба И.Е.Забелина // Раннее утро. – 1909. – 3 января.

⁷⁰⁸ Там же.

⁷⁰⁹ Там же.

На кончину Забелина откликнулись телеграммами члены царской семьи, многие знаменитые и вообще известные ученые и общественные деятели. От императора Николая II на имя Марии Ивановны Забелиной пришла телеграмма: «С прискорбием узнал о кончине Ивана Егоровича. Примите искреннее выражение Моего соболезнования в вашем тяжелом горе»⁷¹⁰. Телеграммы были и от вдовствующей императрицы Марии Федоровны, от великого князя Александра Михайловича, других членов Августейшей семьи.

На ленте лаврового с пальмовыми ветвями венка от великого князя Михаила Александровича была надпись: «Неутомимому труженику, историографу земли русской. Председатель Исторического музея Михаил»⁷¹¹. От великой княгини Елизаветы Федоровны к гробу был возложен венок из белых роз, ландышей и лилий, а от Московского университета прислали искусственный венок из гиацинтов и лилий на фоне дубовых листьев⁷¹².

Сам И.Е.Забелин при жизни в своем завещании просил не приносить венков, но об этом стало известно из газет только после кончины.

3 января 1909 г. в 9 утра была отслужена последняя панихида на квартире И.Е.Забелина в Историческом музее, и гроб был перенесен на руках музейными работниками в университетскую Татианинскую церковь. В 10 ч. заупокойную литургию совершали епископ Анастасий с митрофорным протоиереем И.И.Восторговым, протоиереями Н.А.Елеонским, Н.А.Соловьевым. Пел хор Л.С.Васильева. На литургии присутствовала дочь ученого, известные историки, архивисты, педагоги, руководители музеев, архивов, учебных заведений, научных общественных организаций: кн. Н.С.Щербатов, председатель МАО П.С.Уварова, ректор Московского университета А.А.Мануйлов, профессора-историки: Д.И.Иловайский,

⁷¹⁰ У гроба И.Е.Забелина // Ранее утро. – 1909. – 3 января.

⁷¹¹ Похороны И.Е.Забелина // Московский листок. – 1909. – 4 января

⁷¹² У гроба И.Е.Забелина // Ранее утро. – 1909. – 3 января.

А.А.Кизеветтер, Д.Н.Анучин, В.О.Ключевский, С.Ф.Платонов, А.Н.Веселовский, Д.Я.Самоковасов, В.И.Герье, художник В.М.Васнецов, директор Строгановского училища Н.В.Глоба, директор Лазаревского института В.Ф.Миллер, зав. архивом Императорского Двора Л.М.Савелов, представитель МАМЮ Н.Н.Ардашев, преподаватель Московского Археологического института генерал Н.А.Маркс, члены МАО, других научных обществ, слушатели Московского Археологического института⁷¹³.

По окончании литургии состоялось отпевание, гроб перенесли к Историческому музею, где была отслужена лития, а оттуда по улице Никитской процессия прошла к Никитскому монастырю, где была встречена местным духовенством и монахинями, и по совершении литии гроб поставлен на погребальную колесницу и перевезен на Ваганьковское кладбище. Здесь у семейного участка, где находились захоронения матери, жены и дочери Забелина, состоялась лития, и гроб опустили в могилу.

МАО организовало мемориальные мероприятия: 19 января 1909 г. в 20-й день по кончине И.Е.Забелина на Берсеневке, где заседало общество, причтом храма Николы на Берсеневке была отслужена панихида «при пении хора певчих»⁷¹⁴, а 10 февраля прошло заседание, посвященное памяти ученого⁷¹⁵, на котором присутствовал и уполномоченный от Московского городского управления, член Городской управы С.В.Челноков. Прозвучало 3 доклада: Н.Н.Ардашева «И.Е.Забелин как теоретик археологии», Д.Н.Анучина об археологических трудах И.Е.Забелина до 1876 г.⁷¹⁶ и В.Н.Щепкина «И.Е.Забелин как исследователь русского искусства». По словам В.Н.Щепкина, «Забелин принадлежит к числу явлений, не повторяющихся. Это — ушедший колосс, подобного которому не будет вновь».

⁷¹³ Похороны И.Е.Забелина // Раннее утро. — 1909. — 4 января; Похороны И.Е.Забелина // Московский листок. — 1909. — 4 января.

⁷¹⁴ Протокол № 695 от 19 января 1909 г. // Древности... — Т. 22. — Вып. 1. — М., 1909. — С. 410.

⁷¹⁵ Протокол №696 от 10 февраля 1909 г. // Там же. — С. 422–423.

⁷¹⁶ Доклады опубликованы, см.: Там же. — Вып. 2. — С. 71–218; 29–70.

В газетах, журналах, периодических и продолжающихся изданиях научных обществ были опубликованы более двух десятков некрологов, подписанных учеными, общественными деятелями. Вот, например, как писала об Иване Егоровиче «Нива» в одном из первых номеров 1909 г.: «Кончина И.Е.Забелина – огромная утрата для науки. Наука потеряла в лице Забелина редкого исследователя-художника, умевшего вносить в архивную и археологическую "мертвечину" живую душу и заставлявшего говорить живым языком даже самые сухие исторические документы. Под талантливым пером Забелина воскресало наше прошлое, облекались в плоть и кровь давно похороненные лица. С ветхих старинных грамот, реестров, росписей, летописей талант Забелина сметал вековую пыль. Читая его "Историю Москвы" или "Быт русских царей", слышишь благовест московских колоколов, пение клира, шуршание парчевых одеяний, звон кубков и братин на царских пирах, громкие речи ближних бояр. Редко кому-либо из серьезных ученых удавалось так пластично и живо воскресить пред нашим умственным взором старину, как удалось сделать это И.Е.Забелину»⁷¹⁷.

Коллеги и близкие в первый год после кончины Забелина много раз собирались и обсуждали вопросы увековечения памяти великого москвича и историка Первопрестольной.

По православному обычаю в 40-й день по кончине Ивана Егоровича, 8 февраля 1909 г., в храме Троицы в Полях состоялась заупокойная литургия. 31 декабря того же года, в годовщину смерти историка, в той же церкви прошли заупокойное богослужение и панихида. В здании Исторического музея в тот же памятный день также была проведена панихида по Забелину. И вообще, до революции заупокойные богослужения в Троицком храме проводились ежегодно в день кончины И.Е.Забелина.

Время от времени московские газеты помещали краткие заметки и известия, в которых упоминали имя ученого. Запомнилось опубликованное

⁷¹⁷ И.Е.Забелин // Нива. – 1909. – № 4. – С. 79.

вскоре после кончины историка в газете «Московские ведомости», а затем перепечатанное в еженедельном художественно-литературном иллюстрированном журнале «Вече» несколько наивное, но душевное большое стихотворение «Памяти И.Е.Забелина», подписанное неким Василием Ивановым:

«На свет он явился, – и силы свои
Отдал на служенье России:
Любовью он к ней беспредельно горел,
Надежды огонь в нем теплился,
Он верил в великий России удел
И мудро всю жизнь он трудился: –
Как Нестор, – уйдя от житейских страстей,
Оставил земное веселье,
Преданьями жил лишь отчизны своей
Всю жизнь в одинокой он келье...
Но нет! В этой келье он был не один:
Пред взором его воскресали
Истории русской минувших годин
Родные, святыя скрижали...
И чуял своею он русской душой
Весь внутренний смысл тех преданий,
И много оставил земле он родной
О них вдохновенных сказаний.
Вся древняя Русь с жизнью русских царей
В сказаниях тех воскресает,
И нас простотой величавой своей
В глубь древних времен увлекает...
Как труженик, он средь любимых работ
Дни кончил свои трудовые...
Но имя его никогда не умрет
В сердцах благодарной России»⁷¹⁸.

В 1910 г. Училищный Совет при Св. Синоде выпустил популярную книжечку образовательно-воспитательной направленности в серии «Русские самородки в жизнеописаниях и изображениях», где один из очерков был

⁷¹⁸ Иванов В. Памяти И.Е.Забелина // Вече. – 1909. – 18 янв.

посвящен Забелину⁷¹⁹. Причем через все кратко изложенное жизнеописание Ивана Егоровича рефреном проходит мысль о его самоотверженном труде, позволившем в самых неблагоприятных жизненных условиях (бедность, невозможность получить хорошее образование, необходимость добывать кусок хлеба и т.д.), благодаря природному уму и таланту стать «одним из самых уважаемых работников русской науки» – «Если всякий человек, получивший достаточное образование и выполнивший важный ученый труд, достоин нашего уважения, то тем более достоин его тот, кто вследствие своей бедности, не получив образования, своим трудом и настойчивостью одолел науки и сделался видным ученым. Вот почему, уважая всех людей науки, мы должны особенное уважение чувствовать к Ивану Егоровичу Забелину, этому неутомимому труженику русской науки, всей душой любившему нашу родину, со всеми ее невзгодами и светлыми радостями»⁷²⁰.

Исторический музей взял на себя расходы по постановке памятника на могиле И.Е.Забелина. В архиве ученого сохранилось несколько документов по этой теме, в частности, письмо М.И.Забелиной в Управление Исторического музея от 21 августа 1913 г., где она благодарит Музей за желание установить достойный надгробный памятник на могиле ее отца⁷²¹. Памятник был изготовлен в известной мастерской Д.И.Кабанова у Мясницких ворот и представлял собой выполненный из финляндского зернистого красного гранита массивный обелиск в виде жертвенника. Такие ампирные классические надгробные памятники были популярны в конце XVIII – начале XIX в., во время, когда и родился Иван Егорович.

В бумагах забелинского архивного фонда сохранился рукописный черновик списка приглашенных на освящение памятника в субботу 21 декабря 1913 г. В списке: великая княгиня Елизавета Федоровна, М.И.Забелина, И.Е.Бондаренко, Д.И.Кабанов, М.П.Степанов,

⁷¹⁹ Иван Егорович Забелина, исследователь древностей и историк (1820–1908) // Русские самородки в жизнеописаниях и изображениях. – Вып. 1: Историки Голиков, Забелин, Погодин. – СПб., 1910. – С. 16–30.

⁷²⁰ Иван Егорович Забелин, исследователь древностей и историк... – С. 29–30.

⁷²¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 94.

Б.М. и Ю.М.Соколовы. Наличие в списке имени известного архитектора И.Е.Бондаренко позволяет предположить его авторство в проектировании надгробия⁷²².

22 декабря 1913 г. газеты, в том числе «Московский листок», «Раннее утро» напечатали краткие заметки об этом событии. 21 декабря в кладбищенской Воскресенской церкви были совершены заупокойное богослужение и панихида. Священник отслужил молебен на могиле, затем окропил памятник святой водой. На кладбище присутствовали все музейные служители во главе с председателем Исторического музея кн. Н.С.Щербатовым, а также зав. отделом статистики Московской городской управы В.Г.Михайловский, друзья и почитатели И.Е.Забелина. В «Раннем утре» сообщалось, что памятник сооружен в стиле александровского ампира и увенчан бронзовым шаром с крестом⁷²³. Заметку сопровождала фотография, к сожалению, на газетной бумаге, получившаяся невыразительной. В «Московском листке» фотография чуть лучшего качества.

⁷²² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 96.

⁷²³ Раннее утро. – 1913. – 22 дек.

ГЛАВА 13.

ЗАБЕЛИН КАК РУССКИЙ ТИП И КАК ПАТРИОТ МОСКВЫ И РОССИИ

Биографы И.Е.Забелина традиционное уделяют преимущественное внимание вехам жизненного пути и научному творчеству историка Москвы, что и понятно. Обращают внимание на его внешность, отчасти на черты характера, но, пожалуй, тема внутренних убеждений, взглядов, гражданской позиции Забелина специально в историографии почти не рассматривалась. Между тем, многочисленные архивные материалы, в первую очередь, неофициальные — воспоминания, письма, а также опубликованные ныне фрагменты воспоминаний, дневники, записные книжки дают возможность познакомиться с мыслями и взглядами историка на разных этапах его долгой жизни. Тем более что дневниковые записи И.Е.Забелина не являются в полном смысле слова повседневными записками, и не только потому, что вел И.Е.Забелин свои дневники не каждый день. В них он часто пренебрегает чисто событийной канвой текущей жизни, иногда записывает события очень кратко, в них не так много информации о важных моментах в жизни автора дневника, но оценок, рассуждений, изложения своих взглядов на тот или иной предмет или событие, философского и исторического их осмысления можно найти гораздо больше. Мы, конечно, в рамках этой книги не ставим перед собой задачу раскрыть полноценно сложный внутренний мир историка. Но внимательнее прислушаться к его мыслям, уяснить некоторые типические черты его натуры, наконец, из его собственных уст, посредством записей в дневнике или из уст людей, хорошо знавших его, услышать его мнения и оценки по самым разным поводам, нам представляется

интересным, и в этой главе мы, по мере возможности, попытаемся это сделать.

Тип ушедшего русского самородка хорошо охарактеризовал историк, член МАО и ОИДР Д.И.Иловайский на заседании ОИДР памяти И.Е.Забелина: «Сколько я мог наблюдать Ивана Егоровича, мне он представлялся всегда превосходным типом русского и даже специально великорусского или московского человека, сметливого, талантливому, степенного, трезвого, до мозга костей проникнутому старозаветными, православными традициями, сознательно, без всякой рисовки, непоколебимо преданного своей родине и своей народности... Внушительный, благообразный и, можно сказать, иконописный облик Ивана Егоровича, а также его высокая фигура и чрезвычайно крепкий, выносливый организм как-то невольно напоминает мне степенных, умных, умудренных опытом московских бояр и наиболее деловитых думных дьяков, то есть лучших царских сотрудников и слуг, которые выносили на своих плечах главное бремя государственного строительства»⁷²⁴.

Очень кратко и значимо об Иване Егоровиче выразился его друг и почитатель, филолог и искусствовед В.Н.Щепкин: «Такие звезды светят народу раз в столетие»⁷²⁵.

И.Е.Забелин интересен не только как разносторонний ученый, крупнейший историк Москвы, но и необычайно своеобразный тип русского мыслителя, досконально знавшего историю и быт русского народа. Вышедший из самых низов, переживший безотцовщину и всяческие лишения в детстве и юности, Иван Егорович не просто знал, но понимал жизнь, быт и нужды простого народа. Наверное, не случайно именно народ он считал главной движущей силой истории и государства.

⁷²⁴ Речь Д.И.Иловайского // ЧОИДР. – 1909. – Кн. 1 (228). – М., 1909. – С. 5–8.

⁷²⁵ Цит. по: Масленникова Н.В. «Долг, завещанный от Бога...» (на 100-летие кончины И.Е.Забелина // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. – 2009. – № 1. – Ч. 2. – С. 194.

Имея критический склад ума, доверяя только фактам и своей интуиции историка, он не примкнул в молодости ни к славянофилам, ни к западникам, хотя и посещал кружки последних. С возрастом и с увеличением багажа знаний по истории Руси Забелин все больше «правел», утверждался в мысли, что сильная власть в монархической форме наиболее приемлема на Руси, что такую власть желал сам народ, что русская культура и быт ярки, самоценны и самобытны, что православная вера составляла стержень государства и народа, что у России свой особый путь развития. Накопление и анализ громадного фактического материала из повседневной истории допетровской Руси позволили ему пересмотреть многие исторические догмы. Фактическое знание прошлого Руси, истории кровавых междоусобий, понимание главенствующей роли Москвы в объединении русских княжеств и земель постепенно сделали И.Е.Забелина государственнымником, монархистом и патриотом.

Наблюдая за настроениями в обществе в год освобождения крестьян от крепостной зависимости, 40-летний Забелин записал 27 февраля 1861 г.: «Свобода, независимость, самостоятельность, самоуправление – вот, теперешний миазм наших мыслей, эпидемия, которая всех заражает и заставляет болеть этими болезнями»⁷²⁶.

Оставленные нам И.Е.Забелиным заметки в дневнике и записных книжках выражают мысли автора и отражают те проблемы, которые занимали его ум. Размышляя об отличии киевского и московского периодов в истории Руси, он писал: «Киевская история – кочевая история и отличается от московской. А боярам и слугам вольным воля. Куда хотят, туда и отъезжают. Право отъезда – наследие кочевого быта, остаток кочеванья. Была трудная задача для Москвы усадить всех в государство из кочевой езды. Идея единодержавной и, следовательно, самодержавной власти давно носилась в промышленном народе. Она с особой силою получила свой рост

⁷²⁶ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 245.

от Шемякиной смуты... Боязнь, страх, чтобы не повторилась Шемякина смута, заставлял простой здравый рассудок поступать с виновниками и заводчиками междоусобной смуты бесчеловечно жестоко»⁷²⁷.

Занимала и волновала историка и личность Ивана Грозного, оценка его деятельности в свете развития Русского государства и его судеб. 8 января 1891 г. он сделал запись после встречи с преподавателем Владикавказской гимназии: «В разговоре об Иване Грозном я объяснил ему, что каждый разумный историк станет на сторону Грозного, ибо как он ни был без ума, а он содержал в себе идею, великую идею государства, во имя которой и буйствовал. А около него какие низменные своеличные идеи грабежа, захвата и т.д., окружавшие его идею ничтожны»⁷²⁸.

Позже в записной книжке он вновь возвращается к личности этого царя, которого считал «...сильнейшим выразителем... русского сознания... целостности и единства Русской земли»: «Он выводил измену кровавыми делами. Да как же иначе было делать это дело. Надо было задушить Лютого Змия, нашу славянскую рознь, надо было истребить ее без всякой пощады»⁷²⁹.

Есть в дневниках И.Е.Забелина и общий взгляд на «русские национальные начала», где он более основательно развивает мысль о единстве:

«1) Народное единство. Вся история шла к нему. Какой орган его утвердил и может его держать правильно, об этом можно толковать, как и обо всем другом, только на исторической почве. Народы или его история создает надобный для дела орган. Тоже история подвергает его по временам тяжким испытаниям, подвергает пробе и остается при том, что выдерживает пробу. Русский народ в своей истории ушел далеко от славянской розни. Вот

⁷²⁷ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 178.

⁷²⁸ Там же. – С. 147.

⁷²⁹ Там же. С. 175.

его заслуга перед славянством, перед собственным положением и перед всемирной историей.

2) Вера, какая бы ни была, всегда служит национальным началам. Она и создает народность со всеми ее достоинствами и недостатками, создает и политическое развитие, и все бытовое устройство. Русское православие в своем характере выработано народом. Оно отлично от греческого православия. Вечные неподвижные истины. Они неколебимы. Но их воплощение везде в христианстве различно. В нашей вере много остается или осталось эпического. Рационалисты этого не понимают. Они ведь умники-разумники, действующие одним только умом, а жизнь живет чувством, столько же и еще больше, чем умом. Чувство же всегда оказывается тупым или глуповатым перед голым умом, но глупым потому, что ум не разбирает, по каким причинам и обстоятельствам чувство оказалось глупым... Глупые формы быта (Домострой) все до одной имели глубоко умное основание в жизни. Они теперь еще глупее кажутся, потому, что выдохлось из них содержание, и они представляет собой пустые сосуды. Надо знать, что Древность была умнее нас и пустого не делала»⁷³⁰.

Простыми, ясными словами Забелин объяснял и сущность патриотизма и, похоже, что он одним из первых точно сформулировал его суть: «Что такое патриотизм? Патриотизм есть чувство. Какое? Чувство семейного очага, чувство родной страны, чувство в себе родной страны как своего дома, своей семьи. Чувство племенного народного эгоизма, себялюбия и самолюбия, именно народного, племенного. Чувство своей жизни, своей истории, своей географии или местности, дома. Вы любите свой дом, свою деревню, свой город, уезд и т.д, распространяя эту любовь на всю родную страну. Если родная страна столько же вам дорога, как свой дом, своя семья, если вы чувствуете все ее выгоды и невыгоды и сердечно об них заботитесь – вот, вы и патриот»⁷³¹. И – еще одни важные слова И.Е.Забелина о

⁷³⁰ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 180–181.

⁷³¹ Там же. – С. 179.

патриотизме: «Русское чувство. Это любовь к Отечеству, своей Русской земле, такая же, как к своей семье, то, что зовут патриотизмом»⁷³². С высоты сегодняшнего дня мы можем сказать, что И.Е.Забелин этими именно совершенно простыми и ясными словами еще в XIX в. определил и основные принципы краеведения.

Противопоставляя патриотизм космополитизму, разумеется, не в пользу последнего, Забелин писал 1890-х гг.: «Закон индивидуальной жизни – жить для себя настолько, чтобы существовать. Как скоро я существую, я обязан себя хранить, содержать. Самопожертвование является тогда, когда я признаю и сознаю новую индивидуальность, для которой и жертвую себя. Есть патриоты, которых отечество, т.е. высшая индивидуальность нигде не существует, как только в идее всемирного гражданства. Но, коснись их кожи, они заговорят другое, потому что идея космополита легче, несравненно легковеснее, чем идея отечества, где родился»⁷³³.

Друзья и коллеги Забелина по 1840-м гг., либералы-западники, замечали «поправение» ученого, высказывавшего свои мысли в работах. И даже хорошо знавший Забелина и тепло о нем отзывавший историк Б.Н.Чичерин упрекал в своих «Воспоминаниях» Ивана Егоровича: «Забелин несколько свихнулся... В нем разыгрался узкий патриотизм, не сдержанный просвещением, и он заразился взглядами, приближающимися к славянофильству. Он стал изгонять ненавистных немцев из древней русской истории, увлекся поверхностной ученостью Геденова и в доказательство славянского происхождения тех или иных названий стал приводить такие словопроизводства, которые приводили в ужас истинных филологов...»⁷³⁴.

Позже и сам И.Е.Забелин нелестно охарактеризовал лагерь либералов-западников, с которым он когда-то был тесно связан: «...Они тщеславны

⁷³² Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 176.

⁷³³ Там же. – С. 179.

⁷³⁴ Цит. по: *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин... – С.162–163. Б.Н.Чичерин написал эти слова после чтения книги И.Е.Забелина «История русской жизни с древнейших времен». (Ч. 1–2. – М., 1876–1879).

своим высоким будто бы развитием. Они, в сущности, пессимисты, вечно ноющие, плачущие, недовольные окружающим беспорядком»⁷³⁵.

Забелин ратовал за русский язык против засорения его словами из других языков. Вот, его посыл: «Если вы писатель, если даже вы простой столоначальник, сочиняющий доношения, отношения, предложения и всякие канцелярские бумаги, русское чувство не позволит вам вводить в русский язык и речь иностранные слова, загромождающие русский язык без всякой нужды речениями, которые вполне могут быть заменены русскими словами». Сетовал ученый и на то, что «...государственная служба наполнена иноземцами, не знающими России, да, и знать не желающими»⁷³⁶.

Последние годы жизни И.Е.Забелин очень тяжело переживал Русскую Смуту 1905–1907 гг., о чем свидетельствуют его дневники и записные книжки. В январе 1905 г. он записал: «...революционная Русь сердечно, душевно и умственно очень болеет...»; 4 февраля 1905 г.: «в 4 часа и 46 минут взрыв бомбы, убит великий князь Сергей Александрович. Ужас. Онемели руки и ноги...». К июню 1905 г. относится запись: «Россия на смертном одре»⁷³⁷.

По мере развития революции высказывания И.Е.Забелина становятся еще резче и прямее. Приведем лишь некоторые из них: «Идет несчастливая тягостная война (Русско-японская – *авт.*), и ниоткуда в газетах ни слова одобрения, помощи. Напротив, все взапуски трактуют общие беспорядки в армии, во флоте и повсюду наводят уныние, страх и отчаяние...». «Забастовки повсюду... Все как бы желают отличиться либеральнейшими мнениями... Правду иные говорят, что вся Русь теперь представляет дом сумасшедших... Поневоле скажешь, что это эпидемия вроде чумы или холеры...». «Общий характер болезни – свобода, т.е. буйство, бунт, неповиновение начальству и всякая необузданность. Зверь выскочил из

⁷³⁵ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 179.

⁷³⁶ Там же. – С. 176.

⁷³⁷ Там же. – С. 213–214.

клетки, широко почувствовал свободу и начал куролесить...». «Всяческое мало-мальски патриотическое настроение или действие толпы, враждебной радикалам революции, немедленно осмеивается или обругивается Черной сотней...»⁷³⁸.

Конечно, после революции 1917 г. подобная позиция никак не могла вызвать одобрения. И уж совсем приводили биографов ученого в замешательство и даже ступор его высказывания о роли и действиях интеллигенции, адвокатуры, печати в тяжелые для Отечества времена. В том же 1905 г. он записал: «Самое глупое, бездарное политическое существо в России – это российская интеллигенция... Сила, но без-умная»; «Самое вредное животное в России – адвокатура». Не одна ругательная строка обращена к «жидовствующим»⁷³⁹ газетам, сочиняющим «картинки народного быта, унижающие русского человека, представляемого в скотообразном виде»⁷⁴⁰. Критиковал И.Е.Забелин и правительство, которое, по его мнению, не принимало должных репрессивных мер. Биограф Забелина А.А.Формозов объяснял такие слова тем, что «...Забелин пережил себя, выпал из своего времени. Революция 1905 года испугала его. Он был достаточно умен и проницателен, чтобы понять серьезность происходящего, но не умел отделить судьбу обреченного самодержавия от судеб родины... На деле Забелину были свойственны и нетерпимость, и резкость, и упрямство, и большое самомнение»⁷⁴¹.

Конечно же, И.Е.Забелин, как и любой человек, обладал некоторыми и не совсем привлекательными чертами характера, но в данном случае биограф не прав. Как раз Забелин, будучи «проницателен», точно знал и предвидел, к чему могла привести революция в случае ее победы. А сегодня хорошо известно, что именно значительная часть интеллигенции того времени

⁷³⁸ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 215–218.

⁷³⁹ Нужно иметь в виду, что слово «жид» во времена Забелина не имело той негативной или даже оскорбительной окраски, которую приобрело позднее и, к сожалению, сохраняет до сих пор. На южных и западных окраинах, откуда и пришло в употребление, оно было диалектным, без какого-либо дополнительного смысла.

⁷⁴⁰ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки... – С. 215.

⁷⁴¹ Формозов А.А. Историк Москвы И.Е.Забелин... – С. 220–221.

расшатывала государство и участвовала в революции, что газеты того времени, руководимые неправославными, нередко ненавидевшими Россию людьми, по большей части занимали пораженческие позиции и подстрекали к революционным действиям.

Это лишь очень краткая характеристика тех взглядов, принципов, убеждений, которые были присущи И.Е.Забелину, почерпнутая из его высказываний и записей. Это – лишь штрихи к портрету ученого и человека, причем ученого и человека именно незаурядного, сложного. Тем не менее, без попыток глубже понять характер и вообще личность И.Е.Забелина, как нам кажется, трудно будет и уяснить многие факты его биографии, оценить содержание его научного творчества. Эта тема, безусловно, должна попасть под более пристальное внимание его биографов. Многое, помимо дневников, записных книжек, мыслей, высказанных в полемике и тому подобного, может дать переписка. В письмах И.Е.Забелина чувствуется его характер – недовольство, раздражение или, напротив, уважительный, теплый тон по отношению к тому или иному корреспонденту, в связи с теми или иными действиями и событиями. Письма, как документы неофициальные, личностные, как раз в наибольшей степени – иногда напрямую, иногда косвенно – отражают именно личностные черты автора. Интересны очень сохранившиеся в архиве Забелина различные пометки, записки, сделанные для себя, на черновых рукописях, краткие записи каких-либо событий, впечатлений о них, также сделанные для себя и вполне откровенные с точки зрения эмоций, оценок. Весь этот богатый материал еще ждет своего исследователя, он требует выявления из огромного массива писем, черновых записей, рабочих материалов ученого и осмысления.

ГЛАВА 14.

ПАМЯТЬ О ЗАБЕЛИНЕ

Мемориальные мероприятия в связи с кончиной И.Е.Забелина

Заслуги И.Е.Забелина перед Москвой были высоко оценены и еще при жизни и уже в первые годы после его кончины. Московская городская дума, по заказу которой Забелин целенаправленно более четверти века писал историю Москвы, на своем заседании 3 января 1909 г. решила продолжить планомерное собирание материалов по истории города и учредить премии для продолжения работы И.Е.Забелина. Члены МАО на заседании 4 января 1909 г. в день отпевания И.Е.Забелина обсудили предложение известного историка, профессора Московского археологического института (МАИ), члена МАО Н.Н.Ардашева создать в Институте кафедру археологии и топографии Москвы им. И.Е.Забелина. По словам Ардашева, это стало бы лучшим способом увековечить память историка Москвы, а, кроме того, могло бы начатую им работу «сделать преемственной, непрерывною, независимою от существования одного человека»⁷⁴². На заседании МАО 11 января 1909 г. было постановлено признать «желательным учреждение кафедры археологии и топографии Москвы имени И.Е.Забелина» при МАИ или Московском университете, а также просить московское городское управление ассигновать средства на учреждение премии им. И.Е.Забелина при МАО «за научные исследования по истории и археологии Москвы»⁷⁴³.

⁷⁴² Цит. по: Козлов В.Ф. Московведение в начале XX в. // Археографический ежегодник за 1997 г. – М., 1997. – С. 173.

⁷⁴³ Протокол № 694 от 11 января 1909 г. // Древности... – Т. 22. – Вып. 1. – М., 1909. – С. 409.

26 января в МАО было заявлено об учреждении такой премии и кафедры⁷⁴⁴. Премия была учреждена с 1 января 1910 г., и ее предполагалось давать за исследования по истории Москвы. По разным причинам кафедру удалось открыть только в 1912 г. В МАИ стал формироваться и музей древностей им. И.Е.Забелина.

При статистическом отделе Городской управы в пятую годовщину кончины ученого 31 декабря 1913 г. была открыта библиотека им. И.Е.Забелина, куда начали поступать дары в виде книг, рукописей, монет, произведений искусств, фотографий, имевших отношение к Москве. На заседании Комиссии МАО по изучению старой Москвы (она была создана в декабре 1909 г.) 4 марта 1916 г. в доме графини П.С.Уваровой в Леонтьевском пер. членом-учредителем Комиссии В.К.Трутовским было сделано небольшое сообщение «О Забелинской библиотеке в Москве», из которого узнаем, что за два с небольшим года книжное собрание достигло 5 923 томов, «из которых большинство составляет часть изданий Думы по разным рубрикам, часть по хозяйственным», что городским управлением ассигновались средства на покупку книг и планов города, а также на содержание служителей, что библиотека пополнялась портретами московских городских голов: «Куманина – в 1812 г., Шелапутина – также в 1812 г., Титова – в 1814–1818 гг., второго Куманина, Шапошникова, Е.Гучкова, Королева и Кирьякова»⁷⁴⁵.

Дочь Ивана Егоровича Мария Ивановна, выполняя волю покойного, передала Историческому музею не только его богатое собрание (более 950 рукописей XV–XIX вв., редкие карты, иконы, предметы быта и проч.), но и библиотеку (около 11 тыс. томов) и всю обстановку его рабочего кабинета и большую часть его личных вещей. В 1909 г. Совет Исторического музея принял решение открыть в Музее мемориальный кабинет И.Е.Забелина.

⁷⁴⁴ ЦГА г. Москвы до 1917 г. – Ф. 179. – Оп. 23. – Д. 845. Об увековечении памяти И.Е.Забелина. 27.04.1909 г. – 17 л.

⁷⁴⁵ ОР РГБ. – Ф. 177. – Оп. 1. – К. 1. – Д. 3. – Л. 105об.

Появился на карте города и забелинский топоним. В 1910 г. короткий проезд Никольских ворот между стеной Кремля и Историческим музеем, в здании которого последние 23 года жил и трудился ученый, назвали его именем.

Каждый год после смерти И.Е.Забелина в исторической периодике появлялись статьи о нем. В 1909 г. было опубликовано 15 статей, в том числе таких именитых историков, археологов, этнографов, как Д.Н.Анучин, Н.Н.Ардашев, Е.В.Барсов, Д.И.Иловайский, А.А.Кизеветтер, А.С.Лаппо-Данилевский. В последующие годы, с 1910-го по 1916-й, появлялось по 2–4 статьи, в том числе в крупнейших энциклопедиях: братьев А.и И.Гранат (Т.20. 1913 г. – автор А.Кизеветтер), Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Т.18. 1914 г. – авторы Н.Павлов-Сильванский, Ел-ч А.). В 1910 г. М.И.Забелина, следуя воле покойного отца, напечатала приветственные адреса, телеграммы и другие материалы последних его юбилеев в особом сборнике⁷⁴⁶. В 1911 г. был опубликован сборник «Памяти Ивана Егоровича Забелина», включивший и роспись его завещания, и статью о его научном творчестве, и его библиографию⁷⁴⁷ (одноименный раздел того же состава был включен в вышедший в 1916 г. Отчет Исторического музея).

Возможно, прямым результатом большого внимания московской ученой общественности в 1909 г. к личности и заслугам И.Е.Забелина стало открытие в структуре МАО 27 декабря (почти в годовщину кончины И.Е.Забелина) Комиссии по изучению старой Москвы – первого чисто москвоведческого общества. Инициатором создания этой Комиссии была П.С.Уварова – председатель МАО, которую высоко ценил И.Е.Забелин, неоднократно бывавший в ее особняке в Леонтьевском пер., а также на заседаниях Общества в Доме МАО на Берсеневской наб., до последних

⁷⁴⁶ Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. – М., 1910. – 88 с.

⁷⁴⁷ Памяти Ивана Егоровича Забелина. – М., 1911. – 32 с.

месяцев жизни связанный с возглавляемым ею Обществом, о чем мы уже упоминали.

Пожалуй, самым впечатляющим памятником И.Е.Забелину стал изданный в 1909–1912 гг. коллективный труд «Москва в ее прошлом и настоящем» в 12 выпусках-книгах. Это прекрасно иллюстрированное, посвященное памяти И.Е.Забелина издание содержит написанные известными учеными очерки по географии, истории, культуре Москвы, о быте и нравах москвичей. Первые шесть выпусков включают работы о допетровской Москве, седьмой–девятый выпуски – о периоде XVIII – начала XIX в., а десятый–двенадцатый – о периоде XIX – начала XX в. В многотомнике издатели поместили около 900 иллюстраций. В этом мемориальном научно-популярном фундаментальном труде приняли участие такие известные ученые-археологи, историки, публицисты, как Д.Н.Анучин, С.К.Богоявленский, М.В.Довнар-Запольский, Ю.В.Готье, С.П.Мельгунов, В.И.Пичета, С.Ф.Платонов, М.К.Любавский, Ю.И.Шамурин и др. На долгие десятилетия это капитальное мемориальное издание стало главным систематизированным пособием по истории Москвы и не потеряло своей научной значимости до настоящего времени.

После кончины историка почти ежегодно переиздавались различные его произведения. В 1915 г. библиотекарь Исторического музея И.М.Тарабрин и М.И.Забелина подготовили и опубликовали вторую часть «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII столетиях», над которой И.Е.Забелин работал в последние годы жизни, а уже после переворота 1917 г. (в 1918 г.) вышло 4-е издание первой части этой книги.

Мария Ивановна Забелина – верная помощница и хранительница памяти Ивана Егоровича

Выше мы уже писали о том, что вся семья Забелина – жена и две дочери, оказывала ему посильную помощь в организации научной работы, подготовке к изданию рукописей, сверке текстов и т.д. После кончины в

1896 г. Анастасии вся эта и другая работа, включая и домашнюю-бытовую, легла на плечи Марии Ивановны. Особенно тяжело пришлось дочери в последние годы жизни ученого старца, нередко болевшего, но продолжавшего осуществлять научное руководство Музеем и принимать посетителей. Летом нужно было организовывать многотрудный переезд Ивана Егоровича на царицынскую дачу. В последний год жизни его там мучила малярия, и в августе отец и дочь вернулись в Москву.

Конечно же, мудрый Иван Егорович, чувствуя неизбежность конца земной жизни, давал верной дочери и помощнице распоряжения на случай кончины. Об этом иногда позднее в письмах упоминала и сама Мария Ивановна.

В последние годы жизни, даже в последнее десятилетие, Иван Егорович почти не вел дневник, а дочь его воспоминаний об отце, к сожалению, не оставила, поэтому мы можем довольствоваться лишь отрывочными сведениями из ее деловой и личной переписки, дневников, коллег Забелина. Но даже эти скудные источники рисуют нам портрет женщины, положившей свою личную жизнь, благополучие и здоровье на алтарь всемерного служения своему великому отцу.

Увы, мы не знаем, но можем лишь догадываться, как тяжело пережила Мария Ивановна смерть и похороны отца. Верная помощница во всех его делах, она осталась без опоры, собственного жилья и даже средств существования. Движимая благороднейшими чувствами и желанием отца, завещавшего отдать все без остатка главному в России и любимому им Музею, Мария Ивановна в точности выполнила его волю – она передала все накопленные Забелиным исторические ценности и все средства, по сути, в государственную казну. В архивном деле Марии Ивановны сохранился черновик письма-заявления о передаче коллекций и средств после кончины И.Е.Забелина, согласно его завещанию. Прочитируем большую часть этого письма, чтобы читатель мог понять поступок не только самого Ивана Егоровича, но и его дочери, выполнявшей и букву завещания и волю

завещавшего, но и самостоятельно, сознательно отдавшей практически все ценное семейное имущество Музею и государству.

«Исполняя завещанную мне волю моего покойного родителя Ивана Егоровича Забелина, почтительнейше прошу Императорский Российский Исторический Музей им. императора Александра III принять в дар оставшуюся после него библиотеку в полном составе, состоящую из собрания ценных древних рукописей, иконных прорисей, лубочных картинок, географических и топографических карт, эстампов и т.п., а также из старых и новых печатных книг... приношу в дар... Музею 60.000 руб. как неприкосновенный капитал, на проценты которого Музей должен приобретать древние памятники и особенно древние рукописи.... В назначении суммы 60.000 руб. отец мой желал, по его словам, возратить все жалованье, которое получил за время службы его в Музее»⁷⁴⁸.

Далее Мария Ивановна пишет о воле покойного передать 30 тыс. руб. в Академию наук как неприкасаемый капитал, проценты с коего должны идти на переводы иностранцев, писавших «о Русской стране и Балтийском поморье». Заканчивала Мария Ивановна письмо-дарение важными словами: поскольку весь капитал «я отдаю полностью, не оставляя себе ничего для поддержки существования, то прошу Императорский Исторический Музей с половины капитала суммы 60 тыс. р., предназначенной на разные назначения, выдавать мне проценты до тех пор пока Его Императорское Величество Государь Император не соблаговолит милостиво обеспечить меня пенсией за верную и беспорочную семидесятилетнюю службу моего отца и за его большие труды по быту Русских Царей Дома Романовых»⁷⁴⁹.

Решение Марии Ивановны отдать все без исключения накопленное отцом состояние было благородно и патриотично, но в то же время и рискованно, так как не было верной гарантии обеспечения ее пенсией.

⁷⁴⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 104. – Л. 1–2.

⁷⁴⁹ Там же.

Этот шаг Марии Ивановны сполна оценило руководство Исторического музея. 8 января, по всей видимости, кн. Н.С.Щербатовым (напечатано на тисненой его именем бумаге) было отправлено в столицу большое письмо с ходатайством к некому высокопоставленному чиновнику («Дмитрию Яковлевичу») назначить Марии Ивановне пожизненное содержание. По всей видимости, серьезным препятствием к этому был формальный перерыв в службе И.Е.Забелина в 9 лет. Н.С.Щербатов, тщательно анализируя послужной список ученого, доказывал, что фактически перерыв в службе составил лишь 1 год.

В письме Н.С.Щербатов совершенно верно связывает удивительное по щедрости завещание Забелина с достойнейшей гражданской позицией его дочери. Так, он описывает заслуги Ивана Егоровича в деле изучения русских древностей и создания Музея, а затем и высоко характеризует поступок Марии Ивановны. Он пишет: «Еще при жизни своей Иван Егорович объявил нам, что после смерти вся его многоценная библиотека и редкое собрание рукописей имеют перейти в собственность Музея, но представьте себе наше удивление, когда в день кончины дочь его Марья Ивановна Забелина объявила Управлению Музея, что согласно воли родителя, она имеет передать Музею 60.000 руб. в возврат полученного им жалованья за время службы в Музее, – для образования особого капитала И.Е. Забелина... Вот воистину великий русский самородок, и достойнейшая дочь его бессребреница, гордая своим отцом и остающаяся в 57 лет одинокой в мире и без всяких средств. Никогда при жизни Ивана Егоровича я не слыхал от него ни слова о пенсии Марии Ивановне на случай его смерти, несомненно, он был в полной уверенности, что его служба и патриотическая работа в течение 71 года будут оценены по достоинству, и я не сомневаюсь вместе с ним ни минуты, что это так и будет»⁷⁵⁰.

⁷⁵⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1006. – Л. 7–7об.

Суть настойчивой просьбы Н.С.Щербатова вместе с оценкой деятельности отца и дочери Забелиных содержалась в конце обращения: «Итак, Забелин прослужил верой и правдой, не пользуясь отпусками, формально 62 года, а в действительности 71 год; он 71 год работал как историк-патриот, он обогатил Эрмитаж единственными в мире сокровищами, он обогатил Исторический Музей навеки, он обеспечил в Академии Наук целый сонм изданий классических сочинений по России, он же тем самым завещал, не правда ли, России обеспечить единственную свою дочь 57 лет, ближайшую сотрудницу его, оставшуюся без всяких средств. Таковым обеспечением может быть только оставление ей пожизненного всего содержания покойного, составившееся из 3000 руб., содержания по должности Товарища Председателя и 1200 руб. пенсии (как часть содержания) итого 4200 руб. в год. Довожу все это до Вашего сведения в уверенности, что Вы столь же горячо, как и я, отнесетесь к этим двум удивительным людям и окажете этому делу Вашу мощную поддержку. Ведает делом пенсии Совет Министров»⁷⁵¹. Из этого письма видно, как высоко оценивало руководство Исторического музея не только научную деятельность И.Е.Забелина, но и подвижничество его дочери.

Государственная пенсия М.И.Забелиной была назначена, что следует из хранящейся в фонде Забелина копии с текстом: «Император по положению Совета Министров в 9-ый день текущего мая (1909 г. – *авт.*) соизволил на пожалование дочери бывшего Товарища Председателя Императорского Российского Исторического Музея им. Императора Александра III в Москве, действительного тайного советника Забелина Марии Забелиной, в изъятии из правил и не в пример прочим, усиленной из казны пенсии по три тыс. рублей в год»⁷⁵².

Судя по завещанию, И.Е.Забелин оставил много неоконченных дел и научных проектов, прежде всего, вторую книгу своей «Истории Москвы»,

⁷⁵¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1006.. – Л. 8.

⁷⁵² Там же – Л. 3–4.

сборник о двух своих юбилеях и др. Нужно было разобрать, систематизировать и описать переданное музеем по завещанию книжное и рукописное собрание. Большая часть этой многотрудной работы, конечно же, пала на плечи Марии Ивановны. Массу времени занимала и переписка с коллегами, друзьями и почитателями ее отца. М.И.Забелину просили выслать старые издания отца, поделиться воспоминаниями о нем. Таким образом, ее беззаветное служение делам отца продолжалось. Порой, к ней даже обращались как к продолжательнице большого дела Ивана Егоровича.

Ближайшим помощником Марии Ивановны вскоре после кончины отца стал ученый секретарь Исторического музея И.М.Тарабрин. Как известно, он помогал Ивану Егоровичу в последние годы его жизни. Уже 17 февраля 1909 г. Тарабрин записал в своем дневнике: «М.И.Забелина мне сообщила, что И.Е. рекомендовал ей меня как помощника в издании его трудов». Через 9 дней – еще запись: «Я был у М.И.Забелиной и впервые увидел многоценное собрание рукописей И.Е. и его библиотеку»⁷⁵³. 6 октября Тарабрин отметил в дневнике, что увидел в рукописи труд Ивана Егоровича, который его дочь предполагает издать под редакцией его – Тарабрина, а 20 октября начал редактировать 2-ю часть 1-го тома «Домашнего быта русских царей».

За 1909 г. И.М.Тарабрин побывал у Марии Ивановны 28 раз⁷⁵⁴, то есть работа над наследием И.Е.Забелина шла интенсивно. В январе 1911 г. Тарабрин уже корректировал первый печатный лист первой главы 2-й части посмертного издания труда Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии». Это издание вышло только в 1915 г.

В бумагах Марии Ивановны сохранился черновик письма 1910 г., в котором она емко описывает большую работу с научным наследием отца: «Первый год после его кончины (1909 г.) весь ушел на передачу в Императорский Исторический музей его большой библиотеки и собрания рукописей. Потому потребовалось так много времени, что библиотека отца

⁷⁵³ ОПИ ГИМ. – Ф. 203. – Оп. 1. – Д. 260. – Л. 27.

⁷⁵⁴ Там же. – Л. 45.

не имела каталога, приходилось составлять инвентарь и потом уже передать ее в музей, но все же в январе нынешнего 1910 года мне удалось исполнить заветное желание отца и при помощи и содействии многолетнего сослуживца и друга моего отца Алекс. Вас[ильевича] Орешникова издать описание его двух юбилеев. Издала я эту книгу не для продажи и, как желал отец, для всех учреждений обществ и лиц, почтивших его своими приветами в эти знаменательные дни его жизни. В настоящее время это издание уже почти все мною разослано по назначению. На столе у отца после его кончины осталось 2 сочинения в рукописи, вполне оконченные, но не совсем приготовленные к печати, это: 2-я часть Быта Русских Царей и 2 часть Истории Города Москвы. Эти труды я передала по указанию отца И.М.Тарабрину, ученому секретарю Исторического Музея, для окончательной подготовки к печати. Труд этот в настоящее время почти окончен, и думаем приступить к печатанию в самом начале будущего 1911 г.»⁷⁵⁵.

Упомянутое выше издание материалов двух забелинских юбилеев в 1910 г. с помощью А.В.Орешникова было частью завещания Ивана Егоровича и действительно его «заветным желанием». Мария Ивановна собственноручно бесплатно рассылала сборник «Два юбилея...» всем, кто присылал поздравления и приветствия Забелину. В бумагах Марии Ивановны сохранились письма-благодарности от получивших этот сборник, содержание которых дополняет образ Ивана Егоровича как ученого и человека. Теплым письмом с элементами воспоминаний откликнулся на получение от Марии Ивановны сборника директор Московского Публичного и Румянцевского музеев И.Цветаев: «Я был всегдашним и самым искренним почитателем великих заслуг Ивана Егоровича пред отечественной историей и его на диво доброго характера, привлекавших своей чистотой лиц всех положений по всей России... С удовольствием и чувством признательности

⁷⁵⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 3. – Д. 104. – Л. 3–5.

вспоминаю я его сердечные беседы со мной о новом Музее, положить начало которому было мне суждено. Помню я его доброжелательные советы и авторитетные указания на развитие начинавшегося в первые годы минувшего десятилетия (1890–94 гг.) этого дела...»⁷⁵⁶.

Николай Яковлевич Страхов в 1910 г. также благодарил Марию Ивановну за переданный в дар сборник и добавлял: «Да будет земля легка могучему подвижнику исторической науки! Память о нем пройдет из рода в род. Имя его, как русского историка, вознесут потомки, даже более его современников, по мере развития знаний в России. А для нас, современников, и, в частности, для меня Иван Егорович был высокоотрадная личность, полная сочувствия к трудящимся и ищущим знаний, тех бескорыстных знаний, которые возносили дух его на недостижимую высоту»⁷⁵⁷.

Бывший делопроизводитель Императорской Археологической комиссии Илья Андреевич Суслов, получив книгу, послал Марии Ивановне благодарственную телеграмму: «...Горжусь, что мне посчастливилось в течение 13 лет совместно служить с тем, великие научные труды которого достоительно оценены с высоты престола и всем ученым образованным и грамотным миром, да будет бессмертным имя его. Преданный Вам Илья Суслов»⁷⁵⁸.

Благодарственные письма были получены Марией Ивановной и от старых знакомых Забелина, в том числе от М.Сперанского, А.И.Станкевича и др.

В делах Марии Ивановны сохранилась небольшая переписка с известным церковным историком Москвы, протоиереем храма св. Георгия на Красной горке Николаем Алексеевичем Скворцовым. Переписка завязалась, видимо, на почве желания приобрести Скворцовым книги И.Е.Забелина.

⁷⁵⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1015. – Л. 59–59об.

⁷⁵⁷ Там же. – Д. 1014. – Л. 113.

⁷⁵⁸ Там же. – Л. 113.

В письме от 10 июня 1912 г. он благодарит Марию Ивановну за присланные 3 книги ее отца, в том числе сборник «Два юбилея...», как он пишет: «с глубоко тронувшей меня собственноручной Вашей надписью. Очень благодарен за присланное и Ваше доброе ко мне отношение»⁷⁵⁹. В письме Н.А.Скворцова есть и строки личного восхищения творчеством Забелина: «Всегда высоко ценя труды покойного Ивана Егоровича, я особенно поражаюсь ими теперь при детальном их изучении и очень сожалею, что многое, высказанное им очень давно, не вошло в общий кругозор русского общества. От души желал бы, чтобы его сочинения все более и более распространялись, а взгляды его и любовь к родине впитывались в плоть и кровь всего нашего общества. Желаю Вам здоровья и крепости сил, чтобы все задуманное Иваном Егоровичем осуществилось при Вашем содействии»⁷⁶⁰.

Скворцов пригласил Марию Ивановну на свою лекцию в Московском Археологическом институте, где он преподавал археологию Москвы, но 2 октября 1912 г. она ответила, что не может присутствовать: «2 недели сижу дома с бронхитом. Доктор запретил мне показываться на воздух. Надеюсь, что попаду на какую-нибудь из ваших следующих лекций»⁷⁶¹. В феврале 1913 г. о. Николай благодарит Марию Ивановну за присланную 2-ю часть труда «Вашего незабвенного родителя "История русской жизни с древнейших времен" (2-е издание)». Н.А.Скворцов сообщает в письме, что завершает чтение лекций, и что в настоящее время печатается его курс лекций «Археология и топография Москвы». Заканчивается письмо словами: «Желаю Вам многолетнего здравия и крепости сил на продолжение Вашей многополезной издательской деятельности. Покорнейше Ваш слуга. Протоиерей Н.Скворцов». Добавим, что книга о. Николая была напечатана в том же 1913 г., и она была первым учебным пособием по истории Москвы.

⁷⁵⁹ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1014. – Л. 85–85об.

⁷⁶⁰ Там же.

⁷⁶¹ Там же. – Л. 93.

Переписка Марии Ивановны с Н.А.Скворцовым продолжалась и в 1915 г. В сентябре 1915 г. он благодарил М.И.Забелину за присланную вторую часть «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII столетии» (издана в Синодальной типографии в 1915 г. Это был последний труд ученого, напечатанный до революции). Письмо заканчивалось словами: «Прошу и впредь не оставлять меня своим вниманием. Особенно жду выхода в свет второй части Истории Москвы, которая, вероятно, осветит мне многое»⁷⁶². Ни историк Н.А.Скворцов, ни его современники, как известно, не дождались выхода этой части капитального труда Забелина – она была издана только через 90 лет!

К Марии Ивановне с просьбой прислать труды ее отца обращались и другие исследователи и вообще почитатели его таланта. Так, например, в марте 1914 г. старший врач Императорского Богаделенного дома в Москве Василий Титович Попов просил Марию Ивановну пожертвовать в библиотеку Богаделенного дома сочинения Забелина. Как писал В.Т.Попов, книгам ученого будет отведен особый отдел под наименованием «Сочинения историка Ивана Егоровича Забелина»⁷⁶³. Мария Ивановна живо откликнулась на просьбу В.Т.Попова и в письме даже уделила место и для воспоминаний. Она писала, что в Сиротском училище богадельни отец получил свое первое воспитание и образование, был там с 12 до 17 лет, а потом должен был содержать свою мать; «О своем пребывании в Училище отец часто рассказывал и, что помнил записывал в свои "воспоминания", которые будут напечатаны. В настоящее время нравы и обычаи училища по своей неизменности и жестокости и вместе с тем крайней распущенности кажутся совершенно невероятными»⁷⁶⁴. Увы, воспоминания Забелина об этом будут напечатаны только более чем через 70 лет!

⁷⁶² ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1014. – Л. 95.

⁷⁶³ Там же. – Л. 64.

⁷⁶⁴ Там же. – Л. 70.

О последних пяти годах жизни Марии Ивановны Забелиной известно очень мало. С полной уверенностью можно говорить, что она с помощью бывших коллег-друзей Ивана Егоровича отдавала все силы на подготовку к изданию (или переизданию) трудов отца, выполнению его завещания. Из писем можно заключить, что здоровье Марии Ивановны было неважное, она часто недомогала.

Две революции 1917 г. радикально изменили политическое лицо страны, привели, в конце концов, к власти людей – революционеров, террористов, долгое время разрушавших страну, искажавших или даже ненавидевших ее прошлое, равнодушно, а зачастую враждебно относившихся к религии, принижавших русский народ. Воззрения И.Е.Забелина на русскую историю и ее деятелей были противоположны новым идеологическим установкам, и потому наследие ученого уже не было востребовано. Можно представить, как переживала Мария Ивановна, наблюдая из окна музейной квартиры за кровавыми событиями конца октября – начала ноября 1917 г.: обстрел Кремля и бои вокруг здания Исторического музея. Все же, в 1918 г. удалось напечатать в типографии А.Д.Ступина первую часть «Домашнего быта русских царей...»⁷⁶⁵. Наверное, это было последней большой радостью в жизни дочери великого историка.

В фонде Забелина сохранилось буквально несколько листочков – документов, относящихся к двум последним годам жизни Марии Ивановны. 3 марта 1918 г. датируется ее удостоверение на бланке Музея, подписанное товарищем председателя Н.С.Щербатовым и ученым секретарем И.М.Тарабриным: «Сие выдано Почетному Члену Российского Исторического Музея Марии Ивановне Забелиной в том, что она проживает в здании Музея и занята исключительно разборкой и сдачей Музею пожертвованных ею в его собственность значительных собраний,

⁷⁶⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии: В 2 т. – Т. 1. – Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. – 4-е изд., доп. – М., 1918. – XX, 792 с. Эту книгу М.И.Забелина также рассылала. Сохранилось письмо А.И.Станкевича (сентябрь 1918 г.), в котором он благодарит за книгу, «которая много напоминает о хорошем времени, когда мы под руководством незабвенного Ивана Егоровича работали на пользу просвещения русского народа» (ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1014. – Л. 106).

принадлежавших ее отцу И.Е.Забелину, библиотеки (20.000 томов), древних русских рукописных книг (3000 томов), а также архивных и других документов»⁷⁶⁶. Такое удостоверение могло служить и некоей охранной грамотой в условиях, когда новая власть начинала выселения и всяческого рода уплотнения жильцов. Сохранились выданные Марии Ивановне справки на получение лекарств и продуктов. Больная дочь Забелина с трудом пережила тяжелейшие голодные и холодные зимы 1918 и 1919 гг.

В конце 1918 г. исполнилось 10 лет со дня кончины И.Е.Забелина. В Историческом музее решили организовать чествование ученого-историка, и князь Н.С.Щербатов письмом пригласил Марию Ивановну на обедню и панихиду в Казанский собор. Прежде такие церковные поминовения проходили в храме Троицы в Полях – «приходской» церкви Исторического музея. В письме Н.С.Щербатов, объясняя смену храма, писал, что в соборе теплее, чем в Троицком храме, к тому же в нем нет диакона, он призван в Красную гвардию. В ответе Мария Ивановна благодарила князя за извещение о панихиде, но, как она писала: «Мое расстроенное здоровье не позволяет мне сегодня присутствовать в столь благоговейно грустном собрании»⁷⁶⁷.

Похоже, что кн. Щербатов, еще используя свое высокое положение в Музее, постоянно хлопотал за Марию Ивановну, пытался облегчить ее жизнь. Вероятно, что Музей ходатайствовал и о назначении Марии Ивановне государственной пенсии. В ее делах сохранилось уведомление Пенсионного подотдела Отдела Социального обеспечения Моссовета от 4 октября 1919 г. о назначении М.И.Забелиной увеличенной пенсии (1200 руб. в месяц)⁷⁶⁸. Однако эту пенсию она получала недолго. У нас почти нет свидетельств о Забелиной в последние месяцы ее жизни. Сотрудник и хороший знакомый Ивана Егоровича нумизмат А.В.Орешников записал в своем дневнике 11 сентября (29 августа (по старому стилю – *авт.*)) 1920 г.:

⁷⁶⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 440. – Оп. 1. – Д. 1006. – Л. 21.

⁷⁶⁷ Там же. – Д. 1015. – Л. 149–150.

⁷⁶⁸ Там же. – Д. 1006. – Л. 27, 29.

«С М.И.Забелиной плохо: сегодня ее причащали»⁷⁶⁹. Запись через два дня: «В субботу (29 августа) умерла М.И.Забелина в 4 часа. Сегодня был на панихиде, отпевают в среду, послезавтра»⁷⁷⁰. Об отпевании Марии Ивановны и скромных поминках мы тоже узнаем из дневника А.В.Орешникова: «15 (2) сентября. Ясное утро, +5°. В 9 ч. пошел на отпевание М.И.Забелиной в церковь св. Георгия на Красной Горке, на Моховой, рядом с Университетом; пел плохо женский хор; из музейских были: князь (Щербатов – *авт.*), смотритель, Станкевич, Тарабрин, Тарасенков, несколько прежних служителей. Обедня кончилась в 11½ ч.; прислуга Мари Ивановны, давно служившая Поля, позвала меня на квартиру "помянуть"; ел лапшу с бараниной, блины из пшена (невкусно) с русским маслом и яблочный кисель с миндальным молоком. Прочие уехали на кладбище, вернулись с Ваганькова около 3-х часов, их кормить будет Поля в 6 часов»⁷⁷¹.

Мария Ивановна буквально две недели не дожила до 100-летней годовщины своего великого отца. В дореволюционной императорской Москве эту дату бы отмечали широко и торжественно, но в Москве советской это было уже невозможно. Тем не менее, по-видимому, опять же благодаря старому руководству Исторического музея этот юбилей отметили. 30 (17) сентября в Казанском соборе состоялась панихида по Ивану Егоровичу и его дочери Марии Ивановне⁷⁷², бывшей самым верным и бескорыстным не только помощником, но и скромным продолжателем дела великого отца. Благодаря, в первую очередь, ей были подготовлены к изданию и переизданию некоторые труды историка, сохранены, систематизированы и переданы Историческому музею его документальные материалы. Совершенно очевидно, что в будущем удастся в документах ГИМ обнаружить новые свидетельства, поистине подвижнической деятельности Марии Ивановны Забелиной.

⁷⁶⁹ Орешников Алексей Васильевич. Дневник. 1915–1933: В 2 кн. / Сост. П.Г.Гайдуков и др. – М. 2010. – Кн. 1. – С. 261.

⁷⁷⁰ Там же.

⁷⁷¹ Там же. – С. 262.

⁷⁷² Там же. – С. 263.

Судьба забелинского наследия после 1917 г.

Страшные по своим последствиям для России события 1917 г., о которых проницательно предупреждал И.Е.Забелин еще в 1905 г., прямым образом сказались на судьбе творческого наследия ученого и на отношении к нему со стороны официальной исторической науки. Всем было совершенно ясно, что трактовку роли самодержавия в истории русского государства, увлечение изучением быта царей и цариц, монархические правые взгляды, покровительство членов Августейшей семьи новая антинациональная власть покойному историку не простит. Так оно и получилось. Новое руководство Музея, если и не предало забвению имя И.Е.Забелина (его огромную роль в создании Исторического музея и в руководстве им совсем забыть было невозможно), то старалось упоминать о нем поменьше. К тому же в 1920 г. главная исполнительница забелинского завещания и верная помощница отца – Мария Ивановна, скончалась в бедности, отдав все материальное и творческое наследие Ивана Егоровича государству.

О переиздании трудов Забелина, издании второй части его «Истории города Москвы», о публикации его писем, о существовании мемориальной забелинской комнаты в Музее речи уже не было. Более того, в первые годы советской власти были окончательно ликвидированы и Московский Археологический институт с кафедрой археологии и топографии Москвы и музеем им. Забелина, и МАО с его Забелинской премией, и библиотека и музей И.Е.Забелина в Городской управе (также ликвидированной).

А краеведы Москвы имя И.Е.Забелина помнить продолжали. К 10-летию кончины ученого 17 января 1929 г. на заседании секции «Старая Москва» Общества изучения Московской губернии с докладом «Работы И.Е.Забелина по истории Москвы» выступил ученый секретарь Исторического музея И.М.Тарабрин. Доклад Тарабрина слушали 174 человека. Почетным председателем собрания был избран известный историк М.М.Богословский. Тарабрин сказал, что «Старая Москва» хотела к

январю 1929 г. издать «Алфавитный указатель» сочинений Забелина, но исполнить это не удалось. На организованной к заседанию выставке были показаны рукопись этой работы Н.Д.Виноградова и портреты Забелина работы Шервуда и Серова. Докладчик рассказал о трудах Ивана Егоровича по истории Москвы, написанных в период с 1876 по 1905 г., о неизданной работе – второй части «Истории города Москвы» и т.д. В заключение И.М.Тарабрин высказал пожелание «...выявить в достопамятной памяти все то богатое наследие, какое оставил нам Иван Егорович своими долголетними разысканиями и достижениями по истории Москвы, и это, конечно, послужило бы посильным увековечением памяти великого историка Москвы»⁷⁷³.

В прениях по докладу известный ученый, филолог-славист, зав. отделением рукописей Исторического музея М.Н.Сперанский прочитал свои воспоминания о Забелине. А почетный председатель «Старой Москвы» А.М.Васнецов, назвал Ивана Егоровича своим наставником по изучению Москвы, указав, что свои картины-реконструкции он писал под руководством Ивана Егоровича⁷⁷⁴. Руководивший заседанием П.Н.Миллер предложил просить Исторический музей восстановить комнату, где и работал И.Е.Забелин и передать от имени «Старой Москвы» мемориальную доску с креста на могиле Забелина, найденную «валяющейся на земле» во время одного из осмотров Ваганьковского кладбища⁷⁷⁵.

В протоколе следующего, 411-го, заседания «Старой Москвы» (24 января 1929 г.) содержится информация о том, что портрет И.Е.Забелина, висевший до революции в библиотеке Московской городской думы, в октябрьские дни 1917 г. был сильно поврежден штыками и находится (на 1929 г.) в помещении Губстатбюро⁷⁷⁶.

⁷⁷³ Тарабрин И.М. Работы И.Е.Забелина по истории Москвы //И.Е.Забелин. История города Москвы. Неизданные труды. М., 2003. С.8.

⁷⁷⁴ ОР РГБ. – Ф. 177. – К. 2. – Д. 12. – Л.12–15.

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ Там же. – Л. 16.

Не смотря на память об И.Е.Забелине в краеведческой среде (а самой комиссии «Старая Москва» оставалось жить ровно год до ее ликвидации), было ясно, что труды выдающегося ученого и по истории России, и по истории Москвы никак не вписываются в официальную историографию. Более того, в 1931 г. Забелинский пр-д у Исторического музея переименовали в «Кремлевский», а в конце 1930-х гг. в созданную тогда Историческую библиотеку в Старосадском пер. передали 10 тыс. изданий из хранящейся в Музее личной библиотеки ученого, что было грубейшим нарушением воли покойного, а, сверх того, некоторые книги из библиотеки И.Е.Забелина продавали с лотков у Исторического музея.

В 1940-е гг. на волне возрождения национальных традиций и патриотизма фигура Забелина оказалась вновь востребованной (хотя и ненадолго). В разгар Великой Отечественной войны, в 1943 г., известный педагог-москвовед Е.А.Звягинцев в главном историческом журнале СССР опубликовал небольшую статью об И.Е.Забелине⁷⁷⁷, а в 1945 г. состоялось заседание Ученого Совета Исторического музея, посвященное 125-летию со дня рождения ученого, на котором с докладами о Забелине как историке и археологе выступили Н.Л.Рубинштейн и А.В.Арциховский.

125-летний юбилей отметили и в НИИ краеведческой и музейной работы – его археологическая секция провела заседание, на котором с большим докладом «Памяти историка и археолога И.Е.Забелина. К 125-летию со дня рождения. 1820–1945 гг.»⁷⁷⁸ выступил проф. А.С.Башкиров (мы его уже цитировали в этой книге). Текст (сохранившийся в архиве) начинается словами: «17 сентября 1945 года исполнилось 125 лет со дня рождения историка древнего искусства, историка быта Московской Руси, России XVIII–XIX вв., исследователя скифо-сарматской и античной культур, доктора русской истории *honoris causa*, почетного члена ряда университетов,

⁷⁷⁷ Звягинцев Е.А. Историограф великого народа – И.Е.Забелин (1820–1908) //Исторический журнал. 1943. Кн.3–4 С.61–67.

⁷⁷⁸ ГАРФ. – Ф. 10010. – Оп. 4. – Д. 226.

Общества истории и древностей российских при Московском университете и, наконец, почетного члена Российской Академии Наук Ивана Егоровича Забелина, устроителя Государственного Исторического музея – современника славной и многочисленной плеяды московских историков и археологов»⁷⁷⁹. Кратко описывая жизненный путь ученого Башкиров дает ему меткие характеристики. В Оружейной палате, по словам Башкирова, «он добросовестно и кропотливо с исключительным терпением занимался самообразованием... По внешнему виду Ив[ан] Ег[орович] был русский великан с крепкой грудью и широкими плечами и ясными очами. Это был превосходный тип русского человека, сознательно, без всякой рисовки преданного своей Родине». Докладчик вспоминал, что «...всего 4 раза видел изумительную привлекательную фигуру Ив[ана] Ег[оровича] в его старческой красоте и не может забыть его хозяйственно-любовной походки степенно... по залам Исторического музея с постоянной мыслью о том, что нужно ли еще сделать для экспозиции памятников»⁷⁸⁰.

Очень высоко оценивал А.С.Башкиров заслуги Забелина в изучении Москвы: «Только гигантская воля, негибкое трудолюбие при высоком таланте, обширной эрудиции давали возможность выполнять такие труды, как "История Москвы"». Заканчивается текст доклада пожеланием: «Жизнь и труды Ивана Егоровича Забелина заслуживают рассмотрения и изучения в большом масштабе на фоне исторической науки XIX века и начала XX века»⁷⁸¹.

После этих выступлений в победном для нашей страны и юбилейном для И.Е.Забелина 1945 г. вновь наступило время забвения.

В 1961 г. в период хрущевской волны уничтожения исторической топонимики религиозного характера Большой Ивановский пер. (у бывшего Ивановского монастыря) был переименован в ул. Забелина. С середины

⁷⁷⁹ ГАРФ. – Ф. 10010. – Оп. 4. – Д. 226. – Л. 24.

⁷⁸⁰ Там же. – Л. 29 об.

⁷⁸¹ Там же. – Л. 31.

1960-х гг. стали появляться единичные работы, связанные с его именем. Но «реабилитация» ученого так и не состоялась. Вообще, за 70 с лишним лет советской власти не была переиздана ни одна работа самого известного историка Москвы (!), в советской исторической науке Забелина причислили к «дворянско-монархическому направлению», а в «Советской исторической энциклопедии» статья о нем заканчивалась словами: «В последний период жизни Забелин перешел с либеральных позиций на реакционные»⁷⁸².

Настоящим прорывом в отношении к И.Е.Забелину и его научному наследию можно считать выход в 1984 г. в издательстве «Московский рабочий» книги А.А.Формозова «Историк Москвы И.Е.Забелин». Заслуга в том, что эта книга появилась в печати (тираж 50 тыс. экз.), принадлежит зав. краеведческой редакцией издательства Ю.Н.Александрову, а также написавшему предисловие к этой книге проф. С.О.Шмидту. Работа А.А.Формозова – лучшая из ныне существующих опубликованных биографий И.Е.Забелина, сыграла большую роль в воссоздании образа самобытного и многогранного ученого – главного Историографа Москвы, в возрождении интереса к его творчеству у современного общества.

С разрушением в конце 1980-х гг. идеологических концепций в отечественной истории и возрождением национальных традиций русского народа пришло, наконец, и «время Забелина». В 80-ю годовщину со дня кончины ученого Центральная городская публичная библиотека им Н.А.Некрасова и Московский филиал Географического общества СССР издали библиографический указатель, в который включено 243 позиции: собственно опубликованные труды И.Е.Забелина, и более 100 наименований работ о его жизни и деятельности⁷⁸³.

В начале 1990-х гг. начался настоящий бум переиздания трудов И.Е.Забелина. За 15 лет вновь увидели свет почти все его книги и брошюры,

⁷⁸² Рубинштейн Н.Л. Забелин Иван Егорович // Советская историческая энциклопедия. – Т.5. – М., 1964.

⁷⁸³ Иван Егорович Забелин: Библиограф.указатель...

а самые известные работы – о домашнем быте и истории Москвы, переиздавались по несколько раз.

Неухоженный и пребывавший в забвении многие десятилетия надгробный памятник И.Е.Забелину на Ваганьковском кладбище ныне вновь обрел достойный вид (правда, надгробие его жены до сих пор находится в запущенном состоянии).

Вернулась память об Историографе Москвы и в его родной Исторический музей – ГИМ. В 1997 г. по предложению Ученого Совета ГИМ Министерством культуры РФ учреждена ежегодная премия им. И.Е.Забелина за научные исследования, выполненные сотрудниками различных музеев России. В 1990 г. проходящим в Музее ежегодным научным чтениям было присвоено имя «Забелинских». Чтения эти имеют общий музейный характер, хотя здесь звучит и мемориальная забелинская тема. Так, например, пленарное заседание XIX Чтений (2008 г. – год 100-летней годовщины со дня смерти ученого) целиком было посвящено памяти И.Е.Забелина. На этих Чтениях состоялась передача обратно в ГИМ части изъятых в конце 1930-х гг. книг из забелинской библиотеки. Главным же событием XIX Чтений была презентация долгожданной публикации до этого времени так и неизданных материалов ко второй части «Истории города Москвы»⁷⁸⁴.

И.Е.Забелин, работая над продолжением своего труда в последние годы жизни, завещал издать подготовленные материалы без изменений, и это удалось сделать лишь сравнительно недавно во многом благодаря кропотливой работе сотрудников ГИМ Н.Б.Быстровой и М.В.Катагощиной. В книгу вошли фрагменты второй части забелинского труда – рукописи: «Наста быти княжение московское» (1272–1389 гг.), работы об эпохе царствования Ивана Грозного (1533–1567 гг.), и «Посад» – обзор

⁷⁸⁴ Забелин И.Е. История города Москвы. Неизданные труды / Подготовка текста, предисловие Н.Б.Быстровой и М.В.Катагощиной. – М., 2003.

расположенных за пределами Кремля территорий, а также другие, более мелкие труды.

Всего в ГИМ до настоящего времени Забелинские чтения прошли 25 раз. Очередные XXV Чтения 2020 г. организаторы посвятили 200-летию со дня рождения И.Е.Забелина. В Музее в последние десятилетия существуют и другие формы чествования его знаменитого руководителя-ученого: с 1990 г. издаются «Забелинские сборники», в 1997 г. в вестибюле Музея на первом этаже помещен барельеф И.Е.Забелина.

Имя Забелина в 2004 г. присвоено Детской библиотеке № 22 (ныне № 206) в Кунцевском районе Москвы (район Фили-Давыдково Западного административного округа Москвы) – в местности, где в свое время И.Е.Забелин часто бывал и в юности, и позднее, когда гостил у К.Т.Солдатёнова, и о которой он написал уже упоминавшуюся нами книгу. Библиотека проводит большую просветительную работу, а в 2013 г. подготовила библиографический указатель, в который включены многие новейшие публикации о Забелине, в том числе и размещенные в Интернете⁷⁸⁵. В Кунцево с конца 1990-х гг. до середины 2000-х проводились Забелинские (Кунцевские) чтения, в основном образовательного характера. Организаторами их стали педагогические вузы, РУДН, РГБ и другие, а организационной базой – Западный учебный округ.

С каждым годом исследователи открывают все больше новых сведений об удивительной судьбе и огромном творческом наследии историка Москвы Ивана Егоровича Забелина. Жизнь его – наглядный пример того, как русский человек благодаря не только природным способностям, но и упорству, твердому характеру, необычайному трудолюбию, каждодневной работе по самообразованию достиг вершины научного знания, стал руководителем крупнейшего музея Москвы и России, более четверти века возглавлял

⁷⁸⁵ Историк Москвы и русского быта – Иван Егорович Забелин: Библиограф. указатель / Сост. В.Г.Шелудько. – М., 2013.

новаторскую по сути работу над созданием фундаментального труда по истории города.

Современным ученым, москвоведам доступны не только печатные (изданные до революции и переизданные в последние годы) труды главного Историографа Москвы – огромные документальные богатства содержит архивный фонд И.Е.Забелина, находящийся в ОПИ ГИМ, насчитывающий более 1300 единиц хранения.

За последние десятилетия много сделано для возвращения имени И.Е.Забелина в науку и научно-общественную жизнь, однако много еще предстоит сделать, ведь так и остались невыполненными многие пункты завещания ученого. Мы все еще в долгу перед его памятью. И, конечно, благодарная Москва должна поставить в историческом центре достойный памятник великому москвичу, а на здании Исторического музея должна появиться его мемориальная доска.

Послесловие.

Заветы Забелина

Прошедшие почти 120 лет после кончины Ивана Егоровича показали, что судьба наследия великого историка Москвы оказалась схожа с судьбой и самой Москвы и России. Русский самородок, олицетворявший национальные начала в исторической науке, видевший русский народ в центре исторического процесса, стоявший у истоков главного национального музея, был необычайно уважаем и почитаем в дореволюционной Москве, которую И.Е.Забелин знал и любил горячо и беззаветно. Русская научная общественность, питавшая такие же высокие чувства к личности и научному наследию самого Забелина при его жизни, сохраняла их и после его кончины, вплоть до октября 1917 г.

Внушительный патриархальный вид ученого, его природная одаренность, светлый и трезвый ум, широкая эрудиция, необычайная трудоспособность, любовь в Родине для его современников служили примером, были образцом для подражания. Он являлся носителем лучших качеств русского человека.

Все перевернулось после 1917 г., когда к власти пришли большевики, объявившие гонения на важнейшие государственные начала и институты, на духовное и материальное наследие народа. Олицетворявший все это И.Е.Забелин стал, разумеется, враждебен антинациональной власти. В наши дни было точно сказано: «На долгие годы на научное наследие Забелина был навешен ярлык реакционного, великодержавного, шовинистического, монархического учения»⁷⁸⁶.

Таким образом, история отпустила только восемь лет на исполнение завещания Ивана Егоровича. Во многом благодаря усилиям его дочери, Марии Ивановны, ученого секретаря Исторического музея И.М.Тарабрина,

⁷⁸⁶ Левыкин К.Г. Иван Егорович Забелин: прошлое и современность // И.Е.Забелин. 170 лет... – С. 8.

главного хранителя А.В.Орешникова и некоторых других сотрудников Музея в 1910 г. были изданы сборник о двух юбилеях И.Е.Забелина и библиография его трудов (1911 и 1916 гг.), в целом была подготовлена к печати вторая часть «Истории города Москвы» (но не вышла), началась большая работа по приему, систематизации и описанию библиотеки и рукописного собрания ученого. В Московском Археологическом институте возникла кафедра им. И.Е.Забелина, в Городской управе были устроены забелинские библиотека и небольшой музей. В Историческом музее приступили к мемориализации кабинета Забелина. Рядом с Музеем появился Забелинский проезд.

Большую же часть из того, что нужно было сделать в отношении наследия и памяти И.Е.Забелина, до 1917 г. осуществить не успели, а то, что сделали, было вскоре ликвидировано новой властью.

Известный москвовед М.И.Александровский с горечью записал в 1930-е гг.: «Ни общества, ни музея, ни кафедры, которая занималась бы по программе, вроде Забелинской, у нас все еще не было, и нет»⁷⁸⁷.

Фигурой умолчания историограф Москвы был очень долго, более полувека. Пожалуй, лишь в недрах Исторического музея, в его Отделе письменных источников шла внешне незаметная работа по описанию рукописного собрания И.Е.Забелина.

Забелин понадобился тогда, когда страна и общество, будто очнувшись от забвения, стали вспоминать своих героев, свою тысячелетнюю, богатую событиями историю. Вот, уже 35 лет имя главного историка Москвы вновь на устах у всех, кому дорога московская старина, на обложках его переиздаваемых трудов. Но, давайте спросим себя, все ли мы сделали, чтобы исполнить завещание И.Е.Забелина, который подарил своему любимому детищу – Историческому музею не только собранную за всю жизнь коллекцию старины, богатейшие книжное и рукописное собрания, но и все

⁷⁸⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 465. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 41.

накопленные за десятилетия немалые денежные средства. Все это Забелин подробно расписал в завещании, назначив душеприказчицей свою верную дочь-помощницу Марию Ивановну. И бескомпромиссно добавил в конце завещания: «Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки»⁷⁸⁸.

Просил же на завещанные средства Иван Егорович не много: перевести на русский язык иностранные сочинения, относящиеся к истории и географии России, напечатать сборник различных мелких работ, статей, разбросанных по разным изданиям, подготовить и выпустить опись подаренных Музею рукописей и каталог книг, издать свое богатейшее по числу и составу эпистолярное наследие под заглавием «Иван Егорович Забелин в письмах к нему от разных лиц».

Увы, прошло уже более столетия, а заветы Забелина так не исполнены, хотя на большинство поименованных изданий он даже оставил деньги! У общественности была надежда, что к 200-летию со дня рождения выдающегося ученого долги нескольких поколений перед его памятью будут погашены. Но этого не произошло.

Можно представить, как бы обогатилось наше знание об И.Е.Забелине и его эпохе, если бы была издана переписка с многочисленными именитыми его корреспондентами! Вспомним, как существенно расширилась источниковая база забелинской темы с публикацией четверть века назад сотрудниками ОПИ ГИМ его дневников и второй части «Истории города Москвы».

Странно, но до сих пор нигде в Москве, даже на здании Исторического музея, где Забелин прожил последние 23 года своей жизни, нет никакой мемориальной доски, посвященной историку и одному из основателей и устроителей Музея. В самом Музее так и не устроен мемориальный уголок с

⁷⁸⁸ Заветы Ивана Егоровича Забелина (с примеч. М.И.Забелиной) // Памяти Ивана Егоровича Забелина. – М., 1911. – С. 5.

воссозданием исторической обстановки, хотя решение об этом было принято вскоре после смерти Забелина.

В долгу у главного своего историографа и сама Москва, ее власти. В рамках существующей при Правительстве Москвы с 1990-х гг. Издательской программы необходимо осуществить публикацию собрания сочинений И.Е.Забелина, куда включить не только ранее напечатанные его труды, включая и работы, разбросанные по газетным и журнальным изданиям, но и неопубликованные, находящиеся в архивохранилищах материалы.

И, конечно же, столице следовало бы свой исторический центр украсить скульптурным памятником И.Е.Забелину. Своим долгим бескорыстным трудом на пользу любимой Москвы и России он заслужил это.

**ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН – ИСТОРИК, АРХЕОЛОГ,
ИСТОРИОГРАФ МОСКВЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

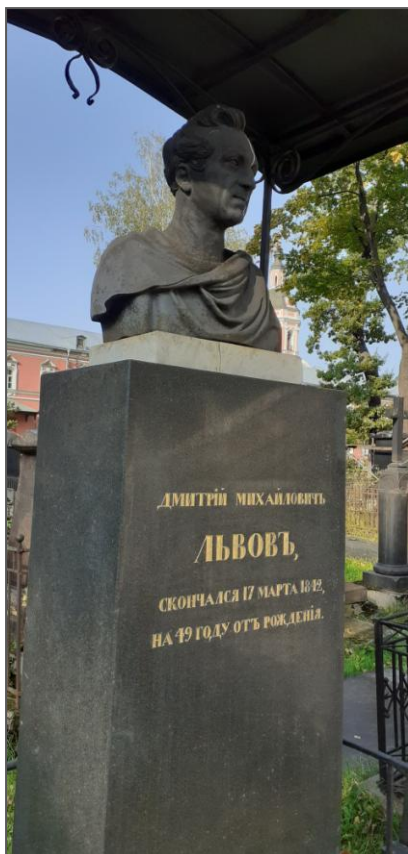
Церковь Николы на Зверинце в Твери, где был крещен И.Е.Забелин

Здание Екатерининской богадельни и Преображенского сиротского училища. Фотография начала XX в.

Современный вид здания бывшего Преображенского Сиротского училища на ул. Стромынке

**Надгробие Д.М.Львова
в Донском монастыре**

И.Е.Забелин. Фотография 1840-х гг.

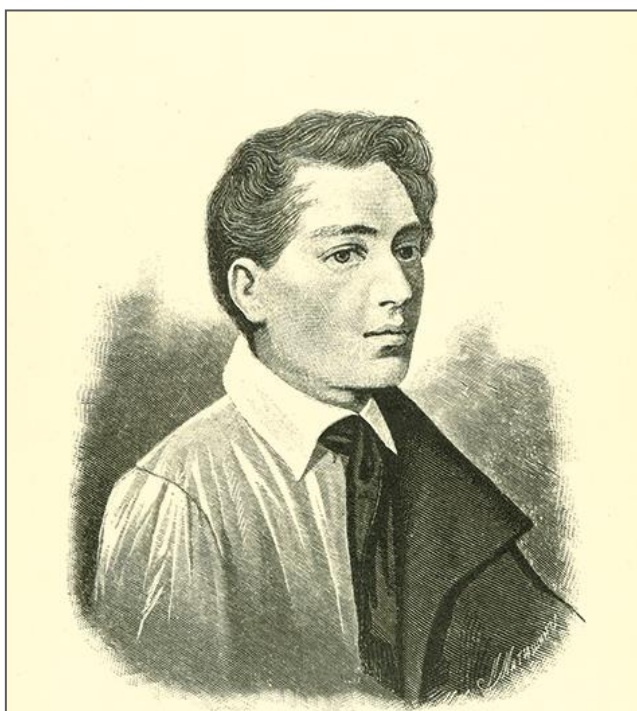
Старое здание Оружейной палаты в Кремле

П.М.Строев
(Нива. 1879. № 5)

И.М.Снегирев.
Рис. Н.А.Мартынова. 1840 г.

В.В.Пассек. Гравюра

Д.А.Ровинский.
Фотография 1860-х гг,

**Храм Похвалы Божией Матери
в Башмакове, где венчался И.Е.Забелин
Фотография 1920-х гг.**

**Храм Покрова Божией Матери в
Левшине, в приходе которого жила
семья И.Е.Забелина.
Фотография 1880-х гг.**

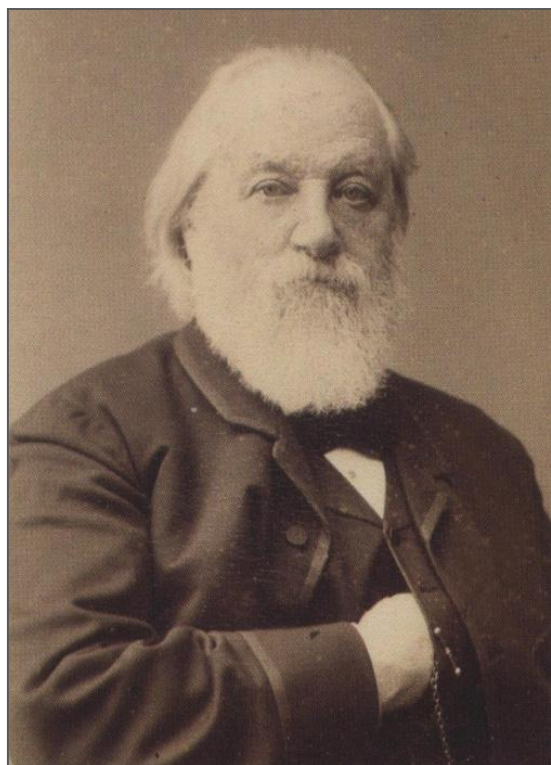
**Здание Дворцового ведомства (бывш. Запасного дворца) у Красных ворот,
с церковью св. Ианнуария, где была крещена М.И.Забелина.
Фотография начала XX в.**

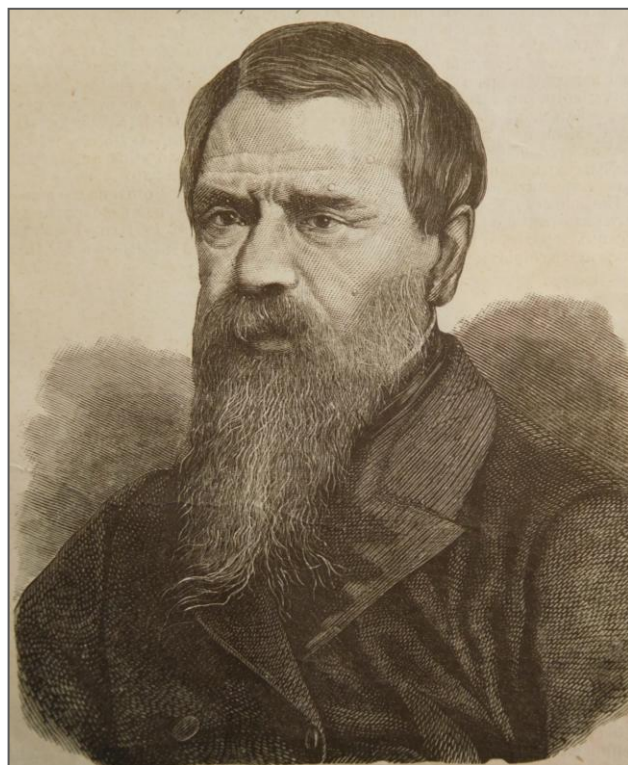
И.Е.Забелин. Фотография 1840-х г.

**Т.Н.Грановский.
Худ. П.З.Захаров-Чеченец, 1845 г.**

К.Т.Солдатенков

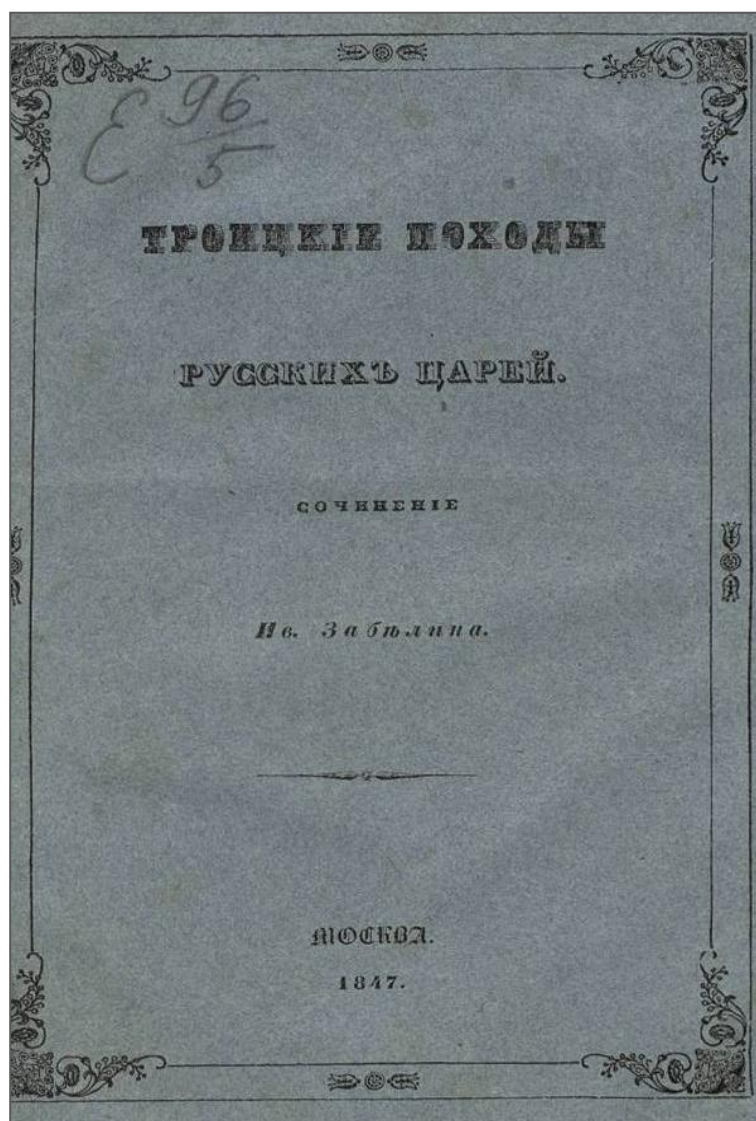

**М.П.Погодин
(Нива. 1876. № 2)**

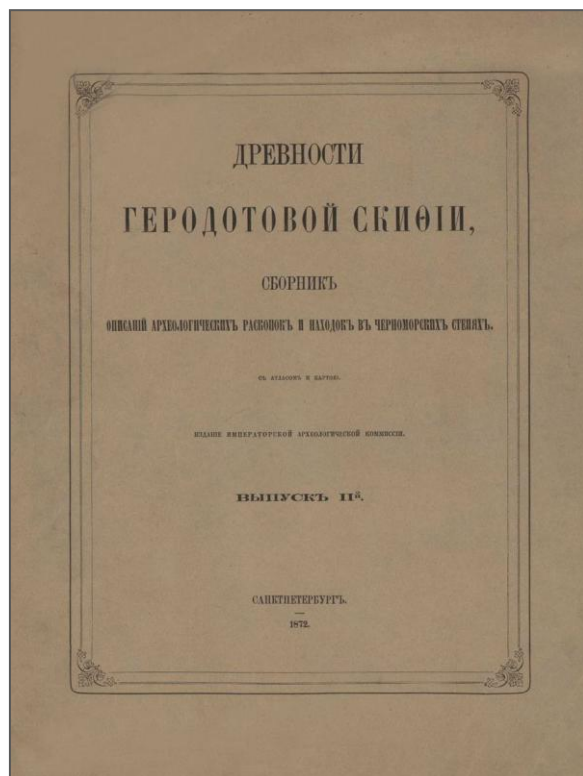
И.Е.Забелин.
Фотография 1850-х гг.

Забелин И.Е. «Троицкие походы русских царей». Оттиск расширенной и дополненной статьи. 1847 г.

**Граф С.Г.Строганов
(Нива. 1882. № 22)**

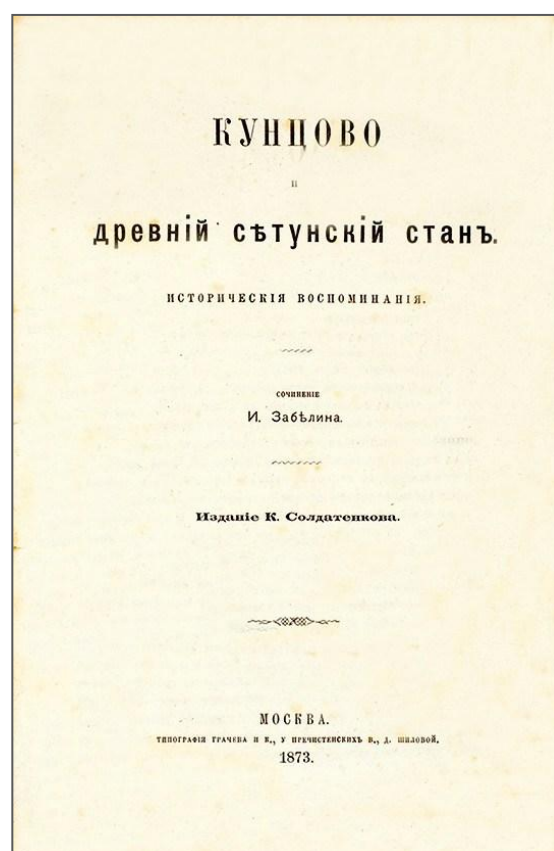
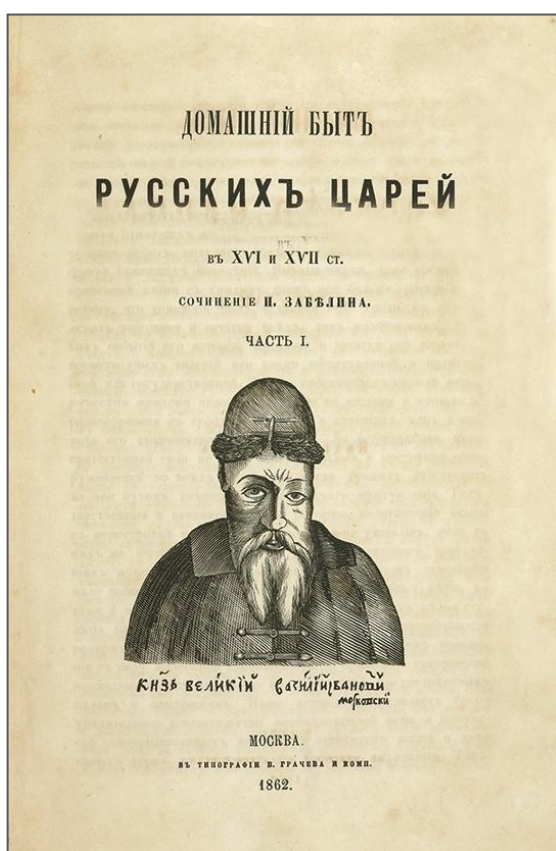
**Сборник «Древности Геродотовой
Скифии» с археологическими отчетами
И.Е.Забелина. 1872 г.**

Скифская ваза, найденная И.Е.Забелиным в кургане Чертомлык

**Константиновский межевой институт, где преподавал И.Е.Забелин
Открытка начала XX в.**

Книги И.Е.Забелина, изданные К.Т.Солдатенковым в 1860–1870-е гг.

Портрет И.Е.Забелина. Худ. В.Шервуд, 1871 г.

**Речи И.Е.Забелина —
председателя Общества истории и древностей Российских**

Р Ъ Ч И

**ГОВОРЕННЫЯ ВЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И
ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,**

4-го мая текущаго 1882 г.

**ПОСВЯЩЕННОМУЪ НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ БЫВШАГО ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ГРАФА
СЕРГІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТРОГАНОВА.**

1. Рѣчь Предсѣдателя И. Е. Забѣлина.

М. гг.

Переживаемъ трудное, тяжелое, печальное время.... Одного за другимъ мы хоронимъ нашихъ славныхъ богатырей.... богатырей—воздѣлывателей науки, каковъ былъ покойный предсѣдатель Сергій Михайловичъ Соловьевъ; богатырей—строителей прямого и добраго пути къ успѣхамъ науки, которымъ былъ нашъ старѣйшій богатырь, предсѣдатель графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, свѣтло и мирно почившій на самый канунъ Свѣтлаго дня....

М. гг. Я позволяю себѣ это гиперболическое обличіе, убѣжденный, что въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ оно понятнѣе изображаетъ мысль, какую всѣ мы обдумываемъ, произнося эти славныя имена нашихъ дѣтелей....

М. гг. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что графъ Сергій Григорьевичъ былъ всегда нашъ неизмѣнный Предсѣдатель, хотя формально онъ и сложилъ съ себя это званіе по случаю болѣзни и отъѣзда за границу въ 1874 году. Онъ оставилъ званіе, но неизмѣнно

1

**Речь в заседании, посвященном
незабвенной памяти бывшего
председателя гр. С.Г.Строганова.
1882 г.**

ПЕРВОЕ ВОДВОРЕНІЕ

ВЪ МОСКВѢ

Греколатинской и общей Европейской науки.

Рѣчь, читанная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія перваго русскаго историка В. Н. Татищева, Предсѣдателемъ Общества И. Е. Забѣлинымъ.

Мы собрались праздновать историческою бесѣдою двухсотлѣтнюю годовщину рожденія перваго нашего русскаго историка Василя Никитича Татищева.

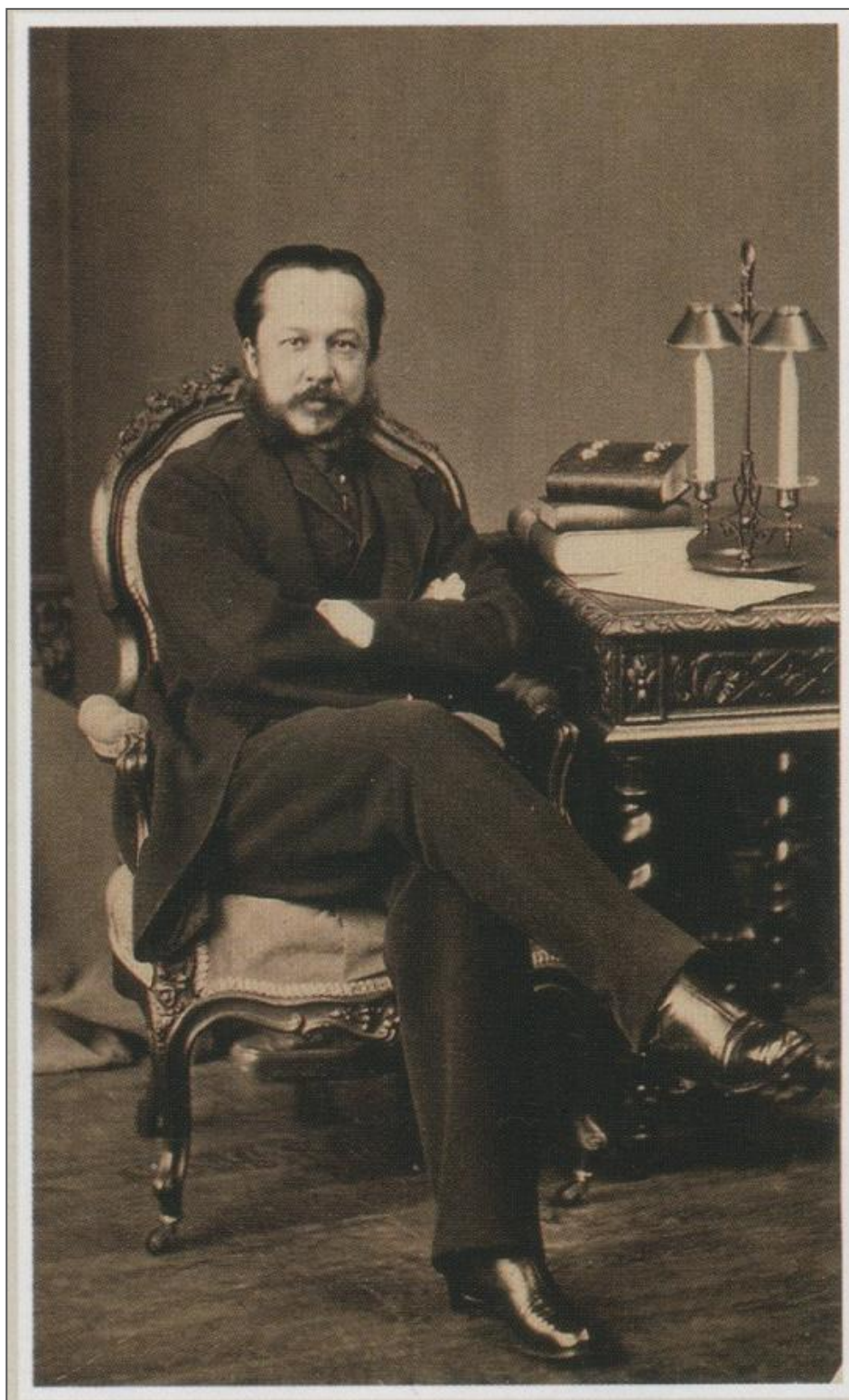
Праздникъ этотъ тѣмъ достопамятнѣе, что годъ рожденія перваго дѣателя русской исторической науки есть годъ рожденія самой русской науки, не одной исторической, но общей науки, или, говоря точнѣе, годъ рожденія русскаго научнаго знанія.

Ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, восьмидесятые года XVII столѣтія были достославными годами зарожденія и водворенія въ Москвѣ самостоятельной русской учености, за которою, хотя очень постепенно, не преминула послѣдовать и общая образованность.

Намъ хорошо извѣстно, что старая, древняя наша *книжная наука*, собственно грамотность, даже въ высшемъ, какъ бы ученомъ ея значеніи, въ значеніи обширной начитанности, по случаю необходимаго для печати исправленія собствен-

1

**Речь в заседании в память
200-летней годовщины первого
русского историка В.Н.Татищева
«Первое водворение в Москве
греколатинской и общей
европейской науки». 1886 г.**

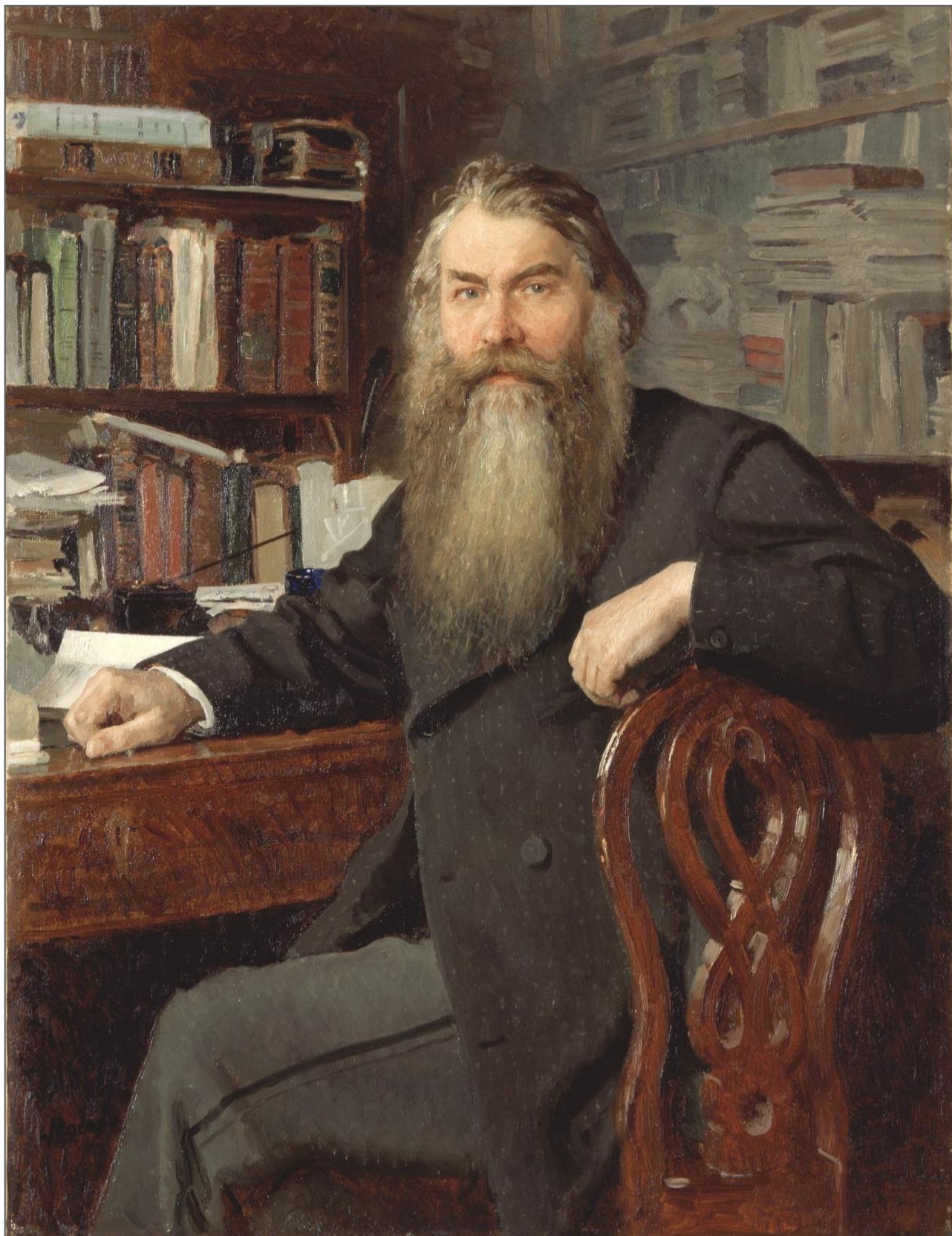
**Граф. А.С.Уваров – председатель МАО.
Фотография 1860-х гг.**

**Дом Московского Археологического общества на Берсеневке
(палаты Аверкия Кириллова) после реставрации МАО
Фотография 1880-х гг.**

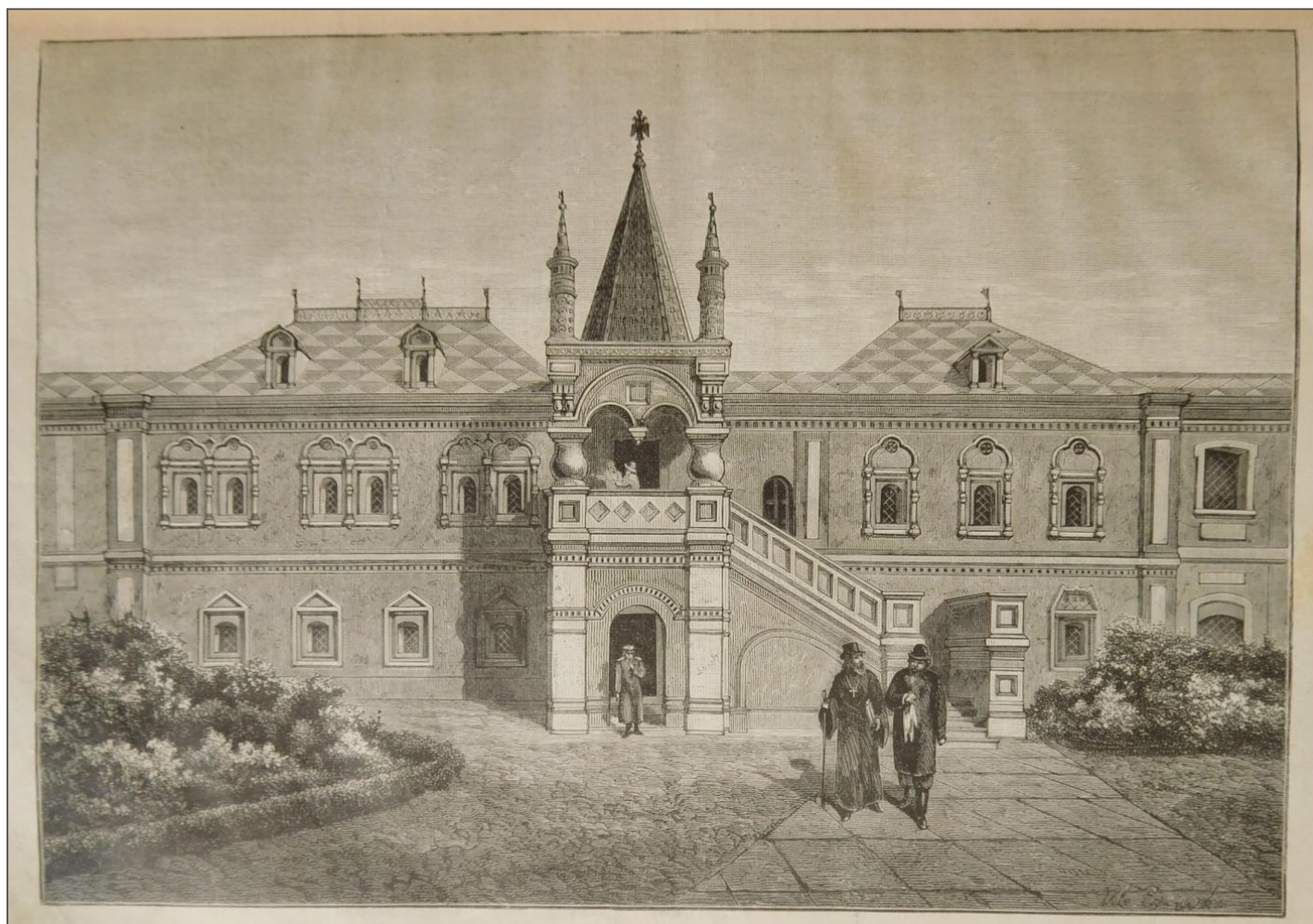
**Зал заседаний в Доме МАО. После реставрации.
Рис. Д.Н.Чичагова, 1875 г.**

Портрет историка И.Е.Забелина. Худ. И.Е.Репин, 1877 г.

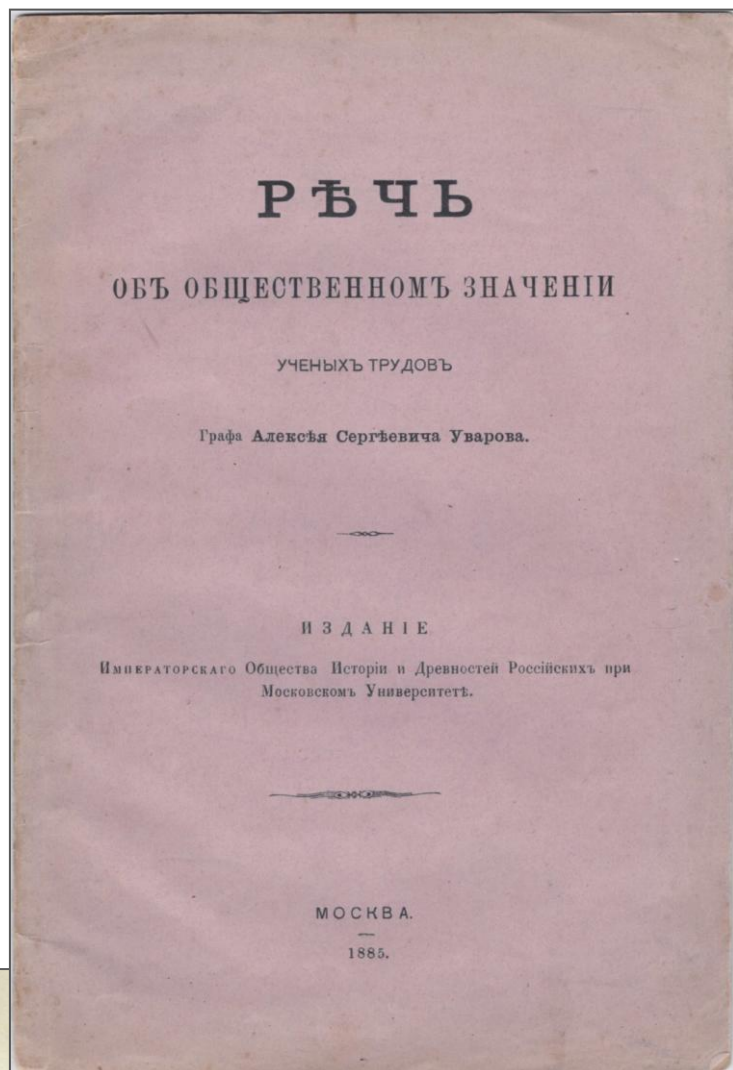
**В.Е.Румянцев, инспектор
Синодальной типографии,
секретарь / товарищ председателя
МАО**

**Палаты бывшего Государева Печатного двора на Никольской.
Рис. Сулова (Нива. 1890. № 3)**

**Граф А.С.Уваров (†1884)
(Нива. 1885. № 5)**

**Речь И.Е.Забелина
«Об общественном
значении ученых
трудов графа
А.С.Уварова». 1885 г.**

Политехнический музей. Фотография 1880-х гг.

Графиня П.С.Уварова – председатель МАО
Фотография начала 1890-х гг.

Памятники, в осмотрах и реставрации которых принимал участие И.Е.Забелин

**Соборы: Успенский (вверху, слева), Благовещенский (вверху, справа)
Покрова на Рву (Василия Блаженного) – внизу. Фотографии конца XIX в.**

**Московедческие работы И.Е.Забелина,
напечатанные в «Археологических известиях и заметках» МАО**

**Забелин И.Е. Опричный дворец
царя Ивана Васильевича. 1893 г.**

I

Опричный дворец царя Ивана Васильевича.

Учреждая свою знаменитую Опричнину, вознамѣрившись жить особнякомъ, въ полной независимости отъ старозавѣтныхъ преданій и порядковъ боярской среды и съ полною волею свирѣпаго самодержавія, царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ и самое свое жилище устроить тоже особнякомъ, подальше отъ старыхъ палатъ своего дѣда и отца, гдѣ и бояре (въ родѣ кн. Курбскаго) и духовныя власти (каковъ былъ св. митрополитъ Филиппъ), весь старый синклитъ столько стѣснялъ и тревожилъ его непомѣрное царское самовластіе, стѣснялъ и тревожилъ нравственнымъ, хотя бы и молчаливымъ укоромъ, что такъ не дѣлалось, такъ не водилось въ старой Москвѣ.

Духовная власть и бояре въ самыя трудныя времена татарскаго ига съ торжествомъ вынесли на своихъ плечахъ всю скорбную исторію старой Москвы и изъ радоваго княжества создали государство. По существу дѣла народившійся въ Москвѣ *государь* былъ ихъ созданиемъ, ихъ воспитанникомъ, а потому, какъ родители, творцы новаго истори-

Археолог. Изв. и Зам. № 11 1893 г.

**Забелин И.Е. Подземные
хранилища Московского
Кремля. 1894 г.**

И. Е. ЗАБѢЛИНЪ.

ПОДЗЕМНЫЯ ХРАНИЛИЩА

МОСКОВСКАГО КРЕМЛЯ.

(Оттискъ изъ Археолог. Изв. и Зам. 1894 г., № 2).

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1894

**Строительство здания Российского Исторического музея
имени Наследника Цесаревича.
Фотографии 1870-х гг.**

Здание Земского приказа (Главной аптеки), на месте которого возведено здание Исторического музея

**Российский Исторический музей им. императора Александра III
Фотография конца XIX в**

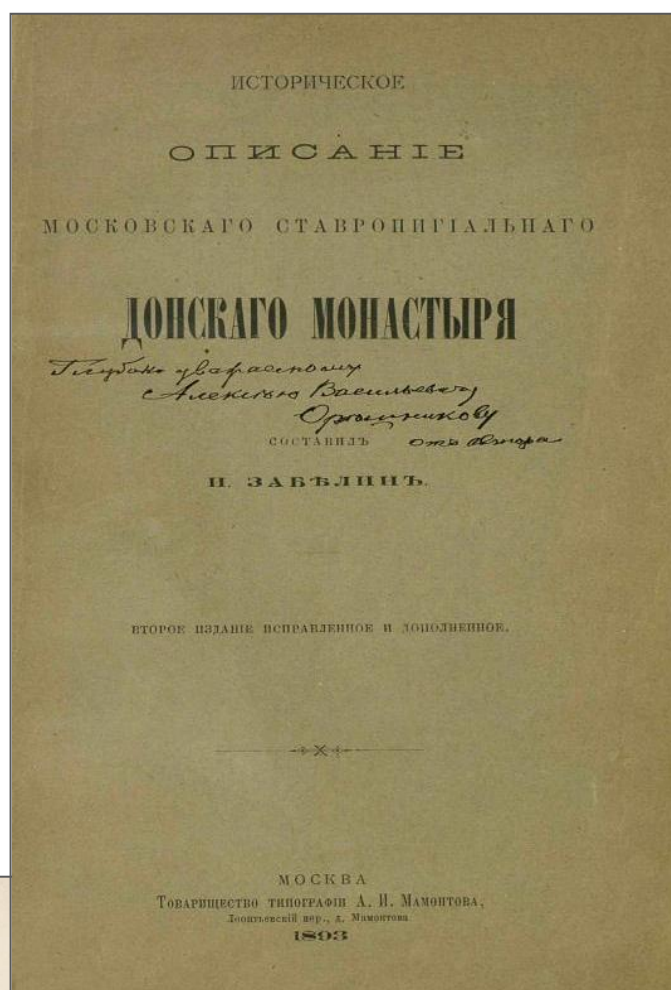
**Члены Совета Музея: *сидят* – А.И.Станкевич, А.В.Орешников, И.Е.Забелин, Н.С.Щербатов; *стоят* – В.И.Сизов, В.Н.Щепкин.
Фотография рубежа XIX–XX вв.**

**Великий кн. Сергей Александрович –
Почетный председатель
Императорского Российского
Исторического музея
(Нива. 1881. № 22)**

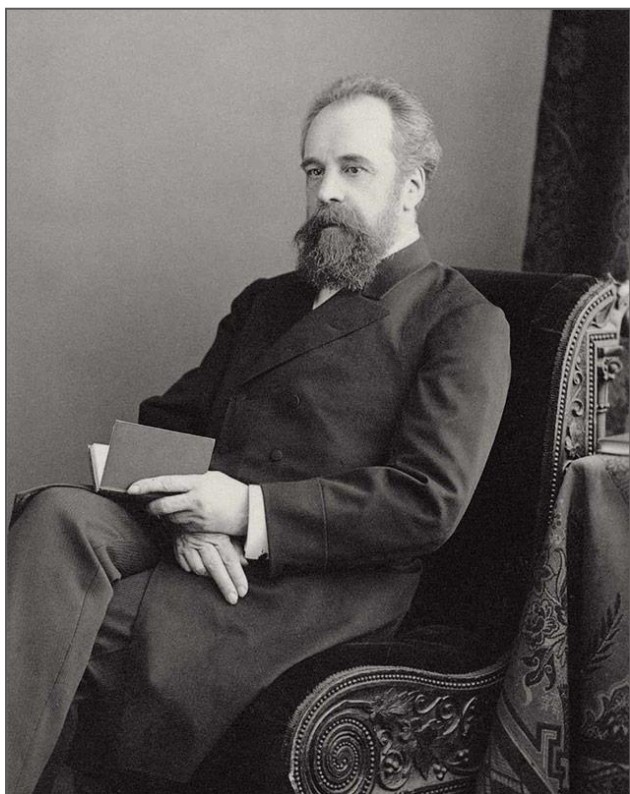
И.Е.Забелин (Из кн.: Памяти Ивана Егоровича Забелина. М., 1911)

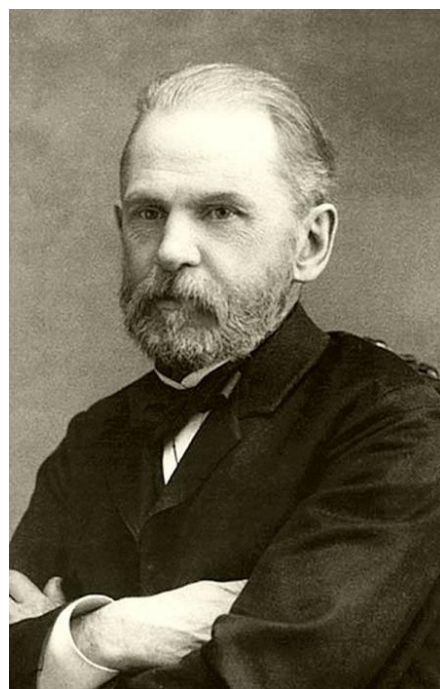
Донской монастырь. Фотография 1880-х гг.

Портрет И.Е.Забелина. Худ. В.А.Серов, 1892 г.

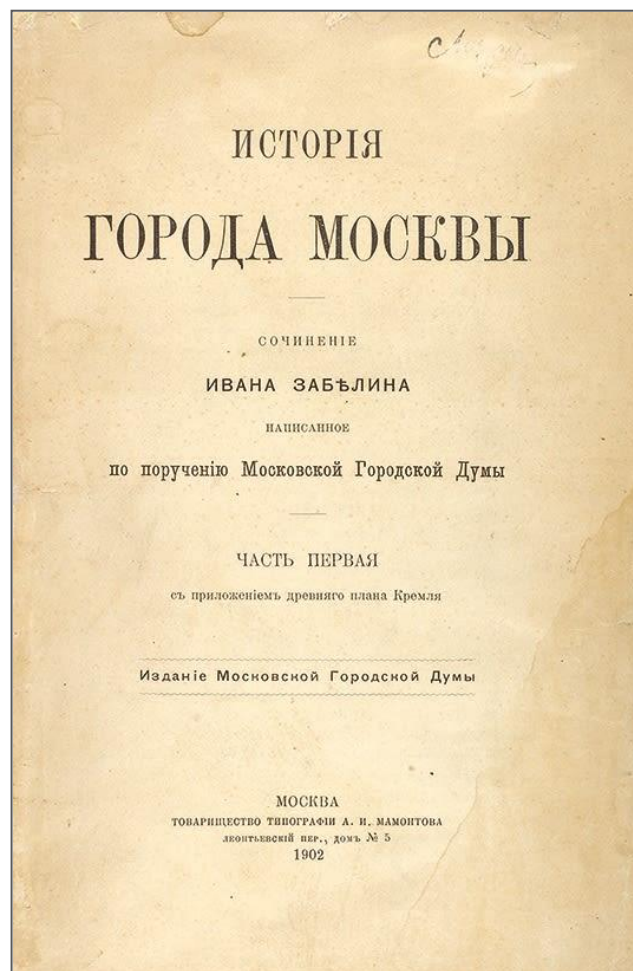
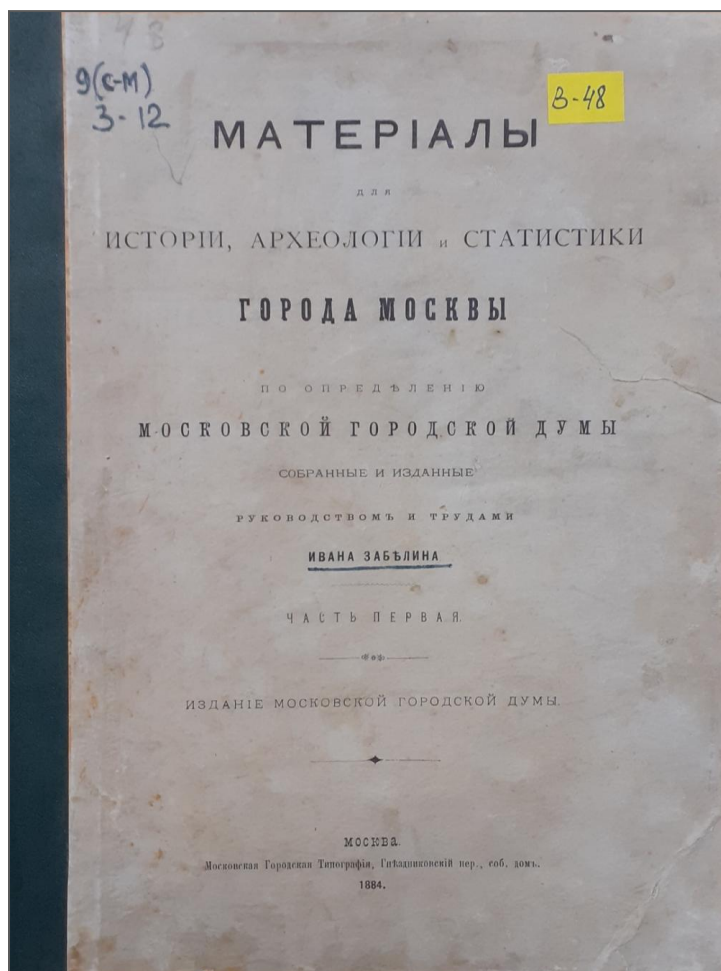
Городской голова С.М.Третьяков

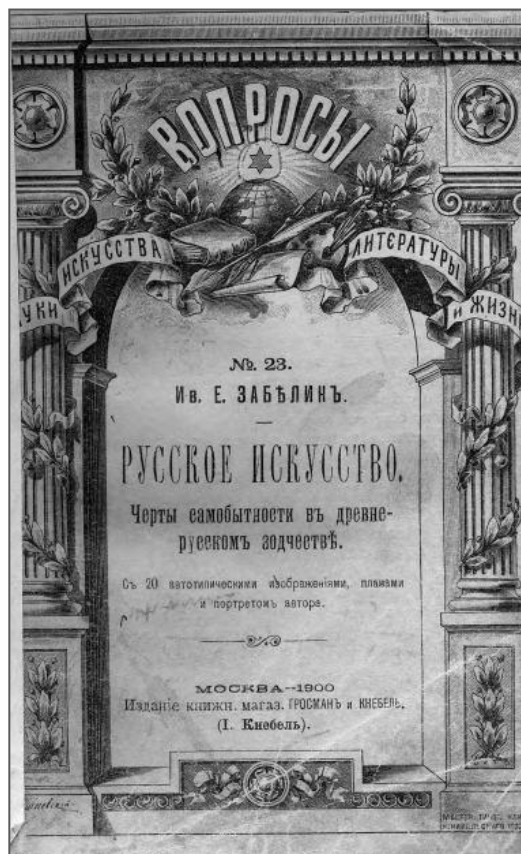
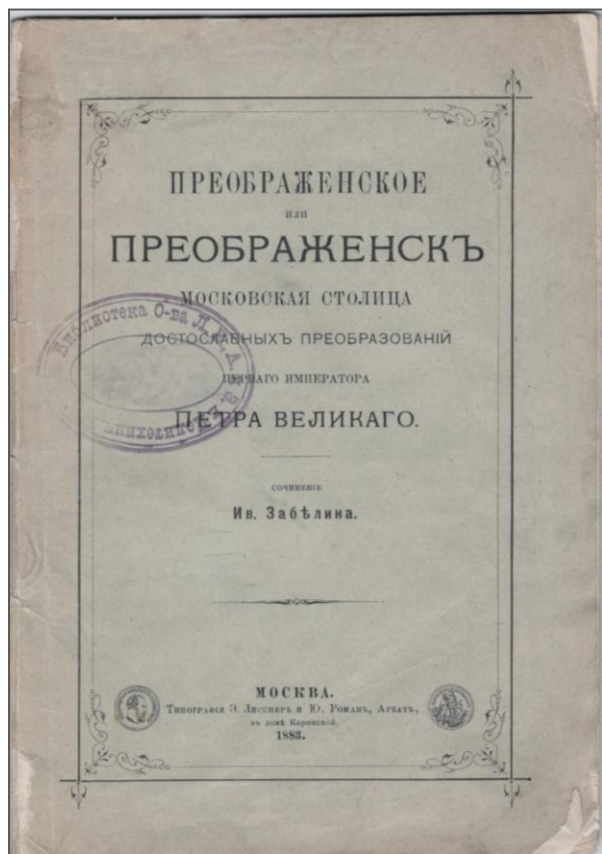
Гласный Московской городской
думы Н.А.Найденов

Здание Московской городской думы. Открытка начала XX в.

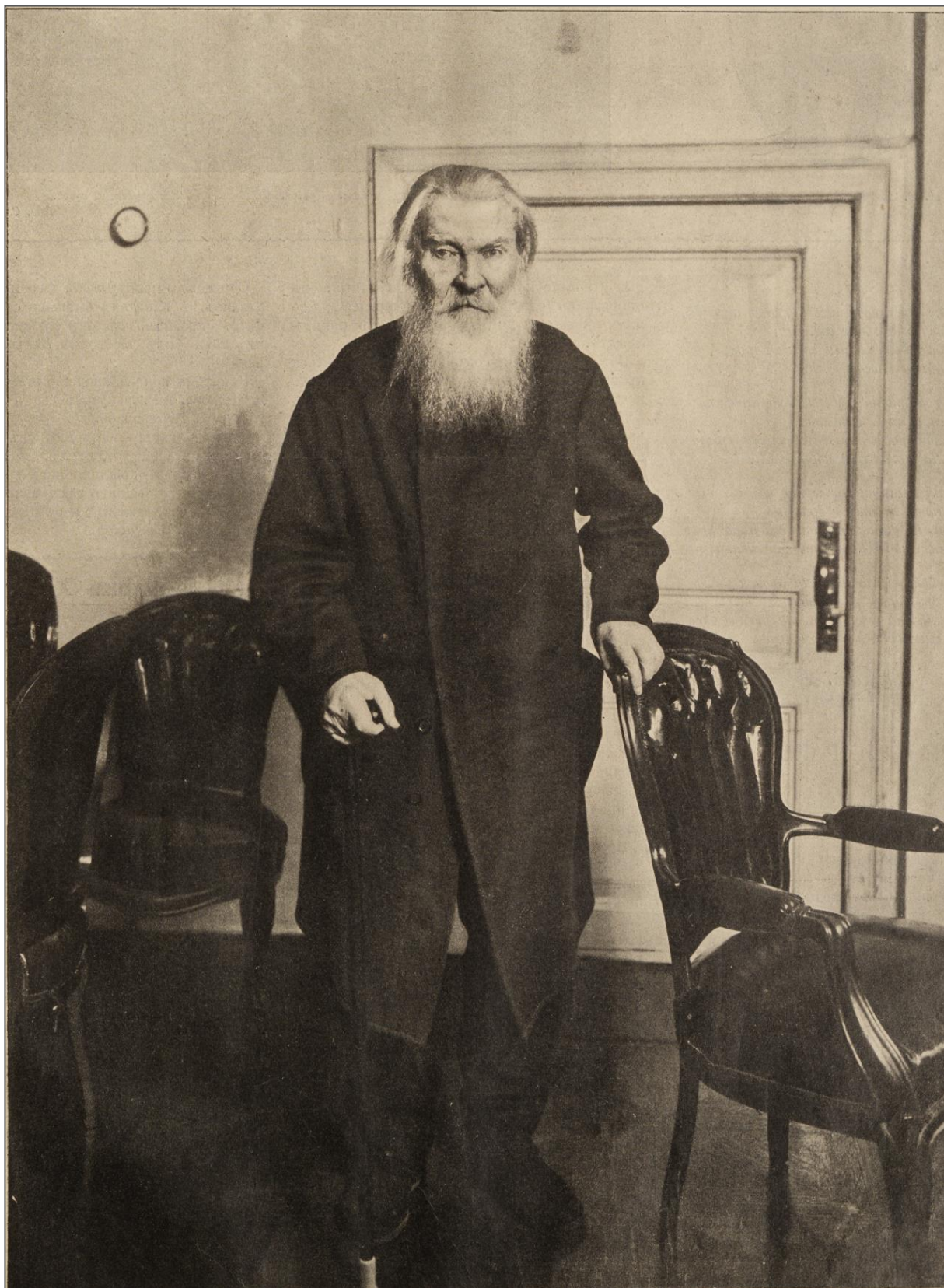
Издания И.Е.Забелина 18880-х – 1900-х гг.

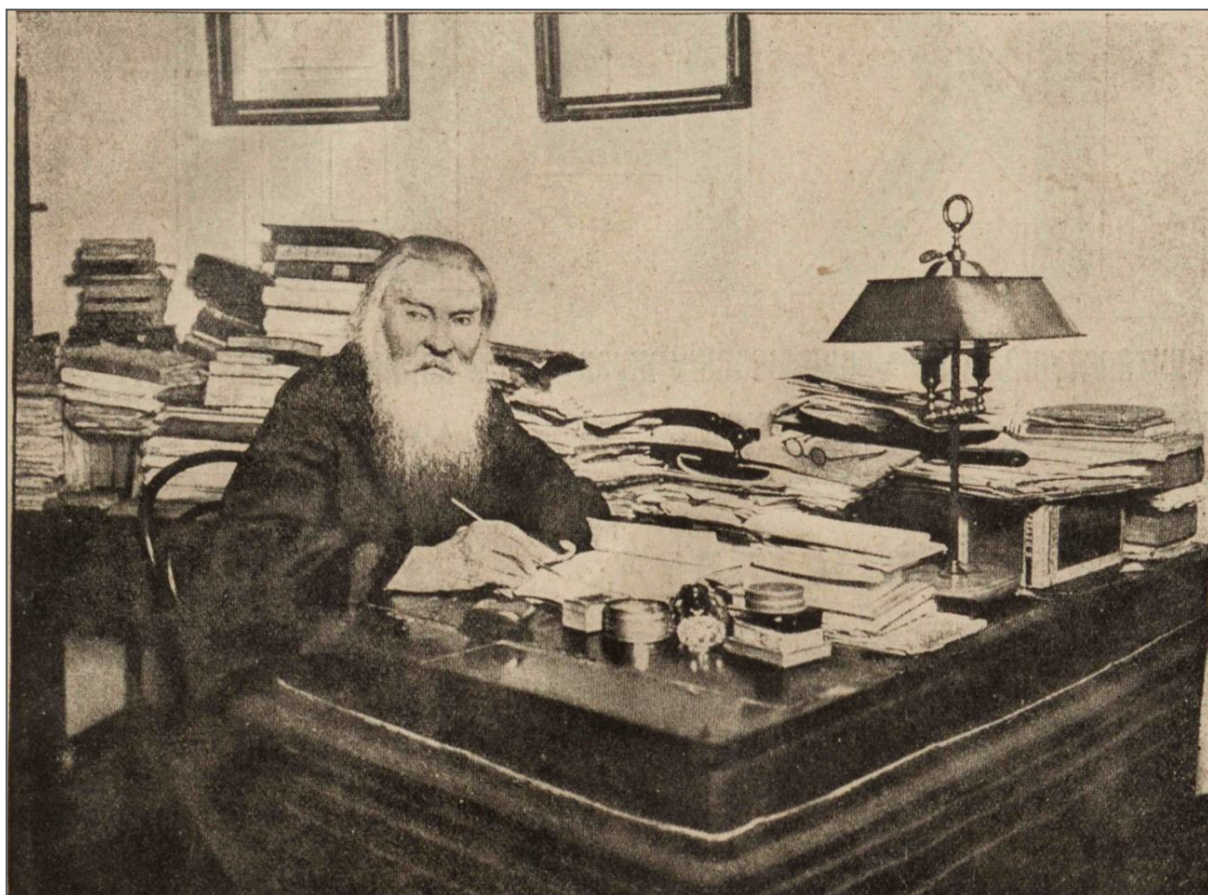

**Московский Кремль.
Фотографии начала XX в.**

**И.Е.Забелин. Юбилей 70-летия начала работы в Оружейной палате.
(Искры. 1907. № 45)**

И.Е.Забелина (Искры. 1909. № 3)

**Храм Троицы в Полях, где происходило отпевание И.Е.Забелина
Фотография 1880-х гг.**

М.И.Забелина
Фотография начала XX в.

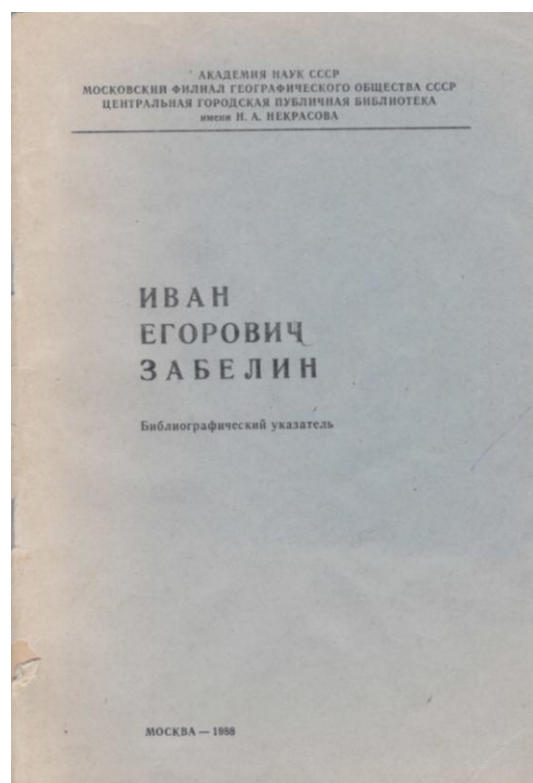
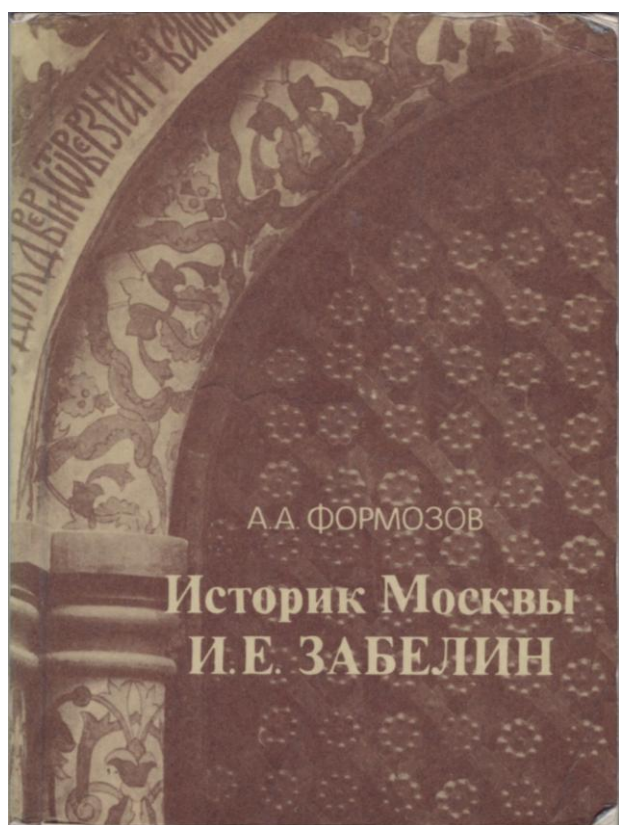
Надгробный памятник И.Е.Забелину на Ваганьковском кладбище
(фотография из газеты «Московский листок» за 22 декабря 1913 г.
(слева) и современный вид (справа)

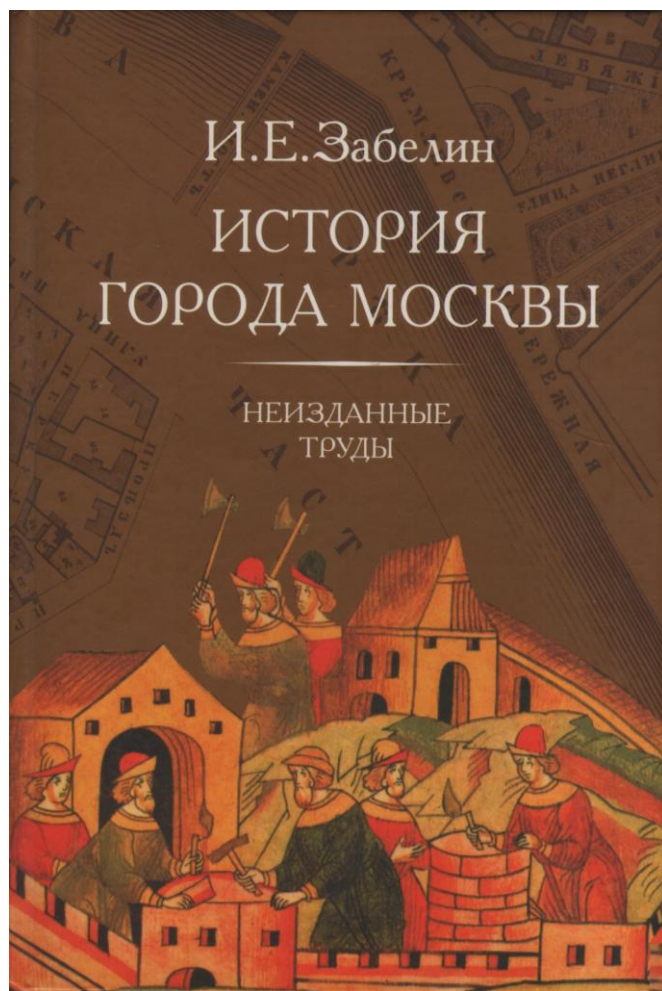
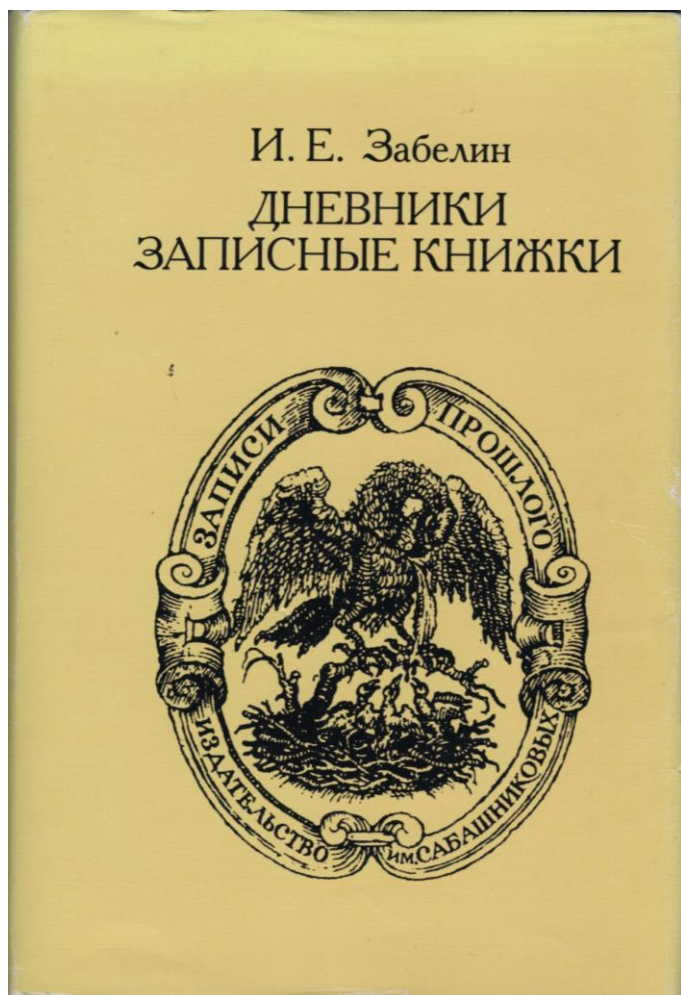

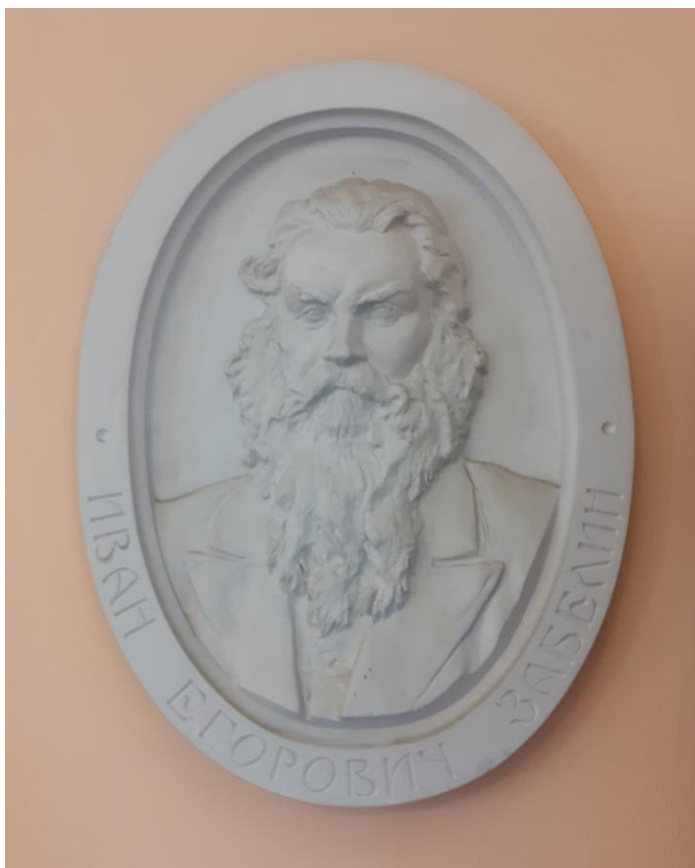
«Москва в ее прошлом и настоящем» (М. 1909–1912. Вып. 1–12) –
издание, посвященное памяти И.Е.Забелина

Издания 1980-х гг., посвященные И.Е.Забелину

Публикации документального и научного наследия И.Е.Забелина. 2000-е гг.

**Барельеф И.Е.Забелина
в вестибюле Государственного Исторического музея. (1997 г.)**

Улица Забелина (бывш. Б. Ивановский пер.; переименован в 1961 г.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

СПИСОК ОСНОВНЫХ МОСКОВЕДЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ И РАБОТ И.Е.ЗАБЕЛИНА

Публикации документального наследия

Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. И.В.Белозеровой // Река времени (Кнга истории и куьтуры). – Кн. 2. – М., 1995. – С. 11–60.

Забелин И.Е. Воспоминания о жизни / Публ. В.Шаркова // Моковскимй архив: Историко-краеведческий альманах / Сост. В.Ф.Козшлов. – М., 1996. – С. 392–402.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки / Предисл., коммент., Н.А.Каргаполова. – М., 2001. – 384 с.

* * *

Труды И.Е.Забелина

дореволюционные издания

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии: В 2 т. – Т.1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. – М., 1862. – XVI, 530 с.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии: В 2 т. – Т.2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. – М., 1869. – 670 с., 178 с., VIII л.

Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. – М., 1865. – 160 с.

Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи И.Е.Забелина: В 2 ч. – Ч. 1. – М., 1872. – 566 с.; Ч. 2. – М., 1873. – 507 с.

Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: Исторические воспоминания. – М., 1873. – 258 с.

Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М., 1883. – 325 с.

Забелин И.Е. Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. – М., 1883. – 54 с.

Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской думы собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. – Ч. I. – М., 1884. – 1384 ст.

Забелин И.Е. Первое водворение в Москве греколатинской и общей европейской науки» // ЧОИДР. – 1886. – № 4. – С. 1–24.

Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской думы собранные и изданные Иваном Забелиным. – Ч. 2. – М., 1891. – 1608 ст.

Забелин И.Е. История города Москвы, написанная по поручению Московской городской думы. – Ч.1. – М., 1902. – XX, 635 с.

Альбом старинных видов Московского Кремля. История города Москвы. – М., 1904. – XXI л.

современные издания и переиздания

Забелин И.Е. История города Москвы. – Ч. 1. – М., 1990. – 688 с.

Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М., 1999. – 336 с.

Забелин И.Е. История города Москвы. Неизданные труды / Подгот. текста, придисл. Н.Б.Быстрова, М.В.Катагощина. – М., 2003. – 384 с.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., 2005. – 1129 с.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – М., 2007. – 432 с.

Забелин И.Е. Черты московской самобытности / Сост., вступ. ст. В.Б.Муравьева. – М., 2007. – 511 с. (входят работы: «Кунцево и древний Сетунский стан», «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия», «Размышления о современных задачах русской истории и древностей», «Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве»)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И.Е.ЗАБЕЛИНА

И.Е.Забелин
[Автобиография]⁷⁸⁹

*(Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г.
 А.С.Пругавина. – М., 1887. – С. 228–235)*

В среде современных русских историков и ученых знатоков родной старины Иван Егорович Забелин, бесспорно, занимает одно из самых первых, самых почетных мест. Многочисленные и капитальные труды Ивана Егоровича в области русской истории и археологии, осветившие целые стороны народно-общественной жизни прошедших веков, давно уже получили вполне достойную оценку, как со стороны людей науки, так и со стороны правительства и всего русского образованного общества.

В настоящее время Иван Егорович состоит: товарищем председателя Императорского Российского Исторического музея, председателем Императорского Общества истории и древностей российских, доктором русской истории Университета св. Владимира в Киеве, почетным членом университетов Московского и Петербургского, членом-корреспондентом Императорской Академии Наук, почетным членом Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, действительным членом Археологического общества в Москве, сотрудником Русского археологического общества в С.-Петербурге, членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Иван Егорович родился 17 сентября 1820 г., в Твери, откуда отец его, чиновник тамошней Казенной палаты, на другой же год, по вызову известного в то время юриста П.И.Дега, переселился в Москву на службу в Губернское правление и спустя лет шесть скончался, оставив вдову и малолетнего сына без куска хлеба. После многих и долгих ходатайств вдовы Забелиной, сын ее, наконец, был определен в Преображенское училище, куда и поступил 12 ноября 1832 года. Так назывался тогда Сиротский дом Приказа общественного призрения, находившийся в Преображенском (Екатерининском) богаделенном доме, известном в просторечии под именем Матросской богадельни.

Воспитание в этом училище, мало кому известном, было старозаветное, спартанское, суровое и жесткое. Сироты поступали сюда из дворянских, обер-офицерских, приказнослужительских, купеческих и мещанских детей. По окончании учения способные воспитанники поступали на казенный кошт в губернскую гимназию прямо во второй, а более успешные иногда и в 3 класс и оттуда по способности и успехам – в университет. Остальные из Сиротского дома, равно и из гимназии определялись на службу в канцелярии.

В 1834 году этот обычный ход в судьбе воспитанников был нарушен. Новый попечитель Д.М.Львов, человек очень образованный и в высокой степени гуманный, увидав до крайности бедное, угнетенное, почти нищенское состояние призреваемых сирот и желая дать заведению лучшее устройство, задумал создать из Сиротского дома особую гимназию. С этою целью его стараниями училище было переведено в купленный для него старинный барский дом на Новой Басманной.

⁷⁸⁹ Более обширный неопубликованный вариант Автобиографии И.Е.Забелина находится в его личном фонде в ОПИ ГИМ (Ф. 440).

Однако предположенное устройство заведения долгое время не получало официального утверждения, так что выраставшие воспитанники принуждены были уже сами приватно готовиться кто в университет, кто в Медицинскую академию. Другим по их способностям или по домашним затруднениям оставалась одна дорога в канцелярию. Вследствие именно таких затруднений, по ходатайству и за ручательством самого попечителя Д.М.Львова, воспитанник Забелин, не окончив курса⁷⁹⁰, был определен на службу в Оружейную палату канцелярским служителем 2 разряда, куда и поступил 12 ноября 1837 года. Ручательство было необходимо по случаю особого распоряжения начальства.

Канцелярская служба, в качестве даже одной переписки бумаг, здесь по необходимости и незаметно пролагала дорогу к подробному изучению русской истории и древности. Единственное в своем роде хранилище разнородных и драгоценных памятников древнего царского быта и находившийся при нем, в то время никому неизвестный и совсем забытый, архив древних расходных и других книг сильно возбуждали любопытство молодого писца, полюбившего русскую, да и всеобщую древность еще в училище, где чтение в начале Плутарховых биографий в переводе Дестуниса, а потом истории Карамзина и именно первого тома, а параллельно с тем романы Вальтер Скотта и Купера и русские археологические романы Вельтмана, «Кощей бессмертный» и «Светославич», заманчиво направили его любознательность к исторической древности вообще.

Впрочем, должность писца по своей незначительности не открывала свободного и непосредственного доступа к изучению богатого материала, и поэтому И.Е. по необходимости приходилось знакомиться с этими материалами приватно и урывками от обязательных своих занятий.

Скоро научившись читать старое письмо и усердно мало-помалу пересматривая и перечитывая архивный материал, И.Е. заметил, что ни у Карамзина, ни в других книгах по русской истории нет и помина о многом, что открывалось в этих рукописях.

Из дробных и мелких сведений, которые он усердно выписывал, мало-помалу сами собою составлялись более или менее полные отделы любопытных свидетельств о давней старине, и требовалось только испробовать силы над литературным трудом. Таким образом, на первый раз была составлена небольшая статья о богомольных путешествиях царей в Троице-Сергиев монастырь, в старину называемых Троицкими походами. Статья составлялась очень медленно, потому что материал для нее выбирался, как упомянуто, по крупицам из множества рукописных книг. К концу 1840 года она была уже настолько полна, что могла бы поступить в печать. Но тогда юный автор очень боялся печати – совсем не верил в себя, в свое умение – так ли сделал, тем более что одобряющего слова не от кого было услышать: ни знакомых знающих, ни руководителей И.Е. не имел.

Между тем, в это время архив Оружейной палаты стали посещать для своих изысканий П.М.Строев и И.М.Снегирев. Молодой писец-изыскатель до крайности был рад, что его знакомство с архивными источниками в некоторых случаях оказывалось очень полезным для знаменитых ученых, на которых он смотрел вообще с чувством особого почтения. Ободренный их вниманием, он стал усердно помогать им выписками и указаниями на рукописи, где что можно было легче и скорее найти для их ученых целей. Эта беззаветная готовность послужить им приобретенными сведениями значительно скрепила дальнейшее знакомство с почтенными учеными, знакомство которое вообще принесло немало пользы для начинающего работника. П.М.Строеву на его первый вопрос: нет ли в архиве летописей, сейчас же были представлены так называемые *Выходные книги*, как цельный и почти летописный материал, которые потом были списаны и изданы П.М.Строевым от Археографической комиссии на счет И.Н.Царского. Впоследствии

⁷⁹⁰ Собственно говоря, никакого определенного, утвержденного курса в этом училище не было.

представлены были и некоторые другие наиболее любопытные материалы, вошедшие потом в издания Археографической комиссии.

Для И.М.Снегирева, который занимался в то время описанием памятников Московской древности, сообщались выписки и указания, касающиеся этого предмета и вообще истории и древностей Москвы, а при дальнейшем знакомстве со знаменитым археологом производилась проверка на месте надписей в московских соборах и исполнялись другие его поручения того же рода. Впоследствии, когда Ив. Ег. стал самостоятельно работать на той же дороге, знакомство знаменитого историка Москвы с начинавшим археологом само собою расстроилось. Однако в первое время начинавший к нему именно и обратился с первым опытом своей работы, со статьею *«Троицкие походы»*, прося рассмотрения и оценки. Было получено одобрение, но такое безучастное, что молодой автор остался при прежней неуверенности в научном достоинстве своей работы. Только случайное знакомство с В.В.Пассеком, тогдашним редактором «Московск. губернских ведомостей», и его ободряющая просьба о сотрудничестве, конечно, безмездном, заставили робеющего автора отдать на пробу в «Губернские ведомости» один лишь краткий очерк своей статьи, который и был напечатан 25 апреля 1842 года, в № 17 «Губернских ведомостей». После того Ив. Ег. некоторое время сотрудничал в этих «Ведомостях», помещая без подписи извлечения из сообщаемых ему В.В.Пассеком дел Губернского архива, напр., о старинных путевых дворцах в Завидове, на Подсолнечной горе, в Воробьеве («М. губ. вед.» № 40) и др.

В то время в Археографической комиссии, сооруженной, как известно, на трудах П.М.Строева, обсуждалось предположение о специальном изучении московских архивов. Для этой цели П.М. задумал было устроить в Москве небольшое отделение Археографической комиссии, вроде новой археографической экспедиции, и намеревался определить Ив. Ег. чиновником этого отделения для разыскания и снятия списков с важнейших документов. Еще прежде официального предложения по этому предмету Строев писал об Ив. Ег. Забелине к председателю Археографической комиссии, от 1-го июня 1842 г., следующее: «Я почти завербовал одного молодого человека трудиться вместе со мною над выписками для археографической комиссии. Он имеет уже столько знаний и навыка в деле археографическом, приобретенных им в месте его службы, притом столько прилежен и любознателен, что я, не обинуясь, предвижу в нем отличного археолога. Его можно будет принять в чиновники Археографической комиссии и прикомандировать ко мне; но это, кажется, едва ли возможно прежде, нежели он получит чин коллежского регистратора, к которому представлен начальством еще в сентябре прошедшего года. В свое время, я не премину ходатайствовать пред Вашим Сиятельством о сем достойном чиновнике, с которым надеюсь сделать в здешних архивах счастливые поиски» (см. Протоколы заседаний Археограф. ком. 1841–49 г., вып. II. Спб., 1886 г.). Задуманное предприятие, однако, не устроилось, о чем подробности см. в сочинении Н.П.Барсукова «Жизнь и труды Пав. Мих. Строева»: стр. 367 и след.

Продолжая усердно изучать и печатный исторический и архивный материал, Ив. Ег. в 1843 г. сделал опыт критического труда на книгу: «Достопамятности Московского Кремля» соч. А.Вельтмана. Статья была помещена в «Москвитянине» под псевдонимом Меланхлена («Москвитянин», 1843 г., № 11) и вызвала ответ со стороны А.Ф.Вельтмана.

Ив. Ег. всегда очень хорошо понимал, что прежде чем критиковать и печатать незрелые труды, надо было многому и многому поучиться, и вот первая причина, почему он вообще не спешил печататься, нисколько не обольщаясь авторскою известностью. Статья «Троицкие походы» лежала не один год в ожидании ее пополнений, так как по изысканиям оказывалось, что это только частица того, что вообще можно было добыть и выработать из доступного мелочного архивного материала.

Наконец, в 1846 г. накопившийся материал, а главное очень тесные домашние обстоятельства заставили Ив. Ег. искать заработка литературным трудом. Он обратился с

упомянутою статьею в «Московские ведомости», редактором которых в то время был Е.Ф.Корш. Статья была принята благосклонно и напечатана в № 46, 47 и 48 «Москов. ведомостей». Затем в № 56 по поводу ожидаемого в то время семисотлетнего юбилея города Москвы помещена заметка-разъяснение: «Когда именно исполнится семисотлетие Москвы», а в № 155 того же 1846 года, Иваном Егоровичем начат ряд небольших статей под общим заглавием: «Некоторые придворные обряды и обычаи царей Московских», которые продолжались в 1847 г. в № 13, 14, 36, 37, 53 и 54. В конце года в № 147–150 напечатана новая статья под заглавием «Домашний быт Московских Царей в XVII стол. 1. Воспитание». Статья: *Троицкие походы*, значительно дополненная, была принята О.М.Бодянским в «Чтения Общества истории и древн.» и напечатана в № 5 Чтений 1846–1847 гг., причем автор тогда же был избран соревнователем Общества и стал сообщать Обществу разнородные материалы в «Чтения», а затем во «Временник».

Упомянутые статьи «Моск. ведомостей» доставили автору немалую известность. Однако некоторые из них вызвали негодование со стороны К.С.Аксакова, потому что, по его взгляду, слишком грубо и дерзко, то есть слишком реально, изобличали грубость и дикость старого быта. Особенно благосклонно и с живейшим одобрением встречал эти статьи попечитель Московского учебного округа, граф С.Г.Строганов, под начальством которого автор занимал приватное место делопроизводителя в высочайше учрежденном комитете для издания древностей Российского государства. Статьи вообще обратили внимание на автора, и он стал получать многочисленные приглашения работать для журналов.

Здесь не место, конечно, приводить перечень всех статей, вышедших из под пера И.Е.Забелина, и потому мы ограничимся лишь указанием журналов, в которых появлялись его статьи, всегда полные глубокого интереса по обилию новых фактов и данных, извлеченных автором из тайников московских архивов. Вот эти издания: «Москвитянин» (1849–50 гг.), «Отечественные записки» времен А.А.Краевского (1850–60 гг.), «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» Н.В.Калачова (1850 г.), «Современник» (1852 г.), «Русский Вестник» (1857 г.), «Атеней», выходивший под редакцией Е.Ф.Корша (1858 г.), «С.-Петербургские ведомости» В.Ф.Корша (1863 г.), «Русская старина» (1877 г.), «Летописи рус. литературы и древности», изд. Н.С.Тихонравовым (1863 г.), «Вестник Европы» (1871 г.) и т.д.

В начале 1850 г. от СПб. Археологического общества была объявлена задача написать на премию гр. А.С.Уварова сочинение о металлическом производстве в древней России, к 1 марту 1851 г. Ив. Ег. воспользовался приглашением и представил сочинение, которое в заседании Общества 12 ноября 1851 г. удостоено полной премии в 300 р. на том основании, что «присланное сочинение есть первое в русской археологической литературе, что оно обнимает собою все предметы, означенные в программе и раскрывает из русской археологии очень много таких предметов, которые доселе не были объяснены». (Записки Имп. Археологического общества, том IV. Перечень заседаний).

В 1852 г. Ив. Ег. получил такую же премию за сочинение и на вторую задачу, предложенную графом Уваровым, «Историческое обозрение финифтяного производства».

С 1852 г. по поручению графа Д.Н.Блудова и при добром посредничестве А.Н.Попова Иван Егорович занимался безмездно извлечением из книг и столбцов архива Оружейной палаты дополнений к изданным «Дворцовым разрядам» и впоследствии, в 1858 г., за шестилетние труды получил Высочайшую награду 1000 руб. Эти извлечения печатаются теперь в «Чтениях Общества истории и древностей» и составят два больших тома.

В 1853–1856 гг. Ив. Ег. составлял исторические описания издаваемых Ф.Ф.Рихтером «Памятников древнего русского зодчества», тетради III–V. По окончании в 1853 г. издания «Древности Российского государства», за труды по комитету сего издания, Ив. Ег. получил Высочайшую награду 500 р.

По приглашению М.Н.Муравьева с 1853 г. Ив. Ег. преподавал в Констант. межевом институте русскую историю и археологию межевого дела, а впоследствии преподавал русскую историю в школе межевых топографов, причем за труды преподавания в Межевом институте получил Высочайшую денежную награду.

В 1855 г. по приказанию Ее Императорского Высочества Вел. кн. Елены Павловны составил проект обозрения московской старины и историческое объяснение плана Москвы, за что удостоился получить от Ее Высочества бриллиантовый перстень.

Продолжая ученую разработку архивных материалов, Ив. Ег. помещал свои труды в разных журналах и повременных изданиях. В альманахе «Комета» (1852 г.), изданном Н.М.Щепкиным, напечатаны «Сыскные дела о ворожеях и колдуньях», содержание которых еще прежде было сообщено А.Н.Афанасьеву для его исследований.

В 1856 г., состоя редактором «Моск. губернских ведомостей», Ив. Ег. предпринял было печатание в них материалов для истории Москвы и ее окрестностей, но вскоре, по недоразумениям, должен был прекратить это издание, остановив его на 15 номере «Ведомостей».

В 1862 г. свои исследования о домашнем быте царей Ив. Ег. издал особою книгою, переработав и в значительной степени дополнив прежние статьи по этому предмету. Книга была удостоена от Академии Наук Демидовской половинной и Уваровской полной премий. Продолжая эту работу, он издал в 1869 г. новую книгу: «Домашний быт Русских Цариц», которая также была удостоена Уваровской премии. В 1872 г. оба сочинения были изданы вторично с дополнениями и награждены от Имп. Русского археологического общества в С.-Петербурге серебряною и потом золотою медалями.

В 1866 г. Академия наук присудила Ив. Ег. золотую Уваровскую медаль за подробный разбор сочинений гг. Снегирева и Мартынова («Москва – историческое и археологическое описание города»), напечатанный потом по желанию М.М.Стасюлевича в «Вестнике Европы» 1867 г.

Часть вышеупомянутых и неупомянутых здесь статей Ив. Ег. издал особо под заглавием: «Опыты» ч. 1, 1872 и ч. 2, 1873 г.

В 1870 г. по предложению К.Т.Солдатенкова написать историю села Кунцова И.Е. составил книгу «Кунцово и Древний Сетунский Стан» (М. 1873 г.), представляющую опыт разработки истории старинных вотчинных мест с изысканием свидетельств о развитии чувства природы в древней Руси.

В 1872 г. по поводу сочинений Н.И.Костомарова о смутном времени И.Е. написал критический их разбор под заглавием: «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время», напечатанный сначала в «Русском архиве», а потом изданный особою книгой с значительными дополнениями.

В журнале «Древняя и новая Россия в 1878 г.» напечатано исследование о древнерусском зодчестве, под заглавием: «Черты самобытности в древнерусском зодчестве», первоначально читанное в Московском Обществе любителей художеств в 1871 г. В 1881 г. в «Историческом вестнике» И.Е. напечатал исследование под заглавием: «Взгляд на развитие московского единодержавия», где первоначальная история Москвы рассматривается с новой точки зрения, несходной с установившимися понятиями.

С 1881 г. по предложению Московской городской думы Ив. Ег. принял на себя обширный труд изыскания в архивах материалов для историко-статистического описания города и составление самой истории его. Первый том собранных материалов, заключающий в себе, главным образом, материалы для истории московских церквей, издан в 1884 году. Печатание второго тома, задержанное болезнью изыскателя, продолжается уже на 61-м листе.

В 1881 и 1882 гг. И.Е. принимал деятельное участие в Комиссии по возобновлению иконостаса в московском Успенском соборе. С 1882 года состоял председателем Археологической комиссии Московского археологического общества по возобновлению древней стенописи в Успенском соборе города Владимира, а в настоящее время состоит

членом Высочайше учрежденной Комиссии, по возобновлению древней стенописи в московском Благовещенском соборе.

Приобретая успехи на археологическом поприще, Ив. Ег. долгое время вовсе не двигался по службе. В Оружейной палате невступно 11 лет он служил все канцелярским чиновником, получая при квартире жалованье 119 руб. в год.

В 1848 г., оставив службу в Оружейной палате, он перешел на больший оклад в помощники архивариуса Московской дворцовой конторы и в 1856 г. занял место архивариуса. Попытка К.Д.Кавелина доставить уже известному археологической науке архивариусу место помощника директора Оружейной палаты окончилась неудачей.

В 1858 г., когда при Министерстве Императорского Двора устраивалась Императорская Археологическая комиссия, председатель ее гр. С.Г.Строганов предложил Ив. Ег. место младшего члена комиссии, которое он и занял в 1859 г. июня 9-го, сдав должность архивариуса и получив при этом от президента Московской дворцовой конторы следующее одобрение: «Г. Забелин во все время служения своего в ведомстве Московской Дворцовой Конторы при отличном поведении постоянно оказывал примерное усердие и неутомимую деятельность по службе».

Новая служба и новый род занятий – исследование курганов скифских в новороссийских степях и потом древнегреческих на Таманском полуострове, были проведены в течении 17 лет с полным успехом. Особенным счастьем эти археологические поиски ознаменовались в 1863 и 1864 гг., когда в кургане Чертомлыцком, близ Старой Запорожской Сечи, был открыт, можно сказать, целый музей скифских древностей золотых, серебряных, бронзовых, железных и пр., в том числе знаменитая серебряная ваза с изображением скифов. В награду за это открытие Ив. Ег. был произведен в старшие члены Археологической комиссии и получил орден св. Станислава 2-й степени.

В кургане Близнице на Таманском полуострове открыто полное погребение какой-то царицы или, как объясняют, жрицы Деметры, со множеством драгоценнейших по художеству вещей. Все это, кроме других, менее важных открытий, составило не малое обогащение черноморских древностей Императорского Эрмитажа. Описание исследований скифских курганов было издано в 1872 году под заглавием «Древности Геродотовой Скифии», выпуск II. Сведения о других раскопках помещались в отчетах Императорской Археологической комиссии за 1859–1876 года, где помещены также превосходные исследования академика Стефани о важнейших памятниках из упомянутых открытий. В 1864, 1865, 1873 гг. по случаю отъезда председателя Императорской Археологической комиссии графа С.Г.Строганова за границу И.Е. управлял делами Археологической комиссии и Керченского музея древностей.

С самого начала (в 1872 г.) предположений об основании и устройстве Исторического музея, главные деятели этого учреждения гр. А.С.Уваров и А.А.Зеленый постоянно обращались к И.Е. за советами и соображениями для своих решений, вследствие чего, в начале 1873 г., по соизволению Государя Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, он назначен был действительным членом Музея и с того времени постоянно участвовал в совещаниях ученой комиссии. В 1874 г. И.Е. был командирован из места своей службы от Императорской Археологической комиссии депутатом в составе конкурсной комиссии для рассмотрения представленных проектов здания Исторического музея и за труды по этому делу получил благодарность Его Императорского Высочества.

В 1876 г. значительно расстроенное здоровье частью от зимних занятий в архивах и, главным образом, при раскопках курганов от пребывания в сырых подземельях, иногда на глубине шести сажень, заставили Ив. Ег. совсем оставить службу и посвятить свой досуг более доступным кабинетным занятиям. При этом он награжден был за отличие чином действительного статского советника и получил полную пенсию 1200 руб.

В 1871 г. ноября 19 Советом Императорского Университета св. Владимира в Киеве Ив. Ег. в уважение к ученым трудам единогласно возведен в степень доктора русской

истории. В 1879 г. по кончине С.М.Соловьева избран на его место в председатели Императорского Общества истории и древностей, состоя в нем действительным членом с 1851 года.

В 1884 г. января 13 «во внимание к долголетней учено-литературной деятельности и трудам по устройству Исторического музея» И.Е. был награжден орденом св. Станислава 1 степени, а марта 12 удостоен Советом Императорского Московского университета избрания в почетные члены Университета. Декабря 29 того же года удостоен от Императорской Академии наук избрания в члены-корреспонденты Академии по разряду историко-политических наук; в 1883 г. (опечатка, правильно 1885 г. – *авт.*) января 28 удостоен Советом Императорского С.-Петербургского университета избрания в почетные члены Университета и того же года апреля 6 по представлению г. министра народного просвещения по Высочайшему повелению назначен товарищем председателя Императорского Российского Исторического музея.

Русское общество, не смотря на почтенные годы Ивана Егоровича, без сомнения, вправе ожидать от него еще новых, столь же серьезных и содержательных исследований, какими он уже обогатил русскую историческую науку.

Заветы Ивана Егоровича Забелина **[Духовное завещание]**

(Памяти Ивана Егоровича Забелина. – М., 1911. – С. 4–6)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Москва. Тысяча девятьсот пятого года Марта двадцать шестого я, нижеподписавшийся, Тайный Советник Иван Егорович Забелин, будучи в здравом уме и твердой памяти, на случай своей смерти пишу сие духовное завещание и прошу свою родную дочь Марью Ивановну Забелину распорядиться после меня следующим образом:

1) Все богатство мое заключается в моей библиотеке, а она заключает в себе наиболее важный отдел, именно собрание рукописей и разных старых бумаг и столбцов, а также иконных прорисей, рукописных листов, лубочных картинок, различных эстампов, географических и топографических карт и тому подобных предметов, а вместе с тем собрание старых и новых печатных книг. Все это, то есть всю мою библиотеку в полном ее составе, прошу мою дочь Марью Ивановну Забелину передать в полную собственность Императорскому Российскому Историческому музею имени Императора Александра III с покорнейшею просьбою к Управлению Музея составить обстоятельную подробную опись рукописей по образцу Строевских описей, не исключая малых и мелочных тетрадей и всяких рукописных и старопечатных листов.

Таким же образом просить Управление Музея составить полный каталог моих печатных книг. Я размышляю, что этот каталог составит, так сказать, проспект, по которому или при котором шло развитие моих познаний и моих научных интересов.

2) Как упомянутая Опись рукописей, так и каталог печатных книг должны быть напечатаны в количестве трехсот (300) экземпляров на средства, какие определит моя дочь Марья Ивановна.

3) Из печатных книг моя дочь Марья Ивановна, если пожелает, может выбрать себе в собственность те книги и издания, какие ей понадобятся.

4) Поступающие со всею моею библиотекою в собственность Исторического музея книги, которые я получал от добрых авторов с их надписями, прошу мою дочь собрать в особый отдел как памятник автографов и передать их в библиотеку Музея, где хранить их в особом шкафу, в котором они и теперь хранятся.

5) Накопилось у меня большое количество писем ко мне от разных более или менее известных лиц, представляющее поэтому собрание автографов – сие собрание писем также передаю в собственность Исторического музея, а равно и все акты, приветствия, письма, телеграммы и пр., полученные мною по поводу моего пятидесятилетнего юбилея, причем прошу дочь мою при помощи Совета Исторического музея напечатать сие собрание писем отдельною книгою или в двух книгах, смотря по надобности, под заглавием «Иван Егорович Забелин в письмах к нему от разных лиц». Таким же образом напечатать отдельною книгою и все документы моего юбилея с заглавием «Пятьдесят лет ученой деятельности И.Е.Забелина» с приложением моего портрета, писанного В.А.Серовым, и фотографий с приветственных адресов.

6) На эти издания необходимые средства доставит дочь моя Марья Ивановна.

7) Все изданные мои сочинения Быт Царей, Цариц, Опыты, Минин, История г. Москвы, История Русской Жизни и пр. передаю в полную собственность моей дочери Марье Ивановне и прошу ее собрать все мелкие мои статьи, напечатанные в разных изданиях, и напечатать их как продолжение Опытов в том же формате с прибавлением заглавия Сочинения Ивана Забелина Опыты и пр., приняв и это издание в свою собственность.

8) Точно так же прошу мою дочь напечатать мое сочинение История Русской Жизни часть первая, изготовленное мною к печати ко 2-му изданию со многими прибавлениями и поправками, как везде указано*. Точно так же прошу мою дочь напечатать изготовленное мною сочинение Домашний Быт Царей часть вторая.

9) Для второй части Истории города Москвы мною написано начало Истории Посада, а также и начало Политической Истории Москвы, и несколько других отрывков – прошу мою дочь напечатать и эти неизданные мои сочинения в том виде, в каком они явятся в наличности.

10) В моей библиотеке находится большое собрание Материалов для Истории Москвы, состоящее из копий со старых деловых бумаг и планов разных местностей Москвы в значительном количестве – всю массу этих, собранных мною, Материалов следует передать в Городскую библиотеку Исторического музея, составя обстоятельную опись, о чем прошу мою дочь.

Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марью Ивановну Забелину и Императорский Российский Исторический музей имени Императора Александра III, поэтому в случае кончины моей дочери все мое наследство без всякого исключения да перейдет в собственность сего Исторического музея, который в составе своего Совета и Управления да исполнит в точности все выше установленные пункты сего моего завещания, о чем прошу в сих пунктах дочь мою Марью Ивановну.

Никаким другим наследникам, могущими когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки.

Примечание. В бумагах моего покойного родителя находится, кроме того, листок, где он на случай своей смерти делает распоряжения и, отдавая нам, т.е. моей матери, моей старшей сестре и мне, библиотеку и все свои денежные сбережения, просит нас отдать после нашей смерти деньги на устройство постоянных переводов на русский язык классических книг. Листок писан в начале [18]70-х годов. В конце [18]80-х годов отец, находясь уже на службе в Историческом Музее и только что перенесши очень опасную и тяжелую болезнь, опять пишет свои желания и, между прочим, повторяет, что желал бы устроить переводы на русский язык древних греческих и латинских писателей, а также средневековых географов и оканчивает таким выражением: «и для меня это будет самым приятным памятником». В 1907 году удостоенный звания Почетного члена Императорской Академии Наук, отец просит меня устно устроить эти переводы уже в Академии, для чего и назначает определенную сумму, 30 тысяч, для передачи Академии

* Это издание напечатано при жизни автора в Августе 1908 г. М.З.

как неприкосновенной капитал, на проценты с которого Академия будет производить эти переводы и их издание; что мною и исполнено. В своих желаниях, записанных в 80-х годах, отец, отдавая нам с сестрою (нашей матери уже не было в живых) весь капитал, просит нас передать его в Исторический музей, а нам пользоваться только процентами с него, а после нашей смерти передать его на вечные времена в собственность Музея, как неприкосновенный капитал, на проценты с которого Музей должен приобретать старинные памятники и особенно древние рукописи с обозначением на памятниках и рукописях, что они приобретены на капитал И.Е.Забелина, отделяя часть процентов на различные работы по его изданиям. В своих последних заветах (1905 года), здесь напечатанных, отец мой уже не упоминает о передаче денег Музею, хотя незадолго до своей кончины он устно опять просил меня об этом.

Мария Забелина.

**ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ И.Е.ЗАБЕЛИНА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ И РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ЗАСЕДАНИЯХ НАУЧНЫХ
ОБЩЕСТВ⁷⁹¹**

**В чем заключаются основные задачи археологии
как самостоятельной науки?**

**Выступление И.Е.Забелина на Третьем Археологическом съезде
Киев, 1874 г.**

*(Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в
августе 1874 года. – Т. 1. – Киев, 1878. – С. 1–17)*

Вопрос, нет сомнения, очень важный для установления правильных понятий об археологической изыскательности; но вопрос столько затруднительный в своем решении, что его предложение с нашей стороны может оправдываться только горячим желанием подвергнуть это решение общему всестороннему обсуждению.

Многие и до сих пор не без основания сомневаются: наука ли археология? Имеет ли она свой отдельный, определенный предмет познания? Есть ли у ней какая-либо система, какой-либо метод в распределении и в изучении познаваемого предмета?

Что археологические познания не сложились еще в систему, об этом, прежде всего, свидетельствуют горячие заботы достойнейших археологов начертить такую систему под видом программы для русской археологии.

Об археологическом методе исследования никто, конечно, ничего еще не слышал.

Положим, что каждая наука в своих изысканиях руководится общими логическими основами рассуждений и заключений; но каждая наука, сообразуясь со своим материалом, непременно вырабатывает особые приемы в употреблении этих общих логических основ исследования.

Таких особых приемов в археологии не существует.

Наконец, очень трудно в точности выяснить себе даже и самый предмет археологии.

В самом деле, чем именно занимается эта наука, что она разрабатывает? Какой именно предмет служит центром ее изысканий, описаний и объяснений?

Говорят, – предмет археологии есть древность. Она потому и называется наукою древностей.

Но слово древность имеет такое обширное значение и такую, можно выразиться, беспредельность в своем содержании, что очень трудно и почти невозможно ответить сколько-нибудь определительно, что такое на самом деле древность, как предмет науки. Это слово по своему смыслу не равняется ли слову *хаос*?

⁷⁹¹ Научное наследие И.Е.Забелина обширно; авторы сочли необходимым в данном приложении поместить в качестве примера всего несколько разнохарактерных материалов, имеющих в определенном смысле программное, методическое значение и одновременно представляющих широту тематического диапазона И.Е.Забелина как ученого.

Все, что под видом какого бы то ни было памятника сохранилось от прожитой жизни человека, все это есть древность, все это есть предмет для археологической изыскательности. С другой стороны, все это существует в крупных и мелких остатках, обломках, раскинутых в беспорядке на неизмеримом пространстве времени и места.

Неисчислимое разнообразие памятников, их всегдашняя отрывочность и неполнота, их разновременность – не представляет ли все это в действительности нечто очень похожее на первородный хаос, где нет еще никакой тверди, никакого порядка, никакого организующего начала?

В более смутном и безвыходном положении едва ли находилась какая-либо другая наука. Каким образом ботаник начертал бы свою систему растений, а зоолог свою систему животного царства, если б для их первоначальных исследований материал их науки состоял весь не из цельных и притом еще живых организмов, а только из их частей, разорванных, переломанных и разбросанных в своих остатках повсюду. Если палеонтология восстанавливает вид животного по одной открытой косточке, то в этом случае она очень верно и решительно руководится уже выработанным планом животного развития во всех подробностях.

Все другие науки, отправляясь за своими исследованиями, всегда имели у себя в виду нечто неподвижное и нерушимое, имели твердую точку опоры, около которой и распространялись их изыскания. Но можно ли найти в понятии о древности какую-либо определенную твердую точку опоры? Слово *памятник*, которым постоянно и исключительно занимается археология, вовсе не имеет того же или подобного значения и смысла, как слова: *растение*, *животное*, в которых с такою ясностью определяется самая цель науки.

В то время, когда археологическое знание стало впервые складываться в особую научную систему, под именем древности и древностей все ученые разумели только древности античного мира и притом по преимуществу только древности художественные, потому что других, не художественных памятников, греки и римляне нам не оставили. Всякая мелочь их быта носит на себе печать художественного творчества. Их памятники всякого рода и вида представляют только более или менее высокую степень развития самого искусства. Открытие, изучение этих памятников и, так сказать, одно только прикосновение к ним изыскательной мысли, произвело изумительный переворот в европейской культуре. Оно создало эпоху Возрождения искусств. Оно же положило первое основание археологии, как особой самостоятельной системы знания.

С той поры слово древность, древний, *антик* стало обозначать исключительно лишь произведения художественные, а потому и археология явилась наукою древнего античного искусства. Весь смысл ее первородной задачи очень коротко, но весьма определенно выразился в этом самом слове: *антик*. С этим первородным смыслом она остается и до сих пор вполне самостоятельной наукою. Самое изучение античного быта и мелочей античной жизни составило лишь прикладную часть знания к объяснению того же антика и выделило только особый отдел государственных древностей, разъяснявший тоже антик особого рода, т.е. Римское государство.

Само собою разумеется, что в виду такого исключительно художественного понятия о древности, национальная, своенародная древность не имела значения. Об ней, как о бедном и ничтожном со стороны художественного творчества, – варварстве, не могло быть ни речи, ни помышления. Об ней очень долгое время совсем не догадывались, существует ли она, эта народная, национальная древность? Все умы были исполнены греками и римлянами и ничего кругом себя не хотели видеть, ничего не хотели слышать, о чем рассказывала летопись родной земли.

Но история и наука шли вперед. Мало-помалу европейские народности стали обращать внимание и на собственную древность, и круг понятий о древности естественно распространился сам собою. Возникла археология национальная. По образу своей матери,

археологии античного искусства, и национальная археология остановила свое изыскание исключительно на искусстве же, на художестве народном.

Но если изучение античных памятников приводило изыскателя к постижению законов изящного, к раскрытию законов искусства вообще, и тем утверждало за археологию место и значение самостоятельной науки, то изучение своенародных памятников раскрывало по большей части только беззаконие искусства или самую наивную и неопытную степень его развития.

Очевидно, что национальная археология явилась каким-то незаконным придатком к познанию античной древности, с которым неизвестно что следовало делать и куда его устроить.

Но готический, как тогда говорили, или варварский придаток стал на своем месте твердо и выдвинуть его из области общего археологического знания не было возможности. Он тоже описывал и разрабатывал древность. Он своим присутствием вносил в понятие об археологии новую мысль, ту мысль, что значение древности обширнее, чем значение антика, что в ней, кроме возвышенного, чистого искусства, есть необозримая сфера низменного или рядового, повседневного художества и творчества, хотя бы и очень безобразного, которое в своем роде такой же антик.

К тому же рядом с изучением памятников народного художества накапливались познания и о других, самых разнообразных, сторонах прожитого народного быта.

Понятие о древности со значением науки распространялось во все стороны. История каждой науки и каждого предмета для науки в сущности становилась главою или отделом той массы знания, которая по справедливости должна носить имя археологии. Археология во имя древности стала распространять свои изыскания повсюду, где только шло дело о древности.

Беспредельность археологического знания и того понятия, какое связано с именем древности, указывается между прочим вопросами, которые были предложены на втором съезде. Там рассуждали о том, как «отыскать и определить один общий метод для измерения и изображения черепов», и спрашивали: «принадлежат ли черепа, находимые в курганах и жальниках Новгородской губернии, одному и тому же типу и тождественны ли они с типом современного населения; вообще существует ли типическая племенная разница между черепами, находимыми в курганах и жальниках?».

Археолог необходимо должен был спросить об этом, ибо познание о различии племен дает ему весьма важную точку опоры в определении и объяснении памятников их быта. Он должен был принять эти вопросы в круг археологического знания и по той еще причине, что антропология (которая собственно одна и может решить эти вопросы), в лице некоторых русских представителей, в одно время обратилась к археологам с великими притязаниями и поучениями, что они вообще не умеют делать своего дела, или не делают его так, как следует. Антропология потребовала, чтобы курганные раскопки велись *иначе*. Это *иначе* состояло в том, чтобы сохранять в целости черепа и весь остов покойников; чтобы черепа подвергать систематическим измерениям. Само собою разумеется, что антрополог дорожит костями более, чем вещами, между тем как археолог, наоборот, дорожит только вещами, хотя по указанию антропологии давно уже принял обычай сохранять и черепа.

Оказалось, что в раскопке кургана, над костями покойника встретились две науки, каждая со своею особою задачей, причем новая, молодая наука потребовала от старушки археологии, чтобы и она была антропологию. Но должно согласиться, что для пользы науки необходимо, чтобы исследования над черепами и костями производили сами антропологи.

Недавно антропология указала, что племенные различия можно наблюдать, изучая наприм[ер], так называемый *носовой указатель* черепа, т.е. отношение ширины носового отверстия в черепе к длине этого отверстия. По этому предмету сделаны уже различные

выводы по сравнению человеческих рас, и эти расы уже разделены на три группы – широконосых, тонконосых, средненосых (Знание, 1872, № 7, стр. 75).

Нет сомнения, что антропология со временем может открыть и еще новый способ по костям же различать не только расы или племена, но и сословия, т.е. определять образ жизни и занятия угасшего колена, на что уже были сделаны указания (академиком Бэрмом).

Археология, занимаясь только изучением курганных вещей, может поверять выводы антропологии, так как и антропология может поверять заключения археологии. Такие проверки в высшей степени будут важны для науки, но лишь в том случае, когда обе науки будут работать независимо друг от друга, ибо соединенные в одном лице, антрополог и археолог, едва ли могут производить свои наблюдения в надлежащей правильности. По естественным причинам у них будет двоить в глазах, так как точки их зрения довольно различны.

Конечно, все науки сливаются, так сказать, в одно русло, переплетаются между собою в одну общую живую связь и непрерывно помогают друг другу. Но каждая наука необходимо должна видеть свою определенную цель и располагать свои изыскания самостоятельно и соответственно своей цели. Неустройство археологического знания заключается именно в отсутствии такой цели или, вернее сказать, в слишком обширном понятии об этой цели, каковое выражается словом древность.

Простое наблюдение показывает, что все науки, сколько бы их ни явилось впоследствии, распределяются на два существенные отдела, и все соединяются или сливаются в одном понятии об одном их начале. Точка их единства и начало их исследовательности суть творчество жизни. Слово *творчество* мы разумеем в том обширнейшем смысле, какой ему дала наша древность (творить укоризну, творить пир, творить известь, утворять мусиею, творить себе кумир и т.д.).

Человек стремится постигнуть это творчество во всех его видах и на всех путях. Отсюда великое разнообразие приемов и способов его постижения и отделов познания, особых наук, которые, однако, все группируются около двух существенных задач.

Творчество природы – одна задача. Творчество человека – другая задача.

Вся область естествознания с прикладными науками стремится уяснить первую задачу или творчество природы.

Вся область человекознания стремится уяснить вторую задачу – творчество человека.

Как сотворена природа, откуда что идет, как подметить и открыть самый процесс, самый акт творческой силы – вот любопытнейшие и самые важные вопросы естествознания.

Как, откуда произошел человек, как и что он создал на земле, как зарождается и воспитывается в нем самый акт его творческой силы – вот вопросы человекознания, на которые стремятся дать ответ все науки о природе человека духовной и телесной.

В последнее время центральное положение среди всех этих наук стремится занять антропология, и нет сомнения, что она станет одним общим руслом для течения всех отделов знания о человеке. В нее, как в матерую реку, сольются все другие реки, речки и ручьи человекопознания, ибо ее задачи верховнее всех других. История, археология, наука о языке, политика, юриспруденция, этнография, этнология, социология и т.д. – все это части, из которых впоследствии должно сложиться одно органическое целое.

Сверх того в антропологии сливаются оба великие отдела человеческой научной пытливости, наука о творчестве природы и наука о творчестве человека, так что она становится сама по себе средоточием всей области человеческого знания.

От такого центрального положения между всеми науками, исследования антропологии переплетаются и иногда очень связно с исследованиями других наук.

В археологии антропология прокладывает свою дорогу к доисторическому быту человека и потому очень интересуется курганными и другими подобными раскопками, где открываются следы первых человеческих шагов. Ясно, что она здесь работает, как

археология. Ясно также, что археология должна на этом пути внимательно изучить задачи и цели антропологии и принести ей посильную помощь.

Антропология изучает человеческое существо в целом его роде, а, главное, в связи с остальной природою, почему она целою половиною своих задач примыкает к естествознанию. Но другая ее половина прямо обращена в самую глубину наук, изучающих по преимуществу только человеческое творчество во всех его видах. Для нее столько же важны свидетельства и о первом появлении человека на земле в качестве особого зоологического вида, как и о первых начатках его изобретательности в борьбе с природою и окружающими обстоятельствами. Она равно ценит и каменное или костяное орудие, посредством которого человек впервые защищался от врагов, или промышлял себе пропитание или защиту от напастей климата; равно ценит и всякий памятник его дальнейшего развития на этом пути, как и всякий факт его развития уже в историческое время.

При помощи общих антропологических идей теперь с особенною славою и силою возникает как бы особый отдел антропологического знания в так называемой *истории человеческой культуры*, где умственное и нравственное развитие человека составляет главнейший предмет научных исследований. Но история культуры в сущности есть археология. Весь материал, которым она пользуется, есть материал археологический. Задачи, какие ставит себе эта история, те же самые, что и задачи археологии, и от археологии она, может быть, отличается только взглядом на предмет. Этот взгляд, по преимуществу антропологический, показывает, что разработка археологического материала совершается здесь с антропологической или общечеловеческой точки зрения, что здесь главною задачею служит культура или развитие *общего* человека, раскрытие и объяснение общих законов его природы, общих законов его мысли и дел.

Руководясь изысканием общих законов умственного, нравственного, художественного, промышленного, социального и вообще бытового развития в человеческой среде, история культуры не могла обойти в своих расследованиях очень важного для нее и многочисленного материала, который именуется этнографическим.

Опять и этот материал столько же этнографический, сколько и археологический, ибо вся разница между этнографиею и археологиею заключается только в пределах времени: археология – древность, этнография – современность. Но и та и другая наука занимается описанием, исследованием, изображением народного быта во всех его видах и во всех направлениях, так сказать, домашней народной жизни.

Не говоря о нравах, обычаях, верованиях и т.п., упомянем, что напр[имер], крестик-тельник, носимый на груди поселянином, есть столько же предмет этнографического описания и исследования, сколько и предмет для археологических справок и проверок, как и всякая другая вещь современного народного быта. Таким образом, археология стоит на той же самой почве, на какой стоят этнография, этнология и частию сама антропология. Но чем же ее отличить от поименованных наук? Есть ли у ней своя особая точка зрения на общий для них материал? Или она как океан – море, становится только Божьею дорогою, общим достоянием для всех наук, которые направляют свои изыскания к познанию человека?

Все науки о человеке могут рассматривать человека лишь с двух сторон. Для одних он творческое удивительное создание Создателя природы. Для других он сам по себе творческая сила, которая сама создает свой быт, сама обрабатывает свою природу.

Точка зрения первых наук есть точка зрения естественноисторическая. Поэтому все они занимаются изучением человека в качестве отдельного рода в среде земных существ.

Точка зрения вторых наук есть историческая в собственном смысле, которая ставит человека особою природою, как бы совсем независимую от остальной природы, отчего первородная история и поставила его во главе всего творения, сказавши, что все сотворено для него одного.

Вся древность, оставшаяся от прожитой жизни человека в разнообразнейших памятниках, есть в сущности один памятник – памятник его беспредельного творчества, памятник его бесчисленных дел на земле, начиная последним произведением его ремесла и мастерства и оканчивая высотой его умственных и нравственных созерцаний.

Творцом, созидателем всего неисчислимого разнообразия этих памятников был сам человек.

Очень естественно, что все науки, которые выросли и будут еще вырастать на этой беспредельной почве, должны иметь между собою родственную кровную связь, родовое единство, в силу которого в каждой из них будут оказываться общие одни и те же черты.

Само собою разумеется, что все эти науки могут быть распределены и организованы только по тем особым началам, в каких неизменно проявляется само человеческое творчество. А оно, прежде всего, распадается тоже на два отдела. Мы замечаем в творческой производительности человека или действие единичное, действие свободной человеческой воли, или действие родовое, действие целого рода, которое настолько не произвольно со стороны человека, что становится для него как бы законом самого естества.

Так, наука о языке сама собою уже отделяется в особую науку по случаю довольно определенных свойств самого предмета ее исследований. Человеческое творчество со стороны звукового воспроизведения мысленных представлений – вот предмет этой науки.

Здесь творчество единицы, т.е. творчество, зависимое более или менее от свободной воли отдельного лица, так сливается с творчеством целого рода, т.е. с творчеством, вовсе независимым от свободной воли, что науку о языке почитают естественною наукою именно на том основании, что развитие языка, его история, иначе – его рост, возрастание «не находятся во власти человека», как отдельного лица.

Но что думают о языке, тоже можно думать и о других проявлениях человеческого творчества. Создание мифов, легенд, сказок, песен, пословиц, примет, поверий и т.д. идет по тому же закону. Отдельный человек не во власти изменить ход развития, нарастания и возрастания тех или других народных представлений и они неизменно по непреложным своим причинам или законам всегда выразятся не так, как бы того хотела свободная единичная воля, бывающая всегда послушным орудием в руках общей родовой силы народного творчества.

Конечно, в таких случаях играет великую роль предание или передача от одного поколения к другому известных мотивов и образцов; но тоже самое происходит и с языком.

Возьмем другой пример, который, по-видимому, уже прямо зависит от свойств и направлений единичного творчества.

Вся орнаментика какого-либо народа – узор, которым он украшает свою одежду и всякие предметы домашнего обихода, украшает свои постройки, свои рукописи, свое оружие, словом сказать, все то, чему хочет придать красоту – вся эта узорочная красота точно также в ходе своего возрастания, распространения и употребления никак не находится во власти отдельного лица, которое создает лишь ее части, первообразы, развиваемые и распространяемые тоже отдельными лицами, но всегда по воле чего-то общего, родового, принадлежащего всему поколению и народу.

Формы красоты да и всякой мысли в изображениях, как и формы мысли в звуках, по основам человеческого творчества однородны или параллельны.

Развиваясь, нарастая, распространяясь, они готовят и всегда представляют из себя почву для последующих изменений и переходов в развитии народного творчества.

В создании такой почвы участвуют, конечно, единицы, отдельные лица, но всегда в подчинении общим родовым силам и идеям, пред которыми значение единичного творчества с его свободною волею совсем исчезает, и первый изобретатель той или другой формы и всякого дела, по большей части, пропадает бесследно.

Единица творит, производит что бы то ни было более или менее сознательно, по своей доброй воле. Род или народ в своем творчестве влечется такою силою, которую не иначе можно понимать, как за естественный закон, необходимо выводящий из известных причин известные последствия.

Вот почему некоторые ученые очень справедливо рассуждают, что сама история есть только глава физиологии (Дренер, Физиология. III, 245), т.е. глава или отдел естествознания.

Физиологи говорят: «Действия человека, по-видимому, свободны и произвольны по отношению к нему самому; но они не вольны, как бы автоматичны и машинальны, когда рассматриваются по отношению к жизни целой расы, народа, поколения... Вообще отдельная личность в общем ходе народного развития работает для достижения результатов, о которых не имеет понятия; она замешана в созидании таких последствий, которых сама не сознает» (Дренер, III, 307. Макс Мюллер, О языке, 30).

В этом замечании, в сущности, обрисовывается отношение двух сил человеческого творчества, силы единичной и потому свободной или сознательной, и силы родовой, не сознательной и не свободной для действий отдельного лица, управляемой естественным законом.

Человеческое развитие непрестанно находится под влиянием обеих этих сил, действующих взаимно в создании того великого образа человеческой жизни, который именуется историею и который в своем ходе оставляет за собою неисчислимые памятники или так называемые «древности».

В жизни эти силы неотделимы, но в науке их можно и даже необходимо рассматривать и изучать отдельно друг от друга.

Вначале вся область человеческой древности принадлежала одной науке или одному отделу знания – истории, книге бытия, описывавшей то, что было. Но с самого же начала история стала обращать особое внимание только на такие были, где виднее всего проявлялось творчество или дело человека, создаваемое целым родом, конечно, под предводительством или под руководством отдельной личности, ибо первородные исторические понятия давали большой простор личному творчеству и все приписывали исключительно воле единичного художника.

Как бы то ни было, но история, по преданию от летописи, хорошо поняла и запомнила, что главная ее задача состоит в описании и изображении общих, родовых дел человека. Поэтому самым первым и важнейшим памятником для ее наблюдений явилось государство со всеми его органами и деяниями. Государство, не в смысле тирании, как иные понимают, а в образе органического народного устройства, действительно есть самый возвышенный и, так сказать, центральный памятник народного творчества. Оно дает направление и всем другим сторонам творческой народной деятельности. Оно же вполне обозначает тот род памятников, которыми исключительно занимается историк. Это памятники, проявляющие вообще творчество народных общественных идей, это сами идеи, руководительницы всех подвигов и дел народа, всей его жизни.

Так как общие, родовые дела и общие, родовые идеи слагаются из частных, единичных дел и помышлений, то исторический труд по необходимости касается и частных. Но он не дает им у себя самостоятельного места, не занимается их обработкою и если вводит их в свое повествование, то лишь настолько, насколько эти частности могут рисовать общее состояние народной жизни. Но все частности и мелочи жизни суть памятники личного творчества человека, суть те древности, которыми присуждено заниматься археологии.

Если понятие об археологии, как науке, установить на понятии о целом особом отделе личного или единичного человеческого творчества, по своим свойствам и целям весьма различного от творчества родового или собственно исторического, то на этом только основании возможно будет начертить, так сказать, топографическую карту для беспредельной области древностей и таким образом обозначить ее пределы, которые сами

собой укажут и на то, что должно находиться в жизненном центре этой области. Словом сказать, нам кажется, что только на этом основании будет возможна научная постройка археологического знания со всеми его отдельными ветвями.

В самом деле, даже и при теперешней неясности, в чем именно должна заключаться основная задача археологического знания, мы однако очень ясно можем видеть, что именем *археологический* обозначаются только такие памятники и факты, которые прямо указывают, что они есть произведение единичного или личного человеческого творчества, что вообще археология в любом памятнике имеет дело, прежде всего, с творчеством отдельного лица, единицы, между тем, как история, даже и в творчестве единичного героя, находит общие, родовые силы и направления и очень справедливо почитает единицу только выразителем общих стремлений и желаний.

Для истории всегда трудно бывает разобрать, кто первый или кто личный строитель того или другого исторического события. Для археологии, наоборот, всегда трудно разобрать, что внесено общего, родового в личное дело создателя любого археологического памятника.

Если задача истории состоит, главным образом, в исследовании и изображении общих дел народа, общего, родового, общественного творчества народной жизни, то задача археологии по необходимости должна состоять в исследовании и изображении личных дел народа, в исследовании и изображении единичного творчества народной жизни, разработку которого история на себя не принимает.

Личное и единичное в отношении истории есть внутреннее и домашнее народной жизни. Отсюда внутренний быт и домашний быт – отделы чисто археологические.

Единичное творчество народа по самой своей натуре есть творчество *изобразительное*, для которого прежде всего потребно *вещество*. Поэтому великий отдел археологических памятников составляют памятники *вещественные*, начиная от папируса или писаной бумаги и оканчивая египетскими пирамидами.

Но изображение и всякая материальная форма, сработанная и созданная человеком, суть только отпечаток его мысли, его замысла в кругу разного рода необходимостей или отпечаток его свободного идеала в кругу высших понятий и представлений. Вещественный памятник есть только облик умственных соображений и созерцаний или нравственных стремлений и желаний.

Поэтому ограничить задачу археологии изучением одних вещественных памятников даже совсем невозможно.

В каждом таком памятнике представляется не одно изобразительное, осязаемое или уловляемое глазом; но в нем со стороны того же изображения всегда раскрывается целый ряд фактов, которые относятся к неосязаемой области помышлений, идей, чувств, желаний и т.д., вообще к области умственного и нравственного народного единичного же творчества. Эта область также исполнена своих памятников, неосязаемых, невещественных, для которых памятники вещественные служат только символами, иероглифами, буквами, вещественными выразителями.

Таким образом, другой не менее великий отдел археологических памятников будет заключать в себе памятники быта или бытия умственного и нравственного, к которым относятся нравы, обычаи, обряды, верования, приметы и все неосязаемые выражения и изображения духовной жизни человека.

Все это произведения человеческого творчества. Все это такие же древности, как обделанные камни, металлы и дерево.

Итак, общая единая основа археологического знания, изучения, исследования, описания есть творчество человеческой единицы, которое раскрывается в разнородных и разнообразных памятниках вещественных и невещественных.

Каждый памятник, каков бы он ни был, есть произведение этого творчества, есть создание, мастерство, художество, искусство человека – единицы.

Наука, прежде всего, конечно, изучает и объясняет только памятники. Но это дело первоначальное, подготовительное. На нем одном наука остановиться не может. Она не может остановиться и на том, чтобы выделить для своих исследований какой-либо один род или один вид памятников, напр[имер], памятники художественного творчества, на которых сосредоточила свое внимание археология антика. Это только особый отдел ученых археологических изысканий, но не вся полная, не вся целая наука древностей. Художественное творчество, искусство в тесном значении, есть только венец, высшая, божественная степень всей творческой, созидательной производительности человека в обширнейшем смысле. Поэтому учение об этой только стороне человеческого творчества есть часть общего учения о творчестве вообще, которое начинается кремневым орудием и оканчивается античной статуей, начинается пещерной норой и оканчивается Парфеноном или римским собором Петра; начинается односложным звуком в языке и оканчивается высокими созданиями поэтического слова.

Таково обширное, беспредельное поле археологических исследований.

На этом поле повсюду рассыпаны *древности*, рассыпаны памятники, свидетельствующие об одном: о беспредельной способности человека создавать, творить, строить свою жизнь во всех мелочных подробностях своего вещественного и духовного быта, во всем совершенстве своего замысла.

Эта самая способность по необходимости и становится исходною точкою для научного изучения всякого рода древностей или памятников. К ней же необходимо приходит и всякое изучение этих памятников, ибо каждый памятник есть не более, как только свидетель, очевидец великого, в бесчисленном разнообразии *единого*, дела, именуемого творчеством.

Дело это по разнообразию своих естественных задач распадается на множество ветвей, питающих каждая особый отдел знания, из которых иные успели уже организоваться в отдельные науки.

История языка образовалась в науку о языке. Но история языка, в сущности, была археологией, ибо всякая история какого-либо особого отдела в человеческом творчестве необходимо носит значение археологии, так как непременно начинает свою повесть с творчества единицы, с предметов, воспроизведенных единицею.

Отделенная от археологии история искусства есть тоже археология, как в прежнее время она и обозначалась.

Более или менее широкое развитие особых отделов археологии заставляло скоро забывать ее имя и придумывать новое с целью определить независимость и самостоятельность, если не новой науки, то новой мысли о науке. Так в настоящее время развивается как бы особая наука – история культуры, между тем, как ее задачи и весь материал, как мы говорили, принадлежат археологии.

Утверждение за наукою того или другого имени, конечно, зависит от употребления. Но употребление имени забывается, устраняется, исчезает, главным образом, по той причине, что для нового вина требуются и новые мехи, что старое имя, значит, не совсем соответствует новому взгляду на науку.

Однако имя археологии так обширно по своему значению, как и слово древность, и потому может с великою пользою обозначать и всякий нововыработанный отдел того же археологического знания.

Всякий предмет познания в области человеческого единичного творчества, всякий род и вид этого творчества могут служить лишь отдельными главами из целой одной книги, ей же имя археология.

Очень естественно также, что вся система археологии и классификация археологических памятников должны расположиться в том порядке, какой лежит в основаниях или руководящих началах самой творческой деятельности человека.

Ее основания очень просты и первоначально, как и все в человеческих делах, явились плодами первых потребностей.

Творец великих дел, человек, поставлен в природе существом бессильным и беззащитным, существом, которое, быть может, по этой самой причине и развило в себе этот творческий, созидающий огонь жизни. Он должен был завоевать себе собственное существование, должен был пробить неисчислимые преграды, восторжествовать над неисчислимыми препятствиями, победить бесчисленное множество врагов, пока его развитие стало на твердую и прочную ногу.

Первое дело – *пища, одежда, жилище*. Вот те три кита, на которых основан мир разнообразной человеческой деятельности и всяческих изобретений. Добыть пищу, добыть и устроить одежду, устроить жилище – вот три первоначальные дороги, по которым ходило человеческое развитие.

На этих дорогах приобретен целый особый круг деятельности, труда и работы, называемый *ремеслом, мастерством*, или по древнему вообще *художеством*, и другой, называемый *промыслом* в обширном смысле.

Приобретена первая наука в различных наблюдениях и *приметах* над собственным существом и над природою. Приобретена целая система *верований*, убеждений, из которых вскоре возникли чудные образы первых мифов, подвинувшие и самое ремесло – мастерство на степень свободного художества.

На тех же дорогах открыта община и общество с понятиями о нраве и законе и, наконец, открыто государство, т.е. открыт путь для исторического развития человека.

Таким образом, первый отдел археологии должен вместить в себе порядок памятников домашнего народного быта во всех мелочных подробностях и во всех направлениях его развития.

Здесь творчество, художество, в смысле мастерства и промысла, вполне еще зависит от естественных потребностей, а потому здесь всеми сторонами его производительности руководит закон необходимости.

Но скоро на этом пути возникает система верований, система помышлений и представлений первичного знания, ибо всякое верование есть уже образ какого-либо опыта и знания, иначе сказать, всякое верование есть поэтическое воссоздание сделанных наблюдений и умозаключений.

Древний человек стремился понять природу, каждое явление в природе, больше силою воображения, чем силою рассуждения; оттого каждое свое наблюдение он олицетворял в живой образ.

Таким путем совершалась постройка всяких мифов. Миф явился воплощением первородного знания, первородной науки, где для познания всего существующего употреблен был только иной метод, чисто вообразительный, а не рассудительный.

Как скоро первородное сознание человека достигло до создания мифа, то все остальные стороны его творчества получили совсем иное освящение. Животворный, художественный свет мифа, распространился на все, даже на последнюю мелочь домашнего хозяйства. Самая пища стала приобретать в известном смысле различные художественные формы. Пирог, каравай, сыр и т.д. явились не простыми предметами снеди, но вместе и художественными символами различных мифических созерцаний. То же случилось с одеждою и с самым жилищем. Ремесло, простая работа для необходимости, приобрели свободу искусства и стремились изобразить в своих изделиях тот или другой мотив мифических помыслов. Не было и нет в них искусства в смысле его идеальной высоты, но оно в них господствует в смысле свободы творчества, в смысле первородных, первоначальных, зародышных его стремлений.

Вот почему археология и не может ограничить свою задачу только совершенным искусством, искусством античного мира.

Само собою разумеется, что в этом возрастании человеческого творчества мы напрасно будем отыскивать какую-либо хронологию, как в возрастании событий в летописи и в истории. Все здесь крупное и мелкое связано в одно жизненное целое, все здесь цепляется неразрывно друг за друга, порождает, развивает друг друга и изнашивает,

упраздняет только свои формы, нисколько не изменяя существа самых сил и давая этим силам только новые направления. Формы погибают по той причине, что не отвечают уже развитию идей и представлений.

Очень естественно, что вместо хронологии, вместо годовых чисел здесь связывают и скрепляют все дело нити и узлы, начала и источники самих творческих сил человека.

Для устройства системы и порядка в археологии необходимо, стало быть, раскрыть основные узлы самой творческой производительности человека, ибо ее шествие обозначается не годовыми числами и не порядком форм и памятников, а именно узлами, в которых всегда сплетается множество нитей или особых направлений этой производительности, исходящих из одного центра.

Такой узел представляет напр[имер], миф. От него во все стороны расходится или к нему со всех сторон сходится множество нитей, идущих от других узлов человеческого творчества и создающих на своем пути множество разнородных и разнообразных памятников. Такой узел может представлять простое *жилище*, равно как задача *одежды*, как задача *пропитания* – три основных узла человеческой творческой производительности.

Чем внимательнее будет осмотрен и расследован круг этих узлов, тем правильнее выработается и система археологии.

К этому необходимо присовокупить, что в археологическом изучении, не так как в историческом, не может быть ничего неважного или менее важного, ничего недостойного или менее достойного для любопытства и наблюдения. Здесь все имеет цену и свое место, которое в науке не должно оставаться пустым. Всякая мелочь и незначительность составляют здесь нить известного узла, которая одна, найденная или отвергнутая, может затруднить изучение и расследование самого узла.

История, следя исключительно за проявлениями родового творчества, может очень основательно отвергать в своих изысканиях и изображениях всякую мелочь творчества единичного. Археология, занимаясь изучением и исследованием творчества единиц, поколеблет собственное основание, если будет оставлять в стороне какие-либо, по-видимому, не важные и мало заметные нити этого творчества.

Орудием археологических изысканий становится в некотором смысле микроскоп. От этого внимательный археолог и на самом деле всегда запасается увеличительным стеклом.

Археология рассматривает и изучает мир инфузорий и монад. История, как бы в телескоп, обозревает только светила или идеи человеческого жизненного творчества.

Отсюда понятно также, что живая жизнь больше всего находится в руках археолога, и история только из археологического познания почерпает краски для своих изображений. Только археологическое изучение эпохи или события дает возможность историку представлять в своих картинах живые лица с живою их обстановкою. Сухость и отвлеченность исторического рассказа всегда будет находиться в зависимости от недостаточного археологического или микроскопического изучения времени и людей.

Оттого же вполне зависит верность и правдивость самой истории.

Невозможно в человеческих делах видеть истину вполне, когда изучаем эти дела только со стороны их общего хода и развития, только в области действий и направлений *родового* человеческого творчества, яснее сказать – только в гостинной, только на форуме или на площади жизненных отношений, только во внешних и общих их проявлениях, а не во внутренних помыслах и желаниях каждого человека, не в мелких домашних связях людей.

Если каждое историческое дело есть собственно воплощение давно где-то созревающих общественных, родовых идей, то наука не может спокойно указывать только на то, что такие идеи где-то созревали. Она необходимо должна раскрыть, как, какими путями, из каких источников, при каких обстоятельствах, посредством каких сочетаний

происходило это созревание, это нарастание и возрастание исторической идеи. А это уже работа археологии.

И только в таком, уже чисто археологическом, расследовании предмета открывается полная истина истории, способная дать всестороннюю поверку каждому своему выводу. И надо согласиться, что самые занимательные страницы в истории бывают именно те страницы, где историк касается расследований, какими путями общественные, родовые идеи и дела нарождались из частных, единичных идей и дел, т.е. когда историк выходит сам на путь археологической изыскательности и работает заодно с археологом.

Приводя к одному концу предложенные нами краткие мысли о том, в чем могут заключаться основные задачи археологии, как самостоятельной науки, смеем заключить:

1) Что наука археологии имеет, как и наука истории, свой особый, определенный и самостоятельный предмет познания. Этот предмет есть единичное творчество человека, в бесчисленных разнородных и разнообразных памятниках, вещественных и духовных.

2) Что основная задача археологии, как науки, заключается в раскрытии и объяснении законов единичного творчества, в раскрытии и объяснении путей, по которым единичное творчество воссоздает творчество родовое, или общественное, т.е. историческое, в раскрытии и объяснении той живой, неразрывной связи, в какой постоянно находятся между собою творчество единицы и творчество целого рода или народа.

**Предполагаемые задачи предпринятого по решению Московской
городской думы историко-археологического и статистического описания
города Москвы
[Извлечение]
(М., 1881. – С. 1–16)**

Общая задача этого труда обнимает подробную историю и статистику города Москвы, то есть, ход его исторического развития с первых времен и обор его состояния в последовательные периоды его жизни во всем объеме его бытия и быта, политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промышленного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного.

Эта общая задача в раскрытии, распределении и обработке ее подробностей может быть выполнена в двух видах:

1. Под видом исторического повествования, в котором будут представлены полные и подробные, но общие обозрения истории города и его состояния в последовательные периоды этой истории, с присовокуплением историко-археологического описания существующих памятников и замечательных в историческом отношении местностей.

2. Под видом собрания в одно целое разнородных материалов, касающихся истории, археологии и статистики города Москвы,

а) не обработанных, в составе летописных и других сказаний, разного рода актов, документов, деловых записок и других бумаг и

б) обработанных, в составе особых исследований, изысканий, описаний, извлечений, сокращений из деловых- архивных бумаг по различным крупным и мелочным частным вопросам и задачам истории, археологии и статистики города.

Отдел исторического повествования или общего историко-археологического и статистического описания города и этот второй отдел частных специальных исследований и собрания материалов по истории и статистике города Москвы будут иметь в виду следующие задачи:

Москва-город, прежде всего, есть место и жилище, стены и дома; поэтому первая из частных задач предположенного труда заключается в истории постепенного топографического распространения города, начиная с его первосельцев, аборигенов этой местности.

Сюда входят все дробные истории каждого городского места-урочища, каждого храма в смысле основы поселения, каждой площади, улицы, переулка, по возможности, каждого сколько-нибудь замечательного двора и дома, с показанием происходивших перемен в расположении и устройстве заселенного пространства⁷⁹².

Сюда входят: история и способы постройки городских стен, ворот и башен; способы постройки домов, устройства дворов, садов, прудов, огородов; способы мощения улиц, способы их освещения в ночное время; способы уборки нечистот; способы предупреждения и тушения пожаров; способы водоснабжения и вообще история и статистика всех статей и порядков, служивших внешнему строительному городскому благоустройству.

С другой стороны, общая задача рассматривает Москву как совокупность людского общежития. Это город – люди с их занятиями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами, с устройством и уставом их городского быта и управления во всех его видах и потребностях.

Исторический и статистический обзор этих подробностей сам собою распределяется на многие отделы и особые статьи.

Впереди других здесь должна стоять история городского правительства и управления или история городской власти, земской, посадской и государевой. Сюда относятся:

Виды и порядки самоуправления в древнее время.

Устройство приказного управления.

История главных начальников Москвы и их деятельность на пользу города.

История Московской полиции как особого учреждения.

История Городской думы как особого учреждения.

История и статистика городского хозяйства, поскольку они выражаются в числовых данных городского бюджета. Городские сметы и отчеты. Городские доходы и расходы. Городские капиталы. Законы, правительственные и административные меры и распоряжения, касающиеся городского хозяйства.

История Управ купечества, мещанства и ремесленных цехов. История и статистика их хозяйства.

* * *

Состав городского населения и его статистика с древнего и до последнего времени.

Городское землевладение.

Тяглое и свободное население, посадское и служилое.

Тяглые, белые, церковные и крепостные земли.

Внутреннее устройство посадского населения.

Слободы и сотни: торговые (гостиная, суконная, сотни), промышленные, ремесленные, казенные и черные или земские. Ямские и стрелецкие слободы. Их земли.

Братские съезжие дворы.

* * *

⁷⁹² По этому предмету один почтенный любитель Московской старины сообщил уже редакции общего труда для рассмотрения около тысячи старинных частных планов различных местностей и улиц Москвы на собрание которых он посвятил не один десяток лет. [И.З.]

Иноземческие слободы и места поселений: Немецкие, Армянские, Грузинские, Цыганские, колония французов и пр.

* * *

История стрелецкого населения как гарнизона Москвы. Последующая история военной комендантской части. Военные постой и казармы.

* * *

История церковных приходов, существующих и упраздненных. Историко-археологическое описание храма в каждом приходе. Церковная земля. Состав причта.

Состав приходского населения с указанием известных и знатных личностей, живших в приходе. Так как многие приходы были собственно городскими слободами, то их история необходимо сливается с историей упомянутых слобод.

Уставы, порядки и обычаи приходского общежития, приходское призрение бедных и другие дела и действия приходского мира.

Приходские кладбища.

Убогие дома.

История существующих загородных кладбищ с указанием известных, памятных и знатных лиц, погребенных на каждом кладбище.

История московских монастырей, существующих и упраздненных.

Историко-археологическое описание храмов и всех других памятников древнего и нового времени в каждом монастыре.

Монастырские кладбища.

Городские монастырские земли и подворья.

Приходские и монастырские праздники, крестные ходы, особые местные церковные обряды.

История московских блаженных, юродивых, затворников и других лиц древнего благочестия, пользовавшихся общей известностью.

История московского нищенства.

История и статистика московской благотворительности и попечительства о призрении бедных и нищих.

Попечительство о тюрьмах.

Благотворительные учреждения: богадельни, приюты, школы и пр.

История благотворительных обществ, каждого в отдельности.

История больниц, каждой в отдельности.

История врачебного искусства в Москве. Известные и знаменитые московские врачи. Лечебные заведения.

История московских аптек.

* * *

История и статистика московского торгового.

Местоположение главного торгового.

Гостиные дворы.

Торговые ряды.

Торговые места по улицам и площадям города.

Мелочный торговый, становой и ходячий, разносный.

История и статистика каждого товара в отдельности.

Способы торговли.

Торговые нравы и обычаи.

Сведения об известных и знатных торговцах с древнего времени.

История капиталов. История Биржи.

Связи московской торговли с иноземными и русскими городами.

История цен на товары и всякого рода припасы и материалы с древнего и до позднейшего времени.

История и статистика городских промыслов: извоз, постоянные дворы, съестные лавки, харчевни, трактиры, рестораны, хлебопекарни и пр.

Питейная продажа: квасы, меды, вина, пиво, погребки фруктовые, овощные и питейные, питейные дома.

Сведения о заведениях этого рода, пользовавшихся славой и известностью.

История и статистика московского садоводства и огородничества⁷⁹³.

Охотный ряд как средоточие всякого рода охотничьих промыслов.

Ловля и продажа певчих птиц, соловьиная охота, голубиная охота.

Петуши и гусиные бои.

* * *

История и статистика в отдельности всякого ремесла и мастерства, изделия, производства.

Дело: золотое, серебряное, сусальное, медное, котельное, колокольное, пушечное, кузнечное, бронное, железно-резное, слесарное, оружейное, плотничье, столярное, деревянно-резное, токарное, каменное, каменно-резное, кирпичное, изразцовое и проч.

Портное, сапожное, башмачное, шорное и проч.

Монастырские рукоделия.

Фабрики и заводы.

Сведения об известных и славных по времени мастерах, ремесленниках, фабрикантах, заводчиках.

* * *

История художеств в их московском развитии и характере.

Зодчество деревянное и каменное, церковное и гражданское.

Иконопись и живопись.

Гравирование.

Художественные школы и училища, древние и новые. Сведения о художниках и мастерах, известных и малоизвестных.

Краткие обстоятельные жизнеописания известных и славных московских художников.

Указание и описание их произведения.

История московских картинных галерей и других собраний произведений искусства, общественных и частных, бывших и существующих. Каталоги этих собраний, полные или в общем обзоре. Известные и малоизвестные собиратели.

Антикварные лавки и магазины древних и новых произведений искусства.

* * *

История и статистика грамотности и образованности в Москве.

Первые училища.

Славяно-Греко-Латинская академия.

Духовные училища.

Первая Европейская школа на Сухаревой башне.

Светские казенные и частные училища последующего времени: городские училища, пансионы, гимназии, музыкальные училища и др.

Университет.

Ученые и литературные общества.

Опыты публичного преподавания.

⁷⁹³ Опыт обработки того предмета см. в наших «Опытах изучения русских древностей и истории». М. 1873, часть 2, стр. 266–350. [И.З.]

Известные и славные проповедники, соборные и приходские.

История и статистика книжной торговли.

Известные места этой торговли. Книжные лавки и магазины.

Известные и малоизвестные книгопродавцы, их деятельность на пользу книжного дела.

Известные и малоизвестные издатели полезных книг и их заслуги на пользу просвещения.

История и статистика типографий и литографий, объем их производства и количество изданных книг, эстампов, картин и пр.

Литература в московском обличье. Журналы и газеты от первого времени.

История литературных московских приходов или кружков.

Московское масонство и его литература. Масонские песни.

Простонародная московская литература и ее лубочные издания.

Промышленно-книго-продавческая литература.

История и статистика московских библиотек, печатных и рукописных, общественных и частных, бывших и существующих. Известные и малоизвестные собиратели книг и рукописей.

* * *

Московская история старо-обрядства. Старо-обрядческая литература. Старо-обрядческие монастыри, кладбища, богадельни.

История разнородного сектаторства в Москве.

* * *

Хроника общественной жизни в Москве⁷⁹⁴.

История и места народных гуляний и разных увеселений, городских и загородных, от древнего и до последнего времени.

Народные игры и зрелища.

Народные театральные представления.

Балаганы. Репертуар народных представлений.

История и статистика московского театра. Казенные и частные сцены. Репертуар.

Славные артисты и артистки.

Цены местам.

Хроника приезжих артистов всех профессий: музыкантов, актеров, чародеев, фокусников и т.п.

Общественные и частые увеселительные собрания и заведения. Балы, маскарады, концерты и пр.

История Московского Благородного собрания.

История и статистика клубов, каждого в отдельности.

Казенные и частные общественные сады, бульвары, увеселительные места.

* * *

История полицейских порядков для охранения городской обывательской безопасности, здоровья и благочиния, с древнего времени.

Наказы и другие полицейские постановления и узаконения по этому поводу.

Уличные и воротные решетки, сторожевые избы, будки, ночные и дневные сторожа.

Уличная служба обывателей. Последующее и современное состояние полицейских порядков. Их уставы и их бытовая практика.

Хроника воровства, мошенничества, грабежей, разбоев и всяких уголовных дел.

⁷⁹⁴ Опыт обработки этого рода сведений см. в нашем сочинении: «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII ст.» в «Опытах изучения русских древностей и истории», ч. 2, стр. 351–506. [И.3.]

Особенно памятные воров и разбойников, места их притонов в Москве и по Московским дорогам.

* * *

Хроника бедствий города. Пожары, бури, наводнения, моровые язвы, голод, нашествия иноплемennых.

Хроника воздушных и вообще метеорологических явлений.

* * *

Для разработки всех поименованных и могущих еще войти в этот краткий список разнородных задач, статей и предметов, касающихся истории и статистики города Москвы, прежде всего, необходимо собрать не только печатный, но, главным образом, архивный, еще не изданный и вовсе еще неизвестный материал.

Собрание архивного материала и поставляется передовую начальную задачею предпринимаемого труда.

С этой целью будет предпринят обзор всех без исключения московских архивов, насколько они будут доступны и открыты для этого поистине обще-Московского предприятия, конечно, при добром содействии и участии в этом деле заведующих архивами, как равно и архивных чиновников.

Мы не сомневаемся, что подробное историко-статистическое описание Москвы есть дело обще-Московское, касающееся всех знатоков и любителей московской старины и древности, как и всех коренных москвичей, желающих знать и понимать Москву в ее истинном свете и во всех подробностях ее прошедшего и современного быта...

Первый русский книгопечатник Иван Федоров.
Заключительное слово, читанное И.Е.Забелиным в публичном заседании
Исторического и Археологического Обществ 4 декабря 1883 г.
(Древности... – Т.23. – Вып. 2. – М., 1914. – С. 93–98)

В соединенном заседании Императорского Общества Истории Древностей и Императорского Московского Археологического Общества мы собрались чествовать память нашего первого книгопечатника Ивана Федоровича.

Вслед за церковною молитвою о вечной ему памяти, мы собрались воздать ему поминовение от лица исторической и археологической науки, как первому, самому начальному, устройству великого и святого дела: множае умножать знание и просвещение во всем Русском мире – простым, но премудрым способом печатания, взамен прежде бывшего писания и переписывания.

В настоящую минуту мы можем яснее и, так сказать, осязательнее выразить глубокий смысл простых слов церковной молитвы – вечна память.

От дня кончины Ивана Федоровича прошло ровно три столетия.

Чем была православная Русь при его жизни, и в каком образе представляется она при нашей жизни, об этом подробно может рассказать история.

И мы знаем, что с того времени совсем изменилось самое лицо Русской земли, даже физически, и, тем более, изменилось и умственно, и нравственно во всех уставах, формах и порядках жизни.

Перемены, обширные и сильные следовали из одного столетия в другое, и каждое столетие отличалось от другого своим характером, своею обстановкою, самым обликом людей.

Русские люди все дальше уходили от предков и во времени, и в развитии ума и нрава, и в формах общежития.

Серединный век между нами и Иваном Федоровичем, осмнадцатый век, даже совсем позабыл, что он родной сын семнадцатого века и уже совсем не мог понять старины шестнадцатого века. Та старина уже казалась ему чем-то таким древним и темным, как будто это была старина Ассирийская и Вавилонская.

Наш век очень многое унаследовал из этого иноземного взгляда на старую Русь. Но он уже исполнен родственных чувств к сему прошедшему. Он стал уже сознавать свое кровное родство со старою Русью и в этом направлении ведет свои поиски и исследования о минувших временах.

Однако эти самые исследования еще лучше показывают, как далеко мы отошли от своих предков.

И слово их надо уже много и тщательно разбирать и толковать.

И обычай их надо объяснять тоже многим толкованием; и множество вещей из их житейского обихода мы не знаем уже, как и назвать.

И дела предков по большей части мы описываем и изображаем весьма превратно, по той единственной причине, что совсем не знаем и не можем хорошо понять их умоначертания, их мыслей и движения их чувств.

Во многом, и в целом и в подробностях, старая Русь представляется нам еще загадочным сфинксом, и еще долгие годы мы должны усердно работать, изыскивать и исследовать, чтобы уразуметь загадки этого сфинкса.

Но есть в этом исчезнувшем и на веки умолкнувшем житейском мире светлые, ясные точки, блистающие как звезды в темноте ночного неба.

Это труды и подвиги людей на пользу, на счастье, на славу и на честь родной земли.

Это труды и подвиги, о которых стоит только вспомнить и рассказать о них, и они становятся всем понятны и ясны, как Божий день, понятны и ясны для всех веков, для всех народов, для каждого поколения, для каждого человека и образованного, и необразованного, и ученого, и неученого. Здесь не потребуются ни исторического, ни археологического изыскания и исследования, как над старою какой-нибудь вещью или над старым каким обычаем, нравом, обрядом, поступком.

К таким трудам и подвигам принадлежит труд и подвиг нашего первого книгопечатника Ивана Федоровича.

В самом деле, что он совершил и отчего ясная память о нем не престанет навеки и пронесется в роды и роды?

Он совершил для теперешних наших понятий самое обыкновенное дело: он отлил буквы, стал их набирать и стал печатать книгу, *первую книгу*, которая поэтому сделалась теперь нашей святыней.

Он потрудился *первый* ввести у нас способ печатания вместо способа переписывания требуемых книг, то есть способ распространения знания и просвещения сильнейший, обильнейший против прежнего.

Подвиг его ясен как Божий день. Какие еще надобны толкования, что это был благодетель Родной Земли?

И, вот почему, несмотря на то, что от дня его кончины нас отделяет трехсотлетняя история, исполненная загадок и во многом совсем нам непонятная, его образ и весь его подвиг представляются нам так живо, что мы готовы признать в нем нашего товарища, нашего давнишнего приятеля, который вот сейчас будто бы проходит по этой самой Никольской улице, на этот самый Печатный двор с корректурными листами своего

первонапечатанного Апостола, – идет показать нам с сердечною радостью, что его дело устроилось отлично, что святая книга скоро будет готова.

Все мы, типографы, писатели, издатели, корректоры, наборщики, словолитцы и все типографские труженики, – все мы вполне понимаем эту радость и готовы поздравить Ивана Федоровича с успехом дела.

Не существует между нами трехсотлетнего расстояния.

Иван Федорович теперь живой человек, здесь присутствующий с нами.

Не это ли значат слова молитвы: «Вечная память»?

Иван Федорович в своем труде и работе вмещал в своем лице всю типографию в полном составе.

Все теперь отдельные работы, исполняемые многими лицами, он исполнял один.

Он один начинал то самое дело, которое многие мы, перечисленные, по его благословенному почину, теперь делаем каждый день своею особою статьею этого общего дела. Понятно, что каждый из нас с любовью может почитать Ивана Федоровича как бы своим прародителем, – прародителем всякого занятия, способствующего напечатанию новой книги.

Темный Змий, – так говаривал иногда царь Алексей Михайлович, утешая своих близких сотрудников в их несчастье, Темный Змий людского невежества, непонимания, своекорыстия, людской вражды и злобы, зависти и ненависти, этот Темный Змий опутал своими коварными ядовитыми извивами и нашего первого книгопечатника и успел изгнать его из родной Москвы на чужбину. Да и там, на чужбине, этот же Темный Змий преследовал его, перегоняя из угла в угол.

Но, вопреки жестоким превратностям своей судьбы, Иван Федорович продолжал свое дело до самой своей кончины. Было ему смущение и на счет богатства. Представлялась ему добрая, безопасная дорога к золотому тельцу. Но он не поклонился ему и не оставил, не покинул свой излюбленный труд, который, если иногда и хорошо устраивался, но в конце концов, кроме жестоких горестей, ничего не давал ему в жизни.

Что же возбуждало его и что радовало его в этой самоотверженной преданности своему книгопечатному делу?

Он достаточно сам объяснил нам этот вопрос.

Его возбуждало высшее сознание, что он делает и несет в своих руках не простое какое-либо художественное или ремесленное своекорыстное, но святое общенародное дело.

Он мыслил не о том, как обыкновенно размышляют, – чтобы завести типографию, да и наживать себе мало-помалу деньги, да и благоденствовать, а что до прочего, то там хоть и трава не расти!

Его мысли о своем труде и подвиге приближались к такой высоте, до которой и нам не совсем близко, несмотря на то, что мы люди всякого прогресса и совершенствования.

Он думал только – что, печатая свои книги, он «рассевает по вселенной» – так он сам пишет, *по вселенной рассевает* духовные семена и всем раздает духовную пищу; что он работает, как и верный раб, по воле Господа Иисуса Христа и Господнее Христово слово «по вселенной рассевает».

В своем труде и подвиге он стоял на высоте религиозного сознания.

Печатное слово он почитал талантом, дарованным самим Господом, и очень боялся уподобиться лукавому и ленивому рабу, очень опасался сокрыть Господний талант в землю.

Какое различие в мыслях и воззрении на свое дело между нашим первым книгопечатником и первым книгопечатником Западной Европы, знаменитым, и тоже

Иоанном, Гуттенбергом? Различие очень понятное, и в котором изображаются только различные ступени исторического прогресса и народного развития.

То был великий изобретатель, искусный мастер и художник, знавший многие тайны разнообразных художеств и ремесел, и готовый открывать эти тайны желающим за известное вознаграждение, на известных выгодных договорных условиях, как он заводил и первые свои типографии.

Типографское искусство было выгодною его тайною. В собственных глазах он был только искусным мастером, хитрецом художником.

В этом его величие и всемирная слава.

Наш Гуттенберг не так себя понимал. Он разумел себя только служителем Церкви, служителем всему народу. Он же и был диаконом у Николы Гостунского в Кремле.

Не художник он был в своем сознании, а носитель и рассеиватель *семян духовного просвещения*. Воображая о вещественном деле такого рассеивания, он почитал свой типографский станок *ралом*, а свои литеры – буквы – самими этими семенами.

Здесь, в этом образе его сознания, яснее и отчетливее, чем где-либо в других случаях, выражается и обозначается, что Иван Федорович был сыном родной своей Земли, сыном Старой Древней Руси.

Свое сознание он принял от Древней Руси, можно сказать, с молоком матери, потому что это сознание было всенародное и носилось повсюду в самом русском воздухе.

Нам известно, что, как только появилась на Руси первая книга, – а она была церковная, еще писаная на пергаменте, – эта первая книга была принята первыми русскими христианами как вещь святая, и труд переписывания с того времени стал делом богоугодным, стал подвигом благочестия и монашеского послушания.

Церковное, священное слово, учение веры составляли первоначальное содержание книг, и вот объяснение, почему книга вообще сделалась для русского человека святынею.

Здесь же объяснение, почему писаное слово не позволяло в своем употреблении никакого кощунства, то есть списывания *пустошных* речей и басен, всего того, что теперь мы разумеем под именем изящной и неизящной литературы, и что без следа пропало для истории русского литературного творчества.

Здесь укрывается и другое объяснение, почему в литературном и научном развитии мы так несчастливо отстали от Западной Европы, почему эта сторона нашего развития совсем остановилась и своим застоєм распространяла только горшее невежество. Гражданская, и в собственном смысле, литературная образованность почиталась в то время в нашем быту делом, не подходящим к образованности церковной.

Древняя Русь чтит святыню книгописного слова, именно, как церковную святыню.

Таково было русское воззрение на книгописное слово от первых и до последних его времен, которые у многих Русичей не миновали и теперь.

Лет за 400 до Ивана Федоровича русские люди затруднялись такими обстоятельствами и спрашивали учительных людей: Нет ли в том греха, «аже по грамотам ходите ногами, аже кто изрезав помечет, а (писанные) слова будут видны»?

Значит, писаное слово равнялось церковной святости.

Вот, какие созерцания о всяком написанном, изображенном слове создали и самое созерцание Ивана Федоровича. Вот, по каким мыслям наборные литеры-буквы, – типографский шрифт, – в его воображении представлялись *семенами духовного просвещения*.

Гуттенбергу его хитрое выгодное художество представлялось промысловым средством для достижения счастливого довольного существования.

Ивану Федоровичу счастливое, довольное существование представлялось в рассеивании семян духовного просвещения.

Не поможет ли и нам это торжественное воздаяние ему вечной памяти, это торжественное воспоминание о нем, не поможет ли нам стать на высоту его воззрений о значении печатного слова?

Никто не станет спорить, что наше время и наша образованность совсем отличны от того времени и от той образованности. Тогда господствовала образованность церковно-книжная, и тогдашний философ, то есть ученый и образованный человек, прямо так и именовался *книжником*.

Теперь господствует образованность гражданская. Ее горизонт несравненно обширнее, ее цели несравненно многосложнее.

Но задача печатного слова тогда и всегда остается одна и та же – рассеивать, множае умножать семена *духовного просвещения*.

Очень полезно и нам припомнить, что печатное слово в действительности есть святыня, святое, великое средство нашего просвещения, с которым поэтому необходимо во всех случаях поступать благовейно и благочестиво, то есть честно и добросовестно употреблять его только на благо и на любовь людям; распространять истинное знание, истинное просвещение, но не мечты невежества; распространять правду, но не ложь и клевету и всякие наветы; не ненависть, не обиду и злобу, но любовь и доброжелательство; не осуждение, но справедливое, всестороннее рассуждение всему, что уклонялось или и теперь уклоняется от прямого пути и в жизни, и в науке, и в литературе.

Этого требует *духовное просвещение*.

Этого требует память рассеивателя семян *духовного просвещения*, память нашего первого книгопечатника Ивана Федоровича.

**Речь об общественном значении ученых трудов графа
Алексея Сергеевича Уварова,
прочитанная Председателем Императорского Общества истории и
древностей Российских И.Е.Забелиным в соединенном заседании Ученых
Обществ 28 февраля 1885 года, назначенном Императорским
Московским археологическим обществом для чествования памяти
своего покойного Председателя
(ЧОИДР. – 1884. – Кн. 4. – С. 1–15)**

Императорское Общество истории и древностей Российских, здесь присутствующее в лице своих членов-представителей, с глубоким вниманием чтит память графа А.С., как своего Почетного Члена, – как передового, руководящего, сильного деятеля на том же поприще исследования и объяснения Рус. Древностей и Истории, – как неутомимого ревнителя в распространении и утверждении этих знаний не в одной ученой, но в обширной общественной среде.

В ученой деятельности графа А.С., столько богатой, разнородной и многосторонней, особенно ясно выступает одна руководящая забота, одна его заветная и задушевная мысль.

Эта заветная мысль, которой он отдавался всем сердцем и служил ей неутомимо до последних дней, стремилась к той высокой цели, чтобы достояние археологической науки, археологическое знание, сделать достоянием всего общества, вселить, водворить в сознании самого общества ясную мысль о предметах этого знания и тем *пробудить* уважение и любовь к родной старине и древности, уважение и почтение к памятникам этой древности, как непосредственным свидетелям народной истории и народного быта, –

пробудить чувство народности, национальное чувство – эту животворящую силу народного развития во все времена.

Вот в чем заключалась основная руководящая забота, основная заветная мысль всей ученой деятельности графа А.С.

Воплощение этой мысли в дело с особенною определенностью выразилось в учреждении в Москве Археологического Общества, которому во вступительной речи граф начертал и основной путь деятельности.

Он указывал главнейшую задачу для трудов новорожденного Общества в разработке, описательной и исследовательной, памятников вещественных.

Объясняя настоятельную необходимость такой разработки, граф не мог пройти молчанием важнейшего препятствия, какое впереди всего встречается на этом пути каждому деятелю.

«Русская Археология, – говорил он, – действительно не сложилась еще в стройную, правильную науку, не имеет строгой научной формы, – но должно сознаться, что это происходит не от недостатка материалов, как некоторые полагают, а от совершенно другой причины: *от какого-то векового равнодушия к отечественным древностям*. Не только мы, но и наши предки не умели ценить важности родных памятников и без всякого сознания, с полным равнодушием безобразно исправляя старинные здания, или восстанавливая их сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи. Такое равнодушие и доселе часто проявляется в русской жизни и вредит, к несчастью, не одной археологии».

Указанное графом направление общественной мысли имеет очень важное значение и именно для археологической науки. Оно парализует добрые начинания, добрые стремления этой науки. Время от времени оно дает себя чувствовать каждому деятелю на этом пути и в иных случаях отравляет горькою отравой все заботы, всякое усердие в достижении целей этой науки.

Но откуда идет это вековое равнодушие?

Говоря о нем, граф А.С. вовсе не думал обозначить этим словом *вековечное*, то есть как бы прирожденное Русскому обществу от самой древности. Напротив, как всесторонний знаток нашей древности, он хорошо и в подробности знал, что эта Древность нисколько не была равнодушна ни к своей Истории, ни к памятникам своей старины.

Великий и замечательнейший памятник особой любви и почтения к своей Истории наша Древность оставила нам в составленной ею Летописи, в этой *Повести временных лет*, которая продолжалась, пополнялась *новыми летами*, в продолжение целых шести столетий.

Началась эта повесть от половины XI века. И тогда уже, с первых же времен нашей Истории, она сразу обозначила нас народом столько же культурным, как были и другие Европейцы, ибо сохранение памяти о прошлом, любовь к собственной Истории есть первый признак культуры народа.

Если б, не имея ничего другого, мы имели одну нашу летопись, как доказательство нашей способности к европейскому развитию, то и этого было бы достаточно. В этом памятнике выражено все, чем нам следовало быть, неминуемо, наперекор всем историческим напастям и невзгодам.

А памятники старины сберегались и сохранялись нашею Древностью с такою любовью, с таким благоговением и, можно сказать, благочестием, о котором нам, теперешним людям, очень трудно составить надлежащее понятие. Наша Древность на том и стояла, чтобы сохранять самое себя.

Правда, что здесь не было сознательно-научного внимания и уважения к памятникам; но здесь выражалась горячая сыновняя любовь к памяти предков, к их делам и подвигам, и, след[овательно], к своей Истории, которая потому усердно и описывалась в летописях.

Известно, что у князя Андрея Боголюбского в спальне, быть может над его постелью, хранился меч святого Русского первомученика, князя Бориса.

С тем мечем, как нельзя сомневаться, Боголюбский со славою ратоборствовал в войнах и в последний час своей жизни, желая защититься от своих убийц, искал того же меча; но злодеи уже унесли его накануне.

Более полутора столетия этот священный меч хранился в потомстве князей, а с ним, несомненно, хранились и сказания о делах и событиях, где этот меч был добрым участником.

Припомним, что знаменитый беглец от Грозного Царя, эмигрант князь Курбский, в 1550 г. под Казанью впервые всех врезался во весь полк басурманский и весь израненный в битве остался жив, потому что, как он сам свидетельствует, – на нем была броня *праотеческая*, которая защитила и спасла его от неминуемых смертельных ран. *Праотеческая* броня, подобно мечу св. князя Бориса, несомненно, существовала в роде князей Курбских целые столетия.

Известно, что Московский в[еликий] к[нязь] Иван Данилович потому был прозван *Калитою*, что был очень милостив, нищелюбив и всегда носил при поясе *Калиту* (сумку), полную серебряниц, с которою ходя, раздавал нищим направо и налево, сколько вынется. И вот, спустя с лишком триста лет, в XVII ст., в царской казне в числе драгоценных предметов находим в сохранности не только эту суму в. к. Ивана Даниловича, по образцу которой царь Михаил для той же цели шивал и себе такие же сумы, но сверх того, находим и *старинную калиту* в. к. Даниила, отца Ивана Даниловича, которая сохранялась в числе предметов Государева Большого Наряда, т.е. наравне с царскими регалиями.

От множества исторических любопытнейших памятников, хранившихся в ящиках и сундуках царя Ивана Вас. Грозного, осталась нам одна их перечневая опись, и в ней, между прочим, упоминаются старые грамоты от Батые и от иных Татарских царей с отметкою, *а переводу им нет, никто перевести не умеет*.

Все это хорошо показывает, в какой степени Русская Древность дорожила всякими памятниками Временных Лет.

Известно также, что в допетровское время постройка нового храма на месте сгоревшего или от древности обветшавшего, всегда сопровождалась настойчивыми требованиями всех пособников, чтобы он был выстроен и украшен по старозаветному образцу, какой существовал; или же по такому же старозаветному образцу существующих других древних храмов.

Конечно, в этой сердечной приверженности к своей старине и древности, в этой благочестивой любви и почтении к ней скрывался источник и нашей допетровской неподвижности относительно нашего образовательного развития, источник так называемого *Московского самомнения* и самохвальной патриотической уверенности, что лучше Русского и народа нет на свете. Но ведь именно таким самомнением и самохвальною уверенностию в своем превосходстве пред другими отличаются все народности, начиная от Китая и оканчивая Франциею и Англиею, не говоря о Германии.

Каждая народность, сложившая, выработавшая себе известную культуру, высокообразованную или низкообразованную, каждая народность, умно ли, не умно ли, но похвастается именно этою своею культурою, как нажитым богатством. И допетровская Русь имела подобное богатство, а потому и высилась перед другими, по крайней мере, в собственных глазах.

Но настал час, когда по ходу Истории, неуклонно следовало воспользоваться богатством европейской культуры. Иначе приходилось оставаться на веки нищим, и предстояла даже возможность потерять вместе с землею самое имя – святое имя Руси. Могла эта равнина от нашей неумелости и слабости огласиться именем Польши, Швеции, Турции, совсем чужими именами. Необходимо было упредить соперников и противников и стремительно, как прыдал древний Святослав, перескочить *барсом* прямо в Европейскую школу, для всякой науки и для всякого *наука*.

Так и случилось при помощи нового Святослава, изумительно быстрого и неутомимого самодержавного плотника Петра.

С этой стороны существует другое направление общественной мысли, без всякой пощады обвиняющее Петра, так сказать, в изуродовании нашего национального бытия и существа.

Можно много и долго толковать о том, что преобразования нашего быта и всего строя нашей жизни, совершенные Петром, могли иметь иное направление, по теперешнему взгляду, более разумное, более спокойное, более снисходительное к старозаветным формам и преданиям Русского бытия. Но такие толки, как бы ни были рассудительны, не достигают правды. Они разбирают дело односторонне, чтобы не сказать – легкомысленно. Они не примечают самого главного, именно всех *обстоятельств*, возбудивших Петровские преобразования, вовсе не принимают в счет тогдашнего положения вещей, всех условий той действительности и тех злоб дня, которые со всех сторон напирала на могучего реформатора. Иное дело – делать какое бы то ни было дело и, конечно, ошибаться в работе, чего никак миновать нельзя. Иное дело – сидеть у дела, сложа руки, и здраво рассуждать о том, как люди глупо ошибаются, и как могло бы быть все исполнено гораздо правильнее и лучше.

Тот Гордиев узел, который достославно был разрублен Петром Великим, весь заключался в одном жгучем и роковом вопросе: *быть или не быть нам Европейцами?* Оставаться нам старою *Москвою* и, ничему не учась, выйти на предстоявшее историческое поприще с ее старыми началами и свойствами государственного быта; или пойти в школу, выучиться всякому умению и всяким наукам, помолодеть от науки и явиться пред лицом Европейских государств *новою Русскою* силою, цельною и могущественною силою всей Восточно-Европейской равнины, чтобы восполнить эту вторую половину Европы теми же цивилизующими началами развития, какими издавна отличалась первая половина. При этом медлить уже было невозможно. Не десятки лет, а каждая минута была дорога для того, чтобы не отстать от стремительного движения Истории.

Мы в то время подошли к тому сказочному распутию, где очень явственно и очень понятно было написано: *пойдешь направо – коня потеряешь; пойдешь налево – сам пропадешь.*

Петр-преобразователь беззаветно бросился по своему *правому* пути догонять эту Европейскую Историю и культуру и, конечно, не мог так спокойно обсуждать со всех сторон свой подвиг, как это можем мы, теперешние люди, зашедшие уже дальше и выше его, могущие, не бегая и не суетясь, спокойно, даже из теплых кабинетов, осматривать пройденный, пожалуй, кривой путь по великим рытвинам, оврагам и косогорам, однако, приведший нас к желанным целям.

Одним из самых кривых направлений на этом пути является и наше детское через-край увлечение всем иноземным, Европейским, детское благоговение перед созданным самими нами же идеальным образом Европейца, который в действительности и не существует.

Вот где (на этой кривизне) мы должны были потерять своего *коня*. Этот конь, по древним понятиям, символически обозначает *честь, достоинство* человека, и, стало быть, в историческом смысле может обозначать *самостоятельность, самобытность* народного сознания.

Петровский век, весь XVIII век, только о том и хлопотал, как бы сильнее усвоить себе Европеизм, как бы лучше походить на Европу, и в мыслях, и в чувствах, и в манерах поведения, не говоря о вещественной обстановке и костюме.

Ясное дело, что всеми мерами и всеми силами догоняя Европейскую Историю и культуру, едва переводя дыхание, мы по естественным причинам забывали о себе, о собственной национальной культуре.

Вот где корни нашего *векового* равнодушия к собственной древности и ее памятникам.

При этом надо заметить, что национальная наша культура, которую мы должны были оставить позади себя, вся от верха до низа составляла в собственном смысле культуру крестьянскую, деревенскую, со всеми достоинствами деревенского простосердечия и со всеми недостатками деревенского невежества. Поселившись в Европейской культурной школе, устроенной совсем не по-деревенски, если не по-барски, мы, главным образом, прельстились стороною ее барской светской внешности и в скором времени не только совсем позабыли о своей старине, но и стали презирать ее, как ветхое деревенское рубище, теперь уже негодное, в котором уже стыдно было показываться в люди, в новое образованное общество, по той особенно причине, что в сущности это рубище было наше невежество, наше варварство, наша одичалость. Так, по крайней мере, об этом говорили нам наши новые учителя, наши просветители, все Европейцы.

Как послушные, покорные и прилежные ученики, мы верили им на слово и вполне усвоили себе тот особый взгляд на самих себя, тот европейский взгляд на нашу родную страну, на нашу народность, который уже давно, еще с XVI века, господствовал во всей Европе, пополняемый и распространяемый чуть не каждый год все новыми записками любознательных путешественников, изображавших далекую и дику, одичалую *Московию* в таких же чертах и красках, какие употребляются известными романистами – реалистами, рисующими современный чудовищный упадок нравов. Ни об одном из европейских народов нет такой богатой литературы путешествий, как о нашем Русском. И вся она одно только и рисует, что нашу одичалость.

Усвоив себе этот чужой и чуждый взгляд на самих себя, в виду просветительного лица Европы, мы стыдились даже упоминать, что у нас была такая негодная варварская древность. Мы исполнились не одним равнодушием, но и предубеждением к этой древности, в которой, по нашему разумению, кроме всяческой деревенщины и всякого Азиатства, ничего особенного и не примечалось. В этом иные убеждены до сих пор.

И, таким образом, Русское бытие с его Историею и древностями в сознании нашего общества в виду европейских исторических и археологических вопросов и запросов представилось, по малой мере, пустым местом. Ничего здесь нет достойного для внимания и изучения, а, главное, ничего здесь нет собственно Русского, ничего такого, что могло бы обозначить Русскую народность, как самобытную творящую силу. Все здесь, или Финское, или Татарское, или Норманское, Германское и т.д., только отнюдь не Русское. Вот плоды векового нашего равнодушия и предубеждения к отечественной древности. Прежде мы отрицали эту древность, как негодное и неудобное рубище; затем, выучившись в Западной школе, мы стали отрицать ее уже на основании ученых посылок, как предмет знания, не имеющий никакого научного содержания.

К нашему счастью, на свете существует здравый смысл. Он говорит, что этого быть не может, что народность, сумевшая еще 800 лет тому назад, составить себе на своем языке, самостоятельным почином, хотя бы и по чужому примеру, свою собственную Летопись, такая народность не может существовать без творящей самобытной силы, которая, кроме того, очень явно обнаружилась в создании себе собственного своего и очень крепкого Государства, то есть народного государственного Единства, что сотворяется нелегко и не всякой народности удается.

Здравый смысл уже давно замечает, что наши детские ученические увлечения приближаются к своему концу, и что настает и уже настала пора развязывать новый Гордиев узел, спутанный нашею покорною и горячею приверженностью к мнениям и указаниям нашего учителя.

Здравый смысл, как и в эпоху Петра, в глубине нашего сознания ставит теперь свой новый вопрос: *быть или не быть нам Русскими?* – потому что, в самом деле, обаяние чужими мнениями значительно угасило в нас Русское чувство, Русское понимание вещей. И на себя, и на свои дела, и на свои интересы, на свою Историю и Древность, мы всего чаще смотрим совсем иноземными глазами.

Но что же значит быть Русскими? Значит ли это быть Москвитами XVI и XVII столетий? Иные очень опасаются, как бы это не случилось в самом деле. Опасение неискреннее. Вчерашнего дня не воротишь. Но смыслом вчерашнего дня всегда можно воспользоваться. А смысл Истории Москвитов XVI и XVII ст[олетий] заключался в том, что они были Русскими, не по невежеству, а по сознанию в себе национального достоинства. Таким образом, быть Русскими значит не больше, как то же самое, что находится в сознании каждого Немца, Француза, Англичанина. Это значит чувствовать и сознать в себе достоинство своей народности, иначе сказать, свою самобытность, свою оригинальность, свои заслуги перед человечеством.

Но какое это Русское достоинство? Где оно? Кому оно известно? Какие это Русские заслуги перед человечеством, – спросят нас те же Немцы, Французы, Англичане, все Европейцы, не исключая и некоторых наших братьев Славян. А все космополиты здесь тотчас подумают только об одном квасном патриотизме.

Нам кажется, что каждая историческая нация, призванная силою вещей занимать в Истории свое место, при всех своих недостатках, всегда обладает каким-либо неизменным, непреходящим достоинством, которое собственно и вводит ее в круг всемирно-исторических деяний, и, конечно, по заслугам.

Мы говорим о таком именно достоинстве, которое не зависит от случайных положений нации, могущих быть и могущественными и слабыми, мы говорим о национальной душе, если можно так выразиться, о складе и свойстве народного мировоззрения и сознания, о том духовном существе народа, которое не исчезает с поворотами судьбы.

Достоинство народности, то есть крупные или малые черты ее самобытности, это достоинство всегда скрывается в Истории народа и именно *скрывается*, так что раскрывать и обнаруживать его не совсем бывает легко, и тем еще больше, если и веры нет, что оно может существовать.

Оно скрывается во всех памятниках этой Истории, во всех памятниках прожитой народной жизни, словесных, письменных, вещественных, даже в самых мелких и мелочных памятниках, которые в этом отношении становятся иногда очень крупными свидетельствами народного гения, народного творчества.

Если б после Истории античного Грека остались нам одни только черепки его кухонной и столовой посуды, то, при должном внимании и изучении, мы все-таки с достоверностию узнали бы, что художнический гений этой народности стоял на высоте, для нашей современности едва доступной.

Формы всяких памятников вещественных, оставляемых жизнью народа, разве не служат показателями свойств и направлений народной мысли и народного чувства, народной души, как мы сказали?

И вот с этой-то стороны мы меньше всего знаем Русскую народность, а след[овательно], и Русское достоинство, о котором идет речь. Хорошо оно или худо – все равно, – нам надо знать его.

Знать все это нам крайне необходимо по той причине, что в этом только материале мы найдем добрый источник для воспитания в себе народного Русского самосознания.

Эту первостепенную задачу нашей современной жизни в ее научной области ясно понимал покойный граф А.С. и поставил подвигом своей жизни всестороннюю разработку этой задачи во всех подробностях.

Победить в обществе вековое его равнодушие к собственной древности и, можем прибавить, предубеждение в ничтожестве ее содержания, – вот в чем поставлял он непосредственную цель для своей ученой деятельности.

Он хорошо знал, что единичною силою одолеть этого сопротивления невозможно, что здесь требуются общие и прямо общественные силы.

Из этой мысли и возродилось в Москве Археологическое Общество, с особым направлением его деятельности, во многом отличавшим его от других ученых Обществ.

В своей вступительной речи граф А.С. указывал, что в Западной Европе внимание к национальной старине и древности и старательное изучение ее памятников пробудилось с особою силою вместе с *чувством народности*, возрождению которого у народов Запада так много способствовали Наполеоновские войны и Наполеоновское владычество над всем Европейским миром.

После известного *классицизма*, руководившего дотоле понятиями европейского общества и выдвинувшего самого Наполеона в образе *консула*, настал романтизм, распространилась любовь уже не к Римской, а к собственной народной древности.

«Чувство народности, – говорил граф А.С., – быстро подвинуло западную Археологию и сильно возбудило деятельность ученых Обществ. Пусть то же чувство поможет теперь и нам *уничтожить равнодушие* к отечественным древностям, пусть оно научит нас дорожить родными памятниками... К такому возбуждению *общего сочувствия* должны стремиться все наши ученые Общества. Вот наша главная цель!», – заключал он.

Таким образом, предложение графа прямо указывало, что и для нас настала пора побороть в себе такого же рода *классицизм* понятий о величии всего чужого Европейского и о ничтожестве всего своего Русского.

Наиболее прямой и верный путь к достижению этой цели граф А.С. находил в публичности обсуждений всех ученых вопросов и исследований, какими должно заниматься учрежденное Общество, в публичности его заседаний. «Мы надеемся этим путем, – говорил граф, – скорее распространить в публике понимание и любовь к Археологии».

Учреждение Археологического Общества, с поставленными для его деятельности этими особыми, передовыми задачами, явилось достойною силою, хотя в начале и не слишком заметною, для возбуждения *общего сочувствия* к отечественной древности. Но граф указывал и дальнейший путь к достижению заветной цели.

«Мы не можем упустить из виду еще одну меру, – продолжал он, – самую действительную и коренную, для *уничтожения равнодушия* к Русским древностям и для возбуждения общего живого участия к Русской Археологии – это именно *ученые съезды*».

Показав важное значение таких съездов и сколько они способствовали развитию национальной Археологии в Западных странах, он заметил, что «у нас такие съезды общением всех ученых сил развили бы и самую Археологию, и общественную любовь к ней. Они окончательно обеспечили бы и сбережение Русских памятников».

Плодотворное зерно этих съездов уже положено было в публичности заседаний Археологического Общества. Эти заседания, в сущности, представляли и представляют ежемесячные, маленькие, собственно, Московские съезды, где в выборе предметов обсуждения, конечно, господствует неминуемая случайность, но где обмен мнений и сведений всегда плодотворно отражается в сознании, хотя бы и очень малого, общества любителей, какое обыкновенно собирается на эти скромные съезды. Все животворное начинается из малого зерна и затем вырастает по мере добрых качеств почвы и благоприятных внешних обстоятельств.

Трехгодичные Археологические Съезды в университетских городах, которые вслед затем осуществились все теми же руководящими заботами и горячими, неутомимыми стараниями графа, в действительности становятся основными и сильнейшими двигателями в распространении в обществе желанного внимания и сочувствия к родной старине, и не в одних ее средоточиях, в столицах, но по всей стране, в отдаленных краях и даже в глухих местах; становятся пробудителями общего сочувствия именно в местной, областной старине, что особенно важно и дорого, как залог будущего подробного и всестороннего развития археологических знаний.

Пробуждая эти местные интересы и вкусы к археологическим познаниям, Съезды много способствуют и вообще пробуждению умственной жизни в нашем обществе. Археологическое знание со своими разнообразными отделами, как говорил граф, представляется *всеобъемлющею наукою*, охватывающею весь быт народа. Естественно,

что постановка разносторонних археологических вопросов, которыми в своих работах руководится каждый Съезд, необходимо соприкасается со всеми другими отделами человеческого знания, со всеми отраслями науки в общем ее составе. Ведь каждый памятник, как бы он не был мал и незначителен, есть продукт весьма сложных познаний и потому, чтобы всесторонне изучить и объяснить его, требует самых сложных исследований именно при помощи различных других наук и знаний, кроме археологических в собственном смысле. Сколько археологических вопросов решаются только при помощи химических исследований, или при помощи Зоологии, Ботаники и т.д.

Такое, можно сказать, центральное положение археологического знания посреди других наук по необходимости ставит и Археологические Съезды пробудителями не каких-либо специальных, но общих умственных интересов, в собственном смысле, интересов народного образования.

Так называемые результаты этих съездов невозможно измерять и учитывать одними полновесными книгами, какие появились и должны еще появиться, как отчеты об ученых работах каждого Съезда. Главнейшие их результаты заключаются именно в распространении всеобщего внимания и сочувствия к родной Истории и древности.

Известно, что Археологические Съезды успели уже воспитать столько любителей-археологов, до тех пор никогда и не помышлявших сделаться археологами, но теперь ставших добрыми деятелями в своих местностях, сильными или слабыми – это все равно, ибо цель Съездов в этом случае вполне достигнута. Нашего полку прибыло – могут сказать словами известной песни, и наука археологии, и образованность общества. Союзы новых археологов уже успели устроить местные Археологические Общества, местные музеи и ревниво заботятся о сохранении и собирании памятников местной старины и древности.

Но, кроме археологов-любителей, Съезды во множестве привлекали и простых любопытствующих слушателей, собиравшихся к ученым работам Съезда, иногда попросту от нечего делать.

Здесь и находилась желанная почва для образовательных влияний каждого Съезда. И здесь, в этой среде любопытствующих слушателей, их знание и сознание не могло не пополниться новыми соображениями и мыслями о старых знакомых предметах, или совсем новыми сведениями о предметах только теперь узнаваемых.

Словом сказать, и при посредстве чтений и словесных обсуждений, и при посредстве печати, в продолжение заседаний Съезда и по их горячему следу в сознание общества всегда поступало достаточно научных вопросов, запросов, решений, предположений, которые слабо или твердо, но должны были устанавливать иные против прежних понятия о родной древности и ее памятниках; должны были поселять убеждение, что каждый памятник, как бы ни был незначителен, есть в своем роде святыня, всегда могущая что-либо сказать и выяснить о давних временах, об истории места, о людях тут живших, о самой жизни и быте тех людей.

Каждый памятник, таким образом, прежде только непонятный курьезный остаток или обломок, теперь облекался мыслью, становился *словом*, более или менее ясным и понятным, которое уже по этому одному требовало внимания и сохранения.

Вот желанные плоды Археологических Съездов, о достижении которых столько ревновал и заботился граф А.С.

Эти плоды еще мало очевидны. Они явятся и почувствуются еще не скоро, но почувствуются непреложно неуклонно с течением времени, когда постоянное действие и влияние Съездов совершит надобный период в их развитии.

Однако и теперь уже, если припомнить недавнее прошлое, очень заметно, что внимание, уважение, почтение к древним памятникам в общественном сознании отвоёвывали уже себе достойное место. Любители перестраивать, переделывать, переновать ветхую старину на новый лад, по новым вкусам и образцам уже встречают не малые, иногда неодолимые затруднения в своем усердии разрушать древность, как

негодную ветхость. Теперь между древним памятником, требующим возобновления, и этими мудрецами стоят уже *несносные археологи*, столько препятствующие своеволию разрушителей.

Мало-помалу водворяется уже обычай призывать на помощь к таким возобновлениям, перестройкам и переделкам Археологическое Знание, дабы по возможности не исказить почтенной старины. Водворяется совестливость, что подобное своевольное и неразумное искажение древнего памятника – есть уже своего рода грех и преступление. Водворяются понятия не только о научной, но и об общественной ценности памятников, как дорогих изобразителей народной мысли и народного творчества по всем направлениям народного быта.

Еще нагляднее могло бы выясниться такое значение памятников, если б они были собраны в одно место и приведены в должную систему, если б вся наша Древность предстала пред нами, так сказать, в своем *Веществе*, во всех произведениях своего искусства, ремесла и всякого труда, во всех вещественных формах и образах своего бытия. Выставки древностей, какие устраивались на Археологических Съездах из случайно доставляемых коллекций, уже указывали на важное значение такого собрания памятников.

Но устраиваясь периодически, повременно, Съезды, с их публичными чтениями и обсуждениями предлагаемых задач и вопросов, с их выставками археологических предметов, на известное время умолкают, действие их на известное время стихает, собранные на выставку предметы возвращаются к собственникам и исчезают без следа для внимания публики, как и для специалистов.

Вот причины, по которым в след за установлением Археологических Съездов, заветные руководящие заботы графа А.С. должны были с особою любовью остановиться на устройстве еще такого Учреждения и такого Хранилища памятников, которое, полною их системою и в полной и всесторонней их наличности, в оригиналах, копиях и изображениях, могло бы иметь, так сказать, непрестанное, непрерывное воздействие родной Истории и Древностей на разумение и сознание всего Общества, всего народа.

По Всемиловейшему вниманию, ныне благополучно царствующего Государя Императора возродилась мысль об Историческом Музее.

Прямые и непосредственные заботы об этом Графа А.С. начались еще в 1872 году. С того времени и до последних дней, можно правдиво сказать, не было и одного дня, в который мысли и заботы графа не руководились бы обширными целями, какие он определял для устройства этого учреждения.

Здесь давнишние и любимейшие помыслы и предположения графа сделать отечественную Историю и отечественные Древности воспитателем и руководящею силою общественного сознания, двигателем умственной жизни Общества, получали более полное удовлетворение и более твердое основание для их дальнейшего развития.

В программу Устава Музея входило и сохранение памятников при посредстве учреждения особых местных областных Комиссий, и расследование и объяснение их при посредстве особых высших курсов Историко-археологической науки.

Но главнейшею и существеннейшею задачею для этого Всероссийского Хранилища было положено: представить в вещественных памятниках и изображениях неувещественный, так сказать, духовный образ Русского Государства и Русской Народности, во всем составе разнородных племен Русской Земли, во все великие моменты Русской жизни, во всех видоизменениях и направлениях Русской Истории и Русского быта, от древнейших времен, дабы тем самым наглядно и непрестанно содействовать развитию в народе и обществе *Русского самопознания и Русского самосознания*.

В этом заключается основной характер, существенный смысл и значение новоучрежденного Российского Императорского Исторического Музея.

Русское самопознание и Русское самосознание, в дальнейшем ходе своего развития сделавшись двигателем умственной жизни общества, руководителем общественной

мысли, и послужит тем нерукотворным памятником ученой деятельности графа Алексея Сергеевича, который сохранит его славное имя незабвенным на веки.

[Рецензия на книгу] «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Собраны и изданы руководством и трудами Ивана Забелина». Часть I. Издание Московской Городской Думы. М. 1884 г. (Русь / ред.-изд. С.Т.Аксаков. – 1885, 12 января. – № 2. С. 18–20 (рубрика «Критика и Библиография»))

Московская Дума еще в 1881 году положила приступить к собиранию и изданию материалов для «Исторического Описания» Москвы. Хотя в то время эта задача далеко не всем гласным представлялась вполне ясною и определительною; однако в докладе комиссии, по которому состоялся тогда приговор Думы, было точно сказано, что «описание» Москвы должно быть «подробным во всех отношениях – историческом, топографическом, статистическом». При этом было поставлено условием, чтобы в основу этого труда были положены свод и разработка первоначальных рукописных материалов, хранящихся в архивах. Назначив на новое предприятие определенную сумму денег, Дума избрала в то время и «главного редактора», на которого было возложено составление, как программы предстоявших работ, так и самого «описания».

Счастливым выбор Думы пал на знатока московской старины, хорошо знающего архивы, знающего – где и что можно найти, – на *И.Е.Забелина*, перекопавшего для своих известных всей России изысканий немало древнехранилищ и связок с полусгнившими документами.

Г. Забелин, руководствуясь приговором Думы, тогда же составил весьма широкую программу тех предметов, которые должны войти в предполагаемое «Описание». Эта программа была напечатана в VIII выпуске «Известий» Городской Думы за 1881 год. «Общая задача этого труда, говорилось в этой программе, обнимает подробную историю и статистику города Москвы, т.е. ход его исторического развития с первых времен и обзор его состояния в последовательные периоды его жизни во всем объеме его бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального и строительного». Задача громадная и, конечно, не под силу одному человеку, сколько бы лет он ни проводил над ее исполнением. В этом отношении г. Забелин совершенно прав, говоря, что такое подробное во всех отношениях историко-статистическое описание Москвы есть дело *общее, народное, патриотическое*, дело, в котором должны принять участие все знатоки и любители московской старины, как и все коренные москвичи, «желающие знать и понимать Москву в ее истинном свете и во всех подробностях ее прошедшего и современного быта». Программа г. Забелина и была вызовом всех желающих принять участие в этом патриотическом деле. Но, увы, их пока не оказалось!

Само собою разумеется, что «Описание» Москвы-города может быть только завершением общего труда, и вряд ли начавший его дождетс такого завершения. Теперь же пришлось ему приняться за собирание только сырого архивного материала, которое и поставлено «передовою, начальною задачею» предприятия. В одно время была роздана работа нескольким лицам, от которых и собраны теперь такие груды архивных выписок по разным предметам программы, что разборка и приведение их в систематический порядок потребует от редактора не одного года труда. На первый раз издан I том «материалов», заключающий в себе до 90 печатных листов in 4° в два столбца 1384 стр. весьма убористой печати, а всего материала заготовлено еще на 3 таких тома. Большую часть этого тома составляет драгоценный материал, собранный В.И. и

Г.И.Холмогоровыми* из дел бывших Приказов патриаршего ведомства, по истории, археологии и статистике всех московских церквей, с 1625 по 1740 год. Этими материалами полагается первое основание церковных летописей и, так сказать, *приходской* истории Москвы. А кто же будет отвергать великую, коренную важность «прихода» в жизни старинной Москвы? «Приходская церковь, говорит г. Забелин, в древнее время, до 1772 года, нося теперешнее значение церковного прихода, вместе с тем обозначала, что, в сущности, для прихожан это было их родовое кладбище, ибо здесь, и под помостом храма, и вокруг его стен, были погребены *родители*, в смысле всего родства живущих».

Теперешнее общество совершенно утратило понятие о *приходе*, как основе местной городской жизни и, взамен этой выскользнувшей из-под ног основы, история не дала нам никакого другого столь же прочного, в жизни коренящегося фундамента. И вот, наши горожане являются теперь какими-то бродячими, рассеянными овцами среди искусственного лабиринта полицейских околотков, участков и «частей» города, изобретенных только ради удобства управления разбредшимся в разные стороны стадом. Эта разрозненность между теперешними обывателями Москвы особенно сильно чувствуется в тех случаях, когда общая нужда призывает всех сойтись, например, для избрания достойных управителей общественным делом города. Тут-то воочию и оправдывается поговорка: «кто в лес, кто по дрова»! Результаты такого порядка получились и теперь, после только что окончившихся выборов в гласные Думы.

Не так было в старинной Москве. Церковь была не только храмом молитвы, но и средоточием *прихода*, т.е. местной общественной жизни. В *кладбищенском* значении приходской церкви, «скрывалась родственная связь приходского населения не только с своим кладбищенским храмом, но и с его причтом и с каждым двором, входившим в состав прихода. В то время на этом общем родительском кладбище представлялось несравненно более случаев всякое приходское дело делать сообща, общею думою и общим советом. Годовой круг церковных служений и церковных, даже местных приходских обычаев, например, родительские поминки, сосредоточивали население у дверей храма и на его *монастырь*, как в старину обозначалась местность кладбища, обнесенная оградой. Часто видаясь, люди хорошо знали друг друга и потому, как например, в посадских слободах, могли избирать и в слободские, и в приходские старосты лиц вполне всем знаемых». Наконец, приход с своею кладбищенскою церковью представлял собою не только хозяйственную, но фискальную единицу, отплачивавшуюся данями и поборами, смотря по населенности прихода, ибо *дань*, *данные деньги* платились с каждого приходского двора. В этом отношении превосходным пополнением материалов, собранных г. Забелиным по московским церквам, служат так называемые «Переписные Книги» Москвы, расположенные также по приходам и перечисляющие по именам владельцев все дворы, входившие в состав приходов. По этим двоякого рода документам, относящимся к одному и тому же времени, можно было бы вполне восстановить состав Московских приходов в XVII столетии. Часть этих переписных книг была напечатана в «Известиях» Московской Думы, но, к сожалению, предприятие это почему-то прекратилось.

В первый том «Материалов» вошли сведения по трем Кремлевским соборам: Успенскому, как «приходскому храму самой Москвы, всего города, как дома Пречистыя Богородицы», Архангельскому и Благовещенскому; по 35 монастырям и церквам при них и по 342 соборным, приходским и домовым церквам, расположенным по естественным разделам Москвы: Кремль, Китай-Город, Белый Город, Деревянный Земляной Город, за Деревянным Земляным городом, за Яузою-рекою и за Москвою-рекою. Это – самый полный список церквей, бывших в Москве в XVII и половине XVIII века, с обозначением

* Гг. Холмогоровы давно известны своими разысканиями по собранию материалов для составления церковных летописей Московской епархии. Эти материалы вышли в 1881 и 1882 гг. в двух выпусках: один «Русская десятина» и другой – «Звенигородская десятина» [авт. рецензии].

церковных урочищ и имен всех настоятелей, по которым только и возможно с достоверностью различать теперь самые церкви, носящие в источниках одни и те же «во имя», притом без показания урочищ.

Названия урочищ, имена священников и года их жизни, размер платимых приходами даней, сведения о церковных постройках, перестройках и освящении, о выходах патриархов для церковной службы, о принадлежавших церквам оброчных статьях, о некоторых обычаях, связанных вообще с церковною и монастырскою жизнью того времени («славление», «благословение иконами», избрание игуменьи по «древнему монастырскому обыкновению») и пр., – вот что составляет содержание собранных материалов.

Важным дополнением этих сведений служат материалы по «дому святейшего патриарха», как главного лица, руководителя и попечителя церковной жизни города. В этом отделе «Материалов», кроме описания «хоромного и дворового строения», т.е. внешней жизни патриарха, очень важны сведения о распорядках этой жизни («славленное», «похоронное», столовый обиход, расход питей и др.) и глава о нищих и богадельнях, составлявших важную статью городского быта того времени, вполне зависевшую от патриаршего дома. Нищие были люди церковные и питались только у церквей, москвичи же испокон веков любили подавать нищему. Кроме этих, так сказать, «случайных» нищих, при церквах всегда бывали еще свои «записные» нищие, особая артель, состоявшая, например, при соборах по большей части из 10 человек. Все они принадлежали патриаршему дому и потому назывались «домовыми», «дворовыми», «соборными» и пр. и, кроме ручной милостыни, получали постоянное содержание. Иногда, в большие праздники, патриархи собирали нищих в свои палаты и кормили их обедом, причем иногда святейший сам оделял милостыней. Так в 1678 г. в Успенев день было собрано у патриарха 2.050 нищих, в другие годы по 1.000 и по 1.500, причем раздавались им по 100 и более руб. за один раз – сумма огромная по тому времени. В день же погребения патриарха Адриана было собрано 5.137 нищих. До 1678 г. нищие жили свободно по разным местам города в своих избушках. Но в этом именно году патриарх Иоаким повелел: «всем им жить у приходских церквей, где кому пристойно, а избушки сломать и впредь на тех местах не строить». На выстройку новых изб было отпущено из патриаршей казны по 1 р. на человека. С конца XVII столетия начинаются особые заботы об устройстве московских нищих, на содержание которых был установлен особый сбор со всех церквей епархии, а в 1701 г. при церквах приходских были выстроены для помещения нищих 60 богаделен; в 1717 г. таких богаделен было уже 90, и в них призывалось 3.402 нищих.

Какая своеобразная сторона городской жизни старинной Москвы, достойная самого внимательного изучения!

В последнем отделе «Материалов» помещены сведения по истории и археологии «Государева Дворца». Тут наибольшего внимания заслуживают два драгоценные памятника: 1) описи «стенописных изображений» в Золотой и Грановитой палате, составленные в 1672 г. Эта рукопись была подарена еще в начале нынешнего столетия г. Соларевым Московскому Университетскому Пансиону; ею пользовался потом Карамзин, сыновья которого передали ее в 1867 г. в Публичную Библиотеку в С.-Петербурге. Названные описи имеют чрезвычайную важность потому, что по ним, при необыкновенной точности описаний рисунков, можно восстановить эту стенопись. В Золотой палате была она исполнена по желанию и под личным наблюдением царя Ивана Грозного и составляет в изображениях целое сочинение о «Спасовом Человеколюбии, еже о нас ради покаяния», с притчами и разными иносказательными толкованиями современных царю событий. 2) Описи (ветхостей) Кремлевского дворца в 1713, 1722 и 1769 гг. Они важны не только для изучения месторасположения дворца и всего состава дворцовых зданий и церквей, но и для топографии самого Кремля. Опись последнего из названных годов получает особое значение, потому что знакомит с состоянием дворца во

время собрания в нем (в 1767 г.) «комиссии о сочинении проекта Нового Уложения», заседавшей в Грановитой палате.

Мы привели в нашем обзоре лишь самый краткий перечень особенно важных предметов, по которым изданы «Материалы». Но, да не подумают читатели, что они изложены их собирателем в разработанном виде или в связном повествовании. Нет, это – пока сырой материал, по большей части мелкие, на вид ничтожные подробности, свидетельства и сведения. Но все эти мелочи, в достаточной полноте собранные и правильно расположенные, «становятся всегда очень важными показаниями об устройстве и порядках старого быта, становятся *фактами*», а только на таких фактах и может быть потом создано полное цельное Описание Москвы, художественное изображение ее внешней и внутренней жизни, исполненное в живых, соответствующих времени красках.

На чью долю выпадет такой историко-художественный труд – покажет время. Теперь же закладываются пока лишь первые основы для будущих дельцов.

Из таких же мелочных, часто ничтожных подробностей, состояли материалы, которыми располагал И.Е.Забелин, приступая к изображению домашней жизни Москвичей в их разнообразных представителях, а какие живые, исполненные высокого исторического интереса изображения вышли у него в двух первых томах его исследования о домашнем быте Русских царей и цариц!

МАТЕРИАЛЫ ЮБИЛЕЕВ УЧЕНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Е.ЗАБЕЛИНА⁷⁹⁵

Археологическим и историческим в России обществам и учреждениям⁷⁹⁶

(Русский мир. – 1872, 9 мая)

Конец прошлого года завершился 25-летним юбилеем Императорского русского археологического общества в С-Петербурге и 50-летним юбилеем литературной деятельности нашего маститого ветерана-историка, академика М.П.Погодина. Нынешний год начался 25-летним юбилеем литературной деятельности А.Н.Островского, известного драматического писателя, художественно изобразившего нашу матушку-Русь в этнографических оттенках ее купеческого быта, а также рядом картин из давнего былого... Готовится еще, как слышим, празднование 25-летнего юбилея литературной деятельности нашего художника-поэта Н.А.Некрасова... Итак, в текущем году почтены обществом будут двое современных на Руси, почтенных представителей драмы и поэзии.

Позволяем себе припомнить русским историческим и археологическим обществам и учреждениям, что в нынешнем году исполнится двадцати-пяти-летие литературной, почтенной, труженической деятельности известного нашего археолога-бытописателя, можно смело сказать, единственного представителя истой русской археологии – *Ивана Егоровича Забелина*, напечатавшего первое свое сочинение «Троицкие походы» русских царей – в Москве (университет. типограф.) в 1847 г.⁷⁹⁷ Замечательный труженик ознаменовал себя столь важными, самобытными литературными трудами по отечественной археологии и исследованиями в науке, как «Домашний быт русских царей и цариц» (труд, удостоенный академией наук полной Уваровской и Демидовской премий, одновременно и серебряной медали от Императорского Русского археологического общества в С.-Петербурге), «Исследование о металлическом производстве в России до конца XVII века» (удостоено также Уваровской премии), «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела (удостоено также Уваровской премии), и, наконец, рядом статей историко-археологического содержания, преимущественно бытовой стороны, в периодических журналах, сборниках и изданиях: «Вестнике Европы», «Русском архиве», «Москвитянине», «Отечественных записках», а преимущественно в «Чтениях

⁷⁹⁵ Как уже упоминалось, юбилейные даты научной деятельности И.Е.Забелина получили широкое отражение в материалах газетных и журнальных периодических изданий. То же касается и юбилейных адресов, приветствий, телеграмм, полученных юбиляром в эти торжественные дни – они весьма и весьма многочисленны. И в том, и в другом случае авторы сочли необходимым поместить в это приложение лишь отдельные публикации и поздравительные послания – исключительно в качестве наглядного примера, чтобы дать общее представление о восприятии научного творчества и, собственно, личности юбиляра в научной и в вообще общественной среде.

⁷⁹⁶ Известно, что официально достаточно широко праздновались два юбилея научной деятельности И.Е.Забелина: в 1892 и 1907 гг. Помещаемая нами републикация заметки в «Русском мире» оригинальна тем, что написана в 1872 г., и этот год автор также предлагает рассматривать как юбилейный, ведя отсчет от публикации в ЧОИДР большой, основательно дополненной статьи И.Е.Забелина о Троицких походах русских царей.

⁷⁹⁷ В 1847 г. «Троицкие походы» были опубликованы в ЧОИДР, но это была уже не первая публикация расширенной и дополненной статьи. Первая публикация появилась 25 апреля 1842 г. в «Московских губернских ведомостях».

Императорского общества истории и древностей российских» и др., нередко их и издававших отдельными брошюрами.

Перечень этих почтенных исследований... И.Е.Забелина, без сомнения, побудит, кому сие ведать надлежит, вспомнить и его 25-летнюю деятельность, выразившуюся не только в литературном отношении, но и на поле археологических разведок по раскопкам, от Императорской Археологической комиссии, издание которой украшено за последнее время трудами своего ревностного деятеля, столь знаменательно для науки воспользовавшегося богатым архивом московской Оружейной палаты, первом месте службы почтенного археолога.

Стромилов

Иван Егорович Забелин как учитель истории⁷⁹⁸
(*Московская иллюстрированная газета. – 1892, 25 апреля. – № 113*)

Я и товарищи мои около 1863 года имели счастье, хотя и не долго, быть учениками Ивана Егоровича. Слава его как ученого, одаренного талантом историка, – ученого, не только знающего, но чувствующего историю, историка-провидца и поэта – была уже его спутницей. Мы об этом знали и, что греха таить, робели перед знакомством с ним. Подростки, но еще школяры, любившие и умевшие дать прозвище учителю, подметив в нем своеобразные особенности, перед личностью Ивана Егоровича пасовали. Совсем обыкновенный, но удивительно приятный человек, сразу подчинивший нас обаянию своей личности и прямодушной уверенности в том, что его будут слушать, учиться у него, любить его. И мы его чуть-что не с первой минуты нашего с ним знакомства уже любили крепко, верили ему и ни капельки не боялись ни его, ни его учености. Он нас учил не столько истории, сколько искренности и обязанности обращаться с историческими данными здраво и с уважением. «Вам еще рано, говорил Иван Егорович, да пока и незачем знать – откуда именно были призваны первые русские князья, дабы водворить порядок на Руси, и были ли то варяги, или еще кто, не все ли равно. Для вас важно понять, должны ли быть призваны чуждые нашим прапрадедам люди для того, чтобы завести порядок на Русской земле. Для вас теперь не особенно важно знать даже, как звали этих князей, – для вас, повторяю, важно понять необходимость их призвания. Одиакowo для вас не важно знать – был ли Гришка Отрепьев настоящий Дмитрий Царевич или самозванец. Это не важно. Нам необходимо понять возможность появлений Лжедмитриев вообще. Я утверждаю, что не только они были возможны, но они доожны были быть, как во время пожара бывают откуда-то вдруг являющиеся спасители вашего имущества, но впоследствии оказывающиеся и ворами, и грабителями, присвоившими ваше добро. В утешение Вам, впрочем, скажу, что царствовавший под именем Димитрия – был самозванец.

Так-что Иван Егорович учил нас прежде всего рассуждать по поводу исторических событий – указывать их место в ряду других, и тем понимать их причинность и необходимость. Он нам рисовал целые картины, – то мрачные, то отрадные, то величественные, то жалкие, – состояния общества в разные эпохи жизни нашей родины и наших родичей, и перед нами развертывалась панорама, полная живого захватывающего

⁷⁹⁸ Воспоминания посвящены преподаванию И.Е.Забелина в Константиновском Межевом институте.

интереса, где царил и русский характер, и глубокий смысл наших древних протцев. Он обрисовывал, поэтизировал просто, ясно все стороны государственной, общественной и бытовой жизни древней Руси, от созерцания которой не хотелось оторваться; он нам дал то, что нельзя забыть и чему нельзя не радоваться, чего нельзя было не уважать.

Перед нами проходили бессменной чередой – то величавые, сановитые русские люди, делавшие, осенясь крестным знаменем, историю, то отверженные и Богом, и людьми, полные греха и преступлений честолюбцы, задерживавшие ход исторической русской жизни. Но первые поддерживались, а вторые – уничтожались тем же здравым русским смыслом, бодрствовавшим над Русскою землею и спасавшим ее. – Никогда не забуду ни этих уроков, ни Ивана Егоровича Забелина.

Я не могу забыть его лекции о собирании Руси Москвою. «До начала объединения, северная Русь имела вид руки со столькими пальцами, сколько было окружающих Москву уделов, Москва постепенно загибалась пальцы – сначала один, – положим, удельное княжество Тверское, затем второй, третий, и так далее до последнего, когда из разрозненных уделов, примыкающих к Москве, уподоблявшихся растопыренным пальцам, не образовался крепкий, могучий кулак», которого подобие и представил нам Иван Егорович, сжав свою мощную руку в кулак и потрясая им в воздухе, говоря: – «Теперь вы, други мои, видите, во что превратила Москва северную Русь. Вот она вся тут собрана в один компактный и внушительный кулак, который с этого времени становится страшен многим и очень многим и которого начинают бояться и татары, и завистливые соседи».

Было ли в наших сердцах после этого, спрошу я, осуждение Иоанна III (а это тогда было в моде) за то, что он не совсем любезно обращался с удельными князьями, его окружавшими, и кого лаской, а кого и силой принуждал отдаваться Москве? Мы все понимали, что обстоятельства ставили Иоанна в необходимость собрать Русь, что он и делал, как только было ему можно, потому что ждать этим делом было нельзя. Перед Иоанном III не было князей тверских, суздальских, владимирских и т.д.: перед ним был лишь долг и обязанность сжать в кулак силу всех этих уделов и защищать Русь от нападений врагов.

Грозный Иоанн IV не представлялся нам свирепым, жестоким тираном, как опять-таки было принято тогда в толковать учащимся; нет, он нам стал известен как царь цельный, с ясными целями, с сильной волей, решивший очистить свой трон и царство от внутренней крамолы, от постоянного соперничества бояр, князей, еще не забывших своих уделов, вечно подкапывающихся друг под друга и нередко под самого царя и его права. Царская власть и самодержавие получают при Иоанне Грозном высшее выражение своего величия, и перед ней смолкают тайные и явные недоброжелательства. Бояре трепещут перед этой властью, тяготятся ею, народ же крепко любит Иоанна Грозного и не отделяет своих надежд от его велений. Иоанн Грозный нам представлялся не меньшим устроителем Русского царства, чем его знаменитый дед Иоанн III.

Повторяю еще раз: нельзя забыть преподавание Ив. Ег. истории – он возбуждал в нас чувства добрые, заставлявшие наши юные сердца биться сознанием чести быть русскими людьми. Спасибо ему за это, – низкий поклон ему от его учеников сегодня...

Один из его учеников

**Поздравления, адреса, приветствия И.Е.Забелину
в связи с юбилеями 1892 и 1907 гг.**

[Извещение]

*(Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности
Ивана Егоровича Забелина. – М., 1910)*

1892 г.

От Императорской Академии Наук

Многоуважаемый Иван Егорович.

Сегодня исполнилось пятьдесят лет с того времени, когда 25 апреля 1842 г., в Московских губернских ведомостях была напечатана статья Ваша «О богомольных и царских походах».

Это было первое историческое исследование, положившее начало Вашей плодотворной научной деятельности. Появлявшиеся затем труды Ваши, посвященные изучению древностей понтийских, города Москвы и царского периода Русской истории, доставили Вам почетное и выдающееся положение среди бытописателей нашего прошлого.

«Домашний быт русских Царей и Цариц в XVI и XVII столетиях», «История русской жизни с древнейших времен» и многие другие труды Ваши известны всем, и о важном значении их в науке говорить нет надобности. Но нельзя не упомянуть здесь, что, не ограничиваясь личными исследованиями, Вы, в течение многих лет, были председателем Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете и среди многочисленных трудов своих находили время руководить его занятиями. Глубокие познания и постоянное стремление Ваше к отысканию материалов по истории русского народа нашли в изданиях Общества обширное применение и несомненно принесли обильные плоды.

Следя с особенным вниманием за Вашею полезною деятельностью и драгоценными вкладами в сокровищницу исторических знаний. Императорская Академия Наук, в 1884 году, избранием в число членов корреспондентов, приобщила Вас к своему составу.

Приветствуя ныне полувековое неутомимое служение Ваше науке, на которое Вы можете оглянуться с гордостью и сознанием принесенной пользы, Императорская Академия Наук выражает искреннее желание, чтобы силы Ваши и энергия сохранились еще на многие годы, и Русская История продолжала обогащаться сказаниями Вашими о жизни наших предков.

Константин.

Вице-Президент *Я.Грот*. Непременный секретарь *А.Штраух*. *П.Ф.Овсянников*. *Л.Шренк*. *Н.Кокишаров*. *Г.Вильде*. *В.Имшенецкий*. *О.А.Баклунд*. *Ф.Шмидт*. *Ф.Ф.Бельштейн*. *Н.Н.Бекетов*. *Ф.Бредихин*. *А.Ковалевский*. *А.Гадолин*. *А.Фаминцын*. *А.Карпинский*. *Ф.Плеске*. *А.Бычков*. *М.Сухомлинов*. *А.Веселовский*. *К.Бестужев-Рюмин*. *Л.Майков*. *К.Веселовский*. *А.Наук*. *В.Радлов*. *В.Васильев*. *В.Васильевский*. *Н.Бунге*. *А.Куник*. *К.Залеман*. *Н.Дубровин*. *Барон В.Розен*. *П.Никитин*.

**От Архиепископа Феогноста и Духовенства Успенского собора
во Владимире**

Ваше Превосходительство,
Благочестивый и Христоролюбивый
Иван Егорович!

В день юбилейного Вашего торжества, когда приносятся Вашему Превосходительству приветствия с исполнением пятидесятилетия Вашей ученой деятельности, и я вменяю себе, вместе с духовенством Владимирского Кафедрального Собора, в обязанность принести Вашему Превосходительству усерднейшее поздравление с исполнившимся полувековым многотрудным служением Вашим Церкви, Отечеству и Науке. Широкая Ваша ученость, умудренная опытами жизни и деятельности, одушевленная любовью к святой церкви и проникнутая глубоким патриотическим чувством, имела благотворное влияние и на Владимирский Кафедральный Успенский Собор. Находившийся до 1882 года в неприглядном и искаженном виде, Успенский Собор, при Вашем просвещенном содействии, приведен в первоначальный свой вид и по внутреннему своему благоукрашению и по внешнему виду своему. Во все время производства внутренней и внешней реставрации Собора, в течение целых девяти лет, Вы были, по избранию Императорского Московского Археологического Общества, главным руководителем и указателем в восстановлении древнейшего, первоначального вида славного своею историею храма. Благодаря Вашему постоянному попечению, сей храм и имеет ныне тот самый вид, в каком он был при создателях его Благоверных Великих Князьях Андрее Боголюбском и Великом Всеволоде. За труды Ваши, понесенные Вами при обновлении Владимирского Собора, имя Ваше навсегда внесено в соборный диптих для усердного моления о благопоспешении Вам во всем и о спасении Вашем. Да хранит Вас Пречистая Владычица Богородица, обновлению храма Которой Вы благочестно послужили, и да поддержат силы Ваши Святые Благоверные Князи, свято почивающие в Ея святом храме, которым с благоговением Вы принесли труды Ваши вполне благоуспешно. Приносимая Вам вместе с сим святая икона Благоверных Великих Князей Георгия, Андрея и Глеба да будет залогом предстательства сих угодников Божиих и Вас пред пренебесным престолом Божиим!

Феогност Архиепископ Владимирский. Кафедральный протоиерей М.Жудро. Ключарь протоиерей Александр Виноградов. Священник Принкипс Евгенов. Священник Иоанн Уваров. Протодиакон Евгений Троицкий. Соборный староста Валентин Егоров.

От Братства св. Александра Невского во Владимире

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Иван Егорович.

Посвятив свою жизнь собиранию и всестороннему изучению памятников отечественной старины, Вы всегда с горячим сочувствием относились ко всем начинаниям, направленным к сохранению сих памятников, посему и учреждения разного рода древлехранилищ в губернских и уездных городах всегда были встречаемы Вами с неизменным сочувствием и благорасположением. Так было встречено Вами в 1886 году и учрежденное Братством Святого Александра Невского во Владимире губернском церковно-историческое древлехранилище. Вы с самого открытия сего древлехранилища заботливо относились к нему и, лично посещая его, своим опытным советом и своею помощью споспешествовали развитию и благосостоянию его.

Будучи весьма благодарно Вам за сие и высоко ценя многолетние ученые труды Ваши, Братство Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, в общем собрании своих членов 26 Февраля текущего года, единодушно избрало Вас в число почетных своих членов и препроводило Вам диплом на сие звание, а ныне в день торжественного чествования Вас, по случаю исполнившегося пятидесятилетия благотворного служения Вашего отечественной науке, считает своим неперменным долгом присоединиться к многочисленному сонму почитателей Ваших и, вместе с приветствием своим, выразить Вам свое глубокое уважение и искреннейшую благодарность, прося Вас принять альбом фотографических снимков с некоторых памятников Владимирской старины, сохраняющихся в древлехранилище Братства.

Да продлит Господь Бог дни драгоценной Вашей жизни на многая лета.

Председатель Братства, Феогност, Архиепископ Владимирский. Помощник Председателя, Тихон Епископ Муромский, Викарий Владимирской Епархии. Члены совета: Ректор Семинарии Архимандрит Никон. Кафедральный Протоиерей М.Жудро. Секретарь Братства, Протоиерей Василий Косаткин.

От Императорского Российского Исторического Музея

Иван Егорович.

Появившиеся в печати в тысяча восемьсот сорок втором году «Троицкие походы» были счастливым началом Ваших последующих высокоплодотворных походов, которыми Вы в течение полвека неустанно пролагали новые пути и вносили новый научный свет в обширную область исследований русской старины.

В этот весьма почтенный период Вашей научно-литературной деятельности входит, между прочим, и та деятельность последних шести-семи лет, которая, хотя и не имеет той степени публичности, как Ваша деятельность учено-литературная, однако же, находится с последней в живой органической связи – мы говорим о деятельности Вашей в Историческом Музее.

Как более близкие свидетели этой деятельности, мы не можем умолчать о ней в настоящем торжественном заседании Московского Археологического Общества, хотя бы кратким и скромным упоминанием о Ваших текущих трудах в Историческом Музее, мы должны дополнить изображаемую здесь разными учеными учреждениями и лицами общую картину Ваших научных трудов.

Как известно, по смерти Графа Уварова, Августейшему Председателю Исторического Музея угодно было вверить в Ваши руки дальнейшую судьбу этого учреждения, только что вступившего тогда на путь своего научного развития. Вступая в эту новую область своих трудов, Вы принесли с собою и глубокое знание русской старины, и широкие взгляды ученого: благодаря таким счастливым условиям, Вы могли поставить и выполнять те широкие научные задачи, которые необходимы для успешного развития Исторического Музея, как ученого учреждения.

На первых же порах Вы озаботились упрочить научную систему в размещении коллекций древностей, и этой классификацией Вы наглядно и научно выразили их взаимную связь, и тем самым увеличили научную ценность памятников древности, собранных Музеем.

В Музее на Вашу долю выпали труды и по устройству новых зал: Новгородской, Владимирской и Суздальской, причем Вам самим пришлось заботиться и о выборе материала и входить в самые разнообразные подробности отделки. Впрочем, вновь отделанные залы сами говорят красноречиво о характере Ваших трудов и в особенности Суздальская, для которой положили Вы так много забот.

Но постоянными, даже можно сказать, ежедневными Вашими заботами в Музее были заботы о приобретении новых коллекций древностей, выбор которых прямо зависел уже от Ваших взглядов на научные задачи Музея.

Эти-то научные задачи были Вами широко поставлены; мы вряд ли ошибемся, если скажем, что Исторический Музей в своем законченном виде представлялся Вам систематическим собранием разного рода памятников древности, представляющих всю внешнюю обстановку нашего старинного быта, изображенного в его хронологической последовательности. Таким образом, Исторический Музей в Вашем представлении должен был служить обширным вещественным материалом для всестороннего изучения прошедшего быта русского народа.

Благодаря именно такой постановке вопроса, Вы, собирая коллекции древностей, не останавливались исключительно на вещах изысканного вкуса и искусной техники, составлявших обстановку богатых высших классов народа и составляющих обыкновенно гордость частных коллекций: понимая прекрасно красоту древнего стиля и искусство древней техники, Вы вместе с тем стремились захватить широко и памятники простого народного быта. Вообще в памятниках древности для Вас отражался, как в зеркале, образ древнего русского человека с его верованиями, с эстетическими и житейскими потребностями или поэтической фантазией и техническими навыками – одним словом в этой вещественной стороне Вы умели чувствовать и узнавать духовную старину, и потому-то вся вещественная обстановка древней жизни служила для Вас живым путем к познанию самого человека. Вот почему в коллекциях Исторического Музея нашли себе место и серебряная братина с красивой чеканкой трав – из боярских хором – и скромная братина, точеная из дерева, – из крестьянской избы. Собирая с любовью и памятники простого народного быта, Вы как будто боялись, чтобы они не исчезли от глаз грядущих поколений.

Итак, если «Быт русских Царей и Цариц» опирался, главным образом, на материал Оружейной Палаты, то позвольте нам верить, что будущий автор «Быта Русского Народа» найдет, благодаря Вам, богатый материал для себя в Историческом Музее.

Позвольте же от имени этого будущего неизвестного автора и от нас, Ваших сотрудников в Музее, пожелать продолжения Вашей деятельности в Музее на многия, многия лета.

В.Сизов. А.Орешиников. Кн. Н.Щербатов. В.Трутовский.

А.Станкевич. В.Щепкин. А.Новицкий.

Москва, 1 Ноября 1892 г.

Исторический Музей, Ивану Егоровичу Забелину.

От Императорской Археологической Комиссии

Высокоуважаемому Почетному сочлену своему Ивану Егоровичу Забелину, даровитому исследователю отечественных древностей Императорская Археологическая Комиссия, сохраняющая благодарную память о деятельном сотрудничестве его, столь богатом научными результатами, с чувством глубокого уважения и живейшей признательности шлет дружеский привет и сердечное пожелание дальнейшей плодотворной деятельности на много лет.

Граф Алексей Бобринский. В.Тизенгаузен. А.Спицын. В.Дружинин.

Н.Веселовский. Ил. Суслов. Д.Самоковасов.

От Императорского Московского Археологического Общества

Глубокоуважаемый
Иван Егорович!

Императорское Московское Археологическое Общество, давно уже имеющее честь считать Вас в числе своих сочленов, с особенно радостным чувством приветствует Вас с исполнившимся пятидесятилетием Вашей ученой деятельности и приносит Вам самые искренние свои поздравления и наилучшие благопожелания.

Ваша ученая деятельность особенно дорога Археологическому Обществу: Вы начали ее в архиве и богатых собраниях знаменитого царского древлехранилища Москвы и продолжали в Новороссийских степях, раскапывая курганы и извлекая из них драгоценнейшие материалы для познания бытовой обстановки древнейших насельников нашего Юга. Таким образом, Ваша ученая деятельность была в значительной степени посвящена исследованию бытовой старины, то есть сосредоточивалась на той отрасли знаний, разработка которой и составляет главную задачу Археологического Общества. Можно сказать, что и в Ваших исторических трудах Вы никогда не упускали из виду этой бытовой стороны, и, воссоздавая известные исторические эпохи, старались подойти к ним ближе и уяснить глубже их значение и характер их деятелей путем пополнения и освещения часто скудных и неясных исторических свидетельств разнообразными, подчас мелкими, но почти всегда характерными чертами повседневной жизни и быта. За именами, историческими событиями, годами – Вы искали всегда человека и именно человека русского, угадывая его даже в отдаленных наших предках-рыбарах, хищных кочевниках и мирных пахарях. Вы следили за постепенным развитием этого русского человека, за складыванием его умственного и нравственного облика под влиянием различных, приходивших извне, образовательных начал, за претворением этих разнородных чужих начал в одно самобытное, русское, силою созидательного гения великого народа. Вы любили этот народ, отыскивали в произведениях его самобытные черты добра, красоты, величия, мощи, но не умалчивали и о темных чертах его жизни и быта, обусловленных, главным образом, неблагоприятными историческими условиями его существования и отсталостью в знаниях и в просвещении вообще. Этим Вы научали нас любить, уважать, ценить и охранять дорогие заветы нашего народного гения и, вместе с тем, сознавать, что уважение и охрана их подразумевают не застой, а быстрое движение вперед – при помощи разумной критики, неустанной работы мысли, непрерывного энергичного труда в разнообразных отраслях общественной и народной деятельности.

Глубоко чтя Вас, как замечательного исследователя русской бытовой стороны, материалы по которой постоянно возрастают, благодаря Вашим трудам и заботам, как Товарища Председателя Императорского Российского Исторического Музея, Московское Археологическое Общество высказывает горячее и искренне пожелание, чтобы плодотворная деятельность Ваша продолжалась долго, долго на пользу великой и обширной науки о русских древностях, о прошлом всем нам дорогой родины и просит Вас принять, как слабый знак его глубокого уважения, звание его Почетного Члена. Москва,

25 Апреля 1892 г.

*Дмитрий Анучин. Феодор Буслаев. Владимир Сизов.
А.Обер. К.Быковский. Д.Самоковасов. С.Соловьев. В.Трутовский.
Н.Субботин. В.Щепкин. Всеволод Миллер. А.Павлинов. В.Попандопуло.
А.Орешиников. Д.Чичагов. М.Никольский. С.Долгов. П.Виноградов. К.Дубинкин.*

От Тверского Музея и Тверской Ученой Архивной Комиссии

Высокоуважаемый
Иван Егорович.

В знаменательный день исполнившегося пятидесятилетия Вашего честного, полезного и славного служения отечественной науке, Тверская Ученая Архивная Комиссия и родственный ей по целям Тверской Музей спешат принести Вам свои искреннейшие поздравления и благожелания.

Вы дороги нам, не только как маститый ученый, обогативший своими превосходными трудами отечественную историю и археологию, но и как сочлен наш, и как Тверской уроженец, украшение и гордость своей родины.

Мы гордимся Вами, как неутомимым исследователем родной старины, образ которой Вы так верно, так любовно, так художественно начертали в Ваших прекрасных исторических трудах: этими драгоценными трудами Вы не только ввели нас во все подробности жизни древних русских царей и цариц, не только пролили много света на всю внутреннюю жизнь русского общества, но и вдохнули горячую любовь свою к родной старине в Ваших учеников, в Ваших последователей, в Ваших читателей.

Мы гордимся Вами и как достойным преемником незабвенного графа Алексея Сергеевича Уварова по заведыванию Императорским Историческим Музеем, этой скинией русской старины, этой вещественной летописью государства Российского, этим вековым памятником двух славных царствований.

Нам невольно припоминаются Ваши прекрасные слова, сказанные Вами 28-го Февраля 1885 г. и посвященные памяти Вашего славного предшественника по заведыванию Императорским Историческим Музеем. «Русское самопознание и русское самосознание, – говорили Вы тогда, – в дальнейшем ходе своего развития, сделавшись двигателем умственной жизни общества, руководителем общественной мысли, и послужат тем нерукотворным памятником ученой деятельности графа Алексея Сергеевича, который сохранит его славное имя незабвенным навеки».

Эти слова сами собой прилагаются и к Вашей многополезной и славной деятельности, и эта деятельность да послужит и для Вас нерукотворным памятником в Вашу вечную славу.

Примите же, досточтимый Иван Егорович, от нас искреннее и горячее пожелание, чтобы продлилась жизнь Ваша, чтобы надолго сохранились Ваши силы для продолжения Ваших плодотворных трудов на пользу русской науки, имеющей в Вас достойного представителя.

Председатель Архивной Комиссии Тайный Советник *А.Жизневский*. Вице-губернатор *Н.Усов*. Действительный Статский Советник *А.Безобразов*. Действительный Статский Советник *Н.Овсянников*. Инспектор Народных Училищ *Н.Пахорский*. Действительный Статский советник *Влад. Плетнев*. Михаил *Сперанский*. Андрей *Митропольский*. Дм. *Скворцов*. Николай *Лилеев*. Дмитрий *Крылов*. Г.*Невзоров*. Иван *Федоров*. Вячеслав *Болотов*. Протоиерей *Владимир Покровский*. Александр *Покровский*. Александр *Владиславлев*. Павел *Сорокин*. Григорий *Майков*. Виктор *Плетнев*.

1907 г.

ТЕЛЕГРАММЫ

От Его Императорского Величества Государя Императора

В день 70-летней годовщины столь плодотворной деятельности вашей на поприще отечественной Истории от души приветствую вас, уважаемый Иван Егорович, и сердечно желаю вам сил и здоровья для продления столь полезного служения вашего Великой России.

**От Августейшего Председателя Исторического Музея
Великого Князя Сергея Александровича**

Пятьдесят лет тому назад вышел ваш первый научный труд, и сегодня весь Русский ученый мир празднует знаменательный день пятидесятилетнего вашего служения науке. Дай вам Бог, многоуважаемый Иван Егорович, здоровья, здоровья и сил продолжать вашу плодотворную деятельность и да озаряет еще долгие годы ваше знание и ваше слово нашу Отечественную науку.

Сергей.

Поздравляю Вас, глубоко чтимый дорогой Иван Егорович, со днем торжества Вашего семидесятилетнего служения русской исторической науке, да пошлет Вам Бог здоровья на многие годы, и да поможет Он Вам продолжать Ваши труды на просвещение русскому народу.

Виктор Васнецов.

ПРИВЕТСТВИЯ

От Московской Городской Думы

Милостивый Государь Иван Егорович!

Сегодня исполняется семьдесят лет Вашей непрерывной и плодотворной научной деятельности.

Памятуя этот знаменательный для русской науки и истории Первопрестольной столицы день, Московская городская Дума, в собрании 6 сего Ноября, единогласно постановила: уполномочить Городского Голову принести Вам приветствие Городской Думы по случаю семидесятилетнего юбилея служения Вашего науке.

Исполняя настоящее постановление Городской Думы, прошу Вас, многоуважаемый Иван Егорович, принять и мое искреннейшее поздравление и горячее пожелание, чтобы родной наш город еще многие годы имел в лице Вашем своего талантливого историографа, коим справедливо гордится русское общество.

С истинным почтением и глубокой преданностью имею честь быть
Вашего Превосходительства покорнейший слуга *Н.Гучков.*

ПУБЛИКАЦИИ В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ И.Е.ЗАБЕЛИНА

Речь Е.В.Барсова

[памяти бывшего председателя

Общества истории и древностей Российских]

(ЧОИДР. 1909 год. – Кн. 1 (228) / Изд. под заведыванием М.К.Любавского. – М., 1909. – С. 9–12)

Иван Егорович Забелин есть явление исключительное в Русской истории ученого мира. Мелкий канцелярский служака, из низшего сословия, он скончался в чине действительного тайного советника. Бедный труженик, получавший сначала 5 рублей в месяц, он достиг того, что имел возможность отплатить государству за все полученное им казенное жалованье. получивший сиротское грамотное учение, он стал доктором Русской истории и Почетным членом университетов и даже Академии Наук. Безвестная фамилия приобрела историческую ученую славу. Уже одни эти чисто внешние факты указывают, какая это была могучая нравственная беспримерная сила.

Самый внешний вид его отвечал богатырству его духа. Это был настоящий великорусский тип, с крепкою грудью, широкими плечами и ясными очами. По удачному выражению Буслаева – это был внушительный «сельский староста».

В его мышлении образ преобладал над анализом понятия – и речь его была всегда спокойная и отчетливая; с первого же раза он производил впечатление человека чисто-русского, положительного и практического, талантливого и умного.

Жизнь он вел самую простую и незатейливую. Любимым кушаньем его были грибы, и он каждое лето сам их собирал и запасал на всю зиму. После обеда всегда любил отдохнуть по древнерусскому обычаю, чтобы вечером всегда быть со свежеею головою. Аккуратность его в жизни была поразительна; он сохранил, например, все №№ до единого всех получаемых им газет и журналов за 60 лет своей жизни. Это такая аккуратность, какой часто мы не видим даже в государственных книгохранилищах.

Поступив на службу в Оружейную палату писцом низшего разряда, он, благодаря своему природному уму, обратил внимание на архив, находившийся в то время в хаотическом состоянии. Достоин замечания, что он, прежде всего, остановился на актах, относящихся к «Царским богомолям». Первая статья его о том была напечатана в «Московских губернских ведомостях», и не могла ускользнуть от внимания таких археографов, как Строев и Снегирев. Благодаря личному знакомству с первым, он возымел желание собирать рукописи. В течение 40 лет он каждое воскресенье – неукоснительно появлялся рано утром у Сухаревой башни и был первым скупщиком рукописного материала по самым дешевым ценам.

– Почему Вы теперь не бываете у Сухаревой, спросил я его однажды.

– Потому, отвечал он, что теперь там или ничего нет, или же ломают такую цену, какой дать я не могу.

Едва ли не благодаря личному знакомству с Снегиревым, он окончательно сосредоточился на широком изучении была Русских царей. По крайней мере, он заявлял, что Снегирев от этого труда был в восторге, когда труд еще не был напечатан.

Но гораздо большее влияние имел на его судьбу другой кружок – кружок Солдатенкова и Кетчера, где он имел возможность познакомиться с тогдашними

знаменитыми историками. Здесь, так сказать, получил он высшее образование. Здесь расширился его умственный кругозор; здесь определилось его политическое и научное мирозерцание.

В Оружейной палате стаи ревниво и косо смотреть на его пользование архивным материалом, а чисто канцелярская служба ему опротивела.

На выручку его положения явился новый его покровитель – в лице графа С.Г.Строганова, который знал его как председатель Общества истории и древностей Российских своего сочлена. Он пригласил Ив. Егоровича быть у него домашним секретарем. Иван Егорович принял эту должность, но проходил ее лишь несколько месяцев; она совсем не отвечала его нравственной природе. Вопреки свои привычкам и простому образу жизни, о коих сказано выше, он должен был с утра делать доклад, являться к обеду во фраке, есть блюда, на его вкус препротивные, слушать разговоры великосветские. «Не могу равнодушно вспомнить этого времени, говорил он, Сердце не вытерпело. В одно прекрасное утро я пришел к своему большому барину и заявил: простите, граф, домашние дела зовут меня к себе и не позволят жить вдали от семьи; прошу Вас, увольте меня».

Но этим не кончилось внимание к нему графа. Когда граф стал Попечителем образования Наследника Престола Николая Александровича, державного сына Царя Освободителя, он вызвал к себе в Петербург Ивана Егоровича и поручил ему писать для Цесаревича обзоры научные и политические – из текущих журналов и газет. «Я, говорил он, написал два-три обзора и потом прекратил. Из Петербурга не было ни слуху, ни духу о моих работах. Странные живут там люди, велят писать обзоры, а не подумаю, где взять журналы и газеты; в Москве библиотек тогда не было, а выписывать их на свой счет – средств не хватает. Я замолчал, и там замолчали». Граф же Строганов как председатель Императорской Археологической комиссии сделал его заведующим раскопками курганов на юге России, где он и выслужил пенсию в 1200 рублей. «Скифская ваза, которую я выкопал, говорил он, и которая стоит тысяч 200, не прибавила мне пенсии. В Петербурге знают и ценят только свои заслуги, а от чужих глаза закрывают».

Вообще Иван Егорович не был человеком искательным и карьеристом. Иногда в прямой ущерб себе он проявлял резкую независимость и самостоятельность. К.П.Победоносцевым он был назначен Председателем Комиссии по реставрации Московского Успенского собора ко дню коронации Императора Александра III. Когда прокурор Синодальной конторы А.Н.Шишков выкинул из собора многовековой киот Владимирской Божией Матери, как ветхи, и хотел заменить новым изделием, Ив. Егорович написал резкое письмо К.П.Победоносцеву с заявлением, что он снимает с себя звание Председателя, так как поступок Шишкова считает оскорблением исторической святыни и не может взять на себя ответственности пред историею за такое деяние.

Горький опыт жизни научил его ценить свои сложные научные работы. «Вверху, говорил он, смотрят на науку как на последнее дело, и даже как вовсе не на дело; общество же наше совсем не подозревает той подспудной и тяжелой работы, какая связана с научным изданием. Странное дело: врач получает награду за свое знание; архитектор за свое искусство; а ученый всем и все должен давать даром. 30 лет я добывал свои знания; каждое слово есть капля моей души и стоит золота. Пусть же заплатят мне, если хотят воспользоваться моим знанием». Вот, почему все последние его научные работы были предпринимаемы им не иначе как по контракту: таковы, напр., Сетунский стан, История Русской жизни, Материалы для истории города Москвы.

Но это самое обстоятельство вызывало тяжелые для него минуты и доставляло ему немало огорчений. Меценаты-издатели его трудов были заинтересованы хвалебными отзывами в текущей литературе об их изданиях, а потому, как скоро появлялись в печати критические статьи о них, строгие и суровые, они тотчас начинали смотреть на автора косо. Например, меценат его Вас. Андр. Дашков – был сначала в неистовом восторге от «Истории Русской жизни», писанной по его заказу и на его щедрые средства; он называл

автора вторым Нестором. Но, когда Академия Наук не удостоила даже малой премии первых двух томов этой Истории, меценат разочаровался, контракт был нарушен, и продолжение работ прекратилось.

Вообще в отставке, особенно в последнее время, Иван Егорович чувствовал себя одиноким, угнетенным и подавленным. Видимо, душа его скучала по службе и искала исхода для избытка своих богатых сил.

К счастью его, на место графа Строганова явился новый его покровитель граф А.С.Уваров. Создавая Московский Исторический музей, он нуждался в таком ученом, который был бы в силах понять задуманную им широкую идею Музея, который обладал бы нужными для ней знаниями и который умел бы работать усидчиво и напряженно для воплощения ее в дело. Выбор его достойно остановился на Иване Егоровиче – и дал возможность вновь развернуться его силам и знаниям.

По своей скромности, Иван Егорович думал, что у него нет друзей и почитателей; но, вот теперь, когда замкнулся он в тесную келью, где нет ни окон, ни дверей, мы видим, что имя его окружается таким почетом, какого не удостоивался ни один из наших самых знаменитых историков.

Е.В.Барсов

НЕКРОЛОГИ⁷⁹⁹

И.Е.Забелин

(Ива. 1909, 24 января. – № 4. – С. 79)

С небольшим год тому назад на страницах нашего журнала был отмечен необыкновенный по цифре лет юбилей ученой и литературной деятельности одного из русских ученых: шестидесятипятилетний юбилей.

Это был юбилей Ивана Егоровича Забелина, знаменитого русского историка-археолога. От всей души желали мы тогда дальнейшей многолетней работы И.Е.Забелину, но, к сожалению, судьба распорядилась иначе: почти под самый Новый год, 31 декабря истекшего года историк тихо скончался после долгой болезни.

Кончина И.Е.Забелина – огромная утрата для науки. Наука потеряла в лице Забелина редкого исследователя нашей русской старины, исследователя-художника, умевшего вносить в архивную и археологическую «мертвечину» живую душу и заставлявшего говорить живым языком даже самые сухие исторические документы. Под талантливым пером Забелина воскресало наше прошлое, облекались в плоть и кровь давно похороненные лица. С ветхих старинных грамот, реестров, росписей, летописей талант Забелина сметал вековую пыль. Читая его «Историю Москвы» или «Быт русских царей», слышишь благовест московских колоколов, пение клира, шуршание парчевых одеяний, звон кубков и братин на царских пирах, громкие речи ближних бояр. Редко кому-либо из серьезных ученых удавалось так пластично и живо воскресить пред нашим умственным взором старину, как удалось сделать это И.Е.Забелину.

Биография И.Е.Забелина чрезвычайно любопытна. Прославленный ученый, доктор русской истории, почетный член Академии наук, товарищ председателя Московского Исторического музея и автор сочинений, поражающих эрудицией и чисто научной

⁷⁹⁹ Здесь, как и в других приложениях, из обширнейшего материала, опубликованного на страницах многих газет и журналов в связи с кончиной И.Е.Забелина, авторы отобрали только несколько некрологов в качестве примера подобных публикаций.

стройностью мысли, И.Е.Забелин не прошел той официальной школы, которая признается необходимою для всякого ученого. Он не знал университетского образования и начал свою ученую карьеру в качестве простого скромного писца московской оружейной палаты. Это был ученый-самоучка, но не дилетант, какими бывают обыкновенно самоучки, а именно ученый, знавший все о предмете своего исследования и облакавший это все в строгую логическую форму с применением самого строгого критического анализа.

И.Е.Забелин родился в 1820 году в Твери. В очень ранней юности (лет 16) он поступил писцом в оружейную палату. Разбирая старые бумаги в архиве палаты, Забелин отнесся к ним не по-писарски, а с глубокой проникновенностью: ему стало ясно, что это не простые «бумаги» и «дела», а живые памятники нашей старины, памятники позабытые, полуистлевшие, покрытые пылью и прахом, но тем более ценные. И молодой писец, еще не предполагая, что из его работы выйдет, начал старательно разбирать и систематизировать эти пыльные документы и извлекать из них все, что казалось ему интересным и поучительным. И мало-помалу из-под его рук вышла живая и яркая картина старины – исследование «О походах русских царей на богомолье в Сергиево-Троицкую лавру».

Исследование это, целиком покоившееся на подлинных еще не изданных документах, было напечатано в 1842 году в «Московских губернских ведомостях» и сразу обратило на себя внимание тогдашних ученых. С этого времени и началась неожиданная для самого И.Е.Забелина его карьера исследователя русской старины.

В 1851 году он получил премию гр. А.С.Уварова за одно из своих дальнейших исследований. В 1859 г. он перешел на службу в Императорскую археологическую комиссию. Состоя на этой службе, Забелин предпринял раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии и на Таманском полуострове против Керчи. Результаты этих раскопок, давших множество драгоценных находок, были описаны Забелиным в его капитальном труде «Древности Геродотовой Скифии». Этот труд окончательно упрочил положение И.Е.Забелина как ученого. Его имя было поставлено рядом с самыми выдающимися именами русских ученых. Университет св. Владимира вручил ему звание доктора русской истории; Академия наук избрала его в число своих членов-корреспондентов, а потом и в почетные члены.

В 1883 году И.Е.Забелин занял пост товарища председателя Императорского Исторического музея в Москве. Эту должность он не покидал уже вплоть до самой своей кончины.

Такова удивительная судьба покойного.

Из трудов Забелина наибольшей известностью пользуются его исследования: «Домашний быт русских царей в XVI и XVII веках» и – «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII веках». Эти две книги давно уже стали настольными в обиходе каждого образованного человека. Известностью пользуются также следующие сочинения покойного: «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», «Истрия русской жизни с древнейших времен», «Минин, Пожарский и смутное время», «История и древности Москвы», «Русская личность и русское общество накануне петровской реформы» и многие другие.

После покойного остались еще неоконченные труды, которые выйдут в свет под редакцией его дочери М.И.Забелиной, работавшей вместе с отцом над его «Русской историей».

Кончина И.Е.Забелина вызвала скорбный отклик во всех ученых обществах и среди всех, кто лично знал его.

Государь Император изволил осчастливить дочь почившего И.Е.Забелина Марию Ивановну следующей Всемиловитвейшею телеграммою: «С прискорбием узнал о кончине Ивана Егоровича. Примите искреннее выражение Моего соболезнования в вашем тяжелом горе. НИКОЛАЙ».

Московское городское управление возбудило вопрос об увековечении памяти И.Е.Забелина. Предположено создание капитала на выдачу премий имени И.Е.Забелина за продолжение его работ по истории Москвы.

Памяти И.Е.Забелина (*Воскресный день. – 1910. – № 3. – С. 35–36*)

Умер И.Е.Забелин, имя которого известно не только одним специалистам. Кто не знает его исследований о домашнем быте русских царей и цариц, кто не знаком с его историей Москвы, и какой, наконец, историк может обойтись без его исследований, всегда точных, законченных, любовно написанных?

Замечательна жизнь этого человека, стяжавшего себе славу выдающегося ученого. Родился он в 1820 г., в Твери, но уже в следующем году был перевезен отцом в Москву, и с этого времени никогда не покидал ее. Через шесть лет по приезде сюда отец его скончался, оставив жену и сына без всяких средств к жизни. Долго хлопотала мать И.Е. о том, чтобы поместить мальчика в какое-нибудь учебное заведение и, наконец, добилась того, что ее сына приняли в 1832 году в Преображенское училище, в которое обыкновенно определялись сироты дворян, чиновников, купцов и мещан.

Жизнь в училище была нелегкая; с детьми здесь не церемонились, кормили, чем попало, одевали плохо, а за всякую вину наказывали «телесно». Что касается ученья, то оно проходило в таком размере, чтобы лучшие ученики могли попасть во второй или третий класс гимназии. В 1834 году назначен был новый попечитель училища, Д.М.Львов, который при первом посещении этого учебного заведения пришел в ужас от той картины, которая представилась его глазам. Он увидел не учебное заведение, а приют, наполненный нищенски одетыми и полуголодными детьми. Будучи человеком гуманным, Львов энергично принялся за реорганизацию училища и хотел превратить его в гимназию, которая открывала бы учащимся прямой доступ в университет. Однако его планам не суждено было осуществиться, и детям пришлось озаботиться своей дальнейшей судьбой. И.Е.Забелин, пробыл в школе всего пять лет, определился 12 ноября 1837 года по ходатайству Львова в Оружейную палату канцелярским служителем 2-го разряда. Ивану Егоровичу предстояло заняться перепиской скучных канцелярских бумаг, жить без всяких надежд на лучшее будущее, ибо, – как всегда в таких случаях бывает, – впереди его ждало только медленное повышение по служебной лестнице да ничтожная прибавка к весьма маленькому жалованью канцеляриста.

Но не такова была натура И.Е.Забелина, чтобы он мог удовлетвориться только деятельностью канцеляриста. Судьба благоприятствовала ему в том отношении, что он попал не в какую-нибудь приказную канцелярию, а в московскую Оружейную палату, – в это хранилище памятников русской старины. Пытливый ум семнадцатилетнего юноши сразу заинтересовался этой стариной, и, так как канцелярские обязанности были несложны, то он большую часть времени посвятил изучению этих памятников и чтению старинных рукописей, и пред ним сразу открылся иной мир.

Хотя он читал историю Карамзина и вообще сравнительно хорошо был знаком с русской историей, но в прочитанных им рукописях он нашел многое такое, что было неизвестно не только ему, но и таким присяжным историкам, каким был, например, Карамзин. Не уподобляясь тому ленивому рабу, который закопал свой талант в землю, И.Е.Забелин задался целью, которая ему казалась в то время чрезвычайно смелой, – ознакомить публику с теми новыми историческими данными, которые он добыл в Оружейной палате. В результате получился первый труд нашего маститого историка,

посвященный описанию путешествий русских государей на богомолье в Троице-Сергиевскую лавру.

Труд этот сразу определил научные симпатии Забелина: как в своей первой работе, так и почти во всех остальных он остался историком-бытописателем, задавшимся одной целью – восстановить картину исторического прошлого нашей родины в возможно правдивом виде. Это стремление характерно для всей его научной деятельности, и в области объективного изображения прошлого своей родины нет у него соперников среди русских историков.

И.Е.Забелин сознательно стал на этот путь в ранней молодости, в первых своих трудах, и твердо преследовал намеченную цель всю свою жизнь, утешаясь тем, что он приносит своими трудами несомненную пользу. Характерно в этом отношении следующее признание И.Е.Забелина. «Сознание того, что я делаю прочное дело, – говорит он, что я кладу те неуклюжие, но твердые камни, которые, хотя и будут скрыты глубоко в земле, но составляют основание будущему зданию, – такое только сознание и может двигать человека на упорный, медленный и неблагодарный черновой, первичный труд, настоящая, истинная оценка которого, большей частью лежит в будущем, когда выстроится все здание».

Посвятив себя изучению бытовой стороны русской жизни вообще, И.Е.Забелин излюбил некоторые отдельные стороны ее и занимался ими с особенным рвением. Так, его особенно интересовал домашний быт русский царей и цариц, и описанию его он посвятил два больших тома. Этот труд, вышедший впервые отдельным изданием в 1862 г., обратил всеобщее внимание, как специалистов, так и большой публики.

Но наибольшее внимание уделял наш историк Москве. Этот исключительный интерес к Москве у Забелина не был случайным, – он вытекал из его исторического мирозерцания. Наш историк придавал особенное значение Москве в деле образования русского государства.

«Москва-город, – говорил он, – в русской истории и в русской народной жизни достиг своей всенародной, а затем и всемирной славы великим подвигом и трудом, как неутомимый, дальновидный и заботливый хозяин-строитель русского государства, которое в первые два столетия прямо так и называлось Московским государством, и в этом имени распространило по свету давнюю, но тогда уже забытую славу древнего русского имени».

Постоянная работа над собой, пополнение знаний, самоусовершенствование не прерывались, можно сказать, ни на минуту, и семьдесят лет этой непрерывной работы дали поразительные результаты. Количество исторических трудов И.Е.Забелина чрезвычайно велико, – одни главнейшие труды занимают до 6000 страниц.

Рассказывая о научных занятиях И.Е.Забелина, мы оставили на время изложение внешних фактов из его жизни. Не сложна и не богата его жизнь этими фактами. Труд, неустанный, непрерывный труд – вот характернейшая черта его жизни.

Начав свою чиновничью службу в Оружейной палате, И.Е.Забелин в течение одиннадцати лет исполнял обязанности «канцелярского служителя», получая жалованья по 119 руб. в год. В 1848 г. он занял должность помощника архивариуса, а через двенадцать лет – место архивариуса московской дворцовой конторы. Медленно двигаясь по служебной лестнице, Забелин быстро обогащал родную науку новыми исследованиями, которые обратили внимание ученого мира. В 1859 году он занимает место члена Археологической комиссии и в течение семнадцати лет удачно занимается исследованием курганов. В 1864 году ему особенно посчастливилось; он открыл близ Старой Запорожской Сечи в Чертомлыцком кургане огромное количество скифских древностей, из которых особенно замечательная, обратившая внимание всего ученого мира, ваза с изображением скифов.

С 1872 года И.Е.Забелин принял деятельное участие в учреждении в Москве Исторического музея и много способствовал осуществлению этого важного дела. В апреле

1883 года он назначен был по Высочайшему повелению товарищем председателя этого музея. Недавно И.Е. был произведен за особые заслуги в действительные тайные советники.

Такова была жизнь этого выдающегося человека.

Список рекомендованной литературы о И.Е.Забелине

- Арциховский А.В.* Забелин – археолог // Историоко-археологический сб. – М., 1948. – С. 5–11.
- Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. – М., 1910. – 88 с.
- Забелинские научные чтения. Год 2008. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. – М., 2010. Вып. 182. – 656 с.
- Звягинцев Е.А.* Историограф вешикого города – И.Е.Задешлин (1820–1908) // Иторический жрнал. – 1943. – Кн. 3–4. – С. 61–67
- Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель / Сост. О.Ф.Бойкова. – М., 1988.
- Историк Москвы и русского быта – Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель / Сост. В.Г.Шелудько. – М., 2013. – 44 с.
- Каргаполова Н.А.* Предисловие [Биография И.Е.Забелина] // И.Е.Забелин. Дневники. Записные книжки. – М., 2001. – С. 7–23.
- Катагощина М.В.* Иван Егорович Забелин. – М., 2008. – 23 с.
- Козлов В.Ф., Смирнова А.Г.* Ученый, археолог и великий историк Москвы: К 200-летию со дня рождения Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) // Московский журнал. – 2020. – № 11. – С. 4–19; № 12. – С. 32–49; 2021. С. 48–63
- Муравьев В.Б.* Иван Егорович Забелин (вступительная статья) // *Забелин И.Е.* Черты московской самобытности. – М., 2007. – 512 с.
- Рубинштейн Н.Л.* Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность (1820–1908) // История СССР. – 1965. – №1. – С. 51–74.
- Сахаров А.Н.* Светлый русский ум [Биография И.Е.Забелнна] // *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цуарей в XVI и XVII столетиях. – Кн. 1: Государев двор или дворец. – М., 1990. – 312 с.
- Тарабрин И.М.* Работы И.Е.Забелина по истории Москвы // *Забелин И.Е.* История города Москвы. Неизданные труды. – М., 2003. – С. 20–28.
- Формозов А.А.* Историк Москвы и Русского быта И.Е.Забелин // Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель / Сост. О.Ф.Бойкова. – М. 1988. – С. 8-19.
- Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин / Предис. С.О.Шмидт.– М., 1984 – 239 с.
- Юхименко Е.М.* Первый, Российский, Исторический. – М., 2008. – 232 с.

Список сокращений

авт. – авторы

АЕ – «Археографический ежегодник»

АН – Академия наук

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГМЗ – государственный музей-заповедник

губ. – губерния

Д. – дело (архивное)

ИАК – Императорская Археологическая комиссия

КМИ – Константиновский Межевой институт

Л. – лист (архивный)

МАИ – Московский Археологический институт

МамЮ – Московский архив министерства юстиции

МАО – Московское Археологическое общество

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений

НИИ – научно-исследовательский институт

нрзб. – неразборчиво

ОИДР – Общество истории и древностей Российских

Оп. – опись (архивная)

ОПИ – Отел письменных источников

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Публ. – публикация

РАО – Русское Археологическое общество

РИМ – Российский Исторический музей

РУДН – Российский университет дружбы народов

РФ – Российская Федерация

СПб. – Санкт-Петербург

ТвГУ – Тверской государственный университет

Ф. – фонд (архивный)

ЦГА – Центральный государственный архив

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
 ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ	
 ОБ И.Е.ЗАБЕЛИИ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ	
 ЕГО ЖИЗНИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ	8
 ГЛАВА 2. СЕМЬЯ ЗАБЕЛИНЫХ.....	
 Отец Егор Степанович	48
 Мать Авдотья Федоровна.....	51
 Брат Петр Егорович.....	53
 ГЛАВА 3. МОСКОВСКОЕ ДЕТСТВО И.Е.ЗАБЕЛИНА	
ГЛАВА 4. В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ СИРОТСКОМ	
 УЧИЛИЩЕ	73
 ГЛАВА 5. СЛУЖБА В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ	
 МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И В ДВОРЦОВОМ	
 ВЕДОМСТВЕ. СТАНОВЛЕНИЕ И.Е.ЗАБЕЛИНА	
 КАК ИСТОРИКА МОСКВЫ	94
 ГЛАВА 6. СЕМЬЯ И.Е.ЗАБЕЛИНА	
 Жена Мария Петровна (урожд. Андропова)	148
 Дочь Анастасия Ивановна	154
 Дочь Мария Ивановна	156

ГЛАВА 7. И.Е.ЗАБЕЛИН И ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ	161
ГЛАВА 8. И.Е.ЗАБЕЛИН – ЧЛЕН МОСКОВСКИХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ. РАБОТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ	184
В Обществе истории и древностей российских	188
И.Е.Забелин – член Московского Археологического общества	202
Деятельность И.Е.Забелина в Комиссии МАО по сохранению древних памятников	244
ГЛАВА 9. ВО ГЛАВЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ	260
ГЛАВА 10. В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ. ПАТРИАРХ МОСКВОВЕДЕНИЯ	283
ГЛАВА 11. ОСЕНЬ ПАТРИАРХА МОСКВОВЕДЕНИЯ. ПОСЛЕДНИЕ ТРУДЫ. ЮБИЛЕИ	305
ГЛАВА 12. КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ И.Е.ЗАБЕЛИНА	327
ГЛАВА 13. И.Е.ЗАБЕЛИН КАК РУССКИЙ ТИП И КАК ПАТРИОТ МОСКВЫ И РОССИИ	335
ГЛАВА 14. ПАМЯТЬ ОБ И.Е.ЗАБЕЛИНЕ	344
Мемориальные мероприятия в связи с кончиной И.Е.Забелина	344

Мария Ивановна Забелина – верная помощница и хранительница памяти отца	347
Судьба забелинского наследия после 1917 г.	360
Послесловие. Заветы Забелина	368
Иван Егорович Забелин – историк, археолог, историограф Москвы и общественный деятель (иллюстрации)	372
Приложения	405
<i>Приложение 1. Список основных москвоведческих работ и публикаций И.Е.Забелина</i>	<i>405</i>
<i>Приложение 2. Биографические материалы И.Е.Забелина</i>	<i>407</i>
И.Е.Забелин [Автобиография]	407
Заветы Ивана Егоровича Забелина [Духовное завещание].....	413
<i>Приложение 3. Из научного наследия И.Е.Забелина: исследовательские материалы и речи, произнесенные в заседаниях научных обществ</i>	<i>416</i>
<i>Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? Выступление И.Е.Забелина на Третьем Археологическом съезде. Киев, 1874 г.....</i>	<i>416</i>
<i>Забелин И.Е. Предполагаемые задачи предпринятого по решению Московской городской думы историко-археологического и статистического описания города Москвы [Извлечение].....</i>	<i>427</i>
Первый русский книгопечатник. Иван Федоров. Заключительное слово, читанное И.Е.Забелиным в публичном заседании Исторического и Археологического Обществ 4 декабря 1883 г.	432
Речь об общественном значении ученых трудов графа Алексея Сергеевича Уварова, прочитанная Председателем Императорского Общества истории и древностей Российских И.Е.Забелиным в соединенном заседании Ученых Обществ 28 февраля 1885 года, назначенном Императорским Московским археологическим обществом для чествования памяти своего покойного Председателя	436
<i>Приложение 4. [Рецензия на книгу] «Материалы для истории, археологии и статистики Москвы. Собраны и изданы руководством и трудами Ивана Забелина». Часть I. Издание Московской городской думы. М. 1884 г.</i>	<i>446</i>
<i>Приложение 5. Материалы юбилеев ученой деятельности И.Е.Забелина.....</i>	<i>450</i>

<i>Стромилов. Археологическим и историческим в России обществам и учреждениям.....</i>	450
<i>Один из его учеников. Иван Егорович Забелин как учитель истории</i>	451
<i>Поздравления, адреса, приветствия И.Е.Забелину в связи с юбилеями 1892 и 1907 гг. [Извлечение]</i>	453
<i>Приложение 6. Публикации в связи с кончиной И.Е.Забелина.....</i>	460
<i>Речь Е.В.Барсова [памяти бывшего председателя Общества истории и древностей Российских]</i>	460
<i>И.Е.Забелин</i>	462
<i>Памяти И.Е.Забелина</i>	464
Список рекомендованной литературы об И.Е.Забелине	467
Список сокращений	468

Козлов В.Ф., Смирнова А.Г.

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН (1820–1908) И МОСКВА

Редактор: *А.Г.Смирнова*

Корректор: *К.А.Смирнова*

Макет, оформление, подбор иллюстраций:

В.Ф.Козлов, А.Г.Смирнова

Компьютерная верстка: *В.В.Брызгалова*

На первой стороне: Репродукция картины А.М.Васнецова «Всехсвятский Каменный мост, конец XVII века»; И.Е.Забелин во Владимирском зале Исторического музея. Фотография 1890-х гг.; Исторический музей на Красной площади. Фотография 1880-х гг.

На титуле: И.Е.Забелин. Фотография из книги: Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). – Т. II. – М., 1915.